

1854

ТЕАТРЪ
МУЗЫКА
ЛИТЕРАТУРА
ЖИВОПИСЬ

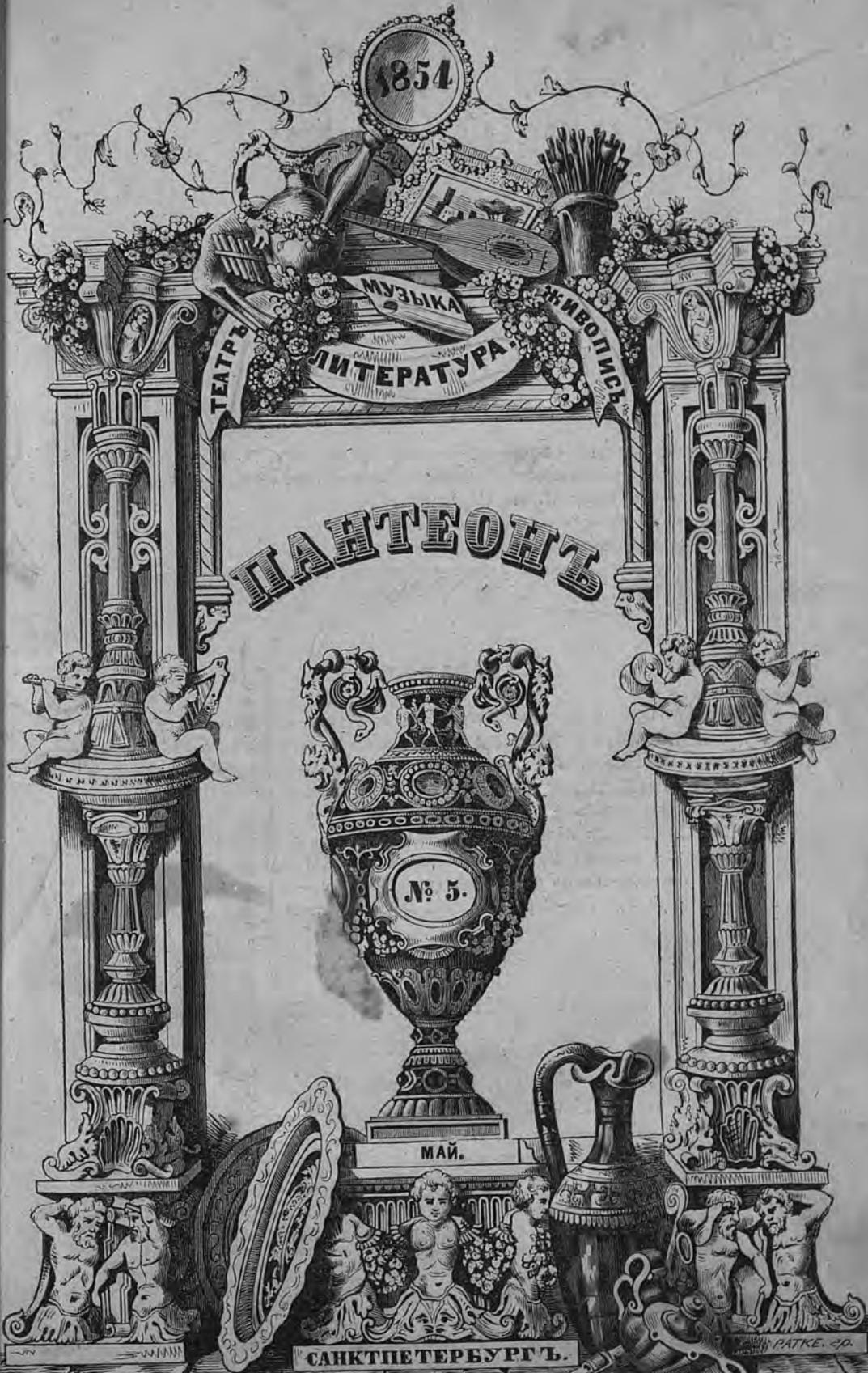
ПАНТЕОНЪ

№ 5.

МАЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

РАТКЕ. ДР.

СОДЕРЖАНІЕ ПЯТОЙ КНИЖКИ:

I.

ТРИ ЖЕНСКІЯ ЖИЗНИ. Романъ Ад. А. Тальцевой. Часть первая.
АФРИКАНСКІЯ ПЛѢННИЦЫ.

II. ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ ИС-ВА

БЕЛЛИНИ. Его дѣятельность и значеніе. А. Слрова.

III. СМЕСЬ

1. Ловецкіе рассказы о Каспійскомъ рыболовствѣ. П. И. Небольсина.
2. Бѣлорусія въ характерическихъ описаніяхъ и фантастическихъ повѣрьяхъ. Статья П. М. Шпилевскаго.
3. Кораловый браслетъ. Повѣсть Анедеа Ашара.
4. Антонина. Рассказъ съ береговъ Ла-Платы.
5. Пржежня и нынѣшняя Турція, историческій взглядъ на Константинополь.

IV.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Образцы финскихъ сказокъ. *Дитя въ бочкѣ.* — *Дьвушка въ гороховомъ полѣ.* **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Эдмондъ Кингъ и мистрисъ Сиддонсъ. (*Статья вторая*). Нѣсколько словъ о драматическихъ поговоркахъ. — Драматическій Некрополь. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Языкъ и философія негровъ Одши. — Старость, ея удовольствія и лишенія. **МЕЛКІЕ РАССКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Землетрясеніе. — Понавлыя болѣзни и несчастные случаи. — Вновь предположенныя желѣзныя дороги. — Денди. — Мать и дочь (*сюжетъ для водевилла*). — Сынъ изъ Америки. — Скачка въ большомъ циркѣ Калгузы. — Послѣдній судебный поединокъ во Франціи. — Коренка въ 1848 году. — Записки путешественника.

V.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I. ЛИТЕРАТУРА.

1. ЖУРНАЛИСТИКА.

Апрѣльская книга Современника. — Г. Станицкій и его литературная дѣятельность. — Какъ иногда легко сдѣлаться писателемъ. — Легкая литература. — Легкость современныхъ стиховъ и прозы. — Беллетристы съ претензіями. — Содержаніе и цѣль *Мелочей жизни*. — Лица и характеры этого романа. — Чѣмъ оправдывается его названіе. — Пропускъ одной части. — Слогъ, остроуміе и поэзія г. Станицкаго. — Стихотворенія. — Переводъ г. Гербеля *Раздѣла земли*. — Старый переводъ этого стихотворенія. — *Весен-*

нѣй бредъ г. Майкова. — Ложная идея этихъ стиховъ. — Графъ Толстой и его стихотворенія. — *Умиренность*. — Седьмая и двадцать четвертая книга Москвитянина. — Переводъ послѣднихъ пѣсенъ Дантова-Ада. — Стихъ г. Мина. — Современные стихи г. Гурланде, написанные четырнадцать лѣтъ тому назадъ г. В. зотовымъ.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

Польскія книги изданныя въ С. Петербургѣ. **ВОЙНА СЪ ЖЕНЩИНОЙ** комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, соч. *Юсифа Корженевскаго*. — **НАСЛѢДСТВО И ТРУДЪ**, повѣсть *Іозефы Смигельской*. — **СЕМЕЙСТВО ВЪ ГОСТИНОЙ**. Повѣсть *Юсифа Дзържковскаго*. — **ФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ ЖЕНЩИНЫ**. Соч. *В. Дерикера*.

II. ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Открытіе загородныхъ увеселеній. — Первое мая въ Екатеринбургѣ. — Рейсы паракодовъ петербургской пристани на кронштадтскій рейдъ. — Оригинальное опасеніе русскихъ моряковъ. — Неустрашимая русская барышня. — Стихотворное приглашеніе сэру Непиру. — Два анекдота о нашихъ морякахъ. — Войнолюбивый мальчикъ. — Приказъ адмирала Рикорда. — Биржевой скверъ и Лѣтній садъ. — Новый Биржевой мостъ. — Поездки на Елагинъ островъ. — Открытіе часовни на Благовѣщенскомъ мосту. — Храмовый праздникъ въ Колпинѣ. — Англійскіе и турецкіе флаги въ Петербургѣ. — Замѣчательная выставка вещей лотереи Дѣтскихъ приютовъ. — Дачныя эмиграціи и новый характеръ простонародныхъ загородныхъ представленій. — Музыкальные вечера на Минеральныхъ водахъ. — Воздушное путешествіе Регенти. — Пароходы по Волгѣ. — Натуральные минеральныя воды въ Калужской губерніи. — Уральскія изумрудныя копи и ихъ окрестности. — Театральныя новости. — Некрологъ г. Смирнова. — Военная пѣсня князя Горчакова. — Новая картина. — Русскій Художественный Листокъ. — Новая карты и брошюры о Турціи. — Золотая стерлядь. — Петербургскіе наряды.

VI.

РЕПЕРТУАРЪ РУССКОЙ СЦЕНЫ. № 5.

ВСЕ ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ, ИЛИ ИЗЪ ОГНЯ, ДА ВЪ ПОЛЫМЯ Водевиль въ одномъ дѣйствіи, переведенный съ французскаго. *К. Тарновскимъ*.

ПРИЛОЖЕНІЯ: *ОТСУТСТВУЮТЪ.*

1. Портретъ беллетриста **Д. В. ГРИГОРОВИЧА** *.

2. Портретъ поэта **НИКОЛАЯ ЩЕРБИНЫ**.

3. Музыка: **I. БАРКАРОЛА**, для форте-пьяно, соч. *А. Горія*.

II. ГРЕЧЕСКАЯ НОЧЬ, мелодія, слова *П. Щербины*, муз.

Л. П. Косицкой **.

* Портретъ этотъ не поспѣлъ къ № 4 потому-что во время печатанія лопнулъ камень.

** Никулина-Косицкая извѣстная артистка Московскаго театра.

10, 5. 30

ПАНТЕОНЪ

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

ФЕДОРОМЪ КОНИ.

ТОМЪ XV.

❖ МАЙ. — КНИЖКА ПЯТАЯ. ❖

1854.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

кн. 10451.
78257.
7069

ПАНТЕОНЪ

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ гѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Юня 1-го 1854 года.

Ценсоръ *Ю. Шидловскій.*

Handwritten notes and signatures on the right side of the page.

ТИПОГРАФІЯ ЭДУАРДА ВЕЙМАРА.

I.

ТРИ ЖЕНСКІЯ ЖИЗНИ.

Романъ. Ад. А. Тальцевой.

Часть первая.

ГЛАВА I.

1.

Я не стану описывать вамъ подробно усадьбу Юрія Николаевича Вельскаго, потому что страхъ боюсь подробныхъ описаній. Скажу только, что это прекрасное село принадлежало къ числу тѣхъ старинныхъ помѣстьевъ, которымъ наши дѣды умѣли придавать вслѣдственный и почтенный видъ, воздвигая большіе дома, окружая ихъ обширными, тѣнистыми садами, оранжереями и такъ далѣе.

Изысканная роскошь и изящныя мелочи, принадлежности нашего вѣка, соединились въ Орлиновѣ съ прочною и не всегда изящною пышностью старины, съ тѣхъ поръ, какъ эта богатая усадьба перешла по наслѣдству во владѣніе молодаго Вельскаго. Нельзя сказать, чтобъ Юрій питалъ особенную привязанность къ Орлинову, гдѣ протекли первые годы его дѣтства и гдѣ жилъ почти безвыѣздно его покойный отецъ; но онъ считалъ долгомъ посѣщать изрѣдка родовое, старинное помѣстье, украшать роскошью барскій каменный домъ и большой превосходный садъ, къ которому примкнулъ теперь англійскій паркъ, разбитый съ большимъ вкусомъ. Юрій скучая въ деревнѣ, хотя изъ тще-

славія находилъ нѣкоторое удовольствіе заниматься своимъ помѣстьемъ, любоваться на просторные покои, украшенные дѣдовскими портретами, и красотою своего обширнаго владѣнія.

Вельскій съ молодю гордился званіемъ богатаго дворянина и считалъ стыдомъ продать или заложить свое имѣніе. Гордый и самолюбивый, онъ былъ великодушенъ съ расчетомъ и также изъ одного тщеславія, по убѣжденію, что помѣщикъ Орлинова долженъ быть извѣстенъ своею щедростію; словомъ Юрій ничѣмъ не походилъ на тѣхъ молодыхъ людей нынѣшняго вѣка, которые съ такимъ легкомысліемъ проматываютъ состояніе.

Будучи одаренъ твердымъ характеромъ, молодой Вельскій, посреди шума и увлеченій столичнаго общества вель самый благородный образъ жизни, не проживалъ своего дохода, никому не былъ долженъ и никому не давалъ въ долгъ, и между тѣмъ въ немъ не было ни малѣйшаго слѣда скупости. Юрій никогда не забывалъ, что онъ, по званію своему, богатый дворянинъ; его домъ былъ отлично отдѣланъ, пріятелей угощалъ онъ рѣдко, но превосходными обѣдами. Юрій любилъ роскошь не для роскоши, а какъ обязанность столбоваго дворянина, и пышность его была основана на расчетѣ: она шла у него объ-руку съ благородіемъ.

Юрій жилъ постоянно въ Москвѣ и занималъ тамъ довольно значительную должность. Онъ былъ еще молодъ, когда въ головѣ его возникла въ первый разъ мысль о женитьбѣ, и тогда уже составилъ онъ себѣ идеалъ той, которая со временемъ будетъ носить его имя. «Моя жена, думалъ онъ, будетъ прекрасна какъ майское утро, величественна какъ пальма, недоступна какъ звѣзда небесная, горда, серіозна и строга; мою жену окружу я роскошью; моя жена будетъ сіять въ свѣтѣ красотою и богатствомъ, и каждый разъ какъ появится въ обществѣ, она затмитъ всѣхъ женщинъ и будетъ между ними царицею. Она поддержитъ честь моего дома и моего имени. Между нами будетъ всегда царствовать согласіе, потому что она должна во всемъ соглашаться со мною... (Замѣтьте это мудрое умозаключеніе). Я не гонюсь за богатствомъ, я хочу только, чтобъ жена моя была хорошаго происхожденія и покорнаго нрава... покорнаго одному мнѣ—но гордаго въ отношеніи къ другимъ! Онъ не хотѣлъ видѣть въ женѣ ни умнаго и вѣрнаго друга, способнаго дѣлить судьбу, заботы, бѣды и радости жизни, ни заботливой матери, заключающей счастье свое въ тѣсномъ семейномъ кругу, ни любимаго существа, вступившаго подъ защиту супружеской любви,

ни даже кроткой, преданной подруги; всегда готовой преклонить волю свою предъ волею мужа, безъ раболѣпства, но съ покорностью; нѣтъ, жену считалъ онъ такою же необходимостью для поддержанія блеска своего рода, какъ и богатство; о любви онъ не думалъ, или лучше сказать, онъ не понималъ отчего ему не любить женщины, которая удостоится чести носить его имя; и какой еще другой любви искать?..

Но, увы, Юрій Николаевичъ! Когда въ вашемъ умѣ вы составляли всѣ эти планы, когда сердце ваше, ни разу не испытывшее увлеченій страсти, съ такою холодною расчетливостью предназначивало будущій выборъ, вы забыли одно, вы забыли, что вамъ было только двадцать пять лѣтъ; вы не воображали, что ваше благоразуміе, ваша твердость и хладнокровіе могутъ сокрушиться предъ очарованіемъ бѣлокурой головки и лукавыхъ голубыхъ глазъ, предъ ласковою улыбкой маленькихъ пунцовыхъ губокъ!..

2.

Вельскій пріѣхалъ однажды въ Петербургъ повидаться съ дядей. Это было лѣтомъ. Дядя жилъ на островахъ, а сосѣднюю дачу нанимали почтенный старичокъ и почтенная старушка. Почтенный старичокъ цѣлый день игралъ въ карты, а почтенная старушка цѣлый день читала Полицейскія Вѣдомости; а у этой почтенной четы была племянница, а у этой племянницы была очень строгая гувернантка, которая всѣхъ окружающихъ подозрѣвала въ сильной и дерзкой къ ней страсти, и со всею важностью оскорбленной добродѣтели отпускала имъ чрезвычайно достойныя и суровыя фразы, приводившія въ крайнее удивленіе мнимыхъ обожателей. Племянница... что вамъ сказать о племянницѣ? спросите объ ней у Юрія, онъ расскажетъ вамъ, какъ ослѣпительна была ея нѣжная, почти дѣтская красота, сколько нѣги было во всѣхъ движеніяхъ, какъ сладко звучалъ прелестный голосъ, какъ остроумень и забавень былъ разговоръ, сколько было въ немъ огня, ума, прелести и простоты!

И такъ, пока старичокъ игралъ въ карты, старушка читала вѣдомости, а гувернантка изобрѣтала суровыя фразы для назиданія дерзкихъ поклонниковъ, наша молодая дѣвушка нашла себѣ также занятіе—сводитъ съ ума молодыхъ людей.

Сначала Юрій, невольно познакомившійся съ сосѣдями, смо-

трѣль на нее съ улыбкою восхищенія, но съ нѣкоторымъ предубѣжденіемъ, осуждая ея склонность къ кокетству; потомъ сталъ снисходительно судить о легкомыслии, или, если угодно, рѣзвести ребенка, потомъ... потомъ... право, трудно сказать, какъ это произошло, но кончилось тѣмъ, что идеаль жены, величественной какъ пальма, недоступной какъ звѣзды, покорной какъ турецкая раба, холодной какъ симетрія исчезъ изъ ума, и Юрій, бѣдный Юрій влюбился въ дѣвушку, рѣзвую какъ ребенокъ, лукавую какъ Амуръ, граціозную какъ фея и веселенькую какъ Божія птичка...

Скоро сказка сказывается, долго дѣло дѣлается; не вдругъ дошелъ гордый владѣлецъ Орлинова до полного признанія своего несчастія,—какъ онъ называлъ свою любовь,—не вдругъ уступило непреклонное благоразуміе безумной привязанности; нѣтъ, онъ долго боролся съ нею, долго употреблялъ всѣ силы души, чтобы побѣдить страсть. Часто старался онъ увѣрить себя, что не любитъ молодой сосѣдки своей, но сердце его билось сильно, сильно, когда ея робкая и ласковая улыбка, внезапное и непривычное смущеніе, увлажненные и прекрасные глаза, стыдливая краска, выступавшая вдругъ на щекахъ, открывала ему тайну ея ребяческаго сердца. Онъ видѣлъ въ ней перемѣну, замѣчалъ отсутствіе прежняго кокетства, понималъ отчего иногда улыбка исчезала вдругъ съ оживленнаго личика, отчего смѣхъ раздавался рѣже и рѣже между кустами сирени и акацій, окружающихъ ея лѣтнее жилище, отчего головка склонялась иногда такъ задумчиво, и разсѣянный взоръ искалъ чего-то, ждалъ кого-то, устремляясь вдаль. Любовь, это лукавое дитя, какъ представляло его живое и поэтическое воображеніе древнихъ, совершила здѣсь два чуда: Юрій, гордый и холодный Юрій, предался со всею горячностью юношеской души неиспытанному до тѣхъ поръ чувству, а рѣзвая Вѣра, пренебрегающая, съ надменнымъ равнодушіемъ кокетки, привязанностью поклонниковъ, забыла на время шалости, веселье, смѣхъ, кокетство и съ боязливою, робкою любовію привязалась къ молодому человѣку, плѣнившему ея воображеніе своею гордою, красивою и благородною наружностью.

И вотъ настали для нихъ минуты тихихъ разговоровъ, недосказанныхъ словъ, смущенныхъ взглядовъ, минуты необъяснимой грусти, въ которой такъ много радости, и необъяснимой радости, въ которой такъ много грусти. Настали бѣглыя прощанья въ маленькомъ палисадникѣ, гдѣ окружала ихъ свѣтлая

тишина сѣверной лѣтней ночи, и на прощанье, второпяхъ сказанныя слова, и всѣ эти вздоры, всѣ эти пустяки, всѣ эти минутныя бѣглыя радости ребяческой любви, надъ которыми смѣются, когда настаетъ пора благоразумія, и которыми наслаждаются съ такимъ сладостнымъ волненіемъ въ невозвратное время первой молодости и первой любви.

— Неужели я рѣшусь на этотъ выборъ, который противорѣчитъ моему образу мыслей? Неужели я пожертвую моими правилами этой безумной страсти? Подобные вопросы предлагалъ себѣ Юрій очень часто въ отсутствіи Вѣры; но когда онъ былъ съ нею, когда ласкающій взоръ дѣвушки устремлялся на него, когда въ любимомъ голосѣ невольно прокрадывалось робкое выраженіе нѣжности, полной грусти и волненія, Юрій задавалъ себѣ другіе вопросы: «Неужели, говорилъ онъ, пожертвую я своимъ и ея счастьемъ, своею и ея любовью побочнымъ видамъ? Я до-сихъ-поръ не понималъ значенія чувства, смысла истинной любви! Неужели изъ упрямства оттолкну отъ себя счастье?»

Бѣдный Юрій! онъ уже не сомнѣвался, что въ любви къ Вѣрѣ заключалось его счастье! Лучше бы спросилъ онъ себя, можно-ли назвать истинною любовію ту, которая не основана на уваженіи, а внушена юношескимъ увлеченіемъ, граціей, красотою и самолюбіемъ, потому что тщеславный Юрій невольно гордился предпочтеніемъ, оказаннымъ ему предъ цѣлою толпою поклонниковъ. Онъ считалъ Вѣру исправленною; и въ самомъ дѣлѣ, Вѣра не лицемерила: она дѣйствительно перемѣнилась, въ ней не было теперь и тѣни кокетства. Робкая, искренняя привязанность заговорила въ ея сердцѣ. Но можно-ли полагаться на исправленіе, которое было слѣдствіемъ не душевнаго убѣжденія, а вліянія первой любви?.. Вѣра не кокетничала, не потому что считала кокетство порокомъ, а потому что оно не забавляло ее болѣе, ей было не до того; новое чувство вдругъ завладѣло всѣмъ ея существомъ, и все что въ этомъ чувствѣ проявлялось мечтательнаго, сладкаго и тревожнаго, плѣняло ея молодую душу своею новизною.

Какъ бы то ни было, но зимою, въ томъ же году, по московской дорогѣ, въ красивомъ дорожномъ экипажѣ ѣхалъ Юрій съ счастливою молодою женщиной, которая болтала безъ умолку, болтала безпечно, какъ веселый ребенокъ, и всею душой предавалась счастью настоящей минуты. Юрій слушалъ ее, и серьезное, благородное лицо его прояснялось улыбкой, строгій взоръ смягчался выраженіемъ любви и нѣжности. «Это милое созданіе.

это обворожительное дитя принадлежит мнѣ!» думалъ Юрій, съ гордостью глядя на улыбающееся личико Вѣры: «Я люблю ее всѣми силами души, люблю какъ никого и ничего не любилъ еще въ жизни, и она моя!.. И я могъ колебаться? Я боялся любить ее, боялся взять этого ребенка подъ свое покровительство, быть ему путеводителемъ, другомъ, защитникомъ!.. О непостоянство людское!.. Юрій улыбнулся, вспомнивъ свой великолѣпный идеалъ величественной супруги и, съ нѣжностью взявъ крошечную ручку жены, прижалъ ее къ губамъ, и сердце его было полно тревожнаго и сладкаго счастья. А Вѣра? она не могла еще привыкнуть къ мысли, что гордый, холодный Юрій любитъ ее, что онъ ея мужъ. «Онъ будетъ меня баловать и тѣшить, думала она: какъ мы счастливы! Какъ намъ будетъ весело! Жизнь такъ хороша, свѣтъ такъ очарователенъ! Мы такъ молоды; все, все общаетъ намъ долгіе дни блаженства! И въ душу ея ни разу не западали болѣе важныя чувства, болѣе серьезная надежда, и въ умъ ея ни разу не возникалъ вопросъ: въ состояннн ли она составить счастье своего мужа? Она любила и была увѣрена, что этого довольно для прочнаго основанія супружескаго согласія.

И какъ могла она въ томъ сомнѣваться? Въ свѣтъ слышала она часто, что для счастья необходимо богатство—они были богаты; въ романахъ читала она, что для счастья нужна любовь—они любили другъ друга. Говорили также, что для счастья требуется доброта—она знала, что и Юрій и она не въ состояннн сдѣлать зла, что всѣ признавали въ ней *удивительно доброе сердце!*.. А съ добрымъ сердцемъ, съ любовью и съ богатствомъ развѣ можно быть несчастливымъ?..

Увидимъ, что скажетъ намъ на это будущность Юрія и Вѣры, которые появятся скоро въ Орлиновомъ, въ ихъ прекрасной родовой усадьбѣ. Они рѣшили провести тамъ свои медовые мѣсяцы.

ГЛАВА II.

I.

На правомъ берегу Павлиновки, небольшой но живописной рѣчки, расположено село Нагорное, принадлежащее Степану Петровичу Заливину. Деревянный домъ, обитый тесомъ, выкрашен-

ный строем краской, резко отдѣляется отъ зелени деревъ. По скло-ну горы красивыми группами возвышаются липовыя рощи; между ними желтѣютъ дорожки, которыя ведутъ къ лугу, разостлан-ному у подошвы горы. Павлиновка ласкаетъ струями своими край этой маленькой долины и отражаетъ темную зелень ивы и ольхи, склоняющихся къ ней гибкія вѣтви.

Лѣвый берегъ чрезвычайно крутъ и покрытъ густымъ лѣ-сомъ.

Не видно ни тропинки, ни взрытой сохою почвы, ни душиста-го стога сѣна. Необыкновенная крутизна этого оврага спасла жи-вописныя деревья отъ прикосновенія топора. Вообще лѣвый бе-регъ отличается красотой строгой и величественной. На немъ не замѣтно слѣдовъ присутствія человѣка; частый лѣсъ глухъ, мра-ченъ; все здѣсь дико, почти сурово. Но правый берегъ, отлогій и улыбающійся, представляетъ совсѣмъ другой видъ: мѣстами по-крытъ жатвой, мѣстами выдается въ рѣчку, образуя красивые мы-сы, на которыхъ возвышаются душистые скирды.

Возлѣ Нагорнаго берегъ этотъ, какъ сказано, покрытъ роща-ми, испещренъ дорожками и украшенъ клумбами цвѣтовъ.

На верху горы стоитъ хорошенькій домъ, утопающій въ куст-ахъ акацій, сирени, жимолости и шиповника. Вдали видна коло-кольня приходской церкви.

Владѣтель этого прелестнаго мѣста проводитъ въ немъ лѣтніе мѣсяцы, а остальное время живетъ въ большой богатой усадьбѣ, Рамнинскомъ, находящейся въ восьмидесяти верстахъ отъ Нагор-наго, которое онъ любитъ, какъ любимъ мы милостиваго, нѣжно взлелѣяннаго ребенка, какъ любимъ мы полугрустную, полувесе-лую мелодію, слышанную въ дѣтствѣ, какъ любимъ мы свѣжее и отрадное воспоминаніе юности, съ его цвѣтущими, живыми впе-чатлѣніями.—Когда Степанъ Петровичъ былъ ребенкомъ, въ усадь-бѣ находились только скотный дворъ, маленькій флигель, да нѣ-сколько избъ для помѣщенія скотниковъ.

Отецъ Заливина посѣщалъ ежегодно этотъ приселокъ, во вре-мя сѣнокоса, и почти всегда бралъ съ собою сына, который не зналъ высшаго удовольствія, какъ поѣздки въ Нагорное. Здѣсь, избавленный отъ присмотра гувернера, могъ онъ досыта бѣгать по полямъ и лугамъ, лазить по деревьямъ, взбираться по круто-му берегу, сквозь чащу непроходимаго лѣса, повисшаго надъ шу-мящею Павлиновкой. Часто задумывался онъ, прильнувъ къ стволу прибрежной ивы, склоняя кудрявую голову къ прозрачнымъ стру-

ямъ, прислушиваясь къ ихъ шепоту и заслоняясь густолиственными вѣтвями отъ палящихъ лучей солнца.

Юноша не измѣнилъ мечтательной привязанности ребенка къ живописному уголку. Студентомъ пріѣзжалъ онъ на каникулы въ Рамнинское, и часто, очень часто посѣщалъ любимый приселокъ, бродилъ съ ружьемъ вдоль извилистой рѣки, высматривая дикихъ утокъ, спалъ въ сѣновалѣ на свѣжемъ сѣнѣ и мечталъ подъ тѣнистыми березами Нагорнаго, мечталъ со всѣмъ поэтическимъ жаромъ, со всею искреннею восторженностью девятнадцати-лѣтняго воображенія и горячаго сердца.

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Степанъ Петровичъ успѣлъ уже и жениться, и овдовѣть: теперь ему сорокъ лѣтъ.

Неисчерпаемая доброта прекрасной, возвышенной и твердой души, теплота чувствъ и свѣтлый умъ выражаются въ благородныхъ чертахъ его. Священнымъ долгомъ считаетъ онъ заботиться о счастіи и благосостояніи крестьянъ своихъ, и все стремленія его сердца направлены къ этой цѣли.

Его тихое и уединенное существованіе, посвященное добру и серьезнымъ занятіямъ, его благородный характеръ, соединяющій теплоту чувствъ съ безмятежностью старости, все это заключено въ романтической рамкѣ Нагорнаго, посреди тѣнистыхъ рощъ, тѣсныхъ долинъ, каменистой Павлиновки, въ которой отражаются живописные берега съ безмолвнымъ лѣсомъ, съ веселымъ домикомъ, выглядывающимъ сквозь зеленые кусты и освѣщеннымъ лучами юльскаго солнца. Перенесемъ верстъ за двадцать отъ Нагорнаго, отъ Павлиновки, отъ Степана Петровича въ шумное, веселое, многолюдное общество, составляющее рѣзкую противоположность съ поэтическою тишиною живописнаго и уединеннаго Нагорнаго...

Вотъ мы и очутились въ Осиновкѣ, усадьбѣ отставнаго полковника Грузина, и находимъ въ столовой семейство его, ожидающее обѣда или, лучше сказать, возвращенія полковника съ обычной прогулки.

Войдя въ комнату, мы до такой степени поражены говоромъ, смѣхомъ, визгомъ, которые въ ней раздаются, что, оглушенные, испуганные, останавливаемся на порогѣ и, только понемногу привыкая къ этому шуму, начинаемъ разсматривать окружающія насъ лица.

Вотъ стоитъ у окна Настасья Федоровна, жена хозяина дома; а вотъ замужня 29-ти-лѣтняя дочь ея сидитъ на диванѣ съ ребенкомъ на колѣняхъ. Вѣроятно съ цѣлью забавить бѣднаго маль-

чика, поетъ она ему одну изъ тѣхъ нелѣпныхъ, но сладкихъ намъ пѣсень, которыми питають наше дѣтство. По комнатѣ прохаживается Тишевинъ, мужъ молодой женщины, и въ разсѣянности повторяетъ машинально слова остроумной пѣсенки, поглядывая изрѣдка на улыбающагося ребенка. У другаго окна сидитъ двадцатидвухъ-лѣтній молодой человѣкъ, и въ ожиданіи обѣда докуриваетъ папирску. Это сынъ полковника. Кромѣ этихъ лицъ въ комнатѣ цѣлый батальонъ ребятъ разныхъ возрастовъ. Тутъ и Танечка, и Маничка, и Ваничка, и Соничка, и Тимоничка, и все это бѣгаетъ, прыгаетъ, шумитъ, хохочетъ, а иногда дерется, царапается и кричитъ, вѣроятно для разнообразія. Да, порядочной семейкой наградила судьба почтенныхъ супруговъ, но это имъ не въ тягость. Состояніе у нихъ хорошее, старшая дочь замужемъ, сынъ уже на службѣ, а остальной мелкій народъ выжидаетъ времени опредѣленія въ учебныя заведенія и пользуется покуда домашнимъ воспитаніемъ. Воспитаніе это немудреное: маменька балуетъ, папенька прикрикиваетъ, приходскій священникъ учитъ грамотѣ, нянюшка кормитъ слобными булочками, а дворовые мальчишки помогаютъ играть въ лошадки, отыскивать гнѣзда и ломать заборы.

Александръ, такъ зовутъ старшаго сына Грузиныхъ, провелъ такимъ же образомъ дѣтскіе годы, но поступивъ въ гимназію, откуда перешелъ въ университетъ, подстрекаемый самолюбіемъ и желаніемъ не уступить товарищамъ, пріохотился къ наукамъ, потомъ полюбилъ ихъ страстно и занялся книжною мудростью съ жаромъ, свойственнымъ пылкой, молодой душѣ. Товарищи любили Александра за веселый нравъ, за благородство чувствъ. Одушевленное лицо молодаго человѣка выражало и беззаботность вѣтреника, и восторженность философа.

Однако хозяинъ дома вошелъ въ комнату, и вмгъ все утихло. Малютку унесли, шалуны замолкли; на столъ поставили супъ, и всѣ, поздоровавшись съ полковникомъ, собирались занять вокругъ стола обычныя мѣста.

Семень Сергѣевичъ Грузинъ, пятидесяти-лѣтній мужчина, большаго роста и атлетическаго сложенія, обладалъ огромными усами, громогласнымъ органомъ и нестерпимо запальчивымъ нравомъ. Его чрезвычайно уважали въ сосѣдствѣ, по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ былъ богатъ; во-вторыхъ имѣлъ даръ внушать къ себѣ страхъ, и, наконецъ славился гостепріимствомъ, кормилъ отличными обѣдами и поилъ дорогими винами, которые заслужили ему названіе *хлѣбосола*.

Настасья Федоровна, примѣнившись къ его нраву, никогда и ни въ чемъ ему не противорѣчила, слѣдственно дѣлала все по своему, по обычаю многихъ покорныхъ женъ, постигающихъ полезное искусство—не раздражая мужа, исполнять свою волю.

Семень Сергѣевичъ былъ не въ духѣ: сердился на одного изъ сосѣдей, не сдержавшаго даннаго обѣщанія пріѣхать къ нему отобѣдать и поиграть въ преферансъ. Полковникъ не любилъ, когда его обманывали. Онъ сердито сѣлъ къ столу, и увѣрялъ, что подали не супъ, а бурду; что хлѣба нельзя взять въ ротъ; что воду привезли изъ болота. Но вдругъ лицо его прояснилось: чрезъ отворенное окно увидѣлъ онъ что-то въ родѣ экипажа, въѣхавшее на дворъ, тотчасъ же пошелъ встрѣчать неожиданныхъ гостей, съ веселою миной: «Вотъ молодецъ, Ермолай Никитичъ!.. не обѣщаль да пріѣхаль!... не то, что Петръ Ивановичъ, этотъ... съ позволенія сказать...» И тутъ послѣдовало нѣсколько несовсѣмъ ласковыхъ существительныхъ, которыми изобиловалъ словарь нашего знакомаго.

У крыльца остановилась коляска не коляска, телѣга не телѣга, а какое-то древнее, фантастическое твореніе домашняго каретника, представлявшее столько же затрудненій для входа въ него, сколько и для выхода.

Экипажъ этотъ принадлежалъ Ермолаю Никитичу... назвать фамилии не умѣю. Впрочемъ многіе изъ сосѣдей почтеннаго старичка всегда называли его просто Ермолаемъ Никитичемъ; онъ былъ человѣкъ не богатый и не важный: на что жъ было имъ знать его фамилію? Ермолая Никитича однако же любили сосѣди; привыкли къ нему, такъ сказать, какъ къ необходимой принадлежности ихъ общества. Съ нѣкоторыхъ поръ старичекъ началъ обращать на себя больше вниманія, чѣмъ когда-либо, и вотъ по-какому случаю.

Былъ у него племянникъ, который занималъ въ Петербургѣ значительную должность. Жилъ онъ въ довольствѣ, почти въ роскоши, и два раза въ годъ писалъ любезному дядюшкѣ трогательныя посланія, которыми увѣдомлялъ старичка, что «онъ по прежнему здоровъ, и ему желаетъ того же.»

Однажды Ермолай Никитичъ получилъ письмо съ черною печатью и узналъ, что племянникъ, единственный его родственникъ, умеръ, оставивъ жену, дочь и долги. Огорченный старикъ тотчасъ же предложилъ пріять вдовѣ и дочери покойнаго, но предложеніемъ этимъ воспользовалась только дочь потому-что мать

пережила не болѣе какъ тремя мѣсяцами неожиданную кончину мужа. Сиротка Наташа, семнадцати-лѣтняя дѣвушка, выросшая въ богатствѣ, получившая прекрасное воспитаніе, переселилась недавно въ бѣдное и уединенное жилище своего дядюшки, при которомъ и находится уже съ полгода.

Съ пріѣзда внучки, Ермолай Никитичъ какъ-будто выросъ въ глазахъ всего сосѣдства. Бѣдная, осиротѣлая дѣвушка внушала къ себѣ искреннее, можетъ быть, безсознательное уваженіе: всѣ невольно подчинялись превосходству души, ума и образованія прелестнаго ребенка. И въ маленькое помѣстье Ермолая Никитича стали чаще заглядывать сосѣди, и его начали приглашать, не только когда нуждались въ его услугахъ, но и безъ всякихъ видовъ. Когда Наташа была въ обществѣ, никто не скучалъ; какъ бы ни было разстроено хозяйское фортепьяно, она не отказывалась играть; какъ бы ни были скучны собесѣдники, она занимала ихъ съ всегдашнею, милою любезностью, и такъ дѣйствительно было очарованіе, которое она распространяла вокругъ себя, что обезоруживало даже зависть, внушаемую ея талантами и умственнымъ превосходствомъ передъ другими.

3.

Ермолай Никитичъ и внучка его пріѣхали въ Синовку въ сопровожденіи Ненилы Андреевны Каретиной, ближайшей ихъ сосѣдки, присоединившейся къ нимъ съ намѣреніемъ навѣстить Грузинныхъ.

Ненила Андреевна, сорока-пятилѣтняя вдова, не могла похвастаться привлекательною наружностью; за то судьба надѣлила ее чрезвычайно чувствительнымъ сердцемъ, чрезвычайно проникательнымъ умомъ и между нами будь сказано, — чрезвычайно болтливымъ языкомъ, краснорѣчіе котораго часто увлекалось за предѣлы истины. Неутѣшная вдова уже пять лѣтъ проливаетъ неистощимые потоки слезъ, сокрушаясь о преждевременной кончинѣ возлюбленнаго супруга, надѣлившаго ее пятнадцатю годами безмятежнаго счастья, которое возмущалось только постоянными ссорами.

Вслѣдъ за Ермолаемъ Никитичемъ и Ненилой Андреевной вошла въ комнату граціозная дѣвушка, средняго роста, съ кроткою улыбкою, гибкою талією и прекрасными черными глазами.

Не смотря на грусть, разлитую въ чертахъ бѣдной сиротки,

во всемъ существѣ ея выражалось нѣчто трогательно-младенческое и нѣжное. Видно было, что душа, открытая для впечатлѣній, не утратила въ несчастіи своей прелестной свѣжести, что неопытная Наташа смотрѣла вокругъ себя съ любовію и любопытствомъ ребенка.

Да, она еще ребенокъ: безстрастіе и спокойствіе невинности царствуютъ теперь въ сердцѣ ея, но иногда въ черныхъ глазахъ прелестной дѣвушки сверкаетъ бѣглый пламень пылкой и сильной души, дремлющей подъ святымъ кровомъ дѣтской, ангельской безмятежности. Это нѣжное, молодое растеніе, недостигшее полного развитія, окропленное ранними слезами, какъ будто ждетъ животворнаго луча лѣтняго солнца, чтобъ развить молодыя силы свои, возвысить гордую головку и явиться во всемъ роскошномъ величіи своей богато-одаренной, счастливой природы.

Черные, густые волосы украшаютъ открытое чело Наташи. Осѣненные длинными рѣсницами, темные, андалузскаго разрѣза глаза ея, выражаютъ всю кротость и непорочность младенческой души, а неуловимая грація и плавность во всѣхъ движеніяхъ увеличиваютъ очарованіе ея красоты.

4.

— Не слышали ль вы чего новенькаго?—спросилъ полковникъ у Ненилы Андреевны, когда всѣ усѣлись за столъ, послѣ продолжительныхъ привѣтствій, распросовъ о здоровьѣ и т. д. Знаете ли вы, что Вельскіе пріѣхали, на прошлой недѣлѣ, въ свою усадьбу?..

— Какъ не знать, отвѣчала вдова, и разговоръ зашелъ о Вельскомъ. Ненила Андреевна, снабженная вѣрными свѣдѣніями, рассказала Грузинымъ, сколько привезли новой мебели, зеркалъ, штофа, обоевъ и т. д. для возобновленія внутренняго убранства дома Вельскихъ. Она знала даже какими винами наполненъ погребеъ молодого помѣщика, сколько лошадей стоитъ на его конюшнѣ и какъ зовутъ верховую лошадь его жены. Разказы ея были неистощимы, и всѣ слушали ихъ со вниманіемъ, кромѣ Александра и Наташи, которые разговаривали между собою.

Лѣта, образъ мыслей, одинаковое образованіе и частыя свиданія сблизили ихъ. Ни съ кѣмъ Александръ не любилъ такъ дѣлиться своими мыслями и впечатлѣніями, какъ съ внучкою Ермолая Никитича. Наташа съ своей стороны находила удовольствіе

въ бесѣдахъ съ молодымъ человѣкомъ, и оцѣняла съ благодарностью старанія его доставить ей развлеченіе. Онъ давалъ ей свои книги, пріѣзжалъ часто въ бѣдный домикъ Ермолая Никитича почитать и поболтать съ Наташей, и между ними возникли, разумется, дружескія, короткія отношенія, которыя однако не принимали болѣе нѣжнаго и романическаго оттѣнка. Хотя Александръ и воображалъ иногда, что влюбленъ въ Наташу, хотя и сочинялъ ей, въ минуты праздности, восторженные стихи, которые тотчасъ же уничтожалъ, однако привязанность къ ней походила болѣе на ребяческую дружбу, чѣмъ на страсть юноши.

— А что подѣлываетъ Степанъ Петровичъ? спросилъ Тишевинъ, зять полковника, у Ненилы Андреевны, лукаво улыбаясь и переглядываясь съ женой. Переѣхалъ ли онъ въ Нагорное?

Ненилу Андреевну съ давнихъ лѣтъ подозрѣвали въ маленькой слабости къ Заливину... или къ его состоянію, которымъ бы она не отказалась попользоваться, если бъ чудакъ Степанъ Петровичъ хватился за умъ, понялъ бы какое сокровище заключается въ чувствительномъ сердцѣ чувствительной вдовы, и предложилъ ей свою руку въ утѣшеніе оплакиваемой кончины незабвеннаго мужа, съ которымъ она жила, по ея словамъ, какъ Бавкида съ Оилемонномъ, а по словамъ злоязычныхъ сосѣдей, какъ кошка съ собакой. Да простить мнѣ читатель нещегольское выраженіе, которое употребляли въ этомъ случаѣ враги неутѣшной вдовы!

Слегка краснѣя, Ненила Андреевна отвѣчала Тишевину, что Заливинъ уже на прошлой недѣлѣ пріѣхалъ въ Нагорное. Имя Степана Петровича возбудило вниманіе Наташи, и она начала прислушиваться къ общему разговору съ блестящими глазами, съ оживленнымъ лицемъ.

— Я и не знала, что онъ ужъ переѣхалъ, въ сосѣдство наше! сказала она. Какъ я рада, что наконецъ познакомлюсь съ нимъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ? спросилъ у нее удивленный Александръ.

— Я такъ много о немъ слышала, продолжала Наташа, но до-сихъ-поръ ни разу его не встрѣчала. Теперь онъ живетъ въ шести верстахъ отъ насъ, и я надѣюсь, что скоро познакомлюсь съ нимъ. И на миломъ, одушевленномъ личикѣ Наташи можно было прочесть всю радость, доставляемую ей надеждой сблизиться съ человѣкомъ, котораго привыкла считать образцемъ добродѣтели и великодушія... Александръ смотрѣлъ на нее съ улыбкой, но между тѣмъ и съ маленькой досадой. Онъ не ревновалъ, нѣтъ!.. но ему было бы гораздо пріятнѣе, если бъ Наташа гово-

рила о немъ съ такимъ жаромъ и одушевленіемъ. Ненила Андреевна слушала слова ея молча, съ притворнымъ хладнокровіемъ, и только одинъ разъ взглянула на откровенную молодую дѣвушку, но въ этомъ бѣгломъ взглядѣ выразилась вся ненависть, которая вспыхнула внезапно въ сердцѣ вдовы, уstraшенной мыслью найти въ Наташѣ опасную соперницу.

Послѣ обѣда Александръ, забывшій минутную досаду и Наташа, забывшая о Степанѣ Петровичѣ, пошли въ садъ въ сопровожденіи Тишевиныхъ.

Увлеченные разговоромъ, они не замѣтили, какъ дошли до самаго отдаленнаго угла сада, и почувствовавъ усталость, рѣшились отдохнуть у часовни, находящейся недалеко отъ того мѣста. Только что успѣли они усѣсться подъ крышею маленькой деревянной часовни, какъ вдали по дорогѣ показалось облако пыли, въ срединѣ котораго съ трудомъ можно было разобрать двухъ всадниковъ и слѣдующую за ними, въ близкомъ разстояніи, коляску. Оставивъ наше общество, отдыхающее на крыльцѣ часовни, мы поспѣшимъ навстрѣчу къ всадникамъ и прислушаемся къ ихъ словамъ.

— Я тебѣ говорю, Вѣра, что мы слишкомъ далеко заѣхали!.. Ты вѣрно устала... право, пора пересѣсть въ коляску! говорилъ молодой человѣкъ, обращаясь къ своей спутницѣ съ ласковымъ упрекомъ.

— Какъ хочешь, Юрій, а я не пересяду въ твою глупую коляску, пока не почувствую совершенной невозможности сидѣть дольше на моемъ *Гарольдѣ*. Притомъ же мы подѣзжаемъ къ какой-то усадьбѣ, и я намѣрена удивить ея обитателей моимъ искусствомъ ѣздить верхомъ. Меня сочтутъ за осьмое чудо!.. и, помолчавъ немного, она продолжала, глядя на товарища, съ улыбкой: И ты молчишь? и ты не воспользовался случаемъ отвѣчать на мои слова ловкимъ комплиментомъ?

— Я не намѣренъ любезничать, когда ты меня не слушаешься.

— Вотъ выговорилъ милое слово!.. не слушаешься!.. не стыдно ли тебѣ, Юрій, употреблять такія рѣзкія выраженія?.. Да перестань же хмуриться... посмотри на меня!..

Молодой человѣкъ поднялъ глаза на свою спутницу, и лице его прояснилось.

Вообразите себѣ одно изъ самыхъ обворожительныхъ созданій, избалованныхъ судьбою и свѣтомъ, вообразите хорошенькую женщину съ лукавыми и ласковыми глазами, съ очаровательно улыб-

кой, съ минутными капризами, съ постояннымъ кокетствомъ, со всею поэзіей, окружающею красоту, молодость и грацію, одну изъ тѣхъ волшебницъ, которыя рождены чтобъ внушать восторженное обожаніе, обезоруживать строгость самаго суроваго ненавистника женщинъ, сіять въ свѣтъ лучезарной звѣздой, дарить счастье своей улыбкой и наслаждаться блестящимъ и поверхностнымъ существованіемъ, избѣгая всякаго душевнаго потрясенія. Вообразите себѣ гибкую талью, одѣтую въ изящную амазонку; маленькую ручку, ласкающую небрежно гриву английской верховой лошади; пунцовыя губки кокетливо раскрытыя; глаза блестящіе удовольствіемъ; круглыя щечки, разгорѣвшіяся отъ скорой ѣзды, шелковые, бѣлокурые волосы; вообразите внезапные, капризные переходы отъ шалости и веселья къ усталости и нѣгѣ, проявляющіяся во всѣхъ ея движеніяхъ, и вы не удивитесь, что спутникъ ея остановилъ на ней свой взоръ, полный любви, восхищенія и гордости.

— Какъ она мила, какъ она граціозна! думалъ онъ, и съ лица его исчезли совершенно слѣды неудовольствія. Онъ протянулъ ей руку, въ которую она вложила свою крошечную ручку, заключенную въ узкую перчатку.

— Смотри, Вѣра, сказалъ онъ, показывая ей концемъ хлыстика часовню, къ которой они приближались: смотри, какъ скоро исполнится твое желаніе!.. Видишь ли, на крыльцѣ часовеньки собралось маленькое общество?.. Должно быть это Грузины; сейчасъ приведешь ихъ въ восторгъ твоимъ появленіемъ.

— А!.. наконецъ-то я увижу помѣщиковъ!.. Я еще отъ роду нигдѣ ихъ не видала, кромѣ сцены театральной!..

Черезъ нѣсколько минутъ всадники поравнялись съ часовней. Тишевинъ и Александръ приподняли фуражки; молодой человѣкъ отвѣчалъ имъ такою же учтивостью и хотѣлъ было проѣхать мимо, но вдругъ спутница его уронила (какъ будто не нарочно) хлыстикъ и остановила лошадь.

Александръ тотчасъ же подбѣжалъ къ ней, поднялъ хлыстикъ, и подавая его ловко и проворно прелестной амазонкѣ, устремилъ на нее восхищенный взглядъ.

Она наклонилась къ нему слегка съ невыразимою граціей, подарила его обворожительною улыбкой, проговорила нѣсколько словъ благодарности, и разговоръ тотчасъ же завязался между Вельскими и Александромъ, къ которому присоединился и Тишевинъ. Жена послѣдняго и Наташа остались на крыльцѣ часовни,

любуясь издали щегольскою осанкою и хорошенькимъ личикомъ свѣтской женщины, которая съ своей стороны успѣла разсмотрѣть ихъ съ ногъ до головы и замѣтить привлекательную, благородную наружность Наташи и дѣтскую, но уже замѣчательную красоту ея.

— Не пересядемъ ли мы здѣсь въ коляску? спросилъ Юрій, обращаясь къ женѣ, вспомни, что мы еще не обѣдали и отгѣхали за 13 версть отъ дому.

— Пожалуй!.. отвѣчала она, опуская поводья на шею лошади. На знакъ Вельскаго, коляска тотчасъ же подгѣхала; берейторъ взялъ лошадей подъ устцы. Соскочивъ на землю, Юрій подошелъ къ женѣ, чтобъ помочь ей сойти съ лошади, но Александръ предупредилъ его. Молодая женщина проворно вынула ногу изъ стремени, опустила руки на плеча Александра и поддерживаемая имъ, соскочила на землю, потомъ сняла шляпу, провела платкомъ по разгоряченному лицу, поправила слегка волосы, и всѣмъ этимъ движеніямъ умѣла придать такъ много граціи, исполненной кокетства!..

Усѣвшись въ коляску, возлѣ мужа, она обратилась къ новымъ знакомымъ съ милою и ласковою улыбкою, сказала имъ нѣсколько любезныхъ словъ, кивнула имъ головою на прощанье... и коляска умчалась вдаль.

— Какъ она хороша! какъ она любезна! какъ она мила! и т. д. раздалось тогда въ кругу нашихъ знакомыхъ, очарованныхъ появленіемъ молодой и свѣтской четы. Одинъ Александръ молчалъ и стоялъ неподвижно, глядя вслѣдъ отъѣзжающимъ. Онъ все еще видѣлъ предъ собою обворожительную улыбку молодой женщины, все еще слышалъ волшебный звукъ ея голоса и чувствовалъ на плечѣ легкое прикосновеніе маленькой ручки. Ему казалось, что очаровательные, лукавые глазки устремлены на него, что къ нему склоняется прелестная головка, и сердце его билось сильнѣе обыкновеннаго, и ему хотѣлось помчаться вслѣдъ за коляскою, догнать ее, чтобъ еще разъ полюбоваться съ безумнымъ восхищеніемъ дивною граціею, обворожительною красотою свѣтской женщины.

Вельскіе разсуждали также, въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, о своихъ новыхъ знакомыхъ.

— Помилуй, Юрій... да это вовсе не помѣщики!.. Не говоря о молодомъ человѣкѣ, который ни сколько не похожъ на сы-

на деревенскаго старожила, но и зять его не имѣть ничего страннаго въ своей наружности... А женщину ты замѣтилъ?..

— Какъ не замѣтить женщину, улыбаясь отвѣчалъ Юрій, одна изъ нихъ мнѣ вовсе не знакома, а хотѣлось бы знать кто она такая. Ты замѣтила ее, Вѣра?

— Брюнетка, красавица! неправда ли? Я сознаюсь, что не ожидала встрѣтить здѣсь, въ глуши, такое деликатное и выразительное личико!.. Такъ и ты замѣтилъ ее, Юрій? Скажи пожалуйста!.. Ты еще не отучился засматриваться на хорошенькихъ женщинъ!.. Проказникъ!..

— А ты еще не отучилась сводить съ ума людей? Развѣ ты не замѣтила восхищеніе и замѣшательство молодого Грузина? Бьюсь объ закладъ, что онъ успѣлъ влюбиться въ тебя безъ ума.

— Тѣмъ лучше!.. Это не доказываетъ въ немъ дурнаго вкуса!

— Вотъ ты уже и обрадовалась твоей побѣдѣ, самолюбивая женщина!

— И ты не огорчился ею, самолюбивый мужъ!

— Мнѣ все равно!..

— Неправда.

— Вотъ прекрасно! Ужъ не думаешь-ли ты, что я восхищаюсь твоимъ кокетствомъ?..

— Пока оно не преступаетъ границы благоразумія...

— Напротивъ, я осуждаю его!

— Да перестань читать мнѣ нравоченіе, мой добрый Юрій! и розовыя губки молодой женщины коснулись слегка щеки ея мужа.

5.

Между тѣмъ Александръ употреблялъ всю свою власть надъ самимъ собою, чтобъ скрыть свое волненіе отъ окружающихъ; но оставшись наединѣ съ Наташей, съ которою всегда дѣлился мыслями, онъ описалъ ей откровенно и съ краснорѣчіемъ юношеской восторженности глубокое впечатлѣніе, произведенное на него встрѣчею съ новою сосѣдкой.

Наташа слушала съ грустью и удивленіемъ одушевленныхъ рѣчи своего молодого друга. Онъ вызывали въ душѣ ея тревожныя, незнакомыя ей чувства... Ненила Андреевна наблюдала за ними изъ сосѣдней комнаты; она не могла, къ сожалѣнію своему, слышать ни одного слова, но, смотря на Александра, го воря

№ 10454
 7069

щаго съ такимъ жаромъ и увлеченіемъ, она рѣшила, что вѣтренный мальчишка позволяетъ себѣ объяснять вздорную страсть свою глупой дѣвчонкѣ, и что глупая дѣвчонка съ неприличною и безстыдною радостью слушаетъ слова мальчишки. Это открытіе доставило истинное удовольствіе добренькой барынь, уже мысленно рассчитывавшей всѣ выгоды, которыя она могла извлечь изъ него.

Послѣ чая, къ крыльцу подъѣхалъ знаменитый экипажъ Ермолая Никитича, и, распростившись съ хозяевами, дѣдушка и внучка пустились въ обратный путь.

6.

Въ первые дни своего пребыванія въ деревнѣ, Вѣра утверждала, что ни съ кѣмъ не хочетъ знакомиться, желаетъ жить въ совершенномъ уединеніи, глазъ-на-глазъ съ мужемъ, и Юрій ни какъ не могъ уговорить ее съѣздить къ сосѣдямъ, съ которыми отецъ его былъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Юрій самъ не любилъ сближаться съ сосѣдами, но считалъ долгомъ поддерживать старое знакомство. Онъ привыкъ разыгрывать въ деревнѣ роль вельможи, съ-издавна принадлежащую владѣтелямъ Орлинова, и ослѣплять сосѣдей своимъ великолѣпіемъ.

Кромѣ Заливина всѣ поспѣшили явиться къ молодому Вельскому, какъ скоро вѣсть о его пріѣздѣ въ деревню разнеслась по сосѣдству. Полковникъ Грузинъ пріѣхалъ съ сыномъ и зятемъ, и съ тѣхъ поръ Александръ почти ежедневно посѣщалъ Орлиново. Каждый разъ, когда онъ возвращался отъ своихъ свѣтскихъ сосѣдей, его закидывали дома разспросами о томъ, не слыхаль-ли онъ когда Юрій пріѣдетъ въ Осиновку и привезетъ-ли съ собою жену? У Александра былъ всегда одинъ отвѣтъ: не знаю, который чрезвычайно сердилъ почтеннаго полковника. Но Александръ ничего не замѣчалъ: онъ былъ какъ во снѣ, какъ въ опьянѣніи; онъ не жилъ, пока былъ дома, ходилъ изъ комнаты въ комнату, смотрѣлъ на часы, выжидалъ минуты, когда снова отправится къ Вельскимъ; но вотъ наступаетъ эта блаженная минута, лошадь его ждетъ у крыльца, Александръ оживаетъ. Куда дѣвалась задумчивость, вялость, щеки его разгораются, глаза блестятъ, онъ со всѣми ласковъ, радъ всѣхъ обнять; онъ смѣется, хвалитъ погоду (хотя бы въ то время лилъ самый ужасный дождь), чуть не цѣлуетъ лошадь, садясь на сѣдло, и съ веселою пѣснью мчится по дорогѣ въ Орлиново, подымая облака пыли!..

Юрій наконецъ собрался въ Осиновку, и прїѣздъ его доставилъ такое удовольствіе хлѣбосольному полковнику, что нѣсколько дней спустя онъ забралъ всю свою семью и поѣхалъ благодарить Юрія за посѣщеніе, и знакомить свою жену и дочь съ молодою Вельской.

Долго Вѣра не соглашалась на просьбу Юрія отдать визитъ Грузинымъ, увѣряя, что ей съ ними скучно, и что для ея счастья необходимо только присутствіе мужа. Что могъ на это отвѣчать Юрій? Онъ обнималъ свою любимицу, цѣловалъ ея веселые глаза, обращенные къ нему съ такою нѣжною лаской—и визитъ въ Осиновку откладывали на неопредѣленное время...

Поутру Вѣра гуляла, каталась въ экипажѣ и верхомъ, изрѣдка читала, еще рѣже работала, потомъ наставало время обѣда, потомъ она курила папирску въ обществѣ Юрія и Александра, потомъ садилась за фортепяно, и сначала этотъ образъ жизни нравился ей чрезвычайно; мало-по-малу однако онъ показался ей однообразнымъ. Серьознаго чтенія она не любила, а романы ей наскучали; переигравъ до-сыта все польки, вальсы, романсы безъ словъ и съ словами, она забросила музыку; верховая ѣзда также мало плѣняла ее, потому что ежедневно повторяемыя похвалы Юрія и Александра ея искусству ѣздить верхомъ, наскучили ей до-нельзя. Она хотѣла, чтобъ ее веселили, занимали, но влюбленный Александръ становился все разсѣяннѣе и грустнѣе, и хотя ей доставляло нѣкоторое удовольствіе отъ нечего дѣлать кокетничать съ своимъ молодымъ поклонникомъ, однако она досадовала на его возраставшую молчаливость, и жалѣла о его прежней добродушной веселости, которая проявлялась въ немъ съ каждымъ днемъ рѣже и рѣже. А Юрій? О, она любила его по-прежнему, но ей казалось, что она была бы счастливѣе, если бъ имѣла побольше развлеченій и удовольствій, и еслибъ Юрій былъ менѣе серьезнаго характера.

Однажды вставъ позже обыкновеннаго и войдя въ свой кабинетъ, Вѣра съ грустью окинула взоромъ окружающіе ее предметы. На столѣ лежалъ раскрытый романъ, за который она разъ десять принималась, хотя никогда не доходила дальше второй главы; на рабочемъ столикѣ лежала канва: Вѣра болѣе трехъ мѣсяцевъ вышивала по ней туфли для Юрія; на роялѣ лежали ноты, которыхъ одинъ видъ заставилъ ее зѣвнуть; она взглянула въ окно: дождь шелъ ливнемъ, и вѣтеръ затынулъ невыносимо тоскливую пѣснь. Въ комнатѣ было холодно. Вѣра опу-

стилась въ кресла; губы ея надулись, легкой вздохъ вырвался изъ ея груди, и чуть внятно проговорила она, съ выраженіемъ досады: «Ахъ какъ невыносимо скучно въ деревнѣ!» Потомъ задумалась, потомъ зѣвнула, потомъ головка ея отбросилась на спинку кресла— и Вѣра заснула..

Проснувшись, она увидѣла предъ собою Юрія, который встрѣтилъ ея пробужденіе со смѣхомъ, желая ей добраго сна. Вѣра немного покраснѣла.

— Вольно тебѣ, Юрій, всегда оставлять меня одну: мнѣ скучно безъ тебя, особенно въ такую погоду!

— Но, мой милый другъ, не возможно же мнѣ иногда и не заняться...

— Особенно когда тебѣ со мною скучно? спросила Вѣра съ маленькою досадою.

— Мнѣ съ тобою никогда не скучно, но смѣшно съ твоей стороны требовать, чтобъ я не выходилъ изъ комнаты, въ которой ты сидишь.

— Если вамъ смѣшна моя любовь, то вы можете цѣлый день избѣгать меня.

— Вѣра! не стыдно ли тебѣ! Что за ребячество!..

— Я вижу, что моя любовь вамъ надоѣла!

— Милый другъ мой! любовь не состоитъ въ томъ, чтобъ мужъ не смѣлъ заняться дѣломъ; любовь вещь серьезная и выше такихъ мелочей. Отлучаясь отъ тебя на минуту, я не перестаю отъ этого любить тебя.

— Вы разсуждаете, какъ всѣ мужья, которые скучаютъ съ своими женами...

— Вѣра! я подозрѣваю, что тебѣ самой скучно въ деревнѣ!

— Еще бы мнѣ было весело, когда меня оставляютъ одну, или говорятъ такія любезности!.. И Вѣра заплакала.

Юрій нахмурился; потомъ разсудилъ, что капризъ очень обыкновенное послѣдствіе праздности, скуки и дурной погоды; протянулъ руку избалованному ребенку, какъ онъ называлъ жену, и просилъ ее придумать какое-нибудь развлеченіе.

Вѣра отерла слезы, подставила мужу свою розовую щечку, и послѣ минуты нерѣшимости предложила ему ѣхать на слѣдующій день въ Осиновку: «Хоть что-нибудь будетъ новенькое, подумала она; меня и тамъ не ожидаетъ большое веселье, но все же лучше, чѣмъ проводить одинъ день какъ другой!»

Первая ссора, какъ бы она ни была маловажна, все таки оста-

вляеть неприятное впечатлѣніе, и какъ Юрій не старался извинять капризъ жены, онъ не могъ побѣдить въ душѣ своей тайнаго опасенія, чтобъ подобныя сцены не возобновлялись часто.

Въ продолженіе всего дня погода была дурная. Александръ не пріѣзжалъ ни къ обѣду, ни послѣ обѣда, и Юрій провелъ день дома, глазъ-на-глазъ съ женой. Насталъ вечеръ; они усѣлись въ кабинетъ, Вѣра съ работой, Вельскій съ книгой; но она не работала, и онъ не читалъ. Оба были не веселы, не довольны другъ другомъ и сами собой. Вѣра часто съ ироніей говорила объ удовольствіяхъ деревенской жизни, Юрій распространялся о женскихъ капризахъ; словомъ оба были нестерпимы. Наконецъ Вѣра подошла къ мужу и трагическимъ тономъ объявила ему, что если онъ ее ненавидитъ, не можетъ простить ей минутнаго каприза, причиною которому была одна любовь ея, то она проситъ его не стѣсняться дольше, оставлять ее одну, уѣзжать *когда* и *куда* ему угодно, и забыть совершенно о ея существованіи: по-крайней-мѣрѣ, сказала она въ заключеніе, обливаясь слезами, по-крайней-мѣрѣ я не буду больше слышать вашихъ упрековъ, и вы перестанете жаловаться на мой характеръ. Потомъ она съ достоинствомъ вытерла слезы, усѣлась въ кресло, и взяла книгу, съ твердымъ намѣреніемъ не обращать вниманія на Юрія и не говорить съ нимъ ни слова.

— Вотъ вамъ и семейное счастье! подумалъ Вельскій съ отчаяніемъ, выведенный изъ терпѣнія и не отвѣчая ни слова на трагическую рѣчь жены.

Онъ вышелъ изъ комнаты и усѣлся на балконъ докуривать съ горя сигару. Дивная ночь смѣнила ненастный день. Дождевыя тучи разсѣялись; вѣтеръ затихъ; въ саду царствовало безмолвіе. Густые деревья дремали, едва покачивая вѣтвями, увлажненными дождевыми каплями. Цвѣты, украшающіе балконъ, распространяли въ воздухѣ упоительное благоуханіе...

На взволнованную душу Юрія подѣйствовала тишина ночи.

Надменному сердцу его совершенно чужда была нѣжность; но съ нѣкоторыхъ поръ она незамѣтно вкралась въ него вмѣстѣ съ любовью къ Вѣрѣ, и Юрій вспомнилъ уже безъ досады, но съ грустью и любовью, о слезахъ жены. «Конечно, она кокетничала, думалъ онъ, но не самъ ли я виноватъ въ этомъ? Ей нужно занятіе: она скучаетъ и хандритъ отъ праздности; мнѣ слѣдовало бы исправить недостатокъ ея воспитанія, и образовать ее молодую душу, въ которой такъ много доброты, такъ много благород-

ства. А до-сихъ-поръ я забавлялся ею только, какъ любимымъ ребенкомъ, и предавался счастию любить и быть любимымъ, не думая о будущности.

Юрій уже всталъ, чтобъ возвратиться къ Вѣрѣ, какъ вдругъ возлѣ него раздались тихіе шаги, ласковая ручка обвила его станъ, кроткій голосокъ шепнулъ ему сладкія слова любви и примиренія, къ груди его прильнула граціозная бѣлокурая головка. Вѣра помирилась съ мужемъ.

Ужасная суматоха поднялась на другой день въ Осиновкѣ, когда экипажъ Вельскихъ остановился у крыльца. Полковникъ побѣждалъ переодѣться и замѣнить сюртукомъ пестрый домашній халатъ; Настасья Федоровна пошла въ кладовую, гдѣ посреди банокъ варенья, она въ торопяхъ отдала приказанія о десертѣ, и надѣла чепчикъ; Тишевина унесла ребенка; мужъ ея заперъ въ дѣтскую запачканныхъ и нечесаныхъ дѣтей, которыя громкимъ воплемъ возставали противъ такой крутой мѣры, и Вельскихъ встрѣтилъ одинъ Александръ, смущенный этой суматохой. Немного погодя, пріѣхали также Ермолай Никитичъ съ внучкой. Наташа съ перваго знакомства понравилась Вѣрѣ. Вѣра была въ восхищеніи, что нашла въ ней милую, образованную и любезную молодую дѣвушку.

— Наконецъ, говорила она мужу, уѣзжая домой, наконецъ нашла я себѣ здѣсь пріятное общество! Наконецъ нашла съ кѣмъ поговорить... Надѣюсь, что мы часто будемъ видѣться съ моею новою знакомой.

Юрій молчалъ. Ему было совѣстно признаться женѣ, что его нисколько не радовало ея сближеніе съ внучкой Ермолая Никитича, котораго онъ никогда не удостоивалъ чести принимать въ Орлиновкѣ. Ему совѣстно было разстроить ребяческую радость Вѣры, восхищенной надеждою оживить однообразіе своей деревенской жизни частыми свиданіями съ Наташей, притомъ же онъ ничего не могъ сказать противъ молодой дѣвушки, о которой всѣ отзывались съ большою похвалою. А между тѣмъ Юрію досадно было, что Вѣра обращалась съ Наташей, какъ съ равной; ему досадно было думать, что внучка бѣднаго, скромнаго Ермолая Никитича, пріятели его прикащика, будетъ со временемъ другомъ его жены, жены знатнаго богатаго Вельскаго! При томъ же его огорчало и то убѣжденіе, что Вѣра нуждается въ обществѣ постороннихъ, что для полнаго счастья ей недостаточно быть постоянно съ мужемъ. Онъ намекнулъ объ этомъ Вѣрѣ, и когда она стала

повторять его вчерашнія слова, стала толковать, что истинная любовь выше такихъ мелочей и такъ далѣе, то онъ отвѣчалъ нахмурившись, что она говоритъ вздоръ и разсуждаетъ какъ дитя!

Влюбленные, какъ вѣсьмъ извѣстно, плохіе философы.

ГЛАВА III.

1.

Не случилось ли вамъ, проѣзжая мимо бѣдной, некрасивой усадьбы, расположенной на совершенно плоскомъ мѣстѣ, окруженной болотами, нѣсколькими десятинами пашни, нѣсколькими десятинами мелкаго хилаго лѣса, не случилось ли вамъ съ любопытствомъ и участіемъ смотрѣть на низенькій бѣдный домъ, и задумываться о грустномъ существованіи его обитателей? Такое впечатлѣніе произвело бы на васъ жилище Ермолая Никитича. Глядя на него, вы невольно спросили бы себя, неужели и здѣсь люди находятъ наслажденія и прелести въ жизни? Неужели не давить ихъ здѣсь холодность, безцвѣтность бѣднаго, жалкаго существованія?.. Здѣсь природа такъ безсильна, такъ бѣдна: она не радуется ни глазъ, ни сердца!.. Здѣсь кажется мысли и чувства не могутъ развиваться, здѣсь и мысли и чувства должны быть хилы, слабы, какъ все, что производитъ эта бѣдная почва!.. Стоитъ домъ на самомъ припежѣ; двѣ, три яблони, двѣ, три ольхи не дадутъ вамъ прохладной тѣни, не оградятъ ваше жилище отъ вѣтра и вьюги. Вотъ этотъ колодезь надѣляетъ васъ студеною водою, но нѣтъ здѣсь шумящаго извилистаго ручья, который бы развеселилъ грустный, однообразный пейзажъ! Вотъ за полемъ мелкій лѣсъ; его справедливѣе назвать кустарникомъ; тамъ раздается звонъ колокольчика, привѣшеннаго къ шеѣ коровы... вокругъ домишка строенія низкія, не красивыя!..

Но въ жизни все условно, все основано на сравненіи. Повѣрьте, эта самая усадьба, возбуждающая ваше состраданіе къ ея жителямъ, кажется роскошнымъ и богатымъ владѣніемъ босоногому прохожему, который съ завистью поглядываетъ на нее, говоря себѣ: эхъ кабы у меня было такое селишко!.. Зажилъ бы себѣ баринкомъ! Въ анбарѣ хлѣбецъ, запашка славная, скотинка хоть куда, въ домѣ просторъ!.. Вотъ было бы житье!.. Такъ...

нѣтъ человѣка въ мірѣ, котораго бы не считали богачемъ, нѣтъ человѣка, котораго бы не считали нищимъ!..

Еслибъ я не боялась изрѣчь черезъ чуръ старую истину, всѣмъ давно извѣстную, по которой такъ немногіе руководствуются, я доказала бы вамъ, что Ермолай Никитичъ былъ рѣшительно богатъ, да, богатъ, потому что... потому что... право, перо отказывается писать такую избитую истину.... ну, онъ былъ богатъ потому, что былъ доволенъ судьбой и состояніемъ.... слѣдовательно онъ превышалъ своею мудростью *девятью частями* обитателей нашей планеты...

2.

Однажды вечеромъ, передъ закатомъ солнца, въ описываемой нами усадьбѣ, носящей названіе Никитенки, маленькое общество сидѣло вокругъ чайнаго стола, поставленнаго у крыльца между кустомъ смородины и клумбою цвѣтовъ, въ сосѣдствѣ большой яблони. Наташа разливала чай. По правую руку сидѣла Ненила Андреевна, допивающая пятую чашку и рассказывающая пятую сплетню; съ другой стороны сидѣлъ Степанъ Петровичъ Заливинъ, а возлѣ него самъ хозяинъ и еще одинъ господинъ съ рыжими усами, рябымъ лицомъ ничтожною фізіономіей. Онъ, казалось, былъ въ чрезвычайно дружескихъ отношеніяхъ съ Ненилой Андреевной, и въ этотъ день въ особенности ухаживалъ за нею изъ всѣхъ силъ, называлъ ее благодѣтельницей, и съ какимъ-то раболѣпнымъ умиленіемъ внималъ словамъ ея. Это былъ мелкопомѣстный дворянинъ, поступившій недавно въ управители къ Юрію Вельскому и обещающій превратиться скоро изъ бѣднаго помѣщика въ достаточнаго. Наташа слушала разсѣянно разсказы Ненилы Андреевны; она молча разливала чай и только изрѣдка обращалась къ Степану Петровичу съ вопросомъ, или какимъ-нибудь замѣчаніемъ. Не смотря на улыбку, которая оживляла иногда ея прекрасное личико, неподдѣльная, спокойная грусть была разлита въ ея чертахъ. Паръ самовара вызвалъ яркій румянецъ на ея блѣдныхъ щекахъ; траурный нарядъ, состоящій изъ чернаго платья съ маленькимъ бѣлымъ воротничкомъ, отложеннымъ на сѣрую ленточку, придавалъ ея лицу какой-то особенный характеръ, печальный и трогательный, и возвышалъ ея идеальную красоту; въ движеніяхъ ея, въ ея голосѣ было нѣчто родное, младенческое, но вмѣстѣ съ тѣмъ невыразимо пріятное.

— Чортъ возьми, какъ она хороша!.. Что за глаза! что за личико, думалъ про себя рябой господинъ съ рыжими усами.

— Внучка моя знатная барышня!.. разсуждалъ добрый Ермалай Никитичъ, съ улыбкой разсматривая свою любимицу.

— Она сегодня какъ нарочно и лучше, и милѣе обыкновеннаго, думала со злостью Ненилы Андреевны, искоса поглядывая на Степана Петровича и Наташу.

Вниманіе Степана Петровича было также обращено на молодую дѣвушку. Онъ глядѣлъ на нее съ восхищеніемъ, съ участіемъ и съ грустью; но грубо ошиблись бы тѣ, которые, по примѣру Ненилы Андреевны, вообразили бы, что красота и грація бѣдной сиротки внушали Заливину страстное восхищеніе. Нѣтъ, онъ чувствовалъ къ Наташѣ горячее участіе, и видъ ея высказывалъ тяжелыя грустные воспоминанія въ его душѣ!..

Близъ Нагорнаго, на живописномъ берегу Павлиновки, стоитъ церковь, окруженная сельскимъ кладбищемъ. За желѣзною оградой, на фамильномъ кладбищѣ Заливиныхъ возвышаются великолѣпные памятники, высѣченные изъ мрамора и гранита, осыненные золотыми крестами и тѣнистыми вѣтвями ивы и тополя. Тутъ погребены родители Заливина, тутъ покоится и жена его, кроткій другъ, усаждавшій своею любовью лучшіе годы его юности; но вотъ, возлѣ ея памятника, осыненная тѣмъ же деревомъ, видна свѣжая могила безъ камня, безъ надписи, съ чугуннымъ крестомъ въ головахъ, украшенная прелестными цвѣтами, придающими ей веселый и отраднѣй видъ цвѣтника. Года два тому назадъ, опустили въ эту могилу розовый гробикъ, въ которомъ покоилась прекрасная дѣвушка, окруженная розами и увѣнчанная дивнымъ вѣнцемъ невинности и безгрѣшности: Степанъ Петровичъ хоронилъ единственную дочь, пятнадцати-лѣтнюю дѣвушку, въ которой была сосредоточена вся любовь его, все счастье, всѣ надежды его жизни. Она была душой, оживлявшею его уединенный домъ, она была лучъ радости, улыбка счастья, украшавшіе его существованіе...

Весело освѣщало лѣтнее солнце уединенное кладбище; яркими красками плѣняли свѣжіе цвѣты, брошенные на могилу; свѣтло и ясно блестялъ золотой крестъ, возвышавшійся надъ памятникомъ матери въ то ужасное мгновеніе, когда первую горсть земли бросила на гробъ усоншей невѣрная и дрожащая рука отца. Степанъ Петровичъ стоялъ на краю могилы молча, неподвижно, и ни одинъ вопль не вырвался изъ груди его, ни одна слеза не

смочила его рѣсницъ, но съ этой минуты жизнь, люди, мѣръ, приняли другой видъ въ его глазахъ, какъ будто на величественную картину великаго художника набросили черный, прозрачный покровъ, позволяющій глазу рассмотреть ея содержаніе, но придающій другой цвѣтъ ея краскамъ и другой видъ ея лицамъ. Этотъ покровъ набросила на жизнь Степана Петровича разлука съ единственнымъ существомъ, привязывавшимъ его къ жизни.

«Ей тоже было бы теперь семнадцать лѣтъ! думалъ Заливинъ, устремляя глаза свои на внучку Ермолая Никитича. Лицо Наташи, въ особенности выраженіе ея глазъ, напоминали ему его усоншую дочь; иногда звукъ ея голоса заставлялъ его вздрагивать, такъ похожъ онъ былъ на умолкнувшій голосъ его дочери; и когда Ермолай Никитичъ, лаская внучку, называлъ ее «дитя мое!..» Степану Петровичу казалось, что и онъ прижимаетъ къ груди кудрявую головку, что и онъ цѣлуетъ открытый лобъ дочери, что и онъ говоритъ ей съ нѣжностью: «Дитя мое! Милое, единственное дитя мое!..» Потомъ горькая, холодная существенность возставала предъ нимъ, сердце рвалось на части, невыразимая скорбь наполняла душу; ему снова хотѣлось забыться, предаться сладкой мечтѣ, и онъ чувствовалъ непобѣдимое сердечное влеченіе къ молодой дѣвушкѣ. Онъ любилъ говорить съ нею о своей дочери, ея лепетъ переносилъ его въ то счастливое время, когда онъ слушалъ лепетъ своего ребенка, и хотя лицо его никогда не выражало его душевной грусти, хотя видъ его всегда былъ спокоенъ, голосъ твердъ — Наташа отгадывала и понимала его скорбь. Она окружала его вниманіемъ и лаской, чувствовала, что скоро полюбитъ его не только какъ друга, но и какъ отца.

Въ состояніи ли была Ненила Андреевна понять ихъ взаимныя чувства?.. Повѣрила ли бы она тому, кто захотѣлъ бы ей растолковать ихъ!.. Нѣтъ, она была вполне убѣждена, что Степанъ Петровичъ забылъ, что ему сорокъ лѣтъ, и просто-на-просто влюбился въ хорошенькую, молодую дѣвочку, съ которою ей трудно соперничать. Она была также увѣрена, что Наташа, влюбленная въ Александра, зная, что его родители никогда не позволятъ ему жениться на бѣдной дѣвушкѣ, и потерявъ надежду выйти за своего возлюбленнаго, кокетничаетъ съ Заливинымъ и старается плѣнить его, чтобъ обезпечить свою будущность, выйдя за него замужъ. Между тѣмъ Ненила Андреевна давно ужъ рѣшила въ умѣ своемъ, что кромѣ ея никто не назовется женою Заливина.

Есть люди, съ которыми мы только отъ того знакомы, что *из-стари* бывали съ ними знакомы, что знаемъ ихъ съ дѣтства и привыкли къ нимъ, какъ ко многимъ вещамъ, совершенно бесполезнымъ, которыя мы видимъ всегда на одномъ и томъ же мѣстѣ. Мы не огорчаемся отсутствіемъ этихъ людей, но присутствіе ихъ намъ не тягостно, какъ нѣчто обыкновенное, неизбѣжное; мы привязаны къ нимъ, какъ привязаны къ старымъ вещицамъ, вымывающимъ изъ стеклянныхъ дверей стариннаго шкафа и рассказывающимъ намъ исторію нашего дѣтства, нашей первой молодости. Разнакомиться съ этими людьми, казалось бы намъ также страннымъ, какъ и разбить эти старинныя вещи, которыхъ мы не употребляемъ. Вотъ почему Степанъ Петровичъ былъ знакомъ съ Ненилой Андреевной, ѣздилъ къ ней и принималъ ее у себя, хотя не чувствовалъ къ ней никакой привязанности. Ея родители были дружны и знакомы съ его родителями; онъ выросъ съ нею, помнилъ ее ребенкомъ, игралъ съ нею въ дѣтствѣ, былъ ея шаферомъ, когда она вѣнчалась съ покойнымъ Корстинымъ, крестилъ ея дѣтей, которыя умерли въ младенчествѣ, распорядился и хлопоталъ на похоронахъ ея мужа, привыкъ слушать ея вздохи, ея чувствительныя рѣчи и ея сплетни. На всё это, какъ и на ея всю особу, обращалъ онъ мало вниманія. Онъ привыкъ видѣть ее часто, обращаться съ нею коротко, помогать ей совѣтами, когда у нея бывали дѣла, справляться каковъ у нея урожай, хороши ли озими, съяла-ли она нынѣшній годъ рѣпу, и т. д. На этихъ отношеніяхъ Ненила Андреевна основывала свои надежды соединиться съ нимъ брачными узами, какъ называлъ супружество ея покойный мужъ, отъ души проклиная иногда эти тяжелые узы.

Какъ скоро она вообразила, что Степанъ Петровичъ влюбленъ въ Наташу, она возненавидѣла бѣдную дѣвушку до такой степени, что ничто не могло обезоружить ея злобы: ни молодость, ни кротость, ни милое, внимательное обращеніе Наташи, ни состраданіе, которое она внушала въемъ своимъ сиротствомъ. Нѣтъ!.. она завидовала не только ея красотѣ, молодости, образованію, она завидовала даже несчастію, которое возвышало цѣну ея кротости и покорности и возбуждало сердечное участіе Степана Петровича.

Послѣ чая Ненила Андреевна и управляющій Вельскаго незамѣтно перемигнулись, по-одиночкѣ удалились изъ общества, и усѣвшись въ маленькой столовой, стали разговаривать шепотомъ и съ большимъ жаромъ.

— Да ты, батюшка, Макаръ Николаевичъ, просто дуракъ, говорила Корстина, если откажешься отъ такой невѣсты. Собою красавица, и единственная наследница старика! 30 душъ, усадьбу, славную пустошь—все за нею возьмешь; вѣдь онъ съ собою на тотъ свѣтъ не унесетъ.

— Что объ этомъ и говорить, благодѣтельница, я все это знаю хорошо. Да и не будь у нея ни копѣйки, я взялъ бы ее обѣими руками, больно мнѣ понравилась!.. Скромность какая. А красота-то, красота-то! Хоть сей часъ въ графини!.. отвѣчалъ Макаръ Николаевичъ, и глаза его разгорѣлись, и ротъ искривился улыбкой.

— Такъ что-же васъ останавливаетъ?..

— Амбиція, матушка, амбиція, ну, не равно откажетъ!..

— Она, пожалуй, поломается,—замѣтила Ненила Андреевна, улыбаясь,—и не удивительно... она еще ребенокъ, разсудка мало, о замужествѣ не думаетъ, но старикъ-то согласится и мы ее уговорим!.. Я вамъ обѣщала мое содѣйствіе и мою помощь, положитесь на меня!..

— Когда-же мнѣ посвататься? Неужели сегодня?..

— Вотъ какъ уѣдетъ Степанъ Петровичъ, такъ и приступимъ къ дѣлу; вы пойдете говорить съ старикомъ, а я примусь за Наташу.

— Скажите ей, что я ее люблю, что она у меня жить будетъ прииѣвая, что у меня есть свое маленькое имѣніе и жалованье получаю порядочное; скажите ей!..

— Я сама знаю, что ей сказать, будьте спокойны, и прошу не робѣть!..

Макаръ Николаевичъ въ порывѣ чувствъ поцѣловалъ руку своей покровительницы, потомъ подошелъ къ зеркалу, пригладилъ волосы, поправилъ галстухъ и улыбнулся съ самодовольствіемъ всѣхъ безобразныхъ людей, мечтающихъ о своей красотѣ.

Онъ вполне былъ убѣжденъ, что своимъ огромнымъ ростомъ, богатырскимъ сложеніемъ, поразительными усами и желтымъ жилетомъ съ серебряными запонками, ему легче ничего не стоитъ побѣдить всѣ женскія сердца.

Посидѣвъ съ Ермолаемъ Никитичемъ и Наташей, Степанъ Петровичъ собрался въ обратный путь, и войдя въ столовую, гдѣ оставилъ шляпу, онъ прервалъ бесѣду Макара Николаевича и Ненилы Андреевны. Его поразили слова Корстиной, услышанные имъ невзначай:

— Сегодня-же, сегодня-же рѣшиться,—говорила вдова,—смотрите, чтобъ у васъ не отбили невѣсты...

— Неужели моя почтенная кумушка вздумала играть здѣсь роль свахи и выдавать Наташу за Макара Николаевича? подумаль Степанъ Петровичъ, возвращаясь на крыльцо. Тамъ, прислонившись къ стѣнкѣ, стояла Наташа, и задумчивымъ взоромъ окидывала окрестность. Она какъ будто искала предмета, на которомъ могла-бы съ отрадою остановить глаза... Но всё было такъ грустно, такъ печально вокругъ неѣ! За мелкимъ лѣсомъ ложилось солнце и золотило вершины деревъ, отбрасывающихъ длинныя тѣни на однообразный, болотистый лугъ, который простирался до самаго двора. Вдали видно было маленькое стадо коровъ и овецъ, мѣрнымъ, тихимъ шагомъ приближающихся къ селенію; ласточки, предчувствуя дождь, летали такъ низко, что, казалось, слышенъ былъ шумъ ихъ крыльевъ, задѣвающихъ траву... и все было тихо, однообразно, уединенно, и Наташа съ грустью опустила глаза. Другія картины представились ея воображенію; въ другой край перенеслась душа, и вспомнила она дѣтство и ласки матери, и веселыя игры, и все что улыбалось ей, все, что цѣнило ее въ дѣтствѣ. Крупныя слезы повисли на черныхъ рѣсницахъ дѣвушки.

Степанъ Петровичъ подошелъ къ ней и сказалъ ласково, взявъ ея руку: «Бодрѣе, бодрѣе, мой другъ!.. не поддавайтесь, не уступайте вліянію грустныхъ впечатлѣній, боритесь съ ними, побѣдите ихъ, и будьте увѣрены, что васъ ожидаетъ въ жизни много радостныхъ, прекрасныхъ часовъ. Только не будьте малодушны, не старайтесь вырваться, во что бы ни стало, изъ настоящаго положенія. Много женщинъ погибло отъ недостатка терпѣнія и упованія на лучшую будущность.»

— Но о чемъ вы говорите, Степанъ Петровичъ?

— Вы скоро поймете меня, вспомните тогда мои слова, и не уступайте ни чьимъ увѣщаніямъ, когда васъ начнутъ уговаривать на поступокъ, которому будетъ противиться ваша совѣсть.

— Моя совѣсть!

— Однимъ словомъ не торопитесь выходить замужъ, сказалъ ей наконецъ Степанъ Петровичъ, перемѣнивъ тонъ и грозя ей пальцемъ съ добродушною улыбкой.

— Да я объ этомъ и не думаю, отвѣчала Наташа, разсмѣявшись...

— Но если васъ станутъ уговаривать?..

— Я соглашусь только въ такомъ случаѣ...

— Въ какомъ случаѣ—договаривайте.

— Я соглашусь только, когда встрѣчу достойнаго человека!..

— А что вы называете достойнымъ человекомъ?..

— Человекъ, подобнаго вамъ... сказала Наташа съ наивною откровенностью; но вдругъ раздумавъ какой смыслъ могъ Степанъ Петровичъ придать ея необдуманнѣмъ словамъ, она покраснѣла и отвернулася отъ него, чтобъ скрыть свое смущеніе. Степанъ Петровичъ понялъ, какъ нельзя лучше, ея чувства, и притворяясь, что ничего не замѣчаетъ, продолжалъ разговаривать съ нею въ спокойномъ и дружескомъ тонѣ. Когда онъ уѣхалъ, Макаръ Николаевичъ пошелъ отыскивать Ермолая Никитича, а Ненила Андреевна приступила къ Наташѣ.

— Вы не повѣрите, Наталья Михайловна, какъ мнѣ грустно смотрѣть на васъ, бѣдненькую, сказала она молодой дѣвушкѣ, обнимая ее ласково, вытирая сухіе глаза, и стараясь выжать изъ нихъ слезы, что оказалось однако напраснымъ трудомъ. Вы не повѣрите, какъ мнѣ грустно видѣть васъ здѣсь, въ захолустѣ, въ бѣдномъ быту, тогда какъ вы рождены для счастья, для свѣта и для любви!

Наташа съ удивленіемъ посмотрѣла на Ненилу Андреевну, которая приняла это удивленіе за дѣйствіе своей краснорѣчивой фразы, приготовленной заранѣе.

— Помилуйте, Ненила Андреевна,—отвѣчала сиротка съ кротостью,—развѣ я не должна считать себя счастливою, найдя здѣсь пріютъ и покровительство? Я благодарю Бога, что онъ послалъ мнѣ въ дѣдушкѣ втораго отца, и надѣюсь, что со временемъ еще лучше оцѣню мое теперешнее положеніе, привыкну къ новому образу жизни, и буду рѣже грустить о прошедшемъ!

— Полноте, Наталья Михайловна, вы меня не увѣрите, что довольствуетесь вашею судьбой... Вамъ должно быть здѣсь скучно и одиноко. Конечно, вашъ дядюшка добрый старичекъ, но...

— Онъ мой благодѣтель!.. прервала Наташа съ жаромъ.

— Но все-таки онъ не имѣетъ средствъ доставить вамъ удовольствій и развлеченій.

— О, я ихъ и не ищу, отвѣчала Наташа, указывая глазами на свою траурную одежду.

— Что вы тамъ не говорите, а дай-то Богъ, чтобъ къ вамъ

посватался хорошій женихъ. Какъ жаль, что Степанъ Петровичъ не хочетъ жениться, вотъ былъ бы прекрасный мужъ!..

— Помилуйте, Ненила Андреевна,—сказала Наташа смѣясь,— онъ могъ бы быть моимъ отцемъ, и я не понимаю, какъ подобная мысль могла прійти вамъ въ голову.

— Да объ этомъ нечего и думать. Онъ никогда не женится, это рѣшено. Его сколько здѣсь ловили... да не поддавался! Другое дѣло полюбезничать съ молодою дѣвушкою, влюбиться даже въ нее; но стараться склонить его на женитьбу, совершенно напрасный трудъ!

— И я надѣюсь, что никто и не беретъ на себя этого труда!..

— Богъ знаетъ! Богъ знаетъ!—отвѣчала Ненила Андреевна, насили удерживая свою злобу.—Но я, какъ другъ, говорю вамъ, чтобъ вы не рассчитывали на него...—Наташа подняла глаза на свою собесѣдницу, и съ языка ея чуть не сорвались слова негодованія и оскорбленной гордости, но она удержалась и промолчала.

— Александръ Семеновичъ Грузинъ былъ бы тоже хорошій женихъ, да ему еще рано думать о женитьбѣ, а родители его не позволяютъ ему жениться на бѣдной дѣвушкѣ.

Наташа съ нетерпѣніемъ пожала плечами и просила переменить разговоръ. Въ глазахъ ея отразилась тайная, сильная скорбь.

— Нѣтъ, Наталья Михайловна,—продолжала Корстина, выслушайте меня со вниманіемъ:—желая вамъ отъ души добра, я докажу, что вамъ необходимо выйти замужъ. Дѣдушка вашъ очень старъ и бѣденъ, послѣ него вы останетесь безъ покровителя, безъ куска хлѣба, безъ пріюта. Вамъ надо пристроиться. Я знаю человѣка добраго, умнаго, благороднаго, который любитъ васъ безъ памяти и предлагаетъ вамъ свою руку. У него порядочное, даже хорошее состояніе...

— Но кто же это?..

— Кто?.. вы его мало знаете! Не судите о немъ по наружности! съ нимъ вы будете вполне счастливы...

— Назовите же мнѣ его—если такъ!..

— Вы не догадываетесь?

— Ни сколько!..

— А между тѣмъ онъ заслуживаетъ ваше вниманіе своею преданностью... Наталья Михайловна, руки вашей проситъ старинный знакомый вашего дѣдушки, Макаръ Николаевичъ.

Наташа чуть не вскрикнула от удивленія, услышавъ это имя. Она посмотрѣла пристально на Ненилу Андреевну, какъ бы желая узнать серьезно или въ шутку сватаетъ она ей подобнаго жениха, и съ величайшимъ хладнокровіемъ отвѣчала ей рѣшительно:

— Благодарю за честь, и не принимаю его предложенія. Потомъ какъ ни въ чемъ не бывало взяла работу, съѣла на крыльцо и завела разговоръ о другихъ предметахъ.

Злобно взглянула на сиротку завистливая вдова, замѣчая, что жертва избѣгаетъ ея сътей. Она была увѣрена, что Наташа только отъ того отказывается отъ выгодной, по ея мнѣнію, партіи, что рассчитываетъ на Степана Петровича, и снова принялась она доказывать Наташѣ, что ей необходимо выйти замужъ, что Заливинъ не женихъ, и что въ Макарь Никитичѣ найдетъ она внимательнаго и нѣжнаго мужа...

— Неужели васъ отталкиваетъ то, что онъ управителемъ у Вельскаго. Но вѣдь это ничего не значитъ: онъ дворянинъ, и у такихъ помѣщиковъ, какъ Вельскій, прикащики сами большіе бары.

— Это не могло бы меня остановить,—сказала Наташа съ кротостью.—Въ его званіи нѣтъ ничего безчестнаго, но онъ мнѣ не нравится, и я не надѣюсь быть съ нимъ счастливою. Не говорите мнѣ больше о немъ.

— Эй, эй, Наталья Михайловна! не будьте черезъ-чуръ разборчивы. Пожалуйте вы и о Макарь Николаевичѣ, какъ останетесь непристроенною послѣ смерти дѣдушки. Охъ, горькое будетъ житье, какъ себя прійдется питать; но не говоря и объ этомъ, развѣ легко остаться здѣсь безъ покровителя, безъ защиты отъ злыхъ языковъ, отъ клеветы...

— И въ этомъ случаѣ не оставитъ сироту Господь!—сказала Наташа съ искреннимъ и горячимъ упованіемъ.—Меня защитятъ молитвы моей матери и...—прибавила она съ достоинствомъ,—и мое собственное поведеніе.

Лице Ненилы Андреевны вспыхнуло, она поняла, что никакія увѣщанія не поколеблютъ рѣшенія сироты, и ей уже представилось, что Степанъ Петровичъ вѣнчается съ бѣдною дѣвушкой. Не-нависть закипѣла сильнѣе въ ея завистливомъ сердцѣ, и рѣшаясь выговорить самую ужасную ложь, съ цѣлью огорчить Наташу, она стала увѣрять ее, что напрасно она рассчитываетъ на свое поведеніе, чтобъ оградиться отъ клеветы, что о ней очень дурно отзываютъ-

ся въ сосѣдствѣ, задѣваютъ ея доброе имя, и вносятъ на нее величайшія клеветы.

Первый разъ въ жизни слышала Наташа такія слова, и сердце ея наполнилось отчаяніемъ. Гордость, сознаніе, что ни чѣмъ не заслужила дурную славу, боролись въ ея сердцѣ съ невыразимою грустью. Слезы наполнили ея глаза, но она удержала рыданія въ груди и молча опустила голову. Но этого было мало для Ненилы Андреевны. Сердце ея еще не успокоилось, видя скорбь этой чистой, дѣтской души, она подошла къ Наташѣ, взяла ея за руку: «Вы еще не знаете всего,—проговорила она въ полголоса:—выходите замужъ, совѣтую вамъ, какъ искренній другъ! Знаете-ли что говорятъ еще о васъ? Знаете-ли какъ судятъ о вашей дружбѣ съ Александромъ Грузинымъ?..»

— Оставьте меня, сказала Наташа съ гордостью, вырывая руку свою изъ руки Корстиной, я даже не хочу знать кто меня чернить, и прошу васъ изъ уваженія къ моей молодости и къ моему сиротству не терзать меня, повторяя эти низкіе слухи...

Но Ненила Андреевна не оставила ее, пока не высказала, подъ видомъ участія и дружбы, всѣхъ низкихъ сплетень, которыя могло изобрѣсть ея воображеніе.—И послѣ этого вы все еще упорствуете въ отказѣ? спросила она Наташу.

— И никогда не перестану упорствовать,—отвѣчала молодая дѣвушка съ твердостью.

— Можетъ быть, пожалѣете объ этомъ со временемъ,—сказала съ улыбкою Ненила Андреевна, и пошла въ домъ отыскивать Макара Николаевича.

Твердость покинула Наташу, когда она осталась одна, послѣ этой непріятной сцены. Кровь прилила къ ея сердцу, щеки покрылись смертельною блѣдностью, и внезапное рыданіе вырвалось изъ груди. Она прислонилась къ стѣнѣ: ей тяжело было дышать, тяжело было смотрѣть на Божій свѣтъ. Бѣдное, неопытное дитя!.. Злословіе, клевета, были ей до-сихъ-поръ незнакомы, и считая доброе имя своимъ высшимъ, своимъ единственнымъ сокровищемъ, она не воображала, что кто-нибудь рѣшится отнять его у бѣдной сироты!.. Теперь отчаяніе завладѣло ея сердцемъ, отчаяніе честной и благородной души при столкновеніи со зломъ и съ низостью! Ей казалось, что небо оставило ее, что отецъ и мать перестали охранять своего ребенка, что вокругъ нея толпятся злыя, хищныя творенія, готовые ужалить ее смертель-

но ядовитымъ жаломъ; ей казалось, что все вокругъ нее дышитъ ненавистью, что нѣтъ въ этомъ мѣрѣ ни жалости къ беззащитному, ни пощады безгрѣшному, ни состраданія къ слабому, ни справедливости къ невинному!.. Холодъ обдалъ горячее сердце неопытнаго ребенка; негодованіе наполнило ея чистую отроческую душу.—Что я имъ сдѣлала? чѣмъ заслужила я это? повторяла она въ недоумѣніи: Очернить сироту!.. оклеветать беззащитную!

«Бѣдное дитя, ободрись, отвѣчалъ ей тогда внутренній голосъ, ты невинна: будь же спокойна!.. Добродѣтель не мечта, невинность не сонъ—истина существуетъ, истина восторжествуетъ и въ будущемъ мѣрѣ и въ здѣшнемъ!..» И Наташа успокоилась. Хладнокровно простилась она съ Ненилой Андреевной и Макаромъ Николаевичемъ, но оставшись наединѣ съ дѣдушкой, она бросилась на шею старичка: «Дѣдушка, не выдавайте меня за него! Защитите меня, не оставьте вашу сироту, проговорила она, заливаясь слезами и покрывая поцѣлуями сѣдины добраго старика.

— Успокойся, дитя мое, отвѣчалъ онъ, обнимая ее, я не вижу никакой необходимости выдавать тебя, противъ воли за мужъ.

4.

Въ Осиновкѣ собралось многочисленное общество въ день рожденія Семена Сергѣевича Грузина. Все сосѣдство пріѣхало обѣдать къ почтенному полковнику, недоставало только Юрія Вельскаго и жены его. Они обѣщались побывать вечеромъ. Въ гостиной и на балконѣ сидѣло молчаливое общество въ ожиданіи обѣда; разговоры завязывались очень вяло. Дѣти бѣгали и толкались между большими съ булками въ рукахъ. Тишевинъ, ихъ постоянный гонитель, уводилъ ихъ въ дѣтскую, жена его уговаривала не обращать на нихъ вниманія, чтобъ не раздражить Настасью Федоровну, всегдашнюю заступницу шалуновъ; Александръ ходилъ задумчивъ изъ комнаты въ комнату, рассчитывая сколько часовъ осталось до вечера, то есть до пріѣзда Вѣры; Степана Петровича душила Ненила Андреевна, рассказывая ему старые анекдоты, которыхъ онъ не слушалъ. Макаръ Николаевичъ сцѣпился съ однимъ помѣщикомъ, врагомъ нововведеній, и доказывалъ ему преимущества пятипольнаго хозяйства, но врагъ нововведеній былъ

убѣжденъ, что только то хорошо, что заведено въ его хозяйствѣ, что все дурно у другихъ, и онъ одинъ умѣетъ и хозяйничать, и жить, и разсуждать. Наташа занимала цѣлое общество проголодавшихся барышень. Семенъ Сергѣевичъ бранился съ Настасьей Федоровной за то, что не подавали супу. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по столовой, крутилъ усы, ворчалъ, сердился, бранилъ слугъ, и считалъ приборы. Настасья Федоровна бѣгала изъ кухни въ кладовую, изъ кладовой въ гостиную, раздавала приказанія, прикрикивала на слугъ, успокоивала мужа, занимала гостей, подходила изрѣдка къ зеркалу, чтобъ поправить чепчикъ и вытирала платкомъ раскраснѣвшееся лице. Однимъ словомъ, все шло своимъ порядкомъ, и торжественный день начался, какъ начинались въ Осиновкѣ всѣ торжественные дни.

Подали супъ; всѣ разсѣлись по мѣстамъ, дамы по одну сторону длиннаго стола, мужчины по другую; напротивъ Наташи сидѣлъ Макаръ Николаевичъ.

Встрѣтившись въ столовой, они раскланялись другъ другу, Наташа вѣжливо и холодно, онъ съ ироническою улыбкой и съ выраженіемъ худоскрытой досады. Во время всего обѣда преслѣдовалъ онъ ее дерзкими взглядами, въ которыхъ ясно можно было прочесть ненависть и оскорбленное самолюбіе. Ненила Андреевна также не отрывала взора своего отъ молодой дѣвушки, и встрѣчая этотъ взоръ, Наташѣ становилось страшно, она чувствовала теперь, что навлекла на себя ненависть вдовы, хотя и не угадывала настоящей причины ея ненависти. Какъ безконечно длиненъ казался ей обѣдъ!.. Единственною отрадой ея было сознаніе, что она имѣетъ друга, принимающаго въ ней искреннее участіе. Она не сомнѣвалась въ расположеніи Степана Петровича, и встрѣчая его дружескій, ласковый взоръ, его привѣтливую, добродушную улыбку, любуясь его прекраснымъ лицомъ, которое носило вѣрный отпечатокъ благородной и возвышенной души, она становилась спокойнѣе, веселѣе; ей казалось, что Богъ послалъ ей въ немъ твердую опору, вѣрнаго друга и защитника, ... и она не ошиблась, рассчитывая на дружбу Заливина: его сердце было полно любви и участія къ бѣдной сиротѣ.

Послѣ обѣда Ненила Андреевна подошла къ Макару Николаевичу, оба они посмотрѣли на Наташу, улыбнулись и вышли вмѣстѣ изъ комнаты. Наташа замѣтила это и бессознательно протянула руку стоявшему возлѣ Степану Петровичу, какъ будто про-

ся его защиты противъ ненависти ея враговъ. Заливинъ понялъ ея мысль, улыбаясь взялъ онъ ее за руку и просилъ разсказать въ подробности все, что происходило между ею и Ненилой Андреевной послѣ его отъѣзда изъ Никитенки, при послѣднемъ его посѣщеніи. Наташа исполнила его желаніе, и кроткое личико ея одушевлялось во время разсказа, въ черныхъ большихъ глазахъ изрѣдка вспыхивало негодование, голосъ дрожалъ отъ внутренняго волненія, и хороша была наша сиротка во время этой задушевной исповѣди, излагаемой съ довѣрчивою дѣтскою любовью предъ вѣрнымъ другомъ. Сначала она щадила сколько могла Ненилу Андреевну, но потомъ увлеченная своею откровенностью, описала Заливину въ точности всю сцену, происходившую между ними. Онъ слушалъ ее ласково, и успокоивалъ встревоженную дѣвушку, далъ ей дружескія наставленія и возвратилъ прежнюю безмятежность души.

Во время этой откровенной бесѣды съ Степаномъ Петровичемъ, Наташа была предметомъ челоуѣколюбивой заботливости Ненилы Андреевны. Она не оставила въ покоѣ ни одной маменьки, пока не прошептала ей разнообразныя и занимательныя новости, въ которыхъ главную роль играла Наташа. Нѣкоторыя ей вѣрили, другія притворялись, что вѣрили, и всѣ вообще заключили, что во всякомъ случаѣ ихъ дочерямъ не слѣдуетъ сближаться съ внучкой Ермолая Никитича. Иныя говорили это изъ убѣжденія, другія изъ зависти, а многія изъ подражанія, чтобъ *не противиться общему мнѣнію*.

Каково же было удивленіе и недоумѣніе Наташи, когда она возвратилась къ молодымъ дѣвушкамъ и замѣтила совершенную перемену въ ихъ обращеніи съ нею. Ей отвѣчали сухо, отрывисто, боязливо и если одна изъ барышень, подобрѣе или смѣлѣе другихъ, вступала съ нею въ разговоръ, ее тотчасъ же отзывала маменька и читала ей нравоученіе. Ненила Андреевна торжествовала, Макаръ Николаевичъ, переселившійся въ дамскую компанію, потиралъ руки, улыбаясь лукаво, и Наташѣ стало все понятно. Она чувствовала, что должна призвать на помощь твердость. Подкрѣпленная дружбой и словами Степана Петровича, она сохранила спокойствіе, и не обращая вниманія на незаслуженное оскорбленіе, занялась дѣтьми Грузиныхъ, сѣла по просьбѣ ихъ за фортепiano и играла имъ танцы.

Послѣ чая Наташа замѣтила, что лицо Александра вдругъ

прояснилось, радость заблестала въ глазахъ восторженнаго юноши, — она посмотрѣла въ окно, и увидѣла экипажъ Вельскихъ, остановившійся у крыльца.

— Вельскіе пріѣхали, Вельскіе пріѣхали! пробѣжало по всему обществу; хозяева пошли встрѣчать рѣдкихъ гостей, всѣ глаза устремились съ любопытствомъ на дверь, и молчаніе воцарилось въ комнатѣ.

Александръ подошелъ къ Наташѣ, — увѣрялъ, что погода прекрасная, что она играетъ превосходно, что онъ обожаетъ деревню, и въ слѣдствіе всего этого, что Вѣра Сергѣевна совершенство красоты, доброты и ума.

— Вотъ она, вотъ и она! сказалъ онъ наконецъ въ заключеніе своей чепухи, и глаза его впелись въ Вѣру, вошедшую въ это время въ комнату.

Въ самомъ дѣлѣ она была обворожительна!.. Нѣжное, свѣжее и улыбающееся личико ея сіяло добротой и веселостью. Кокетливый чепчикъ покрывалъ, но не скрывалъ шелковистые бѣлокурые волосы; щегольское бѣлое платье, убранный дорогими кружевами, ловко обхватывало граціозную талію; открытые рукава свободно окружали бѣлыя, какъ чистѣйшій мраморъ, руки; маленькая и узенькая нога была нарядно обута, и на груди, между лентами, были небрежно приколоты двѣ, три розы, только-что распустившіяся. Привѣтливо поклонившись обществу, нисколько не смущаясь обращеннымъ на нее вниманіемъ, она ласково и дружески кивнула головою Александру и усѣлась возлѣ хозяйки дома. Знакомыя ей дамы окружили ее, закидали вопросами, представили своихъ дочерей; другія подошли къ ней знакомиться, и всѣмъ умѣла она сказать милое, вѣжливое слово, шутила съ молодыми дѣвушками, льстила самолюбію маменекъ, съ участіемъ спрашивала о здоровьѣ стариковъ, и все это дѣлалось такъ свободно, такъ непринужденно. Надо признаться, что Вѣра была въ этотъ день въ отличномъ расположеніи духа, иначе она усѣлась бы въ уголь, не говорила бы ни съ кѣмъ ни слова и навела бы уныніе на все общество.

Бѣдный Александръ! что происходило тогда въ его сердцѣ?.. Онъ страстнымъ взоромъ слѣдилъ за каждымъ словомъ волшебницы, ловилъ каждый взглядъ ея, и когда это слово обращалось къ нему, когда этотъ взоръ падалъ на него, голова его кружилась отъ счастья, блаженство наполняло его молодую грудь.

Только что Вѣра увидѣла Наташу, поклонившуюся ей издали, она живо подошла къ ней, поцѣловала ее, взяла подъ руку и усадила возлѣ себя.

Къ чести Вѣры надо замѣтить, что ее плѣняла не одна наружность Наташи; но истинно доброе сердце молодой женщины было тронуто ранними несчастіями сироты и нѣмой, кроткой грустью, разлитой въ ея прекрасныхъ чертахъ.

Долго разговаривали онѣ вдвоемъ, и при видѣ привѣтливаго вниманія, оказываемаго свѣтскою женщиной бѣдной Наташѣ, всѣ перемѣнили съ нею свое обращеніе. Барышнямъ позволили съ нею разговаривать, и даже маменьки спрашивали ее съ участіемъ, отчего она такъ блѣдна? здорова ли она? и т. д. къ сожалѣнію Ненила Андреевна не была свидѣтельницей этой сцены, потому, что уѣхала изъ Осиновки не дождавшись пріѣзда Вельскихъ, велѣдъ за Степаномъ Петровичемъ, котораго надѣялась позвать къ себѣ, на перепутьѣ.

Вѣра взяла съ Наташи обѣщаніе пріѣхать къ ней погостить на нѣсколько дней и наговорила Ермолаю Никитичу тысячу любезностей на счетъ его внучки, чѣмъ совершенно плѣнила сердце старичка.

Вообще не было ни одного человѣка во всемъ обществѣ, котораго бы она не обворожила въ этотъ вечеръ.

Любуясь ею, Юрій невольно улыбался и забывалъ совершенно, что эта самая плѣнительная, очаровательная женщина, выводитъ его иногда изъ терпѣнія капризами и легкомысліемъ.

5.

Когда Вельскіе вышли на крыльцо, чтобъ отправиться домой, Вѣра замѣтила Александра, стоящаго у поданнаго ей экипажа. Она погрозила ему пальцемъ, и протянула руку на прощанье. Робко приложилъ онъ прекрасную ручку къ губамъ и краснорѣчивый пламенный взоръ выразилъ много, о чемъ онъ не смѣлъ говорить.

Онъ помогъ ей сѣсть въ коляску.

— Надѣюсь, что мы скоро увидимся! сказала ему Вѣра на прощанье.

Александръ отвѣчалъ ей молчаливымъ поклономъ.

— Вѣра! сказалъ Юрій женѣ, возвратившись домой, не замѣчаешь ли ты большой перемѣны въ нашемъ Александрѣ?

— Нѣтъ, отвѣчала она, слегка краснѣя.

— Меня это удивляетъ, мой другъ. Я не понимаю, что съ нимъ дѣлается. Иногда выходитъ онъ изъ себя отъ радости безъ всякой причины, иногда безъ всякой причины становится грустенъ, молчаливъ, задумчивъ... Вѣроятно онъ влюбленъ, какъ ты думаешь, Вѣра? и Юрій посмотрѣлъ на жену съ лукавою улыбкой, доказывающей, что онъ знаетъ больше, чѣмъ желаетъ показать.

— Очень можетъ быть, что онъ и влюбленъ!.. Это постоянное занятіе молодыхъ людей.

— Хотѣлось бы мнѣ знать въ кого именно онъ влюбленъ!

— Можетъ быть въ меня! сказала Вѣра, смѣясь и усаживаясь возлѣ мужа. Ужъ не ревнуешь ли ты?

— Нѣтъ, Вѣра, отвѣчалъ онъ ей серьезно и гордо, я не ревную, но мнѣ жаль бѣднаго Грузина, котораго ты довела кокетствомъ до безумія.

— Извини меня, Юрій, но ты право дѣлаешь изъ мухи слона. Эта страсть, эта восторженность пройдетъ чрезъ недѣлю и не оставитъ никакого слѣда; все это вздоръ, ребячество и не стоитъ вниманія?..

— А я, напротивъ, думаю, что Александръ любитъ тебя серьезно, глубже, чѣмъ ты полагаешь, что эта страсть можетъ составить его несчастіе, и если она и пройдетъ, то все же нанесетъ ему много страданій и грусти, въ лучшее время его жизни!.. Вспомни какого онъ былъ прежде веселаго, беззаботнаго характера, вспомни...

— Да, помню, Юрій! Мнѣ надоѣло такъ долго говорить объ этомъ предметѣ. Повторяю тебѣ: все это сущій вздоръ, и при томъ что мнѣ до него за дѣло! если онъ такъ глупъ, что полюбилъ меня, то не я въ этомъ виновата!..

— Такъ ли, Вѣра?

— Если вы находите, что мнѣ не слѣдуетъ разговаривать съ мужчинами, я согласна ни куда не выѣзжать, никого не принимать и объявить всѣмъ знакомымъ, что мужъ мой находитъ недостойнымъ добродѣтельной женщины разговаривать съ молодыми людьми.

— Послушай, Вѣра, ты напрасно обижаешься моими словами.

— Надѣюсь, что я вправъ обидѣться, когда вы говорите мнѣ такія любезности, изъ мнимой жалости къ глупому мальчишкѣ...

Оставшись одна, Вѣра принялась было за слезы, но въ подобныхъ случаяхъ женщины не любятъ плакать безъ свидѣтелей. Наединѣ плачетъ женщина только когда истинное, настоящее горе наполняетъ ея сердце, а въ минуту каприза плачетъ она только при тѣхъ, кого хочетъ или *растрогать*, или *наказать* своими слезами. Вѣра отерла глаза и рѣшилась не говорить съ мужемъ, не говорить съ Александромъ, не говорить ни съ кѣмъ; скучать, наводить на всѣхъ тоску, дуться и наказывать этимъ мужа за неумѣстный *пуританизмъ*, какъ она называла въ насмѣшку его строгія правила.

ГЛАВА IV.

1.

Нѣсколько дней спустя, сидѣлъ Александръ въ Нагорномъ, въ кабинетѣ Степана Петровича. Я забыла вамъ сказать, что Заливинъ былъ крестнымъ отцемъ Александра, какъ и всѣхъ дѣтей Семена Сергѣевича, съ которымъ онъ изъ-стари находился въ дружескихъ отношеніяхъ. Александръ былъ его любимецъ.

— Нѣтъ, Степанъ Петровичъ, говорилъ Александръ, нѣтъ, я не въ силахъ слѣдовать вашему совѣту! перестать къ ней ѣздить, перестать ее видѣть—это жертва выше моихъ силъ!..

— А между тѣмъ, мой другъ, благоразуміе требуетъ отъ тебя этой жертвы!.. Каждое свиданіе, каждый разговоръ усиливаетъ и раздражаетъ твою страсть! Сначала разлука покажется тебѣ невыносимой, но потомъ ты привыкнешь къ ней, и страсть мало по малу утихнетъ, успокоится, благоразуміе возьметъ надъ нею верхъ, и прежняя твоя энергія побѣдитъ теперешнее уныніе.

— Нѣтъ, это невозможно! это не поможетъ, Степанъ Петровичъ! проговорилъ Александръ, опуская голову на грудь; я только и живу когда вижу ее, и если моя любовь составляетъ мое несчастіе, то это несчастіе хочу я нести до послѣдней минуты моей жизни! Еслибъ я и могъ побѣдить мою любовь, я не покусился бы на это! Я ею живу, дышу, питаюсь ею!.. Эта любовь отрадна мнѣ, не смотря на всѣ страданія, которыя я испытываю!.. Она безнадежна, но глубока, полна отравы и блаженства! Знаете ли,

сначала я любилъ восторженно и мечтательно, какъ школьникъ, и тогда я хотѣлъ броситься къ ногамъ ея, увезти ее, застрѣлиться, и Богъ знаетъ чтó приходило мнѣ тогда въ безумную голову, но теперь, Степанъ Петровичъ, моя любовь серьезнѣе и глубже... всѣ эти отчаянныя мечты кажутся мнѣ смѣшными, недостойными моей любви! теперь я люблю безъ надежды, безъ цѣли, не думая о будущности, наслаждаюсь минутами счастья молча, боязливо, и одинъ взглядъ ея, одно слово, одно ласковое слово награждаетъ меня за все!..

— А когда ты ее не видишь, ты предаешься унынію, Александръ, жизнь кажется тебѣ пошлою и безотрадною, эта чудная жизнь, которою ты долженъ наслаждаться! Въ душѣ твоей нѣтъ бодрости, нѣтъ юношеской силы, лучшаго дара Божія!.. Александръ, дай мнѣ слово...

Но Александръ не слушалъ его и повторялъ только, это невозможно!

Вдругъ раздалась въ домѣ и на дворѣ ужасная суматоха: пожаръ! пожаръ! кричали со всѣхъ сторонъ. Спокойно подошелъ Степанъ Петровичъ къ окну и съ трудомъ могъ отворить его, такъ силенъ былъ вѣтеръ. Онъ увидѣлъ толпу дворовыхъ, которые бросивъ свои занятія, спѣшили на пожаръ: гдѣ горитъ? спросилъ Степанъ Петровичъ одного изъ нихъ, но голосъ его былъ заглушенъ говоромъ и поднявшеюся суматохой. Тогда онъ заперъ окно и позвалъ своего камердинера, отъ котораго узналъ, что горитъ Никитинка, (усадьба Ермолая Никитича).

— Живѣе вели намъ осѣдлатъ лошадей, сказалъ Заливинъ, да скажи, чтобъ заложили коляску и ѣхали бы на пожаръ, нельзя знать чѣмъ кончится.

Никитинка находилась не болѣе, какъ въ пяти верстахъ отъ Нагорнаго, и выйдя на балконъ въ ожиданіи лошадей, Степанъ Петровичъ увидѣлъ яркое пламя, широкой полосой поднимающееся къ нему.

— Ёдемъ же! ѣдемъ, Александръ! закричалъ онъ крестнику, погруженному въ размышленіе. Стыдись, Александръ! я не узнаю тебя! Въ прежнее время тебя бы уже давно не было въ домѣ!.. и онъ увлекъ за собою молодаго человѣка, удивленнаго, что его принуждаютъ думать о чемъ-нибудь другомъ, какъ о любви его къ Вѣрѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ они были уже на пожарѣ...

Страшная, живописная и оживленная картина представилась тогда ихъ взору.

Сотни крестьянъ сбѣжались со всѣхъ сосѣднихъ деревень, слѣдя христіанскому и трогательному обычаю русскихъ мужичковъ нашихъ сѣверныхъ губерній, предписывающему старому и малому спѣшить на пожаръ, какою бы кто не былъ занятъ работою. Находится ли онъ въ полѣ, или въ лѣсу, или дома, онъ и днемъ и ночью долженъ бросить все и спѣшить на мѣсто бѣдствія, если не хочетъ заслужить общаго презрѣнія въ деревнѣ. Крикъ, стукъ топора, трескъ обгорѣвшихъ балокъ мѣшались съ порывистымъ шумомъ вѣтра, раздувавшего пламя. Одно строеніе за другимъ пожиралось огнемъ, не смотря на всѣ усилія остановить его. То яркой блестящей полосой возносилось пламя къ небу, то огненною змѣей окружало оно ветхія избы, и онѣ рушились съ трескомъ, и вѣтеръ уносилъ огненные головни на другія строенія.

Пламя разгоралось, шумъ увеличивался; кругомъ все рушилось, все уничтожалось! Люди, какъ черные призраки, стояли на крышахъ, отбрасывая головни и стараясь спасти строенія; но вдругъ обвивала ихъ огненная спираль, и они спасались, отчаяваясь остановить успѣхи пожара.

Вотъ сгорѣла ужъ конюшня, людская, анбаръ съ хлѣбомъ, скотный дворъ. Вдругъ вѣтеръ перемѣнилъ направленіе, онъ подулъ на барскій домъ; искры и горячіе уголья посыпались на жилище Ермолая Никитича.

Александръ, одушевившійся мужествомъ при видѣ страшнаго бѣдствія, и Степанъ Петровичъ со всегдашнимъ спокойствіемъ духа, принимали всѣ мѣры для спасенія дома. Ихъ голоса громко раздавались въ толпѣ крестьянъ; Александръ помогалъ черпать воду и подавать ведра стоящимъ на крышѣ людямъ, въ срединѣ которыхъ находился и Степанъ Петровичъ. Дѣятельно, мужественно боролся онъ тамъ съ опасностью, не теряя ни минуты присутствія духа и до-тѣхъ-поръ не покидалъ онъ дѣла, пока не увидѣлъ, что всѣ усилія напрасны и безсильны противъ могущества огня. Убѣдясь въ этомъ, онъ всѣмъ велѣлъ сойти съ крыши и заботиться о своей безопасности. Только что успѣлъ онъ и товарищи его спуститься на землю, какъ пламя обхватило строеніе со всѣхъ сторонъ; настала минута тишины и безмолвія, всѣ глаза были устремлены на домъ; вдругъ шумъ, трескъ и свистъ вѣтра прервали эту ми-

нутную, торжественную тишину, и скромное жилище Ермолай Никитича скоро обратилось въ грудѣ пепла.

По приказанію Степана Петровича, изъ дому было вынесено все, что успѣли захватить.

Теперь Степанъ Петровичъ поспѣшилъ къ Ермолаю Никитичу и Наташѣ. Посреди двора стоялъ бѣдный старикъ безмолвно и неподвижно; мутные глаза его были устремлены на пожирающее пламя.

Его единственный пріютъ—село, построенное его отцемъ, домъ, въ которомъ онъ жилъ со дня рожденія до глубокой старости, уничтожались предъ нимъ, и онъ прощался съ раздирающимся сердцемъ съ своимъ любимымъ жилищемъ и не хотѣлъ сойти съ мѣста, пока не обрушилась послѣдняя балка. Пламя ярко освѣщало лице бѣднаго старика, его сѣдые волосы, его блѣдныя, впалыя щеки. Дрожь потрясала все тѣло его, и руки судорожно сжимались на груди. Возлѣ него стояла Наташа, обвивая рукою станъ своего дѣда; голова ея крѣпко прижалась къ его плечу, и слезы катились изъ глазъ ея, устремленныхъ на огненную картину. Увидя Степана Петровича, Наташа протянула ему руку и молча показала на дѣда.

— Ермолай Никитичъ, сказалъ Заливинъ, обращаясь къ старику, съ нынѣшняго дня вашъ домъ въ Нагорномъ, и пора вамъ туда отправиться.

— Ведите меня, куда хотите, я ничего не понимаю,—отвѣчалъ старикъ дрожащимъ и слабымъ голосомъ.

Во время переѣзда, старикъ не выговорилъ ни слова. На него такъ ужасно подѣйствовалъ испугъ, причиненный неожиданнымъ дѣйствіемъ, что весь организмъ его былъ потрясенъ, и онъ находился почти въ совершенномъ безпамятствѣ.

Только что они пріѣхали въ Нагорное, Степанъ Петровичъ послалъ за медикомъ.

2.

Старикъ провелъ ночь безъ сна, жаловался на сильную головную боль, но подъ утро онъ успокоился, и Наташа заснула. Проснувшись, она увидѣла Степана Петровича и доктора, разговаривающихъ возлѣ кровати ея дѣдушки. Она посмотрѣла на нихъ вопрошающимъ взглядомъ, и Заливинъ сказалъ, что старичку тот-

часть поставить пивки, и что медикъ надѣется предупредить этимъ воспаленіе въ мозгу.

Наташа опустила глаза. Она поняла, что ее щадятъ, что дѣвуха ея въ опасности, и вышла изъ комнаты помолиться и поплакать безъ свидѣтелей.

Въ сосѣдней комнатѣ встрѣтила она свою горничную, которую Степанъ Петровичъ поселилъ въ Нагорномъ, какъ и всѣхъ дворовыхъ Ермолая Никитича. Отъ нее узнала Наташа, что Заливинъ посылалъ въ Осиновку просить Наталью Ѳедоровну пріѣхать на нѣсколько дней въ Нагорное, и молодая дѣвушка отгадала въ этомъ новомъ вниманіи деликатное намѣреніе Степана Петровича, желающаго доставить ей въ своемъ домѣ покровительство почтенной женщины.

Окончивъ наскоро свой утренній туалетъ, Наташа вышла на балконъ, и пораженная прелестью картины, открывшеюся передъ нею, она долго стояла на одномъ мѣстѣ, сложивъ благоговѣнно руки и съ восторгомъ разсматривая чудесный пейзажъ.

Зелень при утреннемъ освѣщеніи, казалась такъ серебриста, природа такъ молода!.. Сердце Наташи забилось сильнѣе, кровь потекла быстрѣе въ ея жилахъ, душа наполнилась силою, бодростью и любовью; румянецъ выступилъ на щекахъ, глаза за блестями восторгомъ. Долго любовался ею Степанъ Петровичъ, остановившійся въ дверяхъ балкона и не замѣченный сиротою. Ему казалось, что прекрасная головка Наташи окружена новымъ восхитительнымъ свѣтомъ, что природа привѣтствовала ея появленіе, и роскошно развивала свои очарованія предъ ея дѣвственными глазами, наполняя благоговѣніемъ ея молодую душу, и Степану Петровичу казалось, что Наташа должна поселиться въ Нагорномъ, подъ его кровомъ, подъ защитой его отеческой любви, и что это сіяющее отрадное небо послало ему въ ней свѣтлаго генія, чтобъ усладить его уединенную жизнь!..

Ему хотѣлось прижать ее къ своему сердцу съ родительскою любовью, но размышленія и разсудокъ уничтожали сладкую мечту; она казалась ему невозможною въ исполненіи, и Заливинъ молча смотрѣлъ на молодую дѣвуху, не смѣя назвать ее дочерью!..

3.

Не стану томить васъ описаніемъ хода болѣзни Ермолая Никитича и всѣхъ перемѣнъ, происшедшихъ въ продолженіе шести

дней, которые послѣдовали за роковою ночью. Наташа переходила отъ надежды къ страху, отъ радости къ отчаянью, и не покидала своего благодѣтеля. Настасья Ѳедоровна съ готовностью исполняла просьбу Заливина, и переѣхала въ Нагорное, оставивъ домъ свой подъ надзоромъ старшей дочери. Всѣ сосѣди приняли живое участіе въ положеніи бѣднаго старика и его внуки.

Ненила Андреевна нисколько не огорчившаяся вѣстью о пожарѣ въ Никитенкѣ, взбѣсилась и пришла въ отчаяніе, когда узнала, что этотъ несчастный случай сблизилъ Наташу съ Заливинимъ, и подъ видомъ участія посѣщала она ежедневно Нагорное, желая наблюдать за сиротой; но Степанъ Петровичъ избобрѣталъ каждый разъ предлогъ, чтобъ удалить ее отъ Наташи, и не впускалъ ее въ комнату больного.

Докторъ не выѣзжалъ изъ Нагорнаго, но онъ мало надѣялся на выздоровленіе старика. На седьмой день болѣзни, воспаленіе возобновилось, и не смотря на всѣ мѣры, принятыя къ спасенію больного, опасность стала непобѣдима, и Наташу приготовили къ новому удару.

Печальный видъ представляла въ этотъ день комната больного. Заливинъ, докторъ и Настасья Ѳедоровна окружали умирающаго старика; Наташа сидѣла на постели дѣдушки и держала его руку.

Всѣ молчали; слышно было только тяжкое дыханіе Ермолая Никитича. Наконецъ и оно прекратилось... Но долго еще сидѣли присутствующіе въ молчаніи, боясь однимъ движеніемъ, однимъ словомъ нарушить ужасную тишину, какъ будто ожидая услышать еще разъ вздохъ умирающаго...

Докторъ первый всталъ съ своего мѣста, нагнулся къ трупу и перекрестился.

— Что? спросила его тихимъ и взволнованнымъ голосомъ Настасья Ѳедоровна?

— Умеръ! отвѣчалъ онъ ей также тихо.

— Умеръ! повторила Наташа, вскочивъ съ своего мѣста, и съ этимъ словомъ замертво упала къ ногамъ Степана Петровича.

4.

Задумчиво сидѣла Вѣра въ своемъ уютномъ кабинетѣ недѣлю спустя послѣ описываемаго нами событія. Видно было, что ее

занимала какая-то мысль, что она обдумывала какой-то планъ. Юрій вошелъ въ комнату. Вѣра ласково протянула ему руку и усадила его въ самый покойный уголь кушетки, что служило съ ея стороны вѣрнымъ доказательствомъ благорасположенія.

Вспомня ея намѣреніе дуться, молчать и капризничать, съ которымъ мы оставили ее при нашемъ послѣднемъ свиданіи, вы удивитесь, можетъ быть, читатель, ея ласковому обращенію съ мужемъ; но я могу васъ увѣрить, что съ тѣхъ поръ Вѣра уже нѣсколько разъ успѣла съ нимъ и поссориться, и помириться.

— Отгадай, мой другъ, о чемъ я думала въ эту минуту? спросила она мужа, обращаясь къ нему съ очаровательною улыбкой.

— Этотъ вопросъ загадка или предисловіе? спросилъ Юрій цѣлуя ея руку.

— Можетъ быть и то и другое!

— Такъ я долженъ отгадать?

— По крайней мѣрѣ постараться. Не будь такъ самоувѣренъ!

— Ты думала... обо мнѣ!.. Не такъ ли?

— Отчасти о тебѣ!

— Отчасти! Какъ это лестно для моего самолюбія!

— Ну, отгадай же Юрій, о чемъ я думала?

— О нарядахъ, о балахъ, о Петербургѣ, отчасти обо мнѣ, какъ ты сама сказала; о новыхъ модахъ, о новомъ романѣ, о старыхъ знакомыхъ, о молодыхъ поклонникахъ, о...

— Тссъ, довольно!—прервала Вѣра, зажимая ему ротъ.—Ты недогадивъ и не вѣжливъ до невѣроятности!.. Слушай же, я разрѣшу тебѣ мою загадку: я думала о *добромъ дѣлѣ!*..

— И отчасти обо мнѣ!.. Не бери назадъ своихъ словъ; я никакъ не намѣренъ отказаться отъ моей части.... особенно въ настоящемъ случаѣ.

— Я и рассчитывала на это, Юрій.

— Въ чемъ же дѣло?

— Ты не догадываешься?

— Не придумала ли ты лоттерею, балъ и спектакль въ пользу бѣдныхъ?.. Не захотѣлось ли тебѣ повеселиться и потанцовать съ благотворительною цѣлью!

— Нѣтъ, мой другъ, я думала о Наташѣ, о бѣдной, круглой сиротѣ, оставшейся безъ пріюта и безъ покровительства...

— Да, ея положеніе очень грустное! Теперь она въ Осиновкѣ.

— Но не останется тамъ навсегда. Семень Сергѣевичъ не предложилъ ей у себя постоянного жилища: онъ пригласилъ ее въ свой домъ только на первое время, ты самъ знаешь: у нихъ большое семейство; конечно, со временемъ Наташа могла бы быть имъ полезной, но теперь ея здоровье такъ потрясено, что требуетъ неусыпныхъ попеченій...

— Кто же сообщилъ тебѣ всѣ эти подробности?..

— Сама Настасья Федоровна и Александръ; они говорили со мною откровенно. По словамъ Грузиной я догадалась, что хотя она съ-горяча и принимала живое участіе въ сироткѣ, однако не имѣетъ намѣренія оставить ее у себя навсегда въ домѣ.

— Наташа легко найдетъ себѣ мѣсто!

— Юрій! она такъ молода, такъ неопытна, каково ей итти въ чужіе люди!

— Твоя правда, мой милый другъ; я раздѣляю твое состраданіе къ бѣдной дѣвушкѣ... Но скажи пожалуйста, отчего она не осталась въ Нагорномъ?..

— А подъ какимъ именемъ могла она остаться тамъ? Развѣ она дочь, жена, родственница Заливина?..

— Зачѣмъ онъ на ней не женится?

— Зачѣмъ, что ему за сорокъ лѣтъ, а ей осьмнадцать!

— Какъ все это досадно!..

— Юрій, милый мой Юрій, ты вѣрно угадываешь мою мысль?

Юрій молчалъ. Вѣра устремила на него вопрошающій взглядъ.

— Послушай, Вѣра, я очень хорошо понимаю тебя. Твое намѣреніе дѣлаетъ честь твоему сердцу. Только смотри... не съ-горячи ли ты задумала этотъ поступокъ? Рѣшиться на доброе дѣло легко, — на это требуется только доброе сердце, но выполнить его до конца, выполнить добросовѣстно—трудно: для этого нужна твердость характера и строгая обдуманность. Ты берешь на себя святую обязанность, принимая сироту подъ свое покровительство. Она еще ребенокъ, какъ ты сама сказала; въ состояніи ли ты руководить ее?

Вѣра задумалась; поступокъ, на который она совѣмъ уже было рѣшилась, представился ей въ новомъ свѣтѣ. Ее испугали слова обязанность, отвѣтственность, обдуманность; но что кажется намъ невозможнымъ въ молодости? На что мы не рѣшимся, какой обѣтъ не возьмемъ на себя, когда сердце наше стремится къ доброму дѣлу, когда состраданіе влечетъ насъ къ ближнему?

— Юрій! ты увидишь, я буду ей матерью, я буду заботиться не только о ея существованіи, но и объ ея нравственности... Положимъ, что я вѣтрена, но я сознаю свои недостатки и предостерегу отъ нихъ Наташу. Юрій! Юрій! если ты меня любишь, согласишься на мою просьбу!.. и Вѣра взяла руку мужа и поцѣловала ее съ любовью... Милое, доброе мое дитя! отвѣчалъ Вельскій, тронутый добротою Вѣры. Я согласенъ на все, что можетъ радовать и утѣшать тебя; но я боюсь за тебя, мнѣ страшна отвѣтственность, которую ты на себя берешь: ты такъ еще не опытна!.. Послушай, вотъ что я тебѣ предлагаю. Мы останемся еще мѣсяць въ деревнѣ; пригласи къ себѣ Наташу на это время, не говоря ей о дальнѣйшихъ планахъ. Это будетъ время испытанія; если ты его выдержишь, если ты привыкнешь къ обществу Наташи, полюбишь ее, если я увижу, что все идетъ какъ слѣдуетъ, я соглашусь принять сиротку подъ наше покровительство. Что ты на это скажешь?

— Что я люблю тебя больше всего въ мірѣ, что добрѣе и умнѣе тебя нѣтъ человѣка на землѣ, и что я самая счастливая женщина на свѣтѣ! сказала Вѣра, обнимая мужа и цѣлуя его съ нѣжностью. А Юрій думалъ про себя: я увѣренъ, что чрезъ мѣсяць Вѣра выброситъ изъ головы эту фантазію; ей надоѣстъ роль ментора, и она пойметъ, что взялась не за свое дѣло!

5.

На другой же день Юрій поѣхалъ въ Осиновку и сообщилъ Наташѣ приглашеніе его жены. Наташа, поблагодаривъ его, обѣщала дать отвѣтъ на другой день, желая посоветоваться передъ тѣмъ съ Степаномъ Петровичемъ, съ своимъ опекуномъ. Степанъ Петровичъ не былъ знакомъ съ Вѣрой, но съ давнихъ лѣтъ зналъ Юрія, и всегда считалъ его благороднымъ и степеннымъ, хотя и тщеславнымъ молодымъ человѣкомъ. Онъ охотно бы отдалъ Наташу подъ его покровительство, если бъ его не страшила мысль довѣрить судьбу своей любимицы молодой Вельской, которую онъ вовсе не зналъ. Но что было дѣлать? Онъ не находилъ для сироты другаго пріюта, и такъ какъ Юрій приглашалъ къ себѣ Наташу только на одинъ мѣсяць, Степанъ Петровичъ совѣтовалъ ей воспользоваться этимъ приглашеніемъ. Онъ самъ привезъ Наташу въ Орлиново и познакомился съ Вѣрой, которая приняла сиротку

съ сердечною ласкою и съ трогательною добротою. Когда Заливинъ оставлялъ любимое дитя подъ новымъ кровомъ, съ мало знакомыми ей людьми, сердце его стѣснилось, онъ благословилъ Наташу, поцѣловалъ ее въ лобъ, съ трудомъ скрывая грустныя ощущенія.

Наташа прослезилась прощаясь съ своимъ опекуномъ. Когда за нимъ затворилась дверь, Вѣра ласково взяла ее за руку. Такъ вы очень любите Заливина?—спросила она ее улыбаясь.

— Больше всѣхъ, больше всего въ мѣрѣ, отвѣчала сирота съ тѣмъ выраженіемъ голоса, которымъ обладаютъ только горячія искреннія чувства неиспорченного сердца, непривыкшаго еще умѣрять и скрывать свои движенія.

Вѣра повела Наташу въ устроенную для нея комнатку, убранныю изящно, даже роскошно, и Наташа улыбнулась отъ радости при видѣ веселенькаго и прелестнаго уголка, назначеннаго ей. Съ ея выразительнаго личика исчезли слѣды слезъ, она, какъ ребенокъ, любовалась мягкой нарядною мебелью, всѣми вещицами, игрушками и цвѣтами, украшающими ея комнату. Вѣру веселила ея радость, ея благодарность, выражавшаяся восклицаніями, отрывистыми словами, робкими ласками, и долго слышны были веселые голоса Наташи и ея молодой покровительницы въ комнаткѣ сироты... но когда Вѣра ушла, Наташа задумалась, она подошла къ окну, которое выходило въ садъ. Садъ былъ отлично содержимъ: широкія прямыя дорожки были чисто выметены и защищены большими, вѣтвистыми деревьями. Нѣсколько прекрасныхъ мраморныхъ статуй выглядывали между темной и густой зелени деревьевъ. Въ клумбахъ роскошно цвѣли рѣдкіе цвѣты, померанцовыя деревья украшали каменную красивую балюстраду, выдающуюся въ садъ, и распространяли вокругъ себя чудное благоуханіе, которое долетало до Наташи сквозь легкія кисейныя занавѣски ея окна... Сиротка любовалась великолѣпіемъ пышнаго Орлинова, но невольно сравнивала его съ живописною мѣстностью Нагорнаго, и роскошь, окружающая ее, показалась ей холодною, безотрадною, когда она вспомнила крутые овраги Павлиновки, когда глазамъ ея представилось тихое, живописное Нагорное, представилось въ томъ видѣ, въ какомъ она увидѣла его въ первый разъ, при нѣжномъ утреннемъ освѣщеніи, при ясномъ, сіяющемъ небѣ, исполненное чудной красоты, величія и очарованія! и душа ея перенеслась туда, въ гостепріимный домикъ, принявшій подъ кровъ свой умирающаго старика и бѣдную сиротку! Но

пусть Наташа привыкаетъ къ новому быту, разстанемся съ нею не на долго и посмотримъ, что дѣлають Грузины.

6.

Мы опять въ Осиновкѣ, и опять въ Осиновкѣ суматоха. Бываютъ же такіе дома, гдѣ ничего не дѣлается безъ ужасной возни. Приѣзды, отъѣзды, именины, праздники, даже обыкновенныя прогулки, даже ежедневныя обѣды сопровождаются хлопотами, бѣготней, волненіемъ. Привычка суетиться и возиться сообщается отъ господъ и людямъ: всѣ разосланы, всѣ бѣгаютъ, всѣхъ зовутъ, всѣ заняты, всѣ что-нибудь дѣлають, а согласишься, все можно бы сдѣлать гораздо лучше и гораздо проще, безъ суматохи и бѣготни.

На этотъ разъ волненіе происходитъ по случаю отъѣзда Александра въ Петербургъ. Весь домъ на ногахъ. Настасья Федоровна суетится, люди суетятся, дѣти, Богъ знаетъ, зачѣмъ туда же суетятся! Тишевинъ съ досады на нихъ убѣжалъ въ садъ; жена ищетъ его по всему дому. Семень Сергѣевичъ ходитъ сердито по комнатамъ и кричитъ на всѣхъ, кто попадется ему на глаза. Александръ сидитъ въ своемъ кабинетѣ и пишетъ, не трудно угадать кому!.. Окончивъ письмо, онъ запечаталъ его, положилъ въ карманъ и вышелъ на крыльцо, гдѣ ожидала его осѣдланная лошадь, и Александръ въ послѣдній разъ поѣхалъ въ Орлиново, провести полчаса, послѣдніе полчаса съ Вѣрой и проститься съ нею на долго!.. потому-что мѣсяцъ казался вѣчностью влюбленному юношѣ, привыкшему видѣть Вельскую почти ежедневно.

Семень Сергѣевичъ пошелъ въ кабинетъ Александра, и не найдя его тамъ, сталъ звать его во все горло. Ему объявили, что Александръ уѣхалъ не надолго въ Орлиново. Семень Сергѣевичъ сердито стукнулъ по письменному столу, и нѣсколько исписанныхъ листовъ бумаги полетѣли на полъ. Нечаянно бросивъ на нихъ взглядъ, Семень Сергѣевичъ сморщился. Онъ прочиталъ нѣсколько страстныхъ выраженій, которыми Александръ началъ одно изъ недоконченныхъ и брошенныхъ имъ писемъ, адресованныхъ Вѣрѣ. Имя ея не было написано, и Семень Сергѣевичъ, вспомнивъ неоднократно повторяемыя ему сплетни Ненилы Андреевны, заключилъ изъ прочитанныхъ строкъ, что Александръ писалъ Наташѣ и повезъ ей письмо свое. Выведенный этимъ изъ себя, онъ встрѣтилъ Александра строгимъ выговоромъ, когда грустный и разстро-

енный молодой человекъ возвратился часа черезъ два домой. Къ крыльцу былъ поданъ дорожный экипажъ; лошадей начали закладывать; чемоданы были уложены; Настасья Федоровна перестала хлопотать и принялась плакать; Семень Сергѣевичъ все еще шумѣлъ и кричалъ на Александра, который ничего не замѣчалъ и ничего не понималъ, погруженный въ свои размышленія. Щеки его были блѣдны, а въ глазахъ отражалась кака-то болѣзненная, тревожная мысль, какое-то раздраженное, горькое чувство.

— Пора ѣхать! сказалъ онъ наконецъ, и всѣ, посидѣвъ, перекрестившись бросились къ нему прощаться со слезами, только полковникъ все еще сердился, читалъ сыну строгія нравоученія, грозя ему своимъ гнѣвомъ, если онъ не выброситъ пустяковъ изъ головы.

— Глупый мальчишка! развѣ ты не понимаешь, что она тебѣ не пара? Вотъ еще что вбилъ себѣ въ голову!.. Зналъ бы я раньше объ этомъ! и т. д... Говорилъ онъ даже въ ту минуту, когда Александръ садился въ коляску, но только что экипажъ выѣхалъ за ворота, ему стало жаль сына: Стой! закричалъ онъ своимъ громкимъ голосомъ, Александръ, ступай сюда!—Александръ подбѣжалъ къ отцу. Полковникъ вынулъ изъ портфеля пачку бумажекъ, отдалъ ихъ сыну и хотѣлъ было разстаться съ нимъ, но не утерпѣлъ, обнялъ, поцѣловалъ его и ушелъ поспѣшно въ домъ, хлопнувъ за собою дверью.

Александръ уѣхалъ. Настасья Федоровна поплакала и успокоилась; Семень Сергѣевичъ поворчалъ и замолкъ.. хотя не надолго; дѣти потосковали по братѣ, но утѣшились сдобными булочками; Вѣра посмѣялась, читая письмо Александра и забыла о его существованіи.

Письмо его, небрежно изорванное пополамъ, было подобрано лакеемъ, перешло въ руки Макара Николаевича, а изъ нихъ къ Ненилѣ Андреевнѣ. Пріятели читали съ ироническою улыбкою страстные, пламенные выраженія, выливавшіяся изъ взволнованной груди юноши, и добрая вдова увѣряла своего собесѣдника, что письмо писано къ Наташѣ. Оно поступило въ ея кладовую рѣдкостей, находящуюся въ маленькомъ ящикѣ, запертомъ въ большомъ ящикѣ, который въ свою очередь былъ запертъ въ еще большемъ ящикѣ. Бѣдный Александръ!..

Онъ былъ далеко отъ Орлинова, отъ Вѣры, отъ улыбающейся, прелестной волшебницы, которая отравила его сердце, недавно

еще пылкое, недавно еще полное любви къ жизни, полное восторга и сладкихъ тревожныхъ мечтаній!

Не тотъ былъ теперь Александръ, какимъ пріѣхалъ въ началѣ лѣта въ Осиновку! У *того*, у прежняго, безопаснаго, веселаго Александра, щеки горѣли румянцемъ здоровья и молодости, глаза блистали гордо и весело, сердце билось сильно въ юношеской груди!.. у *того* Александра улыбка добродушія смѣняла улыбку энтузіазма, въ его душѣ было столько любви, столько благородныхъ, пламенныхъ стремленій!.. Гордый, благородный юноша превратился въ малодушнаго раба, котораго счастье зависѣло отъ каприза красавицы, отъ ея улыбки, отъ ея взгляда. Была-ли она съ нимъ холодна, и Александръ предавался отчаянію, улыбалась-ли она ему съ какою-то полунѣжностью, и сердце его замирало отъ блаженства и въ душѣ возставалъ лучъ счастья, бѣглый, слабый лучъ минутнаго счастья... а потомъ начинались снова сомнѣнія, отчаяніе, ревность, всѣ мученія раздраженной, безнадѣжной любви, которая какъ змѣя обвила его существованіе, задушила его молодую силу, отравила честную душу юноши, вселила въ ней зависть, ревность и грусть!..

Онъ любилъ не вѣтренною любовью безопаснаго юноши, не возвышенною любовью, основанною на уваженіи, онъ любилъ тревожной, раздраженной, ревливой, безнадѣжной любовью — и онъ страдалъ!..

Бѣдный Александръ!..

АФРИКАНСКІЯ ПЛѢННИЦЫ.

Г-нъ Лантерніеръ, возвращаясь изъ Буфарика въ свою деревню Адель-Ибрагимъ съ женою, дочерью и двумя нѣмками, наѣхалъ на засѣвшихъ около дороги арабовъ. Путешественники были ими взяты въ плѣнъ и вскорѣ проданы Эмиру-Абдель-Кадеру. Это случилось въ 1836 году, въ апрѣль мѣсяцъ.

Абдель-Кадеръ стоялъ въ это время лагеремъ въ окрестностяхъ Тафны. Прибывъ въ его станъ, подъ конвоемъ своихъ похитителей, плѣнники встрѣтили тамъ одного француза г-на Мориса, плѣненного незадолго предъ ними.

Разбитый при Тафнѣ французскимъ генераломъ Бигодомъ, Эмиръ значительно упалъ въ мнѣніи своихъ партизановъ. Войска его не хотѣли итти впередъ и расходились. Остальной лагерь былъ объятъ страхомъ. Тревожимый такими явленіями, Абдеръ-Кадеръ перенесъ свой лагерь въ окрестности Маскары, но неудовольствіи побѣжденныхъ вмѣсто того чтобъ стихнуть, увеличились еще болѣе. Власть его была уничтожена, и въ шумъ фальшивой ночной тревоги самая его палатка разграблена и разрѣзана на куски.

При этомъ неповиновеніи Абдель-Кадеръ понялъ, что жизнь плѣнныхъ христіанъ находилась въ опасности, и каждую минуту можно было ожидать, что бунтовщики разстрѣляютъ мужчинъ и уведутъ въ неволю женщинъ.

Чтоб оградить плѣнныхъ отъ насилія возмутившихся, Эмиръ отдалъ приказаніе тридцати неграмъ, составлявшимъ въ то время родъ его отборной гвардіи, отвести плѣнныхъ христіанъ, мужчинъ и женщинъ, въ Недрому и отдать ихъ отъ его имени подъ покровительство каида этого города. Абдель-Кадеръ приказалъ арабамъ обходиться ласково съ мужчинами и уважать женщинъ. По прибытіи въ Недрому, мужчины были заключены въ тюрьму, а женщины помѣщены въ домъ каида. Черезъ нѣсколько времени Эмиръ потребовалъ къ себѣ Мориса, и съ того дня каждый разъ, когда дѣло касалось до переговоровъ съ французскимъ генераломъ о размѣнѣ плѣнныхъ, Абдель-Кадеръ, вѣроятно уже рѣшившій въ умѣ своемъ участь Лантерниеровъ, строго наказалъ, чтобъ даже самое имя Лантерниера не произносилось въ этихъ переговорахъ.

Когда, по возвращеніи отъ Текедемты, Абдель-Кадеръ остановился предъ Маскарой, г-нъ Лантерниеръ былъ освобожденъ чаусами и снова приведенъ къ Эмиру — подвергаясь дорогою невыносимымъ мученіямъ: голова его была разбита камнями, которые бросали въ него мальчишки; спина его была испещрена палочными ударами чаусовъ — оплакивая свою судьбу, старикъ не могъ впрочемъ не замѣтить, что въ лагерь Эмира все готовилось къ новому переходу. Арабы принесли изъ города три рамки, служащія для поддержанія на спинахъ муловъ походныхъ шатровъ, нѣчто въ родѣ носилокъ съ опущенными занавѣсками, скрывающими отъ глазъ проходящихъ лица путешествующихъ мавританскихъ женщинъ, и три клѣтки, въ которыя помѣстили двухъ львенковъ, двухъ пантеръ и трехъ страусовъ. Кромѣ этихъ рамокъ и клѣтокъ принесены были еще изъ города коверъ, шитый золотомъ и шелкомъ; два бурнуса голубаго и краснаго сукна, вышитые золотыми нитками; нѣсколько ковровъ посредственной доброты; четыре лошади, четыре мула и два ящика серебра.

Когда вещи эти были уложены и навьючены на муловъ, погонщики двинулись подъ конвоемъ чаусовъ къ Недромѣ, въ которой чаусы показали бумагу Эмира, заключающую повелѣніе каиду выдать четырехъ женщинъ подателямъ.

Плѣнныхъ христіанокъ немедленно посадили на муловъ, опустили занавѣски шатровъ, и поѣздъ двинулся, только не къ Маскарѣ, а къ Тефрзѣ, по направленію къ Ушдаху, одному изъ первыхъ городовъ Марокко, на границѣ Алжира. Бѣдныя плѣнницы ни отъ кого не могли узнать куда ихъ везутъ и что ожидаетъ ихъ. Никто не упомянулъ имъ ни про отца, ни про мужа, и онѣ должны

были, въ мучительной неизвѣстности, отдаляться отъ края, въ которомъ провели первые годы послѣ своего переселенія изъ Европы, занимаясь хлѣбопашествомъ, чтобъ приобрести сумму, необходимую для возвращенія во Францію на скромную жизнь. Имъ не суждено было видѣться съ своими спутниками. Морисъ умиралъ въ тюрьмѣ Маскары, а нѣсколько мѣсяцевъ спустя, наканунѣ своего освобожденія изъ тюрьмы, въ Миланахъ умеръ и Лантерниеръ.

Въ первые дни путешествія, окруженный вниманіемъ и заботами плѣнницы, надѣялись быть скоро освобождены, и что каждый шагъ по новой дорогѣ приближалъ ихъ къ свободѣ. Но эта надежда была непродолжительна. Пріѣхавъ въ Ушдахъ, чаусы отвели женщинъ въ домъ городского каида. Тамъ онѣ узнали, что болѣе уже не принадлежатъ Абдель-Кадеру, и что шефъ арабовъ и Алжирии послалъ ихъ въ подарокъ Мюлей-Абдеррахману, императору Марокко.

При этой новости бѣдныя женщины залились слезами и впади въ самое глубокое отчаяніе. Онѣ поняли всю обширность своего несчастія; онѣ болѣе уже не принадлежали самимъ себѣ, теряя отечество, семейство и имя; онѣ не принадлежали уже къ числу французскихъ плѣнниковъ, которыхъ Абдель-Кадеръ мѣнялъ ежедневно на арабскихъ, увезенныхъ въ Марсель.

Неизвѣстность объ участи, которая имъ готовится у новаго владѣльца, погружала ихъ въ самыя ужасныя опасенія.

Покрытыя складками выючныхъ палатокъ, онѣ не видѣли ничего, и чаусы вмѣсто того чтобъ помѣстить муловъ, везшихъ плѣнницъ другъ за другомъ, изъ предосторожности, или изъ утонченной злости, помѣстили между ними по клѣткѣ со львомъ и пантерой. Животныя, раздражаемыя неровною походкою муловъ и одиночествомъ, въ которомъ ихъ содержали, испуская ужасныя рыканія, потрясали доски клѣтокъ, терзая ихъ зубами и когтями. Непріятный отъ нихъ запахъ пугалъ лошадей и муловъ и производилъ тошноту у мужчинъ и женщинъ.

Плѣнницамъ казалось, что завыванія эти предшествовали завываніямъ тѣхъ звѣрей, которымъ ихъ бросятъ на жертву при рукоплесканіяхъ народа, тѣснящагося на ступеняхъ цирка, чтобъ насладиться ихъ предсмертными муками.

Въ Ушдахъ чаусы Абдель-Кадера передали караванъ въ руки городского каида.

Убѣдившись, что никто изъ женщинъ, хищныхъ звѣрей и

страусовъ не заболѣвъ, они возвратились назадъ, простившись съ плѣнниками, спрашивая ихъ не будетъ ли отъ нихъ какихъ порученій къ г-ну Лантерниеру? Женщины отвѣчали: «Лучше позабыть о нихъ, чѣмъ объявлять ему, что его жена и дочь потеряли свободу и поступили въ невольницы къ султану Марокко. Эмиръ, прибавили онъ, ничего не скажетъ про насъ, онъ скорѣе заставитъ предполагать французовъ, что мы томимся въ тюрьмѣ какой-нибудь области Маскары, или умерли, чѣмъ откроетъ, что продалъ насъ, вопреки всѣхъ правъ челоучества, марокскому султану за нѣсколько хаиковъ и мѣшковъ пороху. Если его поведеніе обнаружится, то онъ подвергнется общей ненависти, и его союзникъ Мюллей-Абдеррахманъ будетъ униженъ въ глазахъ Франціи, съ которою онъ въ своихъ трактатахъ обѣщалъ держать самый строгій нейтралитетъ.»

При этомъ отвѣтѣ чаусы засмѣялись и отправились.

Каидъ Ушдаха, не давая почти отдохнуть каравану, отправилъ его въ путь, давъ для охраненія двадцать марокскихъ всадниковъ.

Караванъ пустился по дорогѣ, пролегавшей по долинамъ и горамъ Рифа, и шелъ отъ восхода до заката солнца, останавливаясь по дорогѣ въ селеніяхъ. Жители встрѣчали путешественниковъ радушно и угощали лучшими своими кушаньями, въ которыхъ главную роль играло верблюжье молоко, и помѣщали ихъ въ лучшихъ своихъ каиманахъ, гдѣ арабскія дѣвушки заботились о христіанкахъ и оказывали имъ тысячи услугъ.

Всадникамъ каида Ушдаха было строго приказано, какъ можно лучше обходиться съ плѣнниками и заботиться объ ихъ здоровьѣ, и потому по пріѣздѣ въ какое-нибудь племя, они приказывали невольникамъ каравана раскидывать небольшую палатку, и когда полотно было прикрѣплено, то негры тотчасъ же выкапывали яму, глубиною въ одинъ метръ, клали въ нее потомъ хворосту и зажигали, стараясь въ то же время, чтобъ полы палатки были хорошо закрыты.

Огонь, горѣвшій въ продолженіе двухъ часовъ, такъ нагрѣвалъ ее, что она походила на баню. Дымъ, наполнявшій палатку, размахивали, и потомъ арабскія дѣвушки вводили туда христіанокъ, раздѣвали ихъ и приготовляли имъ мавританскую баню, послѣ которой плѣнницы одѣвались и шли въ отдѣленіе, назначенное имъ спальнею.

Какъ эти мавританскія омовенія не были ничтожны, но все таки онъ доставляли большое облегченіе бѣднымъ женщинамъ,

измученнымъ путешествіемъ, подвергавшимъ ихъ палящимъ лучамъ африканскаго солнца, пыли пустынныхъ песковъ и ѳдимъ, жгучимъ дуновениямъ ужаснаго самума. Кромѣ того вечерній одыхъ пріятно вознаграждалъ христіанокъ за дневное утомленіе. Только что онѣ сходили съ муловъ, марокцы тотчасъ же помѣщали ихъ въ одной палаткѣ, нисколько не мѣшая, въ продолженіе всей ночи, мѣняться между собою своими опасеніями и утѣшать другъ друга. Нельзя было безъ сильнаго чувства смотрѣть на этихъ четырехъ женщинъ, мѣшавшихъ свои слезы и сожалѣнія, разговаривая объ отечествѣ и своихъ отсутствующихъ семействахъ. Чуждыя по религіи и рожденію тому народу, между которымъ бросила ихъ судьба, онѣ составляли какъ бы одно семейство, терпящее одинакія страданія и раздѣляющее одинакую жизнь.

Старшей изъ нѣмокъ (изъ Альзаса) было около тридцати лѣтъ. Она была одною изъ тѣхъ толстыхъ красавицъ, которымъ необходимо быть въ дыму кухоннаго очага, чтобъ скрыть полноту своихъ формъ. Впрочемъ, не смотря на это, Тереза была добрая женщина, дѣятельная, хорошая хозяйка, чувствительная и одаренная характеромъ самымъ рѣшительнымъ.

Другой молодой дѣвушкѣ, Жозефинѣ, сопровождавшей ее, было не болѣе шестнадцати лѣтъ. Кроткая и застѣнчивая, послушная и уступчивая, съ голубыми глазами, свѣтлыми волосами и прекраснымъ лбомъ, Жозефина могла служить типомъ дѣвственной красоты. Жребій обратилъ ее, по прибытіи въ Алжиръ, въ служанку лагерной харчевни, но еслибъ она, по рожденію, принадлежала къ богатому и знатному семейству, то ея грація, скромность и нравственное достоинство сдѣлали бы изъ нее самую милую дѣвушку высшаго круга.

На бивуакахъ это милое дитя кротко исполняло свою должность: полоскала стаканы, вытирала столы и скамейки, и хотя не умѣла пить и браниться, какъ прочія маркитантки, однако же своею безыскусственною простотою заставила солдатъ уважать себя.

Солдаты понимали, что Жозефина въ шинкѣ была не на своемъ мѣстѣ, и что если бѣ имъ издумалось пить съ нею, то она была бы ни достаточно мужественна, ни довольно сильна, чтобъ выдержать ихъ угощеніе. Имъ казалось, что эти дѣйствительныя уста очень скоро потускнутъ отъ ихъ поцѣлуевъ, воспламененныхъ водкою и табакомъ, и что есть существа, подобныя нѣкоторыхъ цвѣткамъ, увядающимъ отъ дуновенія сильнаго вѣтра. Дѣвушка эта незамѣченная, не смотря на свою шестнадцатилѣтнюю пре-

лесть, питухами, наполнявшими таверну, должна была опасаться возбудить въ мавраxъ какое бы ни было нѣжное чувство. Тонкія черты ея не могли прельстить людей, которые ищутъ прежде всего въ женщинахъ формъ, совершенно развитыхъ и грубыхъ.

Г-жа Лантерниеръ достигла уже 30 или 35-лѣтняго возраста. Въ 15 лѣтъ она могла бы обратить на себя вниманіе своею свѣжестью и прекрасною талією, и почиталась стройною дѣвушкою, но ея красота и бѣлизна давно уже исчезли отъ полевыхъ работъ, и тяжелые труды наложили на нее неизгладимую печать, которую они кладутъ на всѣхъ, посвятившихъ себя обработкѣ земли; зато умъ ея остался тѣмъ же самымъ тонкимъ, смысленнымъ и добродушнымъ. Она была фермерка степенная, дѣятельная, говорливая, откровенная, хитрая до чрезвычайности, и г-ну Лантерниеру не всякій разъ можно было говорить, когда ему вздумается, повелительное: «я хочу!» По этому она очень страдала въ плѣну, и вмѣсто того, чтобъ переносить его съ покорностью, какъ Жозефина, проводила свое время въ жалобахъ противъ насилія, и въ надеждахъ на лучшую участь.

Четвертая изъ плѣнницъ, Виргинія, дочь г-жи Лантерниеръ, достигла уже 17-лѣтняго возраста. Ни физически, ни морально она не походила на своихъ спутницъ.

Съ двѣнадцати лѣтъ, на фермѣ, гдѣ она родилась, ее заставляли присматривать за коровами, водить на водопой лошадей, полоскать и мыть бѣлье въ общей прачешной въ ночное время; копать землю заступомъ; пахать и жать рожь, а между тѣмъ, не смотря на усталость отъ этихъ различныхъ работъ, Виргинія приходила всегда первая на мѣсто танцевъ, и уходила послѣдняя; но никогда, выходя изъ этихъ веселыхъ собраній, не видали ее поздно ходившую вдоль стѣнъ, или въ полуоткрытыхъ коридорахъ домовъ, чтобъ кокетничать съ любезниками, ухаживавшими за нею. Это была дѣвушка мужественная и болѣе всѣхъ любимая въ деревнѣ; она была лучшимъ цвѣткомъ своего околотка и не находилось въ окрестностяхъ другой, которая могла бы съ нею сравняться. Каштановые ея волосы ниспадали локонами по вискамъ; черные глаза дышали жизнію, остроуміемъ и дѣтскимъ плутовствомъ, носъ и профиль ея были правильны и пріятны, а губы украшались улыбкой самой граціозною и милою, форма же ея головы была такъ миниатюрна, какъ только можно ее видѣть на лучшихъ статуяхъ греческой скульптуры. Шея ея немного вда-

лась въ плечи отъ тяжестей, которыя она носила еще ребенкомъ на своей головѣ. Руки и кисти могли служить образцами для самаго изящнаго ваянiя. Талiя ея отличалась контуромъ, предсказывающимъ уже дѣвственную возмужалость. Лицо деревенской дѣвушки ни чѣмъ не обличало ея низкаго происхожденiя, а напротивъ, красота ея физiономiи выражала знатность и любезность. Приходскiй священникъ научилъ ее читать и писать. Она отыскала въ старомъ шкафѣ своего отца нѣкоторыя книги, имѣ забытыя: Павла и Виргинiю, комедию Мольера, Андромаху Росина, Сида Корнеля; одну книгу Бюффона; двѣ части Клариссы Гарловъ. Эти книги, которыя она читала и перечитывала въ саду и на лугахъ, обогатили ея умъ и наполнили сердце самыми благородными чувствами; она, какъ Виргинiя, обладала разсудкомъ прямымъ и вѣрнымъ, и потому рано научилась вести себя, какъ должно, и могла оцѣнить людей, среди которыхъ жила. Она сумѣла устоять противъ несчастiй и воспользоваться обстоятельствами, въ которыя бросилъ ее случай. Она поняла, что должно отказать отъ всякой надежды увидѣть снова Алжиръ или Францiю; она говорила себѣ, что никогда не увидитъ своего отца, и что Абдель-Кадеръ перешлетъ ее въ тотъ край, изъ котораго она никогда не возвратится, и потому ей самой приходилось создать себѣ будущность между марокцами, не столь жалкую какъ участь какой-нибудь безъизвѣстной рабы, которую господинъ отталкиваетъ ногою при пришествiи новой жены. Судьбѣ угодно было, чтобъ по прибытiи въ Фецъ или Марокко, она была представлена султану. При этомъ первомъ свиданiи она нашла случай прiуготовить себѣ лучшую будущность, попавъ въ милость къ Мюлей-Абдеррахману. Въ то время какъ три ея спутницы машинально слѣдовали за марокскими всадниками, Виргинiя вмѣсто того чтобъ покориться обстоятельствамъ, старалась улучшить свою судьбу и прiуготовить свое возвышенiе.

Теперь мы уже достаточно ознакомились съ плѣнницами, которыхъ Эмиръ посылалъ въ подарокъ своему союзнику Мюлей-Абдеррахману, и слѣдовательно можемъ заняться ихъ путешествiемъ до Феца и рассказать ихъ приключенiя въ Марокко.

По мѣрѣ того какъ караванъ углублялся въ Марокко, онъ оставлялъ позади себя гористыя области Рифа и входилъ въ страну плодородную, орошаемую различными источниками, какъ-то: Уэдъ-Мелуiя и Уэдъ-За.

Многочисленные племена, обитавшiя въ палаткахъ, обработки-

вали землю и собирали обильныя жатвы ячменя и оливъ. Большія стада барановъ и быковъ прибавляли къ богатствамъ племень произведенія своей шерсти и кожъ.

Ага равнины Уэдъ-За, Сиди-Махамедъ, принялъ въ своемъ племени нашихъ путешественниковъ, и они пользовались гостепріимствомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней, въ продолженіе которыхъ лошади, мулы и всадники могли отдохнуть отъ дороги.

Четыре христіанскія женщины помѣстились въ кайманъ, занимаемомъ женами аги. Онъ были окружены вниманіемъ и предупредительностью, въ продолженіе ихъ пребыванія въ этомъ племени, за что и сами старались вознаградить услугами какія только могутъ оказать женщины: онѣ кроили платья, чинили хаики и бурнусы и научили женщинъ употреблять иголку, чесаться и кокетливо драпироваться складками хаика вокругъ тали. Виргинія Лантерниеръ была предупредительнѣе прочихъ, и ежедневно входила въ сношенія съ жителями селенія, чтобъ усовершенствоваться въ марокскомъ языкѣ; она убѣдилась, что марокскій языкъ есть тотъ же арабскій, но чище и правильнѣе того, которымъ говорятъ жители Алжира. Она замѣтила, что въ каждомъ племени маленькіе мальчики ходятъ въ школу къ марабуту и умѣютъ читать и писать. Но изученіе марокскаго языка и работы въ пользу хозяйства, не могли отвлечь мыслей Виргиніи отъ задуманнаго ею плана, и она роптала на необходимую медленность путешествія на спинахъ муловъ; ей очень хотѣлось скорѣе пріѣхать въ Фецъ, и узнать, какъ будетъ она тамъ принята. Виргинія выходила изъ терпѣнія отъ неизвѣстности ея будущности, и не смотря на убѣжденія здраваго смысла, старалась прочесть свою судьбу въ открытіяхъ, произведенныхъ случаемъ. Такъ уже созданы умъ женщины. Свѣтлый умъ наполненъ предразсудками и суевѣріями. Въ то время какъ мужчина съ силою воли идетъ прямо своею дорогою, ни мало ни заботясь, что ожидаетъ его на концѣ пути—хорошее, или худое,—женщина колеблется, отступаетъ, и прежде чѣмъ предстанетъ ей препятствіе, старается предузнать будущее. Между тѣмъ непредвидѣнная встрѣча удовлетворила желанію прекрасной плѣнницы и успокоила ея опасенія.

Караванъ стоялъ еще у Ага-Уэдъ-Зы. Солнце уже садилось. Мужчины ушли на рынокъ въ Такинъ (маленькій жидовскій городъ, въ которомъ происходитъ торговля невольниками), и еще не возвращались. Жены сидѣли у дверей каймановъ, ожидая возвращенія мужей. Невольницы и старухи готовили вечернюю закус-

ку. Дѣти играли около палатокъ; между тѣмъ какъ пастухи гнали стада съ полей, а погонщики муловъ вели своихъ ословъ на водопой къ рѣкѣ и запасались водою. Вечерній вѣтерокъ совершенно стихъ. Послѣдніе лучи заходящаго солнца разливались по небу, позолоченному ими. Поля, казалось, трепетали отъ удовольствія при приближеніи ночи, которая прольетъ на ихъ изсушенную дневнымъ жаромъ почву слезы росы, свѣжесть своего прикосновенія и таинственную тѣнь.

Плѣнные христіанки стояли у порога своей палатки и смотрѣли на занимательныя движенія, происходящія въ селеніи при закатѣ солнца: слѣдили глазами за большими верблюдами, которые становились на колѣни, между тѣмъ какъ женщины доили верблюдицъ, считали быковъ и улыбались забавамъ дѣтей; любуясь ихъ свѣтлыми глазами, блестящими зубами и большими головами, на которыхъ бритва оставила только прядь волосъ. Одна Виргинія не замѣчала ничего, смотрѣла на небо и слѣдила въ его голубомъ пространствѣ за полетомъ позолоченнаго лучами заходящаго солнца. Молодая дѣвушка углубилась въ это созерцаніе. Странныя мысли бродили въ ея умѣ и погружали въ какое-то самозабвеніе. Глаза ея были полны слезъ; странныя судороги скривили губы и холодный потъ выступилъ на лбу.

— Ты страдаешь, Виргинія? спросила г-жа Лантерниеръ.

— Нѣтъ, маменька! отвѣчала молодая дѣвушка, я задумалась. Мнѣ бы хотѣлось знать, что будетъ съ нами у султана?

— Черезъ 15 дней мы узнаемъ нашу участь, грустно прошептала г-жа Лантерниеръ.

Продолженію разговора помѣшалъ шумъ, раздавшійся въ концѣ селенія, и наконецъ толпа мужчинъ и женщинъ показалась въ отдаленіи.

— Это, кажется, не арабы? замѣтила г-жа Лантерниеръ. Какія гадкія рожи, какія они всѣ скверные, оборванные!..

— Это цыганы-гадальщики! Я хочу погадать о своей участи.

Пока двѣ женщины разговаривали, толпа этихъ бродягъ, разсыпанныхъ по всему старому свѣту, приближалась къ кайману христіанокъ. Шайка состояла изъ пяти мужчинъ, четырехъ женщинъ и четырнадцати ребятишекъ—мальчиковъ и дѣвочекъ, гнавшихъ предъ собою ослятъ, навьюченныхъ кухонною посудой, мѣшками съ крупною, нѣсколькими пучками хвороста и клѣткой съ пѣтухомъ. Ослы едва передвигали ноги; они были до чрезвычайности худы отъ продолжительнаго голода; голыя ихъ спины бы

покрыты ранами отъ палочныхъ ударовъ вожатыхъ. Женщины и мужчины по своимъ бронзовымъ лицамъ, походили на мулатовъ съ курчавыми волосами и толстыми губами. Нѣсколько лохмотьевъ, оторванныхъ отъ хаиковъ и бараньихъ шкуръ, прикрывали ихъ наготу. Женщины были съ непокрытыми головами, и вмѣсто платья носили что-то въ родѣ опояси, начинавшейся у талии и доходившей только до колѣнъ. Дѣти бѣгали голые съ головы до ногъ, а тѣ, которые были еще не въ состояніи бѣгать, были прикрѣплены за плечами своихъ матерей. Эти люди не могли сказать откуда они пришли, куда идутъ и гдѣ думаютъ остановиться. Одни изъ нихъ родились въ лѣсу, другіе во рвахъ дорогъ, третьи на приморскихъ скалахъ, четвертые на рубежѣ пустыни...

Они говорятъ языкомъ, имѣющимъ сходство со всеми, которыми только говорятъ на земномъ шарѣ. Религія ихъ—смѣсь язычества, магометанства и христіанства. Они не принадлежатъ ни къ какой землѣ и не происходятъ ни отъ одной націи, странствуя наудачу по Африкѣ, живя безопасно нищетою, весельемъ, случаемъ, зломъ и добромъ, не признавая ни отечества, ни начальника. Прихоть служитъ для нихъ правиломъ, а нужда закономъ. Во Франціи эти бродяги шатаются по полямъ, обкрадываютъ фермы; воруютъ посуду и гадаютъ. Въ Африкѣ мужчины водятъ молодыхъ ословъ, воспитываютъ нѣкоторыхъ домашнихъ животныхъ, а жены предсказываютъ легковѣрнымъ счастливую будущность. Однимъ словомъ, это племя стоитъ на самой низкой степени общества.

Среди этой толпы болѣе прочихъ замѣтна была своими театральными приемами и ухватками одна молодая женщина, сохранившая еще признаки прежней красоты, совершенно изглаженной утомительнымъ бродяжничествомъ и дѣтми. Она шла, поднявъ гордо голову, завернутая въ кусокъ краснаго бурнуса. На рукахъ ея блестяли кольца позолоченной мѣди. Волосы ея были приподняты на лбу, и были усеяны коралловыми звѣздочками. Гордая ея шея, непріятныя формы груди, удивительная гибкость талии, чистота линий рукъ и плечъ, придавали ей ту красоту, которою старались украшать богини охоты въ то время, когда ее замѣчали въ прогалинѣ лѣса, запыхавшуюся и купающуюся въ волнахъ свѣта.

По мѣрѣ того, какъ волшебница приближалась, женщины и дѣти племени, тѣсясь по ея слѣдамъ, громко кричали:

— Регина! Регина! Великая волшебница! Дочь демоновъ, скажи намъ будущее!

— Регина, отвѣчалъ одинъ изъ мужчинъ, не будетъ предсказывать сегодня.

— Она должна говорить.

— Духъ запретилъ ей!

Регина, такъ называлась цыганка, слава которой еще до-сихъ-поръ сохранилась въ племенахъ Алжиріи со стороны Орана, Рифа, Уэдъ-Малуіа и Уэдъ-Зы, въ Марокко, не удостоила отвѣтомъ толпу, негодовавшую за ея молчаніе и проклинавшую ее. Безстрастная и спѣсивая, она шла скорыми шагами къ участку Сиди-Магомета. Только что она вошла въ него, негры тотчасъ же заперли ворота, сдѣланные изъ хвороста. Остановленные этою преградой, жители селенія утихли и разошлись по домамъ

Когда бродяги прибыли къ палаткѣ женъ аги, одинъ изъ негровъ сказалъ Регинѣ нѣсколько словъ на ухо, и она взявъ клѣтку съ пѣтухомъ, пошла за негромъ къ женамъ аги. Товарищи ее развѣивали ослонъ и ѣли, сидя на корточкахъ, остатки мяса, вырѣзаннаго изъ крестца верблюда, найденнаго ими издохшимъ на дорогѣ.

Виргинія взошла въ свой кайманъ, подняла занавѣску, закрывавшую палатку, и слѣдила пытливымъ взоромъ сквозь промежутки складокъ за подробностями этой странной сцены. Жены аги говорили уже ей про Регину; ей не трудно было ее узнать, и только что она замѣтила колдунью, вошедшую въ ихъ палатку, сейчасъ же послала къ нимъ старуху, бывшую въ услуженіи у христіанокъ. Старуха скоро возвратилась съ отвѣтомъ, доставившимъ хорошенькой плѣнницѣ большое удовольствіе. Она задрожала отъ радости. Не прошло и часу, какъ уже цыганка раздвигала занавѣски, закрывавшія кайманъ плѣнницъ. Она несла въ рукѣ палочку изъ чернаго дерева и клѣтку съ пѣтухомъ. Наша героиня бросилась навстрѣчу къ жрицѣ и ввела ее въ свою палатку, со всевозможнымъ вниманіемъ и ласкою. Цыганка поклонилась ей съ важностью и ставя на землю клѣтку спросила:

— Ты посылала за мною къ женамъ Сиди-Магомета? Чего ты хочешь отъ меня?

— Я вѣрю твоему искусству, отвѣчала Виргинія, знаю твои познанія, и съ той поры какъ несчастіе привело меня въ этотъ домъ, всѣ хвалили мнѣ твою науку, и потому прошу тебя разсѣять мракъ, въ который я погружена теперь и который скрываетъ мою будущность.

— Хорошо! отвѣчала цыганка: и такъ если ты хочешь по-

скорѣе узнать ее и требуешь истолкованія, которое шепчетъ мнѣ духъ, то должна быть готова принести мнѣ жертву великодушія и твоей щѣдрости.

— Я бѣдна, Регина! Эмиръ сдѣлалъ изъ христіанской дѣвушки рабу. Могу ли я имѣть что-нибудь въ эту минуту, когда не принадлежу себѣ? Чаусы каида Ушдаха ведутъ меня въ Фецъ, гдѣ я найду себѣ господина; между тѣмъ я лишена всякихъ средствъ, и у меня нѣтъ ни денегъ, ни дорогихъ тканей, которыя могла бы предложить тебѣ.

— Но какъ же ты хочешь накормить пѣтуха, если намъ не на что купить ему нѣсколько зеренъ ячменя или пшена?

— Арабы, захвативши меня въ плѣнъ, отняли всѣ бездѣлицы, которыя я носила на шеѣ и на пальцахъ; у меня осталось только это кольцо, которое мнѣ удалось скрыть отъ всѣхъ; оно золотое, берешь ли его?

— Да!

— Такъ ты начнешь?

— Да! Но настала ночь. Въ этой комнатѣ темно; поторопимся разсѣять этотъ мракъ, потому что скоро настанетъ часъ сна для пѣтуха.

— Я достану огня.

Плѣнница пошла въ уголъ каймана за деревяннымъ шандаломъ, высота котораго была по крайней мѣрѣ три фута; въ концѣ его былъ вколоченъ гвоздь, на который Виргинія воткнула восковую свѣчу, толщиной въ мизинецъ; поставила этотъ свѣтильникъ посреди каймана и зажгла, посредствомъ куска дерева, который негръ теръ о другой. Регина сейчасъ же закрыла занавѣски палатки, выгнала негра и негрятенку, которые служили христіанамъ, и осталась одна съ плѣнницами, начиная необходимыя приготовленія къ гаданью, которое удивило присутствовавшихъ.

Свѣча бросала сомнительный свѣтъ, благоприятствовавшій начинавшемуся странному спектаклю. Половина палатки была полна полумракомъ. Четыре женщины сидѣли кружкомъ посреди палатки, горя нетерпѣніемъ и любопытствомъ. Регина стояла въ срединѣ круга, съ поднятою вверхъ головою, надутыми губами и взволнованною грудью. Она незамѣтно пришла въ то конвульсивное состояніе, которое нѣкогда заставляло сивилль дрожать всѣмъ тѣломъ. Минутами лицо ея озарялось огнемъ свѣчи. Жрица, держа свой жезлъ и дѣлая кабалистическіе знаки въ воздухъ, обра-

тилась къ четыремъ странамъ свѣта, поклонилась каждой поочереди, шепча таинственныя слова:

— Зефира! вскричала она, глядя на сѣверь.

— Ананисапа! продолжала она, кланяясь Югу.

— Эфрезія-Граммата! Прибавила она, кланяясь Востоку.

— Багадъ! кончила она простершись къ Западу. Произнеся эти заклинательныя слова, Регина подняла циновку, на которой стояла и бросила ее въ уголъ каймана. Потомъ обвела около себя волшебнымъ жезломъ кругъ, говоря слѣдующее: Христіане! Я дѣлаю магическій кругъ на землѣ; сдѣлаю на немъ столько ямочекъ, сколько буквъ въ азбукѣ; на каждой изъ ямочекъ я напишу букву, начиная съ альфы и кончая омегой. Потомъ положу въ каждую ямочку, подъ каждую букву, по зерну пшена и выпущу пѣтуха въ средину круга. По мѣрѣ того, какъ пѣтухъ будетъ клевать, мы будемъ записывать буквы, къ которымъ принадлежатъ зерна; а когда онъ перестанетъ ѣсть, мы сложимъ записанныя буквы и слово, которое составятъ буквы, предскажетъ судьбу Виргиніи. Согласна ли ты на гаданіе пѣтухомъ?

— Да! Утвердительно отвѣчала Виргинія.

— Читаешь ли ты по-арабски?

— Очень плохо.

— Такъ какую же ты хочешь азбуку, чтобъ я употребила?

— Ту, которую ты находишь болѣе способною для твоихъ чаръ.

— Я могу употреблять азбуки сирійскую, египетскую, ту-рецкую, марокскую, испанскую, итальянскую, латинскую, греческую.

— Такъ ты не знаешь французской?

— Нѣтъ, впрочемъ для меня все равно, какую не избрать азбуку; и такъ ты хочешь французскую?

— Да!

— Сколько въ ней буквъ?

— Двадцать четыре.

— Я раздѣлю магическій кругъ на двадцать четыре части и въ каждой части ты напиши по буквѣ твоей азбуки.

— Я готова исполнить!

Цыганка тотчасъ же раздѣлила свой кругъ на двадцать четыре части. Виргинія написала по порядку двадцать четыре буквы французской азбуки, и Регина начала вопрошать будущее. Спо-

собъ гаданія, употребляемый ею былъ не новъ, и даже можно сказать, очень древенъ

Въ Алжирѣ и Марокко такъ же какъ и на берегахъ Испаніи и Португаліи, гадательницы употребляютъ еще до-сихъ-поръ алектріоманцію. Этотъ странный способъ былъ принесенъ сюда римлянами изъ языческаго города, и вотъ что говорятъ про него древніе: алектріоманція составляла часть науки гадать, и исполнялась посредствомъ пѣтуха. Вотъ какъ это дѣлалось: чертили кругъ и дѣлили на двадцать четыре части; въ каждой изъ нихъ писали по одной буквѣ азбуки, и клали по одному пшеничному зерну. Послѣ этого пускали пѣтуха въ средину круга и замѣчали зерна, которыя онъ клевалъ и буквы, на которыхъ онъ лежали. Изъ этихъ буквъ составляли слово и получали предсказаніе.

— Посредствомъ этого искусства Софистъ Лабаніусъ и Вѣщунъ Жамбликъ думали, что угадали, кто будетъ наслѣдникомъ императора Валентина. Пѣтухъ склевалъ зерна, которыя лежали на буквахъ: t — h — e — o — d, они и думали, несомнѣваясь, что наслѣдникомъ будетъ Теодоръ, но вмѣсто того вышелъ Феодосій Великій. И такъ послѣ многихъ столѣтій, разрушившихъ Римскую Имперію, создавшихъ новые народы, новыя государства и религіи, на гигантскихъ развалинахъ владыкъ стараго свѣта, мы встрѣчаемъ на берегахъ Африки тѣ же заблужденія и обманы.

Какъ странны эти склонности человѣчества, которыя влекутъ его, не смотря на успѣхи времени, утолять жажду у источника грубой басни, питаемой ложью и лѣнностью нѣсколькихъ кочующихъ народовъ. Намъ слѣдовало бы прервать нашъ рассказъ немного выше и показать читателю заблужденіе, въ которомъ находились Регина и Виргинія на счетъ азбуки испанской и французской. Эти женщины не могли дать себѣ отчета въ торжественности буквъ испанской и французской азбуки, и были увѣрены, что различіе діалектовъ должно произвести перемены въ гаданіи, полагая, что по-испански пишутъ другими буквами, нежели по-французски.

Но возвратимся къ кабалистикѣ опытной цыганки. Когда Виргинія Лантерниеръ написала въ двадцати четырехъ частяхъ круга французскую азбуку, по буквѣ въ каждой, то гадательница положила по зерну на каждую букву, выпустила пѣтуха, начинавшаго уже дремать въ клеткѣ и пустила въ средину круга.

Только что пѣтухъ почувствовалъ себя на свободѣ въ срединѣ круга, то задрожалъ, махнулъ крыльями, порылъ лапами зем-

лю, потомъ гордо поднявъ голову, украшенную прекраснымъ гребнемъ, громко закричалъ. Потомъ прошелся въ кругу, глядя на Регину, слѣдившую за всѣми его движеніями. Когда онъ порядочно помахалъ крыльями, попѣлъ и далъ довольно времени зрителямъ налюбоваться его живою и смѣлою поустыю, то опустил голову къ землѣ и оставался нѣсколько времени въ недоумѣніи при видѣ зеренъ, разложенныхъ въ окружавшихъ его ямочкахъ. Цыганка, воспользовавшись этою нерѣшимостью, положила руку на птицу и сказала пльниці: что же про тебя, или про кого-нибудь изъ твоихъ мы будемъ гадать? Вѣдь ты мнѣ не сказала про кого.

— Правда твоя! мнѣ хочется знать судьбу человѣка, котораго люблю я болѣе всѣхъ.

Мы разлучены съ моимъ отцомъ. Арабы съ отъѣзда его въ лагерь Эмира, не сказали мнѣ ни слова про него. Можемъ ли мы надѣяться услышать что-нибудь про него въ Марокко?

— Ты будешь удовлетворена, отвѣчала Регина. И она вдругъ освободила пѣтуха, который обѣжавъ магическій кругъ бросился на зерна. Цыганка и христіанка слѣдили за всѣми его движеніями съ томительнымъ любопытствомъ. Виргинія записывала на землѣ буквы у тѣхъ ямочекъ, въ которыя онъ опускалъ свой клювъ. Пѣтухъ проглотилъ восемь зеренъ; два раза, подходя къ той ямочкѣ, гдѣ была буква *a*. Хоть ворожея и хорошо его приучила, но не могла заставить еще клевать. Вотъ порядокъ вышедшихъ буквъ:

M	—	a	—	l	—	n	—	è	—	a	—	n	—	t
1		2		3		4		5		6		7		8.

— Птица не хочетъ болѣе ѣсть! вскричала цыганка, обращаясь къ молодой пльниці. Теперь можно сложить буквы и прочесть кабалистическое слово.

— Маменька, продолжала Виргинія, заливаясь слезами, мой отецъ уже не существуетъ!

— Кто тебѣ сказалъ это?

— Духъ, который говоритъ устами Регины. Эти восемь буквъ составляютъ два слова: *mal*, *néant*.

— Первое слово *mal* (бѣда) означаетъ, что мой отецъ перенесъ всѣ возможные несчастія, а второе, *néant* (хаосъ) означаетъ, что онъ умеръ, что онъ теперь ничто!

— Хочешь ли продолжать? спросила цыганка.

— Да, отвѣчала Виргинія.

— Хорошо! Это показываетъ твердость, которая дѣлаетъ тебѣ честь, сказала цыганка. Теперь я буду гадать о тебѣ.

Регина снова положила зерна въ пустыя мѣста и поставила въ средину круга пѣтуха, сидѣвшаго у нее на колѣняхъ, который увидя себя снова въ кабалистическомъ кругу, гордо поднялъ голову, началъ скакать и приходилъ въ сильное раздраженіе. Ворожея сказала ему нѣсколько словъ, какъ-бы для того, чтобъ его успокоить. Пѣтухъ обернулся къ ней и, казалось, спрашивалъ ее о чемъ-то глазами, потомъ онъ бросился къ ямочкамъ, и безъ малѣйшей нерѣшимости съ инстинктомъ, влекшимъ его къ послѣднему испытанію, долженствовавшему увѣнчать все дѣло, клюнулъ двѣнадцать разъ, изъ которыхъ два раза въ то мѣсто, которое соотвѣтствовало буквѣ е. Буквы расположились въ слѣдующемъ порядкѣ: R — e — g — i — n — a — t — o — u — c — h — e

1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12.

Проглотивъ двѣнадцать зеренъ пшеницы, пѣтухъ ударилъ крыльями, испустилъ торжественный крикъ и ушелъ укрыться на колѣняхъ гадалщицы.

— Духъ кончилъ свою рѣчь!—сказала цыганка:—теперь сложи буквы.

— Онѣ сложены и составляютъ слова—Regina, touche. Regina первое слово, touche второе, сказала Виргинія.

Первое значить королева, второе: достигать, брать, или положить руку на что-нибудь, или на кого нибудь.

— Ахъ! Я понимаю значеніе. Дочь христіанъ будутъ сопровождать слава и почести. Всѣ головы преклоняются предъ нею. Дворецъ съ мраморными залами принимаетъ ее... Перлы, брилліанты висятъ въ ея ушахъ и на ея шеѣ... Ея богатая туфли топчутъ роскошные ковры... Раба сегодня, королева чрезъ нѣсколько дней...

— Говори яснѣе, вскричала прекрасная плѣнница, глядя на цыганку взоромъ полнымъ тоски.

— Regina, возразила ворожея, значить королева; touche положи руку на величіе, могущество и богатство. Ты будешь королевою Марокко. Волею сильнаго, который возьметъ тебя въ свой домъ и дастъ тебѣ...

— Кончай, произнесла молодая дѣвушка, но цыганка остановилась.

— Я слышу шумъ, сказала она: сюда... идутъ...

— Да! сказала старая негрятка, войдя въ палатку, это

всадники, возвращающіеся съ ярмарки и Сиди Магометъ приближается къ имѣнію... Пойдемъ, Регина, ужъ время тебѣ отправляться.

— Прощай, добавила цыганка Виргинія, въ величїи не забудь цыганки, которая ворожила тебѣ среди племени Уэдъ-За. Сказавъ эти слова, Регина погасила свѣчу и исчезла посреди мрака, унося пѣтуха, котораго опять посадила въ клетку. Вдругъ ага долины Уэдъ-За, предшествуемый негромъ, несшимъ свѣчу въ глиняномъ сосудѣ, вошелъ въ палатку плѣнницъ. Онъ хотѣлъ убѣдиться своими глазами, что четыре женщины не ушли изъ селенія и объявилъ имъ, что съ разсвѣтомъ онѣ отправятся въ городъ Тазу.

Только что всадники, назначенные провожать плѣнницъ, прочитали утреннюю молитву, караванъ тотчасъ-же отправился въ путь. Онъ слѣдовалъ по дорогѣ въ Фецъ, проложенной португальцами во время ихъ владычества въ Марокко. По дорогѣ встрѣчались слѣды прежнихъ укрѣпленій: здѣсь остатокъ стѣны, тамъ полуразрушенныя казармы, далѣе обширныя цитерны, порядочно еще сохранившіяся, свидѣтельство работы и дороги европейскихъ завоевателей. Нѣсколько мостовъ, отчасти разрушенныхъ, погружали свои одинокіе столбы въ рѣку.

До своего прибытія къ Сиди-Магомету, наши путешественники переправились чрезъ Уэдъ-Малуіа, на разстояніе дня пути отъ племени. За нѣсколько часовъ до прибытія они перешли въ бродъ Уэдъ-За. Въ это время года (въ концѣ декабря) зимніе дожди подняли воды, и переправа чрезъ эти рѣки представляла нѣкоторую опасность. Всадники пустили лошадей вплавъ; мулы, на которыхъ ѣхали женщины, послѣдовали ихъ примѣру, не оказывая слишкомъ большаго сопротивленія. Разстояніе между племенемъ Уэдъ-За и городомъ Тазою было пройдено; караванъ не былъ атакованъ Бедуинами, и благополучно переправился чрезъ рѣки. Скрытыя подъ складками вьючныхъ палатокъ, плѣнницы не могли видѣть, проѣзжая, первыя провинціи, ни живописныхъ окрестностей, ни полей. Виргинія могла-бы сдѣлать нѣсколько любопытныхъ замѣчаній и описать путь, по которому идутъ караваны, отправляющіеся въ Ушдахъ или Фецъ, но хорошенькая плѣнница была окружена со всѣхъ сторонъ складками палатки, которыя мѣшали ей видѣть проѣзжаемыя земли. Она могла-бы посредствомъ какого-нибудь отвертія удовлетворить свое любопытство и осмотрѣть эти мѣста, неизвѣстныя европейцамъ, но

она была занята другими мыслями, и воспоминанія о Регинѣ занимали ее гораздо болѣе полей, горъ, селеній и всего прочаго, попадавашагося по дорогѣ.

Караванъ достигнулъ наконецъ горы, на которой построены хорошенькій городокъ Таза. Еще издали эта гора, имѣющая большую высоту, открываетъ свои вершины, увѣнчанныя обширнымъ лѣсомъ. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, ниже лѣса выступали большіе голые уступы, и скалы, лишенные всякой растительности. Ниже этихъ уступовъ, у подошвы горы, солнце заливало своими лучами террасы домовъ Тазы. Городъ тянулся по одной линіи и поражалъ взоръ роскошью своей мечети, куполь которой блестялъ, какъ стальной шлемъ на головѣ римскаго воина; но вскорѣ городъ скрылся изъ глазъ за садами, составляющими какъ-бы предместье Тазы. Приходилось ѣхать ложиною, чтобъ достигнуть подошвы горы. Караванъ пробирался по тропинкамъ, проложеннымъ между садами.

Всадники проѣхали сначала старинную стѣну, построенную португальцами, потомъ старую крѣпостцу и приблизились къ воротамъ, у которыхъ собираютъ подать. Кайдъ, надзиратель при входѣ и выходѣ путешественниковъ, началъ требовать платы пошлины, но только что начальникъ каравана показалъ ему письмо эмира, и кайдъ узнавъ печать арабскаго султана, тотчасъ-же отперъ ворота и пропустилъ нашихъ путешественниковъ въ городъ.

Всадники поѣхали къ Фондаку (родъ постоялаго двора), гдѣ путешественники могутъ найти ночлегъ, прибрать свои товары и лошадей, платя за это по одному *укиа* въ день (марокская монета). Деньги эти смотритель фондака отдавалъ правителю города.

Когда служители фондака узнали, что въ числѣ людей, составляющихъ караванъ, находятся четыре христіанскія женщины, тотчасъ-же нашли тысячу неудобствъ и не хотѣли впустить. Всадники опять показали имъ письмо эмира и произнесли имя мароккскаго султана.

— Мы прибыли сюда, говорили они, по волѣ Сиди-Хаджи Абдель-Кадера; эти женщины принадлежатъ Мюлей-Абдеррахману. Мы устали, ѣдемъ отъ Ушдаха, отворите намъ ворота фондака.

— Мы охотно васъ примемъ, отвѣчали люди фондака, но мы не хотимъ пустить женщинъ, не имѣющихъ господина.

— Но господинъ ихъ вашъ султанъ. Эмиръ посылаетъ ихъ ему въ видъ подарка.

— Хорошо! Но принялъ ли ихъ нашъ султанъ?

— Онъ ихъ приметъ. Онъ хороши и молоды.

— Мы вамъ вѣримъ, но все-таки онъ дочери христіанъ и потому не могутъ войти въ домъ правовѣрныхъ. Ступайте къ правителю города.

Всадники поскакали къ правителю города. Они вѣхали въ небольшой переулочъ и остановились у большаго стрѣльчатаго портала. Негръ вышелъ имъ отворить. Каидъ каравана вошелъ одинъ въ домъ. Онъ вскорѣ возвратился и приказалъ помочь женщинамъ сойти съ муловъ. Потомъ христіанки, провожаемая каидомъ, вошли къ правителю. Пройдя подъ сводами, сдѣланными во вкусъ испанскомъ, онъ очутились на дворѣ, вымощенномъ бѣлымъ мраморомъ, посреди котораго билъ ключъ на нѣсколько дюймовъ отъ земли и потомъ бѣжалъ свѣтлымъ каскадомъ въ бассейнъ изъ такого же бѣлаго мрамора. На дворѣ стояли шесть прекрасныхъ лошадей, привязанныхъ недоузками къ кольцамъ, укрѣпленнымъ въ стѣну. Негры, одѣтые въ бумажныя рубашки бѣлыя и красныя и въ колпаки, имѣющіе форму сахарныхъ головъ, пурпуроваго цвѣта, лежали потягиваясь около лошадей, которымъ дворъ служилъ конюшнею.

Каидъ, проходя по двору, бросилъ на лошадей взглядъ, выражавшій удивленіе и желаніе имѣть такихъ же; потомъ онъ и женщины вошли въ корридоръ, ведшій въ садъ, входомъ которому служилъ навѣсъ изъ густыхъ виноградныхъ лозъ. Правитель города сидѣлъ подъ тѣнью виноградныхъ кистей и листьевъ на богатыхъ подушкахъ, и важно курилъ трубку. По сторонамъ его нѣсколько каидовъ и ага предавались тому же развлеченію. Правитель города былъ мужчина лѣтъ пятидесяти и отличался добрымъ и красивымъ лицомъ и важною осанкой. Онъ велѣлъ христіанкамъ открыть лица, и осматривалъ ихъ съ ногъ до головы въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, не обнаруживъ ни движеніемъ, ни словомъ впечатлѣнія, которое онъ произвели на него. Потомъ сдѣлавъ имъ нѣсколько вопросовъ, приказалъ помѣстить женщинъ въ отдѣленіе, занимаемое его женами.

На третій день, по приказанію правителя Тазы, караванъ снова двинулся въ путь. Онъ спустился въ долину по узкой тропинкѣ, пролегавшей между камышевыхъ заборовъ, или стѣнъ изъ камня, ограждавшихъ сады. Великолѣпные павильоны и чудныя

плантации оливковыхъ, апельсинныхъ, фиговыхъ и гранатныхъ деревьевъ, обращали эти сады въ участки сколько пріятные, столько и доходные. По дорогѣ встрѣчались погонщики, гнавшіе передъ собою муловъ и ослятъ, навьюченныхъ каменною солью. Эти люди отправляются за два льѣ отъ Тазы собирать эту соль, и продаютъ ее за весьма низкую цѣну, такъ что на десять су каждое семейство можетъ пріобрѣсть полный годовой запасъ.

Когда караванъ миновалъ сады и въѣхалъ въ долину, то мало по малу линіи домовъ Тазы начали сливаться въ одинъ неясный предметъ и наконецъ скрылись съ горизонта. Путешественники проѣхали то мѣсто, гдѣ марокцы собираютъ каменную соль, потомъ переехали чрезъ гору, у подошвы которой разстилается обширная долина, пересѣкаемая рѣкою съ холмистыми берегами. Племена, живущія въ этой долинѣ, занимаются обработкою земли. Кое-гдѣ виднѣлись остатки укрѣпленій, напоминавшіе побѣды и паденіе чужеземнаго владычества.

Послѣ трехдневнаго пути путешественники доѣхали до высокой горы и увидѣли, что имъ приходится почти карабкаться на нее. Всадники спѣшились, женщины тоже, и каждый мужчина всходилъ на гору, таща за собою свою лошадь. Дорогою марокцы собирали камень, которые тщательно прятали въ складки своихъ хаиковъ. Наконецъ не безъ труда достигли они вершины горы, которую составляла большая площадка; на ней было нѣсколько кучъ камней, положенныхъ одинъ на другой и въ такомъ огромномъ количествѣ, что они могли бы служить достаточнымъ матеріаломъ для постройки большого города. Съ этой верхней площадки видна была обширная долина, кончавшаяся съ одной стороны горою и пересѣкаемая прекрасною рѣкою. Городъ Фецъ возвышался на первыхъ отлогостяхъ этой горы, и отсюда можно было различить дома, вмѣщавшіе въ себя 300,000 обывателей. Спицы минаретовъ и куполы мечетей и дворцовъ, крытые бѣлыми, зелеными и голубыми черепицами изъ фаянса, блестя на солнцѣ и рѣзко обозначали городъ на ясномъ горизонтѣ, послѣднія линіи котораго постепенно исчезали въ океанѣ зелени. При видѣ города, марокцы положили камень, собранный ими на тѣ, которые уже здѣсь лежали, и исполнили по-видимому столь простое дѣло съ какою-то торжественностью, обнаруживавшею въ нихъ религіозное предубѣжденіе. Потомъ они пали ницъ и цѣловали землю. Послѣ этихъ колѣнопреклоненій они встали и молились Аллаху и Магомету, поднимъ руки къ не

бу. Вотъ каковы молитвы, которымъ предаются марокцы, когда готовятся въ первый разъ войти въ городъ султана. Чтобы спуститься съ горы и облегчить спускъ съ уступовъ, марокцы принуждены были сдѣлать обходъ и достигли равнины безъ всякихъ приключеній.

Караванъ переправился чрезъ рѣку Фецъ по великолѣпному мосту, построенному еще во времена побѣдъ португальцевъ, и пошелъ по дорогѣ, проложенной между садами, на перекрестокъ, въ центрѣ котораго находился марабутъ (гробница шейха), памятникъ изъ бѣлаго мрамора; плиты голубаго фаянса покрывали его куполь; голубыя, оранжевыя, красныя и фіолетовыя стекла были вставлены въ отверстія, пропускавшія свѣтъ во внутренность зданія.

На этомъ мѣстѣ христіанки едва не сдѣлались жертвою одного отвратительнаго сумасшедшаго. На ступеняхъ марабута сидѣли слѣпые, разслабленные и калѣки, просившіе милостыню. Добрые люди, проходя цѣловали имъ головы и подавали милостыню.

Извѣстно, что на изуродованныхъ и сумасшедшихъ у мусульманъ смотрять какъ на существа привилегированныя. По этому эти несчастные калѣки пользуются совершенною безнаказанностью. Между этими больными, которые просили на ступеняхъ марабута, находился молодой и красивый человѣкъ, порывавшійся очень странно на всѣ стороны; онъ былъ совершенно нагъ; голова его была покрыта черными, включенными волосами, до которыхъ никогда не касалась бритва; онъ поводилъ свирѣпо глазами, и слюна выступала густою пѣной на его губахъ. При видѣ каравана, безумный испустилъ дикій крикъ, бросился между лошадьми и побѣжалъ къ мулламъ, везшимъ женщинъ. Всадники разступились и сдѣлались простыми зрителями дерзости, которой предаяся сумасшедшій; онъ бросился къ Виргиніи Лантерниеръ, раздвинулъ занавѣски, скрывавшія отъ него молодую дѣвушку и отступилъ пораженный удивленіемъ; но вскорѣ онъ восторжествовалъ надъ овладѣвшимъ имъ впечатлѣніемъ, вскочилъ на мула; взялъ на руки хорошенькую плѣнницу и поставилъ ее на землю; потомъ бросился къ ней въ ноги и цѣловалъ руку; глаза его налились кровью; онъ хотѣлъ сжать молодую дѣвушку въ своихъ объятіяхъ, но она съ пылающимъ лицомъ и глазами, съ угрозою на устахъ и съ важнымъ движеніемъ сказала:

— Я христіанка и плѣнница Сиди-Михидинъ-Абдель-Кадера!

— Кефръ? спросилъ безумный.

— Да! Кефръ (христіанка), возразила Виргинія, и я убью тебя этимъ ножемъ, если меня тронешь! Поступокъ ли плѣнницы укротилъ сумасшедшаго, или названіе христіанки поселило въ немъ ужасъ, который чувствуетъ мусульманинъ ко всѣмъ, кто не раздѣляетъ съ нимъ его религію, неизвѣстно, только этотъ жалкій человѣкъ оставилъ Виргинію. Онъ пошелъ заливаясь горькими слезами. Пока ханжи окружали его, осыпая заботами и подарками и цѣлуя въ голову, всадники посадили Виргинію на прежнее мѣсто, и караванъ поѣхалъ далѣе. Послѣ доброй четверти часа ѣзды караванъ достигъ до предмѣстья, занимаемаго кузнецами, продавцами крупъ и соломы; потомъ вдоль старой стѣны, построенной португальцами онъ пошелъ посреди возрастающей толпы любопытныхъ, къ однимъ изъ воротъ города Феца. Тамъ всадники увидѣли желѣзную дверь и два десятка солдатъ, загородившихъ имъ дорогу. Каидъ, командовавшій карауломъ, опросилъ солдатъ, прочиталъ письмо эмира и велѣлъ отворить желѣзную дверь. Караванъ проѣхалъ чрезъ нее и она тотъ же часъ затворилась. Путешественники очутились въ улицѣ купцовъ; здѣсь дали имъ двухъ чаусовъ, которые должны были проводить новопріѣзжихъ во дворецъ императора Мюлей-Абдеррахмана.

Изъ улицы купцовъ всадники вѣхали въ улицу мельницъ. Эту улицу называютъ такъ потому, что по обѣимъ ея сторонамъ построены дома, въ которыхъ, посредствомъ гидравлическихъ колесъ, мельники приводятъ въ движеніе жернова для молотья муки.

Когда путешественники выѣхали изъ города противоположными воротами, то всадники поѣхали вдоль обширныхъ садовъ, насаженныхъ гранатовыми, оливковыми, апельсинными и лимонными деревьями и приблизились къ большому мраморному съ колоннами порталу, португальской постройки, чрезъ который вѣзжаютъ въ *Буръ* (резиденцію султана).

Буръ построенъ на горѣ и возвышается надъ городомъ, надъ которымъ онъ какъ бы виситъ цитаделью и готовъ брызнуть картечью въ непокорныхъ.

Самый Фецъ построенъ амфитеатромъ у подошвы горы.

Караванъ остановился предъ большимъ порталомъ и солдаты, охранявшіе входъ, пропустили путешественниковъ. Проѣхавъ мѣсто, занимаемое монументальными воротами, караванъ вѣхалъ на дворъ, обрамленный съ четырехъ сторонъ высокими стѣнами, выбѣленными известью. Нѣсколько низкихъ дверей, отворявшихся

наравнѣ съ землею, обозначали, что эти стѣны служатъ оградю обширнымъ строеніямъ, занимаемымъ султаномъ и его дворомъ.

Негры помогли женщинамъ сойти съ муловъ; другіе развѣвывали сундуки съ серебромъ, коврами, бурнусами и хаиками, а арабы изъ Атласскихъ горъ, нарочіо посланные въ Марокко, занялись клѣтками, въ которыхъ привезли львовъ, гіенъ и страусовъ.

Дворъ, озаренный солнцемъ, съ блестящими отъ свѣта стѣнами, былъ наполненъ въ эту минуту движеніемъ и волненіемъ, представлявшимъ самый живописный контрастъ съ пустотою и молчаніемъ, бывшими здѣсь до прибытія каравана. Лошади и мулы, освобожденные изъ-подъ тяжести, стряхивали пѣну, бѣжавшую по ихъ мордамъ, между тѣмъ какъ верблюды подымали свои тонкія головы и сильно зѣвали, что означаетъ у нихъ голодь и усталость. Женщины сидѣли на землѣ, закутанныя въ складки хаиковъ, которые покрывали ихъ головы и опускались на лица.

Дворъ наполнился офицерами и неграми, а множество негритенковъ съ безпокойными взглядами, бѣлыми зубами, одѣтые въ пурпуровыя рубашки и въ голубыхъ фескахъ, надоѣдали ново-прибывшимъ своимъ буйствомъ и любопытствомъ.

Только что арабы, которымъ было ввѣрено во время дороги попеченіе о хищныхъ звѣряхъ, посланныхъ эмиромъ султану, поставили на землю клѣтки съ двумя львами и двумя гіенами, какъ вдругъ страшныя рыканія раздались въ оградѣ Бура. Львы и гіены, прыгая въ своихъ клѣткахъ, отвѣчали неистовымъ ревомъ крикамъ животныхъ, поздравлявшихъ ихъ съ прибытіемъ. При этомъ случаѣ лошади, мулы и верблюды, пораженные ужасомъ, дрожали всѣмъ тѣломъ, и ихъ проводники употребляли всѣвозможныя усилія, чтобъ удержать ихъ на мѣстѣ.

Мы послѣ узнаемъ, откуда раздавались рыканія львовъ, радовавшихся прибытію своихъ новыхъ товарищей.

Прошло болѣе часа, пока дворцовая прислуга угощала кофею и чаемъ путешественниковъ. Вдругъ у дверей раздался какой-то шумъ, за которымъ наступило почтительное молчаніе. Султанъ, сидя на прекрасной вороной лошади, окруженный придворными, вѣхалъ на дворъ. Онъ сошелъ съ лошади и подошелъ къ толпѣ, среди которой лежали подарки Абдель-Кадера. Одинъ изъ невольниковъ держалъ зонтикъ надъ головою султана, а двое другихъ постоянно махали шелковыми платками, чтобъ освѣжать его и отгонять мухъ.

При видѣ султана всѣ присутствующіе наклонили головы, и каждый съ глубокимъ почтеніемъ цѣловаль его бабуши и одежду.

Онъ довольно ласково принялъ чаусовъ эмира; велѣлъ выдать имъ по нѣскольку монетъ; потомъ началъ разсматривать львовъ, гіенъ и страусовъ; любовался красотою хищныхъ звѣрей и приказалъ ихъ запереть въ львиный ровъ, назначенный для казни жидовъ. Страусовъ же невольники отвели на пустой дворъ, гдѣ паслись куры и пѣтухи.

Бурнусы, хаики и ковры привлекли вниманіе султана. Онъ хвалилъ нѣжность тканей и богатство красокъ. Потомъ онъ пошелъ къ лошадямъ, внимательно осмотрѣлъ ихъ и остался не всеѣмъ доволенъ ихъ формами и ростомъ и сказалъ: «Если хаики и бурнусы, сдѣланные въ Эль-Коалъ, равняются мягкостью и прочностью хаикамъ, работаннымъ въ его городѣ Мекенъ, то за то лошади Алжиріи хуже марокскихъ. Алжирскія лошади, продолжалъ онъ, не велики ростомъ и посредственной наружности; онѣ происходятъ отъ смѣшанной породы и изнурены восьмилѣтнею войной. Сиди-Хаджи-Абдель-Кадеръ-Михидинъ увѣренъ, что животныя могутъ обойтись безъ хорошей пици. Онъ ошибается. Овесъ и бобы должно давать лошадямъ, смотря по работамъ, которыхъ отъ нихъ требуютъ. Если онъ будетъ продолжать это, то чрезъ нѣсколько лѣтъ уничтожить хорошихъ жеребцовъ въ своихъ городахъ. Я знаю, что онъ смѣется надъ марокцами и упрекаетъ насъ въ обжорствѣ и куреніи кѣфа (льняныхъ зеренъ). Онъ таковъ же съ людьми, каковъ и съ лошадьми, но гораздо лучше командовать сытыми и здоровыми солдатами, нежели начальствовать надъ тощими, изнуренными голодомъ и ищущими себѣ пици во всякое время дня и ночи. Такъ поступаютъ только собаки, понуждаемая голодомъ, которыя бродятъ около селеній и никогда не находятъ чѣмъ удовлетворить хотя на день голодъ, который ихъ беспокоитъ и мучитъ. Но эмиръ думаетъ и ведетъ себя, соображаясь съ своимъ разсудкомъ. Я не имѣю права учить чему-нибудь марабута Мекки и побѣдителя христіанъ-французовъ. Онъ великъ и дѣйствуетъ по любви и закону Магомета. Все, что я видѣлъ, прекрасно и великолѣпно! Я съ благодарностію принимаю эти подарки, доказывающіе мнѣ щедрость и дружбу эмира. Я и безъ этихъ подарковъ сохранилъ бы ненарушимый союзъ, соединяющій двѣ имперіи противъ общаго врага ихъ религіи, и если обстоятельства того потребуютъ, я самъ лично пойду въ Рифъ съ огромною арміею и всеѣми моими пушками Ларраша, Тагера, Магадора и

Феца для того, чтобъ дать тамъ сраженіе французамъ.» Вотъ что поручаю вамъ сказать вашему господину.

— Тутъ еще не все. Въ письмѣ говорится о четырехъ женщинахъ-христіанкахъ?

— Да!

— Я ихъ еще не видалъ.

— Звѣри, ткани, лошади и деньги лучше ихъ.

— Безъ сомнѣнія; теперь покажите женщинъ.

— Онѣ сидятъ у муловъ.

— Позовите ихъ.

— Ты хочешь ихъ посмотреть?

— Да, и прежде чѣмъ отошлю ихъ домой, хочу ихъ видѣть въ присутствіи чаусовъ эмира. Я хочу, чтобъ онѣ могли сказать своему султану, что я остался доволенъ женщинами также какъ львами и бурнусами.

По этому приказанію каидъ, провожавшій караванъ отъ Ушдаха, пошелъ къ плѣнницамъ, приказалъ имъ встать и идти за нимъ. Женщины повиновались и подошли къ султану; потомъ сѣли на землю и, по приказанію каида, подняли складки хаиковъ, служившихъ имъ покрывалами.

При видѣ плѣнницъ, мароккскіе начальники были поражены удивленіемъ; но присутствіе султана не позволило дать свободу чувствамъ, пробудившимся въ нихъ, и они принуждены были оставаться въ нѣмомъ созерцаніи. Однакожъ трудно было ошибиться на счетъ той иностранки, которая между своими спутницами болѣе всѣхъ возбуждала ихъ страсть. Взгляды всѣхъ были прикованы къ нѣмкѣ Терезѣ. Полнота ея формъ, свѣжесть лица, сильныя и полныя ея плечи и груди привлекали взоры. Султанъ посмотрѣлъ съ притворнымъ равнодушіемъ на новыхъ невольницъ. Онъ, казалось, скорѣе вычислялъ сколько каждая изъ нихъ могла стоить, если бъ рѣшился послать ихъ на рынокъ. Онъ спрашивалъ объ ихъ лѣтахъ, здоровьѣ, силѣ, и старался узнать, не подвержена ли, которая-нибудь, болѣзни точно также, какъ на рынкѣ покупщикъ, торгующій лошадъ, или быка спрашиваетъ: нѣтъ ли въ нихъ какого-нибудь порока, по которому нельзя будетъ ихъ купить?

Султанъ приказалъ женщинамъ встать, ходить, открывать ротъ, показывать зубы, протягивать руки, шевелить пальцами и топтать ногами. Такое испытаніе было совершенно блистательно. Всѣ плѣнницы обладали порядочною силой, и труды путешествія

не имѣли никакого вліянія на гибкость ихъ членовъ и на цвѣтъ лицъ. По мѣрѣ того, какъ султанъ осматривалъ своихъ невольницъ, замѣтно было, что онъ переходилъ отъ своего перваго хладнокровія къ живѣйшему чувству и улыбался съ удовольствіемъ.

До сихъ поръ Виргинія стояла въ отдаленіи, позади своихъ спутницъ, обнаруживая болѣзненную слабость. Султанъ спросилъ у нея причину ея горя.

Молодая иностранка медленно подняла голову, опутивъ сложенные предъ собою руки, печально улыбнулась и отвѣчала, что въ минуту поступленія въ домъ новаго владѣльца, она вздыхаетъ о потерянной ею свободѣ и тоскуетъ о неизвѣстности своей будущности. Говоря это, наша героиня приняла умоляющее положеніе, придающее женщинѣ столько граціи.

Султанъ, получивъ этотъ отвѣтъ, чрезъ своего переводчика, долго смотрѣлъ на плѣнницу и не могъ владѣть собою такъ, чтобъ окружающіе не могли замѣтить его волненія при видѣ молодой дѣвушки. Виргинія не была никогда такъ хороша, какъ въ эту минуту. Обстоятельства, среди которыхъ она была брошена, увеличили ея мужество; она вся дышала безконечною любезностью; серіозность ея положенія, изъ хорошенькой, какою она была, сдѣлала ее прекрасною. Черные ея волосы, приглаженные прядями на вискахъ и заплетенные волнующеюся косою, падавшей на плечи, блестя на солнцѣ синеватымъ бархатнымъ отливомъ. Глаза ея дышали грустью, выражающею нѣжность давно уже обманутой надежды. Она стянула краснымъ шерстянымъ снуркомъ свой хайкъ около пояса, и чрезъ это дрожащая грудь ея обозначалась рѣзче въ складкахъ ея драпировки и обрисовывала сильнѣе правильность формъ. Ея маленькія хорошенькія ножки скрывались въ бабушахъ, отчасти изорванныхъ. Но невозможно описать всей ея свѣжести, длинныхъ рѣсницъ, пурпурныхъ губъ и всей дѣвственности красоты.

Султанъ молча любовался плѣнницею, предоставивъ прочимъ марокцамъ созерцать полныя формы Терезы, между тѣмъ какъ самъ подробно разсматривалъ тонкія и нѣжныя черты и формы Виргиніи. Что-же касается до Жозефины, самой молодой и нѣжной изъ этихъ женщинъ, то на нее никто не обратилъ вниманія; ея красоту и совершенство принимали за тѣло слабое, а лицо находили холоднымъ и неправильнымъ.

Виргинія оставалась неподвижною и нѣмою, ожидая, что новый ея господинъ объявитъ свою волю, но онъ молчалъ.

Между лицами, окружающими султана, можно было замѣтить марабута, фиолетовое платье котораго и зеленый тюрбанъ скромно отличались отъ блестящихъ костюмовъ каидовъ и аги. По рожденію онъ былъ турокъ, и пользовался большою милостію при марокскомъ дворѣ. Болѣе ловкій, чѣмъ ученый, болѣе придворный, чѣмъ набожный, марабутъ этотъ сдѣлался правою рукою султана, ввѣрившаго ему воспитаніе старшаго своего сына Сиди-Мохаметъ-Абдеррахмана. Марабутъ внимательно слѣдилъ за ходомъ явленія, разыгрывавшагося предъ его глазами, вычисляя, что могъ онъ со временемъ выиграть отъ присутствія этихъ женщинъ въ сералѣ своего повелителя, и уже узналъ, что Виргинія Лантерниеръ понравилась болѣе всѣхъ Султану. Зная вкусъ своего господина онъ уже замѣтилъ, на небѣ марокскаго двора новое свѣтило, блескъ котораго рано или поздно долженъ затмить звѣзды, блестящія въ это время на печальномъ небосклонѣ. Пока марабутъ предавался этимъ размышленіямъ, его воспитаникъ Сиди-Мохаметъ-Абдеррахманъ, старшій сынъ императора, достигшій 16-ти лѣтъ, вмѣсто того чтобъ обращать вниманіе на львовъ, гіенъ и страусовъ, привезенныхъ изъ Алжиріи и горъ Атласа, занимался только четырьмя иностранками. Глаза молодаго принца были прикованы къ группѣ пльницъ. Можно сказать, что его воображеніе и умственные способности были сильно поражены образомъ неизвѣстной ему красоты. Напряженное вниманіе, неподвижный взглядъ, незамѣтная улыбка, неровное дыханіе показывали волненіе, тревожившее это доброе и чувствительное сердце. Это свиданіе произвело переворотъ въ судьбѣ молодаго человѣка и дало опредѣленную цѣль его чувствамъ и надеждамъ. Ни начальники, ни военные, ни невольники, ни самъ султанъ, присутствовавшіе при этомъ свиданіи, не замѣтили впечатлѣнія, произведеннаго христіанкою на молодое сердце, потому что каждый изъ бывшихъ тамъ былъ проникнутъ собственными своими чувствами. Только одинъ марабутъ угадалъ по глазамъ принца причину его волненія, и съ этой минуты затаилъ мысль воспламенить еще болѣе романическое воображеніе принца.

Удовлетворивъ вполне своему любопытству, султанъ вошелъ во дворецъ, а его чаусы, приказавъ женщинамъ закрыть лицо, проводили людей, принадлежавшихъ каравану, въ домъ, имъ назначенный. Въ это время невольники Бура ввели четырехъ

женщинъ въ одно изъ отдѣленій дворца и проведя ихъ чрезъ нѣсколько дворовъ и корридоровъ ввели въ садъ, гдѣ находились апельсинныя, гранатовыя, пальмовыя и лавровыя деревья. На террасу отворялось нѣсколько дверей, которыя вели въ комнаты, находящіяся въ нижнемъ этажѣ великолѣпнаго павильона. На порогахъ этихъ дверей сидѣло десятка три женщинъ; христіанки вошли въ сераль султана. Но прежде чѣмъ займемся описаніемъ сераля, скажемъ нѣсколько словъ о старшемъ сынѣ султана. Сиди-Мохаметъ—Абдеррахманъ, командовавшій въ послѣдствіи въ званіи главнокомандующаго мароккскою арміею въ сраженіи при Исли, въ то время вовсе не занимался военными занятіями, а предавался чтенію корана. Онъ проводилъ дни въ благочестивыхъ размышленіяхъ. Появленіе христіанской невольницы произвело сильную перемѣну въ его наклонностяхъ.

Въ саду, въ который ввели Виргинію и ея спутницъ, находился большой павильонъ, украшенный куполомъ. Солнце бросало свои палящія лучи на стѣны, выбѣленные известью и на куполь, крытый фаянсовыми черепицами зеленаго и бѣлаго цвѣта. Апельсинныя, гранатовыя, лимонныя деревья и виноградъ тянулись и переплетались густыми, ароматными аллеями. Мраморный фонтанъ, сдѣланный въ видѣ раковины, кипѣлъ свѣжею чистою водою и билъ на нѣсколько дюймовъ отъ земли. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него сидѣли на коврахъ и подушкахъ жены султана. Между этими женщинами, изъ которыхъ старшая могла имѣть 20, а младшая 18 лѣтъ, было около десяти молодыхъ негритянокъ, одѣтыхъ въ красныя и бѣлыя бумажныя рубашки; нѣкоторыя женщины имѣли бронзоватую кожу, а у другихъ лица были матовой бѣлизны. Многія изъ этихъ женщинъ были довольно красивы, но ни одна не имѣла граціи, пріятности и живости. Однѣ изъ нихъ разбирали завтракъ, другія играли пальцами ногъ, или глядѣли, не видя ничего, въ разстилающееся предъ ними пространство, прочія дремали. Немного далѣе, на пьедесталѣ, составленномъ упавшею колонною, съ неподвижностью тѣхъ африканскихъ статуй, которыя венеціанцы дѣлали изъ дерева и золота и ставили ихъ при входахъ въ свои дворцы, сидѣли два негра въ пурпуровыхъ колпакахъ въ видѣ сахарной головы, въ желтыхъ шелковыхъ халатахъ и красныхъ бабушахъ. У пояса ихъ блестѣлъ бадаскаръ, украшенный парю прекрасныхъ пистолетовъ; въ рукахъ были палки, которыми постоянно вооружены все чаусы.

Еслибъ кто могъ взглянуть какъ на эти ароматныя деревья, золотистый песокъ, бѣленья стѣны, этихъ женщинъ неподвижно-праздныхъ и офицеровъ гарема, какъ падаютъ въ полдень огненные лучи африканскаго солнца, то онъ понялъ бы тишину и молчаливое оцѣпенѣнiе этой ограды, которую ревность господина окружаетъ угрозами и тайной.

Только что новыя невольницы прошли террасу, какъ ихъ ввели въ комнату нижняго этажа павильона. При видѣ новыхъ подругъ, жены султана вышли изъ своей неподвижности, но ни *Виргинiя*, ни мать ея, ни двѣ нѣмки не старались сближаться съ жительницами павильона, и ушли въ комнату, отданную въ ихъ распоряженiе. Давъ имъ немного отдохнуть отъ усталости, негры подали имъ потомъ кускусу, баранины и сластей.

Жизнь христiанокъ, разлученныхъ съ ихъ семействами и отечествомъ, должна была проходить въ этомъ жилищѣ совершенно однообразною.

Морокцы проводятъ время въ совершенной праздности. Единственныя ихъ занятiя состоятъ въ ѣдѣ, снѣ и куренiи табаку. Ихъ невѣжество не способно разгонять скуки уединенiя.

Въ другихъ мѣстахъ любовь заставляетъ жить женщинъ; поцѣлуй любезнаго, его голосъ, взглядъ занимаютъ влюбленную въ ея одинокой страсти въ теченiе годовъ; но здѣсь любовь утратила свои мечты, восторги и нетерпѣнiя. Господинъ приходитъ, останавливается, потомъ уходитъ, не сказавъ даже прости той, которая обратила на себя его вниманiе. Мало этого: въ этихъ варварскихъ странахъ господинъ приказываетъ продать на рынкѣ женщину, на которую уже не смотритъ съ удовольствiемъ, и нерѣдко случается встрѣтить, въ какомъ-нибудь жалкомъ селенiи, негритянку, бывшую любимицею султана, занимающуюся работами въ хлѣву и покрытую лохмотьями и грязью.

Виргинiя и ея спутницы зажили въ *Фецѣ* также, какъ жили въ домѣ каида *Недромы*. Онъ говорили между собою о прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, и такимъ образомъ кое-какъ избѣгали той ужасной болѣзни, которую называютъ тоскою по родинѣ. *Тереза* ни мало не страдала отъ своего новаго положенiя: она смотрѣла безъ всякаго сожалѣнiя на новое странное существованiе и жаловалась только на бездѣйствiе, на которое была осуждена. *Жозефина*, дѣвушка молодая, слабая и мечтательная, грезила и предавалась несбыточнымъ надеждамъ. Мать *Лантернiеръ* чахла отъ скуки. Праздность и бездѣйствiе уничтожили

энергію, поддерживавшую ее до-сихъ-поръ, и съ той минуты мысли ея постоянно были заняты мужемъ и стали для нея источникомъ постоянного отчаянія. Виргинія также оплакивала своего отца, но нося трауръ въ глубинѣ сердца, отдѣлила мысли отъ Франціи и занималась только своимъ новымъ отечествомъ. Здоровье, которымъ она пользовалась, покорность, съ которою переносила несчастія, вдохнули ей надежду на лучшее положеніе. Смѣлость ея росла, и красота получала каждый день новый блескъ подъ лучами огненного неба.

Въ то время, когда мать ея и обѣ нѣмки сидѣли, затворившись въ своей комнатѣ, не желая сближаться съ жительницами гарема, Виргинія не боялась приближаться къ нимъ; она вкралась въ ихъ дружбу и кончила тѣмъ, что узнала всѣ тайны ихъ быта и степень милости, которою онѣ пользовались у своего господина; ей очень желалось найти себѣ друга между этими женщинами и воспользоваться опытностью старшихъ; но она скоро убѣдилась въ бессмысленности ихъ и видѣла только дѣтей съ неопредѣленными наклонностями, грубымъ невѣжествомъ, незнавшихъ даже первыхъ условій жизни.

Четыре плѣнницы прожили такъ четыре мѣсяца, не зная, что дѣлается, не видя никого, кромѣ своихъ сожительницъ и чаусовъ, которымъ была поручена стража серая. Виргинія, постоянно занятая предсказаніями Регины, начала уже отчаяваться въ будущности, о которой мечтала. Но она не долго была осуждена прозябать въ неизвѣстномъ углу города, какъ газель, запертая въ звѣринцѣ.

Однажды утромъ, ага Бура потребовалъ, отъ имени султана четырехъ плѣнницъ.

Два негра, которымъ ввѣренъ былъ за ними надзоръ, выдали ихъ посланному, и двери гарема отворились за Виргинією. Христіанокъ привели на главный дворъ Бура, занятый всадниками и верблюдами. Жиды, негры и верблюдовожатые ходили взадъ и впередъ. Эта разнообразная толпа дѣлала свои послѣднія приготовления къ путешествію, и судя по числу людей, количеству запасовъ, должно было полагать, что предстоитъ долгій путь. На спинѣ красиваго дромадера были сдѣланы носилки, состоящія изъ пунцовыхъ шелковыхъ занавѣсокъ, вытканыхъ золотомъ. Такая пышность означала, что мѣсто на дромадерѣ займетъ женщина, пользующаяся большою милостію у султана.

Въ то время какъ верблюдовожатые и погонщики муловъ ста-

рались водворить порядокъ въ рядахъ каравана, на дворъ въѣхалъ султанъ Мюлей-Абдеррахманъ, сопровождаемый толпою агъ и марабутовъ. По бокамъ его шли два негра, державшіе надъ его годовой зонтикъ, между тѣмъ какъ два другихъ махали опахалами, сдѣланными изъ траусовыхъ перьевъ.

Султанъ приказалъ представить себѣ женщинъ, и взглядъ его остановился на прекрасномъ лицѣ Виргиніи, а потомъ перенесся на стараго марабута, который встрѣтилъ женщинъ при ихъ пріѣздѣ. Султанъ сказалъ ему нѣсколько словъ на ухо, и онъ почтительнымъ наклоненіемъ головы выразилъ покорность данному повелѣнію и отдалъ приказаніе негру, долженствовавшему вести караванъ, подошелъ къ своему повелителю.

— Зетта, сказалъ султанъ негру, возьми двухъ старыхъ женщинъ и третью молодую маленькую съ свѣтлыми волосами, и вели отвезти ихъ въ Тазу, чтобъ продать на рынкѣ въ Такиннѣ, если не найдутъ покупателей въ Тазѣ. А у той, добавилъ онъ, указывая на Виргинію, спроси ея имя.

Имя Виргиніи не понравилось мароккскому султану. Она должна получить другое, сказалъ онъ, обратившись къ марабуту. Пусть имя ея будетъ Дажіа.

— Зетта! прибавилъ султанъ, обращаясь, къ каиду каравана: Христіанка, которая назовется со временемъ Дажіа, должна быть отвезена въ Марокко, на украшенномъ дромадерѣ.

Отдавъ это приказаніе, султанъ хотѣлъ уже возвратиться во дворець, и чаусы окруживъ двухъ нѣмокъ и мать Лантерніеръ, потащили ихъ въ одну сторону, а Виргинію въ другую, какъ вдругъ раздирающіе крики заставили его остановиться. Виргинія поняла, что ее навсегда хотятъ разлучить съ матерью, бросилась въ ея объятія и не хотѣла оставить ее. Зетта ударилъ ее палкою, но это варварство еще крѣпче приковало ее къ груди старой Лантерніеръ, которая, какъ волчица, начала защищать дочь свою. Виргинія вырвалась наконецъ изъ объятій матери и бросилась подъ ноги лошади своего новаго повелителя.

— Что тебѣ нужно? спросилъ ее султанъ.

— Что мнѣ нужно? вскричала Виргинія, я хочу жить съ моею матерью!

— Но тебя съ нею не разлучаютъ.

— Нѣтъ, меня разлучаютъ съ нею.

— Неправда!

— И это ты приказалъ!

— Кто тебѣ сказалъ это?

— Я все слышала.

— Ты говоришь по-арабски такъ же хорошо, какъ и мы.

— Да, ты сказалъ Сиди-Міатбиру марабуту, что меня должно называть Дажіа и приказалъ Зеттѣ отвезти мою мать въ Тазу, а меня посадить на дромадера для отвоза въ Марокко.

— Ты хорошо поняла, вскричалъ Абдель-Рахманъ, славная голова, милое личико, Дажіа!

— Я не хочу разстаться съ матерью!

— Почему?

— О! Что отвѣчать на этотъ вопросъ, простонала Виргинія, ломая руки и горько плача. Развѣ у ребенка спрашиваютъ причину его привязанности къ матери? Я хочу жить съ моею матерью, потому что она мнѣ мать, потому что она меня любить и я ее тоже люблю; потому что ея жизнь — моя жизнь, а ея кровь моя кровь.

— Она стара; она не можетъ оказать тебѣ никакой помощи и скоро умереть, возразилъ Абдельрахманъ.

— Оттого-то я и должна любить ее еще болѣе; должна поберечь ее старость такъ, какъ она берегла мою молодость, отвѣчала Виргинія.

— Птица покидаетъ свое гнѣздо, когда уже въ состояніи летать сама, произнесъ султанъ.

— Ты сравниваешь сердце дѣвушки съ инстинктомъ животнаго. Вѣрность, память и рассудокъ отличаютъ насъ отъ звѣрей. А зачѣмъ вы даете имя дитяти и матери? А зачѣмъ негритянка дѣлаетъ замѣтку на лбу своего ребенка? не для того ли чтобъ отличить его отъ другихъ дѣтей въ ихъ племени?..

— Отъ Феца до Марокко далеко; у нее не хватитъ силъ на это путешествіе.

— Отъ Недромы до Феца тоже не близко, а она совершила же этотъ путь? Это послѣдняя моя просьба: не разлучай меня съ матерью. Ты великъ, ты всемогущъ, ты долженъ дѣлать счастливыми всѣхъ, кто тебя окружаетъ, а не обижать бѣдныхъ женщинъ, шептала невольница. Когда мы были въ плѣну у Абдель-Кадера, тогда насъ разлучили съ отцемъ. Старикъ умеръ отъ жестокости арабовъ. Не разлучай же меня съ матерью. Эмиръ насъ отдалъ императору Мюлей-Абдеррахману, и теперь вмѣсто того, чтобъ найти хоть сколько-нибудь жалости у владѣтеля Феца, Марокко и другихъ провинцій, мы стали еще злополучнѣе — мать

ведуть продавать въ Тазъ, а дочь тащутъ на какой-нибудь базаръ въ Марокко. Развѣ этого несчастія мало!

Султанъ не отвѣчалъ. Молодая дѣвушка на колѣняхъ, поднявъ руки къ небу, въ умоляющемъ положеніи ожидала приговора своего господина.

Зловѣщее молчаніе было на дворѣ. Вдругъ сильное рыканіе потрясло воздухъ: то сердились львы, ожидая жертвы казни жи- довъ.

Лошади и верблюды тряслись всѣмъ тѣломъ. Люди встревожились. Султанъ задумался.

— Мою мать! Мою мать еще разъ! продолжала *Виргинія*.

— Нѣтъ!

— Ну, такъ убей меня!

— Нѣтъ!

— Я сама лишу себя жизни!

— Нѣтъ!

— Пусть же моя кровь падетъ на твою голову! вскричала *Виргинія*, бросаясь въ корридоръ, откуда раздалось рыканіе львовъ; движеніе ея было такъ быстро, что никто не могъ предупредить ея рѣшимость.

— *Мюлей-Абдеррахманъ!* закричало благородное дитя, стоя на балюстрадѣ, возвышающейся надъ ровомъ. *Мюлей-Абдеррахманъ*, если ты меня разлучишь съ матерью, я брошусь въ этотъ львиный ровъ! Богъ мнѣ велитъ умереть! Мой отецъ у него. Удаляя мою мать, ты ее убьешь. Богъ соединитъ насъ троихъ вмѣстѣ!

— Воротись! произнесъ *Абдеррахманъ*.

— Нѣтъ! если сдѣлають ко мнѣ шагъ, я брошусь въ ровъ. Ты потеряешь меня. Я молода; ты находишь меня красивою, ты рассчитывалъ продать меня за хорошую цѣну какому-нибудь агъ, на базаръ Марокко, и что же? Ты потеряешь все, если не соединишь меня съ моею матерью!

— Такъ твоя воля сильнѣе моей?

— Да!

— А, такъ ты узнаешь, что *Мюлей-Абдеррахманъ* должно слушаться, вскричалъ султанъ. *Зетта!* Поди возьми христіанку!

Зетта бѣжалъ къ ней, но въ ту минуту когда онъ уже хотѣлъ схватить невольницу, она остановила его словами:

— Теперь уже поздно, *Зетта!* Прости меня, маменька! И закрывъ лицо руками, она бросилась въ львиный ровъ.

Марокцы, собравшіеся на дворѣ, вскрикнули отъ ужаса; самъ

султанъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, поблѣднѣлъ и судорожно потянулъ къ себѣ узду вставшей на дыбы лошади. Старуха Лантерниеръ бросала вокругъ себя дикіе взгляды, хотѣла кричать, но слова замирали у нея на губахъ, и наконецъ она упала безъ чувствъ. Всѣ присутствующіе находились въ одѣпеніи и какой-то страхъ приковалъ ихъ къ своимъ мѣстамъ. Большіе и малые ожидали, что рыканіе кровожадныхъ звѣрей дастъ имъ знать о смерти жертвы, но во рву все было тихо.

Зетта бросился къ балюстрадѣ, окружающей ровъ, и уstraшенный отчаянною рѣшимостью христіанки, остановился изумленный и молчаливый, не зная отойти, или приблизиться.

Нѣрѣшимость эта продолжалась, впрочемъ, нѣсколько минутъ. Зетта, неслыхавшій походки львовъ, преодолѣлъ ее, и слабый ропотъ человѣческаго голоса поразилъ его слухъ. Онъ влѣзъ на карнизъ, украшавшій стѣну рва, опустилъ глаза въ его пасть, и вскрикнулъ отъ удивленія, поднимая руки къ небу!

— Львы растерзали ее! спросилъ султанъ.

— Они ее не тронули, отвѣчалъ Зетта.

— Что ты говоришь?

— Истину!

Слова Зетты перелетали изъ устъ въ уста. Ропотъ недовѣрія распространился въ толпѣ присутствующихъ, и со всѣми произошла страшная перемѣна.

Султанъ, сопровождаемый старымъ марабутомъ и нѣсколькими агами вошелъ въ корридоръ. Чаусы стали у дверей, чтобъ удержать толпу любопытныхъ, которая хлынула къ порогу и напрасно старалась прорваться къ львиному рву. Абдеррахманъ вошелъ на карнизъ, и ему представилась сцена столь же рѣдкая, сколько и неожиданная.

Христіанка, лежа во рву, медленно приподняла голову, опираясь на руку. Смертная блѣдность покрывала ея лицо; глаза были закрыты, и можно было думать, что она спитъ въ горячкѣ. Одиннадцать львовъ лежали растянувшись на землѣ. Солнце осыпало ихъ огненными лучами. Эти животныя пресытились мясомъ быковъ и муловъ, полуоглоданныя кости которыхъ валялись на землѣ.

Султанъ не хотѣлъ понять причины неподвижности львовъ; онъ видѣлъ въ хладнокровіи звѣрей блестящую помощь и дивный случай; онъ стоялъ пораженный неожиданностью и удивленіемъ, и потомъ вдругъ сказалъ:

— Смотрителя львовъ!

Явился жидъ Букуба.

— Можешь ли ты спасти эту молодую женщину, Букуба? спросилъ Абдельрахманъ.

— Могу, если ты прикажешь, отвѣчалъ маленькій человекъ, одѣтый въ черный халатъ, съ чернымъ колпакомъ на головѣ, рябымъ лицомъ, тонкими губами и крючковатымъ носомъ, похожимъ на клювъ хищной птицы. Только бы не шумѣли, и чтобъ не случилось, стояли неподвижно.

— Начинай! Я тебѣ дамъ, если тебѣ удастся спасти ее, халатъ и пять дуросовъ.

Букуба, почтительно поклонился и побѣжалъ за лѣстницей.

Между присутствующими водворилось страшное молчаніе. Можно было сказать, глядя на султана и его окружающихъ, обращенныхъ лицами къ баюстрадѣ, что это готическія статуи, сдѣланныя изъ дерева и выкрашенныя золотою, лазуревою и серебряною красками.

Букуба возвратился съ разрѣзаннымъ ягненкомъ, потомъ спустилъ лѣстницу въ ровъ. Всѣ молчали и пожирали глазами жидъ. Сердце у всѣхъ сильно билось.

Привязавъ лѣстницу къ желѣзному крюку, вбитому въ парпетъ, жидъ спустился на пять ступеней, остановился въ 12-ти футахъ надъ львами и началъ дѣлать движенія, стараясь привлечь вниманіе молодой дѣвушки. Потомъ онъ сказалъ ей тихо:

— Кефръ! (христіанка) погляди на меня.

— Что тебѣ нужно? спросила жертва.

— Спасти тебя.

— Меня спасти!.. Меня спасти!.. кто тебя послалъ?

— Султанъ.

— Не шевелись! Ползи на рукахъ... Тише... вотъ такъ... Не бойся ничего... львы не сдѣлаютъ тебѣ вреда... они плотно поѣли... Теперь такъ жарко... Ахъ! стой! Большая львица шевелится.. не шевелись... она встаетъ... О несчастная... нѣтъ, она ложится..... Теперь ползи на рукахъ же... тише... еще тише... твой хайкъ дѣлаетъ шумъ... еще нѣсколько шаговъ... вотъ такъ... Берись за первую ступеньку лѣстницы... хорошо ли ты ее держишь?

— Да... но у меня кружится голова...

— Ты уже у конца... привстань... не спереди, а сзади лѣстницы... это защититъ тебя отъ звѣрей... Встань совсѣмъ... ты

меня не слышишь... Встань... хорошо... поднимайся... вотъ такъ... На седьмой ступенькѣ .. ты мнѣ дашь руку и перейдешь на передь .. Разъ... два... три... скорѣе... смѣлье... четыре... пять... шесть... семь... Перейди...

— Я падаю! простонала *Виргинія*.

— Я держу тебя!

Сказавъ это, жидъ схватилъ молодую дѣвушку за руку, но въ ту минуту, когда онъ помогъ ей перейти на передь лѣстницы, во рву раздалось страшное рыканіе. Большой левъ, уже показывающій намѣреніе встать, вскочилъ и бросился на лѣстницу. Нападеніе разъяреннаго животнаго вырвало крикъ отчаянія изъ груди присутствующихъ.

Букуба разсчиталъ уже межъ тѣмъ опасность, и опустился на нѣсколько ступенекъ... Левъ бросился на лѣстницу и схватилъ за хвѣтъ христіанку. Въ эту минуту Букуба страшно вскрикнулъ и бросилъ въ пасть льву зарѣзаннаго ягненка, бывшаго у него на плечахъ. Крикъ жиды разбудилъ львовъ: они зарычали и запрыгали вокругъ большаго льва, въ то время какъ онъ впился зубами и когтями въ мясо, забывъ про добычу, за которою погнался, и въ то время, когда другіе львы старались отнять у него добычу, Букуба, показавшій неимовѣрную силу, смѣтливость и ловкость, поднялся по лѣстницѣ, неся на рукахъ молодую дѣвушку, совершенно потерявшую память отъ страха, и положилъ къ ногамъ султана свою драгоценную ношу.

Открывъ глаза, *Виргинія* увидѣла себя на дворѣ, среди котораго стоялъ караванъ, на колѣняхъ матери, сжимавшей ее въ своихъ объятіяхъ. Бѣдной дѣвушкѣ казалось, что она пробудилась отъ тяжкаго сна, и она какъ бы не могла понять причины слезъ матери и ея ласкъ.

Первое слово ея, когда она совершенно опаматовалась, было вопль о разлукѣ.

— Нѣтъ, васъ не разлучать, успокоилъ ее старый марабутъ *Сиди-Хаджи-Эль-Міатбирь*: не унывай и молчи, мы ѣдемъ въ *Марокко*.

И марабутъ *Міатбирь* приблизился къ султану.

— Магометъ спасъ ее,—важно произнесъ онъ.

— Магометъ!..

— Да, потому что Магометъ обратилъ на нее свое вниманіе, ибо назначилъ ей блестящую будущность.

И такъ заботясь же о ней, произнесъ *Абдеррахманъ*.

— Прощай! Да сопутствуетъ вамъ Аллахъ и Магометъ! Я прїѣду навѣстить васъ въ Марокко во время оливо.

— Сиди-Мюлей-Абдеррахманъ, сказалъ въ это время жидъ Букуба, падая въ ноги султану, — ты обѣщаль мнѣ пять дуросовъ и новое платье, если спасу христіанку...

— Это правда. Я обѣщаль пять дуросовъ и новое платье Букубъ Эль-Гуди, и дамъ ихъ, но скажи, почему львы не растерзали христіанку?

— Я не знаю.

— Развѣ они не трогають осужденныхъ на смерть, которыхъ ты бросаешь имъ въ ровъ?

— Они ихъ пожирають.

— Всегда?

— Всегда.

— Я пришлю къ тебѣ сегодня одного, осужденнаго на смерть убійцу: Семеде-Бенъ-Барабаса жида. Съдять его львы?

— Съдять.

— Я буду присутствовать при исполненіи казни. Если они не тронуть его, то я велю бросить тебя туда же, если же они растерзають его, то ты получишь вмѣсто пяти десять дуросовъ.

Сказавъ эти слова, султанъ вошелъ въ свой дворецъ, а караванъ, подъ начальствомъ каида Зетты, тронулся въ путь съ двумя нѣмками. Виргинія и ея мать съѣли на дромадера. Марабутъ Міатбиръ совѣтоваль молодой дѣвушкѣ не унывать.

Сдѣлаемъ теперь маленькое отступленіе и обратимся къ Букубу. Услышавъ, что султанъ самъ лично будетъ присутствовать при казни преступника Семеде-Бенъ-Барабаса, жидъ вошелъ въ звѣринецъ и заперъ за собою дверь. Потомъ началъ разсматривать животныхъ, ввѣренныхъ его попеченію, и къ величайшему сожалѣнію замѣтилъ, что звѣри снова утихли, даже большой левъ оставилъ барана, брошеннаго ему въ ту минуту, когда спасалась молодая дѣвушка.

Объявленное присутствіе султана при казни Семеде-Бенъ-Барабаса, не согласовалось съ проектами Букубы, и ставило его въ самое затруднительное положеніе между семействомъ осужденнаго и марокскимъ султаномъ. Устоять ли въ данномъ словѣ спасти осужденнаго, или предать его вѣрной смерти? Въ первомъ случаѣ онъ могъ оказать услугу роднымъ Семеде-Бенъ-Барабаса и получить обѣщанную ему сумму за его спасеніе; во второмъ впадалъ въ немилость султана и поступалъ на мѣсто пре-

ступника въ львиный ровъ. Когда Букуба взвѣсилъ вѣроятности всего хорошаго и худаго, которымъ подвергался, то живо рѣшилъ, что ему дѣлать, и принялся за свою обязанность съ лицомъ челоуѣка, довольнаго собою, принявшаго твердое намѣреніе выйти побѣдителемъ изъ этого испытанія. Онъ началъ съ того, что вооружился длинною палкою съ желѣзнымъ крючкомъ и вытащилъ ею всѣ кости и мясо, брошенное предъ симъ звѣрямъ; потомъ схватилъ длинную пику и началъ дразнить желѣзомъ, которымъ былъ вооруженъ одинъ конецъ пики, звѣрей, ввѣренныхъ его присмотру. При этомъ неожиданномъ нападеніи львы подняли страшное рыканіе, но чѣмъ болѣе ворчали, тѣмъ болѣе сторожъ умножалъ удары и безжалостно рвалъ бока и морды звѣрямъ. Львы скоро пришли въ страшную ярость: они бросались другъ на друга, подняли ужасную драку и въ бѣшенствѣ прыгали на стѣны своей тюрьмы, чрезъ которыя напрасно силились перескочить. Эти рыканія и приступы могли поселить страхъ въ сердцѣ самаго предпримчиваго охотника, и нѣсколько разъ, не смотря на свою опытность, Букуба соскакивалъ съ террасы, съ которой поражалъ львовъ. Ярость звѣрей наконецъ дошла до того, что жидъ нашелъ не лишнимъ дать имъ немного отдохнуть; поставилъ на мѣсто пику, и вошелъ въ свою комнату, въ ожиданіи наступленія часа казни. Мало по малу звѣри успокоились, но не хотѣли ложиться, и рыканія, раздававшіяся однѣ за другими, означали, что ярость ихъ еще не совсѣмъ прошла, и что они ожидали только минуты излить ее надъ кѣмъ-нибудь.

Въ это время солнце склонялось уже къ горизонту, и когда послѣдніе его лучи угасли на горѣ, возвышавшейся надъ Фецеомъ, тогда въ *Буръ* раздалися шаги солдатъ, входившихъ на львиный дворъ. Букуба стоялъ уже на своемъ мѣстѣ и покойно курилъ *кефъ* (конопляныя зерна). Марокцы курятъ ихъ гораздо охотнѣе нежели табакъ. Сѣмя имѣеть наркотическія свойства довольно сильныя и погружаетъ людей, часто ее курящихъ, въ какое-то опьянѣніе. Абдель-Кадеръ запретилъ это своимъ арабамъ, и при всякомъ случаѣ упрекалъ марокцевъ въ употребленіи этого растенія, столь опаснаго для разсудка и здоровья.

Букуба, сказали мы, вдыхалъ съ особеннымъ наслажденіемъ дымъ *кефа*. Его маленькіе сѣрые глаза блеснули, а щеки, обыкновенно впалыя и блѣдныя, были краснаго цвѣта и изобличали, что въ ту минуту, когда чаусы султана входили на львиный дворъ, Букуба лакомился, къ великому униженію магометанскихъ

законовъ, послѣдними каплями чашки шераба (вина), дѣлаемаго жидами изъ винограда. Жидъ осторожно спряталъ чашку и торопился затянуться нѣсколько разъ кефомъ, чтобъ уничтожить изблительный аромать шераба.

Посреди чаусовъ находился осужденный, казавшійся довольно покойнымъ, разсчитывая, вѣроятно, на помощь Букубы.

Семед-Бенъ-Барабасъ былъ отцемъ десятилтней дочери. Однажды прійдя домой, онъ засталъ ее въ слезахъ и увидѣлъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея злодѣя марокца. Семед-Бенъ-Барабасъ бросился на соблазнителя и убилъ его. Правитель города, узнавъ, что жидъ умертвилъ магометанина, осудилъ убійцу на смерть.

Султанъ еще не приходилъ. Чаусы лежали на землѣ, а осужденный молился. Букуба продолжалъ курить, показывая совершенное равнодушіе, но отъ времени до времени можно было замѣтить, что онъ поглядывалъ въ ровъ и насвистывалъ сквозь зубы. При этомъ звукъ львы тревожились и били хвостомъ о стѣны съ такою силою, что могли бы убить быка.

Уже смеркалось, когда показался наконецъ султанъ, окруженный агами, держа въ рукахъ маленькій кошелекъ. По знаку, сдѣланному имъ, Букуба успѣшилъ броситься къ ногамъ его.

— Ты не забылъ нашего условія, Іуди Букуба, прошепталъ султанъ: въ этомъ кошелькѣ десять дуросовъ, они твои, если львы твои не будутъ теперь также добры, какъ нынче утромъ, иначе я прикажу раздражить ихъ самимъ тобою. Исполни свое дѣло.

Напрасно еврей просилъ о помилованіи и представлялъ причину своего преступленія, султанъ оставался равнодушнымъ и безмолвнымъ.

Тогда Букуба мигнулъ чаусамъ, и тѣ схвативъ преступника за воротъ одежды, привели къ палачу. Еврей шелъ не оказывая ни малѣйшаго сопротивленія. Когда онъ увидѣлъ себя въ рукахъ палача, то сказалъ нѣсколько словъ по-еврейски.

Букуба не отвѣчалъ. Онъ привелъ Семед-Бенъ-Барабаса на платформу, связалъ ему за спиною руки и надѣлъ на шею петлю. Потомъ взявъ копье, ударами его привелъ звѣрей въ ярость, и сказалъ осужденному по-еврейски:

— Семед, поди, соединишь съ нашими отцами. Султанъ смотритъ на насъ, и я не могу спасти тебя. Я сдѣлаю только то, что ты не будешь брошенъ живой, и львамъ достанется только.

трупъ твой. Это послѣдняя услуга, которую тебѣ можетъ оказать твой братъ, Букуба.

Тутъ Букуба стянулъ веревки, и потомъ затянувъ быстро и ловко петлю на шеѣ несчастнаго, толкнулъ его за плечи. Въ эту минуту султанъ взошелъ на парапетъ.

Преступникъ не испустилъ ни крика, ни стога: львы разорвали на части только теплый и еще тренещущій трупъ Семед-Бенъ-Барабаса.

— Львы сдѣлали свое дѣло, вскричалъ султанъ, сходя съ парапета. Жидъ умеръ. Вотъ тебѣ обѣщанный кошелекъ.

— А платье, прощенталъ еврей, обѣщанное платье?

— Точно, подтвердилъ султанъ, платье Семед-Бенъ-Барабаса принадлежитъ тебѣ, поди и возьми его во рву. Наши счета кончены.

Караванъ, управляемый Зеттою, употребилъ двадцать пять дней на переходъ изъ Феца въ Марокко. Не должно удивляться медленной ѣздѣ марокцевъ. Въ этой странѣ путешествуютъ только отъ восхода до заката солнца, и всадники и верблюдоводители не понуждаютъ животныхъ, боясь утомить ихъ. Они останавливаются въ мирныхъ племенахъ и не торопятся выѣзжать изъ селеній, въ которыхъ находятъ радушное гостепріимство. Кромѣ того арабы никогда не торопятся пріѣхать скорѣе. Они употребляютъ необходимое время для переѣзда большихъ разстояній; но для нихъ все равно, пріѣхать или нѣтъ въ назначенный часъ.

Притомъ же должно обратить вниманіе на затрудненія и задержки, замедляющія этотъ способъ ѣзды. Каждый день приходится разбивать палатки и убирать ихъ каждое утро. На всѣ эти приготовленія нужно время. Часто бываетъ, что останавливаются въ мѣстахъ совершенно необитаемыхъ, въ такомъ случаѣ каждый долженъ заботиться о своемъ существованіи, и горе людямъ и животнымъ, если вьючные скоты не везутъ молока, ржи, муки и соломы, необходимыхъ для утоленія голода.

Путешествіе совершено безъ опасностей, и каидъ Зетта въѣхалъ въ Марокко чрезъ 25 дней послѣ своего отправленія изъ Феца. Онъ отвелъ двухъ женщинъ къ правителю города, передалъ ему приказанія султана, и когда тотъ узналъ содержаніе ихъ, то велѣлъ своимъ чаусамъ проводить женщинъ и Міатбира въ султанскій дворецъ.

Жители города толпами наводнили улицы, по которымъ должны были проѣзжать новопрібывшіе. Чаусы, вооруженные длин-

ными палками, били съ плеча проходившихъ, не крича даже: берегись! И конвой едва могъ двигаться.

Всѣ толковали о приключеніяхъ христіанки въ львиномъ рву, говорили, что султанъ оказалъ ей столько же дружбы, сколько и удивленія, и каждый горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть героиню разсказа. Но ожиданіе толпы было обмануто. Чаусы такъ усердно исполняли свою обязанность, что имъ удалось разогнать толпу любопытныхъ и охранить христіанокъ отъ малѣйшей нескромности.

Наконецъ конвой прибылъ ко дворцу, въѣхалъ во дворъ, и тамъ Виргинія и ея мать, въ безопасности отъ шумнаго набѣга толпы любопытныхъ, сошли съ дромадера.

Ага султана, негръ Папу тотчасъ же пришелъ принять отъ Марабута-Сиди-Хаджи-Міатбира двухъ пльницъ. Онъ ввелъ ихъ въ павильонъ, занимаемый женами султана; но вмѣсто того, чтобъ помѣстить въ общей комнатѣ, далъ имъ отдѣльныя, въ нижнемъ этажѣ, выходившія окнами въ садъ, но отдѣленные отъ террасы, на которую выходили сидѣть жены султана, гранатными и лимонными деревьями, составлявшими преграду. Эти двѣ комнаты были вымощены изразцовыми кирпичами разныхъ цвѣтовъ. Стѣны были выбѣлены известью. Кругомъ комнаты, на одинъ метръ вышины отъ земли, была сдѣлана панель изъ изразцовыхъ кирпичей и мраморныхъ плитъ. Нѣсколько тюфяковъ, ковровъ, деревянныхъ сундуковъ, трубокъ и подушекъ составляли убранство комнатъ. Посреди главной комнаты былъ сдѣланъ маленькій бассейнъ изъ краснаго мрамора, въ которомъ водометъ, плескаясь катилъ свои струи въ свинцовую трубу. Удовольствіе двухъ нашихъ христіанокъ было велико, когда они поселились въ назначенныхъ имъ комнатахъ. Путешествіе ихъ утомило, и онѣ желали только отдохнуть. Молодая дѣвушка, не смотря на свою усталость, замѣчала все происходившее вокругъ, и сдѣланныя ею замѣчанія поселили въ ней довѣренность и безопасность, доставляющія покойный сонъ. Въ заключеніе, ей не о чемъ было беспокоиться, ей не угрожала опасность, и ея мать находилась при ней. Еслибъ она могла имѣть сношенія съ всадниками, проважавшими ее изъ Феца, когда бы ей удалось подслушать разговоры, происходившіе на дворѣ дворца, то она убѣдилась бы, что ей придется разыгрывать важную роль.

Геройская рѣшимость, заставившая ее лучше броситься въ львиный ровъ, нежели разстаться съ матерью; ея спасеніе были

такія необыкновенныя обстоятельства, которыя сильно поразили марокцевъ. Во время переѣзда изъ Фецца въ Марокко, она замѣтила, что каидъ Зетта обходился съ нею вѣжливо. Марабуть Сиди-Хаджи-Міатбиръ не иначе говорилъ про нее, какъ самымъ загадочнымъ языкомъ и съ большимъ снисхожденіемъ; а марокцы, встрѣтившіе ее по прибытіи въ городъ, оказали ей предупредительность и почтеніе, которымъ пользуются самые почтенные люди имперіи.

И такъ, пока мать и дочь отдыхали отъ утомительныхъ трудовъ путешествія, марабуть Міатбиръ распускалъ во дворцѣ двусмысленныя фразы, возбуждающія любопытство и приготовляющія происшествія, которыя открываетъ интрига. Онъ повторялъ при всевозможныхъ случаяхъ, что христіанка одарена умомъ и чудной красотой; прибавлялъ, что она имѣетъ ангельскій характеръ и сердце материнское.

— Благословенъ, благословенъ человекъ, который будетъ мужемъ этого милаго созданія, потому что онъ раздѣлитъ съ нею милости, которыми осыпаютъ ее Аллахъ и Магометъ!

Сиди-Хаджи-Міатбиръ разукрашивалъ эту тему и всегда старался говорить ее передъ Сиди-Магометъ-Абдеррахманомъ, старшимъ сыномъ султана.

Магометъ-Абдеррахманъ имѣлъ случай видѣть христіанку по прибытіи ея въ Фецъ. Онъ совершилъ переѣздъ изъ Фецца въ Марокко въ одномъ съ нею караванѣ, а въ настоящее время жилъ съ нею въ одномъ городѣ и дворцѣ.

Красота Виргиніи сдѣлала сильное впечатлѣніе на воображеніе молодаго принца. Чистосердечный, нетерпѣливый, вѣтреный, чувствительный, какъ бывають въ 16 лѣтъ, Магометъ-Абдеррахманъ увлекся этой встрѣчей. Путешествіе только усилило это расположеніе; по прибытіи въ Марокко, онъ вздрагивалъ при одномъ имени христіанки, а разговоры Сиди-Хаджи-Міатбира были капли масла, горѣвшаго на огнѣ его сердца.

Міатбиръ угадалъ тайну своего воспитанника и далъ ему свободу дѣйствовать, но вмѣсто того, чтобъ наставлять его, онъ, подобно искусному наѣзднику, который забавляется нетерпѣніемъ своего лихаго бѣгуна, вмѣсто того, чтобъ укротить его пылъ до прибытія къ цѣли, ибо въ своей торопливости и нетерпѣливости буйное животное не хочетъ объѣхать опасность и разобьется объ нее.

Занимательнѣе всего были наивныя выдумки принца для того,

чтобь достигнуть желаемаго: мольбы, угрозы, деньги, подарки, насилие, годились ему для того, чтобь соблазнить негритянку Бакки, служившую двумъ христіанкамъ...

Міатбиръ, въ первые мѣсяцы пребыванія женщинъ въ Марокко, не посѣщаль ихъ, но справлялся о ихъ здоровьѣ; спрашивалъ о новостяхъ, и велѣлъ говорить имъ про его дружбу.

Бакки еще въ младенчествѣ была увезена изъ роднаго края торговцами невольниковъ; они купили ее за мѣшокъ пшеницы, на *Нигерь*, и потомъ продали агентамъ султана въ Фецъ.

Рѣка Нигерь есть песчаный край, недающій никакой жатвы и обитаемый неграми, которые отдають золотой песокъ и своихъ дѣтей за мѣшки пшеницы и ячменя, такъ, что цѣна на негровъ зависитъ отъ вліянія покупателей: когда ихъ много, то и цѣна негровъ повышается, но когда покупателей мало, то цѣна падаетъ очень низко. Иногда можно купить негра за мѣрку пшена, ячменя, или за нѣсколько метровъ бумажной матеріи. Негритянка Бакки поступила въ домъ султана, сдѣлалась матерью и потомъ кормилицею Магомета-Абдерахмана, старшаго сына марокскаго султана. Когда она кончила кормить, то поступила въ служанки къ женамъ султана. Новая ея должность была одною изъ самыхъ важныхъ, и она исполняла свои обязанности съ такою же смѣливостію, какъ и вѣрностію. Молодой Мюлей-Абдерахманъ питалъ большую привязанность къ своей кормилицѣ. За эту привязанность принца она пользовалась уваженіемъ во дворцѣ, и каждый старался ей угодить и удостоиться ея дружбы. По прибытіи въ Марокко, Сиди-Магометъ разсказалъ своей кормилицѣ приключенія Виргиніи въ львиномъ рву и признался ей, что красота и мужество христіанки очаровали его.

Бакки сначала выслушала это признаніе съ такою недовѣрчивостію и равнодушіемъ, что хладнокровіе негритянки обидѣло принца. Онъ началъ говорить ей снова и описалъ ей свою любовь такъ живо и неподдѣльно, что Бакки даже и не думала отговаривать его отъ этой любви. Она съ удовольствіемъ слушала признаніе принца, и хотя не льстила его любви, но за то и не говорила ничего противъ нея. Онъ просилъ Бакки съ упорствомъ помочь его любви, говорить ему про хорошенькую христіанку и доставить свиданіе съ нею. Негритянка не могла долго сопротивляться, она любила Сиди-Магомета, какъ сына, и боялась его какъ раба.

Негритянка Бакки не давала себѣ отчета въ своихъ чувствахъ. Она видѣла только красиваго молодаго человѣка, любившаго моло-

дую дѣвушку. Ей казалось, что помочь ихъ сближенію, есть вещь самая обыкновенная. Ее удерживало одно обстоятельство: любимая дѣвушка была христіанка. Возможно ли сблизить съ невѣрною воспитанника Сиди-Хаджи-Міатбира. Она не забыла однако представить принцу непростительность страсти, питаемой имъ къ немагометанкѣ. Молодой принцъ былъ уничтоженъ этимъ замѣчаніемъ, но его нерѣшительность продолжалась не долго.

Негрятянка обѣщала помочь любви своего молодого господина. Съ этой минуты она исключительно привязалась къ двумъ христіанкамъ. До-сихъ-поръ она не обращала вниманія на Виргинію, но теперь внимательно ее разсматривала и была поражена ея любовью и красотою. Она не могла ни съ чѣмъ сравнить эту свѣжесть, роскошь и стройность, потому что звѣзды, цвѣты и фрукты, служившіе ей обыкновенно предметами сравненія, конечно не могли равняться съ ея блескомъ и пріятностью. Бакки сдѣлалась услужливою и усердною. Она служила имъ съ такимъ же почтеніемъ, какъ и преданностью и старалась этимъ снискать ихъ довѣренность. Виргинія скоро замѣтила ея усердіе, и оказывала ей за это благодарность. Негрятянка приходила и уходила; она имѣла ежедневныя сношенія съ дворцемъ и городомъ, и составляла связь, соединявшую жителей сераля съ движеніемъ, шумомъ и внѣшнею жизнью.

Когда Бакки выбрала удобное время поговорить съ христіанкою, то поторопилась имъ воспользоваться, и однажды, въ то время, какъ старая Лантерніеръ занималась шитьемъ на террасѣ въ саду, негрятянка, остававшаяся на-единѣ въ комнатѣ съ молодою дѣвушкою, завела съ нею разговоръ:

— Ты еще все скучаешь о прежнемъ отечествѣ?

— Бакки, отвѣчала плѣнница, я буду сожалѣть о моемъ прежнемъ отечествѣ, пока не найду другаго.

— Но Марокко теперь твой край. Развѣ тебѣ не суждено кончить твои дни въ нашемъ краю?

— Да, я должна жить и умереть въ этомъ краю.

— Найти любовь и семейство отъ тебя зависитъ. Молодая дѣвушка походитъ на прекрасный цвѣтокъ. Каждый, проходя мимо, смотритъ на него; но между тѣми, которые вдыхаютъ аромать его и любятъ его красками, всегда найдется кто-нибудь, чьи глаза и сердце поражаются сильнѣе. Говорю съ тобою языкомъ правды. Тебя любить челоуѣкъ молодой и знатный.—Онъ видѣлъ тебя, но довольно только слышать про твою

красоту для того чтобъ полюбить... И этотъ человекъ самъ прійдетъ броситься къ твоимъ ногамъ въ эту ночь!.. Знай только, что въ эту минуту отъ тебя зависитъ свобода и рабство. Униженіе и рабство въ твоихъ рукахъ.

Сказавъ это, негритянка вышла изъ комнаты и ушла во внутренность дворца.

— Предсказанія цыганки Регины начинаютъ сбываться, вскричала пльница, когда вышла негритянка. Если я хорошо поняла то, что говорилъ мнѣ Марабуть Міатбиръ въ Фецѣ и по прїѣздѣ сюда, то я любима, и на мнѣ хочетъ жениться человекъ сильный. Но про кого они говорятъ, я не знаю и теряюсь въ догадкахъ и соображеніяхъ...

Между тѣмъ солнце закатилось и сумерки распространились.

Жены султана прогуливались въ саду. Иностранки сидѣли на террасѣ. Къ нимъ пришла Бакки. Негръ несъ за нею на спинѣ огромный коверъ, подъ тяжестью котораго гнулся. Негритянка приказала положить его въ комнату Виргиніи, и обратясь къ ея матери, просила посидѣть у больной сестры своей. Старушка съ радостію согласилась исполнить просьбу негритянки и ушла въ противоположное отдѣленіе серая.

Мракъ становился гуще и гуще. Молодая дѣвушка вошла въ комнату и оставила дверь полуоткрытою. Она встала на колѣни, помолилась Богу, и потомъ легла на коверъ, задумчиво опершись головою на руку.

Тысяча неясныхъ видѣній мелькали въ ея воображеніи. Ее томила тоска. Она не видѣла и не слышала ничего. Не была ли это просто выдумка негритянки? Не хочетъ ли она сдѣлать какую-нибудь низость?

Въ эту минуту взошла луна и освѣтила комнату.

При этомъ блескъ луны печальная пльница вышла изъ задумчивости. Она подняла глаза, встаетъ... Вдругъ крикъ испуга вырвался изъ ея усть... Тѣнь... человѣческая фигура выходитъ изъ ковра, положеннаго въ уголъ комнаты... Она идетъ къ ней... бѣжить...

— Что тебѣ надобно?... Кто ты такой?..

— Тише... проговорилъ дрожащій голосъ прекраснаго юноши: не бойся ничего, Дажія, но не кричи потому, что если ты подымаешь тревогу, и меня застанутъ здѣсь, то наши головы сейчасъ полетятъ на полъ отъ сабельныхъ ударовъ чаусовъ.

— Такъ зачѣмъ же ты пришелъ сюда?

- Я пришелъ сказать тебѣ, что люблю...
- Кто ввелъ тебя въ эту комнату?
- Бакки, кормилица...
- Твоя кормилица? такъ я говорю...
- Съ Мохаметъ-Абдеррахманомъ.
- Съ сыномъ моего господина?
- Да.
- Ты пришелъ ко мнѣ подлымъ образомъ. Бакки съумѣла удалить мою мать.

— Я пришелъ сказать, что люблю тебя. Я пришелъ сказать тебѣ, что буду просить тебя у моего отца въ жены и женюсь.

Говоря это, молодой принцъ взялъ руки дѣвушки и покрылъ ихъ поцѣлуями.

— Я не смѣю вѣрить тебѣ. Сынъ султана, молодой, красивый, храбрый и добрый... я воображаю, что это сонъ... теперь ночь... Уйди, произнесла дрожь Виргинія.

Въ саду, въ самомъ дѣлѣ, раздались шаги. Принцъ едва успѣлъ вернуться въ коверъ, когда Бакки и мать Виргиніи вошли въ комнату. Негритянка для предосторожности набросила на плечи старой христіанки бурнусъ придворнаго каида.

Когда Виргинія простившись съ негритянкой увела свою мать въ другую комнату, Бакки подбѣжала къ принцу, завернула его въ бурнусъ, велѣла взять на плечи коверъ и вывела вонъ.

Съ того вечера Марабутъ Міатбиръ приходилъ каждый день.

Хитрости Бакки не ускользнули отъ него, и онъ зналъ про свиданіе, доставленное молодому принцу, но остерегался говорить про него и показывалъ какъ будто бы совершенно не знаетъ, для того, чтобъ отдѣлать свои выгоды отъ выгодъ негритянки.

Бакки съ своей стороны стала совершенно откровенна съ Виргиніею. Она находила тысячу случаевъ говорить съ нею тихо отъ матери, и разговоръ шелъ всегда о принцѣ и его любви. Этими разговорами негритянка совершенно овладѣла молодою дѣвушкой, и наполнила ея воображеніе самыми блестящими картинами. Хорошенькая плѣнница жила ее разказами. И можетъ быть, по своему чистосердечію, или въ слѣдствіе препятствій, она горячо полюбила принца. Ей хотѣлось видѣть его и высказать ему свою любовь и благодарность. Она не смѣла еще открыться Міатбиру и не хотѣла вѣрить сама тери, потому что боялась и не могла принять хладнокровно дово-

ды и упреки, которые мать почерпнула бы въ своей нѣжности и здравомъ умѣ.

Сиди-Мохаметъ-Абдеррахманъ также не былъ спокойнѣе прекрасной плѣнницы. Наконецъ, побѣжденный силою своей страсти, рѣшился открыться своему наставнику. Онъ описалъ ему свою любовь съ краснорѣчіемъ и убѣдительною, которыя дѣлаютъ влюбленныхъ самыми пріятными и лучшими ораторами въ свѣтѣ. Міатбиръ улыбнулся при этомъ признаніи и сдѣлалъ ему нѣсколько замѣчаній. Мохаметъ отвѣчалъ ему съ увлеченіемъ, могущимъ опровергнуть всѣ затрудненія. Марабуть покорился безъ особенныхъ хлопотъ.

— Возьми ее себѣ въ жены, сказалъ онъ, она составитъ твою славу и счастье.

Но я слышу всадниковъ на дворѣ... раздается необыкновенный шумъ, идутъ... Что нужно чаусамъ?

При этихъ словахъ придворные чаусы вошли въ комнату принца, и начальникъ ихъ объявилъ, что прибыли всадники, которые опередили свиту султана двумя днями ѣзды. Мюлей-Абдеррахманъ остановился въ Клаа.

Принцъ побѣжалъ къ Баки сообщить ей эту пріятную новость.

При этой вѣсти молодая дѣвушка вздрогнула, и самъ принцъ потерялъ свою первую увѣренность. Выслушаетъ ли султанъ просьбу? Введетъ ли съ удовольствіемъ христіанку или иностранку въ свой домъ? Оба влюбленные печально вздыхали о тѣхъ безпокойствахъ и горѣ, а Баки ходила отъ одного къ другому. Она утѣшала ихъ, возбуждала надежды, снисходительно слушала отчаянія, повторенія которыхъ раздавались съ утра до вечера.

Султанъ вѣхалъ въ Марокко въ назначенный день и часъ, какъ предупредили посланные. По пріѣздѣ во дворецъ, онъ посвятилъ первые дни общественнымъ дѣламъ. Марабуть Міатбиръ болѣе всѣхъ интересовался свадьбою Магометъ-Абдеррахмана, и первый заговорилъ съ султаномъ о Виргиніи. Міатбиръ льстилъ себя тѣмъ, что помогая наклонности, влекшей молодаго принца къ Виргиніи, онъ получитъ новыя права на его дружбу. Онъ увѣрялъ себя, что христіанка должна быть вѣчно ему благодарна. Рано или поздно, Мохамедъ долженъ занять мѣсто отца на тронѣ Марокко, а марабуть сохранить свое вліяніе на умъ новаго сул-

тана, и такимъ образомъ удержитъ свое достоинство и удовлетворитъ своей гордости.

Султанъ съ удовольствіемъ выслушалъ донесеніе марабута и поздравилъ его слѣдующими словами:

— Молодая дѣвушка также хороша, какъ и храбра, и она достойна быть счастливою. Я долженъ сегодня сдѣлать ея участь достойною ее и сейчасъ же исполню.

— Отецъ! вскричалъ Магометъ-Абдеррахманъ, вошедшій въ это время въ комнату и слышавшій послѣднія слова, я обнимаю твои колѣна и требую у твоей нѣжности ко мнѣ цѣну моей покорности и счастія...

— Что тебѣ нужно?

— Я хочу взять жену.

— Въ какомъ племени и изъ какого семейства?

— Женщина, которую я прошу въ замужество, принадлежитъ къ моему семейству.

— Назови ее!

— Твоя раба, Дажіа.

— Дажію-христіанку? возразилъ султанъ, краснѣя. Гдѣ ты ее видѣлъ? Гдѣ ты съ нею говорилъ?

— Я видѣлъ ее въ Бурѣ Феца, когда она пріѣхала. Я никогда не говорилъ съ нею, но знаю, что она хороша и слышалъ похвалы ея храбрости и преданности, которыя она показала, когда ты хотѣлъ разлучить ее съ матерью.

— Что ты думаешь, Міатбиръ, про это?

— Дажіа должна выйти за Магомета. Не лучше ли отдать такую дѣвушку сыну, чѣмъ какому-нибудь агъ?

— Я дарю ее тебѣ, Мохаметъ, сказалъ наконецъ султанъ: встань и не забывай никогда, что исполняя твое желаніе, я заглушилъ желаніе челоуѣка, слушая только голосъ отца. Міатбиръ! поди, скажи Дажіи, что завтра она выйдетъ за моего сына, закончилъ султанъ уходя въ свои покои.

Міатбиръ побѣждалъ увѣдомить Виргинію объ отвѣтѣ султана.

На другой день утромъ, Виргинія и ея мать сѣли въ повозку, запряженную тремя парами быковъ. Султанъ шелъ впередъ ея, а сынъ съ боку. Блестящая свита, состоявшая изъ марабутовъ, агъ, кандовъ, охраняемая пятью-стами берберскихъ всадниковъ, увеличивала пышность шествія.

Въ ту минуту, когда Дажіа поставила свою ногу на порогъ дворца, какая-то женщина сказала ей:

— Счастливая невеста, не забудь женщину, которую ты встрѣтила въ Уэдъ-За.

Виргинія оборотила голову и увидѣла цыганку Регину, протянувшую ей руку. Она остановилась, вздрогнула и сорвавъ бра-слетъ, бросила его къ ногамъ Регины. Начальникъ чаусовъ поднялъ его. Регина стала жаловаться; одинъ изъ чаусовъ прогналъ ее палкой.

— Несчастіе! Тройное несчастіе жениху, отнявшему у меня награду! ворчала цыганка, гонимая палками чаусовъ.

— Ты женился на христіанкѣ, Магометъ!

Черезъ шесть лѣтъ Эмиръ Абдель-Кадеръ бѣжалъ предъ французскими колоннами изъ Маскары, Племсена и Мостахнема. Онъ перешелъ марокскія границы, бросился въ Рифъ, и чрезъ это нарушилъ нейтралитетъ, обѣщанный Мюлей-Абдеррахманомъ. Мало этого, онъ вовлекъ въ свою войну марокскаго султана, который далъ ему слово итти противъ французовъ. Маршалъ Бигодъ собралъ 13,000 человекъ, и стоялъ въ Лалла-Маргніа. Весь Марокко пришелъ въ движеніе. Два корпуса сильной арміи, изъ которыхъ каждый состоялъ изъ 8,000 человекъ, соединились въ Мекинецъ и Фецъ. Султанъ послалъ за своимъ сыномъ въ Марокко и ввѣрилъ ему командованіе этою арміей. Дажіа провожала мужа въ Фецъ.

Часть разлуки настала.

— Прощай, Дажіа! сказалъ Магометъ.

— Прощай, Магометъ! Будь осторожень; я умру, если тебя побѣдятъ.

— Мы не будемъ драться. Мы идемъ для переговоровъ съ французскимъ генераломъ.

— Ты будешь драться и проиграешь сраженіе, проговорила какая-то женщина, повисшая на уздѣ его лошади.

— Регина! Гитана! вскричала Дажіа.

— Да, та, которую онъ пренебрегъ у дворца, въ день твоей свадьбы.

— И та, которую онъ убилъ, выходя изъ Феца, сказалъ чаусъ, выстрѣливъ ей въ голову изъ пистолета.

Регина упала мертвою къ ногамъ лошади. Всадникъ поскакалъ въ галопъ, а Дажіа блѣдная и испуганная возвратилась во дворецъ.

При Исли Магометъ проигралъ сраженіе, и возвратился въ Фецъ. Принцъ ожидалъ смертнаго приговора, но отецъ простилъ его и онъ уѣхалъ къ своей женѣ въ Марокко. Она утѣшила его въ опалѣ и дополнила его желанія, родивъ сына.

И такъ вотъ какимъ образомъ двѣ французенки, двѣ невольницы вошли въ семейство Мюлей-Абдеррахмана, и одна изъ нихъ кончила тѣмъ, что взшла на тронъ марокскій.

К. В. А.

II.

БЕЛЛИНИ,

ЕГО ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ И ЗНАЧЕНІЕ.

Was zwanzig Jahre sich erhält und die
Neigung des Volkes hat, das muss schon
etwas sein.

Göthe.

Съ такимъ эпиграфомъ помѣщена въ одномъ нѣмецкомъ музыкальномъ журналѣ (*Fliegende Blätter für Musik* 1853) небольшая критическая статья о Беллини, написанная, по крайней мѣрѣ, какъ мнѣ кажется, съ большимъ толкомъ и знаніемъ дѣла, и отличающаяся замѣчательнымъ безпристрастіемъ взгляда.

Авторъ статьи именно съ того и начинается, что *Беллини* принадлежитъ къ такимъ музыкальнымъ поэтамъ, которые пользовались и пользуются и въ наше время самую многочисленную публикую не только на родинѣ своей, но во всѣхъ образованныхъ земляхъ. Между тѣмъ нѣмецкіе критики и знатоки дѣла и до сихъ поръ смотрятъ на оперы Беллини не иначе, какъ съ явнымъ пренебреженіемъ. Дѣятельность Беллини еще не удостоилась чести подвергнуться серьезному анализу гг. ученыхъ критиковъ. А не худо бы, замѣчаетъ авторъ нѣмецкой статьи,

тѣмъ композиторамъ, которыхъ оперы съ трудомъ попадаютъ на какую-нибудь одну, первую и послѣднюю для нихъ сцену, и несмотря на все журнальные панегирики «доброжелателей», послѣ двухъ, трехъ представлений умираютъ навсегда, не худо бы такимъ композиторамъ понабѣдаться: въ чемъ именно секретъ такихъ оперъ, которыя даются на всехъ театрахъ въ мѣрѣ и составляютъ главную пищу оперной публики на цѣлые десятки лѣтъ. Не худо бы поприемотрѣться, въ чемъ секретъ этого магнита для пѣвцовъ и для публики. Иной художникъ съ высшими взглядами убѣжденъ, что унижить свой «идеалъ» искусства, если обратить хоть малѣйшее вниманіе на требованіе современныхъ слушателей—на вкусъ публики, толпы! А между тѣмъ еще не было на свѣтѣ ни одного великаго художника, который бы свою современность и современную публику не ставилъ *ни во что*.

Продолжаю приводить слова нѣмецкаго критика, (съ которыми вполне согласенъ). «Въ итальянской музыкѣ вообще, въ Беллиниевой въ особенности, очень многое не по мнѣ, многое меня даже отталкиваетъ. Отъ этого странно было бы выставить Беллини высокимъ образцомъ для всехъ вообще оперныхъ композиторовъ. Но многое въ его операхъ мнѣ очень нравится, доставляетъ мнѣ прямое «наслажденіе» (конечная цѣль всякой музыки), оттого недостатки его не помѣшали мнѣ пристально разобратъ его произведеніе и уяснить себя тѣ качества, которыя возбуждаютъ симпатію публики всего свѣта.»

Биографія Беллини очень проста и коротка: родился, блестялъ, умеръ. Онъ родился 3 ноября 1802, на островѣ Сициліи, въ Катаніи. Въ очень молодые годы ученикомъ вѣступилъ въ Неапольскую Консерваторію, гдѣ, подъ руководствомъ профессоровъ Тритто и Зингарелли написалъ много сочиненій для разныхъ инструментовъ, одну кантату, 15 увертюръ и симфоній (не надо забывать, впрочемъ, что итальянцы величаютъ «симфоніей» всякую чисто-оркестровую пьесу, будь она хоть въ 60 тактовъ) также нѣсколько церковныхъ сочиненій. Съ 1824, слѣдовательно на своемъ двадцать-второмъ году, написалъ Беллини первую оперу: *Adelson e Salvini*; спустя два года, для театра San-Carlo, другую: *Bianca e Fernando*, потомъ *il Pirata* (1827) *la Straniera* (1828) *Romeo e Giulietta* или *i Montecchi ed i Capuletti* (въ Миланѣ 1829), *la Sonnambula* (1830), *Norma* (1831), *Beatrice di Tenda* (32) *J Puritani* уже для Парижа. Но 30 сентября 1835, въ Парижѣ, Беллини скончался 33-хъ лѣтъ. И такъ, въ продолженіе *девяти*-лѣтняго артистическаго поприща онъ написалъ *девять* оперъ, — не много, если сравнивать Беллини съ другими итальянцами, знаменитыми изумитель-

но скорою фабрикаціе оперъ (напр. Донизетти, Верди) *достаточно* много для самого Беллини, который на оперу смотрѣлъ все таки гораздо серьезнѣе, чѣмъ многіе изъ его товарищей по ремеслу, наконецъ *очень* много въ сравненіи съ нѣмецкими композиторами, которыхъ никакъ нельзя упрекнуть въ слишкомъ большой плодовитости и торопливости.

Въ Германіи одно изъ современныхъ требованій оперной эстетики—чтобъ авторъ опернаго текста и авторъ музыки были одно и тоже лицо. Примѣръ этому авторъ текста и музыки чрезвычайно замѣчательныхъ нѣмецкихъ оперъ «Tannhäuser» и «Lohengrin,» Рихардъ Вагнеръ. Но въ Германіи эта потребность появилась оттого, что нигдѣ нѣтъ большей разногласицы какъ между убѣжденіями нѣмецкихъ либреттистовъ и нѣмецкихъ композиторовъ—имъ по бѣльшей части нѣтъ никакой возможности примириться на одномъ и томъ же идеалѣ. Направленія ихъ не только не параллельны, но иногда прямо противоположны. Да еслибъ, какимъ нибудь чудомъ, и совершилось примиреніе поэта съ музыкантомъ, то еще вопросъ: прійдется ли ихъ общій идеалъ по вкусу *публики*? Быть можетъ, все труды и все усилія къ примиренію пропадутъ просто даромъ! Композиторъ воюетъ съ упрямымъ либреттистомъ, который, не понимая требованій музыки, не хочетъ уступить ни шага въ области *своихъ* литературныхъ убѣжденій, либреттистъ въ постоянной войнѣ съ композиторомъ, столько же упрямымъ въ *своихъ* убѣжденіяхъ музыкальныхъ, а тутъ пѣвцы, которымъ ровно никакого дѣла нѣтъ до опернаго идеала, а есть бездна своихъ, самыхъ деспотическихъ требованій—а тутъ наконецъ публика, ненасытная гидра, у которой сколько головъ, столько умовъ, сколько умовъ, столько же и своихъ взглядовъ на требованія оперъ.

Общая война *всѣхъ* противъ *всѣхъ*! Гдѣ же тутъ ожидать цѣлости впечатлѣнія, единства идеала! Такъ въ Германіи.

Въ Италіи всего этого и въ поминѣ нѣтъ. Тамъ есть оперные композиторы, есть и авторы текстовъ для оперы, «но смѣшивать два эти ремесла» никому и въ голову прійти не можетъ. Тамъ на все свои рамки, свои выкройки (отчасти и гораздо лучше!) Какъ же устроиваются тексты для итальянскихъ оперъ? А вотъ какъ. Итальянскій либреттистъ постоянно *долженъ* имѣть въ виду *двухъ*, много *трехъ* первоклассныхъ актеровъ. Prima donna, primo uomo, т. е. теноръ, иногда третій basso profondo, basso cantante или baritono. Эти главные лица *должны* появляться на сценѣ въ самыхъ разнообразныхъ драматическихъ по-

ложеніяхъ, чтобъ дать случай пѣвцамъ выказаться въ сильныхъ взрывахъ чувства и страсти.

Разнообразныя драматическія положенія дѣйствующихъ лицъ непременно *должны* быть распределены въ принятой формѣ арій, дуэтовъ, терцетовъ, ансамблей, финаловъ. Между главными сценами *должны* участвовать въ оперѣ второстепенныя лица и хоры, чтобъ приготовить вниманіе слушателей къ появленію главныхъ дѣйствующихъ.

Согласно этимъ требованіямъ итальянскій либреттистъ прискиваетъ какую нибудь историческую основу для оперы или вымышляетъ самъ драму, въ которой бы по возможности было побольше сильныхъ и страстныхъ сценъ.

Такъ какъ эти основныя правила текста всякой серьезной оперы остаются для итальянцевъ неизмѣнными, то, очень просто, никому и въ голову не приходитъ быть въ этомъ отношеніи нововводителемъ, испытать свое счастіе на оперѣ съ новыми, небывалыми условіями, на рискъ рѣшительно не понравится публикѣ. Напротивъ, каждый заботится какъ можно лучше, сообразно своему таланту, воспользоваться формами, рамками разъ навсегда принятыми; оттого каждая удавшаяся итальянская опера служитъ только новымъ примѣромъ соблюденія прежнихъ постоянныхъ правилъ (новое платье по прежней выкройкѣ). Такъ и въ любой оперѣ Беллини либрето составлено непременно по этимъ же самымъ непреложнымъ законамъ. Вездѣ у главныхъ пѣвцовъ такія роли, гдѣ имъ можно вполне выказаться въ разныхъ драматическихъ положеніяхъ, составляющихъ рѣзкій контрастъ. Само собою разумѣется, что въ итальянскихъ операхъ, отъ либреттиста, также какъ и отъ музыканта не спрашивается глубокой обдуманности, не требуется полной характеристики данныхъ лицъ, вѣрности эпохъ, мѣстнаго колорита. Всего этого спрашивается едва на столько, чтобъ сцены драмы и выраженіе чувствованій дѣйствующихъ лицъ были сколько нибудь натурально подведены, не слишкомъ рѣзко натянуты. А и то не рѣдко случается.

Какъ только либреттистъ сочиненіемъ драматической канвы выполнилъ все свои обязанности, 1-е: вполне угодилъ всемъ *известнымъ* требованіямъ композитора, пѣвцовъ и публики, ему остается только ходъ самаго дѣйствія расположить какъ можно яснѣе и короче, въ видѣ речитативовъ, съ тѣмъ, чтобъ они, по возможности, натурально приводили къ главнымъ моментамъ драмы, которые должны облечься въ форму арій, дуэтовъ и пр., а эти главные моменты размѣстить въ прежней формѣ симметрическихъ строфъ. Стихи всегда обязаны быть

коротки, слова въ нихъ *удобны для пѣнія* (на итальянскомъ это не трудно) и не безъ поэзіи. Симметричность стиховъ и строфъ въ итальянской оперѣ главное условіе, иначе и композитору нельзя будетъ выстрочить на данной канвѣ симметрическихъ, ясныхъ, удобопонятныхъ мелодій. Въ этомъ итальянскіе авторы текстовъ вѣрны своему правилу. Форма ихъ оперныхъ стиховъ и теперь та же, какая была въ операхъ Метастазіо. Здѣсь я позволю себѣ сдѣлать небольшую оговорку.

Нѣмецкій критикъ, котораго слова я привожу, желая уколоть нѣмецкихъ оперныхъ нововводителей нашего времени (иные изъ нихъ теперь въ большомъ ходу въ Германіи), постоянно выставляетъ неизмѣнную итальянскую *выкройку* для оперныхъ либретто, вѣчно-одинаковый *рецептъ* ихъ оперъ, съ одной *хорошей* стороны, со стороны практичности, удовлетворительности для исполнителей и для слушателей. Но въ каждомъ дѣлѣ, какъ извѣстно, смотрѣть съ *одной* стороны не значитъ вполне видѣть предметъ, вполне его обнять. *Формалистика* итальянскихъ оперъ (особенно серьезныхъ), при всѣхъ хорошихъ качествахъ, освященныхъ временемъ и мастерскими произведеніями великихъ мелодистовъ, никакъ не можетъ быть безусловно принята за образецъ, уже потому, что давно дошла до крайности, а всякая крайность — гибель для искусства. Притомъ плоское до пошлости, рутинное до смѣха и жалости встрѣчаются во всей фактурѣ итальянскихъ «*opere serie*» чуть не на каждомъ шагу. Даже странно въ наше время сколько-нибудь серьезно толковать объ этой смѣшной сторонѣ итальянскихъ лирическихъ драмъ, которыя уже давно вошли въ пословицу: «*Was zu dumm ist um gesprochen zu werden, das wird gesungen.*» Такъ еще Гегель выразился, опредѣляя оперу вообще, и въ этихъ злыхъ словахъ даже нѣтъ большаго преувеличенія, если поближе, повнимательнѣе приглядѣться къ либретто очень многихъ на свѣтѣ оперъ, преимущественно—итальянскихъ. Кому изъ сколько-нибудь «думающихъ» объ искусствѣ не прискучило это «вѣчное тоже», *idem per idem*, во всемъ складѣ итальянскихъ оперъ? Кому не надоѣли эти пошло-мелодраматическіе эффекты, эти яды и кинжалы, какъ предлогъ для блестящихъ кабалеттъ, для терцетовъ *in tempo di walza* и т. д., эти грозныя судилища и эшафоты для какого-нибудь хора унисономъ или плоской безцвѣтной речитативной сцены, кому не надоѣли эти сцены сумашествія для примадонны, эти вѣчно-одинаковыя выходныя и финальныя *аріи*?

Уже давно кто-то изъ французскихъ критиковъ весьма не глупо замѣтилъ, что при тѣхъ понятіяхъ объ оперѣ, какія въ ходу у итальянцевъ, тамошніе либреттисты берутъ на себя все-таки еще слиш-

комъ много труда отыскивать сюжеты оперъ въ разныхъ извѣстныхъ романахъ и драмахъ съ избитыми малодраматическими пружинами. Такъ какъ требованіе композиторовъ и публики итальянской черезъ чуръ не притязательны, и о содержаніи оперы рѣшительно никто не заботится, потому-что въ Италіи даже принято слушать только *пльнѣ* примадонны и другихъ первыхъ сюжетовъ, а изъ отдѣльныхъ арій, дуэтовъ, терцетовъ, какъ извѣстно, не слишкомъ-то много можно понять пьесу, то не лучше ли бы для такихъ костюмированныхъ концертовъ *однажды навсегда* сочинить либретто, вполне сообразное рецепту, и пусть на это стереотипное либретто пишутъ все итальянскіе *maestri* свою музыку. Она очень легко можетъ выйти и *разнообразна* на столько, какъ требуется въ Италіи, т. е. чтобъ мелодія каватинны, которую вы слышите въ новой оперѣ, была *не точь въ точь* таже самая, какую вы слышали, напримѣръ, вчера въ оперѣ прошлаго сезона, а общее «фамильное» сходство обыкновенно не только что не вредитъ «новой» музыкѣ, даже есть залогъ ея успѣха. И теперь вѣдь только что имена и костюмы перемѣняются, такъ ужъ не лучше ли быть откровеннымъ до конца? Эта мысль заключаетъ въ себѣ даже и *серьезный* элементъ, потому что во всехъ искусствахъ было и всегда будетъ очень много самыхъ простыхъ сюжетовъ, сдѣлавшихся любимыми, постоянными темами для безконечныхъ вариаций, и стереотипность задачи нисколько не вредитъ самому роскошному развитію, когда задача достается истинному художнику. Притомъ же основа собственно-музыкальной драмы по самымъ идеально-эстетическимъ требованіямъ *должна* быть до крайности проста, *должна* ограничиваться тремя, много что четырьмя главными лицами и характерными ихъ положеніями, *должна* заключать въ себѣ много страсти и много лиризма. Все эти требованія самыя законныя, выведенныя изъ самой сущности музыкальнаго искусства, и между тѣмъ совершенно совпадающія съ «рецептомъ» *итальянской* оперы, о которомъ только что шла рѣчь. Но между этимъ идеальнымъ упрощеніемъ оперной основы и равнодушіемъ итальянскихъ либреттистовъ и композиторовъ къ истинно поэтической сторонѣ ихъ дѣла — разница безконечная! Итальянскіе либреттисты (особенно въ позднѣйшее время), кажется, бьются изъ того, чтобъ перещеголять одинъ другаго въ безвкусиіи выбора сюжетовъ, или въ особенномъ умѣньѣ самыя поэтическія созданія извѣстныхъ драматурговъ оплошлить до площадной мелодрамы. Предоставляя себѣ, при другомъ удобномъ случаѣ, поговорить объ этомъ предметѣ подробнѣе, я замѣчу здѣсь только, что особеннымъ вандализмомъ въ этомъ дѣлѣ отличается герой нынѣшнихъ итальян-

ских маэстро, Верди. Чего-чего не перекрошили для него усердные закройщики-либреттисты! Пусть бы еще пресловутыя некогда драмы Виктора Гюго заплатили дань итальянцѣ (драмы Гюго — чистѣйшія «мелодрамы» сами по себѣ, и ихъ нужно было только чуть-чуть опошлить, чтобъ *совсѣмъ* подвести подъ Вердіевскія требованія) но гг. закройщики и Шиллера пустили въ ходъ—(J Masnadieri, — Luisa Miller) мало того: осмѣлились наложить свою дерзкую руку даже на *Шекспира!!* — Макбетъ, а въ недавнее время Лиръ (!!) въ видѣ канвы для шумныхъ вдохновеній на ряду съ «Ломбардцами!» Уже и Россини сильно согрѣшилъ предъ Шекспиромъ, что одно изъ лучшихъ его созданій выбралъ не текстомъ, а «претекстомъ» костюмированного концерта. Только Россини отчасти выкупилъ свою вину чудеснымъ дуэтомъ ревности и безсмертною мелодіею романса Дездемоны. Но чтобъ глубочайшая поэзія «Короля Лира» пришлась сколько-нибудь по плечу дарованію г. Верди, больше чѣмъ невозможно, а выборъ «Макбета» сюжетомъ «музыкальной» драмы еще разъ подтверждаетъ давно-извѣстную истину, что итальянскіе авторы оперъ и въ наше время *нисколько* не заботятся о согласіи оперной музыки со смысломъ пьесы, и что это циническое равнодушіе къ поэтической основѣ оперы врядъ ли можетъ идти дальше, какъ въ операхъ Верди. У Доницетти въ этомъ отношеніи (какъ и во всѣхъ другихъ) въ миллионъ разъ больше толку и вкуса: многіе изъ своихъ либретто онъ скропалъ себѣ самъ и выбиралъ сюжеты всегда довольно удачно. А о Беллини слѣдуетъ сказать, что въ отношеніи выбора сюжетовъ онъ составляетъ почетное исключеніе между итальянцами послѣ Россиніевского времени. Хотя въ цѣломъ поворотъ, въ общемъ распорядкѣ своихъ оперъ и Беллини нигдѣ не отступилъ ни на шагъ отъ стереотипнаго итальянскаго покроя, по-крайней-мѣрѣ, онъ останавливалъ свой выборъ на такихъ драматическихъ канвахъ, которыя (за исключеніемъ, впрочемъ Ромео и Джульеты — оная бѣдный Шекспиръ!) почти ничего не теряли отъ общепринятой экономіи и отъ всѣхъ условій итальянской оперной сцены.

Приводимъ дальше слова нѣмецкаго критика, который, разсмотрѣвъ условія текста итальянскихъ оперъ, вотъ что говоритъ о стремленіяхъ итальянскихъ *композиторовъ*:

«У итальянскаго композитора всегда должны быть въ виду два основныя правила: самая простая, ясная, удобопонятная *форма* и самое мелодическое, блестящее *пѣніе*. При этомъ натурально живое выраженіе чувствованій дѣйствующаго лица и его драматическаго положенія. О дальнѣйшей вѣрности индивидуальному характеру, мѣстному колориту

и т. д., какъ у лучшихъ нѣмецкихъ оперныхъ сочинителей, итальянцы не заботятся, потому что отъ нихъ этихъ качествъ и публика не спрашиваетъ.

«Нѣмецкіе глубокомысленные критики все, что для нихъ несносно въ итальянской музыкѣ, все, что имъ кажется плоско, поверхностно, тривиально, любятъ приписывать недостаточно-развитой у итальянцевъ теоретико-технической сторонѣ, недостатку науки, школы. Можетъ быть, это и правда въ отношеніи иныхъ, только не совсѣмъ правда въ отношеніи *Беллини*. Достоверно извѣстно, что онъ учился своему дѣлу очень серьезно, прошелъ какъ слѣдуетъ всю «школу» гармоніи и контрапункта, и могъ написать фугу по всѣмъ правиламъ, лучше, чѣмъ иной нѣмецкій композиторъ. Только въ то время, какъ нѣмецъ изъ всѣхъ силъ старается въ какомъ нибудь фугато среди оперы выказать свою глубокую мудрость, Беллини, напротивъ, желалъ и успѣвалъ какъ можно искуснѣе скрыть науку, ученость въ своихъ произведеніяхъ. Достоверно также извѣстно, что онъ любилъ и изучалъ знаменитыхъ нѣмецкихъ композиторовъ. Здѣсь я прибавлю отъ себя, что Беллини все-таки не могъ похвалиться особенно глубокимъ знаніемъ научной стороны музыки. Въ операхъ его знатоки находятъ довольно много промаховъ противъ строгихъ правилъ контрапункта и полифоническаго стиля вообще, также и въ оркестровкѣ его многое не совсѣмъ ладно: Недостатки эти вовсе не рѣзки, доступны только для глубокихъ знатоковъ дѣла, и совершенно исчезаютъ за красотами мелодической мысли, гармонизированной, по бѣльшей части, совершенно просто, безъ претензій.

«Въ музыкѣ, какъ и во всемъ, каждая отдѣльная часть, каждая подробность должна имѣть свое назначеніе, свою цѣль, иначе эта часть, эта подробность—лишняя. У итальянцевъ, при направленіи ихъ чисто-практическомъ (угодить пѣвцамъ и публикѣ) никогда не найдете безсознательнаго употребленія музыкальныхъ средствъ. Итальянцы всегда прямо рассчитываютъ на эффектъ и рѣдко ошибаются въ расчетѣ.

«Для примѣра стоятъ взять любую изъ Беллиниевыхъ оперъ, хоть Соннамбулу, и провѣрить на дѣлѣ главныя правила, которыми Беллини руководился. Обратимся прежде къ речитативамъ.

«Речитативы у Беллини очень просты, а на долю оркестра при нихъ остается самый скромный аккомпаниментъ, отрывчатый аккордъ (гармоническое основаніе речитативной фразы)—изрѣдка тянутая гармонія (*gagnoné plaquée*). Пѣвецъ даетъ себя слышать въ речитативѣ, безъ всякой подмѣси инструментальныхъ звуковъ. Такъ и для публики выгодно.

Во время такихъ речитативовъ, почти безъ аккомпанимента, слушатель отдыхаетъ отъ болѣе или менѣе шумныхъ, массивныхъ звуковъ голоса съ полнымъ оркестромъ, въ аріяхъ, хорахъ и совокупныхъ мѣстахъ. И самые эти музыкальные нумера *послѣ* речитативовъ выступаютъ ярче и эффектнѣе.

«Второстепеннымъ лицамъ у Беллини даны речитативы въ простой формѣ «*parlando*», речитативы же главныхъ лицъ гораздо болѣе мелодичны, составляютъ полныя мелодическія фразы (не выступая изъ характера пѣнія декламационнаго), такъ-что первые пѣвцы могутъ уже въ этихъ фразахъ выказать свой голосъ съ самой блистательной стороны. Именно для этой цѣли главнымъ лицамъ пьесы, при первомъ выходѣ ихъ на сцену, даются такіе речитативы, почти безъ участія оркестра, (напримѣръ: выходъ Амины «*Care compagne e voi, teneri amici*», выходъ Эльвина «*Perdona, o mia diletta, il breve indugio*»). Между речитативами главныхъ пѣвцовъ помѣщены небольшіе въ высшей степени мелодическіе періоды—«*arioso*»—опять очень выгодный контрастъ.

Эти «*arioso*» бываютъ или съ самымъ простымъ, плавнымъ аккомпаниментомъ (струннымъ), или въ такой формѣ, что оркестру дана главная мелодическая мысль (обыкновенно *соло* какого-нибудь духоваго инструмента), а пѣвцу въ *тоже время* другая мелодически-декламационная фраза, отдѣльная отъ мелодіи оркестра. (Примѣръ «*arioso*» *перваго* рода: въ речитативахъ Эльвина «*Sui nostri nodi d'un angelo favor (Andante in tempo) prostrato al marmo dell'estinta, dell'estinta mia madre etc.*) Мелодическія выходы оркестра во время речитативовъ, кромѣ того, что выгодны для контраста и пріятны для слушателя, полезны и для пѣвца, какъ промежутки для отдыха.

«Перейдемъ теперь къ Беллиниевскимъ «аріямъ», любимицамъ всѣхъ на свѣтѣ пѣвцовъ и главной массы всѣхъ на свѣтѣ оперныхъ публикъ.

«*Прелесть пѣнія*—главное, высшее правило у Беллини, правило, которому должны уступить, должны покориться все прочія музыкальныя и драматическія требованія (иногда и самая *правда* выраженія).

Самое пѣніе Беллиниевское состоитъ изъ сліянія кантабиле съ бравурнымъ стилемъ. Но бравурность онъ очень облагораживаетъ, приближая ее къ выразительности. Потому-что и въ самомъ дѣлѣ далеко не все колоратуры, мелисмы, вокальныя украшенія противятся правдѣ и страстности выраженія. Только музыкальные аскеты безусловно изгоняютъ рѣшительно все «пассажи» изъ вокальной музыки, напротивъ того примѣръ великихъ мастеровъ (положимъ Моцарта, въ Доннѣ Эльвирѣ и т. д.) доказываетъ, что самыя блестящія рулады могутъ служить очень

вѣрнымъ выраженіемъ вспышки гнѣва или восторженной радости. Это даже еще Руссо замѣтилъ въ своемъ Dictionaire de musique.

«Въ Саннабулѣ счастье любящей Амины въ ея первой аріи, такое счастье, которое перепополняетъ ея душу (*non ho forza a sostener...* хотя это очень обыкновенная «риторика» италіянскихъ либретто), очень кетати выражается Беллиніевскими колоратурами, если представить себѣ, конечно, *италіянскую* дѣвушку, съ ея огненною страстью. Надо замѣтить, что и исполнять такія аріи должна чисто-италіянская пѣвица. Лучшія изъ пѣвицъ-нѣмокъ никогда не въ состояніи передать этого «южнаго» характера Беллиніевской музыки.

«Чтобъ увидѣть яснѣе всю *экономію* Беллиніевскихъ аріи, столь выгодныхъ и блестящихъ для исполнителей, рассмотримъ всю выходную арію Амины по порядку.

«За речитативомъ (*Care compagne*) слѣдуетъ каватина въ $\frac{4}{4}$, *Cantabile sostenuto*, *Es dur*. Замѣчательно, что всѣ аріи, дуэты, всѣ нумера оперъ собственно для пѣвцовъ, Беллини всегда писалъ въ темпѣ умѣренномъ и въ ритмѣ широкомъ, всего чаще въ $\frac{4}{4}$. Это нужно для пѣвучести мелодій. Пѣвцу нужны ноты, на которыхъ бы онъ успѣлъ привести свой голосъ въ полную вибрацію. Въ короткомъ ритмѣ и при быстромъ движеніи, мелкія поспѣшно смѣняющіяся ноты не допускаютъ полной силы голоса; даже при самомъ скромномъ аккомпаниментѣ, такія мѣста поются только въ *поллоса*. Если же еще оркестру при этомъ дано много работы и звучности, вся прелесть голоса пропадаетъ. «Рондо» Дона Жуана (*Fin ch'han dal vino*, или какъ нѣмцы называютъ *Champagner-Lied*) *Presto*, $\frac{2}{4}$ можетъ служить подтвержденіемъ этого замѣчанія. Чуть только у пѣвца голосъ не колоссальный и притомъ не имѣетъ необычайной гибкости и ясности произношенія—вся мелодическая часть въ голосѣ проскользнетъ едва замѣтно. Моцартъ это самъ чувствовалъ, оттого всю мелодію, кромѣ голоса поручилъ инструментамъ (флейтамъ, скрипкамъ и т. д.).

Cantabile sostenuto въ аріи Амины—всего изъ 20-ти тактовъ, состоитъ изъ трехъ очень недлинныхъ періодовъ, остается въ тоникѣ и построено на самой обыкновенной гармонической основѣ. Но что за полнота сладкаго, свѣтлаго пѣнія: самый отчаянный идеалистъ изъ числа нынѣшнихъ нѣмецкихъ преобразователей оперы,—превратись онъ въ *пѣвца* съ чудеснымъ и превосходно-выработаннымъ голосомъ,—непремѣнно съ большою охотою исполнялъ—бы это кантабиле для себя и для другихъ, съ полною увѣренностью въ успѣхѣхъ.

«Въ первомъ періодѣ кантабиле, *прежде* вступленія голоса, оркестру

данъ одинъ тактъ аккомпанимента (одинъ аккордъ въ самой простой изъ итальянскихъ формулъ). Тутъ нѣтъ никакой мысли, ни малѣйшей фантазіи: но этотъ тактъ служить *приготовленіемъ* къ мелодіи; во время этой почти пустоты, но *не* молчанія, слушатель ждетъ мелодіи, и ждетъ ее уже въ извѣстномъ, опредѣленномъ тактѣ и тонѣ. Это—*задержаніе*, на томъ же основаніи, какъ и гармоническія задержанія въ сплетеніи голосовъ и аккордовъ. Вся музыка покоится на законахъ такого рода приготовленій и разрѣшеній. Кромѣ того композиторъ имѣетъ въ виду придать какъ можно больше вышуклости пѣнію, послѣ «*tutti*» оркестра слухъ усноковивается, и оркестръ очищаетъ мѣсто для *голоса* въ ничѣмъ не возмутимой его красотѣ. Все для голоса, для пѣвца.

«Второй періодъ кантабиле принадлежитъ къ тѣмъ «*arioso*,» о которыхъ говорено выше и именно къ тому роду, гдѣ оркестру дана самостоятельная мелодія, а голосу другая, различная по ритму.

За *cantabile sostenuto* — небольшой хоръ, обще-принятый итальянскій шумокъ, совершенно съ тою цѣлію, какъ «*tutti*» послѣ перваго соло въ концертѣ для какого-нибудь отдѣльнаго инструмента (ф. піано, скрипки и т. д.). Опять контрастъ и отдыхъ для пѣвца.

За этимъ главная, капитальная часть этой сцены, настоящая арія, или каватина *As-dur*, $\frac{4}{4}$, *moderato*. Это до того ясная мелодія, которая должна остаться въ памяти слушателей на долго, на всегда. Оттого все построеніе ея чрезвычайно просто, симметрично, и она повторяется нѣсколько разъ. Особенно главная часть мелодіи, начальные четыре такта сперва служатъ прелюдіею, потомъ даны голосу три раза, потомъ еще одинъ разъ послѣ втораго періода мелодіи. Такимъ образомъ эти четыре такта, главная мелодическая мысль является уже *пять* разъ въ теченіе первой половины аріи, но въ этой первой половинѣ, полной мелодической мысли, заключается уже главное содержаніе аріи. За первую половиною идетъ *tutti* хора съ оркестромъ. Потомъ снова вся первая мелодія—тамъ опять *tutti* и наконецъ *stretta*, съ бестыщимъ заключительнымъ соло для пѣвицы. Громкая, горячая, заключительная фраза оркестра, какъ-будто нарочно для аплодисментовъ.

«Вотъ простая форма аріи, которая постоянно встрѣчается у Беллини съ очень небольшими и незначительными измѣненіями. И форму эту не Беллини изобрѣлъ: онъ взялъ ее готовую у своихъ предшественниковъ, потому что итальянцы постоянно держатся стереотипной формы.

«Какая ремесленность!» восклицаютъ нѣмецкіе критики и композиторы. Но ни пѣвцы, ни публика не жалуются.

«Итальянцы, всегда отдавая предпочтеніе *чувственной* сторонѣ эсте-

тическаго удовольствія, вовсе не желаютъ въ оперѣ размышлять, думать, они хотятъ только: слушать и чувствовать. Схватыванье слухомъ за одинъ разъ многихъ разнородныхъ элементовъ, гармонически соединенныхъ въ одно цѣлое, предполагаетъ особенно къ тому настроенную, приученную душевную дѣятельность. А такое настроеніе, такая привычка, такое *умльнѣ* слушать невозможно предположить во всей массѣ театральной публики, гдѣ бы то ни было. Ни въ Италіи, ни въ Германіи, нигдѣ на свѣтѣ еще не бывало театральной публики *вполнѣ образованной* въ отношеніи музыки, да врядъ ли когда нибудь возможны эти идеальныя точки образованности *всей* массы. Этой точки не достигала даже пресловутая эстетическая жизнь древнихъ грековъ. И у нихъ, въ публикѣ, въ толпѣ, было миллионъ отбѣнковъ пониманія, разумнѣя отдѣльныхъ и сложныхъ красотъ искусства, при очень развитомъ чувствѣ красоты вообще.

«Нѣмецкіе композиторы предлагаютъ своей публикѣ вмѣстѣ и оригинальную, небывалую гармонію, съ непрерывно смѣняющимися модуляціями, и поразительнѣйшіе эффекты инструментовки, и ученія контрапунктическія сплетенія вокальныхъ партій, изъ которыхъ каждой даны разныя слова, одинаковой важности по смыслу пьесы; при этомъ публика нѣмецкихъ оперъ должна обсуживать характеры и драматическія положенія, и сочувствовать имъ въ отношеніи пьесы, какъ драмы, слѣдить за игрою актеровъ, и изо всего вмѣстѣ еще выводить результатомъ общую мысль оперы, глубоко-затаенную идею автора, или авторовъ! На долю собственно *пѣнія*, какъ видимъ, тутъ достается очень немного. Высшее требованіе нѣмецкихъ оперныхъ композиторовъ въ томъ, чтобъ музыка ихъ являлась постоянно въ новыхъ, неслыханныхъ формахъ.

«По методѣ итальянскихъ авторовъ, всего этого черезъ чуръ *много* для ихъ публики. Итальянскіе дилеттанты не выдержатъ и получаса напряженнаго вниманія на такую бездну трудныхъ вещей; развѣ силою можно бы ихъ заставить досидѣть до конца оперы по такому чуждому для нихъ, нѣмецкому рецепту, но тогда вмѣсто наслажденія это для нихъ была бы пытка. Для нихъ уже и Моцартовы оперы тяжелы.

«Итальянскіе авторы употребляютъ однѣ обще-принятыя формы именно потому, что онѣ *обще-приняты*, всѣмъ знакомы, всѣмъ любезны. При нихъ публика обязана обращать вниманіе только на то, что ей предлагается въ извѣстной формѣ, не на способъ предложенія слушателю, а на самое дѣло, на мелодію, на пѣніе, на выраженіе страстнаго чувства.

«Да и много ли важности въ новизнѣ формы! Самая новая становится извѣстною, старою—когда одну и ту же музыку прослушаешь много, много разъ. Новизна ли формы доставляетъ намъ наслажденіе, на примѣръ въ Моцартовомъ Донъ-Жуанѣ? Тамъ рѣшительно все намъ такъ знакомо! можно подсказать любой тактъ впередъ.

А наслажденіе оттого не теряется ни сколько. Такъ и въ тысячѣ другихъ случаевъ. Значитъ *новость* формы вовсе не составляетъ особенной важности.

«Правду музыкальной «формы» никакъ нельзя понимать въ такомъ смыслѣ, что она должна служить вѣрнѣйшимъ отраженіемъ внутренняго психическаго явленія. Людямъ доступны только самыя «общія» черты чувствованій и сердечныхъ движеній.

«Эти общія черты въ душѣ человѣческой могутъ развѣтвляться до безконечности и въ каждомъ отдѣльномъ, индивидуальномъ случаѣ располагаться по своимъ «особеннымъ» законамъ, въ определенномъ, самобытномъ порядкѣ, но *для другихъ* доступно будетъ только то, что больше всего рельефно и всегда только то, что во *всѣхъ* людяхъ сходно или почти сходно. Въ искусствѣ человѣкъ ищетъ именно *этихъ* рельефныхъ чертъ. Если *онѣ* выражены со всею правдою, искусство доставляетъ полное наслажденіе. Ни объ какомъ музыкальномъ сочиненіи на свѣтѣ нельзя сказать: это *единственно* возможное выраженіе даннаго чувства, или сердечнаго движенія. Можно только ощущать вообще, что подражаніе болѣе или менѣе *близко* подходит къ натурѣ, или еще неопредѣленнѣе, что въ обсуживаемой музыкѣ нѣтъ ничего противорѣчащаго избранной художникомъ психической темѣ. Чтѣ мы находимъ, на примѣръ, въ большой увертюрѣ Бетховена «Леонора»? Картину главнѣйшихъ моментовъ дѣйствія оперы (Фиделіо). Мы узнаемъ ихъ, но никому въ свѣтѣ не придетъ въ голову утверждать, что именно *эта* увертюра (напр. Леоноре, № 3) *единственно вѣрное* изображеніе данной драматической мысли.» Самъ Бетховенъ, прибавлю я, *четыре* раза обрабатывалъ этотъ сюжетъ въ видѣ увертюры. Изъ нихъ двѣ (II-я и IV-я) при всемъ сходствѣ въ главныхъ музыкальныхъ мысляхъ, много и разнятся между собою, а первая (тоже C-dur) и послѣдняя (in E-dur) *нисколько* не похожи ни между собою, ни на двѣ среднія. Вообще это, быть можетъ, не совсѣмъ ясное для иныхъ, разсужденіе автора нѣмецкой статьи клонится къ тому, что въ одной и той же *формѣ*, пожалуй, стереотипной, поле для истиннаго художника безгранично, чтѣ снова обращаетъ читателя къ высказаннымъ мною выше замѣчаніямъ о *возможности* почти одной постоянной темы для оперъ въ итальян-

скомъ вкусѣ. «Если допустить», продолжаетъ авторъ, «что музыкальная форма вовсе не непременно во всей точности вызывается внутреннею психическою задачею, выражаемою художникомъ, но что художникъ въ формѣ своего произведенія сообразуется только съ общими, наиболѣе рельефными чертами даннаго чувства или сердечнаго движенія, такъ, чтобъ слушатель по *этимъ* признакамъ могъ узнать, о чемъ идетъ рѣчь, то ясно, что музыкальная форма только до *извѣстной* степени подлежитъ произволу художника. Эта извѣстная степень опредѣляется *удобопонятностью формы* (Fasslichkeit). Какъ только художникъ переступилъ эту границу, никакая правда выраженія (по его идеѣ) никакая близость къ природѣ (въ его смыслѣ) не спасутъ произведенія. Пусть оно будетъ чрезвычайно глубоко задумано, симпатично оно не возбуждаетъ, потому что останется темнымъ, загадочнымъ. Слушатели не отыщутъ въ немъ ни одной точки соприкосновенія съ извѣстной, *знакомой* имъ правдой и останутся сами по себѣ, а глубокое произведеніе тоже само по себѣ.

«Развѣ мы требуемъ въ пластическихъ искусствахъ, чтобы каждый разъ, для каждаго отдѣльнаго душевнаго движенія измѣнялся весь организмъ тѣла человѣческаго, такъ, чтобы въ немъ ничего не оставалось походяго на прѣжнее? Напротивъ, тѣло человѣческое всегда одного и того же вида, одной *формы*, но въ этой формѣ проявляется каждый разъ иное внутреннее содержаніе, и оно-то становится для насъ новымъ и завлекательнымъ. Вѣчное одно и тоже и тутъ же вѣчное разнообразіе. Одно человѣческое лицо красиво, другое очень не красиво. А если разобрать, въ чемъ именно разница, гдѣ именно предѣлы красоты, иногда рѣшить очень трудно. Въ главныхъ чертахъ оба лица могутъ быть даже весьма схожи, уже не говоря о постоянномъ *типѣ* человѣческаго облика вообще. Значитъ стереотипность главной формы, общаго типа нисколько не можетъ вредить поэтическому богатству содержанія. И во всѣхъ искусствахъ тоже самое. Будутъ ли какіе нибудь стихи оттого замѣчательно хороши, что написаны въ неупотребительномъ или вовсе небываломъ размѣрѣ? Помѣшаетъ ли превосходной поэзіи форма *Сонета*, потому-только, что эта форма очень извѣтна и до крайности симметрична?

«И такъ, на основаніи того же самаго закона, по которому въ природѣ видно вездѣ единство типа, или стремленіе къ этому единству, на основаніи того закона, по которому поэты остаются при давно принятыхъ, наследственныхъ размѣрахъ и формахъ строфъ, на этомъ же основаніи итальянскіе композиторы удерживаютъ давно извѣстныя и общеприня-

тыя формы арій, дуэтовъ и т. д. Итальянскою публикѣ эти формы нравятся. Онѣ не только что не вредятъ наслажденію слушателя, напротивъ, еще его увеличиваютъ. Знакомая, простая, удобно схватываемая форма не требуетъ напряженнаго вниманія слушателя и мелодическое содержаніе выступаетъ въ такой формѣ несравненно яснѣе.

«Такъ какъ Беллини не могъ иначе дѣйствовать на свою публику, какъ посредствомъ мелодіи, пѣнія, то у него и притязанія не было на новизну формъ, на оригинальную оркестровку, всѣ силы его были обращены на голосъ, на рисунокъ его кантиленъ. Очень ошибочно думаютъ, что онъ набрасывалъ свои мелодіи какъ попало. Достоверно извѣстно, что Беллини былъ очень строгъ къ себѣ въ отношеніи мелодій, долго ихъ обчищалъ и перемѣнялъ, пока рѣшался окончательно внести въ партитуру. Надо сказать, впрочемъ, что въ томъ именно состояла и *вся* главная его работа при сочиненіи оперы, работа, отъ которой зависѣлъ успѣхъ. Какъ только главная мелодія каждой аріи, каждаго нумера, мелодія не больше, какъ такта въ 3/2, была создана, все остальное, хоръ, выходки оркестра въ tutti, форма аккомпанимента являлись тотчасъ какъ будто сами собою, на основаніи принятыхъ въ итальянской оперѣ неизмѣнныхъ правилъ.

Во многихъ *нѣмецкихъ* операхъ позднѣйшаго времени встрѣчается явленіе весьма неутѣшительное для истиннаго музыкальнаго вкуса. Отнимите вокальныя партіи и слушайте *одинъ* оркестръ, вы едва замѣтите, что чего нибудь въ этой музыкѣ недостаетъ; музыка остается такою же ясною или, вѣрнѣе, такою же *неясною*, какъ и прежде. Отнимите оркестръ, слушайте *одно* пѣніе—какая несвязная, сухая, бѣдная, ничтожная и некрасивая декламація! Истиннаго *пѣнія* вовсе на лицо не оказывается. Не лучше ли въ миллонъ разъ метода *итальянская*?

«У итальянцевъ нѣтъ самостоятельной оркестровой музыки; они смотрятъ на всѣ инструментальныя силы не иначе какъ на подмогу, пособіе для пѣнія. Къ симфоніямъ, квартетамъ у нихъ вовсе любви нѣтъ. Какъ только итальянцы примутся писать для одного оркестра, сейчасъ замѣтно, что они не у себя дома: неловкость, неопытность проявляются на каждомъ шагу *. Вотъ отчего такъ пошлы всѣ ихъ увертюры, въ томъ числѣ и Беллиниевскія. Россини хотя также понималъ инструментальную музыку чисто съ итальянской стороны, однако, обладая гениальною способностью къ колориту, превзошелъ въ оркестровкѣ всѣхъ

* Говорятъ, синьоръ Верди написалъ нѣсколько симфоній! Вотъ должны быть курьозныя произведенія!

своихъ, предшественниковъ (итальянцевъ), современниковъ и даже преемниковъ. Беллини въ этомъ отношеніи и въ сравненіе съ нимъ итти не можетъ. Для Беллини пока весь интересъ въ пѣніи солистовъ (т. е. въ большей половинѣ каждой оперы), въ оркестрѣ необходимы только звуки довольно слабые, чтобъ поддерживать голосъ, но всегда красивые, пріятные. А какъ кромѣ фортепьяно, которое въ оперѣ не участвуетъ, ничто не составляетъ такого выгоднаго контраста съ голосами, какъ струнные, смычковые инструменты, то на нихъ основанъ у Беллини весь главный акомпаниментъ.

И здѣсь опять рѣчи нѣтъ объ новизнѣ и разнообразіи формы. И рисунокъ акомпанимента и сочетанія инструментовъ всегда почти одни и тѣже. (*Accord brisé* у скрипокъ, басъ—*pizzicato* на главныхъ акцентахъ). Духовые инструменты употребляются при пѣніи очень рѣдко и то, по большей части только мягкіе звуки фаготовъ и роговъ. Гораздо чаще въ средней наполняющей гармоніи употреблены альты (аккордомъ изъ двухъ тянутыхъ нотъ), инструментовка довольно оригинальная и прелестная по эффекту, но Беллини слишкомъ ею пользуется, впадаетъ въ однообразіе.

«Если его нельзя назвать отличнымъ по оркестровкѣ, въ сравненіи съ героями этого дѣла, если, во время пѣнія солистовъ, онъ не выводитъ оркестра изъ самой обыкновенной колеи, за то у него нѣсколько нѣтъ недостатка въ массивныхъ и эффектныхъ оркестровыхъ сочетаніяхъ, въ интродукціяхъ, въ *tutti*, въ ансамбляхъ и финалахъ, все-таки, конечно, на общій итальянскій ладъ. Особенно ловко онъ, какъ и многіе другіе итальянскіе композиторы, пользуется контрастами. Расчетъ у него на звукъ оркестра, какъ въ самыхъ сильныхъ массахъ, такъ и въ слабѣйшемъ до выходовъ соло отдѣльныхъ инструментовъ, всегда очень вѣренъ, такъ что сильная оркестровка никогда не выходитъ смутнымъ шумомъ, а слабая никогда не обращается въ сухость и блѣдность. Партитуры его, по объему и числу строкъ, не уступаютъ самымъ сложнымъ партитурамъ французскимъ и нѣмецкимъ. Его «*forte* и *ff*» всегда распределены очень просто и умно. Никогда нѣтъ огромнаго накопленія массъ въ шесть и болѣе отдѣльныхъ гармоническихъ партій, каждая въ своемъ ритмѣ. Напротивъ, вся масса состоитъ изъ двухъ, много трехъ отдѣльныхъ партій, и то не въ смутной борьбѣ между собою, а въ самомъ простомъ, ясномъ сочетаніи. И все это *только* въ тѣхъ случаяхъ, когда пѣніе *солистовъ* умолкло, когда рѣчь предоставлена оркестру, или когда оркестръ сливается съ огромною массой хора. Пока пѣвецъ выражаетъ всю страстность своего дра-

матического положенія, даже когда предметомъ музыки самое бѣшеное отчаяніе, самый яростный гнѣвъ и т. п., оркестръ, конечно, кипитъ и бѣнуется вмѣстѣ съ пѣвцомъ, но постоянно *въ тѣни*, въ полголоса, чтобъ не покрыть солиста, потому что для Беллини пѣніе важнѣе всего.

«Искусству—не заглушать пѣнія оркестромъ даже въ выходкахъ неистовой страсти, этому искусству, нисколько не понимаемому большею частію *нынѣшнихъ* композиторовъ (даже итальянскихъ) нигдѣ нельзя научиться лучше, какъ изъ партитуръ Беллини.

«Если и случается иногда, что и въ Беллиниевыхъ операхъ оркестръ пересиливаетъ пѣвца, то не иначе, какъ въ заключеніяхъ арій и т. д. При повтореніи мелодической фразы, которая уже была слышана ясно нѣсколько разъ прежде и такъ сказать, сама мысленно допѣвается въ ушахъ слушателя.

«Беллини, хорошо изучившій нѣмецкихъ мастеровъ, больше другихъ итальянцевъ стремился передать оркестромъ общій колоритъ длинной сцены. Такъ въ послѣднемъ актѣ «Ромео и Джульетты» вся музыка проникнута глубокою скорбью, и отъ нея какъ будто вѣетъ могилой. Такъ въ «Нормѣ» во многихъ мѣстахъ очень удачно переданы мрачный колоритъ дремучихъ лѣсовъ друидскихъ.

«Другое основное правило Беллини: ясность, опредѣленность мелодической мысли и ея значенія. Никогда никто изъ толковыхъ слушателей Беллиниевской оперы не усомнится въ значеніи каждаго нумера, въ его цѣломъ и каждой отдѣльной мелодической мысли. Предметъ этой аріи нѣжность, и всѣ отдѣльныя фразы аріи, всѣ подробности выражаютъ нѣжность; въ другой аріи общій характеръ,—грусть, и всѣ части, всѣ оттѣнки исполнены грусти, въ этомъ дуэтѣ два соперника высказываютъ другъ другу свою ненависть, свое желаніе поединка на смерть и т. д. Только не надо принимать эту опредѣленность мелодическаго выраженія въ смыслѣ той глубокой драматической правды, которая постоянно встрѣчается въ твореніяхъ Моцарта, Бетховена, Вебера, Мейербера. У нихъ не только каждое чувство вообще находитъ свое полное выраженіе, но въ музыкѣ отражаются и многія частныя черты каждаго отдѣльнаго характера въ данномъ драматическомъ моментѣ, и музыка такимъ образомъ придаетъ индивидуальную жизнь дѣйствующему лицу, принадлежащему данной эпохѣ, данной національности. Ничего этого у Беллини и искать не слѣдуетъ. У него сквозь всѣ данныя характеры просвѣчиваетъ итальянская личность. Влюбленная дѣвушка у него—итальянская влюбленная дѣвушка; мстительный соперникъ—итальянскій мститель. Кто у него на

сценѣ, римлянинъ ли, скиѣ ли, поселяне или герцогиня, крестьянинъ или полководецъ, это для Беллини все равно. Но въ общемъ выраженіи чувствъ онъ гораздо опредѣленнѣе и правдивѣе, чѣмъ другіе новѣйшіе итальянцы. Если у него нельзя узнать особеннаго характера поющаго лица, то о чувствѣ этого лица въ данную минуту и сомнѣнія быть не можетъ. Беллини никогда бы и на мысль не пришло написать мелодическую мысль неопредѣленную, туманную, которой бы можно придать много разныхъ, произвольныхъ значеній. Вообще все мысли его очень просты и ясны. Въ чемъ бы Беллини ни упрекали, никогда никто не пожалуется, что музыка такой-то его оперы непонятна сразу, что въ нее надо вслушаться, чтобы понять и полюбить.

«Этой постоянной ясности и удобопонятности много содѣйствуетъ простота модуляцій. Беллини свободно владѣетъ самыми затѣйливыми переходами гармоніи, случаются и у него смѣлыя, поразительныя модуляціи, но рѣдко, бережливо и обыкновенно въ речитативахъ или «*allegro*», когда еще не установилось опредѣленное чувство. Но какъ только установилось, тогда онъ почти не выходитъ изъ главнаго тона и ближайшихъ къ главному. Такимъ образомъ сохраняется единство мысли и въ гармоническомъ отношеніи, чего врядъ ли можно достигнуть, когда желаютъ въ каждомъ номерѣ пощеголять всею премудростью ученыхъ и «новыхъ» модуляцій, когда что ни шагъ, то какой-нибудь энгармоническій переходъ и самые отдаленные, самые чуждые другъ другу аккорды втисканы чуть ли не въ любые восемь тактовъ.

Въ заключеніе нѣмецкій авторъ замѣчаетъ, что онъ вовсе не думаетъ выставять Беллини образцомъ подражанія во всемъ направленіи, во всей фактурѣ оперы, что недостатки итальянской манеры въ сочиненіи оперъ такъ извѣстны, что объ нихъ уже не стоитъ и распространяться—но что онъ желаетъ, чтобы композиторы, сочиняющіе по другому, *не-итальянскому* идеалу, уловили итальянское умѣнье писать для пѣнія, для пѣвца, и придавать нѣкоторую долговѣчность своимъ созданіямъ.

«То, что пѣвцы называютъ «благодарною» партією, «благодарною» музыкою, вовсе не презрительное качество. Тотъ, кто пишетъ «неблагодарно,» для пѣвцовъ рискуетъ никогда не услышать своего произведенія въ исполненіи первоклассными артистами. Такіе артисты поютъ, что имъ вздумается, выбираютъ выгодное, эффектное—неблагодарную роль они никогда не возмутъ на себя, кромѣ развѣ по какому нибудь особенно-му сильному принужденію. И этого не перемѣняютъ никогда никакія

реформы оперы по новому идеалу, также, какъ и публику не забывать цѣлые томы теорій.»

Отъ себя я здѣсь прибавлю, что мудрено не согласиться вполне съ замѣчаніями автора «*Fliegende Blätter.*» Можно и даже должно вовсе не симпатизировать итальянскому взгляду на оперу, какъ на подмостки для пѣнія, для пѣвцовъ, потому-что тогда все это выходитъ только костюмированный концертъ—для чего жъ тутъ *драма* и всѣ театральныя *затѣи*? Но нельзя отнять, что практичность, нѣкоторая даже ограниченность этого направленія въ оперномъ дѣлѣ несравненно лучше жеманной куплетности и пошлой танцевальности чисто-французскихъ оперъ (новѣйшихъ), и гораздо болѣе похоже *на дѣло*, чѣмъ безбрежныя стремленія туманныхъ нѣмецкихъ оперъ, гдѣ за желаніемъ удовлетворить слишкомъ многимъ идеальнымъ требованіямъ, въ результатѣ получается тоска, скука и рѣшительное отсутствіе мелодической красоты.

Итальянцы, оставаясь въ своихъ наслѣдственныхъ рамкахъ, умѣютъ писать музыку красивую, удобную для исполненія, умѣютъ доставлять прямое *наслажденіе* слушателямъ, умѣютъ создавать оперы *вѣрныя* извѣстной идеѣ, извѣстному назначенію—и заключающія въ себѣ *условія жизни* во всемъ музыкальномъ свѣтѣ на двадцать и болѣе лѣтъ впередъ. Но значительный выигрышъ передъ композиторами-идеалистами, —которые при всей развитости своего взгляда, при всѣхъ «высшихъ» стремленіяхъ, или всей очищенности идеала, умѣютъ только сбивать съ толку себя и другихъ, мучить исполнителей и публику, и попытками перестроиванія всего организма оперы на новый ладъ—дивить не свѣтъ, не цѣлые народы, а только—свой муравейникъ. Беллини, безъ сомнѣнія, не можетъ стоять на ряду съ Глюкомъ, съ Моцартомъ, съ Керубини и съ Веберомъ, но и его оперы—*оперы*, полныя органическихъ созданій, занимающія очень почетное мѣсто въ ряду *итальянскихъ* оперъ. Причитать же весь *родъ* итальянскихъ оперъ—невозможно безъ явнаго пристрастія. Этотъ родъ имѣетъ свою историческую законность, свое значеніе и назначеніе, даже полное право гражданства и въ самомъ строго-эстетическомъ мірѣ, со стороны красоты и чистоты мелодіи, какъ въ безконечной лѣстницѣ живыхъ организмовъ въ природѣ и соловей, и малиновка имѣютъ свою относительную важность также, какъ и конь или орелъ—то и въ царствѣ «искусства» каждый изъ производителей имѣетъ свою степень, свою силу и характеръ, свой удѣльный вѣсъ. Судить одного по мѣркѣ другаго — безтолковая несправедливость. «*Suum cuique.*»

А определительность цѣли и всѣхъ средствъ къ достиженію этой

цѣли не есть ли одно изъ самыхъ драгоцѣнныхъ правилъ для художника? И счастливъ тотъ, кто, какъ Беллини, вполне владѣлъ этою опредѣлительностью!

Идеаль его былъ скромень, безиритязателенъ—но онъ остался ему вѣренъ, выполнилъ *всю* требованія этого идеала. Такъ выразиться пришлось бы не о многихъ художникахъ нашего вѣка.

А. Спровъ.

III.

ЛОВЕЦКІЕ РАЗСКАЗЫ

О

КАСПІЙСКОМЪ РЫБОЛОВСТВѢ.

П. И. Небольсина.

—
II.

РЫБОЛОВНЫЯ СУДА.

Кусовыя суда.—Обыкновенная кусовая.—Ловецкая лодка.—Багры.—Живодная кусовая.—Эмбенская лодка.—Морская расшива.—Свойская лодка.—Тюленная кусовая.—Реюшка или черневая лодка.—Салмовая лодка.—Значеніе слова «закрой».—Бударка.—Рыбница.—Плоть.—Прорѣзь.—Косная или проѣздная лодка.—Коснушка.—Сходни.

Разсказывая о тюленьемъ боѣ, мы между прочимъ, упомянули, что тюленьщики выѣзжаютъ на промыселъ «на кусовыхъ.»

Кусовая или «кусовая посуда» есть единственное здѣсь, на бурливомъ и сердитомъ Каспійскомъ морѣ, рыболовное большаго размѣра палубное судно, могущее весьма изрядно лавировать и выдерживать разное непогодье до такой степени удачно, что возбуждаетъ даже зависть въ экипажѣ судовъ другаго устройства.

— Вишь, вѣдь, чужимъ вѣтромъ идутъ! обыкновенно кричатъ, обращаясь къ кусовой, ловцы, шныряющіе въ другихъ посудинахъ до капризному Каспію.

Кусовыя бываютъ разныхъ родовъ, и раздѣляются на кусовыя транспортныя, занимающіяся перевозкою разныхъ товаровъ изъ одной пристани Каспійскаго моря въ другую, и на кусовыя рыболовныя. О первыхъ мы вовсе не станемъ распространяться, а о послѣднихъ можемъ дать читателю краткое понятіе, въ связи съ другими рыболовными судами.

Рыболовная кусовая бываетъ двухъ видовъ: или просто такъ называемая въ тѣсномъ смыслѣ кусовая, или «живодная» кусовая.

Обыкновенная кусовая строится почти также, какъ и всякое килевое морское судно, только въ уменьшенныхъ размѣрахъ. Она очень рѣдко бываетъ длиннѣе пятидесяти-футъ по килю, обыкновенно же строится въ длину отъ $5\frac{1}{2}$ до $6\frac{1}{2}$ сажень, а въ ширину до 14 футъ. Большихъ размѣровъ кусовая хотя иногда и удерживаетъ за собою это названіе, однакожь должна быть отнесена къ «шкóутамъ» и исключена изъ категоріи рыболовныхъ судовъ. Достигнувъ длины 55 футъ, съ шириною до семнадцати футъ, такое судно въ состояніи поднять до 1,200 пудовъ груза. На немъ бываютъ гротъ и бизань-мачты и вывѣшивается до пяти парусовъ; якоря же употребляются исключительно четырехлапые. Вообще говоря, кусовыя очень валки.

Ловецкая лодка бываетъ длиною до трехъ сажень по килю и футовъ девяти въ ширину. Палуба у нея «сквозная», то есть сплошная, во всю длину судна, исключая маленькое пространство у ахтеръ-штевена, попросту сказать у кормы. Пространство это оставляется для рулеваго и представляетъ собою уступъ, имѣющій собственную свою палубу, площадь которой находится ниже площади главной на лодкѣ палубы.

Эта, такъ сказать, вырѣзка или пониженіе палубы дѣлается по двумъ причинамъ: во-первыхъ для того, чтобъ рулевому ловчѣе было дѣйствовать рулемъ, и чтобы во время сильнаго волненія его не выбросило, не вышибло бы за бортъ, и во-вторыхъ для того, чтобъ въ этомъ уступѣ «ловцу», то есть рыболову-работнику, легче было дѣлать переборку снасти, или порядка, то есть приподнимать изъ воды и осматривать опущенныя въ море, для добычи рыбы, веревки съ толстыми и большими крючками, «удами». Для послѣдней же цѣли, самый ахтеръ-штевень, около третьей части своей длины, срѣзывается по килю наискось. Ловець, занимающій мѣсто рулеваго и потому называемый «кóрщикомъ» (вмѣсто «кормщикъ»), ложится брюхомъ и грудью прямо на ахтеръ-штевень, и, свѣсивъ голову за бортъ, «перебираетъ порядки», снимаетъ съ крючковъ добычу, «чекушитъ», то есть колотитъ, пришибаетъ, убиваетъ огромную бѣлугу и наконецъ «выбáгриваетъ» ее, то есть закидываетъ помощію багра, въ кусовую.

Упомянувъ о багрѣ, нельзя не сказать, къ слову, что онъ бываетъ трехъ родовъ: «темляшный» весь желѣзный, длиною около трехъ футъ, называется такъ потому, что къ нему привязывается веревка, «темлякъ», навиваемый ловцу на руку; «багранный» багоръ очень коротенькій на деревянномъ «черенѣ» и на шестѣ; «отпорный» тоже коротенькій, но на очень длинномъ черенѣ: это именно тотъ багоръ, которымъ судорабочіе отпихиваются, отталкиваются отъ встрѣчаемаго имъ препятствія.

«Порядокъ,» то есть количество отъ 20 до 25 тысячъ удочекъ, подвизанныхъ къ толстой веревкѣ, или къ «подкотѣвнику,» лежитъ въ морѣ на двухъ «кошкахъ,» то есть четыре-рогихъ якоряхъ, привязанныхъ къ «приухамъ,» то есть къ концамъ порядка, занимающаго собою пространство длиною болѣе версты. Къ подкотѣвнику—то и привязываетъ иногда кусовая свой якорь, чтобъ дать болѣшую длину его канату. Это бываетъ на чрезмѣрной глубинѣ, напримѣръ, саженахъ на восьмидесяти, когда необходимо «вытравить» каната по крайней мѣрѣ вдвое противъ этого, а между тѣмъ на кусовой, въ обоихъ канатахъ у якорей, всего на все только сажень двѣсти съ небольшимъ.

Живодная кусовая тѣмъ собственно отличается отъ обыкновенной кусовой, что на пространствѣ между кормой и носомъ, поближе къ кормѣ, устроивается чанъ, имѣющій основаніе на самомъ днищѣ и возвышающійся надъ бортами въ уровень съ горизонтомъ носовой части. Въ срединѣ основанія этого чана, то есть въ самомъ днищѣ кусовой, дѣлается отверстіе для того, чтобъ морская вода свободно наполняла собою всю вмѣстимость чана, и постоянно бы сама собою освѣжалась во время передвиженія и стоянокъ судна.

Такимъ образомъ весь грузъ кусовой поддерживается на водѣ не цѣлымъ корпусомъ судна, а только тѣми его частями, которыя раздѣлены одна отъ другой чаномъ. Для того чтобъ свѣжей водѣ дать свободу проникать въ чанъ, въ немъ устроивается помпа, посредствомъ которой лишняя вода выкачивается за бортъ: по мѣрѣ этого выкачиванія, свѣжая вода и проникаетъ въ чанъ до опредѣленнаго горизонта.

Это необходимо для того, чтобы, во все время продолжительнаго странствованія ловцевъ по морю, сохранить живую ту мелкую морскую рыбу, тарань, сельдь и воблю, которая, въ дальнемъ морѣ употребляется «на-кусъ,» то есть для приманки большой рыбы. Отъ этой приманки, «куса,» и судно получило названіе кусовой, а отъ живой приманки, «живоди», и видоизмѣненіе кусовой усвоило за собою названіе живодной кусовой. Живодь—новѣйшее изобрѣтеніе: въ старинныя времена начало этому лову положено приманкою на суконце, когда на крючки надѣвали лоскутки сукна яркихъ цвѣтовъ.

Когда кусовая идетъ собственно на «эмбенскій ловъ», то есть на «вольный промыселъ», съ сѣтѣми и самоловною снастью, то для переборки порядковъ имѣеть при себѣ особую лодку, называющуюся «эмбенскою;» дѣйствовать она можетъ, разумѣется, только не въ сильный вѣтеръ, потому что въ бурю невозможно дѣлать «переборки» порядковъ.

Эмбенская лодка бываетъ длиною до двухъ съ половиною сажень, шириною же въ «разнобѣ», то есть въ самомъ большомъ поперечникѣ между бортами, до семи футъ; грузу поднимаетъ малая эмбенская лодка 150, а большая и до 300 пудовъ. На ней имѣются двѣ «банки» или лавки съ отверстіями для мачтъ съ косыми парусами. Гребцовъ бываетъ по-двое на лодкѣ, но чаще по-четверо; шесть же человекъ гребцовъ на эмбенской лодкѣ уже роскошь, которую только рѣдкіе допускаютъ.

Такихъ лодокъ при каждой кусовой больше двухъ не бываетъ, потому что кусовая не можетъ вмѣстить въ себѣ всѣхъ рыболовныхъ припасовъ, требующихся на большее количество лодокъ.

Палубное судно изъ рода кусовыхъ, но гораздо бѣльшей конструкціи, называется морскою «расшивою» и составляетъ такъ сказать пловучую «ватагу», то есть пловучій рыбный заводъ. Такія расшивы держатся не на большой глубинѣ, грузу поднимаютъ отъ пяти до шести тысячъ пудовъ, и строятся очень прочно. Берега на Эмбенскихъ водахъ, особенно около Бюгатаго и Мертваго култукъ, слишкомъ отмелы; по поводу обитанія на нихъ Киргизовъ возводить здѣсь промысловыя строенія не предвидится никакихъ для промышленниковъ выгодъ; по этому—то нужда и заставляетъ ихъ устроить именно эти пловучіе «промысла». При этихъ судахъ эмбенскихъ лодокъ бываетъ до шести.

Лодка той же конструкціи, что и эмбенская, но большаго противъ нея размѣра, такъ что въ состояніи поднять отъ 350 до 500, и даже болѣе пудовъ груза, носитъ исключительное названіе «своѣйской лодки,» называется же она такъ потому, что ходитъ «на своей парусъ,» тогда какъ обыкновенная эмбенская лодка берется на буксиръ своею кусовою, либо расшивою. Но при этомъ надо замѣтить ту особенность, что эмбенская лодка берется на буксиръ непременно кормой, а не носомъ, какъ обыкновенно водится въ отношеніи другихъ судовъ, а дѣлается это для того, чтобы суденышко меньше «зарѣскивало,» то есть чтобъ оно не уклонялось отъ кильватера, или по-просту говоря, не виляло, не юлило, не металось бы изъ стороны въ сторону.

«Тюленныя» «кусовыя и тюленныя» лодки весьма не многимъ разнятся отъ общаго, нормальнаго устройства судовъ этихъ категорій: все отличіе состоитъ только въ мелочныхъ приспособленіяхъ къ тюленному промыслу.

Палубное судно той же конструкціи что и кусовая, но меньшее по размѣрамъ, называется «черневая лодка» или «реюшка»: эта-то миниатюрность размѣра и составляетъ главнѣйшее его отличіе отъ обыкновенныхъ кусовыхъ, съ которыми у него все общее, даже вооруженіе такое же, тѣже прямые паруса, «топъ» и «брантопъ.»

Какъ кусовыя такъ и реюшки, по своей конструкціи, весьма валки и, при свѣжемъ вѣтрѣ, допускаютъ такой «кренъ», что съ подвѣтренной стороны двѣ и даже три доски палубы лежатъ подъ водою. Чтобъ избѣгать совершеннаго опрокинутія, для перекренки, на дно судна кладутъ балластъ; если этотъ балластъ состоитъ изъ земли набитой въ кульки, всего пуда по четыре въ каждомъ, то такіе кульки съ землею въ просторѣчьи называются «нѣмцами,» хотя въ строгомъ смыслѣ «нѣмцами» называется мусоръ, которымъ подпираются плетни у рыбныхъ «сажалокъ.»

Реюшка не бываетъ длиннѣе четырехъ сажень.

У реюшекъ, у свѣйскихъ лодокъ и у лодокъ салмовыхъ, а эти послѣднія бываютъ меньшаго противъ ловецкихъ калибра, въ носовой части дѣлается длинный бакъ, и это помѣщеніе называется «закрѣмъ»: въ немъ хранятся снасти и провизія. Слово «закрой» имѣетъ впрочемъ еще иное значеніе. Когда лодка отдалится отъ какого нибудь замѣтнаго по высотѣ, или почему либо иному, предмета, и когда онъ скроется у пловцовъ изъ глазъ, то говорится, что они вошли «въ закрой»; отъ этого перваго значенія, слово «закрой» начало выражать собою пространство или разстояніе верстъ на десять; въ открытомъ морѣ, гдѣ кромѣ горизонта кругомъ ничего не видать, пловцы передаютъ понятіе о разстояніяхъ выраженіями въ родѣ фразы «мы были въ трехъ закройхъ,» то есть верстахъ въ 25—30.

То же отношеніе, какое эмбенская лодка имѣетъ къ живодной кусовой, а ловецкая лодка къ простой кусовой, имѣетъ бударка къ реюшкѣ, или черневой лодкѣ. Это родъ челночка, тоже самое что и «завозня», что и «неводникъ;» но «завозня» бываетъ на «ходовыхъ» или «грузовыхъ» рѣчныхъ судахъ, на ней завозятся якоря, при верховомъ ходѣ судна «подачей», а «неводникъ» есть та лодочка, съ которой «выметывается» неводъ въ рѣку; бударкой же называется челночекъ, употребляемый ловцами въ морѣ: на ней перевозятся снасти въ «черняхъ». Это чрезвычайно легкое и ходкое суденышко. Экипажа на бударкѣ всего-на-все одинъ гребецъ, да и то или мальчишка, или баба, или дѣвка. Они стоя и управляютъ бударкой и способствуютъ скорости ея движенія, дѣйствуя единственнымъ, рулевымъ весломъ, состоящимъ изъ длиннаго шеста, съ прикрѣпленною къ концу его коротенькою лопаточ-

кой, и называющимся на рѣчныхъ верховыхъ лодкахъ обыкновенно «поносною».

Впрочемъ, у бударки, какъ и у всякаго гребнаго судна, дѣлаются и укрючины для вѣселъ. «Укрючиной» или «укрючиной», или «чекѣй» называется два «кочета» или два «кочетка» у борта, въ которые вставляется весло; чтобъ весло не отекакивало отъ кочетка, оно прицѣпляется къ чекѣ веревочкою, называемою «путцá», завязанной узелкомъ «на-слабкѣ»; а для того, чтобъ весло въ укрючинѣ не терлось, оно въ этомъ мѣстѣ, пониже «дѣдки» или «бабайки», то-есть толстой втулки подъ рукоятью, обшивается кожей или обшивается тонкою бичевою; такая кожа или бичевка называется «навойкою».

Но «дѣдкою» и «бабайкою» на большихъ идущихъ греблею рѣчныхъ судахъ называется преимущественно самое весло, состоящее изъ очень длиннаго толстаго шеста, къ концу котораго «подшивается», то-есть приколачивается довольно толстая доска для захвата воды и упора въ нее.

«Бабайкой» же, въ астраханскомъ краѣ, зовутъ старика-работника, только не изъ русскихъ, а либо калмыка, либо татарина; а въ противоположность ему, молодаго работника изъ нехристіанъ называютъ «малайкой.»

«Рыбницей» называется средней величины простая безпалубная лодка, въ которую сваливается выловленная рыба и на которой эта добыча отвозится на «плоть», для «раздѣлки», то-есть для приготовления изъ нея надлежащихъ видовъ рыбнаго товара, понимая подъ этимъ пластованіе рыбы, посолъ ея, приготовленіе икры и клея, выдираніе вазиги и тому подобное.

Слово «плоть» имѣетъ разное значеніе. Во-первыхъ, какъ извѣстно, оно означаетъ мостки на рѣкѣ близъ берега; во-вторыхъ, рядъ бревень, связанныхъ между собою въ нѣсколько ярусовъ и приготовленныхъ къ сплаву; въ-третьихъ, сплавной лѣсъ, брусья и бревна, въ извѣстномъ порядкѣ сложенные; въ-четвертыхъ, мостки, пристань при «выходахъ» или при огромныхъ въ родѣ нашихъ «буяновъ» заведеніяхъ, гдѣ сберегается лѣтомъ рыбный товаръ и гдѣ распластованная рыба солится, и въ-пятыхъ—пристань, мѣсто приѣма и раздѣлки рыбы при рыболовныхъ «промыслахъ», то есть заводахъ, занимающихся приготовленіемъ рыбнаго товара.

Рѣчное суденышко, предназначенное для того, чтобъ большую рыбу, вынутую прямо изъ невода, перевозить живую на далекое разстояніе, напримеръ, въ городъ, на рынокъ, называется «прорѣзью». Это палубная лодка, состоящая изъ отдѣльныхъ частей, тѣсно между собою соединен-

ныхъ: во-первыхъ изъ кормы и во-вторыхъ изъ носа, которые называются въ прорѣзи «пузырями» и на которыхъ все судно держится; въ-третьихъ, середины судна, составляющей, по объему, половину вмѣстимости цѣлой лодки и отдѣленной отъ кормы и отъ носа глухими, сплошными переборками. Въ этой средней части судна, съ боковъ обшивки и въ самомъ днѣ прорублены мелкія окошечки, «прорѣзи,» отъ которыхъ и судно получило свое наименованіе. Въ эти окошечки вода хлещетъ безирестанно и безирестанно освѣжается новымъ напоромъ волнъ; оттого и рыба, здѣсь заключенная, не засыпаетъ, а остается живою. Но чтобъ этотъ живой товаръ не выскользнулъ, окошечки дѣлаются узенькіе, сообразно съ величиною рыбы.

Къ судамъ, употребляемымъ рыбопромышленниками, надо отнести и «косную» или «прѣздную лодку,» гребное судно, употребляемое собственно не для рыболовства, а для перевозки пассажировъ: въ ней ѣздятъ «хозява,» надзирающіе за рыболовствомъ прикащики и «разъѣздные», или довѣренныя служители, исполняющіе на частныхъ рыболовныхъ промыслахъ полицейскую обязанность.

Косная бываетъ длиною отъ полуторы до двухъ и даже до трехъ сажень, съ соразмѣрною шириною до семи футъ и больше; вооружается однимъ, либо двумя косыми парусами и расшивается либо на четыре весла при двухъ гребцахъ, либо на шесть, на десять и даже на четырнадцать вѣселъ, при столькихъ же человѣкахъ гребцовъ. Обыкновенныя же, средней величины косныя бываютъ восьми и десяти-весельныя.

Косная весьма плоскодонна, по этому она чрезвычайно ходка и можетъ ходить очень круто, то-есть держась близко вѣтра, но за то она весьма подвержена качкѣ во время валовъ и непогодья, именно въ слѣдствіе своей плоскодонности.

Для защиты пассажировъ, которые, разумѣется, бываютъ, какъ уже сказано, не изъ чернорабочихъ, отъ солнечныхъ лучей и отъ дождя, на косной придѣлывается зонтикъ, отчего въ этомъ отношеніи косная и походить на нашъ ялботъ.

Косная малаго размѣра, длиною до полуторы сажени, называется «коснушкою.»

На кусовой, на эмбенской лодкѣ, на реюшкѣ и на косной, для переноски тяжестей и для перехода съ отлогаго берега на судно дѣлаются «сходни,» то есть доски съ прибитыми къ нимъ, въ видѣ ступенекъ, деревянными планками.

III.

НАБЛЮДЕНІЯ ЛОВЦОВЪ НАДЪ РЫБОЮ.

Раздѣленіе рыбы на красную и на частичковую.— Главныя мѣста лова.—Періодическое появленіе рыбы въ прѣсныхъ водахъ.—Ходъ бѣляка.—Разройная бѣлуга.—Тарань.—Бѣшенка. Севрюга и другія породы.—Мѣста выметыванія икры.—Срокъ метанія.—Пріюты рыбъ-самокъ.—Покатная рыба.—Виды рыбъ пожирающихъ икру.—Ястыкъ.—Количество икры, добываемой изъ бѣлуги.—Второй ходъ рыбы.—Махалочная бѣлуга.—Зимній сонъ рыбы.—Ятѣвья.—Мальки.—Расправа съ бѣлугами, сомами и другими породами рыбъ.—Искусственное разведеніе рыбъ.—Новѣйшія наблюденія ученыхъ о рыбьей икрѣ и молокахъ.

Почти съ первыхъ временъ присоединенія Астраханскаго края къ царству Русскому, промышленники наши появились на Каспійскомъ морѣ съ надеждами выгоднѣйшей добычи тамъ рыбы, которую дотолѣ ловили они во времена періодическихъ ея появленій въ Волгѣ. Въ теченіе двухъ съ половиною столѣтій рыбаки дѣлали наблюденія надъ привычками рыбъ, въ видахъ усвоенія ихъ себѣ не съ учеными, а чисто съ торговыми цѣлями. Съ этими же цѣлями и мы поетараемся передать сущность тѣхъ разсказовъ, которыхъ набрались отъ рыбопромышленниковъ въ той степени, въ какой сѣумѣли выпытать отъ нихъ о результатахъ ихъ наблюденій.

Рыба, водящаяся въ Каспійскомъ морѣ, раздѣляется на два огромные отдѣла: къ первому отдѣлу принадлежитъ красная или дорогая, безкостая рыба, выметывающая черную икру, кромѣ не многихъ исключеній, касающихся до рыбы-албиноса, то есть до того же отдѣла рыбъ, находящихся въ болѣзненномъ состояніи и кидающихъ икру не чисто бѣлую, а свѣтлосѣрую. Къ отдѣлу красной рыбы принадлежатъ бѣлуга, осетръ, севрюга или, какъ здѣсь говорятъ, «шеврѣга» и шипъ.

Второй отдѣлъ составляетъ рыба «черная», или какъ здѣсь говорятъ «частиковая», то есть простая; эта рыба—костливая и кидающая свѣтлую икру. Сюда принадлежатъ судакъ, или какъ здѣсь говорятъ, «судокъ», сазанъ, лещъ, лосось, щука, шемай, кутумъ и другія.

Бѣлуга—самая огромная по величинѣ рыба. Самый обильный ловъ ея производится въ сѣверной части Каспійскаго моря и около Туркменскихъ береговъ. Въ западныхъ, то есть въ Сальянскихъ водахъ, и въ водахъ южныхъ, то есть принадлежащихъ Персіи, бѣлуга и водится, но въ гораздо меньшемъ числѣ, чѣмъ въ поименованныхъ прежде мѣстахъ. Одинъ особый видъ этой рыбы, ловимой въ открытомъ морѣ только на самыхъ значительныхъ глубинахъ, восьмидесяти и стосаженой, называется «обждрою»: она ѣсть все, что попадется и никогда не жирѣетъ. Часто въ желудкѣ такой рыбы находятъ камни, толстые желѣзные крючки,

«чурбаки» или чурбаны, толстыя полѣнья лѣсу и прочее. Во время моего пребыванія въ Астрахани, рассказывали объ одной обжорѣ, въ которой, при распластываніи ея, нашли цѣлаго тюленя, пару лососковъ, восемь штукъ утокъ и ведра два мелкой рыбы. Рыба эта, не смотря на свою худобу, огромная, очень длинная, съ чрезвычайно широкою пастью. Во времена Гмелина эту рыбу, извѣстную въ народѣ подъ названіемъ «Хлагуши», въ морѣ не ловили, потому, какъ объясняетъ Гмелинъ, что «мясо ея не вкусно и отзывается противно», но видно права поговорка, что времена переменчивы: теперь, на промыслахъ, и обжора обращается въ рыбный, весьма прибыльной товаръ.

Осетръ, севрюга и шипъ ловятся повсюду въ огромныхъ массахъ; ловъ ихъ вездѣ одинаково обилень. Не смотря на мнѣніе нѣкоторыхъ, утверждающихъ, напримѣръ, что будто бы шипъ ловится только въ сальянскихъ и переидскихъ водахъ, множество шипа добывается и въ устьяхъ Волги, и въ устьяхъ Урала. Рыба эта величиною бываетъ съ осетра и тѣломъ, даже вкусомъ, сходна съ осетриной, но «тѣло» шипа на вкусъ нѣсколько грубѣе, и именно на столько, чтобъ дать почувствовать эту разницу всякому. Извѣстно, что шипы суть помѣсь бѣлуги самки либо съ осетровыми, либо съ севрюжьими самцами; въ первомъ случаѣ они подходятъ къ породѣ осетровой, а въ последнемъ къ севрюжьей.

Изъ частичковой рыбы, сазанъ ловится преимущественно въ сѣверной и южной частяхъ Каспійскаго моря; шемая почти исключительно въ переидскихъ водахъ, въ водахъ сальянскихъ и въ протокѣ Терека, рѣчкѣ Прорвѣ; точно также и лосось; въ сѣверной части это составляетъ уже рѣдкое явленіе.

Сомъ и щука въ большомъ количествѣ ловятся въ энзелинскомъ заливѣ и противъ устій Куры, но кромѣ Куры, ея много заходитъ и въ Волжскіе протоки.

Усачъ, бывающій величиною съ сазана, водится одинаково обильно во всѣхъ частяхъ моря, но въ рѣки онъ не входитъ. О карасѣ не слышно, чтобъ его ловили въ морѣ, но изрѣдка онъ попадается близъ Астрахани, въ пльменахъ. Стерлядь водится вездѣ, но преимущественно обильный ловъ ея производится въ Волгѣ. Бѣшенка, или бѣшонка, составляющая видъ обыкновенной сельди, «чехдоня», она же и «сабля-рыба», «обла» или «вопла», подъ общимъ наименованіемъ «тарани», водятся всюду и весною страшными массами идутъ въ Волгу, гдѣ ловятся милліонами и перетапливаются въ «ворвань» въ огромныхъ мѣдныхъ и чугунныхъ котлахъ, не въ особо-устроенныхъ заводахъ, а просто на открытомъ воздухѣ: хозяевами этого промысла бываютъ казаки

астраханскаго войска и откупщики рыболовныхъ участковъ, принадлежащихъ казѣ, обществамъ и частнымъ людямъ.

Рыба кутумъ, костистая и съ чешуей, водится и ловится у персидскихъ береговъ. Персіяне, по своимъ вѣрованіямъ, не употребляютъ въ пищу безчешуйной рыбы, а потому ловятъ кутумъ и для собственнаго потребленія; они вялятъ ее, сушатъ и пускаютъ въ торговлю какъ въ Персію, такъ и въ нашихъ закавказскихъ губерніяхъ.

Третій отдѣлъ, средину между красною и черною рыбою занимаетъ только одна порода—бѣлорыбица, весьма охотно идущая въ устья всѣхъ рѣкъ, впадающихъ въ Каспійское море, но преимущественно въ Волгу, Уралъ и Куру.

Всѣ эти породы рыбъ, водящихся въ Каспійскомъ морѣ, периодически, два раза въ годъ, въ началѣ весны и осенью около половины сентября, стремятся въ устья рѣкъ, противъ ихъ теченія, въ слѣдствіе естественной потребности природы, для метанія икры. Рыболовы кое-что подмѣтили въ этомъ явленіи, но многіе вопросы остаются еще не разрѣшенными.

Какимъ образомъ рыба совершаетъ эту потребность природы? можетъ ли она довольствоваться только однимъ достиженіемъ прѣсной воды на взморьѣ, предъ устьями рѣкъ, или непременно всѣ породы рыбъ, въ общей своей массѣ, должны продолжать плаваніе въ верховья? Положительно отвѣчать на эти вопросы нѣтъ возможности. Наблюденія показали, что въ то время, когда одни породы идутъ въ рѣки, другія остаются въ морѣ и далеко не заходятъ, что въ то время, когда одни виды рыбъ ловятся въ рѣкѣ, тѣже самые виды ловятся иногда и въ морѣ; какіе же непреложные законы поставлены этому передвиженію? Не разрѣшимо также: вся ли рыба, явившись изъ моря и выметавъ въ рѣкѣ икру, остается здѣсь, или безъ преднамѣренной убыли, непременно вся возвращается или, какъ здѣсь говорится, «скатывается» назадъ?

О ходѣ рыбы въ рѣку Волгу, знатоки дѣла передаютъ вотъ что.

Раннею весной, или правильнѣе сказать, позднею зимой, когда ледъ еще стоитъ, но когда на внутренней его сторонѣ покажется «зелень» или илъ, что служитъ признакомъ скорого вскрытія льда, первая идетъ въ рѣку Волгу, еще подо льдомъ, такъ называемая «разройная бѣлуга».

Какъ только ледъ вскрыется, все русло рѣки наполняется густыми слоями и огромными стаями рыбы тарани и именно облы. Во время своего хода эта рыба «играетъ», выпрыгиваетъ изъ воды и снова падаетъ въ стаю: по этимъ бойкимъ движеніямъ рыбы, узнаютъ о направленіи «косяка». Облою питается рыба бѣлуга; она преслѣдуетъ эту рыбку еще въ морѣ, и потому въ рѣкѣ Волгѣ является уже среди ея

косяковъ, въ которые сама, тоже цѣлыми стадами, сдѣлала вторженіе. Говоря о сплошныхъ массахъ рыбы, употребляютъ разныя выраженія: «стадо», «стая», «косякъ», а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже «табунъ».

За однимъ стадомъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ него, несетя другое стадо; за вторымъ третье, и такъ далѣе; такимъ образомъ ходъ бѣлуги длится въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. За тѣмъ, въ рѣкѣ появляются щука, лещъ и судакъ.

Въ промежутокъ времени, около половины апрѣля, примѣрно до 9-го мая начинается ходъ рыбы бѣшенки; обыкновенно ходъ этотъ длится около двухъ недѣль; иногда нѣсколько больше, но иногда прекращается и ранѣе; такъ, на примѣръ, въ 1851 году къ 25 числу апрѣля бѣшенка уже вся прошла по Волгѣ въ предѣлахъ Астраханской губерніи. За этими стадами идутъ сначала севрюги, потомъ сомы, сазаны и наконецъ осетры, тоже стадами или косяками.

Этотъ-то весенній гуртовой ходъ рыбы и называется технически «бѣлякъ», а потому и говорится «бѣлячокъ пошелъ».

Красная рыба болѣе всего остается для метанія икры при устьяхъ Волги, гдѣ прѣсная вода доходитъ до трехъ-саженной глубины; здѣсь-то и происходитъ обильнѣйшій ея ловъ тѣми снарядами и инструментами, которые придуманы ухищреніемъ человѣчества для бѣльшей добычи созданной на потребу его рыбы. Черная же или частичковая рыба, стремясь въ устья невыразимо-огромными массами, далеко заходитъ въ рѣку противъ ея теченія, достигая даже до Саратова и поднимаясь еще выше; съ разлитіемъ полой воды она появляется большими количествами и въ полояхъ и въ плъменахъ, внѣ русель волжескихъ притоковъ.

Икру рыба мечетъ въ періодъ времени съ марта и почти вплоть до іюня. Для выметыванія икры она, естественно, выбираетъ самыя укромныя мѣста; для красной рыбы бѣльшее удобство представляютъ прибрежныя камыши, а въ другихъ мѣстахъ выгоднѣйшимъ для того пріютомъ служатъ впадины, вымоины и разнообразныя боковыя углубленія землястаго берега, куда самка и «роняетъ», выметываемую ею лишнюю икру, въ тоже время оплодотворяемую молóками. Очень естественно, что не вся икра одновременно и одинаково оплодотворяется; молóки въ водѣ расплываються, тысячи зеренъ икры остаются болтунами, другія тысячи пожираются рыбами.

Совершивъ этотъ процессъ, рыба возвращается въ море и, въ это время, ей, въ противоположность прежнему званію «бѣлякъ», присвоивается названіе «покатной рыбы». Изъ всѣхъ породъ рыбы, только одинъ хищный сомъ, какъ замѣчено рыболовами, остается на тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ выметана имъ икра; онъ самъ охраняетъ ее отъ другихъ

хищныхъ рыбъ, поѣдающихъ икру. Самыми опасными, въ этомъ отношеши, врагами для самокъ всѣхъ породъ рыбы почитаются сомъ, щука и окунь; икру уничтожаютъ и другія породы рыбъ, но тѣ не столь значительныя производятъ опустошенія, какъ эти.

Вся масса икры, находящейся въ самой рыбѣ, помѣщается въ особой чрезвычайно тонкой пленкѣ или перепонкѣ; и эта перепонка и вся заключающаяся въ ней икра называются одинаково «ястыкомъ».

Каждая порода рыбъ содержитъ въ себѣ не одинаковое количество икры. Въ бѣлугѣ ее бываетъ отъ двухъ до десяти пудовъ, случается иногда добыть изъ бѣлуги и больше этого, но такая добыча будетъ уже необыкновенно рѣдкимъ исключеніемъ. Въ сорока-пудовой бѣлугѣ, которая бываетъ такъ дородна, что если взрослый человѣкъ сядетъ на нее верхомъ, то ногами земли не достанетъ, икры получается не болѣе десяти пудовъ; въ семидесяти-пудовой, составляющей чрезвычайную рѣдкость, бѣлугѣ находили до двадцати пудовъ икры. Длина такой бѣлуги бываетъ аршинъ въ восемь слишкомъ: стало-быть, семидесяти-пудовая бѣлуга преогромный водяной «звѣрь»!

Не смотря на существующее повсюду мнѣніе о томъ, что рыба зараждается изъ каждаго, оплодотвореннаго молоками, зернышка икры, между астраханскими рыбаками весьма обще то убѣжденіе, что рыба зараждается не изъ одного, а изъ трехъ зернышекъ: изъ двухъ, говорить они, выходитъ голова, а изъ остальнаго зернышка рождается туловище.

Уральскіе рыбаки предполагаютъ, что красная рыба плодится и растетъ въ моряхъ, а черная повсемѣстно, и въ морѣ, и въ рѣкахъ, и въ озерахъ. Предположеніе это Уральцы основываютъ на томъ, что въ рѣкѣ Уралѣ считается за чрезвычайно большую рѣдкость видѣть «мальковъ», то есть маленькихъ рыбокъ, изъ безкостныхъ, красныхъ породъ, между тѣмъ какъ мальковъ черныхъ породъ и въ рѣкахъ и въ озерахъ водятся несмѣтные милліоны.

Уральцы же, въ теченіе двухъ вѣковъ, замѣтили, что если севрюга выпускаетъ икру въ рѣкѣ Уралѣ, то или эта икра совершенно пропадаетъ въ прѣсныхъ водахъ, или преобразующаяся изъ яичекъ, изъ зернышекъ икры рыбка тотчасъ-же уходитъ въ море: иначе севрюжьи мальки непременно должны были бы попадаться рыбакамъ, а этого рѣшительно никогда не случалось.

Въ то время, когда севрюга выпускаетъ созрѣвшую уже икру, осетръ ловится съ икрою недозрѣлою: у осетровыхъ самокъ, вмѣсто икры, находятся только пустые пласты жира. Наблюденіе это сдѣлали уральцы. Жиръ изъ осетровыхъ самокъ они вытапливаютъ и употребляютъ въ

пищу; съ виду этотъ вытопленный жиръ бываетъ чистъ какъ масло и принимаетъ нѣжный янтарный цвѣтъ, но весьма скоро, не смотря на крѣпкій посолъ, горкнетъ. Но во всякой ли породѣ рыбы накопленіе жира предшествуетъ образованію икры—рыболовы этого положительно разъяснить не могли.

Въ концѣ лѣта, примѣрно, около Ильина дня, начинается снова появляться въ рѣкахъ черная рыба; въ Августѣ мѣсяцѣ въ устьяхъ рѣкъ Волги, Терека, Куры, Урала и другихъ начинается входить бѣлуга, въ это время года называемая «махалочною», потому что въ это время цвѣтутъ у камыша махалки. Махалкою же, плесомъ или плескомъ зовется и хвостъ вообще у всякой рыбы. За бѣлугою идетъ, обыкновеннымъ порядкомъ, севрюга и такъ далѣе; когда наступятъ первые морозы и рѣка охватится льдомъ, снова появляется бѣшенка, а среди зимы, въ декабрѣ, бѣлорыбца.

Рыба на зиму ложится на зимній сонъ, въ логовища, или ямины, или въ естественныя углубленія рѣчного дна и дна взморья. Здѣсь она цѣлыми косяками собирается въ кучи и плотно, «точно сельди въ бочекѣ», жмется одна къ другой и вся завертывается въ выпускаемую изъ самое себя слизь, или въ «рубашку», какъ говорятъ Уральцы, эти неконные рыболовы, обратившіе свой промыселъ въ особую, какъ-бы строго научную систему. Затѣмъ весь косякъ приходитъ въ совершенное онѣмѣніе и неподвижность, но не въ омертвѣніе: парализованную зимнимъ сномъ бѣлугу можно расколыхать, разбудить, но уже той живости и энергіи, какая бываетъ лѣтомъ, отъ нея зимою не дождешься. Замѣчено всѣми ловцами, занимающимися рыбаченьемъ еще по преданіямъ предковъ, что рыба ложится всегда въ однихъ и тѣхъ же мѣстахъ: эти-то пріюты у Уральцевъ и называются «ятóвьями.»

Такъ какъ сводъ наблюденій и распросовъ объ уральской рыбопромышленности составитъ предметъ окончательныхъ главъ настоящихъ разсказовъ, то здѣсь мы и ограничимся показаніями однихъ только астраханскихъ ловцовъ.

Укрывшись въ ятови и одѣвшись «рубашкою,» бѣлуга зимою, даже пробужденная, чрезвычайно смирна: причиною тому или оцѣпенѣніе, въ которое она была погружена, или инстинктивный страхъ разорвать рубашку и подвергнуться вліянію морозовъ. Но лѣтомъ бѣлуга сильна и опасна для ловцовъ, дѣлающихся иногда жертвою ея ярости. Когда бѣлуга попадаетъ на самоловную снасть, то есть на толстые и очень острые крючки, особенно въ первоначальный періодъ ея хода, когда натискъ стада чрезвычайно силенъ, рыба эта, даже попавшись на крючки, срываетъ ихъ, проглатываетъ и остается цѣла и жива, и здорова, хотя и

сильно переранена вонзившимися въ ея тѣло остріями. Неоднократно находили бѣлугъ, которыя, повиснувъ на полусотнѣ или на тридцати желѣзныхъ крючкахъ, обрывали весь канатъ, за который прицѣплены остальные крючки, и волочили за собою до тысячи удочекъ.

Случается и то, что въ то время, когда ловець подъѣдетъ на лодкѣ къ выкинутымъ въ море крючкамъ, чтобъ «перебрать порядки» и, замѣтивъ пойманную на нѣсколькихъ удахъ большую бѣлугу, захочетъ воспользо-ваться своею добычею какъ слѣдуетъ, рыба вдругъ встрепенется: соберется съ силами, кинется въ сторону и увлечетъ за собою и снасть, и ловца съ лодкой. Работнику нельзя выпустить ее изъ рукъ: снасть дорога, дорога и оставшая добыча, на нее уловленная; за все онъ въ отвѣтъ передъ хозяиномъ, которому все это принадлежитъ въ собствен-ность. Безстрашный, опытный и отважный ловець крѣпко держится за канатъ. Бѣлуга влечетъ его на ближайшія глубины открытаго моря, но мужичекъ не дремлетъ; оба бойца хитрятъ одинъ передъ другимъ. Работникъ, калмыкъ или нижегородецъ, придерживается выжидательной системы; онъ травитъ между тѣмъ по-немногу канатъ, удлиняетъ раз-стояние между собою и рыбою, даетъ ей нѣкоторую свободу.... Бѣлуга съ новыми силами мечется и съ большею яростію пускается дальше, но вонзившіеся въ нее крючки, которыми она сама безпрестанно дергаетъ бойкими движеніями, причиняютъ ей сильную боль; еще болѣе нестер-пимою становится эта боль, по мѣрѣ того, какъ рыба рвется дальше уплыть въ море.

Такими маневрами, не обезсиливая ловца, бѣлуга сама приходитъ въ изнеможеніе и уступаетъ волѣ человѣка: работникъ, притянувъ ее за канатъ головою къ борту своей посудинки, чекушитъ ее дубинкой, или какъ говорится «угоманиваетъ» ее и потомъ, раскачавъ лодку, вспомошество-емый производимымъ оттого волненіемъ, захлестываетъ въ лодку и рыбу. Но въ этихъ случаяхъ нужна большая опытность, сноровка, смѣлость и довольно порядочный запасъ отчаянной храбрости. Надо вспомнить и то, что ловець борется съ бѣлугою вдали отъ береговъ, далеко въ открытомъ морѣ, одиноко пlying на маленькомъ, давно уже отслужив-шемъ службу, судёнышкѣ; у мужика только та и отрада, только на то и надежда, чтобъ во-первыхъ, не подпасть подъ отвѣтъ и вычетъ за потерю очень дорого стоющей снасти, а во-вторыхъ: чтобъ получить и маленькую деньгу за уловленную рыбу. Случается нерѣдко и то, что бѣлуга опрокидываетъ и затопляетъ лодку: хорошо, если ловцу удастся спастись—живъ будетъ!

Ловець справляется съ бѣлугою обыкновенно такимъ образомъ. Сна-чала онъ осторожно подводитъ бѣлугу, или иную рыбу, посредствомъ

веревки того крючка, за который она ловко зацѣпилась, къ лодкѣ, а если это дѣлается зимою, то къ проруби, и выждавъ минуту, когда рыба приподниметъ голову, немедленно чекушить ее по «башкѣ» багромъ, набрасываетъ арканъ (то есть длинную и довольно толстую пеньковую веревку), пропускаетъ его подъ жабры и концами продѣваетъ его въ рыбью пасть. Если бѣлуга не велика, то ее просто вскидываютъ въ лодку посредствомъ багра; но если это большая рыбища, то сдѣлавъ, изъ просунутыхъ ей въ ротъ концевъ аркана, узелъ, пропускаетъ одинъ конецъ его черезъ блокъ у «топъ-мачты» (то есть гротъ-мачты), и такимъ образомъ прикрѣпляетъ свою добычу къ лодкѣ. Этотъ просунутый къ блоку конецъ, разумѣется, длиннѣе другого, остающагося у рыбьей пасти: чтобъ достаточнымъ образомъ натянуть «куканъ», ловець подается лодкою дальше, «куканъ», то есть веревка, укорачивается, натягивается—и бѣлуга у лодки.

На каждой лодкѣ бываетъ только по одному ловцу. Иногда ему самому съ рыбой не справиться по недостаточности силъ; а чаще всего и лодка, и мачта, по ветхости и углости, не надежны для того чтобы бороться съ рыбою. Въ такихъ случаяхъ ловець начинаетъ «маячить», то есть кликать товарища на помощь условными сигналами. Если другой ловець подоспѣетъ, то оба ловца, вдвоемъ на своихъ лодкахъ, становятся рядомъ, кладутъ поперекъ бортовъ рей, закрѣпляютъ ихъ, чтобъ лодки не разъѣхались, наворачиваютъ куканъ на рею и, притавивъ такими приѣмами рыбу, взваливаютъ ее изъ воды на лодку того, кому бѣлуга досталась въ добычу.

Бѣлуга литается чѣмъ ни попало: кромѣ мелкой рыбы, она охотно поглощаетъ и ракушу, и камни, схватываетъ плывущихъ по водѣ дикихъ утокъ, въ эту минуту не ожидающихъ опасности, даже нападаетъ на тюленей. Если приглянувшійся бѣлугѣ кусокъ показался ей годнымъ на пищу, а между тѣмъ лежитъ онъ на днѣ, и бѣлугѣ неловко ухватить его ртомъ, то она начинаетъ бить хвостомъ и производитъ въ водѣ «сүводъ» (сүводитъ значитъ веколыхать); отъ этого лакомый кусокъ самъ приподнимается со дна на достаточную высоту для того, чтобъ бѣлуга была въ состояннн втянуть его въ себя.

Осетры достигаютъ двѣнадцати-пудоваго вѣса, а севрюги до трехпудоваго. Обѣ эти породы гораздо рѣзвѣе бѣлуги; они довольно сильны при противодѣйствнн ловцамъ, но зимою, разумѣется, бываютъ тише, смиреннѣе и спокойнѣе.

Покатной бѣлуги волжскіе промышленники не замѣчали никогда, а что касается до осетра и севрюги, то освободившись отъ икры и молока, то есть сдѣлавшись «яловыми», они до такой степени слабѣютъ,

что ихъ даже однимъ стремленіемъ воды переваливаетъ съ боку на бокъ.

Вообще дознано, что въ морѣ рыба любитъ прививаться къ «осерѣдкамъ,» то есть къ подводнымъ морскимъ мелямъ, изобильнымъ разнаго рода ракушами, употребляемыми ею въ пищу. Главное мѣстопребываніе, какъ бы отчизна рыбы въ Каспій, есть, по замѣчанію ловцовъ, открытое море, ближе къ южной его части и съ самою большою глубиною. Уже съ этихъ глубей рыба входитъ въ устья вливающихся въ Каспій рѣкъ; но такъ какъ большее число устій и большее количество прѣсной воды приходится на сѣверную часть Каспійскаго моря, начиная отъ Урала и до Терека, то являющіяся сюда стада рыбъ несравненно многочисленнѣе косяковъ, наполняющихъ устья рѣкъ туркменскихъ береговъ, Персіи и Закавказскаго края.

Безъ сомнѣнія, эти косяки разобщаются и разбиваются штормами и бурями; не менѣе того такого же рода вліаніе производитъ на рыбу и безчисленное множество снарядовъ, которыми буквально запружены всѣ устья Волги; не смотря однакожъ на это, красная рыба, не имѣя другаго исхода на прѣсную воду, кромѣ этихъ устій, ежегодно появляется здѣсь въ количествахъ, превосходящихъ всякое вѣроятіе, поражающихъ всякое даже очень игривое воображеніе, но въ какой именно степени громаднa цифра появляющейся рыбы, разумѣется, это покрыто мракомъ неизвѣстности, даже невозможно сказать сколько въ самомъ дѣлѣ тутъ ее ловится. Въ послѣдствіи времени мы дойдемъ до цифровыхъ данныхъ, и по нимъ, хоть ошущью, дойдемъ до невѣроятности богатствъ, представляемыхъ намъ Каспійскимъ рыболовствомъ.

Бойкою, хитрою и игривою рыбою считается также сазанъ или карпъ, и жерехъ. Замѣтивъ разставленныя въ морѣ сѣти, сазанъ избавляется отъ бѣды довольно хитрымъ манѣвромъ, состоящимъ въ томъ, что старается или перепрыгнуть черезъ верхній край сѣти, или проползти подъ нижнимъ ея краемъ. Пойманную рыбу промышленники заключаютъ въ «садки» или «сажалки»: это не что иное какъ небольшой заливчикъ въ берегъ, загораживаемый, со стороны взморья, частоколомъ. Если этотъ частоколъ не укрѣпять хорошенько, то сазаны подкапываютъ его, прокапываютъ себѣ въ днѣ лѣзины и скрываются, уводя такимъ образомъ и другую, заключенную вмѣстѣ съ ними, черную рыбу. Для укрѣпленія частокола, плетутся изъ мочалы рѣдкія сѣти, или родъ сѣтей, и, вмѣстѣ съ подвизаннымъ къ нимъ грузомъ, по мѣстному выраженію съ «немцами,» опускаются на дно предъ частоколомъ, который такимъ манеромъ и припирается.

Сомъ, какъ для метанія икры, такъ и для зимняго логовища находить,

или и самъ для себя вырываетъ, особыя котловины, глубиною до полу-сажени и ложится на дно внизъ головою. Попадъ на удочку, то есть на острый желѣзный крючокъ, сомъ старается не сходить съ мѣста и крѣпко держится у самаго дна, не смотря на все усилія ловца поднять, вытерепить его оттуда. Наконецъ, разумѣется, ловець его переспилить и заставить подняться: всплывая на поверхность воды, сомъ, какъ бы въ отомщеніе за причиненную ему боль и тревогу, колотится плѣскомъ и силится ухватиться имъ за лодку или за что попадется, чтобъ только не поддаться ловцу. Этому послѣднему много предстоитъ хлопотъ съ большимъ сомомъ, особенно съ такимъ, который дожилъ до шести-пудоваго вѣса и выросъ до полутора-саженной длины. Лѣтомъ сомовъ бьютъ въ камышахъ острогою или сандовью: это орудіе состоитъ изъ остраго желѣзнаго двуконечнаго или трехзубаго копыя, насаживаемаго на длинное древко. На противоположномъ концѣ этого древка привязывается веревка. Ловець, схватившись за древко и придерживая въ тоже время конецъ этой веревки, нацѣливаетъ сандовь на сома и прировнившись, съ силою пускаетъ ее въ него изъ рукъ. Сандовь вонзается въ сома, а ловець, крѣпко схватившись за конецъ веревки, начинаетъ подтягивать добычу и наконецъ чекушитъ. Кромѣ сома, сандовью ловятъ и сазана.

Въ настоящее время рыбоводство и рыбныя промыслы составляютъ одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ во всехъ странахъ стараго и новаго свѣта. Между Англійей и Сѣверо-Американскими Соединенными-Штатами рыбныя промыслы могли быть даже очень важнымъ предметомъ политическихъ разсужденій. Тогда какъ въ одномъ углу разрѣшеніе этихъ вопросовъ можетъ быть совершено только дипломатическимъ путемъ, въ другомъ углу безрыбье ставить въ тупикъ великіе умы знаменитѣйшихъ ученыхъ, слагающихся принести общественную пользу направлениемъ своей дѣятельности къ практическимъ интересамъ человѣчества.

Полагаю вовсе не излишнимъ напомнить здѣсь объ опытахъ искусственнаго размноженія рыбъ, о предметѣ, который можетъ приобрести популярность гдѣ-нибудь въ небольшомъ округѣ какой-нибудь провинціи, и вовсе не имѣть значенія въ Россіи, гдѣ семьдесятъ пять милліоновъ народа насыщаются рыбою въ разныхъ видахъ ея приготовленія и ежегодно еще продаетъ рыбнаго товара столько, что его весьма достаточно будетъ на насыщеніе еще милліончика, другаго жителей. Русскій человѣкъ, знакомый съ трескою, съ полтусиною, съ семгой, съ бѣлугой, съ осетромъ, съ жимъ, жирнымъ, здоровымъ, никакъ не будетъ въ состояніи собраться съ мыслями и направить ихъ къ познанію

важности и полезности искусственнаго разведенія форели или плотички. У насъ миллионнами миллионѡвъ гибнутъ сельди, у насъ мужикъ не станетъ рта марать ершами, у насъ форелью сытъ не будешь, и русскій человекъ, если его захотятъ сбить съ толку, если захотятъ пустить ему пыль въ глаза громадными результатами европейскыхъ ученыхъ въ дѣлѣ рыбоводства, и закидаютъ извѣстїями о «нѣсколькихъ миллионѡхъ искусственно разведенныхъ рыбокъ (мальковъ)»—русскій человекъ не иначе приметъ эти опыты какъ за дѣтскую игрушку, потому—что эти миллионы молодыхъ болѣзненныхъ, чахлаыхъ рыбокъ, все-таки не имѣютъ въ его глазахъ никакого значенїя въ сравненїи съ безыскусственной, но сорокопудовою бѣлугой.

Для Россїи, вопросъ объ искусственомъ разведенїи рыбъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть болѣе какъ очень важнымъ мѣстнымъ вопросомъ какого-нибудь помѣщичьяго имѣнїя, какого нибудь, пожалуй, уѣзда, но не болѣе; на степень государственнаго значенїя возведенъ онъ будетъ развѣ по истеченїи двухъ, трехъ тысячелѣтїй; все-таки однакожъ хладнокровными къ этому вопросу оставаться мы не должны.

Новѣйшія изслѣдованїя ученыхъ, посвятившихъ себя наблюденїямъ за оплодотворенїемъ рыбъ, показываютъ, что рыбы молоки теряютъ гораздо скорѣе плодотворную способность, нежели сѣмя птицъ и млекопитающихъ. При самыхъ благопрїятныхъ обстоятельствахъ, всякое движенїе молокъ, распущенныхъ въ водѣ, прекращается:

у щуки	въ 8	минуть	10	секундъ,
у плотвы	— 3	—	10	—
у карпа	— 3	—	»	—
у окуня	— 2	—	40	— и т. д.

Особеннаго примѣчанїя достойно дѣйствїе, оказываемое на жизнєнность молокъ температурою воды. Катрефажъ убѣдился, что каждая порода, для наибольшаго сохраненїя жизни въ молокахъ, требуетъ извѣстной степени тепла, и что при малѣйшемъ измѣненїи этой температуры, всякій признакъ жизни въ нихъ исчезаетъ. Такъ, на примѣръ,

для молоки щуки необходима температура $+ 2^{\circ}$ R.

карпа	—	—	$+ 12^{\circ}$
плотвы	—	—	$+ 13^{\circ}$
окуня	—	—	$+ 15^{\circ}$
другихъ породъ			отъ 20° до 23°

Слишкомъ низкая температура замедляетъ движенїя молокъ, температура слишкомъ высокая ихъ усиливаетъ, но та и другая можетъ наконецъ совершенно ихъ уничтожить; впрочемъ нераспущенные въ водѣ молоки, какъ это уже аргіогі слѣдуетъ, сохраняютъ жизнєнность при низкой температурѣ гораздо долѣе; Катрефажу удавалось сохранять во льду,

въ продолженіе пятидесяти часовъ и долѣе, жизнь щучьихъ молокъ. Нѣкто Миллѣ придумалъ даже для этого удобный и простой снарядъ, въ которомъ молоки могутъ сохраняться при постоянной температурѣ 0° до шестидесяти пяти часовъ, не теряя жизнениости. Чтобъ убить всякую плодотворность въ щучьихъ молокахъ, требовалось произвести искусственно холодъ въ десять или въ двѣнадцать градусовъ.

Такимъ образомъ, состояніе температуры можетъ значительно не только ускорять или замедлять оплодотвореніе икры, но и вовсе его останавливать и потомъ снова его возобновлять. Естественное стремленіе рыбы подыматься вверхъ по теченію рѣкъ для метанія икры, объясняется также вліяніемъ температуры, которая по замѣчаніямъ ученыхъ, въ рѣкахъ обыкновенно бываетъ тѣмъ теплѣе, чѣмъ ближе къ истоку, по этому рыба обыкновенно идетъ вверхъ по теченію рѣки, по тѣхъ-поръ, пока не встрѣтитъ потребной для нея степени теплоты въ водѣ. Все это показываетъ, что и при искусственномъ разведеніи рыбъ необходимо обращать особенное вниманіе на температуру воды, соответствующую инстинктивнымъ требованіямъ каждой породы. Степень теплоты, едва достаточная для окуневой икры, сварила бы, такъ сказать, щучьи молоки, и наоборотъ, вода, годная для щуки, будетъ слишкомъ холодна для окуня.

Эти замѣчанія, сдѣланныя теоретиками, специальными учеными, касательно мелкихъ рѣчныхъ породъ, съ одинаковою достовѣрностью, могутъ имѣть приложеніе и въ разговорѣ касательно крупныхъ морскихъ рыбъ. Касательно же собственно искусственнаго разведенія рыбы, замѣчено, что вообще оплодотвореніе совершается успѣшнѣе при температурѣ нѣсколькими градусами теплѣе той, которая требуется для самаго продолжительнаго сохраненія жизни сперматозоидъ. Такъ при опытахъ въ Версали и Гриньонѣ, изъ нѣсколькихъ тысячъ яичекъ щучьей икры оплодотворенной въ водѣ, имѣвшей $+ 5^{\circ}$, не вышло ни одной рыбки, тогда какъ опытъ съ тою же икрою, оплодотворенною при температурѣ отъ 8° до 10° , удался какъ нельзя лучше. Это показываетъ, что жизнениость молокъ должна быть нѣсколько усилена для успѣшнаго оплодотворенія. Французскіе ученые нашли, что для породъ рыбъ, оплодотворяющихся во Франціи зимою, какъ напримѣръ, для лосося и форели, нужна температура воды отъ шести до восьми градусовъ; для породъ весеннихъ, какъ напримѣръ, щука, вода должна имѣть отъ восьми до десяти градусовъ, а для рыбъ, оплодотворяющихся лѣтомъ, какъ напримѣръ, окунь, нужно, чтобъ температура воды имѣла отъ четырнадцати до шестнадцати градусовъ.

Въ жидкости молокъ, вытекающихъ при малѣйшемъ давленіи,

жизненная способность теряется гораздо скорѣе чѣмъ въ полномъ, не встревоженномъ, въ цѣльномъ веществѣ молокъ. Точно тоже, и давно уже, и всѣми замѣчено касательно икры: икра лишается жизнениности, коль скоро пленка, или такъ называемая рубашка, или ястыкъ, однимъ словомъ облегающая всю икру перепонка будетъ разорвана и крупишки, зернышки икры будутъ проникнуты водою. По этому-то ученые и вывели то правило, что при искусственномъ оплодотвореніи необходимо соединять икру съ молоками, не теряя ни минуты времени: малѣйшее промедленіе можетъ испортить все дѣло.

Занимающіеся искусственнымъ размноженіемъ рыбы, естествоиспытатели, путемъ своихъ опытовъ и наблюденій, пришли къ тому же, что и неученые рыбаки, умозаключенію, что не вся икра, заключающаяся въ рыбѣ, одновременно бываетъ годна для оплодотворенія. Рыба въ свободномъ состояніи употребляетъ по нѣскольку дней на метаніе икры и выкидываетъ ее въ нѣсколько приемовъ. Теперь постановлено за правило смѣшивать между собою только тѣ зерна икры и тѣ капли молокъ, которыя выходятъ изъ рыбы «почти» сами собою, «почти» добровольно, только при небольшомъ «подавливаніи». Чтобъ имѣть рыбу всегда подъ рукою, но на свободѣ, естествоиспытатели держатъ ее «на привязи». Рыба свободно разгуливаетъ въ рѣкѣ, только ей просунуть въ ротъ изъ-подъ жаберъ веревочку или снурочекъ, да и привяжутъ къ колышку. Увѣряютъ, что это нисколько рыбу не беспокоитъ, и что рыба обрѣтается въ благополучномъ здравіи, всегда въ нормальномъ состояніи, всегда въ веселомъ расположеніи духа. Естественное выметываніе икры естествоиспытатели замѣняютъ насильственнымъ, или, по ихъ мнѣнію, «почти» добровольнымъ «доеніемъ» по мѣрѣ того, какъ икра и молоки достигаютъ надлежащей зрѣлости.

Еслибъ намъ захотѣлось здѣсь, въ Петербургѣ, развести осетровъ—это вещь совершенно возможная. Стоитъ отгородить въ Малой Невкѣ особое отдѣленіе, привезти пару живыхъ осетровъ, одного съ молоками другаго съ икрой, поддержать ихъ пока въ прудѣ Лѣтняго Сада, нѣсколько разъ «почти» добровольно подоить, перемѣшать икру съ молоками, бросить ее въ Малую Невку, потомъ обоихъ осетровъ употребить на хорошей обѣдъ и потомъ лѣтъ пятьдесятъ подождать: всѣ брошенная въ Малую Невку зернышки икры превратятся въ милліоны сажѣнныхъ здоровѣнныхъ осетровъ, отъ этихъ осетровъ наплодятся милліарды осетриковъ... и Богъ знаетъ до какихъ блистательныхъ результатовъ можно довести расчитыванье на бумагѣ, была бы только охота.

Искусственное оплодотвореніе и разведеніе рыбныхъ породъ мысль великая, и по теоріи кажущаяся весьма удобоисполнимою: но всегда ли то, что умно и благо по теоріи, оказывается умнымъ и благимъ въ практикѣ?

БѢЛОРУССІЯ

ВЪ ХАРАКТЕРИЧЕСКИХЪ ОПИСАНІЯХЪ И ФАНТАСТИЧЕСКИХЪ ПОВѢРЬЯХЪ *.

Статья П. М. Шпилевскаго.

10. ЗОЛОТАЯ ЩУКА **.

Преданіе Витебской губерніи.

За рѣкой за Двиной, на высокой горѣ, средѣ дубовыхъ лѣсовъ, — вѣтвистыхъ кленовъ, стоялъ замокъ не замокъ, домъ не домъ, ну и не хатка простая или хижинка какая, не хочу солгать, хоть и можно въ сказкѣ приврать, — *острогъ-кльтушка*, говорятъ старые люди: — это тоже, что жилое зданіе древнихъ бѣлорусскихъ богатырей, небольшихъ родовыхъ князей... Въ этомъ-то острогѣ-кльтушкѣ жилъ съ незапамятныхъ временъ удалецъ-молодецъ Сеня-Князекъ, по прозванію рыбачокъ: такъ прозвали его, потому что рыболовствомъ потѣматься любилъ... Жилъ онъ не одинъ: съ нимъ жила его родственница, Кочерга; да бѣда вишь-колдунья и знахарка была она такая, что все боялись ее, нуще Бабы-Яги или злой сестры ея Ягаги...

Сеня-Князекъ былъ молодецъ хоть куда: слылъ удалствомъ и молодечествомъ на всю землю Бѣлорусскую; не одна красавица княжна и не княжна желала быть его женой... Одну изъ такихъ княженъ Кочерга вздумала просватать за Сеню-Князьку безъ спроса-согласія его. Ну, конечно, Князьку-молодцу не понравилась распорядительность такая Кочерги и, чтобъ отклонить затѣи ея, напрямикъ сказалъ, что любить иную княжну, ту, что живетъ по другую сторону Двины, близъ земли Кривичей, на горѣ въ Сосновомъ Бору.

* Первая статья помѣщена въ *Паисеопъ*, 1853 г. №№ 4, 5, 6 и 7.

** Щука въ бѣлорусскихъ сказкахъ играетъ важную роль, и всегда является какою-то могучею (спасительницею или повелительницею).

Оскорбилась Кочерга, что Князекъ не хотѣлъ избрать въ жены себѣ ту княжну, которую просватала она за него... Но Сеня-Князекъ непреклоненъ былъ въ своемъ намѣреніи... Измѣнить любимой княжнѣ ни за какія сокровища земли не согласился: такъ любилъ соседку-красавицу изъ Сосноваго Бора...

На другой день онъ объявилъ, что отправляется на ту сторону Двины, повидаться съ любимой княжной, и что чрезъ нѣсколько недѣль возвратится съ женой...

Кочерга съ гнѣвомъ грозила ему страшнымъ наказаніемъ...

Что будетъ, то будетъ! сказалъ самъ себѣ Сеня-Князекъ, и отправился за Двину въ Сосновый-Боръ.

Обрадовалась княжна посѣщенію Князька-Рыбачка и на радостяхъ не знала, что сказать ему въ отвѣтъ на вопросъ о переѣздѣ въ островъ-клятушку... Князекъ-Сеня разсказалъ княжнѣ про горе свое и просилъ ее согласиться на предложеніе быть женою его... Княжна долго не думала, и какъ сиротка-одинокая предпочла лучше быть женою любимаго рыбачка, чѣмъ скучать въ Сосновомъ-Бору.

Гостилъ три недѣли Сеня-Князекъ у княжны; наконецъ вмѣстѣ съ женою отправился въ родовую замокъ-острогъ — похвалиться предъ Кочергой красавицей княжной, умницей женой...

Кочерга и слушать не хотѣла никакихъ оправданій... Принять приняла молодыхъ да не поздоровилось имъ въ родовомъ оселищѣ; колдунья задумала сгубить со свѣту красавицу княжну...

Прошло нѣсколько дней, Кочерга не показываетъ и виду, что за думу думаетъ, и какъ будто ласково обращается съ женою Сени-Князька... Сеня-Князекъ успокоился и по-прежнему сталъ ходить на рѣку ловить рыбу.

Вотъ однажды съ разсвѣтомъ дня, разѣзжаетъ Князекъ на челнокѣ по Двинѣ-рѣкѣ и закидываетъ небольшую сѣть, чтобъ наловить къ обѣду любимой рыбки двинской... Заколебалась сѣть въ рѣкѣ, зашнылись поверхи рѣки, стали показываться пузырьки и являться безчисленные кружки возлѣ челнока... Вытащилъ Князекъ-Рыбачокъ сѣть изъ рѣки, смотреть—рыбы не перечесть; обрадовался Князекъ такой счастливой ловлѣ и поплылъ къ берегу; сталъ выкидывать изъ сѣти рыбу—вотъ ужъ всю почти выкинулъ: глядь—на днѣ сѣти преогромная Щука съ золотой чешуею, алмазной головой и огненнымъ хвостомъ...

Изумленный такимъ видѣніемъ, Князекъ-Рыбачокъ самъ не зналъ, что дѣлать... Долго думалъ да ничего придумать не могъ... Изъ такой думы вывела его Щука сама, такъ проговоривъ къ нему:

«Ахъ молодецъ—удалецъ, Сеня-Князекъ-Рыбачокъ, брось меня

опять въ рѣку, я не такая рыба, чтобъ меня можно было кушать.. Если отпустишь меня на волю, я отблагодарю тебя достойно; помогу твоему горю... Все знаю я: знаю, что не влюбила тебя Кочерга, знаю, что сдѣлала она сегодня съ твоей красавицей женой... Ты сталъ рыбу ловить, а она нацѣлила твою княжну приворотнымъ зельемъ изъ бѣлой руты и зачаровала ее бѣдную: не увидишь жены своей, какъ воротишься домой; ее ужъ нѣтъ въ острогѣ; отослала Кочерга въ подводное царство къ Водовику-Ноготку... Спѣши домой, Сень-молодецъ, и поймай тамъ *чернаго пѣтуха* съ золотистымъ чубкомъ... Поймаешь, счастье твое: ты успеешь освободить свою княжну изъ подводнаго царства.

Залился слезами отъ вѣсти такой Князекъ-Рыбачокъ: сталъ горевать и тужить о несчастной судьбѣ своей... Но дѣлать нечего... Нужно было спѣшить домой — поймать чернаго пѣтушка, по совѣту Шуки рыбы.

«Благодарю тебя, добрая Шука-Золотая, сказалъ наконецъ Князекъ, наплакавшись вдоволь; благодарю тебя за твое общаніе помочь моему горю... Плыви съ Богомъ по Двинѣ широкой, быстрой рѣкѣ... Не обмань только меня: я прииду сюда на берегъ къ рѣкѣ завтра съ чернымъ пѣтушкомъ... постараюсь поймать его; я не разъ кормилъ его золотистымъ пшеничнымъ зерномъ, накормлю его и теперь, приласкаю и привесу тебѣ, Золотая-Шука-Рыба.

— Не обману я тебя, добраго молодца, отвѣчала Шука; поспѣши только сейчасъ же поймать чернаго пѣтушка, и къ закату солнца сюда прийти... теперь дома нѣтъ твоей Кочерги, она пошла въ гости въ сосѣдній каменный замокъ, къ такой же знахаркѣ-колдунѣ, какъ и сама она...; тамъ пробудетъ она до вечерней зари... Поспѣши же, князекъ-Рыбачекъ поскорѣе домой и поймай пѣтушка, а не то я не помощница тебѣ...

Сказавъ это, Шука взмахнула огненнымъ хвостомъ, и Князекъ бросилъ ее въ рѣку...

Пошелъ Сень-Князекъ домой... У воротъ встрѣчаетъ его любимый пѣтушокъ, весь черный, съ золотистымъ чубкомъ; приласкавъ Рыбачокъ пѣтушка и взявъ его на руки понесъ въ палаты; тамъ накормилъ его всякимъ зерномъ, и, не думая долго, спряталъ его въ клѣткѣ въ своей *беспдкѣ*...

Обходилъ бѣдняжка-Сенья всѣ палаты острога: нѣтъ и слѣду княжны; только горестъ печальная пуще и пуще закрадывалась въ его душу, при видѣ терема жены... все тамъ напоминало ему о любимой красавицѣ княжнѣ... и одежда ея, и рукодѣлье ея: нестало только са-

мой-княжны... Долго, долго горевалъ Князекъ, глядя на комнатку княжны: чуть было не забылъ о приказаніи Щуки-Золотой явиться къ закату солнца на берегъ рѣки... И забылъ бы, можетъ быть, да пѣтушокъ напомнилъ ему о себѣ, прокричавъ кукареку. Тутъ опомнился Князекъ-Рыбачокъ, побѣжалъ въ свою палату, захватилъ чернаго пѣтушка и въ минуту очутился у берега рѣки Двины.

Въ то же время, приплыла къ берегу Золотая-Щука и разинувъ пасть—забрала къ себѣ внутрь Князька-Рыбачка и чернаго пѣтушка... Не успѣла Золотая-Щука нырнуть въ рѣку, какъ издали показался густой дымъ, и изъ дыму образовалась какая-то старуха: то была Кочерга; по знахарскому чутью догадалась она, колдунья, что Князекъ-Сеня похитилъ у нея чернаго пѣтушка, котораго она растила для волшебныхъ чаръ, для знахарскихъ тайнъ... Кочерга хотѣла нагнать бѣглеца и погубить его, да опоздала родная, перехитрила ее Щука Золотая-рыба...

Оборотилась Кочерга въ водяную змѣю и поплыла на дно рѣки къ Водовику-Ноготку, чтобъ недопустить туда Щуку: знать страшна и опасна для нея была эта рыба... Но не во время явилась Кочерга въ подводномъ царствѣ Водовика: Щука опередила ее и успѣла пропустить во дворецъ воднаго повелителя Князька-Рыбачка и съ нимъ чернаго пѣтушка... А безъ этого пѣтушка не могла попасть во дворецъ колдунья Кочерга: такой наказъ данъ дворчанамъ отъ Водовика-Ноготка. Защищала Змѣя-Кочерга, щелкнула змѣинымъ языкомъ и ужалила отъ злости Щуку Золотую-рыбу: на бѣду Кочергѣ, Щукѣ ни почемъ было ей жало; Золотая-рыба махнула огненнымъ хвостомъ, и Кочерга съ досадою поворотила домой въ свой острогъ... отъ злости захворала и слегла въ постель...

Между тѣмъ Князекъ входитъ въ подводное царство... Передъ нимъ—видѣніе волшебное, неописанное, несказанное... На алмазной скалѣ стоитъ дворецъ, весь изъ воды текущей, изъ капелекъ рѣчныхъ: какъ ужъ сдѣланъ онъ тамъ изъ воды, ни придумать, ни рассказать, только диво ужъ большое этотъ дворецъ, — весь изъ воды вылить... сквозь стѣны видны все произрастенія рѣки, камни, рыбы, змѣи, змѣйки, разноцвѣтные червячки и всякій песочекъ... Не вѣрить глазамъ своимъ Князекъ: что за диво такое? какъ-такъ сдѣланъ дворецъ изъ воды.... Вотъ входитъ въ первую палату: не-то люди, не-то рыбы на сторожѣ стоять у дверей и караулятъ дворецъ; при видѣ Князька, разступилась стража и пропустила его дальше.... Входитъ Князекъ въ другую палату... ни души живой; только запахъ какой-то не земной—тяжелый обдалъ его такъ, что нашъ богатырь чуть было не задохся и не упалъ...

Дурно сдѣлалось съ Князькомъ, нужно было приѣхать и отдохнуть... Но лишь только приѣлъ Князекъ, сонъ глубокой напалъ на него: уснул богатырь сномъ тяжелымъ, и во время сна его, пѣтушокъ ушелъ отъ него и поплылъ въ глубь дворца, въ палату Водовика *. Водовикъ схватилъ пѣтушка и запряталъ его къ себѣ за пазаху.... Пѣтушокъ сталъ кричать— и пробудился князекъ...

Испугался молодець-удалець, что пѣтушокъ попалъ въ руки къ Водовику-Ноготку... и залился горькими слезами... Быть бѣдѣ, подумалъ Князекъ: и дѣйствительно бѣда вышла великая.. На зовъ Князька явился Водовикъ—самое маленькое чудище, ни дать ни взять сверчокъ съ дѣтскій ноготокъ: голова у него была пребольшая съ огненными волосами, глаза молніей сверкали; руки желѣзныя съ ногтями серебряными... Въ одной рукѣ держалъ чернаго пѣтушка, а въ другой золотой трезубецъ.

Вотъ подходит Водовикъ къ Князьку, и опершись на трезубецъ, грозно говорить:

— Что скажешь, разудалая голова, Князекъ-Рыбачокъ?.. Ты въ моихъ рукахъ теперь; выпустилъ пѣтушка, такъ знай-вѣдай корись предо мной, а не то заколю я тебя трезубцемъ золотымъ и брошу тѣло твое на съеденіе рыбамъ моимъ... Не умѣлъ беречь пѣтушка, такъ съумѣй же терпѣть... Горе тяжкое ожидаетъ тебя здѣсь: погибнуть долженъ ты въ рѣкѣ, или пожалуй, если хочешь увидѣть княжну, жену свою, такъ исполни порученіе одно.

— Я согласенъ исполнить порученіе твое, повелитель водный; только что за порученіе это? Въ силахъ ли я буду угодить твоей милости?..

— Въ томъ-то и штука, князекъ, что ты самъ долженъ угадать, что за порученіе это и исполнить его не позже нынѣшней ночи... Сослужишь службу вѣрно, покажу тебѣ твою жену; не съумѣешь угадать мысли моей, такъ головой отвѣтишь предо мной... Ступай и завтра явись съ тѣмъ, что я желаю получить отъ тебя.

Водовикъ исчезъ, а Князекъ-Рыбачокъ призадумался не на шутку: началъ было плакать, да слезами горю не помочь... Вышелъ изъ дворца и сталъ звать на помощь Золотую-Щуку...

А Щука какъ тутъ была: она ужъ давно его ждала...

— Ну, Князекъ-Рыбачокъ!.. не хорошо же ты сдѣлалъ, что выпустилъ пѣтушка... Вѣдь не шутка теперь добраться къ Княжнѣ... Водовикъ не удовольствуется порученіемъ однимъ: будутъ еще порученія тебѣ... Первое порученіе не такъ трудно: угадать я угадаю, и ис-

* См. Жур. Мин. Нар. Просв. 1846 г. Прибавл. кн. 4; стат. Бѣлорус. Народ. Повѣрья, слово *Водовикъ*.

полнить сѣмью, да бѣда вѣдь мнѣ съ тобою: ты оплошенъ слишкомъ сталъ, за слезами, за печалью ты не помнишь ничего и готовъ забыть про голову свою... Если будешь остороженъ, такъ исполню я желаніе Чуда-Водовика, а не станешь слушаться меня, такъ погибнешь въ подводномъ царствѣ...

— Я готовъ во всемъ послушнымъ быть тебѣ, Золотая ты Щука, сталъ со слезами говорить Князекъ, только будь помощницею моей: говори, что нужно дѣлать, чтобъ угодить Водовику...

— А вотъ что: По правую сторону дворца Водовика есть крошечный островокъ, весь изъ камышковъ изумрудныхъ, обросшихъ огненнымъ мохомъ; на томъ островкѣ поселилась птичка-крошка зеленая, и свила тамъ гнѣздышко, ужъ и яичекъ нанесла, остается только вывести птенцовъ зелененькихъ... Не полюбилось Водовику сосѣдство такое зеленой птички Кокашки: вишь онъ самъ любитъ прохлаждаться на томъ островку, а тутъ птичка вздумала мѣшать его прогулкѣ... Вотъ ужъ нѣсколько дней думу думаетъ Чудище-Ноготокъ, какъ бы выжить Кокашку, да не можетъ самъ онъ наказать птичку зеленую: можетъ только сдѣлать это житель земной, но никакъ не водной... Какъ ни силенъ онъ въ своихъ владѣніяхъ, а все-таки не властенъ выгнать Кокашку съ изумруднаго островка... Не могу и я Золотая-Щука сдѣлать этого: я могу только научить тебя, какъ выжить отсюда зеленую птичку... Сядись на меня, я занесу тебя на Изумрудный островокъ: теперь птичка улетѣла къ своей сестрѣ въ гости, такъ ты смѣло подойди къ гнѣздышечку и возьми три яичка зелененькія: два изъ нихъ отдай Водовику, а третье спрячь ты въ шапку свою, послѣ увидишь, что за сила тайная заключается въ этомъ яичкѣ... Ну, пора, молодецъ Князекъ, поспѣшимъ на островокъ...

Сказавъ это, Золотая-Щука плеснула огненнымъ хвостомъ; Князекъ съѣлъ на нее и въ минуту очутился на Изумрудномъ островкѣ. Отыскавъ гнѣздышко, взявъ яички, и возвратился въ Подводное царство...

На другой день стража докладываетъ Водовику, что Князекъ Рыбачокъ хочетъ видѣть его милость и поднести ему подарокъ... Водовикъ вышелъ къ Князьку и удивился когда тотъ поднесъ ему два яичка зеленой птички...

Лишь только Водовикъ взялъ яички, птичка зеленая влетѣла во дворецъ и стала просить пощады-прощенія у воднаго властелина; но Водовикъ велѣлъ своей стражѣ разорвать на мелкія части дерзкую птичку и потомъ съ благодарною рѣчью обратился къ Князьку-Рыбачку:

— Ну, молодецъ-удалецъ, удивилъ ты меня своею угадливостью; спасибо тебѣ за службу вѣрную... Но все-таки я не могу еще пока-

зять тебѣ Княжну жену твою, позволяю только перейти въ третью палату... Если ты такой угадчикъ, такъ угадай, чего еще мнѣ хочется и исполни въ точности въ нынѣшнюю ночь... Исполнишь, я награжу тебя примѣрно, покажу тебѣ твою жену, а не исполнишь, такъ разстаться придется тебѣ съ жизнью: ужъ таковъ мой приговоръ... Прощай, завтра явись ко мнѣ опять... Съ этими словами ушелъ Водовикъ въ свои палаты...

— Э! подумалъ Князекъ... да этакъ онъ замучить хочетъ меня своими порученіями... Постой же, буду я поумнѣй, не позволю обманывать себя больше.

Только подумалъ такъ Князекъ, а Золотая-Щука уже звала его къ себѣ... Князекъ вышелъ изъ дворца, и сталъ жаловаться Щукѣ, что не исполнилъ своего слова Водовикъ.

— Ничего! говорить Щука, потерпи Сеня-Князекъ; будетъ все хорошо... Вишь хочетъ онъ погубить тебя и оставить у себя Княжну-жену твою... Но не знаетъ онъ, что помощника у тебя Золотая-Щука... Я сердита ужъ давно на него и хочу отмстить ему за обиду, нанесенную мнѣ, Щукѣ: вишь онъ не пускаетъ меня плавать дальше дворца своего... Такъ постой же, чудище ты водное, я поселюсь въ новой рѣкѣ и смаю туда всю лучшую рыбу твою...

— Что же мнѣ дѣлать, добрая Щука?... научи меня щучьимъ умомъ, какъ исполнить волю Воднаго Чуда...

— А видишь ты, Князекъ-Сеня... по лѣвую сторону дворца Водовика есть огромная пещера, вся стеклянная, безъ входа и прохода... Въ ней, на днѣ, на жемчужномъ ложѣ лежитъ трезубецъ *Лазовика**, старшаго чудища воднаго, весь изъ слоновьей кости: захотѣлось Водовику похитить этотъ трезубецъ у Лазовика; чтобъ господствовать надъ старшимъ чудищемъ и распоряжаться въ его царствѣ... Я занесу тебя на эту пещеру, разобью ее своею головою, и ты войдешь въ нее преспокойно; теперь дома нѣтъ Лазовика... Какъ войдешь, смотри не оглядывайся назадъ, а не то налетятъ черныя змѣи и разорвутъ тебя на части... Трезубецъ держи въ рукѣ и не махай имъ ни вправо ни влѣво. А какъ будешь выходить, не забудь отломить отъ пещеры кусочекъ стекла и спрятать его за поясъ... Ужъ тамъ послѣ узнаешь, для чего такъ дѣлать я наставляю тебя... Отдавая трезубецъ, ты скажи Водовику, чтобъ онъ сдержалъ свое слово, а не то объясни, что пожалуешься на него Щукѣ, мнѣ Золотой рыбѣ... Ну, садись же, удалый Князекъ, поплывемъ къ пещерѣ.

* См. Журн. Мин. Нар. Пров. 1846 г. кн. 4, статья Бѣлорус. Народ. Повѣрья слово *Лазовикъ*.

Вотъ плыветъ Щука рыба золотая по Двинѣ глубокой, то взмахивая хвостомъ, то ударяя по рѣкѣ серебристыми крыльями,—подплываетъ къ стекляной пещерѣ, ударяетъ въ нее головой рыбой своей... Князекъ входитъ въ пещеру, беретъ костяной трезубецъ и отламываетъ кусочекъ стекла... Щука прыгнула на дно рѣки, понеслась, поплыла ко дворцу Водовика...

Съ разсвѣтомъ дня, Водовикъ ждетъ не дожидается Князька: любопытство сильное овладѣло воднымъ чудищемъ,—угадаетъ ли Сеня-Рыбачокъ давно безпокоющую его думу?.. А Сеня-Князекъ, какъ на диво, является къ Водовику съ трезубцемъ Лазовика и требуетъ отъ него исполненія даннаго слова...

«Ну, богатырь-Князекъ! Славный ты слуга—вѣренъ слову своему; только извини, я все таки не отдамъ тебѣ жены, а показать—пожалуй, покажу... Ступай за мною въ четвертую палату: изъ нея увидишь свою милую княжну, красавицу жену...

— Нѣтъ, Водовикъ господинъ, не честно поступаешь ты со мною: общалъ показать жену, такъ я разумѣлъ, что и отдать изволишь мнѣ ее... Если не отдашь жены, такъ я пожалуюсь на тебя Золотой-Щукѣ, морскаго чуда подругѣ...

— А! сказалъ Водовикъ, такъ ты знаешь эту Щуку, ну, хорошо, вотъ окажи мнѣ послѣднюю услугу, позови ко мнѣ золотую эту рыбу, я хочу съ нею переговорить... Если успѣешь приманить ее ко мнѣ въ палаты, такъ ужъ дѣлать нечего—отдамъ тебѣ твою жену...

— Изволь, будетъ по-твоему; да только смотри не къ добру поведетъ тебя обманъ: Щука рыба не мнѣ братъ, она раздѣляется съ тобою по щучьему; вѣдь ты знаешь, она морская рыба...

Сказавъ это, Князекъ выбѣжалъ къ Золотой-Щукѣ и рассказалъ ей все, слышанное отъ Водовика...

Между-тѣмъ, по выходѣ изъ дворца Князька, явился къ Водовику Лазовикъ съ поклономъ и сталъ просить у него трезубца своего... Но Водовикъ предложилъ ему въ замѣнъ свой золотой, а костяной оставилъ себѣ... Дѣлать нечего, согласился Лазовикъ на такое предложеніе Водовика; и сталъ подвластнымъ духомъ воднаго чудовища... Обрадовался Водовикъ и поспѣшилъ къ княжнѣ, женѣ Сени-Князька-Рыбачка. Княжна сидѣла скучная, печальная, и на все привѣты и ласки Водовика отвѣчала слезами... Чтобъ утѣшить ее, Водовикъ положилъ у ногъ ея трезубецъ костяной, отдалъ чернаго пѣтушка и въ добавокъ зелененькія яички... Но княжна неохотно приняла такіе подарки: она спрашивала Водовика, скоро ль кончится срокъ ея заключенію въ подводномъ царствѣ... Водовикъ утѣшалъ ее, какъ могъ, и на радостяхъ забылъ

о Князькѣ-Рыбачкѣ... Опъ думаль, что Золотая Щука проглотить его и избавить отъ докучливаго недруга... онъ вишь не вѣрилъ, что Князекъ въ дружбѣ съ такою рыбою...

Но лишь только онъ окончилъ рѣчь съ княжною, какъ вдругъ заковыхались воды Двины, потряслось водное царство и задрожалъ рѣчной дворець... Тутъ Водовикъ опомнился, и забывъ о трезубцѣ, яичкахъ и черномъ пѣтушкѣ, выбѣжалъ изъ дворца... Глядь—предъ нимъ Золотая-Щука. Испугался Водовикъ, и хотѣлъ было бѣжать назадъ... но Щука-рыба махнула хвостомъ — и Водовикъ не могъ тронуться съ мѣста.

Тутъ Щука говоритъ Князьку: Ступай теперь Сеня-Рыбачокъ въ палаты княжны; какъ подойдешь къ последней палатѣ, брось стеклышко въ водную стѣну и увидишь свою жену... возьми у нее чернаго пѣтушка, трезубецъ и яичко, и вмѣстѣ съ нею приходи сюда сію минуту; да смотри, не медли ни минуты...

Обезумѣвшій отъ радости Князекъ не пошелъ а бѣжкомъ побѣжалъ къ палатамъ княжны, бросилъ стеклышко въ стѣну и очутился предъ женою...

Радость и восторгъ отняли языкъ у Княжны, и только лишь тогда проговорила она когда Князекъ напомнилъ, что онъ долженъ посѣшить къ Золотой-Щукѣ, а не то пропадетъ и онъ и она съ нимъ...

Забравъ пѣтушка, яички и трезубецъ, Князекъ вмѣстѣ съ Княжной посѣшили къ Золотой-Щукѣ, а Щука имъ говоритъ:

«Что хотите дѣлайте съ Водовикомъ: въ вашей волѣ погубить его за злыя дѣла и неповиновеніе водному Лазовику...»

Водовикъ сталъ просить, молить Щуку о пощадѣ, но Щука имѣла наказъ отъ морекаго чуда, у котораго на усахъ нѣсколько мельницъ, каждая о шести колесахъ *, не щадить Водовика и наказать его примѣрно за дерзости, какія онъ оказывалъ не разъ своему старшему властелину-повелителю...

Ну, что же, Князекъ?.. начала говорить Щука опять: махни трезубцемъ направо.

Князекъ махнулъ трезубцемъ на право, и въ тужъ минуту явился Лазовикъ.

Щука велѣла Водовику просить прощенія у Лазовика, и тутъ же превратила Водовика въ подвластнаго, самаго младшаго духа Лазовика. Лазовикъ исчезъ вмѣстѣ съ Водовикомъ...

«Теперь, сказала Щука Князьку, махни трезубцемъ лѣво...»

* См. «Пантеонъ», 1853 г. № 6, Бѣлоруссія—въ фант. повѣр. — *Медвѣжьё-ушко*.

Князекъ махнулъ, и въ мгновеніе ока не стало подводнаго царства...

Щука взмахнула огненнымъ хвостомъ, и Князекъ съ Княжною очутились на берегу Двины... вмѣстѣ съ чернымъ пѣтушкомъ, яичками и трезубцемъ...

Князекъ и Княжна — красавица стали благодарить Золотую-Щуку за помощь и спасеніе... но Щука прервала рѣчь ихъ слѣдующими словами:

«Не благодарите пока, еще не все кончено; посмотрите вонъ бѣжитъ Кочерга, а за нею летятъ черные вороны и всякія хищныя птицы; она почуяла знахарскимъ чутьемъ, что возвратились вы изъ подводнаго царства и хочетъ сгубить тебя и Княжну, силами чаръ своихъ; смотрите, держите крѣпко пѣтушка, чтобъ не ушелъ.

Вотъ подбѣжала Кочерга и хотѣла броситься на Княжну, чтобъ отнять ее у Князька, но Золотая-Щука велѣла Князьку бросить въ нее зелененькимъ яичкомъ, и Кочерга отскочила отъ Княжны на нѣсколько шаговъ, потомъ закружилась, завертѣлась на одномъ мѣстѣ и тутъ же *росплаталась*—растянулась. И вотъ образовалась на томъ мѣстѣ рѣка *Полота*, у самыхъ береговъ Двины, и поплыла вдаль межъ горъ и густыхъ лѣсовъ... Въ той рѣкѣ Полотѣ поселилась Золотая-Щука и переехала туда подводное царство, вручивъ костяной трезубецъ Лазовику; а два яичка велѣла Князьку бросить въ рѣку; вотъ прилетѣла зеленая птичка и вывела зелененькихъ птенцовъ...

Что же случилось съ Князькомъ и Княжною да съ чернымъ пѣтушкомъ?..

По щучьему велѣнію Князекъ-Рыбачокъ зарѣзалъ чернаго пѣтушка, вынулъ изъ него *красную косточку бурьяшку* и воткнулъ ее на высокой горѣ надъ рѣкою Полотой... а чрезъ ночь на той горѣ самъ построился замокъ чудный, великолѣпный, каменный съ семью башнями и огромнымъ садомъ... Въ этомъ замкѣ жили-поживали князекъ да княжна, и скоро далъ имъ Богъ князечка маленькаго...

Тутъ понадобился новый замокъ для княжескаго сына, но не замокъ выстроили для него, а богатѣйшій, прекраснѣйшій дворецъ...

Но... тутъ сказкѣ конецъ.

11. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ У ЗАСТѢНКОВЦЕВЪ (ОКОЛИЧАНЪ) ВИТЕБСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Я описалъ уже свадебные обряды у поселянъ Могилевской и Минской губерніи, * а теперь считаю нужнымъ для сравненія, сдѣлать очеркъ свадебныхъ обрядовъ у *застѣнковцевъ* Витебской губерніи, т. е. окольной шляхты, которая въ настоящее время ничѣмъ не различается отъ поселянъ. Это однодворцы или, какъ зоветъ ихъ народъ, *шераки*, т. е. носящіе сѣрые сюртуки, чѣмъ собственно и отличаются отъ поселянъ. Что же касается до ихъ образа жизни, воспитанія и состоянія **, то они ведутъ такую же простую жизнь, такъ же не образованы, и такіе же хлѣбопашцы, какъ и поселяне. Но все таки они въ Бѣлоруссіи составляютъ отдѣльное сословіе—среднее между дѣйствительною шляхтою и простонародьемъ: имѣютъ свои отдѣльныя земли, особенныя характеристическія повѣрья, преданія и пѣсни... Есть и у нихъ разные обряды, которые сохранились съ незапамятныхъ временъ... Къ числу этихъ обрядовъ можно отнести и обряды свадебные; конечно, въ главномъ они болѣе или менѣе похожи на обряды поселянъ, но въ частности имѣютъ свою оригинальность и самобытность. Особенно замѣчательны пѣсни, которыя болѣе или менѣе обнаруживаютъ духъ и обычаи застѣнковцевъ.

Я опишу здѣсь свадебные обряды лепельскихъ (т. е. Лепельскаго уѣзда Витебской губерніи) застѣнковцевъ.

Высмотрѣвъ невѣсту, молодой парень проситъ у родителей позволенія отправиться въ домъ будущаго тестя, и приглашаетъ къ себѣ товарищей, съ которыми совѣтуется, какъ бы приступить къ дѣлу: эти товарищи называются *боирами*; ихъ обязанность—неотлучно быть при женихѣ до окончанія свадьбы...

Отецъ жениха отправляется въ домъ родителей невѣсты, и переговоривъ съ ними, на другой день является съ женихомъ и боирами, между которыми одинъ или два музыканта. При входѣ въ домъ невѣсты, боаре поютъ подь музыку:

Да пристаць, Боже, пристаць
 Да да нашаго да пачатачку,
 Што мы яго пачинаемъ,
 Госпада Бога звеличаемъ.

* Пантеонъ № 5, 1853 года.

** Подробное описаніе застѣнковцевъ сдѣлано мною въ «Путешествіи по Полѣсью и Бѣлорусскому краю»; См. «Современникъ», 1853 г. № 8, Глав. VIII, *Минская губернія*.

Да доляжь мая, доля:
 Кали будзешь добрая,
 То садзися са мною;
 А кали будзешь якая,
 То зъ быстраю вадою!...
 Не спатыкайся са мною...

(Помоги, Боже, начать намъ дѣло, чтобъ за это начало мы тебя прославляли. Охъ, доля моя, доля!.. Если (суженая) будетъ добрая, такъ пусть сядеть со мной, а если какая-нибудь иная, такъ пусть лучше и не встрѣчается со мною).

Гостей встрѣчаетъ невѣста, и потомъ тутъ же уходитъ въ другую комнату. Ея мѣсто занимаютъ родители и просятъ гостей отдохнуть, если съ доброю вѣстью пришли.

Тогда отецъ жениха начинаетъ слѣдующую рѣчь: «Послушайте, добрые люди, что за вѣсть такую принесъ я вамъ. Слышали мы отъ друзей нашихъ и вашихъ, что у васъ есть красная княгиня, и красавица изъ себя, и умная, и добрая: пора бы пристроить ее... Привели мы къ вамъ парня молодого, богатаго и трудолюбиваго... что вы скажете намъ на это? Рады ль вы нашему приходу? Если рады, приведите сюда свою княгиню, пусть подаетъ свою правую руку нашему молодцу, а мы старые люди согласимся устроить ихъ счастье... Богъ благословить, если мы, Отцы, и родные поблагословимъ ихъ...»

Послѣ такой рѣчи, мать невѣсты идетъ въ другую комнату и выводитъ дочь оттуда вмѣстѣ съ подругами *боярками*... Невѣста плачетъ, а боярки поютъ, подъ музыку бояръ:

Леняць птушачки на три стадачки,
 И зязюля паперодъ;
 Птушачки пали, зацебетали,
 А зязюля закукавала.
 И шли дзѣвачки черазъ сѣнечки
 И — (такая-то) — паперодъ;
 Дзѣвачки сѣли, пѣсьни запѣли,
 А (такая-то) заплакала...
 Зязюлька, зязюлька — да неголасна
 Кукуюшъ: голасна, да не жаласна.
 Не чѣтна за ёльничкамъ,
 За бѣлымъ березничкамъ.
 Красная (такая-то) да неголасна
 Плачешъ: голасна, да не жаласна.

Не чутна за боярками,
За галосными и гранками!

(Летять птички тремя стадами: впереди летить кукушка. Птички спустились (на землю), защебетали, а кукушка закуковала. Шли дѣвицы чрезъ сѣни, а *такая-то* впереди. Дѣвицы сѣли и начали пѣть пѣсни, а *такая-то* стала плакать. Кукушка! кукушка! ты не громко кукуешь: громко да не жалостно; не слыхать тебя за еловою, за березовою рощицей. Красавица *такая-то*! Ты не громко плачешь, а хоть громко да не жалостно: не слыхать тебя за пѣснями боярокъ, да игрою музыкантовъ!)

Если же невѣста не плачетъ, или хоть мало плачетъ, боярки поютъ:

Знаць табѣ, *такая-то*, замужъ хочетца,
Што твае слезунки ня коцотца?
Идзи, *такая-то*, у зялёны садокъ,
Вырви горку цыбульку, патри свае вочиньки
Ци ня пойдуць у цябе дробныя слезыньки.
Узыйдзи совнинька для цепа-дзеля,
Заплачь, *такая-то*, для сораму-дзеля.
Узышло совнинька, абўтрала;
А *такая-то* плакаць и не думала.

(Вѣрно тебѣ замужъ хочется, что не текутъ у тебя слезы... Сходи-ка ты въ зеленый садикъ, сорви горькую луковку, потри ею свои глазки, авось потекутъ у тебя хоть мелкія слезы. Взойди солнышко, и согрѣй (насъ); заплачь, *такая-то*, не срами себя... Солнышко взошло; разсвѣло... а *такая-то* и не думала плакать.)

Когда невѣста подойдетъ къ жениху, бояре подносятъ ей водку, и она обязана налить ее въ свою рюмку и подать жениху. Это означаетъ согласіе невѣсты на вступленіе въ бракъ съ предлагаемымъ женихомъ. Женихъ выпиваетъ часть водки и потомъ бросаетъ рюмку съ оставшимся виномъ къ ногамъ невѣсты. Затѣмъ всѣ усаживаются по мѣстамъ и начинаются угощенія... Между тѣмъ невѣста уходитъ на время въ другую комнату и чрезъ нѣсколько минутъ возвращается съ подарками. Боярамъ даетъ ручки (полотенца) собственнаго руководъля, а жениху—большой цвѣтной платокъ; женихъ въ замѣнъ даритъ невѣсту какимъ нибудь цвѣтнымъ ситцемъ, а бояре красными лентами...

По окончаніи угощенія, родители невѣсты берутъ подъ руки свою дочь и подводятъ ее къ отцу жениха: отецъ жениха зоветъ сына, и

соединяетъ его руки съ руками невѣсты. Женихъ и невѣста становятся на колѣна, и родители обоихъ сыплютъ на ихъ головы ржанья зерна, и потомъ положивъ руки на ихъ плеча цѣлуются между собою: это означаетъ благословеніе родителей...

Затѣмъ всѣ садятся; невѣста запѣваетъ, а боярки помогаютъ ей пѣть слѣдующую пѣсню:

Аглядзисься патомъ матачка,
 Якъ мене ня будзе — нимашачка,
 Да устанешъ ранинька, да нима каго будзици,
 Возьмешъ ведзѣрка, нема вадзицы.
 Ты жъ будзешъ думаць, што валы пагнала;
 Да твае валы стаяць у хлѣвѣ:
 Да тваѣ дзица у чужой семьѣ!
 Пастушки идуць, ты будзешъ пытаци,
 Яны табѣ, мая матачка, ня будуць казаци;
 Да волики придуць, да мене не будзе —
 Да табѣ, мая матачка, горши жаль будзе.

(Опомнишься послѣ, матушка, какъ меня не будетъ въ твоёмъ домѣ. Встанешь рано, некого будетъ будить: возьмешь ведро, не найдешь водицы. Ты будешь думать, что (твоя дочь) погнала въ поле воловъ, но волю въ хлѣвѣ стоятъ, а твое дитя въ чужой семьѣ. Пастухи идутъ, ты ихъ спрашивать станешь, а они ничего тебѣ не скажутъ обо мнѣ: придутъ волю, а меня все таки не будетъ—и пожалѣешь тогда меня, моя матушка...)

При выходѣ гостей, невѣста снимаетъ съ головы жениха шапку, и надѣваетъ вѣнокъ изъ цвѣтовъ (лѣтомъ свѣжихъ, а зимою сухихъ): съ этимъ вѣнкомъ женихъ возвращается домой, тамъ его мать снимаетъ вѣнокъ и бросаетъ въ печь.

Описанные мною обряды составляютъ *обрученіе*, послѣ котораго, хотя бы свадьба отложена была на нѣсколько недѣль, женихъ можетъ вездѣ ходить и гулять вдвоемъ съ невѣстою: на нихъ смотрятъ, какъ на будущаго мужа и жену.

Случается, что и сами парни безъ родителей своихъ отправляются въ домъ невѣсты и вступаютъ въ переговоры съ ея родными, но подобное сватовство называется *бездольнымъ* и рѣдко бываетъ удачно; болѣею частью родители невѣсты оскорбляются, если какой-нибудь молодой парень приходитъ по такому важному дѣлу безъ старыхъ людей, и потому отказываютъ жениху. Въ случаѣ отказа, боярки и сама невѣста поютъ пѣсню слѣдующаго содержанія:

Зацьвицьла у гародѣ макавка,
 Заболѣла у *такой-то* галовка;
 Захацьла заморскаго зелья:
 Каму ѣхаць за мора на зелья?
 Таму ѣхаць, каму рукадзелья.
 Татку ѣхаць за мора на зелья.
 Татка кажиць: я-й коника ни маю,
 Татка кажиць — я-й зелья ни знаю.
Такому-то ѣхаць за моря на зелья.
 А *такой-то* кажиць: я-й коника маю,
 Юнь кажиць: я-й зелья знаю.
 Адзинь коникъ — поля переѣхаць,
 Другі коникъ — мора переляцьць,
 Тречи коникъ — да зелья даѣхаць...
 А ставъ *такой-то* зелья капаци,
 Стали надъ имъ птушки щебетаци:
 Не кашай *такой-то* зелья,
 Ужо у *такой-то* другая вяселья.
 А ѣдзь, *такой-то*, лугамъ, берегамъ,
 А стань, *такой-то*, у поли, надъ шатромъ:
 Будзишь видиць, якъ къ *такой-то* баяры наѣдуць...
 Пазволь, пазволь, *такая-то*, на дворъ!
 Не пазволю табѣ — першы,
 Юсьць у мяне другі милѣйши
 Пазволь, пазволь, *шакая-то*, у хату,
 Не пазволю табѣ у хату,
 Ты для мене не першы,
 Юсьць у мяне — милѣйши...

(Расцвѣлъ въ огородѣ макъ, заболѣла у такой-то голова, захотѣлось ей заморскаго зелья (травы). Кому же ѣхать за травой? Тому ѣхать, кто хорошиі работникъ: Отцу ѣхать за травой. А отецъ говоритъ: у меня и лошади нѣтъ, да я и травы этой не знаю... Такому-то ѣхать за травой; а тотъ говоритъ: у меня и лошади есть, я и траву эту знаю... На одной лошади переѣду поле, на другой перелечу через море, на третьей доѣду до того мѣста, гдѣ растеть эта трава. Вотъ и сталъ онъ копать траву, а ему прощепетали птички: не копай ты травы, ужъ просватана такая-то за другаго; поѣзжай лугомъ, по берегу моря, остановись въ полѣ подъ навѣсомъ, а увидишь, что къ ней ѣдутъ другіе гости—боyre.. Ахъ, пазволь, пазволь, такая-то,

взойти къ тебѣ во дворъ, въ хату; не позволю я тебѣ войти къ себѣ ни во дворъ, ни въ хату, ты для меня не лучше всѣхъ, есть у меня мой милый, онъ для меня лучше всѣхъ).

Послѣ обрученія у застѣнковцевъ не бываетъ никакихъ особенныхъ обрядовъ до самой свадьбы; не пекутъ даже королавъ, какъ это бываетъ у поселянъ; если же и пекутъ одну коровай, такъ безъ всякихъ собраній дѣвицъ и пѣнія пѣсень... Бываетъ только на канунъ свадьбы, вечеромъ, смотръ приданого невѣсты. По этому случаю, собираются къ невѣстѣ дѣвицы, а потомъ является женихъ съ боярами. Смотръ приданого не сопровождается никакими особенными обрядами. Совершается только, на другой день послѣ сватовства или обрученія, такъ называемое *расплетаніе косы*, то есть: дѣвицы—подруги сажаютъ невѣсту предъ печкою, на дежѣ (квашнѣ) и сначала влетаютъ въ двѣ косы разные цвѣты; при этомъ мать невѣсты сидитъ съ поджатыми ногами на полу при дежѣ и подаетъ бояркамъ цвѣты изъ глинянаго горшка, а бояре поминутно бросаютъ въ печку соль... Влетая въ косы цвѣты; дѣвицы поютъ:

Треба косу заплетать,
Треба квитки закладаць.
Пайшла *такая-то* да городка
Купиць на вянокъ квитка.
Пришла да яе матка,
И пытаець: што ты робишь, дзицятка?
Рѣжу квитокъ на свой вянокъ...
Ой, цижь я табѣ матулесечка,
Не выгѣдна,—кривдунесечка,
Што ты мяне аддаешъ чужому?
Я цябе аддаю не чужому,
А свайму такомужъ радному...

(Нужно косу заплестъ, нужно цвѣтки влестъ. Пошла такая-то въ городъ покупать цвѣты для вѣнка... (Когда она возвратилась) подходитъ къ ней мать и спрашиваетъ: что ты дѣлаешь, дитятко? Рѣжу цвѣтки на вѣнецъ. Охъ, матушка моя, неужели жъ я тебѣ прискучила, иль не мила, что ты отдаешь меня чужому?—Я тебя отдаю не чужому, а своему (будущему родному).

Заплетши косы, боярки кладутъ на голову невѣсты вѣнокъ изъ цвѣтовъ и потомъ вмѣстѣ съ боярами пляшутъ вокругъ невѣсты... За-

тѣмъ мать снимаетъ вѣнокъ и бросаетъ въ печку. Невѣста плачетъ; боярки расплетаютъ косы, и поютъ:

Да красная *такая-то!*
 Кали съ тебе тое было,
 Штобъ ты служки наймала,
 Русу косу расплятаци,
 Слезки свае разливаци?
 Да дзѣвачки сястрицы!
 Да цяперъ той дзень наставъ,
 Што да мене милый приставъ,
 Русу косу расплятаци,
 Слѣзки мае разливаци.

(Красавица такая-то! когда водилось за тобой, чтобъ ты нанимала слугъ расплетать русую косу, и помогать тебѣ плакать? Ахъ, дѣвицы-сестрицы! вѣдь теперь насталъ тотъ день, что посватался за меня мой милый: нечего дѣлать, нужно косу расплетать и слезы лить...)

Невѣста плачетъ, потому что расплетаніе косы значитъ прощаніе съ дѣвическою жизнью. Сдѣлавшись замужнею женщиною, она не можетъ носить косу, а прячетъ волоса подъ чепцомъ, не заплетенные, нерѣдко обстриженные. Расплетаніе косы у Застѣнковцевъ тоже, что у поселянъ дѣвичникъ.

По расплетеніи косы, женихъ и бояре уходятъ *, остаются при невѣстѣ подруги, боярки. Черезъ нѣсколько минутъ, одинъ изъ бояръ приносить невѣстѣ, отъ имени жениха, разные подарки, платки, ленты, башмаки и, если богатый, подвѣчное платье. Невѣста въ свою очередь посылаетъ жениху шапку изъ синяго сукна, убранную лентами и цвѣтами. Иногда *бояринъ* съ подарками переодѣвается женщиною, и въ такомъ видѣ является къ невѣстѣ: невѣста снимаетъ съ него женское платье и оставляетъ у себя. Такой посланецъ называется *мачугой*.

По выходѣ боярина, невѣста и подруги ея весь вечеръ поютъ пѣсни и гадаютъ.

Отъ расплетанія косы до свадьбы обыкновенно проходитъ недѣля, а иногда и двѣ. Въ теченіе всего этого времени, невѣста не заплетаетъ

* Случается иногда, что при выходѣ жениха, невѣста прикалываетъ или пришиваетъ къ его шапкѣ вѣнокъ изъ цвѣтовъ, сорванныхъ ею въ собственномъ цвѣтникѣ: этимъ выражается особенное расположеніе невѣсты къ давно избранному ею самому жениху.

косы, а съ распушенными волосами, прикрытыми на маковкѣ головы платочкомъ, проводятъ дни и вечера съ своими подругами; въ такомъ видѣ невѣста остается и при женихѣ, который обязанъ являться къ ней всякій вечеръ съ какимъ нибудь подаркомъ.

Наконецъ наступаетъ день свадьбы, большею частью воскресный или праздничный. Смотра по состоянію родныхъ невѣсты, свадьба бываетъ или такъ называемая *печеная* (печенае вяселья), то есть, богатая, съ разными жаркими и печеньями, и другими блюдами, состоящими изъ мяснаго, ветчины, колбасъ, и также сушеныхъ яблоковъ, орѣховъ и меду; или *вареная*, т. е. не очень богатая, на которой бываютъ только разные варива, а изъ мяснаго готовится самая малость. Но какъ первая такъ и послѣдняя сопровождаются музыкою; различіе въ томъ, что на первой бываетъ нѣсколько музыкантовъ, а на второй большею частью одинъ, рѣдко два. Кроме того, печеная свадьба продолжается обыкновенно нѣсколько дней, нерѣдко даже цѣлую недѣлю, а вареная много два-три дня. На первую съѣзжаются гости изъ разныхъ сосѣднихъ и отдаленныхъ околотковъ, а на вторую собираются лишь знакомые родныхъ жениха и невѣсты, живущіе въ одномъ съ ними застѣнкѣ.

Въ день свадьбы, почти съ разсвѣтомъ приходятъ въ домъ невѣсты четыре или шесть подругъ, *баярокъ* (иногда и больше, но всегда четнымъ числомъ) и встрѣчаютъ молодую, окруженную разными матронами, слѣдующею пѣснюю:

Ой, свѣтъ свитаецъ
 Наша *такая-то* зъ двара зѣжджаецъ;
 А у яё браценька ключовъ пытаецъ:
 Гдзѣ ты *такая-то* ключи падзѣла!
 Я табѣ браценька да не ключница,
 Чужому татку буду ключница—

(Ой, свѣтаецъ, и наша (такая-то) выѣзжаетъ со двора. Братъ спрашиваетъ у нея ключей: «Гдѣ ты (такая-то) ключи дѣвала?» А она отвѣчаетъ: ужъ не ключница я тебѣ, братецъ, больше; съ этого дня я буду ключницей у чужаго отца).

Затѣмъ подруги-баярки уходятъ съ невѣстою въ особую комнату, и тамъ проводятъ время въ разговорахъ и гаданьяхъ. Въ это время пріѣзжаетъ одинъ изъ старшихъ *баяръ* и представляетъ невѣстѣ подарки жениха, состоящіе изъ рубашки тонкаго полотна, башмаковъ и красныхъ лентъ для головнаго убора. Баярки принимаютъ подарки, и отъ имени невѣсты передаютъ боярамъ подарки для жениха, состоящіе изъ блага шейнаго платка и шапки съ разноцвѣтными лентами.

Время свадьбы обыкновенно бываетъ часа въ два-три по полудни, а иногда и въ 12-ть часовъ утра. За часъ или за два до этого срока, боярки приступаютъ къ одѣванію невесты. Одежда невесты застѣнковой бываетъ сообразна съ состояніемъ ея родныхъ; большею частью она похожа на крестьянскую. Конечно, въ этомъ случаѣ дѣлаютъ исключеніе застѣнковцы такъ называемые *шляховые*, т. е. живущіе на *большой дорогѣ*, или что то же, нѣсколько образованные. У нихъ одежда почти городская: женщины носятъ платья и шляпки; мужчины, сюртуки и даже шляпы. Впрочемъ такихъ застѣнковцевъ очень мало. У невесты описываемаго мною класса бѣлорусскаго народа свадебная одежда бываетъ слѣдующая: волосы собираютъ назадъ въ косы, которыя, равно какъ и всю маковку головы испещряютъ лентами и (если это бываетъ лѣтомъ) безчисленными цвѣтами. На шеѣ виситъ нѣсколько снурковъ крупнаго бисера, коралловъ и стекляруса; тонкая рубашка, съ большимъ воротникомъ, скаймленнымъ плечеными фалборками, и широкими рукавами, перетянутыми у самой кисти руки лентами; платьѣ замѣняютъ кофточка или *корсетъ*, нерѣдко изъ шелковой и даже парчевой матеріи и *андаракъ* или юбка, всегда шелкавая или кисейная, изузоренная многоцвѣтными лентами, снурками и галунами; иногда сверхъ юбки надѣваютъ бѣлый фартучекъ. Поверхъ всего накидываютъ синій суконный кафтанъ съ талією и частыми фалдами у талии; башмаки на коблуклахъ и нерѣдко съ подковками ..

Во время одѣванія, боярки довольно жалобно поютъ, такъ что невеста невольно трогается подобнымъ напѣвомъ и нерѣдко горько плачетъ. Вотъ образчикъ этихъ пѣсень...

Ужежъ ты, дзѣвачка, нами пагардзила,
Идзешъ да мужа — радзйца;
А-й заставляешъ матку, што цабе кармила;
Ужежъ-тка ты не будзешъ дзявица!
Ня будзешъ зъ нами жартакъ строиць,
Да церкви Божай разамъ же хадзиць:
Бѣда табѣ—тка будзе сердце асвоиць
И кривду адъ чужихъ знасиць...
Кали-атъ снѣгъ у поли забѣлѣ,
Зъ кудзеляю ня пойдзешъ зъ нами,
Сиѣваць ня будзешъ, кали на серцѣ ня веселѣ...
И бавиць дружакъ жартками...
Чи свята, чи недзѣлькаваць —
Ня будзешъ зъ нами гарцаваць!
Ба мусишъ дома гаспадароваць

И малыя дѣтци пильнаваць.
 Штожъ намъ робиць, штожъ намъ робиць
 А *язюлечка* * жь ты наша?
 Радыбъ вашець выневолиць,
 Да даремна будзе праца...
 Штожъ намъ робиць, штожъ намъ робиць
 Любешкая сеструнѣчка?
 Думаешъ-жа намъ ня шкодзиць,
 Што цлбе (у насъ) не астанѣнца?..
 Штожъ намъ робиць, штожъ намъ робиць?

(Вотъ ужъ ты, дѣвица, пренебрегла нами, идешь въ домъ мужнина отца; бросаешь мать, которая тебя вскормила: ужъ ты не будешь больше дѣвицей! Не будешь съ нами играть, ни въ церковь Божию ходить: охъ, трудно тебѣ будетъ привыкнуть, переносить обиды отъ чужихъ. Когда поля покроются снѣгомъ, ты не пойдешь съ нами (на посидѣлки) съ пряжею; не будешь пѣть, если на сердцѣ не весело... Въ праздни-ки не станешь съ нами плясать, потому что должна будешь хозяйничать дома и присматривать за малютками дѣтми. Что жъ намъ дѣлать, горемыка ты наша; рады бъ мы тебя избавить (отъ этого горя), да попусту будетъ наше старанье. Что жъ намъ дѣлать, миленькая сестричка? Неужели жъ ты думаешь, что намъ не жаль будетъ, когда тебя не станетъ (у насъ)? Что жъ намъ дѣлать?

Одѣвши невѣсту, боярки вводятъ ее въ комнату, гдѣ матроны са-дятъ ее посреди комнаты на скамьѣ, покрытой ржанымъ снопомъ; у скамьи ставятъ кувшинъ съ водою. Невѣста, вмѣстѣ съ боярками, по-еть къ своей матери:

Съяла *такая-то* долю
 Съдзачи надъ вадою:
 Ой, плыви жь ты, доля, зъ вадою
 Я паплыву зъ табою;
 Тамъ мы адпочнемъ
 Да-й—листь да мамы пошлемъ.
 Най же мама знае,
 Што мяне малу дае,
 Не научивши мяне
 Вселькай работы

* Язюлька, съ чешскаго Zuzulka, собственно значить кукушка; въ переносномъ смы-слѣ—плачущій, горящій неутѣшно, горемыка; а иногда; миленькй, ая, голубушка!..

На адъ пришлай заботы;
 Научаць мяне людзи
 Тагды матцѣ жаль будзе...

(Гадала (такая-то) о своей судьбѣ, сидя надъ водою. Ой, плыви жъ ты, доля, съ водою, и я поплыву съ тобою. Тамъ мы отдохнемъ и письмо къ матери пошлемъ: пусть же мать знаетъ, что она отдастъ меня (другому), не выучивши всякимъ работамъ, чтобъ не было потомъ заботы; научать меня люди, но тогда-то пожалѣетъ меня мать).

Къ этому времени старается пріѣхать женихъ съ боярами: ихъ встрѣчаетъ отецъ невѣсты...

Женихъ-застѣнковецъ обыкновенно надѣваетъ темно или свѣтло-сѣрый (шерачковый) сюртукъ съ талією, отороченною безконечными складками и такіе же панталоны, спущенные поверхъ сапоговъ; сюртукъ большею частью бываетъ испещренъ металлическими пуговицами и кой-гдѣ, особенно на воротникѣ, синими гарусными снурками: шапка или шляпа, какъ выше замѣчено, украшается лентами; шейный платокъ бѣлый.

Вмѣстѣ съ жєніхомъ входятъ, иногда, и отецъ его (если есть). Бояре одѣты почти также, какъ и женихъ, только у нихъ не бываетъ лентъ на шапкахъ; за то всѣ они имѣютъ въ рукахъ по большому красному платку и полотенцу чрезъ плечо: полотенца эти нерѣдко испещряются узорами изъ разноцвѣтной шерсти.

Поѣздъ жениха встрѣчаетъ отецъ невѣсты и вводитъ въ общую комнату, гдѣ гости на время садятся, а невѣста, привставъ съ мѣста, обращается къ своимъ родителямъ съ слѣдующею пѣснью:

Бадечки має родненькіє
 Милые-пригоженькіє!
 Дайце мнѣ каня у возъ,
 Кабъ мяне да шлюбку завезъ, —
 Да на тую гору крутую
 Падъ церкавъ святую,
 Гдзѣ людзи збираютца
 Госпаду Богу кланяютца, —
 Низенька и пакорненька
 Госпаду Богу пріємненька.

(Родные, милые, добрые мои родители! Дайте мнѣ телѣгу и лошадь, чтобъ она завезла меня на ту крутую гору, во святую церковь,

гдѣ люди собираются молиться Господу Богу, молиться искренно и покорно, во славу Божию).

Отецъ невесты встаетъ и, взявъ ее подъ руку, ведетъ на дворъ и сажаетъ въ незапряженную телѣгу; женихъ обязанъ запречь лошадей. Вмѣстѣ съ невестою садятся—сватья и двѣ боярки. Впрочемъ поѣздъ невесты бываетъ на второмъ мѣстѣ: впереди обыкновенно ѣдетъ музыка и играетъ до самой церкви. За невестой ѣдутъ прочія боярки; за боярками остальной поѣздъ женщинъ и мужчинъ стариковъ. Женихъ же и его бояре верхомъ на лошадяхъ скачутъ по сторонамъ поѣзда невесты. Замѣчательно, что и у застѣнковцевъ и вообще у поселянъ бѣлорусскихъ свадебный поѣздъ никогда не ходитъ въ церковь пѣшкомъ, хотя бы церковь отстояла отъ дома невесты на пять шаговъ; для большей торжественности ѣдутъ; нерѣдко тянется до 10 и 15 поѣздовъ. Дома остаются матери невесты и жениха...

Лишь только тронутся съ мѣста телѣги, бояре начинаютъ пѣть:

У недѣлю рана
Мора узыграла,
Дзѣвчина патапала
Свайго атца жадала:
«Гатачка мой любви!
Не дай миѣ утапитца,
Зѣ гетымъ морамъ паплытца.»
— Дачушка мая любя!
Я да вады не смѣю
И плаваць ня умѣю.
У недѣлю рана,
Мора узыграла
Дзѣвчина патапала
Сваей матки жадала:
«Матка мая любая!
Не дай миѣ згинуць

Зѣ гетымъ морамъ плынуць!»
— Дачушка мая любя!
Я да вады ня смѣю,
И плаваць ня умѣю...
У недѣлю рана
Мора узыграла
Дзѣвчина патапала
Свайго милага звала:
«Ой мильжѣ, мой любви!
Не дай миѣ морамъ захлынутца,
На днѣ у моры апенутца.»
— Красачка жѣ ты мая любая!
Да я жѣ вады ня баюся, —
Цябе вызвалю и самъ не утаплюся;
Гдзѣ човенъ и весельце, —
Хадзи сюды мае серце! *

(Въ воскресенье, утромъ, взволновалось море; дѣвица (въ немъ) тонула и такъ умоляла о помощи своего отца: милый мой батюшка! не дай миѣ утонуть, погибнуть въ волнахъ этого моря! (А отецъ въ отвѣтъ): дочка моя милая! я не смѣю подойти къ водѣ, потому что плавать не умѣю. Въ воскресенье утромъ, взволновалось море; дѣвица

* Похожая пѣсня поется при свадьбахъ у сербовъ. Wuk. St. Karadzicz. Pesn. T. I. resp. 101.

тонула (въ немъ) и такъ умоляла мать о помощи: милая моя, матушка! Не дай мнѣ погибнуть въ волнахъ этого моря! А мать въ отвѣтъ: дочка моя милая! Я не смѣю подойти къ водѣ, потому что плавать не умѣю. Въ воскресенье, утромъ море взволновалось, тонувшая дѣвица звала на помощь своего возлюбленнаго: Ой, милый мой! Не дай мнѣ захлебнуться морскою водою. А тотъ отвѣчаетъ, милая моя красавица! Я не боюсь воды, я спасу тебя и самъ не утону. Гдѣ лодка и весло? Ступай сюда, мое сердце).

Во время совершенія брака, бояре и боярки строго наблюдаютъ, чтобъ которое нибудь изъ брачующихся лицъ не подняло руки со свѣчей выше другаго, ибо думаютъ, что тотъ, кто подниметъ руку выше, будетъ первенствовать или командовать въ семейномъ быту. Въ то время, какъ пастырь церкви совершаетъ обрядъ наложенія вѣнцовъ на головы молодыхъ, боярки привѣшиваютъ сзади къ воротникамъ рубашекъ жениха и невесты вѣнки изъ свѣжей зелени (если зимой, изъ засушенныхъ цвѣтовъ, обыкновенно хранящихся въ Бѣлоруссiи въ каждомъ домѣ). По окончанiи брака, бояре снимаютъ эти вѣнки и раздѣляютъ между собою по вѣткѣ на память.

Возвращаясь домой, вся свита свадебная поетъ разныя пѣсни и невеста всякому встрѣчному бросаетъ мѣдныя деньги. Подъѣзжая къ дому невесты, боярки поютъ слѣдующую привѣтную пѣсню вышедшей навстрѣчу имъ матери жениха съ хлѣбомъ солью:

«Адчини мамухна новый дворъ,
 Вотъ табѣ нявѣстка, якъ яворъ.
 Адчини мамухна ваконца,
 Вотъ табѣ нявѣстка, якъ сонца.
 Запали свѣчку, дзяцѣмъ на устрѣчку:
 Першае раджонае, другое сужонае...

(Отвори, мать, новый дворъ, вотъ тебѣ невестка, какъ зеленое деревцо; отвори, мать, окно, вотъ тебѣ невестка, какъ солнце; зажги свѣчку навстрѣчу дѣтямъ, изъ коихъ одно родное, а другое суженое).

У дверей дома свиту встрѣчаетъ мать невесты съ зажженною восковою свѣчей, и взявъ жениха и невесту подъ руки, проводитъ въ комнату и усаживаетъ за столomъ, гдѣ помѣщаются и гости. Затѣмъ слѣдуютъ угощенія и пляски подъ музыку.

Ровно въ полночь, матроны стараются почти насильно увести невесту въ особую каморку и тамъ надѣваютъ ей на голову *чепецъ*, нерѣдко дѣлаемый изъ богатой старосвѣтской парчи. Когда введутъ ее въ

общую гостиную, она снимаетъ съ головы чепецъ; но на мѣсто его тотчасъ надѣваютъ замужнія женщины другіе чепцы, нарочно для этого случая пригвоенные, въ видѣ подарковъ. Невѣста поочередно снимаетъ ихъ и прячетъ; наконецъ подходит женихъ и собственноручно надѣваетъ чепецъ изъ какой-нибудь дорогой матеріи съ галунами, и тогда невѣста не смѣетъ уже снять его...

Въ такомъ видѣ невѣста кланяется на всѣ стороны; замужнія женщины подходятъ къ ней и каждая, поочередно, должна сдѣлать одинъ туръ танца, извѣстнаго подъ именемъ *очѣннаго*, получившаго очевидно свое названіе отъ *оченингъ*, т. е. надѣванія чепца.

Наконецъ, когда всѣ натѣшатся весельемъ, невѣста подходитъ поочередно къ каждому изъ гостей и съ низайшимъ поклономъ говоритъ: «Заставайцеса зъ Богомъ!» т. е. оставайтесь съ Богомъ, или что то же, прощайте. Это значитъ: можете веселиться безъ меня, или ступайте спать!..

На другой день у дверей *каморки* молодыхъ гремитъ музыка *надзень добры*, а бояре и боярки поютъ пѣни до тѣхъ поръ, пока наконецъ не выйдетъ молодой, который обязанъ при этомъ обдарить ихъ, равно какъ и музыкантовъ деньгами (хоть по копѣйкѣ). Когда выйдетъ молодой, матроны и всѣ замужнія женщины бѣгутъ въ каморку къ молодой, и чрезъ нѣсколько минутъ выводятъ ее, въ сопровожденіи музыки, въ гостиную, въ томъ самомъ чепцѣ, который подарилъ ей женихъ... Тутъ начинаются пляски...

Случается иногда, что невѣсту выводятъ въ старомъ платкѣ, но въ такомъ случаѣ пляски не бываетъ...

КОРАЛЛОВЫЙ БРАСЛЕТЪ.

Повѣсть Амедея Ашара.

I.

Если кто-нибудь проѣзжалъ, лѣтъ за двадцать по берегамъ изви-
листой Геи, что въ Менской провинціи, тотъ конечно былъ пораженъ
дикостью страны и безмолвнымъ величіемъ дремучихъ лѣсовъ и сте-
пей, не оглашаемыхъ ни малѣйшимъ шумомъ. Степенные, бурые волны
наслись на свободѣ, и многочисленныя стада барановъ отдыхали на при-
вольныхъ лугахъ, подъ защитою поджарыхъ сторожевыхъ собакъ. Не
было видно ни одного земледѣльца въ полѣ, ни одного разнощика на
проселочной дорогѣ, ни одной прачки у берега ручья. Небольшія струи
голубаго дыма клубилась изъ соломяныхъ крышъ бѣдныхъ домиковъ,
осѣненныхъ каштанами. Мѣстами старые пастухи, сгорбившись отдыха-
ли въ тѣни деревь. По мѣрѣ приближенія къ косямъ земли, образуе-
мой теченіемъ рѣкъ Геи и Сарты, къ печальному чувству, внушаемому
скучною мѣстностью, присоединялось безпокойство. При малѣйшемъ шу-
мѣ на дорогѣ, изъ оконъ разбросанныхъ хижинъ выглядывали боязли-
вые поселяне. Ружья, составленныя въ козлы, блестѣли между кустар-
никами, и часовой мѣрнымъ шагомъ ходилъ у раскинутыхъ палатокъ.

Это было въ Сентябрь, 1831 года; всѣ селенія западной Франціи
были поражены страхомъ.

Нѣсколько стычекъ происходило въ этой части департамента Сар-
ты, и многія жилища въ лѣсахъ Вадръ и Грандъ-Шармъ были лише-
ны своихъ обитателей. Носясь слухъ, что двѣнадцать шуановъ (такъ
назывались приверженцы французскаго короля), избѣгнувъ пораженія,
скрылись въ лѣсахъ, находящихся между Геею и Сартою; но такъ какъ
ихъ преслѣдовали стрѣлки и національные гвардейцы Лазюда, Нойена

и Шатене, то всѣ жители съ часу на часъ ожидали извѣстiя о ихъ смерти или плѣнѣ.

На этой косѣ возвышался замокъ Балестрасъ, обширное ветхое зданiе, отражавшее свои сѣрыя стѣны въ чистыхъ, голубыхъ водахъ Гей и Сарты. Столѣтнiя деревья огромнаго распущеннаго парка соединялись съ густымъ лѣсомъ, находящимся на равнинѣ, а за песчаными берегами рѣкъ простирались необработанныя степи, которыя сливались съ горизонтомъ. На концѣ полуразрушенной длинной галереи, на самомъ берегу Сарты, видѣлись сѣрыя, поросшія мохомъ стѣны павильона, кровля котораго была покрыта дерномъ и обвита плющемъ.

Въ то время, когда часовые перекликались у воротъ замка, двѣ женщины тихо разговаривали въ большой комнатѣ, окна которой выходили въ паркъ. Одна изъ нихъ сидѣла въ креслѣ противъ камина, нылаваго яркимъ огнемъ, не смотря на прекрасное время года. Она была блѣдна, и худощавая ея рука, закрытая роскошными прядями каштановыхъ волосъ, поддерживала прекрасную головку, напоминавшую фигуры Тони. Другая женщина, въ одеждѣ поселянки, стояла на балконѣ замка.

Въ это время, посреди всеобщей тишины раздался крикъ ночной совы; часовой машинально поднялъ голову и взглянулъ на столѣтнiе дубы; молодыя женщины затрепетали. «Онъ ли это?» спросила женщина, сидѣвшая въ креслахъ; щеки ея въ эту минуту покрылись яркимъ румянцемъ.

— Онъ, сударыня! и это также вѣрно, какъ то, что каждая Вандеянка можетъ узнать призывъ брата въ крикѣ ночной совы, отвѣчала поселянка, взоры которой блестѣли яркимъ огнемъ.

Госпожа встала съ креселъ и дрожащею рукою облокотилась на окно; смертельная блѣдность заступила мѣсто яркаго румянца, грудь ея высоко вздымалась, и глаза наполненные слезами, блестѣли лихорадочнымъ огнемъ. Нѣсколько минутъ глядѣла она на лѣсъ, озлащенный послѣдними лучами заходящаго солнца.

— Ты говоришь что онъ тамъ! вскричала она, схвативъ за руку молодую поселянку.

— Да, онъ тамъ, и притомъ такъ близко, что его жизнь находится въ опасности отъ каждаго мародера, который наткнется на кустъ, служащій ему убѣжищемъ; капитанъ Жоржъ скрывается, когда онъ находится такъ близко отъ Балестраса.

— Но чтожъ ты хочешь, чтобъ я сдѣлала? судорожно сказала дама.

— Спасти его... спасти сегодня вечеромъ! завтра можетъ быть будетъ поздно! завтра все будетъ потеряно.

— Потеряно! вскричала ея собесѣдница съ волненіемъ; потомъ съ грустью возразила: «Нѣтъ, Пьеретта, Богъ сохранитъ виконта.»

— О! сударыня, сказала Пьеретта, взявъ свою госпожу за руку: я увѣрена, что вы примете участіе въ добромъ дѣлѣ. Тотъ, который будетъ захваченъ, вѣдь это графъ Жоржъ де Вибре... Вѣдь онъ всегда любилъ васъ... и вы сами, сударыня...

— Молчи... молчи! .. ради самого неба замолчи! вскричала женщина съ темными волосами, задыхаясь отъ волненія. Тогда я была Луиза Пирмилъ, я могла любить его безъ угрызений совѣсти, а теперь я ношу имя другаго, я принадлежу другому, и ты спрашиваешь люблю ли я его еще?

Вдали раздалось нѣсколько ружейныхъ выстрѣловъ. Обѣ женщины переглянулись и бросились къ балкону. Облака бѣлаго дыма разстлались надъ опушкою лѣса, на берегу Геи. Огоньки блестя между вѣтвями, а громъ выстрѣловъ грохоталъ въ равнинѣ. Барабанъ пробилъ тревогу, солдаты бросились къ оружію, и вскорѣ нѣсколько всадниковъ поскакали къ той части лѣса, гдѣ происходила перестрѣлка. Они уже скрывались изъ виду, какъ вдругъ легкій стукъ въ двери заставилъ молодыхъ женщинъ оглянуться. Дверь тихо скрипнула, и въ комнату вошелъ старикъ лѣсничій.

— Что поваго, Жеромъ? вскричала Пьеретта, Расскажи поскорѣе, голубчикъ!

Луиза не сказала ничего, но взоры ея, обратившіеся на лѣсничаго, лучше словъ выражали тоску.

— Молодцы тамъ надѣлали шуму, сказалъ Жеромъ; да ихъ порохъ развѣ только дроздовъ испугаетъ ..

— Мы слышали тревогу, прервала Пьеретта, но также какъ ты не видали проходившаго; не знаешь ли ты, гдѣ начальникъ?

— Да быть можетъ онъ и недалеко.

— Такъ это онъ, не болѣе какъ часъ назадъ, сзывалъ свистомъ своихъ шуановъ?

— Легко можетъ статья... я его видѣлъ.

— Ты видѣлъ его? прошептала Луиза, изнемогая отъ волненія.

— Когда ходишь по лѣсу, то часто случаются странныя встрѣчи, сказалъ Жеромъ, придвигая свои мокрые штиблеты къ пылающему камину. Я проходилъ паркомъ; надъ моею головой прокричала сова. Хорошо, думаю, здѣсь долженъ быть кто-нибудь изъ нашихъ. Началъ я осматриваться, да и замѣтилъ что одинъ кустарникъ тихонько качается передо мною. Я къ нему... смотрю сперва нѣтъ ли гдѣ засады... нѣтъ...

Ну, изъ вѣтвей вышелъ человѣкъ, одѣтый въ звѣриныя шкуры, это былъ г. де-Вибре.

— Что онъ тебѣ сказалъ? живо спросила его Пьеретта.

— Да что... когда тутъ толковать—то было... Онъ толкнулъ меня, этакъ... Жеромъ, говоритъ, ты можешь оказать мнѣ услугу, я надѣюсь, что ты ее окажешь: возьми вотъ и отдай своей госпожѣ. Вынеси изъ кустарника записочку да и отдай мнѣ. Извольте получить, сударыня!

Съ этими словами лѣсничій подалъ госпожѣ Шампро записку, которую она взяла съ замѣшательствомъ.

Дрожащими руками развернула она бумажку, и едва могла разобрать нѣсколько строкъ; написанныхъ карандашомъ. Такъ велико было ея волненіе.

«Если осталось для г-жи Шампро какое-нибудь воспоминаніе о прошедшемъ времени, говорила записка, то именовъ ея отца—вандейца, именовъ бѣдныхъ людей, преданныхъ мнѣ, и надѣющихся только на меня, я прошу у нея, какъ милости, принять меня къ себѣ хоть на одну минуту. Она одна можетъ спасти насъ.

Виконтъ Жоржъ-де-Вибре.»

Луиза передала записку Пьереттѣ, которая быстро пробѣжала ее глазами.

И такъ, сударыня, сказала она, взглянувъ на свою госпожу съ выраженіемъ глубокой горести.

— И такъ, вскричала Луиза съ волненіемъ, теперь не скажутъ, что дочь маркиза Пирмиль постыдно покинула вандейца, просившаго у нея помощи. Ступай, Жеромъ, приведи виконта де-Вибре.

Пьеретта взяла руку своей госпожи и поднесла ее къ своимъ губамъ; на загорѣломъ лицѣ лѣсничаго живо выразилось умиленіе.

— О! да благословитъ васъ Богъ! вскричала Пьеретта.

Луиза почувствовала, что двѣ крупныя слезы скатились на ея руку.

— Ты меня слышалъ, возразила Луиза, ступай скорѣе, уже становится темно; но въ особенности берегись, чтобъ какой-нибудь часовой не примѣтилъ васъ, когда вы будете входить по парку.

— Вѣдь старый Жеромъ не вѣтренникъ, сказалъ лѣсничій, знаетъ онъ всѣ потайныя уголки... Мы сдѣлаемъ какъ поцѣль сюда по галереямъ флигеля, примыкающаго къ павильону.

Съ этими словами лѣсничій удалился.

— Я знала, что вы были всегда вандеянкою, сказала Пьеретта, поднявъ на Луизу свои большіе черные глаза.

Объ онѣ вышли на балконъ и увидѣли Жерома, который безопасно

закинувъ ружье за плечо шелъ по парку, но не замѣтили человѣка, который, пробираясь между кустарниками, слѣдовалъ за лѣсничимъ. Скоро оба скрылись въ густой чащѣ лѣса, гдѣ сумерки уже набросили свой таинственный покровъ. Прошелъ цѣлый часъ мучительныхъ ожиданій; обѣ женщины поминутно переглядывались и прислушивались къ малѣйшему шуму. Кругомъ все было тихо; онѣ даже слышали бѣненіе своего сердца. Вдругъ въ галереѣ раздался легкій стукъ; обѣ женщины прижалась другъ къ другу и схватились за руки. Звучное эхо замка повторяло шумъ шаговъ, осторожно направляемыхъ по паркету; вскорѣ въ полу-отворенныхъ дверяхъ показался Жеромъ съ фонаремъ въ рукахъ, а за нимъ обрисовалась фигура охотника.

Госпожа Шампро, блѣдная какъ мраморъ, хотѣла встать, и упала поблѣдивъ на свое кресло. Пьеретта дрожала всѣмъ тѣломъ, и чтобъ не упасть, уперлась на высокую спинку кресель.

— Войдите, сказала Жеромъ охотнику: я былъ увѣренъ, что солдаты не увидятъ даже нашихъ слѣдовъ.

При этихъ словахъ въ комнату вошелъ охотникъ; его лице, хотя загорѣлое и истомленное тревогами, носило отпечатокъ храбрости и благородства; длинный охотничій ножъ былъ заткнутъ у него за поясомъ. Не смотря однако на грубость его одежды, состоявшей изъ звѣриныхъ кожъ и толстаго сукна, можно было замѣтить стройность его стана и изящныя манеры.

— Пьеретта, сказала лѣсничій, взявъ за руку молодую дѣвушку, посмотри—ка кто пришелъ повидаться съ вами.

Пьеретта подняла голову, и увидѣла поселянина, который неподвижно стоялъ у дверей, опершись своими грубыми руками на дуэтовольное ружье.

— Алекси! братъ! вскричала молодая дѣвушка и бросилась въ объятія шуана.

Этотъ крикъ прекратилъ смущеніе Луизы; она встала и встрѣтила Вибре съ трогательнымъ достоинствомъ.

Виконтъ поклонился ей. По быстрому измѣненію его лица можно было понять какъ велико его смущеніе; видъ Луизы возвратилъ всѣ силы его любви, которую не изгладили тревоги мучительной жизни; ты сячи пріятныхъ воспоминаній возникли въ его головѣ. Эти воспоминанія только печалили его, потому что напоминали то время, когда надежда благотворнымъ лучемъ освѣщала путь его жизни; при первомъ взглядѣ, брошенномъ на него Луизою, прошедшее радушно и ярко обрисовалось предъ его глазами.

Молодая женщина поняла какія мысли волновали душу виконта: сердце напоминало ей почти тоже самое.

Она встала и съ достоинствомъ претянула ему руку.

— Жоржъ, сказала она ему, не допустите упасть вашему мужеству при воспоминаніи времени, о которомъ я не должна теперь и думать. Такъ было угодно Богу; покоритесь Его волѣ, подобно мнѣ, и оба будемъ исполнять свои обязанности.

— Жоржъ! вы меня призывали на помощь, вскорѣ возразила Луиза твердымъ голосомъ, что же я могу вамъ сдѣлать?

— Вы можете спасти насъ, отвѣчалъ Вибре. Вы знаете, что мы окружены превосходными силами; воды Ген и Сарты заперли насъ въ узкое пространство земли, замыкающееся замкомъ Балестрасъ. За паркомъ на Сартѣ находится бродъ; если бъ сегодня ночью мы успѣли переправиться черезъ рѣку безъ вѣдома полковника, то непременно нашли бы себѣ вѣрное убѣжище въ Водрскомъ лѣсу. Но чтобъ попасть къ броду, намъ необходимо пужно пройти старые сады, находящіеся около павильона, въ которомъ вы можете отворить двери, потому что въ той сторонѣ нѣтъ ни одного часоваго. Еще сегодня вечеромъ я сдѣлалъ ложное нападеніе изъ опушки лѣсовъ, покрывающихъ берега Ген, съ намѣреніемъ отвлечь вниманіе и приманять на мои слѣды лучшую часть войскъ. Замокъ останется безъ защиты, и мы навѣрно будемъ спасены, если только вы намъ поможете.

— Я вамъ это обѣщала, возразила Луиза, и будьте увѣрены, что сдѣлаю; но въ свою очередь дайте мнѣ обѣщаніе. Теперь вы видите, что мои услуги надобно вознаграждать, а потому не благодарите меня за нихъ. Дайте мнѣ честное слово благороднаго человѣка, что укрываясь въ Водрскомъ лѣсу, вы прекратите бесполезную борьбу.

— Но что жъ вы хотите изъ меня сдѣлать, когда я вложу свою шпагу въ ножны! вскричалъ съ жаромъ молодой человѣкъ.

Луиза затрепетала при звукахъ этого голоса, но поспѣшила отвѣчать, чтобъ скрыть свое смущеніе.

— Зачѣмъ сражаться, когда успѣхъ невозможенъ? сказала она.

— Неужели вы думали, что я надѣялся на побѣду, когда взялся за оружіе?

Луиза чувствовала, что силы ея оставляютъ; вдругъ подъ окномъ послышался сильный шумъ отъ стука тяжелыхъ ружейныхъ прикладовъ.

Пьеретта и Жеромъ бросились къ окну; при ясномъ свѣтѣ луны, которая серебрилась, какъ полированный клинокъ дамасской сабли, блестяли штыки часовыхъ, разставленныхъ у опушки парка; нѣсколько стрѣлковъ, подъ командою офицера, расположились у главныхъ воротъ замка; полковникъ, сопровождаемый человѣкомъ въ охотничьемъ платьѣ,

сошелъ съ лошади на дворѣ замка, на минуту остановился, чтобъ раздать приказанія, и вскорѣ три жандарма понеслись галопомъ къ лѣсу — замокъ окруженъ! вскричалъ Жеромъ, бросаясь назадъ. Здѣсь есть шпионы.

Луиза и Пьеретта поблѣднѣли какъ смерть. Посреди глубокой тишины, на лѣстницѣ, ведущей изъ нижняго этажа въ комнаты полковника, послышался шумъ шаговъ, вскорѣ паркетъ закрипѣлъ подъ сапогами и послышалось бряцанье шпоръ.

Жоржъ вполонину обнажилъ свой охотничій ножъ; Алексѣ бросился къ своему ружью.

— Бѣгите! Бѣгите! вскричала Луиза, поблѣднѣвъ отъ испуга.

— Бѣжать, когда тамъ находится мой врагъ! отвѣчалъ Жоржъ голосомъ, дрожащимъ отъ гнѣва и ненависти.

— Не этотъ врагъ мой мужъ, полковникъ Шампро; хотѣла ли я дать убѣжище его убійцѣ?

Голосъ и взглядъ Луизы обезоружили Жоржа; ножъ, вынутый имъ, скрылся въ кожаныхъ ножнахъ.

— Жоржъ, возразила Луиза, Жоржъ, изъ жалости ко мнѣ, бѣгите! Если здѣсь прольется кровь, чья бы она ни была, неужели вы думаете, что она не нарушитъ спокойствія всей моей жизни!

Виконтъ поцѣловалъ руку Луизы и скрылся съ Алексѣ и Жеромомъ въ потайную дверь, закрытую обоями; въ это самое время дверь комнаты Луизы отворилась. Луиза почти безъ чувствъ упала въ кресла.

Полковникъ Шампро вошелъ съ молодымъ человѣкомъ высокаго роста и прекрасной наружности. Этотъ молодой человѣкъ былъ одѣтъ въ щегольское охотничье платье и держалъ въ рукахъ превосходное двустольное ружье.

Луиза не могла скрыть своего ужаса, увидѣвъ этого молодаго человѣка, который быстрымъ взглядомъ окинулъ всю комнату; когда полковникъ поцѣловалъ руку своей жены, онъ неспрѣмѣтно улыбнулся и, ловко поклонившись, отошелъ къ дверямъ, возлѣ которыхъ стоялъ бригадиръ съ тремя жандармами.

Увидѣвъ желтые мундиры, Луиза переглянулась съ Пьереттой.

— Простите меня, милый другъ, сказалъ ей полковникъ, что я такъ невѣжливо нарушилъ спокойствіе вашего уединенія, исполняя свой долгъ.

— Мнѣ бы оставалось только поблагодарить васъ, если вы были одни, отвѣчала Луиза, бросивъ на охотника значительный взглядъ; но признаюсь вамъ, эти военныя приготовленія нѣсколько испугали и удивили меня.

— Но если вы теперь уже встревожены, что же вы скажете, когда узнаете, что я намѣренъ съ этими солдатами сдѣлать обыскъ въ моемъ домѣ?

— Обыскъ въ домѣ! вскричала Луиза, по лицу которой распространилась смертельная блѣдность.

— Клянусь вамъ, что прежде я и самъ совсѣмъ не думалъ объ этомъ.

— Кто же могъ подать вамъ такую мысль?

— Мой другъ Филиппъ Казаль, отвѣчалъ полковникъ, обратившись къ охотнику.

— А! такъ это г. Казаль предложилъ сдѣлать вамъ обыскъ у себя въ домѣ, возразила Луиза.

— Я долженъ былъ это сдѣлать, сказала охотникъ, смѣло выдерживая презрительный взглядъ Луизы. За часъ предъ этимъ одинъ изъ моихъ стражей, Ноэль, проходя паркъ, замѣтилъ двухъ шуановъ, которые шли къ замку, пробираясь между кустарниками. Выстрѣлы отвлекли стрѣлковъ отъ Балестраса; Ноэль былъ одинъ съ дряннымъ ружьемъ, шуаны были вооружены съ головы до ногъ, и потому онъ только слѣдовалъ за ними, также скрываясь въ кустарникахъ. Оба шуана прошли въ замокъ по галереямъ, они еще здѣсь, потому что въ противномъ случаѣ онъ бы далъ знать выстрѣломъ. Въ это время проходилъ жандармъ; Ноэль поручилъ ему разсказать мнѣ о видѣнномъ, а я сообщилъ это вамъ, полковникъ.

— И хорошо сдѣлали, вскричалъ полковникъ: эти люди, конечно, изъ моей шайки, которую мы преслѣдуемъ; взятіе этихъ двухъ поможетъ намъ заматить всѣхъ остальныхъ безъ боя. Но послушайте, прибавилъ онъ голосомъ болѣе нѣжнымъ, вы вандеянка и не можете отказаться отъ того, что питаете большое участіе къ шуанамъ; они, я думаю, это знаютъ, и можетъ быть, тѣ, которыхъ видѣлъ Ноэль, пришли просить у васъ убѣжища. Если вы ихъ приняли, то повѣрьте, Луиза, даю вамъ обѣщаніе, что я употреблю всѣ средства, находящіяся въ моихъ рукахъ, для ихъ спасенія.

Луиза тряслась всѣмъ тѣломъ; если бѣ они были одни, она призналась бы во всемъ полковнику, но здѣсь находился Филиппъ Казаль, и притомъ шуанъ, котораго должно было выдать, былъ Жоржъ де Вибре. Она не сказала ни слова.

— Я не оставляла барыню ни на минуту, отвѣчала рѣшительно Пьеретта, и не видала никого; Ноэль ошибается.

— Это можетъ быть, холодно отвѣчалъ Филиппъ, но намъ легко будетъ удостовѣриться въ этомъ; и если полковникъ позволитъ, то я осмотрю замокъ съ четырьмя находящимися здѣсь жандармами.

— Напрасно! вскричалъ Жоржъ де-Вибре, показавшись въ расворенныхъ дверяхъ.

Тщетно шуанъ съ Жеромомъ пытался выйти изъ замка, все выходы были охраняемы; понявъ наконецъ, что уже нельзя было надѣяться на спасеніе, онъ возвратился въ комнату Луизы.

При появленіи Жоржа, ужасный крикъ вырвался изъ груди Луизы; полковникъ взялся за рукоятку своей шпаги, а жандармы бросились къ оружію. Одинъ только Филиппъ остался неподвиженъ; онъ улыбался, опершись руками на ружье.

— Мы ваши плѣнники, сказалъ Вибре полковнику, отдавая ему свою шпагу. А вы, милостивый государь, сказалъ онъ, обращаясь къ Филиппу, благодарите Бога, что остались живы; еслибъ вы не были подъ кровлею великодушной женщины, которая хотѣла спасти насъ, то прежде чѣмъ отдать мою шпагу, я всадилъ бы вамъ ее въ грудь.

— Какъ угодно, но только не прежде меня! вскричалъ Алексі: моя пуля должна была бы раздробить черепъ этого еоглядатая.

Легкая блѣдность покрыла надмѣнное лице Филиппа, гнѣвъ заблисталъ въ его глазахъ, но не пошевельнулся ни одинъ мускулъ.

— Вы оскорбляете меня, отвѣчалъ онъ, и если будете оправданы судомъ, мы встрѣтимся со шпагами въ рукахъ.

Полковникъ сдѣлалъ знакъ жандармамъ, чтобъ они приблизились, какъ вдругъ къ нему бросилась Пьеретта.

— Если вы сколько нибудь имѣете жалости къ бѣдной дѣвушкѣ, которую война сдѣлала круглою сиротой, вскричала она, обнимая его колѣна, то не будете причиною смерти моего брата, моего единственнаго брата, котораго до-сихъ-поръ щадилъ пули вашихъ солдатъ.

— Твой братъ здѣсь, сказалъ полковникъ растроганнымъ голосомъ, о! клянусь тебѣ спасти его, если только можно. Который же изъ двухъ твой братъ?

— Вотъ онъ, сказала Пьеретта, и блѣдная, какъ смерть, она положила руку на плечо Жоржа.

— Пьеретта! вскричалъ капитанъ, и хотѣлъ уже объявить всю правду, какъ вдругъ чья-то холодная рука схватила его руку.

— Алексі будетъ непременно спасенъ, тихо сказала ему Луиза.

— Кто же этотъ другой? спросилъ полковникъ, который, зная благосклонность своей жены къ семейству Пьеретты, не обратилъ вниманія на движеніе Луизы. Жеромъ, который въ это время успѣлъ проскользнуть въ комнату, подошелъ къ полковнику.

— Это мой племянникъ, смѣло сказалъ онъ, шалуни, который

шляется по лѣсамъ подѣ предлогомъ, что ему не подѣ-силу, видите, таскать пятифунтовое ружье...

— Такъ онѣ и выбралѣ двуствольное, возразилѣ полковникѣ съ улыбкой; я поручаю тебѣ твоего брата, сказалѣ онѣ, обращаясь къ Пьереттѣ, ты мнѣ за него отвѣчаешь. Твоего же племянника, Жеромѣ, мы завтра отправимѣ въ Менѣ, а покаместѣ запри его въ нижней залѣ замка.

— Онѣ тамѣ долго не останется, сказалѣ просебя Жеромѣ.

— Я поѣду къ берегамѣ Гей посмотрѣть разставленные караулы, возразилѣ полковникѣ; и съ разсѣтомѣ дня послѣдняя схватка доставитѣ въ наши руки послѣднихѣ шуановѣ.

Вѣ то время какѣ Жоржѣ вырывался изѣ объятій Пьеретты, Филиппѣ подошелѣ къ Луизѣ.

— Не кажется-ли вамѣ, тихо сказалѣ онѣ ей, что братецѣ, котораго Пьеретта спасла такѣ великодушно, походить на Виконта Жоржа-де-Вибре, я постараюсь объяснить свое недоразумѣние, и поговорю объ этомѣ съ полковникомѣ.

— Молчите! пробормотала Луиза почти виѣ себя отѣ страха.

II.

Оставимѣ на нѣсколько минутѣ Жоржа, запертаго въ кабинетѣ подѣ надзоромѣ Пьеретты, оглянемся назадѣ, и расскажем предшествовавшя событjя, которыя послужатѣ къ объясненjю характера и взаимнаго отношенjя героевѣ нашей повѣсти.

Вѣ 1830-мѣ году Ари Шампро, полковникѣ легкой пѣхоты, поселился по близости Нойѣна на Сартѣ. Опасно раненый въ сраженjи при Стадели въ Алжирѣ, онѣ не могѣ продолжать своей службы и вышелѣ въ отставку.

Можетѣ быть, онѣ бы позже покинулѣ военную службу, еслибѣ не былѣ увлеченѣ чувствомѣ гораздо сильнѣйшимѣ склонности къ военному ремеслу. Полковнику было съ небольшимѣ 45 лѣтъ; не смотря на свои раны и тревоги военной жизни, онѣ былѣ еще бодрѣ и свѣжѣ. Состоянjе его, которое досталось ему по наслѣдству отѣ отца, генерала временѣ имперjи, было довольно значительно.

Онѣ находился въ затрудненjи куда ему употребить свои деньги, какѣ однажды, во время поѣздки своей къ прежнему товарищу по службѣ, онѣ случайно встрѣтилѣ дѣвицу де-Пирмилѣ. У полковника не было родныхѣ, онѣ еще въ ранней молодости покинулѣ родной городѣ, и поэтому ему было рѣшительно все равно гдѣ ни жить. Дѣвица де-Пир-

милъ понравилась ему съ перваго взгляда, и желая поселиться въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ жилъ предметъ его любви, онъ купилъ замокъ и большія помѣстья, находившіяся въ двухъ миляхъ отъ Нойэна по близости Бале-страса, въ которомъ жилъ маркизь де-Пирмиль съ своею дочерью. Не надобно удивляться такой быстрой перемѣнѣ чувствъ полковника Шамиро въ томъ возрастѣ, когда воображеніе уже остыло, а сердце защищено противъ того, что наши предки такъ краснорѣчиво называли, на своемъ мифологическомъ языкѣ, стрѣлами Амура. Занятія по службѣ и врожденная застѣнчивость не позволяли ему посвящать много времени на любовныя интриги, такъ что его разсудокъ сохранилъ всю свѣжесть своихъ впечатлѣній. Притомъ извѣстно, что нѣтъ ничего невозможнаго для пары чудныхъ глазъ.

Когда полковникъ поселился въ Нойэнѣ, дѣвицѣ де Пирмиль или просто г-жѣ Луизѣ, какъ ее называли всѣ поселяне, было 20 лѣтъ, но по ея веселому игривому нраву и по наивности ея характера ей нельзя было дать болѣе 16. Въ сопровожденіи Пьеретты, ея молочной сестры, расхѣвая свободною птичкой, она гуляла по полямъ, не смотря ни на какую погоду. Обыкновенно она носила съ собою запасъ мелкой монеты, которую раздавала бѣднымъ. Когда кошелекъ ее истощался, тогда всѣхъ, которымъ не могла ничего дать, она вела въ замокъ, предлагая руки старымъ женщинамъ и ведя съ собою дѣтей. Полковникъ однажды видѣлъ ее, когда она шла по дорогѣ въ замокъ съ дюжиною малютокъ, уцѣпившихся за ея платье. Когда Луиза уставала, или когда ей хотѣлось кушать, она входила въ первый попавшійся на дорогѣ домъ, и была ли то ферма арендатора, или хижина дровосѣка, она была увѣрена въ радушномъ приѣмѣ. Естественнo, что съ такимъ характеромъ и съ такими привычками она была обожаема всездѣ, куда доходилъ слухъ о ея благотворительности.

Прошло уже пять лѣтъ, какъ Пирмиль взялъ свою дочь изъ монастыря послѣ смерти своей жены, желая разсѣять нѣсколько скуку своего одиночества. Занятый спекуляціями, предпринятыми имъ съ цѣлью поправить свое разстроенное состояніе, онъ предоставилъ ей во всемъ полную свободу, и поставилъ ей какъ будто въ обязанность заниматься домашнимъ хозяйствомъ и забавлять его по вечерамъ своею веселой болтовней. Сверхъ того, старый маркизь содѣйствовалъ съ великодушною щедростію неперснраемой добротѣ своей дочери, которая живя вдали отъ свѣта, никогда не знала бы печали, еслибъ кошелекъ ея не пустѣлъ по временамъ.

Въ это-то время Пьеретта, которую она нѣжно любила, поселилась у нея въ замокъ и сдѣлалась въ одно и тоже время ея подругою, горничною и повѣренною.

Когда Луиза, еще не вышедшая изъ монастыря, проводила лѣто въ Балестрафъ, она встрѣчала тамъ очень часто *одного* молодого человека, котораго называла Жоржемъ, также какъ онъ называлъ ее Луизой. Оба они проводили время въ отыскиваніи птичьихъ гнѣздъ, въ ловлѣ рыбы при берегахъ рѣкъ и въ прогулкахъ по полямъ. Когда Луиза возвратилась въ замокъ, чтобъ никогда болѣе не оставлять его, она нашла тамъ Жоржа, который вмѣстѣ съ своимъ отцемъ виконтомъ де Вибре, жилъ по близости Балестраса въ околоткѣ Сень-Жанъ де-Дуа; прогулки начались снова, они и не замѣтили, какъ любовь поселилась въ ихъ сердцахъ; чрезвычайно наивно открылись они другъ другу въ этомъ чувствѣ и поклялись не принадлежать никому другому. Въ этотъ день Жоржъ надѣлъ на нѣжную руку Луизы коралловый браслетъ, полученный имъ отъ матери, а Луиза, поцѣловавъ его въ лобъ, почувствовала, что сердце у нея сильно забилося. Не смотря на то, что въ этой любви заключалась вся нѣжность любовниковъ, она была чиста, какъ любовь дѣтей. На другой день послѣ этого замѣтили, что Пьеретта была ужасно блѣдна.

Вскорѣ Жоржъ долженъ былъ отправиться въ Парижъ вмѣстѣ съ своимъ отцемъ, который получилъ мѣсто у министра иностранныхъ дѣлъ, а Луиза осталась въ мирной деревнѣ съ своею Пьереттою и пріятными воспоминаніями прошедшаго.

Въ сосѣдствѣ жилъ одинъ молодой человекъ, имѣвшій, по словамъ нѣкоторыхъ, отъ 60 до 80 тысячъ франковъ годоваго дохода. Луиза часто встрѣчала его въ своихъ прогулкахъ, и хотя Филиппъ Казаль (это было имя молодого человека) былъ очень красивъ и статенъ, онъ ей не нравился. Тщетно старалась она преодолѣть это отвращеніе, которое переходило даже въ антипатію, впрочемъ возникшую безъ всякой причины; все ея старанія только усилили это, почти магнитическое чувство.

Можетъ быть, причиною этой антипатіи было происхожденіе Филиппа и рассказы объ этомъ происхожденіи, слышанные Луизою въ дѣтствѣ и какъ нельзя лучше сохранившіеся въ ея памяти. Филиппъ Казаль былъ сынъ одного изъ тѣхъ людей, которые, пользуясь переворотами 1793 года, вдругъ обогатились на счетъ дворянства, скушивъ по ничтожной цѣнѣ имѣнія, конфискованныя въ слѣдствіе эмиграціи. Одно изъ этихъ имѣній принадлежало нѣкогда аббатству, разрушенному до основанія революціонерами; другое—дворянину, который былъ господиномъ и благодѣтелемъ его отца, и все это наслѣдство тяготѣло надъ главою Филиппа какъ проклятіе, потому что онъ жилъ въ сторонѣ, гдѣ весьма почитаются преданность и благородство.

Напрасно старался онъ стряхнуть тяжесть этого проклятаго наслѣд-

ства; съ самой колыбели его звали сыномъ грабителя, и это имя преслѣдовало Филиппа, хотя не произносили вслухъ, опасаясь его могущества, но повторяли шепотомъ.

Въ дѣтствѣ у него не было товарищей, въ юности друзей. Поселяне постоянно избѣгали встрѣчи съ нимъ. Съ юныхъ лѣтъ его характеръ получилъ мрачное направленіе, скоро превратившееся въ ненависть. Филиппъ ненавидѣлъ всѣхъ. Одна только женщина составляла исключеніе этого чувства, увеличивавшагося съ каждымъ днемъ; при каждой встрѣчѣ съ Луизою, Филиппъ все болѣе и болѣе прельщался ея прелестями. Но когда онъ возвратился изъ реннского коллегіума, по окончаніи курса наукъ, Луиза любила уже Жоржа, и влюбленный Филиппъ, гуляя по полямъ, часто заставлялъ ихъ сидящихъ на берегу ручейка рука въ руку и говорящихъ въ полголоса, не смотря на то, что они были совершенно одни; все это совершенно увѣрило его въ томъ, какое чувство питали другъ къ другу молодые люди. Безотчетная злоба къ Вибре вспыхнула въ его сердцѣ, и онъ желалъ, чтобы судьба поставила его противъ Жоржа съ оружіемъ въ рукахъ. Но Жоржъ уѣхалъ прежде чѣмъ представился подобный случай.

Черезъ годъ съ небольшимъ послѣ отъѣзда Виконта, пронесся слухъ, что маркизу де Пирмиль угрожало совершенное разореніе; неудачныя спекуляціи разстроили его состояніе, уже и безъ того незначительное. Филиппъ Казаль думалъ, что настала минута осуществить предположеніе, зародившееся въ его головѣ съ тѣхъ поръ, какъ онъ увидѣлъ Луизу; не смотря на свое происхожденіе, онъ надѣялся привести въ исполненіе свои планы помощью богатства, и просилъ у стараго маркиза руку его дочери.

Дворянинъ отвергнувъ предложеніе его съ презрѣніемъ, въ которомъ не потрудился дать себѣ отчета. Послѣ этого Филиппъ почувствовалъ, что любовь его къ Луизѣ, отъ постоянныхъ препятствій возгорѣлась еще болѣе; не отчаиваясь въ своемъ предположеніи, Филиппъ рѣшился привести его въ исполненіе помощью дочери; прошло уже нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда Жоржа, и онъ могъ думать, что Луиза забыла виконта.

Однажды проходя по тропинкѣ, онъ встрѣтилъ Луизу, которая распѣвала, какъ весенняя птичка; онъ смѣло подошелъ къ ней. Не смотря на всю невинность, сердце Луизы было полно благородной гордости; откинувъ назадъ свои длинные локоны, она холодно выслушала признаніе Филиппа, дерзость котораго поразила ее.

— Вы могли бы выбрать другое мѣсто для того, чтобы говорить о своихъ чувствахъ, сказала она, но теперь не время разговаривать объ этомъ; мнѣ только нужно знать извѣстно ли это моему отцу.

— Я говорилъ ему и онъ отвѣчалъ отказомъ.

— Что же вамъ нужно, милостивый государь? Вашъ поступокъ чрезвычайно дерзокъ, я не знаю, что думать о немъ.

— Этотъ отказъ только тогда могъ быть окончательнымъ, если бы вы его одобрили.

— Пашенька знаетъ, что я люблю виконта де Вибре.

— Вибре можетъ умереть.

— Если такъ будетъ угодно Богу, я перенесу; но чтобы ни случилось, клянусь вамъ, что Луиза Пирмилъ никогда не будетъ носить вашего имени.

И молодая дѣвушка удалилась, не удостоивъ его даже наклоненіемъ головы.

Вскорѣ послѣ этого Филиппъ отправился въ Парижъ, и здѣсь старался въ вихрѣ всевозможныхъ свѣтскихъ удовольствій заглушить свою страсть, къ которой присоединилась уже ненависть. Утомленный этою жизнію, которая все-таки не могла истребить его воспоминаній, Казаль возвратился въ свои помѣстья. Онъ нашелъ тамъ Луизу, показавшуюся ему еще болѣе прекрасною, и встрѣтилъ забытое презрѣніе въ сосѣдяхъ. Его любовь и ненависть еще болѣе увеличились въ уединеніи, избранномъ имъ; вскорѣ онъ даже вкусилъ горестное удовольствіе борьбы съ народною ненавистью; лаская въ своемъ воображеніи надежду мщенія, онъ выжидалъ, подобно вѣзмъ энергическимъ людямъ, борющимся со страстями.

Ударъ, разразившійся 27-го іюня 1830 года, докончилъ разореніе маркиза; его состояніе совершенно разстроилось отъ банкротства капиталиста, на котораго маркизь имѣлъ значительные векселя. Маркизь де-Пирмилъ, ослабленный тревогами и заботами, не могъ противиться этому послѣднему удару, онъ занемогъ, и дрожащею рукою подписалъ акты, которые хотя лишали дочь его всего состоянія, но за то наслѣдственное имя ея оставалось чистымъ и не запятаннымъ клеветами.

Узнавъ объ этомъ, полковникъ Шампро, бывшій въ довольно короткихъ сношеніяхъ съ маркизомъ, пришелъ въ то время, когда старикъ готовъ былъ докончить свое разореніе, и принудилъ его, со вѣзмъ прямодушіемъ солдата, принять довольно значительную сумму для поправленія своихъ обстоятельствъ.

— Мнѣ нечего дѣлать съ этими деньгами, говорилъ ему полковникъ, вы мнѣ ихъ возвратите, когда будете въ состояніи.

— Но я никогда не буду въ состояніи заплатить долгъ.

— Тѣмъ лучше, вы по-крайней-мѣрѣ оставите вашей дочери этотъ старый замокъ.

При словѣ дочери маркизь почувствовалъ, что нѣсколько слезинокъ омочило его рѣсеницы. Онъ взявъ полковника за руку и спросилъ у него: хочетъ ли онъ быть ея защитникомъ; эти слова были произнесены такимъ трогательнымъ голосомъ, что полковникъ невольно отвернулся и началъ кашлять, стараясь заглушить свое волненіе.

— Я буду для нея всею, — отвѣчалъ онъ, отирая обшлагомъ свои усы.

Въ это время виконтъ де-Вибре, который незадолго передъ тѣмъ отправился въ Бразилію по дипломатическимъ порученіямъ, былъ лишень революціею всего своего состоянія, и увидѣлъ себя въ такомъ же положеніи, какъ и Пирмиль. Луиза была увѣдомлена объ этомъ письмомъ изъ Тулона, куда только что прибылъ Жоржъ, а виконтъ чрезъ нѣсколько дней получилъ письмо съ извѣстіемъ о свадьбѣ Луизы съ полковникомъ Шампро. Письмо Луизы было также просто, какъ трогательно; она разсказывала ему какъ маркизь, за нѣсколько дней до своей смерти призвалъ ея и, сжавъ ея руки, со слезами на глазахъ умолялъ принять предложеніе полковника. Онъ говорилъ, что конецъ его жизни былъ бы не такъ ужасенъ, еслибъ онъ могъ оставить ей защитника и друга. Луиза не могла не уступить, она платила долгъ благодарности. Но прежде свадьбы съ полковникомъ она призналась ему въ чувствахъ, питаемыхъ ею до сего времени къ Вибре; полковникъ благодарилъ ее за довѣренность, которой считалъ себя достойнымъ; это признаніе не только не уменьшило его любви, но даже увеличило уваженіе къ ея характеру, и увѣренный, что она будетъ вѣрна своему долгу, онъ посмѣшился назвать ее своею женою. Луиза просила Жоржа простить ей все зло, которое она ему сдѣлала, желая усладить послѣднія минуты своего отца, и стараться не видѣть ее, чтобъ не возмутить своимъ присутствіемъ спокойствія ея сердца.

Жоржъ въ точности исполнялъ просьбу Луизы и схоронилъ въ сердцѣ свои страданія. Луиза же, разочарованная въ своихъ ожиданіяхъ, провела цѣлый годъ въ Балестрасъ съ Пьереттою, которая не оставляла ее и помогала переносить тяжесть этого испытанія съ полковникомъ, все болѣе и болѣе заслуживавшимъ ея благосклонность своею нѣжностью и благородствомъ, и Филиппомъ Казалемъ, котораго полковникъ включилъ въ число своихъ друзей, чтобъ искоренить, какъ говорилъ онъ, предразсудокъ области. Послѣ переворотовъ 1831 года, національная гвардія маленькихъ городковъ, сосѣднихъ Балестрасу, единодушно выбрала полковника Шампро своимъ начальникомъ. Его дѣятельное содѣйствіе было очень полезно въ военныхъ дѣйствіяхъ, театромъ которыхъ былъ департаментъ Сарты. Филиппъ Казаль, съ своей

стороны, велъ партизанскую войну съ двѣнадцатью солдатами, набранными имъ въ своихъ сѣверныхъ помѣстьяхъ; онъ строилъ завалы, дѣлалъ на каждомъ шагѣ западни, и преслѣдуя вандейцевъ, какъ личныхъ своихъ враговъ, разставлялъ имъ сѣти съ неподражаемымъ искусствомъ. Шамиро былъ далекъ отъ того, чтобъ подозрѣвать Казала въ дурныхъ намѣреніяхъ.

Вибре, при первомъ призывѣ королевы, ринулся въ ряды ея защитниковъ, предлагая къ ея услугамъ все свое имѣніе, полученное имъ въ наслѣдство отъ его тетки, Турской канониссы. И такъ теперь Луиза имѣла много причинъ опасаться: ея мужъ былъ между голубыми, Жоржъ между бѣлыми, а возлѣ нея Филиппъ, котораго она стала еще болѣе ненавидѣть съ тѣхъ поръ, какъ онъ, презирая благородную довѣренность полковника, началъ потихоньку говорить ей о своей страсти.

Возвратимся теперь къ нашему разеказу:

Какъ извѣстно, Жоржъ былъ поручень Пьереттъ, а Алексѣи отданъ подъ надзоръ Жерома. Полковникъ поѣхалъ осматривать шкеты, разставленные по берегамъ рѣкъ; казалось все спало, исключая часовыхъ, ходившихъ медленнымъ и мѣрнымъ шагомъ. Еслибъ какой-нибудь услужливый асмодей показалъ намъ, что дѣлается въ Балестрасъ, мы бы увидѣли женщину, которая, приподнявшись на ципочки, съ безпкойствомъ смотрѣла въ темный корридоръ. Она отворила дверь маленькаго кабинета и вдругъ открыла потайной фонарь, такъ что весь корридоръ мгновенно освѣтился; увѣрившись, что тутъ никого нѣ было, она обратилась къ стоявшему позади ея высокому молодому человѣку, и оба они, поговоривъ нѣсколько минутъ шепотомъ, пошли къ лѣстницѣ, на ходившейся на концѣ корридора.

Я думаю, читатели угадали, что эта женщина и этотъ молодой человѣкъ были Пьеретта и Жоржъ.

Лѣстница примыкала къ низкой двери, которая съ ужаснымъ скрипомъ повернулась на заржавленныхъ петляхъ. Звонкое эхо громко повторило этотъ стонъ подъ сводами замка. Пьеретта задрожала всѣмъ тѣломъ и отступила; они входили въ галерею, и въ разбитыя окна могли замѣтить часоваго, который ходилъ вдоль стѣнъ, наевиствывая пѣсню. При скрипѣ двери, часовой повернулъ голову на галерею, но Пьеретта присѣла на корточки, принудивъ Жоржа сдѣлать тоже.

— Чортъ побори старые замки! пробормоталъ стрѣлокъ, на каждомъ шагѣ въ нихъ слышится шумъ, заставляющій вѣрить въ существованіе привидѣній! Съ этими словами, закинувъ винтовку за плечо, онъ началъ свою однообразную прогулку, между тѣмъ какъ бѣглець и его путеводительница наклонясь, пробирались вдоль стѣны.

Черезъ минуту они достигли павильона. Пьеретта спрятала фонарь въ уголъ и тихонько отворила окно. Луна разливала серебристый свѣтъ по небосклону, зеленыя верхушки старыхъ дубовъ чуть-чуть колебались отъ дуновенія ночнаго вѣтерка; вдали слышался окликъ часовыхъ, а подъ стѣнами павильона шумъ рѣки, которая, волнуясь, катила свои быстрыя воды.

— Вы можете идти, сказала Пьеретта, бродъ находится у этой вербы съ вѣтвями, наклоненными въ воду.

— Я знаю, что бродъ тамъ, отвѣчалъ Жоржъ, но на этомъ берегу въ лѣсахъ я оставилъ вѣрныхъ моихъ вандейцевъ, они меня ожидаютъ, и я долженъ къ нимъ присоединиться.

— Вы хотите снова подвергаться опасностямъ!

— Спаситесь безъ нихъ было бы неблагородно, и ты знаешь, что я этого не сдѣлаю. Притомъ еслибъ я захотѣлъ, мои убѣжденія гораздо легче угрозъ заставили бы ихъ положить оружіе; я возвращусь къ нимъ для того, чтобъ въ главѣ ихъ открыть себѣ проходъ силою; но поговоримъ о твоёмъ братѣ, моя добрая Пьеретта, увѣрена ли ты, что Жеромъ его освободить?

— Они отправились еще въ десять часовъ; я видѣла ихъ, когда они выходили изъ замка къ рѣкѣ. Такъ какъ часовые знаютъ Жерома, то они пропустили ихъ, и теперь Алекси дожидается васъ въ кустарникѣ возлѣ ивы. Ступайте.

Сказавъ это, Пьеретта пошла къ двери, которая вела въ паркъ. Жоржъ не трогался съ мѣста.

Пьеретта возвратилась, увидя, что онъ неидетъ, «Чего же вы ждете?» спросила она его.

— И ты меня объ этомъ спрашиваешь, возразилъ онъ: неужели ты думаешь, что на меня не произведетъ никакого дѣйствія разлука съ тѣми мѣстами, гдѣ я увидѣлъ ее въ первый разъ, гдѣ полюбилъ ее всѣмъ пыломъ юношескаго сердца? Ты спрашиваешь меня, чего я жду: я самъ того не знаю! Можетъ быть, она.... звукъ ея голоса.... взглядъ...

— И такъ вы ее очень любите? вскричала Пьеретта растроганнымъ голосомъ.

Жоржъ хотѣлъ отвѣчать, какъ вдругъ дверь галереи отворилась и вошла Луиза. Увидѣвъ Жоржа; она вскрикнула; Жоржъ бросился къ ней навстрѣчу.

— Вы еще здѣсь! пробормотала она.

Новая мысль сгладила съ лица Пьеретты слѣды недавняго волненія.

— Дорога къ павильону была открыта однимъ намъ, сказала она'

всѣ другіе выходы были тщательно охраняемы по обыкновенію; Ноэль смѣнился съ дежурства только ночью; я хотѣла выйти садовою калиткой, чтобъ обойти рвы, но увидѣвъ, что онъ ходилъ тутъ съ ружьемъ на плечѣ, я воротилась и принуждена была пройти по галереѣ.

— Но вы блѣднѣете! вскричала Жоржъ, обращаясь къ Луизѣ... вы дрожите... Не угрожаетъ ли вамъ новая опасность? Неужели Филиппъ догадался...

— Филиппъ? нѣтъ!.. живо возразила Луиза, щеки которой загорѣлись лихорадочнымъ румянцемъ: онъ ничего не знаетъ... онъ ничего не видалъ...

— Однако это волненіе... этотъ страхъ и наконецъ ваше присутствіе здѣсь.

— Все это можно легко объяснить... мнѣ было страшно. Я вышла на балконъ освѣжить голову, вдругъ мнѣ показалось, что въ павильонѣ блеснулъ огонекъ; я не знаю, что со мною сдѣлалось, помню только, что мнѣ пришла въ голову мысль о взятіи васъ подъ стражу; мнѣ казалось, что какія-то страшныя тѣни бродили въ паркѣ, и я въ волненіи прибѣжала сюда, не понимая, что дѣлала.

Въ это время часы пробили полночь; Луиза внѣ себя прислушивалась еще къ бою часовъ, какъ вдругъ вбѣжала Пьеретта.

— Бѣгите, сказала она, идуть!

— Бѣгите, повторила Луиза, бѣгите; и Пьеретта съ невѣроятною силою утащила Жоржа въ двери.

Только что они скрылись въ густой чащѣ деревъ, покрывающихъ берегъ Сарты, на порогѣ павильона показался Филиппъ. Луиза стояла блѣдная какъ смерть, прислушиваясь къ малѣйшему шуму.

Филиппъ на минуту остановился и бросилъ быстрый взглядъ на паркъ; послышался легкій трескъ сухихъ вѣтвей; злобная улыбка показалась на его губахъ, и онъ подошелъ къ Луизѣ.

Увидѣвъ его, она мгновенно отодвинулась, и на ея прекрасномъ лицѣ живо выразились ужасъ и презрѣніе.

— Какъ вы блѣдны, сказалъ онъ, ловко раскланиваясь, неужели васъ такъ испугало мое присутствіе?

— Нѣтъ, отвѣчала Луиза, стараясь скрыть свое волненіе; но вашъ нечаянный приходъ нѣсколько испугалъ меня.

— Въ самомъ дѣлѣ, возразилъ Филиппъ: судя по вашему волненію, я могъ подумать, что новая опасность угрожаетъ тому, котораго вы приняли къ себѣ въ домъ такъ безразсудно.

— Какъ! вскричала Луиза съ притворною веселостью, вы все еще

не бросили своихъ странныхъ подозрѣній. Увѣряю васъ, что вы были обмануты необыкновеннымъ сходствомъ.

— Я видѣлъ виконта только два раза, и этому прошло уже пять лѣтъ, но столько же ненавижу его, сколько люблю васъ, а ненависть имѣетъ хорошую память. Притомъ если бѣ тотъ, котораго Пьеретта назвала своимъ братомъ, не былъ капитаномъ Жоржемъ, вы не пришли бы сюда. Только сильное участіе могло принудить васъ къ этому, а я не такъ глупъ, чтобъ приписать себѣ это участіе. Послушайте же. Вы опасаетесь, и совершенно основательно за жизнь виконта. Мнѣ стоить сказать одно слово, и онъ погибъ. Отъ васъ зависитъ, чтобъ я молчалъ.

Луиза содрогнулась при этихъ словахъ, но мысль что Жоржъ можетъ быть спасенъ, придала ей мужество.

Филиппъ прервалъ молчаніе:

— Вы знаете... я люблю васъ...

Луиза невольно отшатнулась съ выраженіемъ ужаса.

— О! я васъ понимаю, вскричалъ онъ, нахмуривъ свои черныя брови: эта любовь внушаетъ вамъ только ненависть и презрѣніе. Однако выслушайте меня. Я хотѣлъ дать вамъ свое имя и состояніе; вы знаете, какъ презрительно отвѣчалъ вашъ батюшка на мое предложеніе. Онъ меня лично оскорбилъ, но маркизъ де-Пирмилъ былъ покрытъ сѣдинами... Вы могли спасти меня, но отвергнули еще презрительнѣе, и вы еще хотите, чтобъ я не метилъ!

— Чѣмъ же я заслужила ваше мщеніе? сказала Луиза, трепетавшая отъ страшнаго голоса Филиппа.

— Вы любили виконта; вы отвергнули меня; я могъ замѣтить надежды ваши на будущее, тогда какъ мнѣ счастье не улыбалось ни сколько. Увидѣвъ васъ, когда вы стояли подъ вѣнцемъ съ полковникомъ Шампро, я почувствовалъ, что любовь моя увеличилась при страшныхъ мукахъ совѣсти, и тогда далъ себѣ ужасную клятву, что рано или поздно, чтобъ ни случилось, но вы будете принадлежать мнѣ. Но зачѣмъ говорить только о ненависти и мщеніи, сказалъ Филиппъ, смягчая свой голосъ; оставьте меня въ пріятной надеждѣ, что когда-нибудь вы ласковѣе выслушаете мое признаніе, и отдадите мнѣ свою руку; не разочаровывайте меня, и я буду стараться спасти Жоржа де-Вибре также ревностно, какъ прежде его преслѣдовалъ.

Въ это время Луиза глядѣла въ окно, лице ея выражало пронию и презрѣніе, а глаза блистали гнѣвомъ. Видя, что онъ хочетъ продолжать и старается взять ее за руку, она остановила его:

— И какъ вы осмѣливаетесь говорить такимъ образомъ мнѣ, женѣ

полковника Шамиро, дочери маркиза де-Пирмиль. Неужели вы считаете меня до такой степени низкою, что я соглашусь на ваши предложенія? Неужели вы не знаете, что я предпочту лучше умереть, чѣмъ принадлежать вамъ?

Филиппъ вздрогнулъ какъ человѣкъ, котораго обожгли раскаленнымъ желѣзомъ. Смертельная блѣдность распространилась по его лицу.

— Сударыня! вскричалъ онъ голосомъ, дрожавшимъ отъ гнѣва и волненія; губы его подернулись синевою.

— О! что мнѣ ваши угрозы, сказала Луиза, окинувъ его гордымъ, презрительнымъ взглядомъ; теперь выслушайте меня въ свою очередь: капитанъ Жоржъ спасенъ.—Эти слова, казалось, привели въ себя Филиппа. Злобная улыбка исказила его лице; съ необыкновенною силой онъ побѣдилъ волненіе своихъ страстей и подошелъ къ Луизѣ.

— А вы это думаете, сказалъ онъ тихимъ голосомъ, нѣсколько дрожавшимъ отъ внутренняго волненія: если хотите, мы въ этомъ увѣримся.

Эти жесткія слова оледенили Луизу. Филиппъ приблизился къ окну, выходявшему въ паркъ, и вынувъ изъ кармана серебряный свистокъ, свистнулъ. Этотъ свистъ раздался пронзительно.

Почти въ тоже время съ береговъ Сарты отвѣчали такимъ же свистомъ.

Филиппъ отошелъ отъ окна.

Не понявъ еще какая опасность угрожала Жоржу, Луиза задрожала при звукахъ этого свистка, которые поразили ее, какъ остріе кинжала. Филиппъ стоялъ неподвижно, скрестивъ на груди руки.

Когда онъ замѣтилъ ея блѣдность и разстройство, вдругъ посреди всеобщей тишины въ паркѣ раздался выстрѣлъ, за выстрѣломъ послѣдовало нѣсколько другихъ, и вскорѣ подъ стѣнами замка послышался рожокъ стрѣлковъ.

Луиза упала на колѣни.

— Думаете ли вы еще, что Вибре спасенъ? сказалъ ей Филиппъ своимъ спокойнымъ голосомъ. Мѣры были у меня хорошо приняты. Я не могъ забыть мщенія; не смотря на то, что съѣтъ часовыхъ окружала замокъ, стражи мои стерегли всѣ выходы. Я тоже хорошо знакомъ съ мѣстностью и знаю бродъ: мнѣ стоило только дать сигналъ, и бѣглецы, окруженные со всѣхъ сторонъ, были бы взяты или убиты. Я далъ теперь этотъ сигналъ. Если виконтъ убитъ, вы сами виноваты въ этомъ.

Но Луиза не слышала болѣе; слова Филиппа отдавались въ ея ушахъ подобно какому-нибудь гулу; она дрожала всѣмъ тѣломъ при вся-

комъ новомъ звукѣ его голоса, и не произнося ни слова, испуганная, умирающая, она стояла на колѣняхъ, простирая руки къ тому, кто забавлялся ея мученіями.

Вдругъ Жоржъ запыхавшись вбѣжалъ въ павильонъ. Его платье было въ беспорядкѣ. Увидѣвъ его Луиза вскрикнула.

Взглянувъ на Филиппа, Жоржъ тотчасъ понялъ все происходившее.

— Негодяй! вскричалъ онъ: я не умру безъ мщенія; и поднявъ свой пистолетъ выстрѣлилъ въ Филиппа.

Но Луиза въ это время облокотилась на его руку, и пуля, худо направленная, попала въ стѣну, оцарапавъ голову Филиппа.

При этомъ выстрѣлѣ стрѣлки и національные гвардейцы начали со всѣхъ сторонъ сходить къ павильону.

— Защищайся! кричалъ Жоржъ, вынимая охотничій ножъ и стараясь освободиться отъ Луизы, которая удерживала его съ необычайной силой.

— Чѣмъ продолжать бесполезную борьбу, сказалъ Филиппъ, хладнокровіе котораго не поколебалось ни на минуту, вы сдѣлали бы лучше, виконтъ, еслибъ послушались госпожу Шампро, умоляющую васъ сдаться. Вы хотите, чтобъ она умерла вмѣстѣ съ вами.

Въ это время солдаты влѣзали въ окна; увидѣвъ это, Филиппъ сказалъ имъ:

— Возьмите капитана Жоржа де-Вибре.

Когда солдаты обезоруживали Жоржа, Луиза безъ чувствъ упала на полъ. Полковникъ вошелъ въ павильонъ.

III.

Луиза, безстрашная предъ Филиппомъ, когда дѣло шло только о собственной защитѣ, ужаснулась, увидѣвъ Жоржа въ рукахъ его неумолимаго врага; она чувствовала, что мужество ея истощается, внезапный прихоль полковника окончилъ это разстройство: она упала безъ чувствъ.

Теперь посмотримъ, что происходило внѣ Балеэстраса.

При первомъ выстрѣлѣ, вскорѣ послѣдовавшемъ за сигналомъ Филиппа, Жоржъ увидѣлъ, что его убѣжище открыто. Онъ сильно сжалъ руку Алексея, котораго нашель у ивы, поцѣловалъ Пьеретту, и видя, что всѣ выходы охраняются, просилъ ихъ, чтобъ они оставили его и подумали о своемъ спасеніи. «Мнѣ только осталось дорого продать свою жизнь,» сказалъ онъ имъ: «ступайте въ замокъ, время еще не ушло, и если мы не увидимся, молитесь за меня...» Сказавъ это Жоржъ

бросился въ густую чашу; Алексѣ хотѣлъ слѣдовать за нимъ, но вскорѣ потерялъ слѣды. Нѣсколько стрѣлковъ замѣтили его, когда онъ пробирался между кустарниками, и вскорѣ Пьеретта увидѣла, что онъ отстываетъ, перестрѣливаясь съ ними. Онъ успѣлъ дойти до явы, и хотѣлъ уже перебраться черезъ рѣку, какъ вдругъ раздался выстрѣлъ, и пуля ударила ему въ голову. Алексѣ упалъ въ воду. Пьеретта бросилась къ нему на помощь, но было уже поздно; тѣло Алексѣ унесло водою. Бѣдная дѣвушка вошла въ рѣку и начала смотрѣть во все стороны, надѣясь увидѣть трупъ милаго брата. Она ничего не могла увидѣть—и принялась плакать.

Стрѣлокъ схватилъ ее за руку.

— Стоитъ ли такъ плакать! сказалъ онъ, выводя ее на берегъ, вѣдь это былъ разбойникъ!

— Это былъ мой братъ! отвѣчала она.

Стрѣлокъ опустилъ ее руку, и такъ сильно ударилъ прикладомъ въ рыхлую почву, что почти все его ружье скрылось въ тинѣ.

— Бѣдная дѣвушка! вскричалъ онъ. Пусть лучше пуля раскроитъ мнѣ черепъ, если я выстрѣлю еще одинъ разъ! Ты, я думаю, очень сердиться на меня, сказалъ онъ ласковѣе. «Притомъ, еслибъ я зналъ это прежде, то не прицѣливался бы такъ вѣрно.»

Пьеретта подняла глаза, наполненные слезами.

— Сердиться на тебя? нѣтъ, сказала она, ты исполнялъ свой долгъ, также какъ онъ. Дай мнѣ помолиться за него и за тебя.

Молодая вандейка преклонила колѣна. Хотя привыкшіе къ грубой бивачной жизни, солдаты столпились около нее, проникнутые религіознымъ чувствомъ; все въ молчаніи закинули ружья за плечи; сержантъ собралъ ихъ, и они удалились, проникнутые удивленіемъ и почтеніемъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, сержантъ воротился; Пьеретта стояла еще на колѣняхъ и пѣла вполголоса гимнъ Пресвятой Владычицѣ-Утѣшительницѣ всехъ скорбящихъ. Старый солдатъ поднесъ руку къ глазамъ.

— Я бы лучше желалъ получить сабельный ударъ, чѣмъ выдерживать взглядъ этой дѣвушки, когда она мнѣ сказала, что я убилъ ее брата!

Оставимъ на нѣсколько времени Пьеретту и посмотримъ, что дѣлается въ Балестрацѣ.

Присутствіе Луизы въ павильонѣ, во время взятія подъ стражу Вибре, удивило полковника. Онъ велѣлъ жену перенести въ ее комнату, поручилъ пѣвника одному офицеру, а самъ остался наединѣ съ Филиппомъ Казалемъ, у котораго съ небольшою вѣжливостью требовалъ

объясненія происходившаго въ то время, когда выстрѣлы принудили его какъ можно скорѣе возвратиться въ замокъ.

Филиппъ думалъ, что настала минута утолить жажду ненависти и мщенія, и разсказалъ полковнику басню, въ которой истина и ложь были смѣшаны съ неподражаемымъ искусствомъ. Онъ говорилъ, что засталъ въ павильонѣ виконта съ Луизою во время общей тревоги, произведенной первыми выстрѣлами; не обвиняя однако Луизу явно, онъ дѣлалъ множество намековъ на ея участіе въ бѣгствѣ вандейца, ловко напомнилъ любовь молодыхъ людей и обѣты въ вѣрности, данные ими. Ему казалось невѣроятнымъ, чтобъ въ столь нѣжномъ сердцѣ, какое имѣла Луиза, могли изгладиться подобныя воспоминанія и замѣниться забвеніемъ, свойственнымъ сердцамъ холоднымъ. Судя по его словамъ, можно было думать, что Жоржъ уже не въ первый разъ приходитъ ночью въ замокъ, такъ хорошо ему извѣстный. Притомъ онъ говорилъ, что участіе Луизы въ заговорѣ, для освобожденія Жоржа, объясняется единствомъ мнѣній, заставляющихъ ее во всѣхъ вандейцахъ видѣть братьевъ.

Филиппъ своими словами произвелъ на полковника сильное дѣйствіе: подозрѣніе начало прокрадываться въ его сердце. Всѣ признаки связи не обвиняли ли Луизу? Несчастный случай совершенно убѣдилъ его въ этомъ: во время общей тревоги, защищаясь отъ отчаянныхъ усилій Луизы, Жоржъ уронилъ печально маленькій медальонъ, висѣвшій у него на груди. Филиппъ замѣтилъ медальонъ, но не поднялъ, дожидаясь, что полковникъ увидитъ эту драгоценность. Солпечный лучъ упалъ на медальонъ, и онъ заблесталъ тысячею разноцвѣтныхъ огней. Полковникъ поднялъ медальонъ, раскрылъ его и узналъ портретъ своей жены. Отъ глазъ Филиппа не могло укрыться волненіе полковника, хотя онъ всѣми силами старался скрыть его; губы его дрожали, смертельная блѣдность распространилась по его лицу.

Вскорѣ будучи не въ состояніи владѣть собою, онъ судорожно сжалъ руку Филиппа.

— Я знаю, что мнѣ остается дѣлать, сказалъ онъ твердымъ голосомъ.

— Чтоже?

— Ступайте за мною.

Оба вышли изъ павильона и пошли въ тѣ комнаты, гдѣ содержался Вибре.

Черезъ нѣсколько минутъ полковникъ Шампро, Жоржъ де-Вибре и четыре офицера скорыми шагами пошли въ паркъ. Полковникъ выбралъ себѣ въ секунданты двухъ бывшихъ постарше, а другихъ двухъ просилъ быть секундантами его противника.

Не этого Филиппъ надѣялся: военный судъ и всѣ его послѣдствія, вотъ чего онъ хотѣлъ; хотя его предположенія и разрушились, онъ все таки хотѣлъ извлечь выгоду изъ новаго оборота дѣлъ. Оставивъ полковника, онъ пошелъ въ комнату, въ которую перенесли Луизу.

Ночная тревога переполюшила всю прислугу зѣмка: садовники, служанки и коноуи сбѣжались на дворъ, и здѣсь толковали о новостяхъ, и спрашивали солдатъ. Нѣкоторые шуаны во время перестрѣлки были убиты, другіе взяты, и весьма немногіе успѣли спастись бѣгствомъ. Всѣ толпились около носилокъ, на которыхъ солдаты приносили убитыхъ и раненыхъ. Только одна маленькая дѣвочка осталась у Луизы. Филиппъ услабъ ее подъ какимъ-то предлогомъ, и бѣдный ребенокъ, котораго мучилъ демонъ любопытства, и не догадался, что у него на умѣ было что-то недоброе.

Луиза только что пришла въ себя послѣ долгаго обморока, и старалась связать мысли въ своей горячей головѣ, какъ вдругъ увидѣла Филиппа. Она задрожала всѣмъ тѣломъ, какъ дитя, увидѣвшее змѣю; свѣтлая мысль озарила ее голову, она встала.

— Вы здѣсь! сказала она. «Столько смѣлости послѣ такого безстыдства!...»

— Съ этими словами Луиза бросилась къ сонеткѣ и сильно ее дернула. Филиппъ взялъ кресло и сѣлъ.

— При этомъ движеніи Луиза, до-сихъ-поръ хладнокровная, почувствовала, что страхъ прокрадывается въ ея душу.

— Вы можете звонить, сколько вамъ угодно, сказалъ Филиппъ, тамъ нѣтъ ни души

— Боже мой! что же сдѣлалось? тихо сказала Луиза, въ изнеможеніи опускаясь на софу, съ которой только что встала.

— Ничего, только теперь полковникъ дерется на шпагахъ съ виконтомъ.

— Поединокъ!

— Очень просто—поединокъ, который долженъ окончиться смертью одного изъ противниковъ. Оба они славно владѣютъ шпагами, такъ что нельзя предвидѣть кто останется побѣдителемъ.

Луиза при этихъ словахъ закрыла лице руками

— Чтобы ни случилось, продолжалъ Филиппъ, во всякомъ случаѣ вы погибли: если виконтъ будетъ убитъ, полковникъ, считая васъ виновною, непременно покинетъ васъ; вы его знаете: безконечно добрый, этотъ человекъ становится ужасенъ, когда оскорбятъ его честь.

— Но я невинна! вскричала Луиза. Я скажу ему всю правду: онъ мнѣ повѣритъ.

— Онъ не повѣритъ вамъ. Неужели вы думаете, что послѣ всего происшедшаго онъ еще будетъ ослѣпленъ любовью. Присутствіе капитана Жоржа у васъ въ эту ночь, ваша прежняя любовь, медальонъ, найденный полковникомъ въ павильонѣ, гдѣ вы такъ некстати упали въ обморокъ, всѣ эти доказательства вмѣстѣ съ моими поясненіями... Вы видите, что тутъ болѣе чѣмъ нужно для совершеннаго увѣренія и безъ того уже предубѣжденнаго человѣка.

Холодный потъ выступилъ на лбу Луизы.

— Теперь, продолжалъ Филиппъ, предположимъ, что полковникъ будетъ убитъ, я остаюсь здѣсь одинъ; неужели вы думаете, что побѣда поможетъ Вибре спастись, и что онъ избавится отъ военного суда? Я вамъ обѣщаль спасти его, вы не хотѣли меня слушать; я началъ мстить. Выслушаете ли вы меня теперь?

— О ужась! вскричала Луиза.

— Однако вамъ осталось только одно это. Вы знаете, что я просилъ и умолялъ васъ; вы знаете, что любовь къ вамъ наполняетъ всю мою жизнь и чтобы получить вашу руку, я пренебрегъ всѣмъ, даже вашею ненавистью. Я шелъ наперекоръ препятствіямъ и побѣдилъ ихъ. Неужели вы думаете, что я захочу удалиться отсюда, когда мы здѣсь одни? Луиза, скажите одно слово, и вся моя жизнь будетъ принадлежать вамъ; это сердце, неукротимая энергія котораго хорошо извѣстна всѣмъ, совершенно предано вамъ; все свое состояніе я повергаю къ вашимъ стопамъ; скажите одно слово, и я увезу васъ далеко отсюда. Что нужно для достиженія счастья? независимость, богатство и любовь. Послѣдуйте за мною, и вы будете имѣть всѣ эти блага.

— Мнѣ слѣдовать за вами?... Никогда!

— Луиза! вскричалъ Филиппъ угрожающимъ голосомъ.

— Слѣдовать за вами! повторила молодая женщина съ негодованіемъ, но я предпочту смерть.

— Однако это будетъ нужно, возразилъ Филиппъ холодно. Мы одни, а я довольно долго просилъ, чтобъ имѣть право повелѣвать теперь.

Филиппъ всталъ. На его лицѣ выражалась такая ужасная рѣшимость, что Луиза поняла свою опасность.

Но мужество ея при этомъ увеличилось. Будучи очень горда для того чтобъ просить или лгать, она вскочила и, прежде чѣмъ Филиппъ могъ угадать ея намѣреніе, однимъ прыжкомъ очутилась на балконѣ, находившемся надъ Сартою, быстрыя воды которой омывали стѣны замка.

— Ступайте же, возьмите меня! сказала она ему и въ эту минуту была прекрасна!

Филиппъ инстинктивно протянулъ руки, какъ бы желая удержать ее.

— Луиза! вскричалъ онъ.

— Еще одинъ шагъ, и вы увидите въ рѣкѣ мое тѣло.

Филиппъ невольно отшатнулся.

Съ минуту оба они молча смотрѣли другъ на друга; наконецъ обычная его пронія взяла верхъ.

— Вы кстати припомнили Ивангое, сказалъ онъ съ злобною улыбкой.

Онъ приблизился къ балкону. Луиза бросила взглядъ на небо и исчезла въ пропасти!..

Филиппъ вскрикнулъ и наклонился надъ пропастью. Ничего не было видно, только на томъ мѣстѣ, гдѣ скрылась Луиза, образовался маленькій водоворотъ; но вскорѣ и этотъ признакъ уничтожился, и тогда не осталось ни малѣйшаго слѣда.

Между тѣмъ Жоржъ вмѣстѣ съ полковникомъ отправился въ паркъ. Они проходили мимо той ямы, гдѣ былъ убитъ Алексѣй, и Пьеретта, все еще стоявшая здѣсь, машинально подняла голову при шумѣ ихъ шаговъ. Начиная разсвѣтать. Нѣсколько минутъ Пьеретта смотрѣла на толпу, торопливо шедшую между кустарниками. Наконецъ она узнала въ этой толпѣ Жоржа и полковника. Какое-то инстинктивное чувство заставило ее слѣдовать за ними; но между тѣмъ какъ странное любопытство увлекало ее вслѣдъ за ними, неопредѣленный страхъ заставлялъ ее скрываться отъ ихъ взоровъ въ деревьяхъ и кустарникахъ. Точно будто душа ея предчувствовала несчастье.

Вскорѣ группа эта остановилась на берегу Гей, на узкой полянкѣ, покрытой нѣжною, бархатною травою.

Полковникъ сбросилъ свой плащъ и вынулъ шпагу. Пьеретта притаилась за кустарникомъ.

— Намъ не нужно объясняться, сказалъ полковникъ Жоржу: эти господа дадутъ вамъ шпагу. Мы будемъ драться, и одинъ изъ насъ непременно долженъ остаться на мѣстѣ. Я думаю, что вы будете довольны этими секундантами, а слѣдовательно намъ только остается стать на мѣста.

Виконтъ де Вибре внимательно слушалъ полковника; когда Шампро вывелъ его изъ временной темницы, мысль о поединкѣ пришла ему въ голову, но вспоминая свое положеніе, онъ перемѣнилъ свои мысли. Слова полковника совершенно убѣдили его въ прежнемъ предположеніи, но напрасно старался онъ объяснить себѣ этотъ странный поединокъ.

Одинъ изъ офицеровъ подаль ему свою обнаженную шпагу. Взявъ ее, Жоржъ хотѣлъ объясниться. Полковникъ прервалъ его:

— Причина, приведшая насъ сюда, довольно важна для того, чтобъ одинъ изъ насъ могъ пожертвовать своею жизнью. Эти господа вѣрятъ слову, данному имъ мною. Вы понимаете эту причину лучше всѣхъ; только кровью можно омчть оскорбленіе, нанесенное мнѣ. И такъ оставимъ пустые разговоры. Если вы останетесь побѣдителемъ, я не хочу, чтобъ ваша жизнь была въ опасности. И такъ, послѣ поединка вы уѣзжаете; эти господа поклялись честью, что они будутъ молчать. Въ свою очередь вы мнѣ дадите честное слово, что тотчасъ же уѣдете изъ Франціи, не стараясь увидѣть кого нибудь.

По виду, съ которымъ были произнесены эти слова, Вибре понялъ, что полковникъ твердо рѣшился исполнить свое намѣреніе; онъ болѣе не сомнѣвался въ томъ, что этотъ поединокъ произошелъ въ слѣдствіе адскихъ навѣтовъ Филиппа. Но объяснить полковнику его заблужденіе было невозможно. Онъ далъ слово, которое отъ него требовали, и приготовился къ защитѣ.

Не желая однако проливать кровь человѣка, къ которому чувствовалъ уваженіе, онъ старался только отражать удары, ему наносимые. Такъ какъ онъ хорошо владѣлъ шпагой, и имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, ослабленнымъ гнѣвомъ, то это ему было очень легко.

Спрятавшись въ кустарникахъ, Пьеретта могла все хорошо видѣть, но разстояніе не позволяло ей слышать разговоръ полковника и виконта. Съ безпокойствомъ слѣдила она взорами за двумя шпагами, которыя, какъ блестящія змѣйки, серебрились при первыхъ лучахъ восходящаго солнца. Не одинъ разъ, въ запальчивости полковникъ представлялъ шпагѣ вандейца открытую грудь. Уставъ наконецъ отъ бесполезной борьбы, Вибре воспользовался неудачнымъ нападеніемъ и обезоружилъ своего противника.

Полковникъ поднялъ свою шпагу и сталъ въ позицію прежде чѣмъ секунданты успѣли броситься между сражающимися.

— Надобно, чтобъ одинъ изъ насъ остался на мѣстѣ, вскричалъ онъ, и бросился на виконта.

Черезъ минуту шпага вылетѣла еще разъ изъ его рукъ. Полковникъ поднялъ шпагу, два раза у него выбитую; съ минуту онъ стоялъ неподвижно, съ яростью сжимая рукоятку своей шпаги; потомъ бросилъ ее на траву и, обращаясь къ виконту, сказалъ:

— Вы меня побѣдили: въ своемъ ужасномъ великодушіи вы щадили жизнь, которая мнѣ теперь несносна.

Поединокъ долженъ окончиться, и оба мы остались живы. Ступайте, вы свободны. Только помните данное вами слово.

Жоржъ удалился. Пьеретта бѣгомъ пустилась къ замку, спѣша разсказать Луизѣ новости о дуэли. Вышедъ изъ парка, она увидѣла на балконѣ свою госпожу, которая нѣсколько минутъ постоявъ тамъ, бросилась въ рѣку. Пьеретта кинулась къ берегу Сарты; пока она съ напряженнымъ вниманіемъ глядѣла на полированную поверхность воды, приближалъ Филиппъ блѣдный, съ блуждающими взорами. Выраженіе его лица объяснило ей все, и дрожа отъ ужаса, она слѣдила за теченіемъ рѣки, прозрачныя воды которой катились у ея ногъ. Въ небольшомъ разстояніи она увидѣла бѣлую массу, выплывавшую изъ воды. Это было тѣло Луизы, которое несло теченіемъ. На крикъ Пьеретты съ мельницы, построенной въ этомъ мѣстѣ, сбѣжались работники. Добрые люди бросились въ Сарту и вытащили Луизу, которая лишилась чувствъ.

Всѣ начали хлопотать, чтобъ привести ее въ чувство; въ Бале-страсъ былъ призванъ хирургъ, и вскорѣ Луиза открыла глаза. Она увидѣла Пьеретту и бросилась въ ея объятія, но снова лишилась чувствъ, увидѣвъ Филиппа, стоявшаго близъ нее. Хирургъ приказалъ со всеми возможными предосторожностями перенести ее на мельницу. Когда ее поднимали, коралловый браслетъ, носимый ею на рукѣ, растегнулся и упалъ на траву; Филиппъ примѣтилъ его и поднялъ.

Замѣтивъ, что присутствіе Филиппа неприятно для ея госпожи, Пьеретта приказала знакамъ ея удалиться. Онъ вышелъ, любопытствуя узнать результатъ дуэли. Полковникъ разсказалъ ему это въ нѣсколькихъ словахъ. Неприятное чувство прокралось въ сердце Филиппа, когда онъ узналъ, что виконтъ успѣлъ избѣжать его ненависти; но привыкнувъ владѣть собою, онъ не далъ полковнику повода замѣтить это, и въ свою очередь разсказалъ ему, какъ Луиза бросилась въ Сарту и какъ ее вытащили оттуда мельники. Шампро спросилъ его: что довело Луизу до такого отчаяннаго поступка? Этого только и ждалъ Филиппъ, желая сдѣлать невозможнымъ всякое объясненіе между полковникомъ и его женою.

— Достоверно не знаю, отвѣчалъ онъ. За нѣсколько часовъ передъ тѣмъ госпожа Шампро опомнилась отъ долгаго обморока, причиною котораго было, по всей вѣроятности, взятіе Вибре. Горестъ ея ясно выказывалась въ слезахъ и вздохахъ. Она хотѣла встать, но въ изнеможеніи упала на диванъ. Узнавъ, что Вибре дерется съ вами, она вскричала: «Я этого не переживу!» однимъ прыжкомъ очутилась на балконѣ, и бросилась въ рѣку.

Взглядъ и выраженіе лица Филиппа болѣе словъ говорили какой смыслъ, но его мнѣнію, должно было придавать крику Луизу. Полковникъ объяснилъ себѣ это совершенно такъ какъ онъ желалъ.

— Она теперь можетъ жить, сказалъ онъ съ горькою улыбкой: онъ свободенъ.

Полковникъ пришелъ въ свой кабинетъ, написалъ нѣсколько писемъ и, спустя часъ какъ бы для прогулки, сѣлъ на лошадь. Когда Луиза успѣла привести въ порядокъ свои мысли, она удивилась столь продолжительному отсутствію своего мужа. Пьеретта сходила въ замокъ, и узнала, что полковникъ еще не возвращался. Это сильно начинало беспокоить Пьеретту; вдругъ Филиппъ отдалъ ей письмо съ надписью полковника Шампро. Пьеретта побѣжала тотчасъ къ госпожѣ своей.

Луиза съ волненіемъ распечатала письмо. Полковникъ писалъ своей женѣ, что послѣ всего происходившаго не должно имъ было жить вмѣстѣ, и что поэтому онъ возвращаетъ ей свободу и удаляется отъ мѣстъ, напоминающихъ ему проступокъ особы, нѣкогда имъ уважаемой и до-сихъ-поръ любимой.

— Когда прійдетъ часъ раскаянія, писалъ онъ ей, вы вспомните человѣка, обманутаго вами, и заплатившаго за ваше безчестіе своею кровью. Вы будете плакать тогда, но ваши слезы будутъ составлять мое мщеніе; онъ прекратитъ вашу жизнь прежде чѣмъ я прощу васъ. Къ письму были приложены различныя бумаги.

Луиза не хотѣла терять ни минуты и, не смотря на свою слабость, пошла въ Балестрасть. Никто не зналъ, что сдѣлалось съ полковникомъ. Она велѣла позвать Филиппа, тотъ съ ужасною улыбкой объявилъ ей, что полковникъ отправился въ Нойёнъ на Сартѣ, гдѣ взялъ якарету и почтовыхъ лошадей. Уѣзжая, онъ далъ своему управляющему полномочіе, потому что намѣревался не возвращаться болѣе въ Балестрасть.

Луиза не могла объяснить себѣ былъ ли то сонъ или нѣтъ; она чувствовала, какъ мысли бушевали въ ея головѣ, подобно водѣ, взбиваемой мельничными колесами.

— Это дѣло позорной клеветы, сказала она съ глубокимъ презрѣніемъ взглянувъ на Филиппа: вы пользовались оружіемъ низкихъ людей; я ожидала отъ васъ этого.

— Вы желали борьбы, возразилъ онъ,—ваше желаніе исполнилось.

— О! вскричала она, я постараюсь его увидѣть, и Богъ, которому извѣстна моя невинность, не допуститъ, чтобъ онъ не повѣрилъ мнѣ.

— Попробуйте!

Луиза, будучи слишкомъ слаба, чтобъ сейчасъ же отправиться, написала полковнику, находившемуся тогда въ Парижѣ.

Письма были возвращены ей нераспечатанными. Всѣ попытки ея оставались безуспѣшными, какъ однажды она узнала, что мужъ ея снова вступилъ въ службу и отправился въ Алжирь. Тогда она перестала писать; оскорбленная гордость совѣтовала ей подождать. Между тѣмъ она получила извѣстіе о Жоржѣ, который, благодаря преданности своихъ друзей, успѣлъ достигнуть Англии. Онъ посылалъ ей вѣчное «прости», потому что былъ приговоренъ къ смерти за неавку въ уголовный судъ Сарты.

Луиза подумала о своемъ положеніи. Она была одна съ Пьереттою. Всѣ узы, связывавшія ее со свѣтомъ, были разорваны; глубокая печаль вкралась въ ея душу, и мысль о смерти нѣсколько разъ приходила ей въ голову. Но религія утѣшала ее: она рѣшилась жить, возложивъ надежду на Бога.

Филиппъ, мрачный и скучный, слѣдилъ за нею, какъ неотвязчивое привидѣніе.

Присутствіе этого человѣка леденило ея сердце. Когда она запретила ему посѣщать ее, онъ удалился, поблѣднѣвъ съ досады.

— Вы теперь однѣ, сказалъ онъ, переступая за порогъ: берегитесь. Луиза знала, что въ распоряженіяхъ Филиппа была челядь, готовая на всѣ предпріятія, даже самыя виновныя; онъ самъ былъ довольно отваженъ, и никогда не отказался бы отъ такого предпріятія, которое обѣщало успѣхъ. Она рѣшилась ни минуты не медля уѣхать изъ Балестраса, жить въ которомъ стало ей несносно и даже опасно. Не желая пользоваться подарками своего мужа, она скоро окончила свои приготовленія къ отъѣзду; Пьеретта помогала ей, и на другой день обѣ онѣ исчезли. Филиппъ, не смотря на свою дѣятельность, ни какъ не могъ отыскать слѣдовъ бѣжавшихъ. Луиза исчезла изъ страны, которую она такъ любила, оставивъ послѣ себя только воспоминанія о своей добротѣ.

IV.

Оставимъ Сарту и замокъ Балестрасъ, перенесемъ читателей въ Нормандію, въ бѣдную гостиницу бѣдной деревни, находящейся вблизи Шербурга. Уже прошло два года, какъ Луиза скрылась вмѣстѣ съ Пьереттой; это было въ половинѣ декабря 1834 года. За сломаннымъ столомъ сидѣли два рыбака въ курткахъ изъ толстаго сукна; они держали въ рукахъ глиняныя кружки, наполненныя пѣнистымъ сидромъ.

Яркій огонь пылалъ въ каминѣ. Дождь барабанилъ въ стекла массивнаго окна, изъ котораго виднѣлось море, дробившееся о скалистый берегъ; вѣтеръ часъ отъ часу становится сильнѣе, и на бурномъ океанѣ стали показываться валы съ гребнями, покрытыми пѣною. Вдали, гонимая какъ чайка, летѣла барка по поверхности водъ, вздымаемыхъ бурей.

Одинъ изъ рыбаковъ, бывший постарше, взглянулъ въ окно. Теперь такое время, что ни одинъ таможенный не выйдетъ изъ дому, сказалъ онъ, кланусь моимъ патрономъ, Ландри, море глухо!

— Но только не глуше этой барки, которая пустилась въ открытое море при такой погодѣ, сказалъ другой. Смотри, какъ она прыгаетъ; пожалуй, сказали бы, что она хочетъ пристать къ берегу вмѣсто того чтобъ направиться въ открытое море, какъ сдѣлалъ бы каждый изъ насъ. Она придетъ сюда скорѣе чѣмъ ожидаетъ. Я бы желалъ знать какой съумасшедшій лоцманъ рѣшился ѣхать при такомъ чертовскомъ вѣтрѣ.

— Да, это контрабандистъ, должно быть.

— Такъ ли, дядя Ландри? Если завтра будемъ ловить рыбу, пожалуй, въ наши сѣти попадется порядочная добыча. Но вѣдь контрабандисты не больше насъ любятъ бурю. Ужъ не лодка ли это того генерала, который прїѣзжалъ сюда вчера и хотѣлъ доѣхать до Шербурга моремъ?

При этихъ словахъ въ гостиницу вошелъ человекъ, отряхивая свой плащъ промоченный дождемъ; при видѣ золотыхъ эполетъ, блестящихъ на его сюртукѣ, оба рыбака встали.

— Сидите, друзья, сказалъ имъ генералъ, который былъ никто иной какъ старинный нашъ знакомецъ полковникъ Шампро, дослужившійся въ Африкѣ до новаго чина, и по дѣламъ прїѣхавшій въ Нормандію.

— Я долженъ былъ, подобно вамъ, зайти въ гостиницу, и отложить свой отъѣздъ до утра.

Генералъ приблизился къ огню, взялъ со стола кружку сидра, и выпилъ ее. Его сухощавое, загорѣлое лицо было покрыто морщинами; видно было, что постоянная дума провела на лбу глубокія морщины; около его глазъ образовался синеватый кружокъ, и прежде здоровый цвѣтъ щекъ превратился въ матовую блѣдность.

— Кажется, друзья мои, сказалъ онъ рыбакамъ съ пріятною но грустною улыбкой, что вы поступили благоразумнѣе своего товарища, борящагося тамъ съ бурей, предпочтя кружку сидра морской водѣ.

Дядя Ландри глядѣлъ въ окно и качалъ головой. Вѣтеръ свѣжѣлъ, дождь переставалъ, и на горизонтѣ были видны только одиѣ сѣрыя

тучи, гонимыя вѣтромъ. Блѣдные лучи свѣта слабо освѣтили волнуемую поверхность бурнаго моря. Волны съ силою ударились о скалистый берегъ.

— Дядя Ландри думаетъ, что на этой баркѣ контрабандистъ, сказалъ другой рыбакъ, котораго звали Жаномъ Легви: а я полагаю, что это скорѣе двѣ Экюльвильскія иностранки, которымъ вздумалось покататься по морю.

— Перестань, возразилъ Ландри, ты разсуждаешь, какъ дикая утка; неужели ты думаешь, что я сидѣлъ бы здѣсь, сложа руки, еслибъ эти добрыя дамы находились на морѣ въ опасности? Не слушайте его, генераль, даю вамъ слово Нормандца, что это барка контрабандиста. Добрыя Экюльвильскія дамы будутъ въ опасности, а дядя Ландри станетъ угощаться сидромъ. Когда ты увидишь это, можешь сказать, что эти колпаки носятъ также не честные люди, прибавилъ дядя Ландри, показывая на свой красный колпакъ.

— Я бы съ удовольствіемъ бросился въ воду съ опасностью пожертвовать своею жизнію, чтобъ только подать имъ помощь, вскричалъ Жанъ Легви; да, я думаю всякій здѣшній рыбакъ сдѣлалъ бы тоже.

— Кто же такія эти иностранки? спросилъ генераль.

— О! да это цѣлая исторія, сказалъ дядя Ландри: мы знаемъ ихъ давно, а никогда не слыхали ихъ именъ.

— Да никому и въ голову не приходило спрашивать ихъ объ этомъ, продолжалъ Жанъ Легви; когда онѣ появились здѣсь, онѣ были печальны, какъ наша бѣдная Сусанна, когда на берегу моря нашли трупъ ея мужа. Такъ какъ это было во время взятія подъ стражу герцогини Беррійской, то всѣ подумали, что ихъ братья или мужья замѣшаны въ этомъ дѣлѣ, и тогда, сколько изъ уваженія къ ихъ горести, столько изъ опасенія нарушить ихъ спокойствіе, ихъ не спрашивали.

— Добрые люди! сказалъ генераль.

— Онѣ поселились у бѣдной вдовы Марты, которая имѣетъ маленькій домикъ съ садикомъ и, показывая видъ, что только издерживаютъ деньги для своихъ потребностей, онѣ поддерживали хозяйство вдовы, сказалъ дядя Ландри. Вскорѣ всѣ бѣдные узнали ихъ: не было хижины, въ которой онѣ не ходили бы за больными и не утѣшали несчастныхъ. Казалось, онѣ были небогаты, но всякую малость давали съ такимъ добродушіемъ, что слезы умиленія невольно выступали на глазахъ. Когда у нихъ не было денегъ, онѣ плакали вмѣстѣ съ неимущими и молились Богу. Нѣтъ возможности исчислить всѣ благодѣянія, оказанныя ими. Пріѣздъ ихъ сюда былъ истиннымъ благословеніемъ для всѣхъ.

— И съ этихъ поръ ихъ назвали добрыми Экюльвильскими барынями, вскричалъ Жанъ Легви. Видите ли, генераль, за нихъ я былъ бы готовъ допустить изрубить себя на куски. Это просто жалость видѣть ихъ съ такими печальными лицами, и постоянно въ черныхъ платьяхъ. Онѣ блѣдны какъ мраморъ. Должно быть, не имѣютъ сердца тѣ, которые сдѣлали какое нибудь зло этимъ добрымъ созданіямъ!

— Вы не узнали откуда онѣ прибыли къ вамъ? возразилъ генераль, растроганный разсказомъ рыбака.

— Ничего, сказалъ дядя Ландри; кажется, что онѣ претерпѣли много несчастій; однажды когда говорили о Вандейской войнѣ и объ убитыхъ и раненыхъ въ это время, обѣ онѣ переглянулись и начали плакать. Съ этихъ поръ никто болѣе не говоритъ объ этомъ, и мы думаемъ, что наши догадки справедливы.

— Кажется, одна изъ нихъ госпожа, потому что другая называетъ ее сударынею, прибавилъ Жанъ Легви; я слышалъ однако имя другой, которая поменьше ростомъ и съ большими черными глазами; ее зовутъ Пьереттою.

— Пьеретта! вскричалъ генераль, и поблѣднѣвъ какъ полотно облокотился на каминъ.

Глаза его обратились къ окну. Буря была въ полномъ разгарѣ; свинцовыя тучи покрывали небо; вѣтеръ вздымалъ на зеленоватой поверхности моря валы, которые вставали какъ горы. Лодка, несомая вѣтромъ, то какъ стрѣла взлетала на вершину валовъ, то исчезала между волнами; ее несло къ берегу, гдѣ страшно хлопоталъ бурюнь.

— Что это сдѣлалось съ генераломъ? тихо сказалъ Ландри Жану, потихоньку толкая его въ локоть: онъ ужасно поблѣднѣлъ.

— Друзья мои, сказалъ онъ рыбакамъ, тамъ погибаетъ барка: бѣгите на берегъ и употребите всѣ возможные средства для спасенія людей. Если нужно денегъ...

— Благодарю, прервалъ дядя Ландри, мы не за деньги спасаемъ христіанъ.

Генераль Шампро пожалъ руки рыбакамъ.

— Ступайте же, друзья мои, возразилъ онъ, можетъ быть, на этой лодкѣ находятся добрыя Экюльвильскія дамы.

— Нѣтъ, сказалъ Жанъ Легви, у меня довольно хорошіе глаза, и лодка теперь довольно близко отъ берета, а я не вижу на палубѣ никого кромѣ трехъ или четырехъ матросовъ. Но все равно, кто бы они

не были; мародеры или контрабандисты, я готовъ броситься въ воду, чтобъ спасти ихъ. Въдь это все таки христiane!

Оба рыбака вышли; генераль стоя у окна слѣдилъ за ними взорами. Все слышанное имъ тронуло его до самыхъ сокровенныхъ тайниковъ сердца, въ которыхъ онъ сѣхранилъ горестныя воспоминанiя, не изгладившіяся даже временемъ. Въ бѣдной деревнѣ, на берегу Нормандiи онъ находить ту, которую пламенно любилъ, и въ какомъ положенiи — въ бѣдности, въ уединенiи!

Въ то время, когда въ разстроенной головѣ генерала бродили разныя мысли, дверь гостиницы быстро отворилась, и вошла женщина въ бретонскомъ плащѣ.

— Еще никого нѣтъ! сказала она, бросивъ свой плащъ на стулъ.

При шумѣ шаговъ генераль обернулся.

— Пьеретта! вскричалъ онъ.

Пьеретта въ изнеможенiи упала на стулъ, узнавъ Шампро.

— Полковникъ! сказала она. Вы! вы здѣсь!

— Но чтожь ты тутъ дѣлаешь, Пьеретта? одна ли ты? Не съ Луизой ли? Гдѣ ты ее оставила?

Пьеретта нѣсколько минутъ молча смотрѣла на генерала, но вскорѣ щеки ея, сначала поблѣднѣвшiя, загорѣлись яркимъ румянцемъ; она встала, глаза ея блестѣли, грудь волновалась.

— Кажется, самъ Богъ привелъ васъ сюда, вскричала она: выслушайте меня, господинъ Шампро, и я увѣрена, что тогда вы возвратите спокойствiе бѣдной женщинѣ, не заслуживающей такого наказанiя. Вы спрашивали меня, что я здѣсь дѣлаю? Я ожидаю Виконта Жоржа де Вибре.

— Жоржа! вскричалъ генераль, поблѣднѣвъ какъ полотно.

— Да, Жоржа, возразила Пьеретта: онъ написалъ госпожѣ Шампро, что будетъ въ этой хижинѣ въ полдень 13 числа.

Здѣсь, куда конечно призвала его новая госпожа? сказалъ генераль.

— Здѣсь, гдѣ ожидаетъ его какая-нибудь новая ловушка. Моя госпожа и теперь также невинна, какъ въ то время, когда вы такъ несправедливо ее обвинили. Вотъ уже два года она страдаетъ и молится за васъ.

Пьеретта говорила съ такимъ воодушевленiемъ, какого генераль не замѣчалъ у нея никогда. Тронутый уже разсказомъ рыбаковъ, онъ почувствовалъ, что сердце его растрогалось отъ словъ поселанки.

— Невинна, говоришь ты! возразилъ онъ: а не засталъ ли я ее въ павильонѣ съ Вибре.

— Лучше скажите съ Филиппомъ Казалемъ, который напугалъ ее своими угрозами. Въ этотъ бѣдственный день, въ который моя госпожа лишилась спокойствія, а я потеряла брата, онъ одинъ былъ во всемъ виновенъ. Вы, вы не знали, что Филиппъ Казаль любилъ вашу жену, если можно назвать любовью эту низкую страсть, внушающую только презрѣніе!

— Онъ, Филиппъ?

— И если моя бѣдная госпожа никогда не говорила вамъ объ этомъ, то это отъ того, что не хотѣла обвинять челоуѣка, котораго вы принимали къ себѣ въ домъ и называли своимъ другомъ; притомъ она боялась вашего гнѣва и поединка, который могъ бы произойти, еслибъ вы узнали всю правду. Вы не читали ни одного письма, въ которомъ она оправдывалась, никого не обвиняя. Знаете ли вы, гдѣ она жила?

— Знаю.

— Знаете ли вы какую женщину вы презрѣли и покинули? Но ея благодаренія будутъ говорить громче моихъ слабыхъ словъ. Она сейчасъ прійдетъ; она ожидаетъ Вибре и не знаетъ, что вы здѣсь. Спрячьтесь въ этой низенькой комнатѣ, за этою дверью, вы ихъ увидите и услышите. Тогда, можетъ быть, вы мнѣ повѣрите.

— Мнѣ прятаться! сказалъ генералъ: къ чему это?

— Вы узнаете истину и выслушаете оправданіе. Неужели вы хотите всегда обвинять?

Только что Пьеретта окончила свои слова, оба они увидѣли, что мимо окна проходила Луиза съ двумя рыбаками; она шла въ гостиницу. Пьеретта взяла генерала за руку и почти насильно втолкнула въ маленькую комнатку, служившую кладовой.

— Ступайте же, сказала она ему, надо же наконецъ, чтобъ истина взяла верхъ.

Генералъ уступилъ влеченію этого голоса, оживляемаго самыми благородными чувствами, и скрылся.

Дверь гостиницы отворилась, и вошла Луиза съ знакомцами нашими Жаномъ Легви и дядею Ландри, которые несли Жоржа. Мокрое платье виконта довольно ясно показывало, что негостепріимныя волны выкинули его на берегъ.

— Предчувствіе не обмануло меня, сказала Луиза Пьереттѣ: ка-

кой-то внутренней голосъ говорилъ мнѣ, что онъ былъ на этой баркѣ. Не будь этихъ добрыхъ людей, онъ бы непременно погибъ.

И Луиза съ чувствомъ пожала грубыя руки рыбаковъ.

— О! не благодарите насъ, сказали они, мы уже награждены тѣмъ, что это дѣлаетъ вамъ удовольствіе.

— Увидѣвъ васъ, когда вы бѣжали по берегу такъ близко къ водѣ, что волны мочили ваше платье, клянусь Богомъ! вскричалъ Жанъ Легви, я бы скорѣе утонулъ, чѣмъ допустилъ бы погибнуть этого молодого человека. Да, признаюсь, пора уже была помочь ему: его безчувственного несло волнами.

— Да кончишь ли ты, болтунъ? сказала дядя Ландри, толкая своего товарища, можетъ быть, тамъ погибаетъ кто-нибудь другой

Когда они выходили въ двери, онъ шепнулъ на ухо Жану:

— Надобно оставить ихъ однихъ: развѣ ты не видишь, что тотъ, котораго мы вытащили, точно какъ будто ея мужъ или братъ? Я это сейчасъ понялъ.

Жанъ вытаращилъ глаза, посмотрѣлъ съ удивленіемъ на дядю Ландри и пошелъ за нимъ, кусая губы съ значительнымъ видомъ.

Пьеретта подошла къ Жоржу, который начиналъ приходить въ себя, лежа на скамейкѣ передъ огнемъ. Вскорѣ онъ совершенно опомнился, и первымъ движеніемъ его было прижать руки обѣихъ женщинъ къ сердцу; но первое слово, которое онъ произнесъ, было имя Луизы.

Луиза, сильно растроганная, не скрывала слезъ, которыя текли по ея лицу. Казалось, что вся жизнь Пьеретты сосредоточилась въ ея глазахъ, которые блестѣли яркимъ огнемъ.

Жоржъ, сказала наконецъ Луиза, зачѣмъ вы пріѣхали?

— И вы меня спрашиваете объ этомъ? возразилъ Жоржъ удивленнымъ голосомъ.

— Неужели вы не знаете, что описаніе вашихъ примѣтъ роздано всѣмъ постамамъ жандармовъ, возразила она; и стоило ли подвергать свою жизнь неизбѣжной смерти, чтобъ только послушаться внушенія своихъ чувствъ?

— Могъ ли я не послушаться, когда вы сами меня призывали, сказалъ Жоржъ съ видомъ сильнаго удивленія.

— Я! я васъ призывала?

— Развѣ вы не были больны? вскричалъ Жоржъ, развѣ вы не писали мнѣ черезъ Пьеретту письмо, въ которомъ просили меня прі-

ѣхать проститься съ вами въ эту гостиницу, гдѣ вы отдаете свою душу Господу?

— Но я не была больна, и Пьеретта не писала вамъ.

— Кто же послалъ мнѣ это письмо? вскричалъ Жоржъ. Погодите, прибавилъ онъ, вынимая изъ боковаго кармана совершенно мокрую бумагу; я получилъ это письмо назадъ тому два дня. Въ эту ночь я отправился; живой или мертвый я хотѣлъ быть здѣсь 13-го числа и, не жалѣя золота, убѣдилъ контрабандиста поднять парусъ, не смотря на начинавшуюся бурю.

— Я не писала этого письма, сказала Пьеретта, которая успѣла рассмотреть бумагу: тутъ кроется подлогъ.

— Я былъ въ Портсмутѣ, когда ко мнѣ пришелъ какой-то человекъ. Онъ говорилъ, что только прибылъ, и ему поручено было отдать мнѣ письмо; съ этими словами онъ вынулъ изъ кармана коробочку, въ которой находилось письмо слѣдующаго содержания: «Жоржъ! Я умираю отъ продолжительной болѣзни, и, желая увидѣть васъ предъ своею смертію, пишу вамъ. Пріѣзжайте. Пьеретта пишетъ вамъ вмѣсто меня, потому что я не въ состояніи держать пера; поспѣшайте однако, если желаете застать въ живыхъ ту, которая всегда васъ любила.» А чтобъ я не могъ сомнѣваться въ истинѣ письма, въ коробочкѣ находился, чтобы вы думали, Луиза, коралловый браслетъ, который я подарилъ вамъ, когда вы были еще дѣвочкою!

— Но я потеряла этотъ браслетъ, когда рыбаки вытаскивали меня изъ Сарты, куда я бросилась, желая избавиться преслѣдованій Филиппа Казала. Я теперь все понимаю, прибавила она, глядя на коралловый браслетъ; насъ преслѣдуетъ одна и таже ненависть. Филиппъ нашелъ мои слѣды, которые я тщательно отъ него скрывала. Вчера человекъ, безъ сомнѣнія тотъ же самый, котораго вы видѣли, пришелъ ко мнѣ и отдалъ эту записку.

— Это та самая, которую я ему далъ, сказалъ Жоржъ, разсматривая записку.

— Вы мнѣ писали, что пріѣдете сегодня.

— Я такъ и сдѣлалъ.

— И вы погибли! Если Филиппъ воспользовался моимъ именемъ, то сдѣлалъ это не даромъ. Вы видите, Жоржъ, что я васъ не звала и, что васъ обманули. Поѣзжайте же, и возвращайтесь туда, откуда вы не должны были выѣзжать.

— Вы опять совѣтуете мнѣ бѣжать отъ васъ!

— Чтоже вы намѣрены дѣлать? вскричала Луиза.

— Остаться!

— И такъ вы хотите умереть?

— Послушайте, Луиза, я утомился этой тревожной и безнадежной жизнью; умереть тамъ или здѣсь, мнѣ все равно. Вотъ уже два года какъ я живу въ Англии, а между тѣмъ глаза мои и сердце постоянно обращены къ Франціи, въ которой вы обитаете. Я удаюсь отсюда не иначе какъ съ вами.

— Жоржъ!

— О! я знаю, что вы мнѣ скажете. Въ своей неумолимой гордости вы не хотѣли выслушать меня, вы даже не хотѣли писать ко мнѣ; я долженъ былъ понять, что даже въ минуту смерти вы не хотѣли оставить мнѣ что-нибудь на память, вскричалъ виконтъ съ горечью. Неужели вы будете всегда неумолимы? Мужъ отвергнулъ васъ; вы теперь одни; уѣдѣте со мною; мы скроемъ наше убѣжище отъ цѣлаго свѣта. Я всюду послѣдую, куда бы вы ни желали.

— Я останусь, Жоржъ! васъ ослѣпляетъ любовь; мужъ мой отвергнулъ меня, говорите вы; ну, чтожъ! я принимаю это отверженіе какъ наказаніе за воспоминаніе, которое должно было бы изгладиться изъ моего сердца. Я подожду.

Пьеретта встала и пройдя мимо дверей кладовой, тихо сказала: слышите ли?

Заглушенный вздохъ былъ ей отвѣтомъ.

— Въ такомъ случаѣ я также остаюсь, сказала Жоржъ. У меня нѣтъ болѣе отечества: я изгнанникъ, присужденный къ казни; у меня была одна надежда, и ту вы отнимаете теперь. Я буду ждать, подобно вамъ. Филиппъ можетъ скоро прійти.

— Жоржъ! ради Бога уѣзжайте! вскричала Луиза, ломая руки съ отчаянія.

— Одинъ я не уѣду, сказала Жоржъ.

— Идутъ, сказала вдругъ Пьеретта, обращаясь къ Жоржу, торопитесь!

Луиза встала. Къ гостиницѣ приближался человекъ, видъ котораго оледенилъ кровь въ ея жилахъ.

— Выходите, сказала она прерывающимся голосомъ.

— Если еще не поздно, выходите въ эту дверь и идите въ жилищу Жана Легви. Пьеретта укажетъ вамъ дорогу.

Пьеретта утащила Жоржа въ растворенную боковую дверь гостиной, и вдругъ вошелъ человѣкъ, котораго видѣла Луиза.

— Это былъ Филиппъ.

Луиза облокотилась на столъ, чтобъ не упасть.

Она слышала еще шаги Жоржа и Пьеретты; сердце ея сильно билось въ груди; она посинѣла.

Филиппъ былъ такой же, какимъ она всегда его знала: спокойный и презрительно-насмѣшливый. Онъ поклонился ей такъ, какъ будто бы входилъ въ залу.

— Если бы даже я не зналъ, сказалъ онъ, обращаясь къ ней, то ваше волненіе сказало бы, что Вибре здѣсь.

Щеки Луизы загорѣлись негодованіемъ, она бросила на Филиппа огненный взглядъ.

— И такъ я не ошиблась! вскричала она. Это опять вы!

— Я,—отвѣчалъ онъ. Но удержите, пожалуйста, вашъ гнѣвъ, который только заставитъ насъ потерять драгоценное время. Вы хорошо взяли свои предосторожности, когда оставили Балестрасъ; между тѣмъ какъ васъ искали вдали отъ замка, вы находились за четверть мили у бѣдныхъ фермеровъ, и отправились только черезъ мѣсяць, когда ужъ васъ начинали забывать. Но вы знаете какъ могуще золото; я воспользовался этимъ, и послѣ двухлѣтнихъ тщательныхъ поисковъ, наконецъ открылъ ваше убѣжище. Конечно, вы съ намѣреніемъ доставили мнѣ столько хлопотъ, чтобъ однимъ днемъ вознаградить понесенныя мною тревоги. Вы удалились на берега Нориандіи, конечно, для того, чтобъ быть ближе къ Англіи, гдѣ живетъ виконтъ; благодарите же меня за мое намѣреніе сблизить васъ. Теперь выслушайте меня. Виконтъ приговоренъ къ смерти за неявку къ суду; примѣты его извѣстны вездѣ. Онъ погибъ! Вамъ осталось еще одно средство спасти его. За часомъ, около мили отсюда, на берегу находится почтовая коляска — она моя. Почтальонъ на мѣстѣ. У меня въ карманѣ есть готовый паспортъ, онъ совершенно законный. Посмотрите. Я вамъ говорилъ, что съ золотомъ въ франціи можно все сдѣлать. Этотъ паспортъ его. Подъ вымышленнымъ именемъ онъ можетъ оставить Францію, когда захочетъ. Я пойду въ часовню и буду тамъ ожидать васъ. Если вы придете, паспортъ будетъ отданъ Вибре, и онъ спасенъ; если вы останетесь, черезъ часъ онъ будетъ схваченъ, и вы знаете, что его ожидаетъ. Выбирайте!

Луиза не пошевельнулась. По смертной блѣдности ея лица, по неподвижности ея тѣла можно было бы сказать, что она умерла, еслибъ только руки и ноги ея не тряслись въ слѣдствіе нервнаго раздраженія. Лице ея выражало такое отчаяніе, что даже въ холодную душу Филиппа прокралось состраданіе. При видѣ зла, сдѣланнаго имъ, лице его покрылось морщинами отъ сильной душевной тревоги, слеза омочила его рѣсницы; онъ приблизился. Луиза, увидя это, вздрогнула и отодвинулась; никакой живописецъ не былъ бы въ состояніи передать на полотнѣ ужаса и презрѣнія, выразившихся въ эту минуту на ея лицѣ.

Филиппъ выпрямился какъ раненый тигръ.

— А! вы мнѣ напомнили мщеніе, которое я уже былъ готовъ забыть, вскричалъ онъ, бросивъ на свою жертву блестящій взглядъ. Одного этого движенія было достаточно, чтобъ заглушить въ моемъ сердцѣ чувство жалости, которой я никакъ не думалъ имѣть. Подобныя движенія испортили мою душу. Я чувствую только ненависть и злобу; съ колыбели мнѣ нашептывали ужасное прозваніе: сынъ грабителя; вы мнѣ напомнили, что меня такъ называли нѣкогда. Клянусь вамъ! я буду это помнить, да и вы, надѣюсь, никогда не забудете. Презрѣніемъ подавили во мнѣ всѣ добрыя и благородныя начала; меня вскормили скорбленіями и обидами; меня отталкивали, ненавидѣли, и вы хотите, чтобъ я не мстилъ. Когда я готовъ былъ простить, когда благодѣтельная слеза омочила мои рѣсницы, одинъ вашъ взглядъ напомнилъ мнѣ мое прозваніе. Вы желали, чтобъ я мстилъ, и вы будете первою жертвою моего мщенія. Вы молоды, прекрасны, весьма любимы. Я уже разрушилъ вашъ тронъ почестей, богатства и добродѣтели, и наконецъ вы будете должны обратиться ко мнѣ. Въ свою очередь вы будете просить у меня пощады и милости. Вы знаете мои условія. Еще разъ говорю: выбирайте.

Въ это время дверь съ шумомъ отворилась и Жоржъ воѣжалъ въ гостиницу.

Филиппъ остановился.

— Подлецъ! вскричалъ Жоржъ, и съ топоромъ бросился на Филиппа, но вдругъ вошелъ генераль.

Оружіе упало къ ногамъ вандейца. По знаку Шампро, жандармы вошли въ гостиницу и обезоружили Вибре. Луиза безъ чувствъ лежала на полу; Пьеретта возлѣ нее молилась Богу.

— Вы меня знаете, сказалъ генераль бригадиру; поручаю вамъ

этого чловѣка, вы мнѣ за него отвѣчаете. Потомъ обращаясь къ Вибре, прибавилъ: Не говорите ни слова, виконтъ, все это касается только меня одного; черезъ часъ вы узнаете мое рѣшеніе.

Генераль говорилъ звучнымъ и повелительнымъ голосомъ; въ его взглядѣ выражался тотъ твердый, рѣшительный характеръ, который какъ будто магнетизмомъ обуздываетъ волю другихъ; онъ былъ спокоенъ; но это спокойствіе было ужаснѣ волненія страстей и гнѣва.

Шампро положилъ руку на плечо Филиппа, какъ командоръ на плечо Донъ-Жуана. Филиппъ вздрогнулъ; онъ почувствовалъ, какъ его обдало холодомъ отъ прикосновенія этой руки. Оба они вышли; дверь затворилась за ними. Жоржъ и Пьеретта остались въ мучительномъ страхѣ и ожиданіи. Какъ уже извѣстно, генераль слышалъ все. Увидѣвъ, что Жоржъ удалился и вошелъ Филиппъ, онъ поспѣшно написалъ маленькую записку и велѣлъ конюху отнести ее въ ближайшій постъ жандармовъ. Бригадиру было поручено окружить хижину рыбака и гостиницу. Этому только и желалъ Шампро. Взявъ подъ стражу Вибре, онъ могъ располагать имъ по произволу, чего не былъ бы въ состояніи сдѣлать, еслибъ полицейскіе агенты захватили виконта по приказанію Филиппа. Филиппъ не думалъ, чтобъ генераль зналъ всю правду. Взятіе Вибре подъ стражу, по неизвѣстной ему причинѣ, оставляло его въ недоумѣніи; но когда онъ хотѣлъ говорить, намѣреваясь взвести новыя клеветы, генераль прервалъ его:

— Не теряйте по напрасну словъ, сказалъ онъ ему, я все знаю. Первые таможенные, которыхъ мы встрѣтимъ, будутъ служить намъ вмѣсто секундантовъ. Желая съ вами драться, я дѣлаю вамъ честь.

Съ этими словами оба они пошли къ берегу. Становилось темно; луна начинала выплывать изъ-за облаковъ; море, совершенно-потемнѣвшее, едва отсвѣчивало сѣрыя облака; солнце садилось. Чайки летѣли къ берегу, задѣвая крыльями за гребни волнъ, съ шумомъ разбивавшихся о скалистый берегъ; густой туманъ покрывалъ побережье, и старые дубы жалобно скрипѣли отъ сильнаго вѣтра.

Они увидѣли двухъ таможенныхъ, которые курили трубки, сидя въ углубленіи скалы.

Генераль сдѣлалъ имъ знакъ рукою, они встали. Узнавъ чего отъ нихъ требовали, они приложили руки къ своимъ киверамъ, и молча последовали за генераломъ. Всѣ четверо вскорѣ остановились на берегу уединенной бухточки; мѣсто было весьма удобное для дуэли: на

пескъ нельзя было замѣтить слѣдовъ, и притомъ скалы, окружавшія бухту, скрывали ее отъ любопытнаго глаза.

Генераль снялъ свой сюртукъ; Филиппъ въ молчаніи сдѣлалъ тоже, и чрезъ минуту оба противника скрестили сабли, которыми сеудили ихъ таможенные.

На лицѣ Шампро не пошевельнулся ни одинъ мускулъ; Филиппъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ, не смотря на свое мужество; можно было видѣть, что только одна гордость поддѣрживала его, въ душѣ ему было страшно. Генераль сражался, какъ человѣкъ, желающій побѣдить или умереть; Филиппъ, не смотря на свой внутренній страхъ, защищался искусно, и еслибъ только онъ имѣлъ дѣло съ человѣкомъ, хотѣвшимъ сохранить свою жизнь, то борьба не кончилась бы такъ скоро. Шампро, желая нанести ударъ своему противнику, раскрылъ свою грудь; Филиппъ воспользовался этимъ, и сильно ударилъ его въ грудь своею саблею, но въ тоже время сабля генерала, не хотѣвшаго отражать удары, почти вся исчезла въ тѣлѣ его противника.

Кровь хлынула изъ раны; Филиппъ выпустилъ саблю изъ рукъ, и опустился на песокъ.

Генераль улыбнулся. Таможенные наклонились, чтобъ поднять тѣло Филиппа.

— Не нужно, сказалъ имъ холодно Шампро; потомъ увидѣвъ, что изъ раны течетъ кровь, онъ разорвалъ галстухъ и завязалъ раненое мѣсто.

Твердымъ шагомъ пошелъ онъ къ гостиницѣ.

Таможенные ошиблись; судя по хладнокровію генерала, они думали что рана его самая ничтожная.

Они и не полагали, что эта дуэль была въ одно и тоже время и мщеніемъ, и самоубійствомъ.

Генераль отворилъ двери въ гостиницу. Луиза, которая уже пришла въ себя и узнала о всемъ происходившемъ отъ Пьеретты, бросилась къ нему.

Она невольно отшатнулась, увидѣвъ, что руки его совершенно въ крови.

Шампро былъ блѣденъ какъ мертвецъ; силы его истощались; онъ сѣлъ.

— Вы ранены! вскричала Луиза.

— Я убилъ Филиппа, сказалъ генераль. Онъ мнѣ сдѣлалъ зла болѣе всѣхъ, и я наказалъ его.

— Но вы, вы! повторяла Луиза, съ ужасомъ глядя на окровавленный сюртукъ генерала.

— Это ничего, сказалъ Шампро. Послушайте, Луиза, прибавилъ онъ, взявъ ее за руку: я виноватъ предъ вами; вы были совершенно невинны; негодяй оклеветалъ васъ, и я былъ столько слабъ, что повѣрилъ ему. Можете ли вы меня простить?

Луиза всхлипывала, закрывъ лице руками.

— Ваше отсутствіе отъ меня за васъ; вы страдали, бѣдное ваше сердце было поражаемо нѣсколько разъ въ самыя чувствительныя струны; можетъ быть, вы будете вознаграждены въ будущемъ. Жоржъ! приблизьтесь, сказалъ генералъ, обращаясь къ Вибре.

Голосъ генерала становился глухимъ.

— Если бѣ Филиппъ остался живъ, или если бѣ я былъ убитъ, то бригадиру, который стоитъ здѣсь, было приказано освободить васъ. Жанъ-Легви и дядя Ландри отвезли бы васъ въ Англію; теперь вы свободны и можете дѣйствовать, какъ вамъ угодно. Я тоже виноватъ предъ вами; однимъ словомъ, я хочу вознаградить за все зло, сдѣланное мною. Луиза скоро останется одна; ей нуженъ защитникъ, который бы уважалъ и любилъ ее; поручаю ее вамъ. Я убилъ вашего отца, прибавилъ онъ тише, сжимая руку виконта; пусть моя вина искупится цѣною этой жертвы.

Жоржъ дрожалъ всею тѣлою; двѣ крупныя слезы скатились по его щекамъ.

Луиза съ удивленіемъ глядѣла на нихъ.

Лице генерала посинѣло. Глаза его помутились.

— Она почувствовала, что рука ея соединяется съ рукою виконта.

— Боже мой! что вы дѣлаете? вскричала она.

— Я умираю, сказалъ генералъ.

Голова его склонилась на плечо Луизы; онъ взглянулъ въ послѣдній разъ, сердце его уже не билось.

Пьеретта притаилась въ углу, закрывъ голову передникомъ. При послѣднихъ словахъ Шампро она испустила крикъ, въ которомъ ясно обнаруживались ея чувства, прекрасныя и благородныя, и упала на колѣни.

ЭПИЛОГЪ.

Вибре былъ первый вандеецъ, который явился предъ судомъ, надеясь на ослабленіе приговора. Онъ былъ прощенъ и черезъ годъ женился на вдовѣ генерала Шампро. Что же случилось съ Пьереттой? Пьеретта въ самый день свадьбы скрылась неизвѣстно куда. Г-жа де-Вибре узнала позже, что она умерла въ Менѣ, гдѣ вступила въ общину Сестеръ Милосердія.

АНТОНИНА.

РАЗСКАЗЪ СЪ БЕРЕГОВЪ ЛА-ПЛАТЫ.

Читая испанскія хроники объ открытіи Новаго Свѣта, сначала изумляешься необычайнымъ подвигамъ европейскихъ воиновъ, потомъ начинаешь сожалѣть о бѣдныхъ индѣйцахъ, потревоженныхъ въ ихъ счастливыхъ пустыняхъ и повсюду побѣждаемыхъ. Чѣмъ были эти народы до появленія у нихъ Колумба? Что послѣдовало съ древнѣйшими индѣйскими племенами, забытые слѣды которыхъ нынче отыскиваются? Вотъ вопросы, на которые никогда не будетъ удовлетворительныхъ рѣшеній. Этотъ свѣтъ, новый для насъ, былъ, напротивъ, весьма старъ и разсыпался въ прахъ отъ перваго удара. Европейцы, казалось, были орудіемъ Providѣнія для кары этихъ племенъ за преступленія неизвѣстнаго намъ прошедшаго. Поколѣнія и цѣлыя народы такъ скоро исчезли, что европейцы не успѣли даже изучить типовъ этой пропавшей человѣческой семьи. Надо сознаться, что наша цивилизація не во всемъ можетъ сравниться съ потомками необразованныхъ, но хитрыхъ индѣйцевъ, устранныхъ побѣдою и ея истребленіями.

Среди самыхъ варварскихъ ордъ, среди индѣйцевъ, избѣгающихъ всякаго прикосновенія съ европейцами, находятся типы людей, въ которыхъ замѣтны отвага, самоотверженіе, презрѣніе смерти. Какъ гладиаторъ римской арены, какъ варваръ германскій и гальскій, эти дикіе воины умѣли умирать съ достоинствомъ; они исчезали безмолвно съ земли, которою владѣли ихъ предки, не оставя послѣ себя никакихъ воспоминаній. Для этихъ дѣтей Америки потомства не существуетъ, они исчезаютъ всѣ до одного, подобно послѣдному камню разрушеннаго памятника, который навсегда покрывается травой.

Мы расскажем здѣсь трагическій конецъ одного изъ начальниковъ этихъ племенъ, Кацика Пампы. Событіе это, кажущееся неправдоподобнымъ, принадлежитъ однакожъ исторіи. Оно случилось назадъ тому сто лѣтъ; но племена, прозябающія въ этихъ отдаленныхъ пустыняхъ, не увлеченныя потокомъ цивилизаціи, не измѣнились. Чѣмъ были тогда природные жители Южной Америки, тѣмъ остались они и донынѣ. Въ справедливости нашего мнѣнія мы можемъ сослаться на свидѣтельство тѣхъ, которые подобно намъ могли изучить настоящей бытъ природныхъ индѣйцевъ.

1.

Къ югу отъ Буэносъ-Айреса, на всей Пампѣ, простирающейся отъ Ріо-Колорадо до Ріо-Негро, живутъ издавна племена индѣйцевъ, извѣстныя подъ именемъ Пуэльчесовъ. Не смотря на то, что многія изъ этихъ племенъ заключили въ разное время союзы съ испанцами, ихъ обыкновенно причисляютъ къ свирѣпымъ индѣйцамъ «Indios Bravos.» Ни время, ни сосѣдство съ образованною націею не могли укротить ихъ звѣрскихъ нравовъ. Сколько разъ дѣлали они набѣги даже до окрестностей столицы Ріо-де-ла-Платы, истребляя ураганомъ селенія и возвращаясь въ свои безконечныя пустыни, чтобъ опять неожиданно явиться въ другомъ пунктѣ. Это американскіе бедуины, съ тою только разницею, что у нихъ страсть къ грабежу замѣняетъ религіозный фанатизмъ. Они не обладаютъ однакожъ ни возвышенностью мыслей, ни поэтическимъ языкомъ, которые составляютъ принадлежность восточныхъ народовъ.

Разсказъ нашъ относится къ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ это время одинъ предприимчивый и хитрый кацикъ распространялъ свои губительные набѣги съ береговъ ла-Платы къ юго-востоку отъ Буэносъ-Айреса, до деревни Пергамино. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ перемирія, онъ поднялъ опять оружіе. Болѣе трехъ-сотъ всадниковъ собралось подъ его начальствомъ на тощихъ клячахъ, прирученныхъ однакожъ къ величайшимъ трудностямъ, и столь-же дикихъ, какъ ихъ всадники. Въ одинъ холодный іюньскій день, т. е. въ срединѣ зимы на южномъ полушаріи, блуждающая орда сдѣлала привалъ на берегу неглубокаго ручья, котораго воды тихо катились чрезъ пространную равнину. Лошади, привязанныя длинными ремнями къ кольямъ, паслись на мягкой зелени, а индѣйцы отдыхали лежа на землѣ близъ своихъ копей, сложенныхъ въ козлы. Хищныя птицы реяли по сврому небу; на песчаныхъ холмахъ, насыпанныхъ надъ норами вискачосъ, сурковъ Пампы, сидѣли неподвижно совы, какъ ча-

совые, хлопая глазами и пряча свои круглые головы въ перья на шеѣ. Голая степь походила на большое озеро зеленоватой воды, береговъ котораго не было видно.

Вдругъ показался на горизонтѣ строусъ; онъ быстро бѣжалъ и рѣзалъ короткими крыльями траву; такъ скользить по водѣ петрель, едва касаясь волнъ своими перепончатыми лапами. Индѣйцы тихо приподняли головы, опираясь на локоть. Вытянувъ шею, устремивъ глаза на бѣгущаго строуса, они старались открыть: какой врагъ, можетъ быть, самъ того не зная, гонить эту робкую и осторожную птицу. Вскорѣ маленькое облачко пыли, несущееся вдаль по вѣтру, какъ утренній туманъ, ясно обозначилось. Кацикъ быстро взглянулъ на своихъ воиновъ. Понявъ мысль начальника, они оперлись на длинныя копыя, вскочили на коней и тотчасъ сомкнулись въ густой строй. Труппа пуэльчесовъ сначала отступила, чтобъ не быть замѣченной, и остановилась позади небольшого возвышенія. Воины хранили глубокое молчаніе, держа въ одной рукѣ тройные ремни съ шариками, посредствомъ которыхъ могли бросать этотъ арканъ и связывать имъ непріятеля на разстояніи двадцати шаговъ, а въ другой копье украшенное пучкомъ строусовыхъ перьевъ. Обхвативъ голыми ногами ребра лошадей, они не обнаруживали никакого движенія своими сплюсненными красными лицами, похожими на мѣдъ, выходящую изъ рудниковъ Кокимбо въ Чили. Подобно стаѣ коршуновъ, кроющихся въ разщелинѣ утеса, они поджидали добычу, почуя издали грабежъ.

Между тѣмъ отъ оконечности горизонта направлялась къ нимъ толпа всадниковъ, ничѣмъ непоходившая на орду пуэльчесовъ. Это была эскадронъ испанскихъ кавалеристовъ, загорѣлыхъ отъ воздуха Пампы и солнца, но исполненныхъ живости и отваги. Они напоминали собою первыхъ завоевателей Новаго Свѣта: въ то время едва еще было замѣтно начало ослабленія колоссальнаго могущества Испаніи. Кавалеристы приближались въ совершенномъ порядкѣ; копыя ихъ упирались въ стремяна, карабины были въ сѣдельной лукѣ; латы изъ буйволовоы кожи закрывали имъ грудь, и кривая сабля билась о каблукъ высокихъ ботфортъ. Одни напѣвали внодголоса андалузскія пѣсни, другіе ладонью руки ласкали лошадей, раздѣлявшихъ тягости похода, и дружески съ ними разговаривали, — что, казалось, хорошо понимали животныя, обреченныя жить въ сообществѣ съ человѣкомъ. Позади этой воинственной труппы ѣхали толпою купцы и фермеры «estancieros», между которыми были и дамы, воспользовавшіяся походомъ кавалеристовъ, чтобъ переѣхать Пампу и благополучно достигнуть Буэнос-Айреса. Тогда какъ солдаты, при-

ученные къ дисциплинѣ, молчали и хранили съ точностью свои мѣста, аррьергардъ предавался шумнымъ разговорамъ и ѣхалъ какъ попало.

— «Senores,» говорилъ съ важностью толстый господинъ, украшенный кружевами и золотой цѣпью: «Senores», лучшей брилліантъ въ испанской коронѣ—Перу. Когда его превосходительство вице-король торжественно въѣзжалъ въ Лиму, мы устлали золотыми слитками всю дорогу, по которой онъ долженъ былъ проходить отъ восточныхъ Каллао до соборной церкви.

— Золото ваше истощится, отвѣчалъ чилийскій колонистъ, уроженецъ Галиціи, привыкшій къ полевымъ работамъ; золото изъ вашихъ рукъ исчезнетъ, а Чили всегда будетъ давать хлѣбъ, не говоря уже о ея мѣдной рудѣ.

— Знаете ли вы, перебилъ кавалеристъ съ широкими шпорами, что эти равнины также заключаютъ въ себѣ неистощимыя богатства? Я, который это вамъ говорю «Senores», считаю на моей «estancia» около трехъ тысячъ головъ рогатаго скота и до полуторы тысячи лошадей андалузской породы.

— Золото, золото—вотъ настоящее богатство людей, возразилъ съ гордостью перуанецъ.

— Люди питаются хлѣбомъ, а не металломъ, хотя бы онъ былъ и самый драгоценный, прервалъ упрямый галиціецъ.

— Не худо прибавить къ нему кусокъ свѣжей говядины или солонины, сказалъ съ важностью «estanciero».

— Тише! вскричалъ капитанъ отряда: если будете такъ шумѣть, рѣжу буксиръ и пускаюсь въ галопъ съ моими товарищами, оставайте себя одни среди Пампы.

Офицеръ, говорившій это, былъ прекрасный молодой человекъ, мужественной наружности, съ тонкими черными усиками. Онъ ѣхалъ позади войска, возлѣ молодой, миловидной дѣвушки, сидѣвшей на бѣлой какъ снѣгъ лошади. Послѣ выходки своей на счетъ болтуновъ, онъ наклонился къ дѣвушкѣ и, улыбаясь, сказалъ ей:

— Однимъ словомъ можно заставить молчать этихъ американскихъ попугаевъ; но вы увидите, что они скоро опять начнутъ свой споръ, какъ будто настоящее богатство не состоитъ въ обладаніи всѣхъ этихъ вещей вмѣстѣ.

— Донъ-Жозе, отвѣчала дѣвушка, когда я думаю что можетъ быть чрезъ шесть мѣсяцевъ увижу наши прелестныя гренадскія горы и раззолоченныя башни Альямбры, я не помню себя отъ радости. Ахъ, какъ наскучили мнѣ эти пустыни!

— А мяѣ онѣ напоминаютъ равнины, окаймляющія Гвадалквиръ, между Сан-Лукаромъ и Севильею, отвѣчалъ молодой капитанъ.

— За исключеніемъ прекрасныхъ апельсиновъ, возразила молодая дѣвушка.

— Донна Антонина, сказалъ офицеръ, понизивъ голосъ: браните Памиу, сколько вамъ угодно, а я ее люблю, потому что часто здѣсь сражался, въ особенности же потому, что нашелъ въ ней драгоцѣннѣйшій перлъ Америки...

— Вотъ комплиментъ, который заставилъ бы улыбнуться севильскихъ дамъ, прервала его, улыбаясь, Антонина. Однако подадимтесь немного впередъ; тетушка смотритъ на меня строгими глазами, потому что мы отстали отъ нея на три шага.

Приближаясь къ группѣ путешественниковъ, Донъ-Жозе сталъ нахвистывать старый романсъ:

« Si madre lo sabe,
Habra cosas buenas!
Clavarà ventanas,
Cerrarà las puertas! »
« Еслибъ матушка узнала,
Вотъ была бъ потѣха!
Затворила бы окошко,
Заперла бы двери! »

Потомъ, привѣтствуя тетушку Марту съ особенною учтивостью: — « Senoga », сказалъ онъ: не угодно ли вамъ на минуту сойти съ лошади и позволить вашему преданнѣйшему слугѣ подтянуть немного подпруги. Мы въ открытомъ полѣ, и если случится намъ непріятная встрѣча, я боюсь, чтобъ съ сѣдломъ, худо прилаженнымъ, вы не упали на траву.

Дуэнья съ достоинствомъ оперлась на руку молодаго кавалериста и сошла на землю. Офицеръ, поправивъ сѣдло, помогъ снова тетушкѣ Мартѣ сѣсть на лошадь, и такъ почтительно поклонился зрѣлой красавицѣ, что перья, развѣвавшіяся на его сѣрой шляпѣ, достали до травы. Марта, довольная такимъ знакомъ вниманія, ловко галошировала подлѣ капитана Донъ-Жозе, закидывая вверхъ свою голову и важничала, какъ пава, жеманно играя опахаломъ. — Дочь моя, сказала она Антонинѣ, догнавъ ее: начальникъ нашего отряда премилый кавалеръ, нельзя быть болѣе любезнымъ!

Въ ту минуту, какъ Марта произносила послѣднія слова, ужасный ревъ, какъ бы выходящій изъ-подъ земли, заставилъ невольно содрогнуться испанскихъ всадниковъ; лошади ихъ встали на дыбы. Это былъ пронзительный крикъ индѣйцевъ Пампы, готовящихся къ бою. Въ тоже мгновеніе толпа пуэльчесовъ ринулась густою колонной на небольшую труппу испанскихъ солдатъ.

Оправясь отъ смущенія, испанцы дружно выстрѣлили изъ карабиновъ прямо въ голыя груди индѣйцевъ. Ружейный огонь произвелъ на нихъ обычное дѣйствіе: нѣкоторые упали на землю, чтобъ никогда болѣе не вставать, а прочіе поспѣшили повернуть назадъ. Еще разъ однакъ попробовали они броситься въ атаку, наклонивъ головы и вонзая острия копья въ латы своихъ противниковъ. Донъ-Жозе, бросаясь впередъ, поражаѣ индѣйцевъ концемъ длинной своей шпаги. Но въ ту секунду, какъ арріергардъ, состоящій изъ купцевъ и женщинъ спѣшилъ укрыться въ срединѣ эскадрона, отважный кацикъ налетѣлъ на него, какъ тигръ, ищущій добычи среди стада газелей. Онъ перескочилъ черезъ трупы, которыми устлана была земля, вскочилъ на шю бѣлоснѣжной лошади, схватилъ могучими руками бѣдную дѣвушку и помчался съ нею черезъ равнину.

— Спасите, спасите, Донъ-Жозе! «Senor capitane!» спасите бѣдную Нишу! кричала въ изступленіи тетушка Марта. Пронзительный крикъ дуэньи заглушалъ шумъ схватки. Храбрый капитанъ, бросивъ саблю, схватилъ карабинъ, поправилъ на головѣ шляпу съ широкими полями, и пустился во весь духъ за бѣлоснѣжною лошадыю, увлекая за собою нѣсколько всадниковъ.

— О Боже! воскликнула донна Марта, судорожно сжимая въ рукахъ своихъ онахало: слѣдуйте, слѣдуйте за ними! Чтожъ вы стоите? неужели допустите, чтобъ двкаръ похитилъ Антонину?

— Если мы разѣемя по равнинѣ, отвѣчали солдаты, на насъ опять нахлынутъ язычники, которые бѣгутъ теперь на полночь. Кто жъ тогда будетъ беречь нашихъ раненыхъ?

— А мы, говорили купцы и женщины, какъ же останемъ безъ защиты?

— Нелегкій бы взялъ этотъ арріергардъ женщинъ и трусовъ! пробормотали съ досадою нѣкоторые раненые солдаты; они разстроили наши ряды, а мы, по ихъ милости, можетъ быть на весь вѣкъ останемъ калеками.

— Трусы! трусы! кричала дуэнья: они хотятъ здѣсь оставаться! развѣ невидите, какъ далеко ускакалъ Донъ-Жозе.

Говоря это, донна-Марта хотѣла сама пришпорить свою лошадь, но иноходецъ заорточился, и дуэнья поневолѣ должна была оставить намѣреніе свое пуститься за храбрымъ капитаномъ, который летѣлъ, какъ стрѣла, раздирая острыми шпорами бока своей лошади.

Оставивъ далеко за собою солдатъ, онъ нечувствительно приближался къ кацику. Задыхающійся дикарь, сверкая взоромъ возбуждалъ неистовымъ свистомъ пылкость своей лошади, на которой надѣялся укрыться отъ преслѣдованія Донъ-Жозе. Онъ могъ бы пожертвовать своею добычей, спустить молодую дѣвушку на траву, — это заставило бы непріятеля остановиться и индѣецъ успѣлъ бы спастись. Но онъ, какъ бы насмѣхаясь надъ храбрымъ испанцемъ, размахивалъ съ торжествующимъ видомъ своимъ широкимъ ножомъ и дѣлалъ знакъ, будто вонзаетъ его въ грудь Антонины. Этимъ угрожающимъ жестомъ онъ, казалось, говорилъ: если догонишь меня, я убью дѣвушку. Видя однакожъ, что Донъ-Жозе дѣйствительно его догоняетъ, онъ отетегнулъ отъ своего пояса шарики, которыми унизаны были концы тройнаго ремня, и поднявъ правую руку надъ головою, съ такою силою бросилъ назадъ арканъ, что шарики его взвизгнули подобно камню, пущенному изъ праща. Донъ-Жозе былъ бы сброшенъ съ лошади, еслибъ не удалось ему наклонить голову; однакожъ онъ получилъ такой ударъ, что изъ глазъ посыпались искры. Шляпа его далеко улетѣла отъ лошади. Выпрямясь и чувствуя въ душѣ отвагу, являющуюся у людей храбрыхъ въ минуты величайшей опасности, онъ мгновенно прицѣлился карабиномъ. Помогли, Боже! тихонько произнесъ онъ. Выстрѣлъ раздался—и, въ то же время бѣлая лошадь, несшая Антонину и кацика, повалилась на песокъ. Молодая дѣвушка, лишившаяся чувствъ, была освобождена, но кацикъ, вскочивъ на ноги, съ горящими глазами готовъ былъ на отчаянную битву. Между тѣмъ подоспѣли солдаты, они его окружили; нанесли саблями нѣсколько ранъ кацику, обезоружили, и связали его поводьями своихъ лошадей.

Когда Антонина пришла въ себя, она была въ объятіяхъ Донъ-Жозе, который показывалъ ей на горизонтѣ бѣгущую нестройную толпу пуэльчесовъ. Не опасаясь ничего болѣе, испанцы осмотрѣли равнину, и въ нѣсколько минутъ забрали десятокъ спѣшившихся и раненыхъ индѣйцевъ, которые скрывались въ высокой травѣ.

Когда Донъ-Жозе присоединился къ своему отряду съ плѣннымъ кацикомъ, тамъ находилось, какъ мы сейчасъ сказали, еще десять дикарей, приготовившихся къ смерти. Радостные крики привѣтствовали возвращеніе молодой дѣвушки и храбраго капитана. Донна-Марта, не престававшая испускать горестные вопли въ минуты опасности, теперь радостно воскликнула побѣду и со слезами бросилась въ объятія племянницы. Послѣ сильныхъ ощущеній надо же было порыдаться и поплакать.

— Господинъ капитанъ, спросили солдаты Дона-Жозе, что же мы будемъ дѣлать съ разбойниками?

Молодой капитанъ, понимая къ чему клонится рѣчь, подумавъ пемного, отвѣчалъ: Вы знаете, друзья мои, что эти люди не даютъ никому пощады; но они дикари, язычники: будемъ же великодушнѣе ихъ, потому что мы христіане. Пусть посадятъ ихъ въ тюрьму въ Буэносъ-Айресъ: тамъ мѣсто для нихъ найдется, и губернаторъ рѣшитъ ихъ участь.

Пощадивъ жизнь плѣнныхъ, Донъ-Жозе платилъ должную дань челоуѣколюбію, составляющему лучшую принадлежность людей образованныхъ. Ему нечего было опасаться горети побѣжденныхъ и обезоруженныхъ индѣйцевъ! Притомъ онъ хотѣлъ предохранить Антонину и ея тетку отъ ужаснаго зрѣлища.

Мало-по-малу въ маленькомъ отрядѣ, такъ неожиданно атакованномъ, возстановился порядокъ. Трупы индѣйцевъ, убитыхъ въ сраженіи, оставлены были на съѣденіе хищнымъ птицамъ. Пустились вновь въ походъ съ нѣкоторою торжественностью. Солдаты, лишившіеся лошадей, заняли мѣста позади своихъ товарищей. Вся добыча побѣдителей заключалась въ нѣсколькихъ копьяхъ, отнятыхъ во время сраженія у пуэльчесовъ или найденныхъ на полѣ битвы. Раненые, съ обвязанными головами, съ подвязанными шарфомъ руками, или съ ногой, освобожденной отъ тяжелаго ботфорта и обернутою холстиной, на которую выступала кровь, утѣшали себя въ страданіи мыслию, что несутъ на себѣ памятные знаки счастливой битвы.

Между воинами, прибывшими изъ Европы поддерживать почти на оконечности Новаго Свѣта честь своего отечества, шли связанные веревками одиннадцать челоуѣкъ плѣнныхъ индѣйцевъ, которыхъ участь войны лишила родины и свободы. Кацикъ, отличавшійся серебряною повязкою, поддерживавшею на лбу его черные волнистые волосы, шелъ впереди, вперивъ въ даль взоры и прислушиваясь, не отзовется ли гдѣ нибудь звукъ, возвѣщающій новый набѣгъ его воиновъ. Онъ

не обращалъ никакого вниманія на кровь, струившуюся изъ его ранъ на мягкую траву Пампы. Казалось, что онъ оглушенъ былъ своимъ несчастіемъ и стыдился пораженія, понавшись, какъ гнавшій голубя коршунъ, въ силки птицелова. Донъ-Жозе помѣстилъ купцевъ и женщинъ впереди своей труппы. Видъ ликарей, которыхъ пронзительный крикъ отзывался еще въ ушахъ и воспоминаніе столь недавняго набѣга, жертвою котораго чуть не сдѣлалась Антонина, причиняло ей столько страха, что она не смѣла оглянуться. Блѣдная, трепещущая, она закрывала прекрасное свое личико шелковой мантилей, и прижималась къ тетукѣ Мартѣ.

— Успокойся, дочь моя, говорила ей дуэнья, и благодари Бога, что онъ спасъ тебя отъ великой бѣды. Что прошло, то прошло. Я потеряла мое опахало въ схваткѣ, и должна прѣхать въ Буэносъ-Айресъ какъ «chola», * но я не безпокоюсь объ этомъ... Скажи же словечко этому храброму молодому офицеру, который возвратилъ тебя намъ.

Молодая дѣвушка бросила на Дона-Жозе томный, но столь нѣжный взоръ, что онъ почелъ себя вполне награжденнымъ за свой поступокъ: «Senoga,» сказалъ онъ ей, наклонясь на сдѣлѣ: я чувствую болѣе стыда, что допустилъ непріятели нечаянно проникнуть въ наши ряды, нежели славы, что побѣдилъ его, и обращаясь къ толстому перуанцу, который послѣ встрѣчи съ пуэльчесами оставался безмолвнымъ, громко сказалъ ему: «Senor Limeno», ** если золото драгоценнѣе всѣхъ металловъ, то согласитесь, что въ иное время свинецъ и желѣзо также имѣютъ свое достоинство.

II.

Маленькій караванъ и его храбрый конвой скоро прибыли въ Буэносъ-Айресъ. Солдаты, расположенные по квартирамъ, отдохнули отъ трудовъ продолжительной кампаніи. Донъ-Жозе нашелъ письма изъ Европы, по которымъ долженъ былъ возвратиться въ Испанію, къ своимъ роднымъ. Хотя ему и жаль было разстаться съ жизнью, исполненною дѣятельности, которая нравилась предприимчивому и смѣлому воину,

* Метисса, рожденная отъ Европейца и Индіанки.

** Житель Лимы.

но надежда ѣхать вмѣстѣ съ Антониной очень уменьшила цѣну приносимой имъ жертвы. Донна Марта и ея племянница ждали въ Буэносъ-Айресѣ отправления корабля, на которомъ должны были возвратиться въ Испанію. Когда онѣ узнали, что молодой офицеръ будетъ имъ сопутствовать, то не опасались болѣе скуки длиннаго плаванія и избрали Донъ-Жозе своимъ покровителемъ. Капитанъ, становясь услужливымъ кавалеромъ дуэньи, надѣялся въ тоже время быть чѣмъ нибудь и для восхитительной Антонины.

Пока дамы, приготовляясь къ путешествію, часто вспоминали объ отечествѣ, которое скоро должны были увидѣть, Донъ-Жозе и молодая дѣвушка, имъ спасенная, предавались очарованіямъ рождающейся любви, индѣйцы томилась въ тюрьмѣ. Ихъ не бросили въ душную темницу, не обременили цѣпями, напротивъ позволили прохаживаться по тюремному двору, куда воздухъ и лучи солнца свободно проникали; но все же они не видѣли своей зеленой Пампы съ отдаленнымъ горизонтомъ, не ходили по мягкой травѣ степеней. Ихъ окружали бѣлыя, неприступныя стѣны, и они сидѣли прижавшись въ углу двора, угрюмые, молчаливые, окутанные въ свои длинныя покрывала. По временамъ стукъ копытъ, несущейся близь тюрьмы лошади, грустно отзывался въ ихъ сердцахъ. Подобно тому, какъ орелъ, заключенный въ клеткѣ, наклоняя голову видитъ чрезъ желѣзную рѣшетку беззаботно летающую ласточку, индѣйцы молча и уныло смотрѣли на облака, которыя легкій ветерокъ несъ надъ ихъ головами. Скука сѣдала дикарей, неспособныхъ въ ихъ положеніи ни къ какой работѣ; такъ ржавчина съѣдаетъ желѣзо, закопанное въ землю. Они ни о чемъ не думали, терпѣли и грустили о потерянной свободѣ, безъ которой не можетъ жить дикарь.

Люди эти, при всей ихъ дикости и жестокости, принадлежали однакожъ къ общей семьѣ человѣческаго рода: у каждаго изъ нихъ въ какомъ нибудь отдаленномъ уголкѣ степи были жены и дѣти, которыхъ никогда можетъ быть они не увидятъ; эти разорванныя связи причиняли имъ нестерпимыя мученія. Но гордость не позволяла имъ обнаруживать своей скорби, которую они скрывали подъ беззаботнымъ, безчувственнымъ видомъ. Кацикъ во время своей молодости выучилъ нѣсколько испанскихъ словъ, но никогда не произносилъ ихъ передъ тюремными сторожами когда тѣ обращались къ нему съ насмѣшками или призывомъ.

Уже три мѣсяца индѣйцы томилась въ этой тюрьмѣ и, по всей вѣроятности, надолго были бы въ ней забыты, еслибъ одно обстоятельство,

имѣвшее на могущество Испаніи значительное вліяніе, не вызвало ихъ на сцену. Англія объявила войну Испаніи. Небольшая англійская эскадра, подъ начальствомъ Ансона, устремилаеь къ южнымъ морямъ, гдѣ должна была соединиться съ болѣе значительнымъ флотомъ, которымъ командовалъ адмиралъ Вернонь. Вышедъ поздно изъ Европы, корабли комодора Ансона достигли мыса Горна въ самое неблагоприятное время года. Жестокимъ порывомъ вѣтра разсѣяло эскадру, половина которой не могла обогнуть мыса. Когда комодоръ пошелъ къ острову Хуану Фернандецу, чтобъ стать тамъ на якорь, у него оставались только два корабля и пинка, нагруженная провизіей. Испанскій флотъ, посланный чтобъ помѣряться силами съ англійскимъ флотомъ, потерпѣлъ еще болѣе бѣдствіе. Одинъ изъ кораблей его пошелъ ко дну въ открытомъ морѣ, другой выброшенъ былъ на бразильскій берегъ, третій, выходя изъ Ла-Платы, наткнулся на банку, и принужденъ былъ возвратиться съ такими поврежденіями, что его надлежало бросить. И такъ, въ Монтевидео оставался одинъ только большой корабль, стоявшій на якорѣ цѣлые три года, и его-то кое-какъ вооружали, чтобъ онъ могъ выйти въ море. Начальствующій надъ морскими силами, которыя такъ уменьшились отъ бурь и разныхъ приключеній, возвратился берегомъ изъ Чили въ Буэносъ-Айресъ, и тотчасъ занялся исправленіемъ и вооруженіемъ единственнаго корабля. Потребовали всѣхъ работниковъ, какіе были въ портахъ Буэносъ-Айреса и Монтевидео, и когда всѣ работы почти были кончены, комодоръ отправился къ губернатору.

— Государь мой, сказалъ онъ ему, для полнаго вооруженія Азіи (имя корабля) мнѣ нужно пятьсотъ человѣкъ матросовъ, а у меня ихъ едва сотня.

— Здѣсь скорѣе можно найти кавалеристовъ, чѣмъ матросовъ, отвѣчалъ съ замѣшательствомъ губернаторъ.

— Однако жъ служба Его Величества требуетъ, чтобъ Азія была вооружена. Мнѣ нужно найти людей, во что-бы то ни стало.

— Можетъ и добудете сотню рыбаковъ, лодочниковъ, разумѣется, въ томъ числѣ попадутся и метисы.

— Очень хорошо, вотъ у насъ ужъ и двѣ сотни. Не можете ли еще чего предложить?

— Подождите, господинъ комодоръ: не хотите ли взять на корабль плѣнныхъ англичанъ, ихъ найдется человѣкъ шестьдесятъ.

— Гм? пробормоталъ комодоръ: это будетъ не очень благоразумно, но необходимость заставляетъ и ихъ взять. А еще...

— У меня есть сотня португальскихъ контрабандистовъ, съ которыми я очень желалъ бы разстаться.

— Я вамъ въ этомъ охотно помогу; ну, постарайтесь же дополнить мнѣ хотя четвертую сотню.

— Вамъ нужно моряковъ, по крайней мѣрѣ людей, знакомыхъ съ моремъ, но къ чему бы вамъ послужили бѣдняки, никогда не видавшіе ни рей, ни парусовъ?

— Тянуть снасти, возразилъ комодоръ: еще дюжинку здоровыхъ ребятъ, и я съ вами квитъ.

— Ну, хорошо! Возьмите одиннадцать человекъ пуэльчесовъ, которые содержатся въ тюрьмѣ, право, не знаю зачѣмъ; но если успѣете что нибудь изъ нихъ сдѣлать, готовъ дать повѣсить себя на грота-реѣ вашей Азіи.

Губернаторъ произнесъ послѣднія слова вполголоса.

Комодоръ тотчасъ отдалъ приказъ, чтобъ этотъ экипажъ, составленный изъ такихъ разнородныхъ стихій, былъ перевезенъ на корабль. Когда отворили индѣйцамъ двери ихъ тюрьмы, они колебались выйти, не понимая, куда хотять ихъ вести. Въмѣсто того, чтобъ мѣнять одну тюрьму на другую, они предпочитали остаться тамъ, гдѣ три мѣсяца уже страдали: можно привыкнуть и къ самому горю. Матросы, пришедшіе за индѣйцами, поставили ихъ въ ряды свои и такимъ образомъ привели ихъ на взморье. Ихъ посадили на большія лодки, которыя по тегенію Ла-Платы спустились до Монтевидео, гдѣ стояла Азія на якорѣ, кое-какъ вооруженная и готовая къ отплытію.

Шумъ людей, занятыхъ маневромъ, бѣготня ихъ по палубѣ и снастямъ удивляли пуэльчесовъ. Они смотрѣли на корабль разинувъ рты, не догадываясь, что и имъ назначено быть дѣйствующими лицами на этой пловучей крѣпости. Одинъ офицеръ толкнулъ ихъ на бакъ, квартирмейстеръ роздалъ имъ матросское платье съ прибауткой, возбудившею общій смѣхъ: матушка ваша позабыла дать вамъ приданое, дѣтшки, такъ наденьте эти синія рубахи.

Индѣйцы одѣвались съ неловкостью и отвращеніемъ и походили во время этой тяжелой для нихъ операціи на осужденныхъ, которыхъ одѣваютъ въ печальную тюремную одежду. Въ ту минуту, какъ подъ ножицами цирюльника падали длинные волосы пуэльчесовъ, къ капитанскому трапу пристала шлюпка. Мужчина и двѣ женщины вошли на палубу, это были пассажиры: Донъ-Жозе, тетушка Марта и племянница ея Антонина. Донна Марта размахивала въ правой рукѣ новымъ

прекраснымъ опахаломъ и опиралась на молодаго офицера, съ важнымъ видомъ дуэньи, которая не отказалась еще отъ желанія нравиться. Подлѣ тетушки шла Антонина, не много смущенная при видѣ столькихъ мужчинъ, столпившихся въ одномъ мѣстѣ. Молодая дѣвушка чувствовала какое-то неопредѣленное безпокойство, которое невольно сжимаетъ сердце при началѣ каждаго дальняго путешествія. Въ эту минуту страна и не очень нами любимая, въ которой мы не оставляемъ ни сердечныхъ воспоминаній, на родныхъ, ни друзей, украшается какою-то неожиданною прелестью. Последнее пѣніе береговой птички, хотя бы то было чириканье воробья, сладко отзывается въ ухахъ того, кто пускается въ безбрежный океанъ!

Въ первые дни путешествія индѣйцы, подлѣ вліяніемъ морской болѣзни, машинально повиновались отдаваемымъ вокругъ нихъ приказаніямъ. Они, какъ ошеломленные, ждали смерти и даже съ нетерпѣніемъ готовы были окончить жалкое свое существованіе. Частенько случалось имъ получать и тузы; низшіе офицеры и даже матросы обходились жестоко съ этими странными существами, не понимающими самаго простаго морскаго маневра.

Пуэльчесы, по мѣрѣ того какъ привыкали къ морской качкѣ, сильнѣе стали чувствовать наносимыя имъ оскорбленія. Особенно кацикъ одержимъ былъ лихорадочнымъ гнѣвомъ. Иногда смотрѣлъ онъ на море съ безмолвнымъ отчаяніемъ, иногда прятался въ уголь палубы, какъ лютый звѣрь, котораго безпокоитъ толпа любопытными взорами. Когда доводилось ему работать вмѣстѣ съ матросами, съ которыми одинаково былъ одѣтъ, онъ замѣчалъ проходящую мимо его группу трехъ пассажировъ. Молодая дѣвушка, которую онъ такъ отважно похитилъ въ пустынѣ и имѣлъ нѣкоторое время въ своихъ рукахъ какъ принадлежащую ему добычу, теперь смѣялась, и весело разговаривала, прогуливаясь подлѣ руку съ офицеромъ, его побѣдителемъ. Донъ-Жозе не узнавалъ однако жъ въ новомъ костюмѣ кацика, того самаго, который нѣсколько мѣсяцевъ назадъ начальствовалъ страшною ордою, а теперь его едва считали человѣкомъ.

Однажды сдѣлался штиль и корабль оставался совершенно неподвижнымъ. Задувавшій иногда, съ той или другой стороны, слабый вѣтерокъ, замиралъ на большихъ парусахъ, упадавшихъ вдоль высокихъ мачтъ. Вахтенный офицеръ, соскучась неподвижностью корабля, безпрестанно перемѣнялъ положеніе парусовъ при всякомъ мимолетномъ вѣтеркѣ, начинавшемъ рабѣть воду. Матросы, устали отъ безконечной, напрасной

работы, начинали уже по тихоньку роптать. Индѣйцы съ своей стороны тянули снасти медленно и машинально. Видъ этихъ автоматовъ разсердилъ нетерпѣливаго офицера: не имѣя возможности вымѣстить своего гнѣва на вѣтрѣ, онъ устремился съ поднятою рукою на кащика. Индѣецъ оттолкнулъ его, но имѣлъ дѣло съ человѣкомъ сильнымъ, урожденцемъ горъ каталонскихъ. Каталонецъ, разъяренный его непокорностью предъ лицомъ всего экипажа, напалъ на пузльчеса со всею силою. Бѣдный индѣецъ, окровавленный, разбитый, остался распростертымъ на палубѣ.

Индѣйцы, увидѣвшіе своего начальника въ такомъ жалкомъ положеніи, почтительно подошли къ нему. Они привели его въ чувство, брызгая водою въ лицо, и матросы съ удивленіемъ смотрѣли на пособія, оказываемыя дикарями человѣку ихъ племени; казалось, что всѣ они раздѣляли его страданія и позоръ.

Кащикъ раскрылъ глаза, потомъ закрылъ ихъ опять руками, какъ будто-бы стыдъ подавлялъ его. Такъ оставался онъ нѣсколько времени углубленный въ мысли, едва дыша. Изъ вздымающейся груди его вырывались глухіе стоны; онъ трепеталъ всѣми членами, какъ дрожитъ барка, коснувшаяся килемъ скрытаго подъ водою рифа. Въ эту минуту вошли на палубу офицеры и пассажиры; обѣдъ кончился.

— Всѣ нѣтъ вѣтра? спросилъ капитанъ вахтеннаго офицера.

— Нисколько нѣтъ, капитанъ; а это неподвижное на горизонтѣ облачко предсказываетъ и на завтра штиль.

— Ничего у васъ нѣтъ новаго?

— Почти ничего, капитанъ; дикіе худо работаютъ и ихъ лѣность служить дурнымъ примѣромъ для экипажа.

— Развѣ зѣсь есть дикіе? спросила Антонина испуганнымъ голосомъ.

— Да, здѣсь есть индѣйцы, отвѣчалъ капитанъ «indies bravos» Пампы, но вамъ нечего ихъ бояться, senorita. Ихъ всего одиннадцать матросовъ, слѣдовательно съ этою дрянью справится каждый здоровый человѣкъ. Видите ли этого лентяя, который будто-бы плачетъ... Это ихъ начальникъ.

Донъ-Жозе, слышавшій отвѣтъ капитана, подошелъ къ Антонинѣ и сказалъ ей потихоньку: знаете-ли, senora, кто этотъ человѣкъ. Это кащикъ Пампы, дикарь, васъ похитившій... мнѣ не легко было узнать его въ новомъ одѣяніи, но комодоръ мнѣ сказалъ, по какому случаю мы плывемъ съ нимъ вмѣстѣ.

Антонина посмотрѣла издали на кацика. Онъ сидѣлъ на пяткахъ, опустивъ къ землѣ голову, какъ негръ, похищаемый съ роднаго берега и обрекающій себя на смерть, вспоминая о своей Африкѣ.—Бѣдный человѣкъ, сказала Антонина, скрестя руки, какъ онъ страдаетъ!.. Не подходите къ нему близко, умоляю васъ, Донъ-Жозе, мнѣ жалокъ онъ, но я боюсь его...

— А! въ самомъ дѣлѣ, это кацикъ? сказала въ свою очередь донна Марта. Мнѣ хочется посмотрѣть на него поближе, теперь, когда онъ не гарцуетъ въ этой проклятой Пампѣ... Пойдемъ Антонина, чего бояться, ты увидишь, какъ я буду говорить съ нимъ.

— Онъ не понимаетъ нашего языка, возразила молодая дѣвушка, и притомъ что вы можете ему сказать.

— Нѣсколькими словами и жестами отвѣчала донна Марта, я дойду до своей цѣли.

И она стала прямо передъ кащикомъ, который былъ неподвиженъ, склонивъ голову на колѣна:—Эй! молодой человѣкъ, узнаешь ли меня? Кацикъ, казалось ничего не понималъ; донна Марта, ударивъ его по плечу легонько опахаломъ, продолжала съ живостью: ну, молодой человѣкъ, взгляни же на меня.. Помнишь Пампу, его, ее и меня—изъ ружей баць, баць, баць; чтожъ! случайности войны, мой другъ; ты здѣсь несчастенъ, я это вижу... Но забудемъ прошлое; погрызи вотъ эти конфеты отъ нашего десерта; матросамъ не часто онѣ попадаются, покушай же ихъ, это принесетъ тебѣ пользу!

Дуэнья похожа была въ этомъ случаѣ на мальчишекъ, кидающихъ сахарные пряники льву въ клеткѣ. Кацикъ наконецъ бросилъ на нее взглядъ, означавшій: оставь меня, пожалуйста, въ покоѣ!

— Ну, какъ хотите, господинъ дикій, сказала дуэнья, немного обидясь: отчего отказывается одинъ, то получаетъ другой... Эй, маленькій юнга, поди-ка сюда, дружокъ, и проглоти этотъ сахаръ съ ванилью! Юнга не заставилъ себя упрашивать, и сахаръ тотчасъ у него захрустѣлъ. Чтожъ! спросилъ Донъ-Жозе, удалась вамъ пантомима?

— Какъ нельзя лучше, возразила донна Марта: онъ узналъ насъ вѣхъ троихъ. Этотъ бѣднякъ теперь очень убитъ; въ такомъ положеніи я не побоялась бы встрѣтиться съ нимъ и ночью въ Сиерра-Малага.

На другой день вечеромъ того же дня вахта, къ которой принадлежали и индѣйцы, сошла въ палубу на отдыхъ. Сотня испанцевъ, къ которымъ присоединялись около пятидесяти человѣкъ англичанъ и португальцевъ, вошли

на палубу. Кацикъ, замѣтивъ различіе въ языкѣ и фізіономіи людей каждой изъ этихъ націй, понялъ, что на Азіи и кромѣ его могутъ быть недовольные. Ему пришло въ голову узнать расположеніе мыслей иностранцевъ, завербованныхъ противъ воли на этотъ корабль. Ночью онъ проскользнулъ на палубу, не замѣченный офицерами, и подойдя къ одному обросшему бородою португальцу, который держалъ между толстыми губами маленькую сигаретту, спросилъ его:

— Ты испанецъ?

Португалець отвѣчалъ отрицательно и при этомъ ругнулся.

— Ты другъ или не другъ испанцу? сказалъ еще кацикъ.

— Другъ какъ кошка собаку, дикарь, возразилъ португалець; а тебѣ какое до этого дѣло, «рапрего?»

Кацикъ отошелъ отъ него, не говоря болѣе ни слова, и подступилъ къ англичанину, который жевалъ табакъ, облокотясь на сѣтки и пристально смотря на море. Матросъ съ голубыми глазами едва понималъ дѣлаемые ему кацикомъ вопросы и разсѣянно пробормоталъ: Гм! Гм! Безъ сомнѣнія, онъ понималъ, къ чему ведетъ рѣчь дикаря, но не считалъ за нужное входить въ откровенности съ индѣйцемъ, хотя бы то и съ кацикомъ. Конечно, это явланіе подъ иностраннымъ флагомъ не очень ему нравилось, но вступить въ союзъ съ индѣйцемъ казалось ему не благоразумнымъ, и притомъ, возвратясь въ Европу, ему представлялось болѣе случаевъ увидѣть свое отечество. Отвергнутый съ обѣихъ сторонъ, кацикъ сошелъ въ палубу, занялъ свое мѣсто и сталъ потихоньку разговаривать съ своими товарищами на языкѣ, котораго, натурально, ни кто не понималъ изъ окружающихъ. Конференція продолжалась довольно долго; обыкновенно индѣйцы разговариваютъ только тогда, когда имъ есть о чемъ разсуждать и, на этотъ разъ, казалось, они разсуждали о чемъ-то особенно важномъ. Послѣ того, они заснули, какъ мирные матросы, утомленные работою.

На другой день пуэльчесы исполняли свою должность съ точностью; все дивились ихъ ловкости и проворству при каждомъ маневрѣ. Рапортуя о состояніи корабля капитану, офицеръ, который вчера погорячился на кацика, не могъ не сказать: кажется, что наши индѣйцы покорились, капитанъ, нельзя не порадоваться, какъ они сегодня работаютъ.

Индѣйцы казались необыкновенно одушевленными; они походили на американскихъ крокодиловъ, выходящихъ въ весеннее время изъ летаргій, въ которую бываютъ погружены цѣлую зиму. Не только весь день они работали при маневрахъ, но и ночью оставались на палубѣ и за-

нимались какимъ-то особеннымъ дѣломъ, чего однакожь офицеры не замѣтили. Они вырѣзывали своими ножами длинные кожаные ремни, изъ которыхъ плели гибкія и крѣпкія веревки, привязывая къ концамъ ихъ кусочки желѣза или свинца, которые успѣли стянуть въ батареяхъ. Въ короткое время они приготовили дюжины двѣ свинцовыхъ шаровъ, которые прятали подъ старымъ такелажемъ. Когда нѣкоторые матросы подстергли ихъ за этою тайною работой, кацикъ нимало не смущаясь отвѣчалъ спокойнымъ голосомъ: это бездѣлушки для продажи въ Испаніи.

Однажды вечеромъ, когда они оканчивали эти бездѣлушки, позвали смѣну, къ которой принадлежали и индѣйцы, на вахту. Ночь была темная, звѣзды едва сверкали между тучами. Корабль подъ ровнымъ вѣтеркомъ имѣлъ хорошій ходъ. Всѣ офицеры, не стоявшіе на вахтѣ, сошли внизъ; на палубѣ остался только одинъ, именно тотъ самый, который хвалился укрощеніемъ индѣйцевъ. Въ каютъ-компаніи было многочисленное собраніе: нѣкоторые играли въ карты, другіе разговаривали, развѣсившись на покойныхъ креслахъ. Антонина и Донъ-Жозе пѣли романсъ, Марта акомпанировала имъ на гитарѣ. Бываютъ и на кораблѣ такіе вечера, что забываешь опасности прошедшія и будущія. Дуэтъ кончился, и все общество аплодировало Антонинѣ, какъ вдругъ раздался на палубѣ пронзительный крикъ. Испуганная молодая дѣвушка бросилась въ объятія тетки, повторяя: индѣйцы, индѣйцы! Спасите, спасите, Донъ-Жозе!..

Это точно былъ военный крикъ пуэльчесовъ. По данному кацикомъ сигналу, они скинули съ себя платье, которое имъ мѣшало, и во всей наготѣ дикарей бросились на средину палубы. Въ ту минуту, какъ вахтенный офицеръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу, одиннадцать пуэльчесовъ устремились на испанцевъ, убивая и прокалывая ножами всѣхъ, кто имъ ни встрѣчался. Тяжелые шары летали во всѣ стороны, задѣвая головы и останавливая бѣгущихъ, оторопѣвшихъ матросовъ. Гибкіе ремни, какъ змѣи связывали и повергали самыхъ здоровыхъ людей. Обезоруженный экипажъ совершенно растерялся, и никто хорошенько не зналъ, что дѣлается. Получая удары вблизи и издалека отъ невидимыхъ рукъ, испанцы не знали, гдѣ искать оружія, притомъ темнота скрывала отъ ихъ глазъ голыхъ индѣйцевъ. Между тѣмъ дикій крикъ, выпускаемый бѣшенными, разъяренными индѣйцами, продолжалъ раздаваться. Замѣшательство на палубѣ достигло до высочайшей степени, неожиданный мятежъ разразился на кораблѣ, какъ молнія. Полагая, что это былъ общій заговоръ англичанъ и португальцевъ, офицеры потушили всѣ огни и

заложили двери, между тѣмъ какъ индѣйцы, пользуясь сумятицею, безжалостно убивали всѣхъ испанцевъ, которыхъ узнавали въ темнотѣ.

На палубѣ было уже до сорока убитыхъ матросовъ, многіе бросились на снасти, поднимаясь все выше и выше, какъ бѣлки, бѣгущія отъ лисицы. Наконецъ дикіе, не видя на палубѣ никого, кромѣ своихъ, перестали убивать и кричать: не было уже непріятеля для пораженія. Раненые и умирающіе, въ неизъяснимомъ страхѣ не смѣли даже стонать. Сдѣлалось страшное молчаніе, только слышно было, какъ корабль разрѣзывалъ своею грудью воду и граціозно качался на волнахъ, какъ будто все было смирно и спокойно на палубѣ.

Побѣда принадлежала пуэльчесамъ; но какъ они могли ею воспользоваться, и что оставалось имъ дѣлать на палубѣ съ сорока пушками, которыми нечаянно завладѣли?

Индѣйцы объ этомъ и не думали; они получили свободу, обратили въ поле истребленія палубу пловучей тюрьмы, унесшей ихъ такъ далако отъ родной земли. Они упивались запахомъ крови и потеряли рассудокъ. Между тѣмъ надъ ними на вантахъ, на марсахъ, было много непріятелей, могущихъ раздавить одиннадцать человѣкъ пуэльчесовъ; подъ ними находились офицеры, готовые къ битвѣ. Испанцы, оставшіеся въ палубѣ во время этой атаки, мало по малу опомнились, и офицеры, подошедъ къ переборкѣ, раздѣлявшей ихъ, стали съ ними разговаривать.

— Друзья мои, сказалъ капитанъ, есть ли у васъ оружіе, и что дѣлается наверху?

— Входъ наверхъ заложенъ, отвѣчали нѣкоторые матросы, а палуба устлана трупами.

— Расколите перегородку, отвѣчалъ капитанъ, и соединитесь съ нами, принесите пикъ и пистолеты... Португальцы и англичане неужели всѣ возмутились?

— Ни одинъ изъ нихъ не принялъ участія въ возмущеніи, всѣ они внизу. Это кадикъ, съ своими десятью индѣйцами, затѣялъ проказу.

— Возможно ли! вскричалъ Донъ-Жозе. Какъ! одиннадцать индѣйцевъ держать внизу весь корабельный штабъ Его Величества! На палубу, господа! на палубу!

Офицеры устремились на главный трапъ съ пистолетами и обнаженными саблями.

— Скорѣе, скорѣе наверхъ, господа! сказалъ тихонько комодоръ

не дадимъ времени англичанамъ воспользоваться этимъ неожиданнымъ случаемъ!

Въ ту минуту, какъ офицеры съ толпою матросовъ показались на палубѣ, индѣйцы, испуганные своею побѣдой, бѣгали туда и сюда чтобы сыскать сабли: ихъ ножи уже недостаточны были для предстоящаго сраженія.

Они разбивали стоявшіе на кормѣ ружейные ящики, но сабли лежали въ самомъ низу подъ ружьями и мушкетонами. Индѣйцы съ отчаяніемъ выбрасывали это страшное оружіе, употребленіе котораго имъ было неизвѣстно и до котораго они боялись даже дотрогиваться.

При видѣ офицеровъ, показавшихся наверху трапа, все попятились назадъ, выключая кацика. Этотъ искалъ въ темнотѣ непріятеля, достойнаго его ударовъ и, можетъ быть, Донъ-Жозе. Онъ, наклонясь, пробирался по тихоньку вдоль сѣтокъ, готовый устремиться на свою добычу, какъ вдругъ раздался залпъ изъ многихъ пистолетовъ: испанцы выступили цѣлою толпою на палубу, гоня предъ собою индѣйцевъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за выстрѣлами; потомъ послышался глухой шумъ многихъ тяжелыхъ тѣлъ, падающихъ въ воду. Кацикъ, получившій ударъ въ самую грудь, повалился къ ногамъ Донъ-Жозе, прочіе десять пуэльчесовъ, видя его паденіе, устремились къ бортамъ и побросались въ море, гдѣ ожидала ихъ смерть. И такъ одна пуля, мѣтко направленная, положила конецъ этому мятежу, отъ котораго погибли сорокъ человекъ испанцевъ и горсть дикарей, предводительствуемая кацикомъ. По крайней мѣрѣ, онъ имѣлъ утѣшеніе прежде умереть, чѣмъ быть побѣжденнымъ.

Спустя нѣсколько недѣль, корабль Азія бросилъ якорь въ одномъ изъ портовъ Галиціи. Дона-Антонина и ея тетушка Марта отправились берегомъ въ Гренаду, подъ защитою Донъ-Жозе; дамы не могли болѣе съ нимъ разстаться. Проведя короткое время въ Севильѣ, куда призывали его фамиліи дѣла, онъ возвратился въ Гренаду къ Антонинѣ, которая послѣ встрѣчи съ пуэльчесами въ Пампѣ сдѣлалась его невѣстою. Свадьба Антонины, правду сказать, причинила немного досады дуэньѣ, которая воображала, что успѣла внушить храброму капитану и на свой счетъ нѣжныя чувства. Она любила разговаривать съ нимъ о славномъ днѣ, въ который потеряла на полѣ битвы свое опухало. Счастіе ея племянницы внушало и ей мысль попытаться выйти замужъ. Старый военный служака, съ сѣдымъ подбритымъ подбородкомъ, успѣлъ заслужить полную ея довѣренность, и она соединила съ нимъ свою участь. Дона-Марта не всегда могла похвалиться своимъ супругомъ,

но имѣла столько смысла, чтобъ никому не рассказывать своихъ маленькихъ неприяностей, и когда проходила по «alameda» подъ руку съ своимъ мужемъ, весьма походившимъ на «matamого» испанской комедіи, она вытягивала носокъ своей ножки, закидывала назадъ голову и махала съ такимъ достоинствомъ опухаломъ, что идущіе позади ея говорили: «Посмотрите, какая прекрасная дама! Можно ли думать, что она прожила пятнадцать лѣтъ въ Америкѣ!»

ПРЕЖНЯЯ И НЫНѢШНЯЯ ТУРЦІЯ.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ВЗГЛЯДЪ НА КОНСТАНТИНОПОЛЬ.

(Статья вторая).

КОНСТАНТИНОПОЛЬ СО СТОРОНЫ ГАВАНИ ЗОЛОТАГО РОГА.

Видъ Константинополя со стороны Мраморнаго моря, едва ли можно сравнить съ какимъ нибудь другимъ городомъ. Предъ взоромъ путешественника разбросанъ архипелагъ романическихъ острововъ, покрытыхъ зеленою лиственныхъ и хвойныхъ рощъ, надъ которыми возвышаются куполы греческихъ церквей. Къ тому же вблизи находится берегъ Малой Азіи, на которомъ вдали видѣются вершины Олимпа. Далѣе, берегъ изгибается къ устью Босфора, гдѣ, при заливѣ Кади-Квой лежалъ древній Халкедонъ. Къ сѣверу отсюда тянется огромное мусульманское кладбище; надъ плоскостью возвышается красивый городъ Скутари, расположенный на скатѣ высокой горы Бургулу, съ вершины которой представляется восхитительный видъ на разнообразныя изгибы Босфора. На европейскомъ берегу, противъ Скутари, выдаются въ море два мыса. Первый изъ нихъ составляетъ полуостровъ Перы, на оконечности котораго лежитъ Галата, гдѣ предприимчивые генуэзцы поселились еще во времена Византійской имперіи, и основали одно изъ замѣчательнѣйшихъ торговыхъ мѣстъ. Галата, какъ и Константино-

поль, окружена стѣною и башнями. Далѣе за Галатою, на гребнѣ горы, расположена Пера, предмѣстіе, обитаемое преимущественно франками, т. е. христіанами; здѣсь же помѣщаются иностранныя посольства.

У подошвы холма, на которомъ расположена Пера, красуется гавань «Золотаго Рога», входъ въ которую образуютъ два мыса Галатскій и Серальскій. Тысячи судовъ различныхъ величинъ превращаютъ поверхность ея спокойныхъ водъ въ оживленную площадь; но еще болѣе разнообразить ее постоянно скользящія по ней, во всѣхъ направленіяхъ, красивые кайки, которые по своей легкости могутъ быть сравнены съ яичными скорлупами. По бокамъ они украшены рѣзбою въ турецкомъ вкусѣ, тщательно же выполированное ихъ дерево не покрыто никакою краскою. При легкости матеріала, изъ котораго они дѣлаются, при удобной формѣ, подвергающейся весьма малому сопротивленію воды, они съ удивительною быстротою перевозятъ пассажировъ съ одного берега на другой, и такъ какъ только посредствомъ ихъ существуетъ сообщеніе между предмѣстіями Константинополя, то заливъ покрытъ ими съ утра до ночи. Въмѣсто пристаней для нихъ построены на берегу плоты изъ досокъ, и на каждомъ такомъ плотѣ находится турокъ съ окладистою бородой, называемый «хаджи», то есть странникъ, совершившій путешествіе въ Мекку. Онъ съ помощію палки съ серебрянымъ набалдашникомъ, знакъ его достоинства, водворяетъ на пристани порядокъ. Между маленькими, перевозными кайками появляются иногда великолѣпныя кайки Султана и вельможъ, перевозящія ихъ изъ Серала въ какой нибудь кіоскъ на Босфорѣ. Ихъ высокой, загнутый въ видѣ спирали носъ, украшенъ богатою рѣзбою съ позолотой, на кормѣ же возвышается шелковый балдахинъ, подъ которымъ важно возсѣдаетъ владѣлецъ кайка, приводимаго въ движеніе десятью или двадцатью гребцами.

Между этими легкими и изящными лодочками, виднѣются также огромныя, неуклюжія барки, приводимыя въ движеніе длинными и тяжелыми веслами. Онѣ всегда наполнены народомъ различныхъ націй, живущимъ въ деревняхъ по берегамъ Босфора. Въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни почтовыхъ дорогъ, ни почтовыхъ учрежденій, эти барки служатъ единственнымъ средствомъ сообщенія для низшаго класса. Каждый вечеръ, онѣ медленно отправляются изъ гавани, набитыя турками, жидами, армянами, арабами, греками и франками; надъ ними, отъ множества куримыхъ трубокъ, поднимается облако дыма, а разговоръ пассажировъ на различныхъ языкахъ оглашаетъ гавань громкими криками.

Съ недавняго времени прелестный видъ гавани Золотаго Рога украсился еще пароходами, которые въ настоящее время чрезвычайно облегчаютъ судоходство изъ Архипелага въ Черное море. Первые пароходы

въ Турціи заведены при Махмудѣ II, который, чтобъ пріучить своихъ подданныхъ къ нововведенію, первый совершилъ поѣздку на пароходѣ. Эта поѣздка надѣлала много шума въ Турціи. Когда Султанъ сѣлъ на пароходъ, то собравшаяся на берегу толпа увидѣла, что на мачтѣ его былъ поднятъ флагъ съ изображеніемъ солнца, въ срединѣ котораго былъ изображенъ крестъ. Нужно вспомнить, что незадолго предъ тѣмъ, было издано нѣсколько постановленій въ пользу христіанъ. Приверженцы старой партіи, враги всѣхъ нововведеній, стали разглашать, по поводу этого флага, что Султанъ хочетъ принять христіанскую вѣру. Въ послѣдствіи открылось, что Греки, находившіеся на пароходѣ, помѣстили крестъ въ солнцѣ изъ набожности, безъ всякихъ видовъ, а султанъ и не зналъ объ этомъ. Наконецъ въ гавани всегда находятся огромные плоты лѣса, доставляемые сюда изъ лѣсовъ по берегамъ Чернаго моря, которые снабжаютъ городъ какъ топливомъ, такъ и строительнымъ матеріаломъ.

Надъ постоянно оживленными водами гавани, величественно и прекрасно возвышается самъ Константинополь. На горизонтѣ, какъ только можетъ далеко видѣть глазъ, представляются горы зданій, перемѣшанныхъ съ зеленью, надъ которыми поднимаются къ небу султанскія мечети, съ своими высокими и тонкими минаретами. Между послѣдними въ особенности отличается своею огромностію мечеть Солимана I. Положеніе, вкусъ и величина этихъ строеній придаютъ турецкой столицѣ особенный характеръ. Они занимаютъ большое четырехугольное пространство, въ центрѣ котораго возвышается полуконусообразный куполъ, покрытый жестяными листами, а по бокамъ минареты, тонкія, высокія башенки, оконечности которыхъ бывають вызолочены, чрезъ что они издали кажутся подставками блестящаго серебрянаго балдахина. Всѣ эти зданія, покрывающія семь холмовъ Константинополя, перевитыя зеленью деревь, похожи на пестрый коверъ, въ узорѣ котораго весной пробиваются красныя цвѣты такъ называемаго жидовскаго дерева, бросающіе красноватый оттѣнокъ на весь городъ.

МЕЧЕТЬ СОЛИМАНА.

Софійскій храмъ, величайшій памятникъ византійской архитектуры, поразившій даже дикаго Магомета II, находится въ жалкомъ состояніи. Зданія, возведенныя магометанами, хотя и свидѣлствуютъ о красотѣ

и великолѣпнѣи, но въ настоящее время находятся въ такомъ запущеніи, что многія красоты ихъ укрываются отъ взора.

Планъ Софійскаго храма представляетъ заключенный въ четырехугольникъ крестъ, въ срединѣ котораго находится главный куполь, а вокругъ его меньшіе.

Турки, принявъ за образецъ Софійскій храмъ въ главныххъ основаніяхъ, присоединили къ нимъ собственныя изобрѣтенія, сообразныя съ ихъ религіею. Такъ, напримѣръ, при мечетяхъ нѣтъ колоколенъ, потому что магометане употребленіе колоколовъ для призыва къ молитвѣ замѣнили человѣческимъ голосомъ. По угламъ мечетей строятъ тонкія, высокія башеньки, называемыя минаретами. При малыхъ мечетяхъ находится одна такая башенька, при большихъ двѣ, чаще же четыре, и одна только мечеть Ахмеда I на Ахмейданѣ имѣетъ шесть минаретовъ. Внутри минарета ведетъ лѣстница къ окружающей его галереѣ, съ которой духовныя лица, называемыя муэзинами, призываютъ правовѣрныхъ къ молитвѣ пять разъ въ день, громко произнося на четыре страны свѣта: «Одинъ Богъ и Магометъ пророкъ его. Прійдите къ молитвѣ, ко спасенію.» Это приглашеніе называется «езанъ», и раздается въ одно и то же время съ нѣсколькихъ минаретовъ. Гдѣ нѣтъ минаретовъ, тамъ муэзинъ восходитъ на какое нибудь возвышенное мѣсто и произноситъ призывъ. Кромѣ того эти призывы, повторяемые въ определенное время, служатъ народу вмѣсто часовъ.

Великолѣпнѣйшая изъ всѣхъ мечетей, мечеть Солимана Великаго, которая вмѣстѣ съ тѣмъ лучшій памятникъ османской архитектуры. Она окружена двумя дворами, изъ которыхъ наружный усаженъ деревьями и замѣняетъ собою площадь. Образцомъ при постройкѣ этой мечети служилъ также Софійскій храмъ. Наружный дворъ окруженъ стѣною, кромѣ сѣверной стороны, и въ него ведутъ десять воротъ.

Передній дворъ, находящійся предъ самымъ входомъ въ мечеть, называется гаремомъ. Посреди двора возвышается фонтанъ съ куполомъ для предписанныхъ предъ молитвою омовеній.

Самая мечеть представляетъ четверугольникъ въ тридцать три сажени длины и тридцать двѣ ширины. Главный куполь ея имѣетъ тотъ-же объемъ, какъ и главной мечети, но немного выше. Онъ поддерживается четырьмя столбами, между которыми направо и налево находятся четыре величайшія колонны Константинополя, имѣющія въ объемѣ при основаніи тридцать футовъ. Этими куполами поддерживается двойная галерея, идущая по обѣимъ сторонамъ купола. Съ главнаго фасада ведетъ въ мечеть лѣстница съ мраморными ступенями. Съ этой стороны фасадъ украшенъ шестью огромными колоннами изъ египетскаго порфира,

необыкновенной красоты. На противоположной сторонѣ входа находится мавзолей надъ гробами основателя, его жены и дѣтей.

ФОНТАНЪ И РЫНОКЪ БЛИЗЪ ТОПХАНЫ.

Нигдѣ не обращаютъ такого вниманія на воду, какъ въ Турціи; мусульмане стараются всякій источникъ обложить камнемъ и даже, по возможности, положить при немъ ковшь, чтобъ утомленный путникъ могъ освѣжиться прохладною струею и благословить память строителя. Осквернителя такого памятника благотворительности ждетъ наказаніе строже, нежели разбойника или убійцу.

Магометане не оказываютъ ни малѣйшаго уваженія къ предметамъ христіанской религіи, но никто не осмѣливается наложить руки на фонтанъ или водохранилище, хотя бы его выстроилъ и гяуръ. Заботливость турокъ о водѣ происходитъ не изъ челоуѣколюбія или природнаго влеченія къ добру, (у этихъ варваровъ и не можетъ быть подобныхъ чувствъ), но потому, что вода составляетъ необходимый предметъ по ихъ религіи, которая предписываетъ частыя омовенія. Наружная чистота служитъ у нихъ символомъ внутренней, а потому люди благотворительные и грѣшники, желающіе достигнуть примиренія съ небомъ, стараются доставить возможность пользоваться людямъ недостаточнымъ этимъ необходимымъ предметомъ, для чего и строятъ публичные фонтаны, которые обкладываютъ мраморомъ, украшаютъ скульптурою въ турецкомъ вкусѣ и соответствующими изрѣченіями.

Также при рожденіи младенца, при выздоровленіи любимой жены и другихъ радостныхъ событіяхъ, мусульманинъ покупаетъ у водоноса всю его ношу, съ тѣмъ, чтобъ онъ съ кружкою въ рукахъ ходилъ по городу и раздавалъ воду безвозмездно, желающимъ утолить жажду. По магометанскому закону даже запрещается продавать воду, потому что у турокъ вода считается такою вещью, которою Богъ позволилъ пользоваться каждому, безъ всякаго труда и возмездія. Но турки, какъ всегда и во всемъ, пренебрегаютъ этимъ запрещеніемъ, и въ знойные дни, въ Перъ, за бутылку воды берутъ нѣсколько копѣекъ.

Константинополь снабжается водою, проведенною изъ довольно дальняго разстоянія, именно изъ Бѣлградскаго лѣса; въ ней нѣтъ недостатка, благодаря благотворительности частныхъ лицъ и даже султановъ, украсившихъ столицу множествомъ фонтановъ. Наблюденіе за снабженіемъ

емъ столицы водою, поручено въ Константинополѣ постановленнымъ отъ правительства лицамъ.

Изъ всѣхъ фонтановъ Константинополя особенно замѣчательны два: одинъ у большихъ серальскихъ воротъ, и другой въ Топханѣ. Послѣдній, великолѣпнѣйшій фонтанъ въ столицѣ, построенъ султаномъ Махмудомъ въ 1732 году. Онъ состоитъ изъ четырехугольнаго зданія съ выдающимся карнизомъ; крыша его обнесена красивымъ балюстрадомъ, а стѣны украшены скульптурною работою, изрѣченіями изъ корана и стихами арабскихъ, турецкихъ и персидскихъ писателей.

Топханскій фонтанъ построенъ на самомъ многлюдномъ мѣстѣ; съ одной его стороны ворота Галаты, съ другой улица, ведущая къ Босфору, а съ третьей пристань. Столкновение людей, идущихъ по этимъ направленіямъ, производитъ постоянную тѣсноту, которая еще увеличивается тѣмъ, что кругомъ фонтана расположенъ рынокъ.

На этомъ рынкѣ главную роль играютъ груды дынь и арбузовъ. За нѣсколько копѣекъ можно купить дыню, которою насытится голодный, но употребленіе ихъ на востокъ для европейца бываетъ часто вредно. Гораздо здоровѣе и пріятнѣе въ жаркомъ климатѣ арбузы, которые, будучи сложены здѣсь въ огромныя кучи съ дынями, представляютъ весьма привлекательный видъ, и часто бѣднякъ, истомясь работою, покупаетъ себѣ арбузъ и освѣжаетъ себя прохладнымъ его сокомъ. Въ такомъ случаѣ онъ соразмѣряетъ величину покупаемаго арбуза съ своимъ аппетитомъ, и если сойдется въ цѣнѣ съ продавцемъ, то также, какъ и у насъ, узнаетъ о его зрѣлости по звуку.

Хотя фізіономія турокъ постоянно спокойна, но если ему съ разу удастся взять такой арбузъ, который по звуку зрѣлъ, то удовольствіе тотчасъ сгоняетъ съ его лица обыкновенную суровость; если же онъ обманулся, то нѣсколько неизмѣняя своей угрюмости, кладетъ его на мѣсто и беретъ другой, пока не найдетъ соответствующаго его желанію.

Не смотря на благотворный климатъ, разведеніе арбузовъ въ Турціи въ такомъ-же упадкѣ, какъ и другія отрасли сельской промышленности.

Нельзя сказать, чтобъ турки не имѣли охоты къ земледѣлію, но невѣжество ихъ и недостатокъ просвѣщенія имѣютъ сильное вліяніе на земледѣліе.

ДАРДАНЕЛЬСКІЙ ПРОЛИВЪ.

Знаменитый проливъ, соединяющій Архипелагъ съ Мраморнымъ моремъ, образуетъ узкій каналъ въ восемь миль длины; что же касается до ширины, то она измѣняется, но нигдѣ не шире одной мили. Съ одной стороны его ограничиваетъ далеко вдающійся въ море полуостровъ Галлиполи, а съ другой берега Натоліи. Онъ получилъ свое названіе отъ турецкихъ замковъ, Дарданелль, которые выстроены по берегамъ, для его защиты. Его названіе производятъ также отъ древняго троянскаго города Дардана, но въ древности этотъ проливъ былъ знаменитъ подъ именемъ Геллеспонта. Къ нему-то относится поэтическое воспоминаніе о Геро и Леандрѣ.

На берегу Геллеспонта праздновались игры Адониса и Венеры, и на этихъ играхъ родилась страсть Леандра къ Геро, жрицѣ Венеры. Смѣлый Леандръ каждую ночь переплывалъ Геллеспонтъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ имѣетъ наименьшую ширину, изъ Абидоса въ Зестосъ, гдѣ Геро жила съ невольницею, на самомъ берегу. Геро всегда выставляла факель, который былъ путеводителемъ ея возлюбленному; но въ одну бурную ночь факель погасъ, и Леандръ, сбившись съ пути, утонулъ. Волны выбросили его тѣло къ башнѣ, и когда встревоженная Геро увидѣла тѣло своего друга, то бросилась въ море. Въ маѣ 1810 года, Байронъ удачно совершилъ подвигъ, приписываемый Леандру. Когда Ксерксъ шелъ войною на Грецію, то онъ построилъ на этомъ мѣстѣ чрезъ Геллеспонтъ два моста для переправы своего войска.

Этотъ проливъ весьма важенъ, какъ морской путь въ Константинополь, а также чрезъ Босфоръ въ Черное море. Это замѣтилъ еще завоеватель Константинополя, Магометъ II, и потому построилъ тутъ старыя, или собственно дарданельскія замки, Киллидъ-Бахаръ въ Европѣ, и Бохацъ-Хиссаръ въ Азій. Замки эти лежатъ одинъ противъ другаго въ разстояніи неболѣе четверти версты, и въ этомъ мѣстѣ проливъ легко можетъ быть запертъ цѣпью. Такъ называемыя новыя дарданельскія замки, при входѣ въ заливъ, были построены уже позднѣе; кромѣ этихъ главныхъ крѣпостей, въ разное время было построено на берегу еще нѣсколько батарей. Въ разстояніи полторы мили отъ Кумъ-Кале лежитъ знаменитая бухта Эгейскаго моря Бешика-Бай, при рѣкѣ, въ древности называвшейся Скамандеръ и предъ возвышенною троянскою долиною, съ которой представляется поразительный видъ на поэтическія изгибы Геллеспонта. Императоръ Константинъ имѣлъ на

мѣреніе перенести сюда свою столицу, прежде нежели избралъ Византию.

Въ прежнее время дарданельскія укрѣпленія содержались довольно плохо; паши Дарданелль старались только выбѣлить ихъ зубчатыя стѣны, какъ будто онѣ служили одной декораціей для пролива. Потому въ 1807 году, англійскій флотъ прошелъ черезъ нихъ безъ всякаго вреда, но во время его пребыванія въ Мраморномъ морѣ, батареи были наскоро исправлены, и еслибъ англійскій адмиралъ еще нѣсколько времени продлилъ въ немъ свое пребываніе, то очень вѣроятно, что обратный проходъ былъ бы ему невозможенъ.

О положеніи и укрѣпленіи Дарданельскаго пролива, французскій маршалъ герцогъ Рагузскій говоритъ: «Направленіе и изгибы береговъ этого пролива позволяютъ построить на нихъ такія укрѣпленія, которыя сдѣлаютъ проѣздъ невозможнымъ. Но существующія въ настоящее время батареи не въ состояніи воспрепятствовать проходу эскадры, которая, съ помощію свѣжаго и попутнаго вѣтра, захотѣла бы принудить ихъ къ пропуску. Конечно, послѣднее обстоятельство случается довольно рѣдко, потому что господствующій сѣверный вѣтеръ и быстрое противное теченіе постоянно препятствуютъ скорому проходу въ Мраморное море.

Легко было бы построить укрѣпленія для защиты отъ высадки и сухопутнаго нападенія. Въ Азіи старый дарданельскій замокъ такъ можетъ быть защищенъ правильными укрѣпленіями, что его можно будетъ взять только осадюю. Самыя ближнія возвышенности довольно удалены, такъ, что отъ нихъ нельзя ожидать опасности. Такъ же легко могутъ быть прикрыты укрѣпленія при Нагарѣ. Соединенный и подкрѣпляющій одинъ другаго огонь замка, батарей и укрѣпленій въ состояніи отразить сухопутную армію, которой средства и время всегда бываютъ ограничены. На европейскомъ берегу тѣже преимущества представляютъ три форта; выборъ же мѣстъ для ихъ постройки бросается въ глаза самому неопытному инженеру.»

Отъ мнѣнія французскаго маршала во многомъ отличается свѣдѣніе, сообщаемое о Дарданеллахъ англійскимъ офицеромъ, которое мы здѣсь изложимъ. «Батареи, находящіяся при Зестосѣ и Абидосѣ, обстрѣливаютъ каналъ въ длину, а идущія отсюда до старыхъ дарданельскихъ замковъ—крестообразно. Надъ замкомъ Киллидъ-Бахаръ, лежащимъ на европейскомъ берегу, господствуетъ возвышенность, находящаяся отъ него на ружейный выстрѣлъ; съ этого же возвышенія изъ тяжелыхъ орудій можно достать и до Султаніе-Калесси, который впрочемъ защищенъ болотистою мѣстностью. Далѣе расположены совершенно открытыя еъ

сухаго пути батареи Эски-Зарлекъ въ Европѣ и Кицисъ-Бурумъ въ Азіи. Замки Ситиль-Бахаръ и Кумъ-Кале, находящіяся при выходѣ изъ канала въ Эгейское море, защищены на старій турецкій манеръ, но съ сухаго пути почти вовсе не защищены; сверхъ того надъ Ситиль-Бахаромъ господствуетъ возвышеніе, находящееся отъ него на половину пушечнаго выстрѣла. Кромѣ того всѣ эти батареи, исключая Абидосской, въ самомъ плохомъ состояніи; ихъ слава основывается на числѣ и большомъ калибрѣ находящихся на нихъ пушекъ. Всякій корабль, плывущій чрезъ Дарданельскій проливъ, долженъ пройти неменѣе, какъ подъ 822 жерлами; между ними находятся 35 пушекъ, изъ которыхъ стрѣляютъ каменными ядрами, имѣющимъ 24 дюйма въ поперечникѣ. Эти чудовищныя бронзовыя пушки покрыты арабесками и надписями изъ Корана. Онѣ лежатъ неподвижно, можетъ быть, со времени взятія Константинополя.

СОФІЙСКІЙ ХРАМЪ.

Это зданіе, величайшій и изящнѣйшій памятникъ византійскаго искусства, временъ Юстиніана, былъ христіанскимъ храмомъ. Онъ былъ плодомъ усилій послѣдней эпохи величія Восточной имперіи, которое, какъ бы предчувствуя свою будущую судьбу, успѣшило соорудить этотъ колоссальный памятникъ, чтобъ завѣщать въ немъ о себѣ воспоминаніе. Императоры нещадили на него никакихъ издержекъ, когда даже рушилась по немногу сама Имперія, они находили средства, чтобъ поддерживать свой соборъ. Народъ, будучи постоянно томимъ предчувствіемъ о покореніи имперіи пришельцами, многими преданіями связалъ съ нимъ судьбу царства; когда же всѣ эти пророчества осуществились, то онъ сталъ искать утѣшенія въ другихъ преданіяхъ объ этомъ храмѣ.

Всѣ преданія о Софійскомъ храмѣ живо напоминаютъ восточнымъ христіанамъ о ихъ плѣнѣ, и каждый изъ нихъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того времени, когда животворящій крестъ водрузится на мѣстѣ полумѣсяца, и когда народъ снова услышитъ въ немъ свою литургію.

Константинъ Великій, основавъ новую столицу, вмѣнилъ себѣ въ обязанность построить храмъ, который бы соотвѣтствовалъ ея великолѣпію. Онъ соорудилъ храмъ во имя святой Софіи. Сынъ Константина увеличилъ его; потомъ этотъ храмъ сгорѣлъ въ 404 году, и возобновленъ Феодосіемъ въ 415 году. При Юстиніанѣ, въ январѣ мѣсяцѣ 532 года, онъ опять сдѣлался добычею пламени, и уже этотъ импера-

торъ построилъ его въ томъ видѣ, въ какомъ онъ существуетъ теперь. Онъ велѣлъ срыть до основанія обгорѣвшія стѣны, и въ февралѣ того же года началъ постройку новаго храма. Два архитектора Аноемій Трульскій и Исидоръ Милетскій трудились надъ сооруженіемъ его; самъ императоръ ежедневно присутствовалъ при работахъ въ простой льняной туникѣ, ободряя и награждая искуснѣйшихъ художниковъ. Зданіе было окончено въ шесть лѣтъ и нѣсколько мѣсяцевъ, и освящено въ 538 году, въ сочельникъ Рождества Христова. Конечно, при сооруженіи этого храма, древніе храмы должны были уступить ему свои лучшія колонны и все, что могло служить для его украшенія. Еще при Юстиніанѣ же отъ землетрясенія обрушилась часть купола, но неутомимый императоръ опять возобновилъ его, хотя немного ниже прежняго. Въ послѣдствіи, хотя отдѣльныя его части нѣсколько разъ разрушались, но всегда были возстановляемы въ томъ же видѣ, и потому онъ сохранился такимъ же, какимъ былъ послѣ возобновленія Юстиніанова.

Въ Софійскомъ храмѣ, какъ столичномъ соборѣ Греческой имперіи, короновались императоры, вѣнчались члены императорскаго семейства и отправлялись всѣ религіозныя торжества двора; въ немъ же собирались соборы святителей, изъ которыхъ послѣдній былъ здѣсь въ 1314 году. Потому онъ былъ снабженъ богатыми сосудами, священническими облаченіями и всемъ, что только могло служить къ его великолѣпію. Въ немъ находились двадцать-четыре евангелія въ тяжелыхъ золотыхъ переплетахъ; надъ алтаремъ возвышался золотой балдахинъ съ крестомъ надъ нимъ въ сто фунтовъ вѣсомъ, осыпаннымъ брилліантами и жемчугомъ. Въ немъ также было собрано множество предметовъ христіанскаго благоговѣнія, такъ напримѣръ, въ трехъ изъ дверей находились доски отъ Ноева ковчега; оправа священнаго колодезя въ храмѣ была взята изъ знаменитаго самарянскаго колодезя, а четыре трубы, которыя держали поставленные надъ ними ангелы, выдавались за тѣ самыя, съ которыми обошли стѣны Иерихона. Большая часть этихъ сокровищъ расхищена во время мятежей, которые такъ часто потрясали имперію, и при покореніи города латинами; только уже немногіе остатки погибли при обращеніи его въ магометанскую мечеть. Говорятъ, что когда турки грабили храмъ, то Магометъ вѣхалъ въ него верхомъ и кормилъ у алтаря лошадь; но это сказаніе, кажется, преувеличено побѣжденными; однакоже извѣстно, что онъ сидѣлъ на алтарѣ и раздавалъ награды окружающимъ его фанатикамъ. По покореніи турками Константинополя, Софійскій храмъ обращенъ въ мечеть.

Вѣншній видъ этой мечети несоотвѣтствуетъ тому ожиданію, которое возбуждается его извѣстностью; онъ немного тяжелъ и испорченъ при-

стройками, сдѣланными въ различныя эпохи. Много у него отнимаетъ также то, что главный куполъ чрезвычайно низокъ и плоскокъ; хотя онъ возвышается отъ пола внутри храма на 180 футовъ, но высота его отъ основанія составляетъ только шестую часть поперечника въ 115 футовъ. Къ главному куполу прилегаютъ съ двухъ сторонъ полукуполы, а къ этимъ послѣднимъ по три маленькіе купола, такъ что крышу зданія составляютъ нѣсколько уступовъ, окруженныхъ минаретами различной вышины, изъ которыхъ самый меньшій былъ пристроенъ Магометомъ II, а остальные Селимомъ II и Мурадомъ II.

Восточная часть мечети ничѣмъ не отдѣлена отъ площади передъ Сералемъ, съ другихъ же сторонъ турки обстроили ее дворами, предназначенными для кладбищъ и разныхъ богоугодныхъ цѣлей. Такъ, на дворѣ съ южной стороны, похоронены султаны Селимъ II, Муратъ III и семнадцать его сыновей, убитыхъ по повелѣнію ихъ старшаго брата, Магомета III, въ день восшествія его на престоль, а также похоронены здѣсь и самъ Магометъ III, и Мустафа I. Дворъ съ западной стороны окруженъ колоннадою; среди его бьетъ фонтанъ, а въ сторонѣ, близъ прежней колокольни, бѣжитъ вода изъ лежащей подъ мечетью цистерны, такъ что при этой мечети нѣтъ недостатка въ водѣ для предписанныхъ кораномъ омовеній.

Въ мечеть входятъ по крыльцу въ тридцать шесть футовъ шириною; съ крыльца входъ въ довольно простыя сѣни, составлявшія прежде притворъ; полъ выложенъ въ нихъ плитами, а стѣны обложены гладкимъ камнемъ, безъ всякихъ архитектурныхъ украшеній. Здѣсь помѣщались прежде оглашенные и кающіеся, пока первые крещеніемъ, а послѣдніе покаяніемъ не дѣлались достойными переступить за порогъ храма. Изъ этихъ первыхъ сѣней двѣ боковыя двери ведутъ въ минареты, а пять мѣдныхъ, во вторыя сѣни, которыя обширнѣе и великолѣпнѣе первыхъ, и изъ нихъ-то уже девять огромныхъ дверей ведутъ въ самую мечеть. Двери этихъ сѣней большею частію мѣдныя, украшены литыми рельефами и утверждены на косякахъ изъ бѣлаго мрамора. Надъ дверьми видны еще остатки мозаической работы; простѣнки же выложены красивымъ узорчатымъ мраморомъ.

Внутри мечети съ трехъ сторонъ поставлены колонны, поддерживающія галерею; одна изъ галерей была предназначена для императора, и называлась константиновскою. Огромный куполъ, освѣщенный двадцатью четырьмя окнами, лежитъ на четырехъ огромныхъ аркахъ, образующихъ сегменты полукуполовъ, изъ которыхъ каждый поддерживается тремя маленькими куполами. Разныя части зданія украшены множествомъ колоннъ, между которыми находятся шесть зеленыхъ яшмо-

выхъ, отъ храма Діаны въ Эфесѣ, и восемь порфировыхъ съ бѣлыми мраморными капителями, взятыхъ отъ храма Солнца, изъ Рима. Въ четырехъ углахъ, подъ главнымъ куполомъ, изображены мозаикой четыре крылатые серафима; прежде и другія арки, а также стѣны, были украшены мозаиковыми образами, но при обращеніи храма въ мечеть, они были или заштукатурены, или просто покрашены. Теперь стѣны покрыты въ нѣкоторыхъ мѣстахъ арабскимъ, и надписями изъ корана, а въ куполѣ огромными бронзовыми буквами написанъ стихъ: «Богъ есть свѣтъ неба и земли.» Вокругъ основанія главнаго купола, на довольно значительной высотѣ идетъ галерея, которая въ Рамазанъ и другіе магометанскіе праздники освѣщается разноцвѣтными лампами.

Такъ какъ мѣсто, на которомъ стоялъ алтарь, обращено на востокъ, а магометанамъ предписано обращать взоры, во время молитвы, по направленію къ Меккѣ, которая лежитъ на юговостокъ отъ Константинополя, то мехрабъ, на которомъ хранится коранъ Магомета, и который указываетъ это направленіе, поставленъ немного въ сторонѣ. Почти противъ мехраба, находится галерея для султана, построенная Ахмедомъ III; двѣ другія галереи находятся, одна противъ другой, посреди мечети, и предназначены для чтенія съ нихъ корана и для призыва къ молитвѣ, который повторяется съ нихъ послѣ призыва съ минаретовъ. Но что особенно поражаетъ въ этой мечети, это ея нагота: совершенно бѣлыя стѣны, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ надписи изъ корана, вотъ все, что представляется взорамъ; въ ней ничто не напоминаетъ, что это мѣсто молитвы.

АТМЕЙДАНЪ ИЛИ ГИППОДРОМЪ И МЕЧЕТЬ СУЛТАНА АХМЕДА.

На юговостокъ отъ Софійскаго храма ведетъ дорога къ знаменитѣйшей площади Константинополя «Атмейдану», или мясной площади, названной такъ потому, что нѣкогда раздавалась на ней провизія янычарамъ. Во времена Восточной Имперіи она носила названіе «Гипподрома» или конскаго бѣга, и была окружена въ видѣ амфитеатра мѣстами, съ которыхъ зрители смотрѣли на игры. Сколько историческихъ воспоминаній соединено съ этою площадью, пережившею величіе и паденіе Имперіи: на ней собиралось народонаселеніе Византіи то провозглашать императоровъ, то рѣшать кровавыя междоусобія соискателей престола и распри голубыхъ и зеленыхъ. Во время турецкаго влады-

чества, еще въ недавнее время, она покрылась трупами янычаръ, грознаго войска Оттоманской имперіи, виновника ея воинственнаго величія, и въ послѣднее время ея опаснѣйшаго врага.

Гипподромъ началъ строить еще Септимій Северъ, окончилъ же его, по образцу римскаго амфитеатра, Константинъ. Онъ былъ обнесенъ стѣною и мраморными мѣстами для нѣсколькихъ тысячъ зрителей; надъ портикомъ изъ двадцати колоннъ возвышалось императорское мѣсто; весь древній міръ уступилъ ему свои лучшія произведенія искусствъ. Всякій императоръ старался оставить на немъ по себѣ память, украсивъ его какою нибудь статуею или колонною. Мишо говоритъ, что до нашествія крестоносцевъ, на немъ было статуй и колоннъ болѣе, чѣмъ теперь жителей въ городѣ. Нѣкоторыя изъ его украшеній погибли еще до нашествія крестоносцевъ, во время мятежей и пожаровъ, которыми сопровождались разные перевороты въ Имперіи, уцѣлѣвшія же или были расхищены, или уничтожены во время господства Латиновъ, когда почти всѣ бронзовыя статуи перечеканены въ монету, на жалованье ихъ хищныхъ полчищъ. Уцѣлѣли только знаменитыя кони Лизиппа, перевезенные изъ Афинъ сначала въ Хиосъ, а потомъ при Θεодосіи младшемъ въ Константинополь. Они съ прочими произведеніями искусствъ перешли тогда въ Венецію и украсили входъ собора св. Марка, откуда потомъ, по паденіи республики, были перевезены въ Парижъ, но послѣ опять возвратились въ Венецію.

Въ настоящее время Атмейданъ образуетъ неправильный четырехугольникъ въ сто четырнадцать сажень длины и шестьдесятъ четыре ширины. Съ одной стороны къ нему примыкаетъ великолѣпная мечеть Ахмеда, а съ другихъ сторонъ онъ обстроенъ довольно большими, но жалкими зданіями, между которыми находится султанскій звѣринецъ. Звѣри въ немъ не заперты въ клѣткахъ, а ходятъ на свободѣ; падалъ, которою они питаются, распространяетъ около этого зданія отвратительную вонь.

Изъ всѣхъ древнихъ памятниковъ разныхъ вѣковъ сохранилось здѣсь только три: Египетскій обелискъ, колонна Дельфійскаго храма и четырехгранная колонна Константина Порфиророднаго. Лучше всѣхъ сохранился огромный обелискъ въ шестьдесятъ футовъ вышиною, сдѣланный изъ цѣльнаго куска гранита; онъ былъ привезенъ изъ Оиванды въ Римъ, а оттуда уже въ Константинополь. Онъ весь покрытъ іероглифами, довольно красной отдѣлки, и поставленъ на четырехъ мѣдныхъ кубкахъ на мраморномъ подножіи, на которомъ въ рельефахъ изображенъ императоръ Θεодосій, его супруга и дѣти Аркадій и Гонорій. Двѣ надписи, одна латинская, другая греческая, имѣютъ панигирической смыслъ; вотъ содержаніе греческой надписи: «Только царя Θεодосія воля

могла воздвигнуть этотъ четырехгранный столпъ, и по его велѣнію, Прокль въ тридцать два дня его здѣсь поставилъ.» Надписи эти все болѣе и болѣе исчезаютъ подъ окружающею обелискъ грязью. Турки немогутъ понять, для чего поставленъ посреди площади такой огромный камень, покрытый разными изображеніями птицъ и звѣрей, а потому, какъ всеѣмъ непонятнымъ для нихъ вещамъ, приписали ему сверхъестественную силу и почитаютъ его за талисманъ, обезпечивающій ихъ владычество въ Константинополѣ.

Между колонною Константина и египетскимъ обелискомъ стоитъ самый любопытный памятникъ языческой Греціи, это небольшой мѣдный столпъ, изображающій трехъ перевившихся между собою змѣй. Онъ былъ прежде въ Дельфійскомъ храмѣ, гдѣ на немъ стоялъ золотой треножникъ, посвященный Аполлону, вылитый изъ полученной отъ персовъ добычи послѣ Платейской битвы. Три головы змѣй, украшавшія этотъ столпъ фантастическою капителю уже давно исчезли. Говорятъ, что одну изъ нихъ отрубилъ Магометъ II, чтобъ показать свою силу, а двѣ другія украдены ночью, въ началѣ прошедшаго столѣтія. Памятникъ этотъ перевезенъ сюда Константиномъ, въ то время, когда онъ, разрушая языческіе храмы, бралъ лучшія колонны и статуи ихъ на украшеніе своей столицы. Турки и этому памятнику приписываютъ чары, служившія талисманомъ Восточной имперіи, и потому нерѣдко случается видѣть, что турокъ, проходя мимо, бросаетъ въ него камнемъ.

Третій памятникъ Адмейдана носитъ названіе четырехгранной колонны Константина Порфиророднаго; онъ имѣетъ также видъ обелиска въ 94 фута вышиною. Изъ сохранившейся на немъ надписи видно, что Константинъ не былъ его основателемъ, но только возобновилъ его. Прежде онъ былъ покрытъ вызолоченными мѣдными досками, но онѣ уже давно содраны, и въ настоящее время онъ представляетъ четырехгранную колонну, сложенную изъ гранитныхъ плитъ и угрожающую скорымъ паденіемъ.

На южномъ концѣ Адмейдана возвышается мечеть султана Ахмеда II, расположенная на холмѣ и имѣющая превосходный видъ съ площади, отъ которой она отдѣлена невысокою оградой. Ахмедъ построилъ ее съ чрезвычайнымъ великолѣпіемъ и, желая сдѣлать ее красивѣе всѣхъ мечетей, придумалъ возвести при ней шесть минаретовъ, но противъ этого нововведенія возсталъ муфти, который видѣлъ въ этомъ расколъ, потому что храмъ въ Меккѣ, который долженъ служить образцемъ для всѣхъ мечетей, имѣлъ только четыре минарета. Но султану пришла въ голову счастливая мысль обмануть ученаго муфти, увѣривъ его, что меккскій храмъ имѣетъ также шесть минаретовъ. Былъ снаряженъ ог-

ромный караванъ, который долженъ былъ на мѣстѣ удостовѣриться о числѣ минаретовъ меккескаго храма и донести о томъ султану и муфти. Такъ какъ караванъ долженъ былъ пробыть въ дорогѣ довольно долгое время, то хитрый султанъ послалъ къ шейку въ Мекку тайнаго гонца съ повелѣніемъ немедленно пристроить къ тамошней мечети еще два минарета. Дѣйствительно, когда караванъ прибылъ, то минареты уже были окончены, и караванъ возвратился съ извѣстіемъ, что храмъ въ Меккѣ имѣетъ шесть минаретовъ; сомнѣнія муфти были разсѣяны, и султанъ приступилъ къ исполненію своего плана.

Мечеть окружена съ трехъ сторонъ дворомъ, вокругъ котораго тянется колоннада и на которомъ находится нѣсколько фонтановъ. Эта мечеть, единственная во всей Турціи, имѣющая шесть минаретовъ, довольно красивой архитектуры; на нихъ находится по три галереи съ бѣлыми мраморными балюстрадами, украшенными арабесками. Крышу зданія составляютъ множество куполовъ, надъ которыми возвышается главный, поддерживаемый четырьмя полукуполоми. Какъ ни красивъ видъ этой мечети съ Атмейдана, но еще съ большимъ великолѣпіемъ представляется она взорамъ путешественника, подъѣзжающаго къ Константинополю со стороны Мраморнаго моря. Будучи расположена на холмѣ, она возвышается надъ зеленою серальскихъ садовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, своею огромностью привлекая на себя вниманіе, даетъ первое понятіе о султанскихъ мечетяхъ.

При входѣ во внутренность вамъ представляется обширный куполь, поддерживаемый четырьмя колоссальными колоннами, опоясанными выпуклыми надписями изъ корана. На испещренныхъ фресками стѣнахъ выдаются золоченыя доски съ арабскими надписями; свѣтъ проникаетъ во внутренность черезъ множество узорчатыхъ оконъ, съ разноцвѣтными стеклами. Множество корановъ, различныхъ формъ и изящнаго почерка, лежатъ здѣсь на вызолоченныхъ наляяхъ, украшенныхъ перламутромъ; вообще ни въ одной мечети не хранится столькохъ драгоценностей, какъ здѣсь.

Такъ какъ эта мечеть стоитъ на просторномъ мѣстѣ, то въ ней совершаются всѣ важныя религіозныя торжества, а также отсюда бывають важнѣйшія торжественныя процессіи; преимущественно ее посѣщаетъ султанъ въ два великіе праздника Байрама.

НЕВОЛЬНИЧІЙ РЫНОКЪ.

Недалеко отъ мечети султана Солимана находится Ауруръ-базаръ, или рынокъ для торга невольниками и невольницами. Онъ состоитъ изъ довольно обширнаго четырехугольнаго двора, обнесеннаго галереєю, на которой находятся лавки, похожія на ложи. Здѣсь за рѣшетками сидятъ женщины, какъ птицы въ клѣткахъ. Прежде былъ запрещенъ въ него входъ христіанамъ и только посланникамъ, оставляющимъ Турцію, дозволялось обозрѣвать его, но въ настоящее время сюда имѣютъ входъ и гауры, какъ турки величаютъ христіанъ; покупать же невольницъ могутъ только магометане.

Въ блестящій періодъ турецкаго оружія этотъ базаръ наполнялся тысячами несчастныхъ жертвъ, послѣ каждаго набѣга въ Грецію, Венгрію, Польшу и другія сосѣднія земли. Тогда турки не дѣлали различія между военноплѣнными и рабами, тогда населеніе цѣлыхъ городовъ распродалось на такихъ базарахъ. Въ настоящее время трактаты европейскихъ державъ заставили турокъ отказаться отъ этого варварскаго обычая, и послѣ Греческой войны этотъ базаръ, кажется, въ послѣдній разъ наполнился несчастными жертвами фанатизма турокъ, которыхъ султанскій флотъ привезъ съ острововъ Архипелага и Пелопонеза.

Въ настоящее время товаръ для этого базара доставляютъ всѣ части древняго свѣта, преимущественно лежація по берегамъ Средиземнаго моря и восточному берегу Чернаго моря. Съ мыслью о невольничьемъ рынкѣ непремѣнно соединено понятіе о раздирающемъ душу зрѣлищѣ. Европейецъ думаетъ встрѣтить здѣсь самыя ужасныя картины, увидѣтъ несчастныя жертвы, изнемогающія подъ тяжестью бѣдствія, видѣтъ, какъ расторгаются всѣ узы природы. Ничего этого нѣтъ: онъ встрѣтитъ довольныя и веселыя лица. Маленькіе арабы преспокойно играютъ посреди двора, бѣгаютъ на четверенькахъ, и похожи болѣе на маленькихъ звѣрей, чѣмъ на дѣтей; но кто знаетъ, быть можетъ, между этими несчастными существами скрывается какой нибудь будущій Кизляръ-Ага, начальникъ евнуховъ. Въ Турціи нерѣдко случалось, что дѣти, купленные на рынкѣ и поступившія въ Сераль, въ корпусъ Ичоглановъ или пажей, достигали высшихъ государственныхъ должностей. Женщины, сидяція за рѣшетками, разговариваютъ, смѣются, и сами же стараются привлечь къ себѣ правовѣрныхъ покупателейъ. Покупатели заставляютъ невольницъ ходить, дѣлать разныя тѣлодвиженія, чтобъ судить о ихъ силѣ; для подробнѣйшаго осмотра тутъ есть женщины, которыя даютъ точныя свѣдѣнія о ея скрытыхъ достоинствахъ и недостаткахъ. Если покупатель найдетъ невольницу, со-

отвѣтствующею его желанію и сойдется съ продавцемъ въ цѣнѣ, то она безъ всякаго принужденія вскакиваетъ съ своего мѣста, бросивъ покрывало, самодовольно слѣдуетъ за своимъ новымъ господиномъ. На Ауруръ-базарѣ продаютъ только невольницъ, годныхъ для работъ въ гаремъ, и дѣтей, проданныхъ родителями въ Нубіи, Абиссиніи и земляхъ внутренней Африки. Рѣдко попадаетъ сюда какая нибудь увядшая красавица богатаго гарема, но тутъ уже впередъ можно быть увѣреннымъ, что она или чрезвычайно зла, или до невѣроятности глупа.

Красавицъ, населяющихъ гаремы, продаютъ въ зданіяхъ, недоступныхъ франкамъ, и преимущественно въ одной кофейнѣ въ Перѣ. Христіанинъ можетъ видѣть ихъ развѣ тогда, когда онѣ идутъ въ баню, или когда ихъ ведутъ на показъ въ домъ вельможи, и хотя всѣ женщины на востокѣ показываются на улицахъ не иначе, какъ тщательно закутанныя въ покрывала, но часто покрывала раскрываются, потому ли что за ними при этомъ случаѣ не наблюдаетъ глазъ ревниваго мужа, или потому, что это входитъ въ расчеты продавца, желающаго распространить славу о своемъ товарѣ; но какъ бы то ни было, а здѣсь представляется почти единственный случай полюбоваться прекрасными чертами восточныхъ красавицъ.

Въ настоящее время цѣны на невольницъ чрезвычайно возвысились, и за уродливую негрятянку, годную только для черныхъ работъ, платятъ рублей триста, а за дѣвочку лѣтъ четырнадцати даже до 800 руб., тогда какъ въ Греческую войну, когда всякій матросъ бралъ на корабль столько невольницъ, сколько могъ, и Ауруръ-базаръ былъ загруженъ ими, молодая гречанка продавалась не дороже пятидесяти рублей. Особенно дорого цѣнятся въ Константинополѣ молодыя черкешенки, которыя теперь по большей части тамъ составляютъ рѣдкость, потому что, благодаря челоѣколюбивымъ мѣрамъ нашего правительства, наши крейсера постоянно плаваютъ у измѣническихъ береговъ Кавказа и не пропускаютъ ни одного корабля, нагруженнаго невольницами. Прежде ежегодно приставалъ къ берегамъ Константинополя корабль съ грузомъ черноокихъ красавицъ востока; по обычаю, освященному древностью, стамбульскіе торговцы отправлялись къ враждебнымъ племенамъ Кавказа, и вымѣнивали у родителей на порохъ, оружіе и платье дочерей ихъ. Къ сожалѣнію должно сознаться, что молодыя черкешенки безъ всякаго сожалѣнія покидаютъ родительскій домъ и отечество; родители еще съ дѣтства приучаютъ ихъ къ этой мысли, рисуя пылкому ихъ воображенію роскошь и нѣгу, которая ожидаетъ ихъ въ Константинополѣ, что онѣ могутъ тамъ сдѣлаться любимою женою султана, или знатнаго вельможи, что онѣ будутъ окружены рабами и проведутъ всю жизнь безъ

всякой заботы, такъ, что онѣ представляютъ свою будущность самую завидною, и гаремъ кажется имъ не темницею, а жилищемъ счастія. И дѣйствительно, онѣ рѣдко ошибаются въ своихъ ожиданіяхъ, потому что купившій ихъ торговецъ бережетъ ихъ, какъ зеницу ока, потому что отъ ихъ красоты и здоровья зависитъ вся выгода его спекуляціи. Онѣ кормить ихъ хорошею, здоровою пищею, одѣваетъ въ нарядныя платья, даже старается забавлять и исполнять ихъ прихоти. Такъ какъ умѣнье вышивать, танцовать и щеголять нарядами возвышаетъ цѣну гаремныхъ затворницъ, то онѣ учить ихъ музыкѣ, танцованью, вышиванью и другимъ женскимъ рукодѣльямъ. Черкешенокъ вышивихъ сортовокъ покупаютъ обыкновенно въ подарокъ Султану и знатымъ царедворцамъ, а потому покушники также всеми средствами стараются привязать ихъ къ себѣ, чтобы въ послѣдствіи имѣть въ султанскомъ гаремѣ надежную за себя заступницу. Даже и положеніе простыхъ невольницъ, покупаемыхъ на базарахъ, вовсе не такъ горестно, какъ можно предполагать, потому что въ каждомъ домѣ ихъ столько, сколько отдѣльныхъ хозяйственныхъ занятій.

На Ауруръ-базарѣ продаютъ не однихъ невольниковъ—при входѣ въ него разставлено множество клѣтокъ съ птицами, и магометане, предъ покупою невольниковъ, покупаютъ нѣсколько птицъ и выпускаютъ ихъ на волю. Турки, какъ и индѣйцы, гораздо болѣе заботятся о животныхъ, чѣмъ о людяхъ; обычай запрещаетъ убивать птицъ, гдѣзда ихъ священны даже для дѣтей.

СОВРЕМЕННОЕ.

ЛИТЕРАТУРА: Образцы финских сказокъ. *Дитя въ бочкѣ*. — *Двушка въ гороховомъ полѣ*. **ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА:** Эдмондъ Кинъ и мистрисъ Сиддонсъ. (*Статья вторая*). Нѣсколько словъ о драматическихъ поговоркахъ. — Драматическій Некрополь. **ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ:** Языкъ и философія негровъ Одши. — Старость, ея удовольствія и лишенія. **ШЕЛКИЕ РАЗСКАЗЫ, НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ:** Землетрясеніе. — Пневмическія болѣзни и несчастные случаи. — Вновь предложенныя желѣзныя дороги. — Денди. — Мать и дочь (*сюжетъ для водевиля*). — Сынъ изъ Америки. — Скачка въ большомъ цркѣ Калугы. — Послѣдній судебный поединокъ во Франціи. — Корсика въ 1848 году.

І. ЛИТЕРАТУРА.

Образцы финскихъ сказокъ. — Въ Гельсингфорсѣ вышло недавно на финскомъ языкѣ собраніе древнихъ финскихъ сказокъ. Приводимъ двѣ изъ нихъ, какъ образцы этого рода литературы, мало извѣстной намъ.

Дитя въ бочкѣ — Одинъ королевскій сынъ пошелъ однажды въ деревню, посмотрѣть на дочерей поселянъ. Тамъ у одной вдовы были три дочери, очень хорошенькія. Королевскій сынъ, подойдя къ ихъ дому, услышалъ за стѣною разговоръ этихъ двушекъ, остановился и сталъ вслушиваться.

— Что ты лучше всего умѣешь дѣлать? спросили младшія сестры у старшей.

— Я могу изъ ячменя приготовить всякаго рода кушанья и напитки, отвѣчала она.

Когда у средней сестры спросили тоже, она сказала:

— Я изъ льна могу дѣлать всевозможныя ткани.

Наконецъ сдѣлали тотъ же вопросъ младшей.

— А я, отвѣчала она, принесу будущему мужу моему три года сряду по три сына, у которыхъ бока будутъ испускать мѣсячное сіяніе, голова будетъ окружена солнечнымъ лучемъ, руки будутъ золотыя, ноги до колѣнъ изъ чистаго серебра.

— Эта дѣвушка будетъ моею женою, сказалъ принцъ самъ себѣ. Я хочу, чтобъ у меня были такія дѣти.

Онъ вернулся въ городъ и объявилъ о своемъ намѣреніи родителямъ. Тогда жила у нихъ родственница, которой хотѣлось выдать дочь свою за этого принца, но онъ отказался отъ этого брака и женился на младшей дочери сельской вдовы.

Когда молодая готова была родить, королевскій сынъ долженъ былъ итти на войну. Во время его отсутствія жена родила ему трехъ сыновей чудной красоты, но старая родственница, исправлявшая должность бабки, украла дѣтей и вмѣсто ихъ положила трехъ собаченокъ.

Когда принцъ воротился съ войны, домашніе сказали ему: «Убей свою жену: она родила тебѣ щенятъ.»

Но принцъ не послушался ихъ и подумалъ: «можетъ быть, на будущей годъ она будетъ счастливѣе.»

Послѣ нѣкотораго времени принцесса вновь сдѣлалась беременна, а мужъ опять ушелъ на войну. Во время разрѣшенія ея опять была та же бабка, которая подмѣнила трехъ прекрасныхъ новорожденныхъ младенцевъ тремя котятами.

Когда принцъ воротился, ему опять говорили, чтобъ онъ убилъ свою жену за то, что она родила котятъ; но онъ опять не послушался и хотѣлъ положить третьяго раза.

И въ третій случилось тоже, что въ первые два. Но на этотъ разъ сама молодая жена украла одного новорожденного и спрятала его на груди. Бабка же подмѣнила двухъ остальныхъ и положила поросятъ.

Возвратившійся принцъ разсердился на этотъ разъ и, посадивъ жену свою въ бочку, бросилъ ее въ море. Вмѣстѣ съ нею былъ на ея груди и спасенный ею новорожденный сынъ.

Долго бочка носилась по волнамъ. Между тѣмъ дитя росло не по днямъ, а по часамъ, — и ему въ бочкѣ стало тѣсно. Однажды онъ спросилъ мать:

— Не вышибить ли мнѣ дно, чтобъ выйти на свободу?

— Нѣтъ, дитя мое, не дѣлай этого, отвѣчала мать. Мы еще плывемъ на бездонной глубинѣ.

Сынъ послушался. Прошло еще нѣсколько времени, и въ бочкѣ сдѣлалось еще тѣснѣе.

Во второй разъ спросилъ онъ о томъ же у матери, и получилъ тотъ же отвѣтъ; только въ третій разъ догадалась мать по ходу бочки, что они на мелкомъ мѣстѣ, и позволила сыну выбить ногою дно.

Они вышли на берегъ, и сынъ спросилъ у матери:

— Что намъ прежде всего нужно?

— Домъ, гдѣ бы можно было жить, отвѣчала мать.

Сынъ пошелъ впередъ, вышелъ на возвышенное и открытое мѣсто, снялъ съ шеи платокъ, махнулъ имъ по воздуху, и вдругъ очутился передъ ними домъ, неуступавшій великолѣпнѣмъ дворцу. Здѣсь странники остановились. Мать тотчасъ же испекла девять пироговъ и положила ихъ на столъ.

Тутъ откуда ни взялись восемь прелестныхъ юношей, и вошли пря-

мо въ домъ. Мать и сынъ испугались, думая, что это разбойники, и спрятались.

— Тутъ на столѣ девять пироговъ, сказалъ одинъ изъ приходшихъ юношей,—а насъ только восемьро. Гдѣ же девятый?

— Я здѣсь, отвѣчалъ сынъ принцессы,—вынедь изъ-за печки.

Гости тотчасъ же узнали, что это братъ ихъ, обрадовались ему, и спрашивали гдѣ ихъ мать? Явилась и она. Дѣти такъ ей были рады, что обнимали ее, передавая изъ рукъ въ руки на воздухѣ.

Вскорѣ постучался въ окно нищій и просилъ милостыни. Юноши ввели его въ домъ, накормили, напоили и дали кошелекъ денегъ на дорогу.

Отъ нихъ нищій пошелъ во дворецъ отца юношей.

— Ты вездѣ шатаешься, старый бродяга, — сказалъ ему король. Тебѣ не мѣсто быть во дворцѣ.

— Да я сейчасъ былъ въ такомъ домѣ, отвѣчалъ нищій,—который не уступаетъ этому дворцу.

— Гдѣ же это?

— Пойдемъ, я сведу.

И они пошли. Когда стали подходить къ дому юношей, мать увидала идущихъ, и сказала: «Дѣти! вотъ идетъ вашъ отецъ.»

Юноши бросились къ нему навстрѣчу, подхватили его на руки и принесли въ свой домъ.

Тутъ все объяснилось. Король взялъ опять жену свою во дворецъ и всѣхъ девять сыновей, а бабуку и дочь ея прогналъ,—и всѣ зажили весело и счастливо.

Дѣвушка въ гороховомъ полѣ. — Братъ и сестра жили вмѣстѣ. Отецъ ихъ, умирая сказалъ сыну: «живи съ сестрою дружно и люби ее.» Дѣйствительно, они жили нѣсколько времени въ величайшемъ согласіи. Но вскорѣ братъ женился. Жена его была злая женщина, ненавидѣвшая сестру своего мужа. Все чтобъ она ни сдѣлала, было дурно, и она всякій день твердила мужу, что сестра разоряетъ ихъ.

Когда наконецъ у злой жены родился сынъ, она отрѣзала ему носъ и уши, и сказала мужу, что это сдѣлала сестра его. Мужъ повѣрилъ; оба они жестоко прибили бѣдную дѣвушку и полумертвую выгнали изъ дому.

Она пошла въ столицу и питалась подаяніемъ. Однажды увидѣла она, что сынъ короля пришелъ весною на гороховое поле и началъ засѣвать его. Окончивъ эту работу, сказалъ онъ своимъ спутникамъ:

— Когда горохъ поспѣетъ, я буду караулить его. Если дѣвушка зайдетъ на поле и нарветъ себѣ зрѣлыхъ стручковъ, я женюсь на ней.

Дѣвушка слышала эти слова и припомнила ихъ. Настало лѣто—и горохъ созрѣлъ. Дѣвушка прокралась въ поле и начала рвать стручки и ѣсть ихъ. Пришелъ и принцъ, поймалъ ее, отвелъ къ себѣ и женился на ней.

Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ счастливой жизни молодая сдѣлалась беременна, а мужъ долженъ былъ идти на войну. При прощаньи сказалъ онъ женѣ своей:

— Если ты родишь сына, то пришли мнѣ письмо. Я тотчасъ же къ тебѣ приѣду. Если же будетъ дочь, тоже увѣдомь, но тогда я приѣду, если будетъ можно.

Жена родила сына и послала слугу съ письмомъ. По дорогѣ гонецъ зашелъ переночевать въ домъ брата принцессы;—и хозяйка истопила ему баню—и послала его мыться и париться, а сама въ это время раскрыла его сумку, вынула письмо свояченицы и положила другое, въ которомъ было сказано, что родилась дочь.

Слуга отправился на другой день, и прибывъ къ принцу, подавъ ему письмо. Тотъ написалъ въ отвѣтъ: «Хорошо, я приѣду, когда буду свободенъ.»

Возвращаясь въ столицу съ письмомъ, слуга опять зашелъ на ночлегъ, гдѣ злая жена снова угостила его банею, и точно также подмѣнила письмо, положивъ въ него другое слѣдующаго содержанія:

«Чтобъ тотчасъ же жена моя сняла съ себя богатые платья, надела свои лохмотья и убиралась съ своимъ ребенкомъ куда хочетъ.»

Получивъ это грозное письмо, молодая жена повиновалась, со слезами вышла изъ столицы и стала съ своимъ сыномъ питаться подаяніемъ.

Однажды шла она по лѣсу, и ей захотѣлось пить. Найдя наконецъ источникъ, у котораго былъ привѣшенъ золотой ковшъ, ребенокъ схватился за ковшъ, но перевѣсился и упалъ въ воду. Мать выхватила его прежде нежели онъ успѣлъ захлебнуться. Но вынувъ его изъ воды, увидѣла она, что ребенокъ слѣлся отъ нея удивительно красиво и крѣпко.

Долго она странствовала по разнымъ землямъ и пришла наконецъ въ деревню, гдѣ жилъ ея братъ. Никто не узналъ ее, и когда она просила позволенія переночевать, хозяйка заворчала и указала ей мѣсто у порога. Тутъ бѣдняжка и помѣстилась съ своимъ ребенкомъ.

Ночью прибылъ въ эту деревню принцъ съ войны со всѣмъ своимъ войскомъ, и помѣстился самъ въ домѣ, гдѣ ночевала жена его.

Увидѣвъ красиваго ребенка, ползавшаго по полу, спросилъ онъ у него кто онъ, и откуда?

— Это мой сынъ, сказала его мать. Здѣсь жила я, но злая свояченица оклеветала меня передъ моимъ братомъ, и я была выгнана. Я пошла въ столицу; тамъ сынъ короля женился на мнѣ, и я ему родила этого сына, о чемъ и увѣдомила его письмомъ. Но онъ въ отвѣтъ велѣлъ меня выгнать и съ ребенкомъ...

— Замолчи, негодная, закричала злая свояченица, но принцъ схватилъ ее и заставилъ сознаться въ подмѣнѣ писемъ.

Велѣвши казнить ее, повелъ онъ жену свою съ сыномъ во дворецъ, гдѣ они стали жить весело и счастливо. (Magaz. für die Litt. des Auslands).

II ТЕАТРЫ, МУЗЫКА, ИСКУССТВА.

Эдмондъ Кинъ и мистриссъ Сиддонсъ. (Статья вторая).— Кину счастье улыбалось; оно приветствовало и ласкало его, какъ своего любимца; но великій актеръ самъ пренебрегъ своими успѣхами и помрачилъ свою славу. Напротивъ того, мистриссъ Сиддонсъ должна была вынести долгую и постоянную борьбу съ препятствіями и лишеніями. Мужественно преодоляла она ихъ и вышла побѣдительницей изъ этого тяжкаго боя. Ея имя займетъ почетное мѣсто между современными знаменитостями.

Миссъ Кембль (въ послѣдствіи мистриссъ Сиддонсъ) родилась на подмосткахъ провинціального театра, 5-го іюля 1755 года. Мать ея принесла въ приданое ея отцу труппу странствующихъ актеровъ, которую онъ принялъ на свое попеченіе. Мистеръ Кембль развлекалъ своими великолѣпными представленіями гражданъ Брекона, миниатюрнаго городка, и жилъ въ гостиницѣ *Барашей лопатки*, въ залѣ которой устроилъ онъ театръ, когда, въ одинъ прекрасный вечеръ, госпожа Кембль развѣшалась дочерью. Неискусный директоръ и недаровитый актеръ, мистеръ Кембль плохо сводилъ итоги своихъ доходовъ. Что было дѣлать? Когда дочь его достигла восьмилѣтняго возраста, онъ началъ извлекать пользу изъ талантовъ хорошенькой малютки и заставлялъ ее лепетать передъ шумною толпой—Езоповы басни.

Многіе изъ свѣтлыхъ и яркихъ талантовъ зараждались въ низшихъ слояхъ общества, и быть можетъ, нѣкоторые изъ нихъ цѣлую жизнь томилась голодомъ и умирали отъ лишеній, если искусство не осыпало ихъ спасительною защитой. Тринадцати лѣтъ миссъ Кембль распѣвала пташкою въ комическихъ операхъ, и бабочкою порхала въ балетахъ, на утѣху дилеттантовъ провинціального городка. Она уже была красавицею; гибко и стройно развивался ея величественный станъ, и странно было видѣть эту гордую фею въ жалкихъ и ничтожныхъ роляхъ, на которыя осуждала ее необходимость. Въ труппѣ участвовалъ юный артистъ; его употребляли во всѣхъ экстренныхъ случаяхъ. Надо ли было арлекина? Сиддонсъ превращался въ арлекина; Коріолана? Сиддонсъ вооружался кирасою; проворнаго клоуна? Сиддонсъ дѣлался клоуномъ. Красоткѣ Кембль наступалъ семнадцатый годъ

Пора любви и бурныхъ тревоженій...

Артистка признала заслуги своего товарища мистера Сиддонса: она полюбила его, и—о случай! Джульета встрѣтила своего Ромео. Миссъ Кембль объявила своимъ родителямъ, что мистеръ Сиддонсъ нравится ей, и что она къ нему не равнодушна. Извѣстіе это сильно разстроило семейные расчеты. Дочь выйдетъ замужъ за неизвѣстнаго артиста! Прелестная дочь, надежда семьи, красота которой безъ славы увянетъ на жалкой сценѣ провинціального театра!

Мистеръ Кембль вооружается строгостью, какъ лордъ Капулетъ; госпожа Кембль, по примѣру леди Капулетъ, вторитъ своему грозному

мужу. Молодые люди приходятъ въ отчаяніе; слухъ о несчастной любви ихъ разносится во всѣхъ гостиныхъ маленькаго городка, гдѣ рады потолковать и позлословить на счетъ ближняго. Чтобъ придать болѣе драматическаго интереса этому приключенію, Сиддонсъ сочиняетъ и поетъ въ видѣ эпилога, въ концѣ своего бенефиса, пѣсенку о неудачной любви, и дѣлаетъ воззваніе къ чувствительнымъ сердцамъ. Публика съ восторгомъ награждаетъ рукоплесканіями актера.

Прослужа годъ чтицею въ одномъ богатомъ семействѣ, миссъ Кембль вышла замужъ, 26 ноября 1773 года, за избраннаго сердцемъ. Ничего у нее не было; она опять возвратилась къ театральному искусству.

Небольшая труппа актеровъ, дававшая представленія въ Бедсѣ, приняла ее въ свои ряды. Но это были жалкіе горемыки, безъ славы, безъ хлѣба, безъ значенія, безъ костюмовъ! Мистриссъ Сиддонсъ случилось однажды играть роль *Ирландской вдовы*, въ пьесѣ того же имени. Бѣдная актриса принуждена была завять у одного изъ сострадательныхъ зрителей необходимый костюмъ, и взамѣнъ отдала ему свое платье. Она странствуетъ всюду—въ Бирмингамѣ, въ Чельтенгемѣ, въ Ливерпулѣ, въ Манчестерѣ,—ведетъ все ту же скитальческую, тревожную, невѣрную жизнь; семейство ея увеличивается, а доходы все тѣ-же!

Однажды давали на Чельтенгемскомъ театрѣ «Спасенную Венецію». Мистриссъ Сиддонсъ должна была играть въ этой пьесѣ роль Бельвидеры, трудную, но превосходную роль, требовавшую глубокихъ изученій сценическаго искусства. Въ то время въ Чельтенгемѣ жили нѣсколько представителей высшаго лондонскаго круга. Они разобрали логи, обѣщая себѣ заравѣ отъ души посмѣяться надъ провинціальной Бельвидерой. Что можетъ быть смѣшнѣе шутовской трагедіи? Но миссъ Бойль, лордъ Дунгарвонъ и лордъ Эйлисбюри, пріѣхавшіе позабавиться надъ жалкою игрою артистки и надъ бѣдною труппою, удалились изъ театра въ восторгѣ отъ мистриссъ Сиддонсъ. Миссъ Бойль поспѣшила короче познакомиться съ молодою актрисою, приняла въ ней участіе и возобновила ея скудный гардеробъ. Лордъ Эйлисбюри писалъ къ Гаррику, что нашелъ въ провинціи истинный сценическій перлъ, и великій актеръ немедленно отправилъ въ Чельтенгемъ своего любимца Кинга, поручивъ ему ангажировать мистриссъ Сиддонсъ. Находясь въ главѣ Друриленскаго театра, Гаррикъ постоянно велъ войну съ двумя артистками—соперницами, которыя осаждали его безразсудными требованіями и высокомерными претензіями. Онъ обрадовался, что можетъ противопоставить имъ новый талантъ, который лишитъ ихъ исключительнаго вниманія публики и поуменшитъ ихъ гордость. Вотъ все, чего онъ надѣялся и ожидалъ отъ мистриссъ Сиддонсъ. Любопытны записки этой знаменитой актрисы, скромно названныя ею «Біографическими воспоминаніями», въ которыхъ она рассказываетъ о своихъ сношеніяхъ съ Гаррикомъ.

— Мнѣ назначили пять фунтовъ стерлинговъ въ недѣлю. Я была молода; меня считали красавицею, значить я стоила этого. Гаррикъ меня принялъ отлично. Я была награждена и его вниманіемъ, и похва-

лами, но его благосклонность ко мнѣ положительно разочаровала меня. Великій актеръ никогда не допускалъ меня до выполненія важныхъ ролей, а въ нихъ только и могла я выказать свой талантъ и физическія способности. Я старалась разгадать причину этого.

Онъ видимо желалъ ослабить вліяніе двухъ актрисъ, которыя неотступно терзали его своею надмѣнностью и соперничествомъ. Сверхъ того онъ обращалъ вниманіе не на выгоды театра, а на свои собственныя, и не за что было ему благодѣтельствовать мнѣ. Быть можетъ, счастье сдѣлало его эгоистомъ, или лесть, окружавшая его, измѣнила его природную доброту, но только онъ мнѣ болѣе вредилъ, чѣмъ покровительствовалъ. Съ изумленіемъ увидѣла, что онъ важнѣе всего считалъ во мнѣ мою невѣрную красоту, и что будущность моего театральнаго поприща нисколько не занимала его. Другія причины, быть можетъ, тайныя, которыхъ я даже не хочу и доискиваться, заставляли его не покидать меня. При каждомъ свиданіи, онъ осыпалъ меня похвалами, и эта преувеличенная благосклонность сдѣлала меня предметомъ зависти для многихъ. Мнѣ присылалъ онъ билеты на самыя блестящія представленія. По его назначенію я играла всегда Венеру въ тѣхъ пьесахъ, гдѣ была роль этой богини; мои соперницы прозвали меня *Венерою мистера Гаррика*. Не буду распространяться о всѣхъ колкостяхъ и насмѣшкахъ, которыя навлекало на меня предпочтеніе великаго трагика. Всѣ дивились таланту Гаррика, имя котораго гремѣло въ Европѣ: слава делѣла и ласкала его; другіе добивались слова, улыбки отъ него. Онъ оказывалъ мнѣ предпочтеніе, и другой, быть можетъ, съ болѣе сильнымъ характеромъ, непременно вскружилъ бы голову, но у меня были дѣти, и я любила мужа.

«Быть можетъ, Гаррикъ самъ удивился, что не могъ восторгиваться надъ холодною женщиною, участь которой отъ него зависѣла. Увѣривъ моего мужа, что ручается за меня, что намъ нечего бояться, что будущность моя обезпечена, онъ меня отпустилъ въ Бирмингамъ. Слова его и увѣренія меня успокоили, и я полагаю, что мой контрактъ съ Друриленомъ будетъ возобновленъ, но вдругъ я получила отъ новыхъ директоровъ письмо, въ которомъ они объявляли, что во мнѣ болѣе не нуждаются. Гаррикъ (какъ мнѣ разсказалъ Шериданъ) отрекомендовалъ меня, но весьма невыгодно. Онъ самъ постарался, чтобъ мнѣ отказали; жестокое и горькое униженіе! Увы! но это было не все: двое малютокъ моихъ должны были умереть съ голоду. Полтора года я тосковала, отчаявалась и занемогла. Наконецъ я ободрилась: здоровье мое начало поправляться, я смѣло вступила въ бой съ препятствіями. Изгнанная изъ Друрилена, униженная, обезславленная, я опять принялась за ремесло странствующей провинціальной актрисы».

И долго должна была она терпѣть невзгоды, но не истощалось терпѣніе бѣдной, но мужественной артистки. Испытавъ свои силы въ комическихъ роляхъ, она не удовлетворялась посредственнымъ успѣхомъ и перебывъ во всѣхъ графствахъ Англіи и Ирландіи, она возвратилась въ Лондонъ. Гаррикъ еще поручилъ ей одну или двѣ роли, но далѣе его

покровительство не простерлось. Лондонъ и Гаррикъ еще ее не понимали; но каждый неуспѣхъ для мистриссъ Сиддонсъ былъ предметомъ новаго изученія, новаго артистическаго труда. Она дѣйствовала твердо и рѣшительно, и соединяла здравое сужденіе съ энергическою волею. Въ 1777 году жители Бирмингама и Манчестера поняли, что актриса, игравшая передъ ними, была одарена высокимъ талантомъ. Актеръ Гендерсонъ, приведенный въ восторгъ игрою мистриссъ Сиддонсъ, вскричалъ однажды въ фойе Бирмингамскаго театра:

«Нѣтъ, никогда эта актриса не имѣла соперницъ... ни одна артистка въ мірѣ не превзойдетъ ее!»

Татъ Уилькинсонъ отозвался въ Городскомъ Вѣстникѣ, что онъ весьма удивленъ холодною лондонскою публикою къ такой актрисѣ, какъ мистриссъ Сиддонсъ, которая, обладая первостепеннымъ талантомъ, принуждена играть на провинціальныхъ театрахъ.

Извѣстность ея распространилась и въ 1782 году; слухъ о ея блистательныхъ успѣхахъ нашелъ отголосокъ и въ Лондонѣ. Она снова получила приглашеніе явиться на Друриленскомъ театрѣ. Съ стѣсненнымъ сердцемъ приняла она это приглашеніе; прошедшее страшило ее, но на этотъ разъ ее ожидала награда за тяжкіе труды и горькое испытаніе. 10-го октября 1782 года, она играла на Друриленскомъ театрѣ въ «Несчастномъ бракѣ» Сутерна. Въ этой пьесѣ роль «Изабеллы» была для нея тѣмъ же, чѣмъ роль «Отелло» сдѣлалась въ послѣдствіи для Кина. Публика признала все превосходство высокой и благородной трагедіи: мистриссъ Сиддонсъ произвела своею неподражаемою игрою глубокое впечатлѣніе и была награждена обильными рукоплесканіями.

Въ этой роли госпожа Сталь видѣла ее въ первый разъ и торжественно объявила, что мистриссъ Сиддонсъ—актриса первостепенная. Природа создала ее для выраженія чувствъ высокихъ, и она сохраняла этотъ характеръ въ сценахъ бурныхъ, требовавшихъ выраженія сильныхъ и пылкихъ страстей. «Играя леди Макбетъ, говоритъ лордъ Байронъ, она превращалась въ какую-то сверхъестественную женщину; въ ней выражались и могущество, и страсть, и какое-то непреклонное величіе. Кто видѣлъ разъ ее въ сценѣ сомнамбулизма, тотъ никогда ее не забудетъ. Открывъ неподвижные глаза, съ усыпленными чувствами она скользитъ, какъ исполинская тѣнь; она шевелитъ губами, но ни звука не вылетаетъ изъ ея полукрытыхъ устъ. Она была событіемъ въ жизни всѣхъ, кто ее видѣлъ.»

Первые успѣхи пріобрѣла она въ благородныхъ и нѣжныхъ роляхъ «Изабеллы», «Юанны Схоръ», «Бельвидеры» и «Имогены;» лучше всего она изображала красоту борьбы съ испытаніями и мужество женщины, которая борется противъ страсти и несчастій. «Катерина Аррагонская», «Эльвира» и «Констанція,» всѣ роли, требовавшія особенной энергіи души, почти мужескаго могущества и героическаго величія, — были вѣнцемъ ея успѣховъ. Къ концу драматическаго поприща, она потолѣла и потеряла нѣсколько выраженіе глубокой страсти, которыми дышали ея прекрасныя черты. Но надо было видѣть ее въ на-

чалъ, когда высокая, стройная, съ открытымъ и покойнымъ челомъ, обрамленнымъ черными прядями волосъ, она выражала нѣжность, невинность, или тоску и отчаяніе. Только одна роль «Джульетты,» въ Ромео, доставляла ей мало успѣховъ. Нѣжность чувствъ и почти дѣтское увлеченіе молодой италіанки не шли ей характеру. До конца осьмнадцатаго столѣтія, мистриссъ Сиддонсъ безраздѣльно и торжественно господствовала на театрѣ. Восторгъ публики не охлаждался, но возрасталъ; ее осыпали и блестящими похвалами, и дорогими подарками.

Тогда пробудилась зависть; недоброжелательные листки газетъ очернили позоромъ клеветы ея частную жизнь и домашнія отношенія.

Увѣрили, что она отказывалась играть въ пользу самыхъ бѣдныхъ товарищей своихъ, что она оставляла въ нищетѣ свою родную сестру, и все это была ложь; но публика не разбирала. Подъ вліяніемъ газетной клеветы, партерь встрѣтилъ однажды любимицу свою пронзительными свистками.

Прочь со сцены! ты не играешь! кричали со всѣхъ сторонъ. Но не испугалась мистриссъ Сиддонсъ, твердо и мужественно опираясь на руку Джона Кембля, подошла она къ рампѣ и объявила хладнокровно, что все взводимое на нее—ложь. Она объяснилась, опровергнула клеветы, и оставила сцену посреди оглушительныхъ рукоплесканій.

Но сердце ея въ тайнѣ страдало. Неблагодарность и легковѣрность толпы поразили ея благородную душу. 29-го іюня 1802 года она въ послѣдній разъ играла въ Макбетѣ.

Оставивъ театръ, она была принята чтицею при дворѣ короля Георга III-го. Король и королева очень любили умную мистриссъ Сиддонсъ и неоднократно осыпали ее своими милостями.

Такъ протекла эта жизнь, полная тревогъ и бореній съ обстоятельствами, но за то увѣнчанная достойными успѣхами и достойною славой!

Нѣсколько словъ о драматическихъ поговоркахъ. — Въ послѣднее время на парижской и русской сценахъ вошли въ большую моду драматическія поговорки или пословицы.

Совершенно ли это новый родъ сочиненій? Нѣтъ! Въ литературѣ греческой, латинской и французской, подлѣ великихъ драматическихъ произведеній, видны другія не такъ значительныя, но тоже заслуживающія вниманія. У грековъ былъ особенный родъ сочиненій, называвшійся *εὐθύλογος*, изъ котораго мы сдѣлали идилію, по которое у нихъ означало родъ небольшой картины. И теперь читатель нѣсколько удивленъ, видя въ идиліяхъ Теоокрита какъ двѣ сиракузскія кумушки болтаютъ между собою, какъ старушки современныхъ «поговорокъ». Греки называли также *μιμαμί*, или подражаніями, драматическіе діалоги, въ которыхъ авторъ изображалъ всеневную жизнь. Римляне заимствовали у грековъ это характеристическое названіе и имѣли знаменитыхъ мимогографовъ. Еслибъ можно было отыскать всѣ эти мимы,

эти копіи вседневнаго быта, то открылась бы вся генеалогія нынѣшнихъ драматическихъ поговорокъ.

Во Франціи мода также создала мимы. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія были въ большой модѣ домашнія комедіи, оканчивавшіяся какою-нибудь пословицею въ видѣ нравоученія. Всѣ захотѣли играть ихъ, сочинять. Мода потомъ прошла, но названіе пословицы осталось.

Сначала эти пьесы неназначались для театра. Въ нихъ небыло ни глубокихъ мыслей Аристофана и Мольера, ни соблюденія правилъ, ни дѣйствія. Первоначальный типъ составлялъ одну хорошенькую сцену. Но наконецъ и эти мелкія созданія захотѣли извѣстности на театрѣ. Тогда уже нужна имъ была завязка, нужно было дѣйствіе. Но, какъ цѣль пословицъ—анализъ нашей вседневной жизни, то условныхъ правилъ комедій и не стали наблюдать. Стали придавать имъ разныя названія: *пастораль, разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, мимы, пословицы*. Общая форма—была сценической разговоръ, прочее составляло подробности смѣшной стороны нравовъ и характеровъ, а не самыя нравы. Тутъ были часто и утонченности, необходимыя въ мелкихъ подробностяхъ.

Сиракузы, Аѣны, Римъ, Парижъ всегда любили остроумныя насмѣшки надъ современниками. Софронъ и Теокрытъ въ Сициліи, Публий Сиръ, Лаберій и Малій въ Римѣ писали въ такія времена, когда выраженій не выбирали, лишь бы было забавно написано. И однакоже нравоученія Софрона и Сира преподавали въ публичныхъ школахъ.

Во Франціи пословицы родились въ XVIII вѣкѣ. Не говоря уже о Коллѣ, который съ 1769 до 1788 писалъ для домашнихъ спектаклей герцога орлеанскаго. Назовемъ главныхъ писателей пословицъ. Кармонтель (съ 1717 по 1806), Леклеркъ, Монье, котораго популярныя сцены принадлежать къ стариннымъ мимамъ, Альфредъ Мюссе, Октавъ Фелье. Даже иногда Скрибъ и Альфонсъ Карръ выходили изъ рамы комедій и романа, чтобъ писать пословицы.

Впрочемъ между всѣми новѣйшими произведеніями анализа общественной жизни есть сродство: пословицы, водевили, фізіологіи, карикатуры и иллюстраціи, всѣ формы наблюденій и ироніи имѣютъ общее основаніе. Гаварни и Гранвиль дѣлали тоже рисунками, что другіе перомъ. Кармонтель и Леклеркъ оставили намъ прекрасныя изученія о домашней жизни средняго сословія; Альфредъ Мюссе изобразилъ жизнь артиста; Октавъ Фелье бытъ свѣтскаго общества.

Кармонтель писалъ пословицы для дворцовой сцены герцога орлеанскаго, но кажется жизнь его прошла въ бѣдности. Онъ вездѣ занималъ деньги подъ залогъ своихъ пьесъ. Сочиненія его дурно изданы. Самый талантъ дурно былъ направленъ. Въ немъ много комизма, но больше небрежности. Онъ не заботился объ отдѣлкѣ и развитіи сюжета. Имѣя иногда подъ руками прекрасный сюжетъ, онъ прибѣгаетъ къ каламбуру, шаржировкѣ, преувеличенію. Неумѣя владѣть персонажами и дѣйствіями, онъ упалъ, какъ скоро вздумалъ явиться на сцену. Въ его *Mari adroit* слогъ довольно легкій. Въ *Foire de St. Germain* натянута, холодная эпиграмма и шумная веселость. Въ *Vieux éroux*

изобразилъ онъ только разъ серьезно двухъ супруговъ, которые на старости раскаялись въ своей легкомысленной жизни, помирились и исправились.

Но, спросить у насъ, въ чемъ же состоитъ талантъ Кармонтеля? Въ описаніи простонароднаго быта. Описывая эти сцены, онъ вѣренъ, живъ и остроуменъ. Кумушка болтаетъ безъ умолка. Купецъ доказываетъ свое право, чтобъ запрашивать, держась поговорки: чѣмъ больше приобретаешь, тѣмъ тебя люди болѣе уважаютъ. Есть у Кармонтеля очень милая пословица. *le Valet de chambre et le paysan.*

Назовемъ еще: *La jambe cassée.* Тутъ кумушка безъ умолка болтаетъ, а сельскій лекаръ твердитъ своей Дульцинеѣ, что неналобно нарушать сердечнаго спокойствія людей его званія. «Если ты мнѣ вскружишь голову, я могу ошибиться въ приѣмѣ лекарствъ, и больной можетъ умереть. Я могу пересѣчь артерію при кровопусканіи; я буду думать о своемъ горѣ, а не о чужой болѣзни. Видишь ли, что ты хуже язвы.»

Но вотъ писатель другаго рода. Теодоръ Леклеркъ началъ писать въ 1814 году, и самъ о себѣ говорить: «Я съ удовольствіемъ пишу пословицы, съ удовольствіемъ читаю ихъ въ обществахъ и съ удовольствіемъ играю ихъ. Онъ жалуется, что водевилисты обкрадываютъ его, и требуетъ признанія литературныхъ правъ. Въ *Manie des proverbes* очень хорошо описалъ онъ глупцовъ, которые хотятъ импровизовать; женщинъ, которыя хотятъ только себя выставятъ, и мужчинъ, которые принимаютъ книжныя фразы за истину и наивность.

Въ его сочиненіяхъ можно найти какъ создавать и писать сюжеты. Въ роли Бленваля говоритъ онъ: «Въ пословицѣ есть тысячи бездѣлицъ, которыя должны однакоже согласоваться съ общею цѣлю.»

Леклеркъ былъ законодателемъ пьесъ этого рода. Въмѣсто импровизаціи Кармонтеля онъ уже заставляетъ авторовъ работать. Онъ уже писалъ для того, чтобъ играли его пьесы. Сцены его искусно расположены, дѣйствіе имѣетъ послѣдовательность; разговоръ живъ и ясенъ. Если онъ иногда пишетъ фарсъ, если заставляетъ мужчину играть женскую роль, то это исключеніе, и веселость заставляетъ забывать невѣроятности. Леклеркъ вездѣ остроуменъ и вѣренъ; даже лица его говорятъ иногда условнымъ языкомъ. Въ пьесахъ его можно найти типы всего средняго сословія (*bourgeoisie*). Посмотрите на эту женщину, которая пугается гусиной лапы и боится свѣжести лица своей невѣстки. Она не можетъ еще отказаться отъ молодости. Вотъ другая женщина, ягненокъ, которая ничего не хочетъ, ничего не требуетъ, но при малѣйшемъ противорѣчій перевернетъ весь домъ вверхъ дномъ. Вотъ еще женщина, вѣчно больная и умирающая. Она живетъ однимъ воздухомъ, а за завтракомъ ѣтъ устрицы. Между мужчинами, какъ хорошъ эгоистъ, который всегда веселъ, надо всѣмъ смѣется и равнодушно жертвуетъ всѣмъ для своего удовольствія. А посмотрите на лакеевъ, какъ они искусно пользуются нашимъ самолюбіемъ и недостатками, Леклеркъ въ совершенствѣ описалъ эти характеры. *L'esprit du laquais* пріятная сцена. Лебелъ былъ прежде

камердинеромъ, обогатился, живетъ своимъ домомъ, но ему скучно. Камердинерство сдѣлалось для него искусствомъ и занятіемъ. Онъ нарочно зоветъ къ себѣ молодаго своего кузена, сажаетъ его, угощаетъ и обходится съ нимъ какъ съ прежнимъ своимъ маркизомъ.

Не разъ смѣялся Деклеркъ надъ превращеніемъ французовъ съ 1800 до 1830 года, описывая въ частныхъ нравахъ отголоски переворотовъ. Онъ представилъ подкупы адвокатовъ, интриги въ выборахъ.

Неудачно описалъ онъ бытъ актеровъ. Вообще, какъ скоро онъ выходитъ изъ сферы своихъ обычныхъ лицъ, онъ уже становится слабъ и невѣренъ.

Съ Генрихомъ Монье исчезаетъ уже родъ драматическихъ пословицъ, назначаемыхъ исключительно для домашнихъ театровъ. Вы уже на улицѣ. Уже нѣтъ остроумныхъ развязокъ и пословицъ: нѣтъ искусно веденнаго дѣйствія. Вы видите *народныя сцены*, всеневную жизнь, взятую на самомъ мѣстѣ происшествій. И Монье неподражаемъ въ этомъ. Этотъ разрядъ людей, которыхъ вы вездѣ видите и которые именно поэтому избѣгаютъ повидимому отъ наблюдательнаго взора, изученъ имъ прекрасно, подробно. Въ этихъ маленькихъ сердцахъ нѣтъ сильныхъ страстей, но ихъ замѣняютъ сребролюбіе и тщеславіе. Какія забавныя борьбы! Какія домашнія пошлости! Какія странныя привычки! Какъ они обнимаются, завидуя другъ другу! Какъ смѣются надъ вышедшимъ пріятелемъ. Все это стереотипно схвачено у Монье: онъ ихъ вѣрно подслушалъ у привратника, въ коридорѣ, на улицѣ. Лица все разные, но типъ одинъ, то-есть взяты изъ одного круга. Морисо обожаемъ своею женою, которая его замучила гигиеническими предосторожностями. Старуха нанимаетъ нарочно горничную, чтобъ было кого-нибудь бранить всякій день; привычная торговка рассказываетъ всякому встрѣчному всю свою жизнь; любимый сынъ—несносный баловень и доносчикъ на всѣхъ; любимая дочь—все спорить съ матерью. Даже собака играетъ роль въ пьесахъ Монье. За нее достается ужасный пагоній г. Сарену и пр.

Лучшій типъ его былъ — Прюдомъ, который такъ вѣрно схваченъ, что всякій бы поклялся, что видѣлъ это лицо вчера на бульварѣ, въ омнибусѣ, въ судѣ, вездѣ. Успѣхъ Монье былъ чрезвычайный. Безъ всякой завязки, пьесы его правились. Одна наблюдательность, одинъ анализъ характеровъ. Это былъ Созиѣ Бальзака. Но Бальзакъ наблюдалъ воображеніемъ, а Монье — въ натурѣ. Рама послѣдняго меньше, но вѣрнѣе и пропорціональнѣе. Какой грамматикъ и писатель знаетъ лучше его поговорки всѣхъ сословій и нарѣчіе поселякъ,—однимъ словомъ всѣ измѣненія французскаго синтаксиса? Но въ слогѣ его—не одна истина: есть и воли природы, есть молніи чувствъ и страстей. Есть даже тины злодѣйства. Возьмите этого кузнеца, у котораго жена больна и который запутаннымъ языкомъ проситъ врача прекратить ея страданія какимъ нибудь *успокоительнымъ питьемъ*. Эта сцена потрясаетъ зрителя,—но она истинна. Въ одной истинѣ искалъ Монье своихъ эффектовъ, и рѣдко увлекается воображеніемъ. Только однажды попробовалъ онъ это но неимѣлъ успѣха.

Мы не долго будемъ говорить объ Альфредѣ Мюссе, котораго пословицы сдѣлались комедіями и извѣстны критикѣ. Замѣтимъ только, что онъ поэтъ, а не списываетъ съ натуры; онъ облакаетъ свой сюжетъ вымысломъ воображенія и ума. У него нѣтъ пошлыхъ, простонародныхъ картинъ: у него небо Италіи, раздушенные чертоги, идеальныя мѣста, которыхъ нѣтъ нигдѣ, но которыя въ головѣ у всякаго юноши. Лица его говорятъ умно, лукаво, вкрадчиво—это языкъ для женщинъ,—и посреди всего этого блеска проглядываетъ мелаγχолія. У Альфреда Мюссе вездѣ преобладаетъ любовь. Самая милая его пословица: *à quoi rêvent les jeunes filles*. Это лучшая *этюда* той эпохи жизни, которую назвали *любовь*. Навивныя и романическія мечтанія Нивоны и Нинетты, неловкая и благородная любовь Сильвіо, глупыя претензіи Ируса, доброта отца Лаэрта — все это составляетъ прелестнѣйшую картину въ фантастической рамѣ. У поэта вездѣ любовь и сомнѣніе. Фортуніо, Ролло, Мардошъ — разнохарактерные типы, но всѣ его женщины навивны и простодушны. *Зелія* и *Клавдія*—прелестны и невинны.

Оставалось бы сказать нѣсколько словъ объ Октавѣ Фэлье. Но онъ безпрестанно продолжаетъ еще писать. Последняя его пословица *Дамилла*,—и теперь всѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ и удовольствіемъ ожидаютъ всякаго его произведенія. Въ немъ много наблюдательности, умный разговоръ, много остроумія, живости, чувства. Если Фэлье отучится отъ нѣкотораго ораторства и подражаній, если его не избалуеетъ театръ, то можно отъ него ожидать многоаго въ будущемъ по части пословиць.

(L'Athenaeum français).

Драматическій некрополь. Есть въ Одеонѣ небольшой кабинетъ съ диваномъ, каминомъ, креслами, оклеенный сѣрою бумагой. Онъ по виду ни чѣмъ не отличается отъ другихъ комнатъ. Только на столѣ, покрытомъ бумагою, лежатъ купоны ложъ, на каминѣ поставлены двѣ статуетки Деверіи и на двухъ тумбахъ стоятъ бюсты Мольера и Корнея.

И этотъ кабинетъ, съ виду самый обыкновенный некрополь; пропасть ужасовъ, кладбище, населенное привидѣніями, подземный городъ Фараоновъ, полный муміями.

Привидѣнія трагедій, тѣни драмъ никогда не игранныхъ! Кто опишетъ ваши мученія?

Между диваномъ и каминомъ находится потаенная дверь шкапа, слѣланнаго въ стѣнѣ. Въ этой темницѣ погребены заживо трупы тысячь пьесъ.

Тутъ ихъ огромное число различныхъ видовъ и сортовъ. Одни открыты пылью временъ и старѣе Гекубы; другія видѣли директорію и уживали съ виконтомъ Баррасомъ; вотъ комедіи, сѣдя какъ маркизъ Лафайетъ, и которыя такъ слабы, что не могутъ даже умереть. Вотъ молодья, модныя пьесы въ пальто изъ голубой бумаги съ чистыми страницами; тутъ есть драмы, пришедшія прямо изъ провинціи и думавшіе, что Одеонъ тотчасъ сыграетъ ихъ. Какая наивность!

Несчастные драматурги не знаютъ стиха Данте.

Они ищутъ сцены и находятъ темницу. Будемъ сожалѣть о нихъ.

Какое печальное зрѣлище представляютъ груды пьесъ, умершихъ прежде рожденія и разложенныхъ аккуратно на полкахъ. Страшно дотронуться до нихъ, потому-что почтенная пыль ослѣпнѣть въ минуту дерзкаго, осмѣливагося тревожить драматическія катакомбы. Поспѣшимъ сказать, что очень рѣдко вздумается кому нибудь посѣтить этихъ мертвецовъ.

Нѣкоторые изъ нихъ переплетены какъ великолѣпныя альбомы и написаны кокетливо и старательно. Отъ нихъ пахнетъ еще духами. Эти альбомы были знакомы съ прекрасными дамами въ своей молодости. Другіе покрыты панциремъ изъ толстой бумаги, и почеркъ ихъ черный и размашистый. Это произведеніе какого нибудь Гана Исландскаго. Есть тетради маленькія, атласныя, мелко исписанныя робкою рукою, есть даже напечатанныя пьесы.

Напечатанныя и все-таки не игранныя. Это ужасно!

Шкапъ почти весь полонъ и скоро не будетъ уже мѣста новоприбывшимъ. О! если есть еще кто нибудь вѣрящій въ литературную славу, пусть тотъ прійдетъ въ эту печальную долину драматургіи и скажетъ: о суета, суетъ!

Посреди этихъ костей можно найти и *Клеопатру*, и *Иоанну Даркъ*, *Лукрецій*, *Героново*, *Филипповъ Августовъ*, *Семирамидъ*, *Генриховъ*, *Клитемнестръ*, *Ришелье* и множество другихъ древностей.

Всякій день добрые неизвѣстные поэты присоединяютъ новыя тѣни къ старымъ. Смотритель Одеона принимаетъ новоприбывшихъ, записываетъ ихъ въ реестръ, потомъ налепляетъ на нихъ нумеръ и запираетъ въ кабинетъ древностей, гдѣ миллионы стиховъ почиваютъ глубокимъ сномъ.

Пять театровъ, игравшихъ всякій день безъ исключеній, не могли бы въ двадцать лѣтъ истощить этотъ океанъ трагедій и комедій.

Помните-ли вы страшную легенду о фантастическомъ германскомъ замкѣ, находящемся въ Черномъ лѣсу. Тамъ на обояхъ стѣнъ были представлены рыцари, трубадуры, знатныя дамы, окруженныя пажами, карликами, великаны, феи, гномы, турки и восточные правители на словахъ, охотившіеся за тиграми.

Каждую ночь, когда луна освѣщала окрестности, всѣ фигуры обоевъ оживлялись, начинали бѣгать по замку, глухо вздыхая и пугая часовыхъ, которые, дрожа отъ страха, говорили:

— Это вѣтеръ шумитъ въ Черномъ лѣсу!

Съ первыми лучами зари весь фантастическій міръ спѣшилъ воротиться на свои мѣста, и оставался неподвижнымъ до ночи.

Исторія этого замка похожа на исторію кабинета Одеона.

Когда послѣдній ламповщикъ гасилъ послѣдній газовый рожокъ послѣ блистательнаго представленія какого нибудь *Мопра*, и тишина ночи спускается на Одеонъ, вдругъ дверь шкапа сама отпирается и оттуда тихо выходятъ Юкаста и Иоанна Даркъ, Зенобія и Каракала, Марія Стюартъ и Сидъ, Мазаринъ и Тиверій, Дарій и Изабелла Баварская,

вѣсь герои и героини древности, страдальцы, пастухи, воины, и вся пестрая толпа отправляется на сцену.

Начинается танецъ смерти литературы, шабашъ драматургій. Глухіе стоны раздаются во всей залѣ.

Но вдругъ блѣдный лучъ свѣта показывается въ окнѣ, и вѣсь героини поспѣшно уходятъ въ свой кабинетъ и ложатся на полки шкапа. Безжалостная дверь опять разлучаетъ ихъ съ жизнію.

III. ОТКРЫТІЯ ВЪ НАУКАХЪ И ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

Языкъ и философія негровъ Одши. Часть Западной Африки, образующая къ югу такъ называемый Золотой берегъ, къ востоку граничащая рѣкою Ріо-Вольта, къ сѣверу Конгскими горами, раздѣляется на двѣ области, совершенно различныя по природѣ и по народонаселенію. Въ сѣверной обитаютъ магометанскія племена, занимающіяся скотоводствомъ и земледѣльствомъ. Она прислоняется къ Конгскимъ горамъ обширную плоскостью, тогда какъ нижняя часть представляетъ гористую и лѣсистую страну, которой вершины возвышаются на нѣсколько тысячъ футовъ надъ поверхностью моря. Она граничитъ къ востоку съ долиною Вольта, а съ запада омывается моремъ.

Эта послѣдняя область обитаема племенемъ Одши, которое раздѣлено на многія группы, составляющія по происхожденію, языку и нравамъ одно общее цѣлое, но въ политическомъ отношеніи совершенно отдѣльное.

Въ древнихъ туземныхъ сагахъ говорятъ о переселеніи съ сѣвера, и очень вѣроятно, что огромное движеніе первыхъ магометанскихъ завоеваній принудило къ переселенію многія африканскія племена. Нѣкоторые изъ этихъ одши принадлежатъ къ владѣнію Асантіевъ (не ашантиевъ), которыхъ столица и резиденція короля Кумази составляетъ средоточіе государства. Война асантіевъ съ англичанами, окончившаяся въ 1826 году пораженіемъ негровъ при Дадувѣ, дала первыя свѣдѣнія о силѣ, нравахъ, обычаяхъ и узаконеніяхъ этого племени.

Восточная граница племени Одши образуетъ небольшую область *Аквапимъ*, которой все народонаселеніе, занимающееся земледѣльемъ, состоитъ изъ 11,400 душъ,—это племя болѣе другихъ служило предметомъ наблюденій и изученій. Въ древнія времена оно было то покоряемо асантіями, то сбрасывало съ себя это иго. Послѣ того находилось оно въ зависимости отъ датскаго правительства. Недавно же, вмѣстѣ со всѣми здѣшними датскими колоніями, приобрѣтены эти земли Англію.

Аквапимъ составляетъ лѣсистую-гористую область, въ которой семнадцать большихъ и малыхъ деревень. Каждая окружена обширными плантаціями и имѣетъ своего собственнаго предводителя (*оинке*), который вмѣстѣ съ совѣтомъ старѣйшинъ (*опаніинъ*) управляетъ дѣлами общины.

Званія этихъ лицъ какъ здѣсь, такъ и во всемъ племени Одши,—

наслѣдственны, но переходятъ не отъ отца къ сыну, а къ сыну сестры. Всѣ эти предводители состоятъ въ нѣкоторой зависимости отъ главнаго, живущаго въ Акропонѣ.

Число свободныхъ гражданъ у нихъ чрезвычайно не велико. Невольничество и многоженство составляютъ главныя основанія общественной жизни. О верховномъ существѣ имѣютъ они довольно опредѣленное понятіе. Они называютъ его *Ньялкупонъ*, или *Онгаме* (высокій, высшій). Они воображаютъ себѣ его въ видѣ духа и придаютъ ему названія *Одаманкама* (Творецъ), *Амоку* (Дождедатель), *Амовуо* (Солнцедатель). Онъ все создалъ; онъ установилъ семидневную недѣлю; онъ всеблагъ и всевѣдущъ, и добрые люди идутъ по смерти своей въ его владѣнія. Впрочемъ, по мнѣнію этого народа, онъ слишкомъ высокъ, чтобъ заниматься людьми и вседневною ихъ жизнью. Для этого и не опредѣлено ему никакого богослуженія. За то они вѣрятъ, что сами сотворены подъ непосредственнымъ вліяніемъ духовъ, которыхъ тоже называютъ *Ньялкупонгами*. Весь земной міръ, гѣса, горы, рѣки, моря, долины,—все населено этими духами. Они невидимы, но могутъ однако же являться людямъ и въ особенности жрецамъ.

На этихъ духахъ основаны всѣ надежды и опасенія негра Аквапима, и имъ однимъ поклоняется онъ. Между ними есть добрые и злые. Послѣдніе одни служатъ предметомъ обожанія, или лучше сказать заклинаній противу зловреднаго ихъ вліянія. Всѣ обвѣшиваются талисманами и амулетами; деревни и дома обносятся заборами и палисадниками, чтобъ ихъ не достали злые духи. Имъ приносятъ частую жертвы, и къ сожалѣнію—*человѣчскія*. Для умилостивленія ихъ кладутъ по большимъ дорогамъ плоды и яйца.

Сверхъ этихъ духовъ есть еще у Аквапима главный демонъ (*абонзаме*), который властвуетъ надъ душами умершихъ людей, и другой *Земной духъ* (*Сабонзаме*), величайшій врагъ людей, а въ особенности жрецовъ.

Аквипимы вѣрятъ, что души знатныхъ людей должно встрѣчать съ большою торжественностью въ царствѣ тѣней, и потому смерть каждаго значительнаго лица сопровождается убіеніемъ на гробѣ его множества невольниковъ. Впрочемъ, идеи ихъ о замогильной жизни очень сбивчивы и имѣютъ слѣды переселенія душъ.

Вообще эти племена находятся въ большомъ нравственномъ упадкѣ отъ пьянства, торга невольниками и отъ суевѣрій. Одно христіанство могло бы возродить ихъ. И для этого-то миссіонеры захотѣли прежде всего ознакомиться съ ихъ языкомъ.

Языкъ Аквипимовъ принадлежитъ къ племени Одши. Общій языкъ племени подраздѣляется на нѣсколько нарѣчій, но народы эти легко могутъ понимать другъ друга. Нѣкто Рисъ составилъ цѣлую книгу, въ которой собралъ всѣ свои наблюденія по этому діалекту. Какъ во всѣхъ другихъ языкахъ негровъ, нѣтъ и у этого письменъ. Авторъ принялъ для него латинскую азбуку съ нѣкоторыми дополненіями, требуемыми фонетическими исключеніями этого языка. У нихъ мягкаго л совсѣмъ нѣтъ. Всѣ ихъ гласныя коротки. Выговоръ быстръ и легокъ, и производитъ

на ухо такое же впечатлѣніе, какъ звуки французскаго языка. Замѣчательно, что ни одно слово ихъ не кончается на согласную букву (а только на *в*, *м*, и носовое *н*). Грамматическія формы этого языка состоятъ въ усиленіи звуковъ, и тѣмъ существительное имя различается отъ глагола. Измѣненіе же окончанія выражаетъ единственное и множественное, время и наклоненіе глаголовъ.

Грамматическій родъ въ именахъ (мужескій, женскій) вовсе не извѣстенъ въ языкѣ Одши. Въ глаголахъ ихъ нѣтъ страдательнаго наклоненія и причастія; нѣтъ также и безличныхъ глаголовъ. За то есть особый видъ отрицательныхъ глаголовъ.

Прилагательными языкъ этотъ очень бѣденъ, и развитіе этой формы вовсе не извѣстно. Вообще языкъ кажется очень не богатъ, и вовсе чуждъ поэзіи.

Для любопытства прилагаемъ нѣсколько пословицъ на этомъ языкѣ.

«Вонко би афумъ, возе: ми энку ни куафо» (если не былъ на чужомъ полѣ, то можешь хвастать, что олинъ умѣешь быть земледѣльцемъ).

«Акоко ди во йонку айву-а, памъ но; даби обеди воде» (если чужой пѣтухъ клюетъ сѣмена твоего сосѣда, прогони пѣтуха, иначе на слѣдующій разъ онъ будетъ клеветать твои зерна).

«Оби энто акоконини на ошмонъ обцакура» (никто не покупаетъ пѣтуха на то, чтобъ онъ жилъ у сосѣдей).

«Се неа афоа те на бога те» (каковъ мечъ, таковы и ножны).

«Ни одиди ме азе: ни одиди авадіо ісіе байфо» (кто самъ наѣлся сытъ, тотъ бранить другихъ за обжорство).

«Огіенно ніа аде-а, оманъ бо» (гдѣ бѣдный разбогатѣтъ, тамъ около него много обнищаетъ).

«Эквай агіе во, вомфрено аквай ва» (хѣсъ, гдѣ ты нашель убѣжище, не назовешь кустарникомъ).

«Огіенни бу бо-а, энсе» (пословицы бѣдняка нейдуть въ ходъ).

«Ано патируво-а, эзенъ намонъ (ошибиться словомъ опаснѣе, нежели оступиться ногою).

«Отамъ абирри-а, энсенъ-йи. (Если платье замарается, то его не сжигаютъ за это).

«Воннимъ асавъ-а, на возе; акіинне аніе де» (Если не можешь плясать, то говори, что барабанъ тебѣ не нравится).

«Акоа ніа негу-а офре негу Сонненни.» (Если невольникъ получить свободу, то называетъ себя благороднымъ).

«Обитанъ во-а на обо в'абоа аде.» (Кто ненавидитъ тебя, тотъ бьетъ твою скотину).

Авторъ книги заслуживаетъ большую благодарность за свои труды, потому что собраніе всѣхъ этихъ свѣдѣній было безъ сомнѣнія утомительно и трудно. Онъ говоритъ, что наиболѣе трудился для миссіонеровъ, которые должны просвѣтить этотъ народъ, но и филологи всѣ ему обязаны за новые источники своихъ познаній.

(Erheiterungen).

Старость, ея удовольствія и лишенія. — При наблюденіи различныхъ періодовъ человѣческой жизни, не надобно терять изъ виду, что каждый изъ нихъ имѣетъ свои лишенія и удовольствія. Сама натура учитъ сообразоваться съ расположеніемъ организма въ каждомъ возрастѣ. Это до того необходимо, что каждый шагъ, уклоняющійся отъ этого правила, имѣетъ вліяніе на здоровье, спокойствіе и счастье человѣка.

Большая часть людей никакъ не могутъ слѣдовать законамъ природы. То они слишкомъ молодятся въ старости, то слишкомъ опускаются, когда еще силы ихъ не упали. Люди въ цвѣтѣ лѣтъ, видящіе иногда полуразрушенный организмъ старости, воображаютъ, что когда доживутъ до этого періода, то уже должны отказаться отъ всякой жизненной дѣятельности, отъ всякаго удовольствія. Старики же, нечувствующие уже въ себѣ прежней силы, прежняго воображенія и разочарованные уже во всемъ, полагаютъ, что имъ надобно отъ всего отказаться,—это большая ошибка. Это только значитъ, что они не хотятъ жить сообразно съ своею натурою и своимъ періодомъ организма, полагая, что вся жизнь человѣка должна быть одинакова.

Конечно, старость имѣетъ свои неудобства. Но если голова еще свѣтла, а въ сердцѣ сохранилась теплота, если глупая зависть къ юношамъ не заставляетъ раздражать имъ, то старость столько же имѣетъ источниковъ удовольствія, какъ и молодой возрастъ. Вся тайна жизни состоитъ въ томъ, чтобъ изъ каждаго періода извлекать всю возможную пользу, получая весной всю зелень, лѣтомъ всѣ цвѣты, осенью всѣ плоды жизни. Германскій поэтъ справедливо сказалъ:

Wer seines Alters Wesen nicht begreift,
Hat seines Alters ganzes Leid getragen.

(Кто не понимаетъ существа своего возраста, тотъ несетъ на себѣ всѣ страданія старости).

Теперь всѣ твердятъ, что старость обезсиливаетъ все тѣло и доводитъ его до процесса растительности. Но это справедливо только въ отношеніи тѣхъ, которые въ молодости сами обезсилили свое тѣло разгульною жизнію, а для здоровыхъ стариковъ морщины только указатель жизненныхъ часовъ.

При наступленіи старости, общественная жизнь человѣка обыкновенно находится въ полномъ своемъ развитіи, а сила мышленія на высшей точкѣ. Опытность составляетъ уже главную черту всѣхъ дѣйствій. Надобно только не обращать взоровъ назадъ и не требовать отъ изнемогающаго тѣла невозможнаго, тогда спокойствіе, счастье и множество удовольствій сопровождаютъ этотъ жизненный періодъ.

Подъ словомъ *удовольствіе*—не должно думать о чувственныхъ страстяхъ, которыя только сокращаютъ жизнь. Для старости вредны всякія сильныя потрясенія. Но и кромѣ ихъ сколько тихихъ, кроткихъ удовольствій, услаждающихъ жизнь нашу, предстоятъ въ старости, особливо если выбирать такіе, которые не влекутъ за собою раскаянія.

Люди, дожившіе до глубокой старости, обыкновенно не такъ чувствительны къ сильной радости. За то и всякое горе не такъ сильно

огорчаетъ ихъ. Самая лучшая старость между пятидесятью и семидесятью годами, — если только не удручена преждевременными болѣзнями, наслѣдованными отъ молодости. — Одинъ писатель, извѣстный своимъ умомъ и добродушіемъ, жаловался знакомцу, что ему уже шестьдесятъ лѣтъ. — «Ну, что жъ? отвѣчалъ тотъ. Это только весна старости.»

Дѣйствительно, при здоровомъ тѣлосложеніи это самый пріятный періодъ жизни: Человѣкъ, достигшій до него, наслаждается вдругъ и прошедшимъ и настоящимъ, — тогда какъ у молодости только одно последнее. Иногда и воспоминаніе такъ же сладостно, какъ истинное удовольствіе. Судьба и безъ того не опредѣлила человѣку на землѣ постоянного счастья. Жизнь коротка. Все прошедшее часто кажется намъ отдѣленнымъ отъ сегодня только однимъ вчерашнимъ днемъ. А между тѣмъ, сколько было передумано, перечувствовано въ это время!

Воспоминанія часто дѣлаютъ старика молодымъ. Борьба, труды, удачи, даже ошибки, — все составляетъ роль удовольствія для воспоминающаго. Оттого-то старики болѣею частію и хвалятъ всегда прошедшее. Это происходитъ отъ живости воспоминаній. Даже въ общественной и домашней жизни сколько вещей цѣнятся по старинѣ ихъ: вино, скрипка, шпага, пистолеты, врачи, друзья, совѣтники, служители — съ словомъ *старый* — выигрываютъ въ достоинствѣ.

Слабость тѣла составляетъ главное неудобство старости. «Вашъ советъ хорошъ, но что въ немъ, если я не въ силахъ его выполнить.» Но за то старикъ не будетъ и предпринимать ничего сверхъ силъ, тогда какъ юноша часто губитъ себя этимъ. Старикъ непременно долженъ продолжать тѣлесныя свои занятія. Это поддерживаетъ даже умственную дѣятельность.

Главное удовольствіе старика — доброе семейство. Здѣсь онъ счастливъ и въ прошедшемъ, и въ настоящемъ. Другое — состоятъ въ наукѣ, это истинное услажденіе человѣка. Третье и высшее — это счастье дѣтей, которыхъ успѣли сдѣлать добрыми людьми и полезными гражданами, однимъ словомъ, — лучший періодъ жизни — старость.

(Mag. fur die Litt. des Auslandes).

IV. МЕЛКІЕ РАЗСКАЗЫ и НОВОСТИ, АНЕКДОТЫ, ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ, ПУТЕШЕСТВІЯ.

Землетрясеніе. — Въ прошломъ мѣсяцѣ было сильное землетрясеніе въ Ковзенцѣ. Опустошенія, произведенныя имъ были чрезвычайны. Болѣе 2000 человѣкъ погибли при этомъ. Одна деревня вся разрушена. (Illustrierte Zeitung).

Повальныя болѣзни и несчастные случаи. — Въ разныхъ частяхъ Пфальцъ-Рейнской провинціи обнаружился сильный тифусъ. Цѣлыя деревни опустѣли.

Азіятская холера появилась въ Гондурасѣ и опустошаетъ всю провинцію. Даже съверіѣе, въ Юкатанѣ, погибли отъ нея множество лѣсныхъ промышленниковъ. — Въ Ирландіи тоже оказалась холера въ Глазго и Контуркѣ. — Въ городѣ Манчестерѣ былъ, 1-го марта, сильный пожаръ, котораго ущербъ простирался до 183,000 фунт. стерл. Сгорѣло множество складочныхъ магазиновъ. (idem).

Вновь предложенныя желѣзныя дороги. — Протяженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, предполагаемыхъ въ Соединенныхъ Штатахъ и Европѣ, составляютъ 24,000 англійскихъ миль одинаковыхъ рельсовъ, (съ двойными же 48,000 миль), — слѣдовательно могли бы обогнуть весь земной шаръ. Число желѣза, потребнаго на нихъ, простирается до 2,400,000 тоннъ, и всѣ заведенія будутъ работать надъ ними шесть лѣтъ. Расходы на всѣ эти дороги составляютъ тысячу миллионовъ долларовъ. (idem).

Денди. — Въ свѣтскомъ обществѣ есть тоже своя закулисная хроника, точно также какъ и на театрѣ. Вотъ одинъ эпизодъ изъ этой хроники:

Г. N. считается отчаяннымъ франтомъ, денди въ полномъ смыслѣ этого слова. Молодой и богатый, онъ старается всѣми силами поддержать свою репутацію, отличаясь оригинальностью въ туалетѣ, новыми выдумками моды и странностью манеръ. Словомъ мудрено быть въ такой степени эксцентричнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, какъ N.

Недавно онъ является къ одному изъ знаменитыхъ парижскихъ комиковъ.

— Я васъ удивлю, любезный артистъ, сказалъ онъ, когда скажу причину моего прихода. Я пришелъ къ вамъ съ большою просьбой. Вотъ видите ли, въ нашемъ обществѣ устроили спектакль и дали мнѣ роль. Я никогда не сбирался итти на сцену, потому что имѣю двадцать тысячъ ливровъ дохода, и если согласился играть, то только въ самомъ высшемъ кругу, гдѣ у меня много друзей. Но вотъ что удивить васъ еще больше: я взялъ роль изъ вашего репертуара. Разумѣется, вы предполагали, что съ моей наружностью и манерами я возьму роль любовника. Но это уже слишкомъ обыкновенно. Мнѣ и въ дѣйствительной жизни надоѣло играть эти роли. Я хочу удивить всѣхъ и сыграть комическую роль съ колоссальнымъ успѣхомъ. Я уже привыкъ къ успѣхамъ всякаго рода. Вотъ почему я пришелъ къ вамъ просить дать мнѣ нѣсколько уроковъ. Увѣряю, что вы найдете во мнѣ рѣдкаго ученика. Изъ умнаго человѣка можно все сдѣлать — сдѣлайте же изъ меня отличнаго артиста.

Комикъ со вниманіемъ слушалъ франта и съ жаднымъ любопытствомъ осматривалъ его съ ногъ до головы.

— Я жду вашихъ совѣтовъ, продолжалъ денди. Будьте увѣрены, что сумѣю показаться смѣшнымъ и произведу огромный эффектъ.

— Я не сомнѣваюсь, отвѣчалъ вѣжливо артистъ.

— И вы согласны давать мнѣ уроки?

— Съ большимъ удовольствіемъ.

— Благодарю. Но я не хочу, чтобъ вы даромъ теряли время и труды. Я съумѣю вознаграждать васъ...

— Пожалуйста не говорите о вознагражденіи.

— Хорошо, я теперь молчу, но все таки не останусь въ долгу.

— Знаете ли вы вашу роль? спросилъ артистъ, чтобъ перемѣнить разговоръ.

— Знаю почти всю.

— Выучите же ее всю, и завтра я дамъ вамъ первый урокъ.

Г. Н. пришелъ въ назначенный часъ. Артистъ прослушалъ одну сцену изъ его роли, далъ нѣсколько совѣтовъ, но потомъ больше двухъ часовъ проговорилъ съ нимъ о постороннихъ предметахъ, слушая его съ такимъ же вниманіемъ и любопытствомъ. Денди старался блеснуть своими манерами, тономъ высшаго круга, хвасталъ своими связями, богатствомъ, и комикъ съ восторгомъ изучалъ своего оригинальнаго ученика. Подобные уроки продолжались еще цѣлую недѣлю, потомъ г. Н. сыгралъ свою роль съ большимъ эффектомъ.

На другой день послѣ триумфа онъ пришелъ къ артисту заплатить свой долгъ.

— Любезный учитель, сказалъ онъ. Я хотѣлъ подарить вамъ булавку въ двадцать пять лудировъ, но подумалъ, что вамъ будетъ, можетъ быть пріятнѣе взять деньгами.

— Я вамъ уже сказалъ, что не хочу слышать о вознагражденіи.

— Но я не хочу быть вамъ обязаннымъ.

— Я тоже не хочу брать съ васъ ничего, потому что самъ обязанъ вамъ больше, чѣмъ на двадцать пять лудировъ, и если вы принудите меня взять отъ васъ деньги, то и я долженъ буду заплатить вамъ.

— За что это? Вы давали мнѣ уроки...

— А вы мнѣ. Я играю въ новой пьесѣ роль денди, и вы представили мнѣ такой новый, оригинальный типъ, что я, благодаря вамъ, создалъ превосходную роль. Я изучалъ васъ, въ то время какъ вы учили мою роль: стало быть мы квиты.

Денди былъ не очень доволенъ, что служилъ моделью для комика, который намѣревался представить его на сценѣ, и потому сказалъ съ досадою:

— Это неблагородно, сударь! Вы употребили во зло мою довѣренность. Какое вы имѣете право копировать меня? Я вамъ запрещаю...

И денди краснорѣчиво выражалъ свое негодованіе, а комикъ хладнокровно слѣдилъ за каждымъ его движеніемъ, повторяя:

— Продолжайте, прекрасно, превосходно!

Наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, денди началъ не на шутку сердиться, но артистъ остановилъ его словами:

— Я вамъ забылъ сказать, что въ моей роли есть сцена комическаго гнѣва. Благодарю васъ за послѣдній урокъ.

Фатъ, боясь быть долге образцемъ, схватилъ шляпу и убѣжалъ, проклиная артиста. На дняхъ онъ увидитъ себя на сценѣ, но смѣло

можемъ увѣрить заранѣе въ томъ, что никакъ не сознается что послужилъ копіею для комика. (Le Voleur).

Мать и дочь (сюжетъ для водевиля.)— Въ послѣдній годъ на Пиринскихъ водахъ молодая парижанка привлекала всеобщее вниманіе. Она пріѣхала туда совсѣмъ не для того, чтобъ лечиться, потому что была свѣжа какъ роза, но она искала новыхъ развлеченій послѣ удовольствій столицы. Клементинѣ Д. было едва восемнадцать лѣтъ; она была очень хороша собою, прекрасно воспитана, и отецъ ея, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставилъ ей богатое состояніе, которое могло удвоиться, въ случаѣ если мать ея откажется отъ втораго замужства.

Избалованная всѣми окружавшими ее, молодая дѣвушка привыкла, чтобъ всѣ желанія ея исполнялись, и такъ какъ парижское общество очень скоро развиваетъ способности дѣвицъ, то Клементина была уже причудлива, капризна, вѣтренна, кокетка. Когда ей вздумалось ѣхать на воды, ея мать была занята дѣлами по имѣнію и не могла сама провожать дочь, но поручила ее родной теткѣ и дядѣ. Многочисленное общество и толпа обожателей окружили богатую наслѣдницу при ея пріѣздѣ. Для нея давали балы и концерты, и явилось уже много жениховъ, но Клементина благосклонно слушала только одного Эдмонда Ф. Это былъ прекрасный молодой человекъ высшаго круга, богатый, любезный, и тетка Клементины, зная свою отвѣтственность, поспѣшила написать г-жѣ Д. о предложеніи новаго жениха. Клементина тоже написала матери, что Эдмондъ ей нравится, и что она больше ни за кого не выйдетъ замужъ.

Г-жа Д. удивилась и опечалилась, видя новое доказательство вѣтренности дочери, потому что передъ отъѣздомъ на воды, она почти согласилась на предложеніе своего двоюроднаго брата, поѣхавшаго въ Швейцарію по дѣламъ. Добрая мать не знала, что въ послѣднее свиданіе Клементина поссорилась съ женихомъ и отказала ему. Такъ какъ нечего было уговаривать своенравную дѣвушку, мать написала ей, чтобъ она поскорѣе пріѣхала въ Туренское помѣстье, гдѣ она будетъ ждать предложенія отъ кого нибудь изъ родственниковъ жениха. Между тѣмъ г-жа Д. справлялась объ Эдмондѣ и узнала, что онъ достойный человекъ во всѣхъ отношеніяхъ. Дядя его пріѣхалъ къ ней просить руки Клементины, и получилъ отвѣтъ, что все рѣшится съ пріѣздомъ молодой дѣвушки. Наконецъ Клементина пріѣхала съ водъ, и первый вопросъ матери былъ:

— Написать ли Эдмонду, что ты согласна и чтобъ онъ явился сюда женихомъ?

Но къ большому удивленію матери, кокетка отвѣчала, немного покраснѣвъ, что она ужъ разлюбила Эдмонда, и что выйдетъ замужъ только за своего двоюроднаго брата.

Одна изъ подругъ Клементины, пріѣхавшая изъ Швейцаріи, рассказала, что встрѣтилась съ ея женихомъ, и что онъ за нею чрезвычай-

но ухаживалъ. Ревность пробудилась въ душѣ молодой дѣвушки, и она хотѣла опять привести невѣрнаго къ своимъ ногамъ. Вотъ почему она не хотѣла и слышать объ Эдмондѣ.

Г-жа Д. взялась вѣжливо отказать молодому человѣку, и такъ какъ ей надобно было ѣхать въ Парижъ, то она письмомъ пригласила Эдмонда къ себѣ, чтобъ отказъ былъ не такъ оскорбителенъ. Онъ поспѣшилъ къ ней, все еще надѣясь, что Клементина его любитъ, и г-жа Д. немного смутилась, не зная какъ начать тягостный разговоръ. Молодой человѣкъ, не замѣчая ея смущенія, спросилъ:

— Я желаю видѣть г-жу Д., гдѣ она?

— Это я.

— Вы мать Клементины?

— Точно такъ.

Удивленіе Эдмонда было понятно, потому что г-жа Д., вышедшая замужъ на шестнадцатомъ году, была только вдвое старше дочери, но еще такъ хороша, свѣжа, мила, что ее можно было принять за сестру Клементины. Притомъ же у нея былъ прекрасный характеръ, она была умна, любезна, и когда объявила бѣдному жениху, что невѣста ему отказывается, то онъ принялъ это довольно хладнокровно и началъ говорить о постороннихъ предметахъ. Уходя, онъ просилъ позволенія навѣщать прекрасную вдову; визиты его были часты и продолжительны, и наконецъ онъ кончилъ тѣмъ, что посватался на матери Клементины и получилъ ее согласіе.

Вдругъ пріѣзжаетъ дочь.

— Маман, говоритъ она, мой двоюродный братъ извергъ, чудовище, онъ женился на моей подругѣ. Я хочу выйти замужъ за Эдмонда.

Но Эдмондъ сказалъ молодой дѣвушкѣ, что она слишкомъ *молода* для него, и что онъ предпочитаетъ быть ея отцемъ, а не мужемъ.

Клементина поняла этотъ урокъ, но обрадовалась счастью матери и охотно уступила ей своего бывшего жениха. (Illustration).

—

Сынъ изъ Америки. До сихъ поръ журналы и водевили говорили только о *дядѣ* изъ Америки, который явился спасателемъ въ самыя критическія минуты племянниковъ и племянницъ; но теперь является другое. На немъ можно основать множество драмъ. Это *сынъ изъ Америки*.

Въ одномъ изъ парижскихъ журналовъ описывается слѣдующее трогательное происшествіе.

«Одна бѣдная женщина осталась вдовою съ двѣнадцатилѣтнимъ ребенкомъ, и хотя была еще молода и могла найти другаго мужа, потому-что была прилежная работница, но посвятила себя воспитанію своего милаго Жана. Однако *милый Жанъ* не умѣлъ цѣнить заботъ матери, безъ устали работавшей для него, и занимался только драками съ мальчишками. Скоро онъ прославился какъ первый негодий въ селеніи. Всѣ жалѣли бѣдную мать, предсказывая сыну дурной конецъ. Но она все надѣялась, что Жанъ скоро броситъ дѣтскія шалости и будетъ ея

подпорою, однако время это не приходило, а сынокъ все росъ и повѣсничалъ.

Наконецъ надобно было подумать о его будущности, а онъ не зналъ никакого ремесла, потому—что всѣ мастеровые, зная его привычки, отказались принять его въ ученье. Вдова была въ большомъ затрудненіи и не знала, что ей дѣлать съ своимъ сынкомъ, когда пришелъ къ ней старшій пріятель ея, плотникъ съ незнакомцемъ и сказалъ:

— Я нашелъ средство, сосѣдка, выпутать васъ изъ бѣды. Вотъ старинный мой товарищъ, онъ служить плотникомъ на коммерческомъ кораблѣ, отправляющемся въ Бразилію, и берется окончить воспитаніе вашего сына. Я отвѣчаю вамъ за его честность и строгость.

Бѣдная мать заплакала при мысли о разлукѣ съ Жаномъ, но необходимость была сильнѣе горя, и она позволила моряку увезти своего любимца.

Прощаніе было самое трогательное. Мать рыдала обнимая мальчика и твердила ему:

— Работай, Жанъ, будь честенъ, помни обо мнѣ!

Это отчаяніе тронуло шалуна, и онъ сказалъ матери, утѣшая ее:

— Не бойся ничего, матушка, я не пропаду. Я буду тамъ работать много, и наживу денегъ, а потомъ приѣду къ тебѣ, и мы будемъ жить счастливо.

Жанъ уѣхалъ, и вдова по-прежнему продолжала шить, ходя подневно изъ дома въ домъ, гдѣ принуждена была выслушивать какъ бранили ея сына и радовались, что она избавилась отъ него.

Прошло нѣсколько лѣтъ послѣ отъѣзда Жана, который сначала написалъ матери нѣсколько писемъ, а потомъ пересталъ писать, и всѣ думали, что онъ погибъ. Мать молча страдала и молилась о немъ. Вдругъ недавно у двери ея остановилась карета, и вышедшій изъ нея красивый мужчина, прекрасно одѣтый, прямо пошелъ въ комнату швеи и молча остановился передъ нею. Бѣдная женщина не знала, чего хочетъ отъ нея незнакомецъ, но онъ бросился въ ея объятія и вскричалъ:

— Неужели, матушка, ты не узнаешь своего Жана! Я обѣщалъ вернуться, когда разбогатею, и вотъ я приѣхалъ за тобою. Я живу въ Балтиморѣ, въ Соединенныхъ-Штатахъ, гдѣ нажилъ себѣ состояніе. Брось твою работу, мы теперь богаты.

Какъ описать радость матери, разумеется не о богатствѣ, котораго она не ожидала, но при видѣ сына, котораго почитала умершимъ, и не видала шестнадцать лѣтъ.

Когда вѣсть о приѣздѣ его распространилась въ селеніи, всѣ узнавъ о его богатствѣ, явились съ поздравленіями, совершенно забывъ, что называли его негодяемъ и предсказывали ему висѣлицу.

Стоитъ только прибавить къ этому истинному происшествію несчастную страсть, кораблекрушеніе у береговъ Бразиліи, картину жизни негровъ въ какойнибудь колоніи, отчаяніе матери, доведенной до крайности и нѣсколько раздирательныхъ сценъ, и составитъ эффектная драма съ великолѣпнымъ спектаклемъ и заманчивымъ названіемъ: *Сынъ изъ Америки.*

(L' Artiste).

Скачка въ большомъ циркѣ Калигулы. Предъ восхитительнымъ храмомъ Весты съ бѣлою мраморною колоннадой, смотрящеюся въ Тибръ, во время календовъ октября стояла молодая авентинская дѣвушка въ длинной туникѣ съ перевязью въ черныхъ волосахъ. Водяные часы храма показывали третій часъ; утренній вѣтеръ едва шевелилъ вѣтви, на которыхъ висѣли волосы послѣднихъ весталокъ, яркое солнце блеснуло на чистомъ римскомъ небѣ, не пугаясь шумнаго пробужденія народа, походившаго, по словамъ Сенеки, на дальній громъ; ласточки кружились надъ волнами Тибра.

Молодая дѣвушка осмотрѣла окрестность и начала входить тихо на ступени храма. Вдругъ знакомый голосъ остановилъ ее и заставилъ вздрогнуть. Безъ сомнѣнія она знала, что встрѣтится тутъ съ молодымъ атлетомъ, въ короткой зеленой туникѣ съ мѣднымъ обручемъ вмѣсто кушака, въ зеленыхъ полусапожкахъ. Въ немъ замѣтно было сильное волненіе, когда онъ подходилъ къ покраснѣвшей авентинкѣ, но такъ какъ римлянинъ обязанъ быть стоикомъ, атлетъ старался казаться хладнокровнымъ; хотя голосъ его замѣтно дрожалъ.

— Что говорить твоя мать, Юлія? спросилъ онъ.

Вмѣсто отвѣта дѣвушка вздохнула,

— Предвѣщанія были однако въ мою пользу, продолжалъ онъ; вчера увидя меня, пѣтухъ зацѣлъ и замахалъ крыльями.

— Моя мать не отвергаетъ тебя, Аврелій.

— Отчего же ты такъ печальна?

— Оттого, что теперь надобно получить согласіе отца.

— Развѣ Юній не другъ мой?

— Я знаю это, Аврелій, но невольно боюсь будущаго. Я предчувствую, что фламینیи не приготовить для насъ пшеничнаго пирога.

— Вотъ твой отецъ, Юнія, я попрошу его успокоить тебя.

Въ самомъ дѣлѣ, изъ-за портика Октавіи вышелъ старикъ и направился прямо къ храму. Военные труды и лѣта сгорбили его желѣзныи станъ, но онъ шелъ еще бодро, и такъ бережно держалъ въ лѣвой рукѣ корзинку, что не замѣтилъ молодыхъ людей. Аврелій остановилъ его.

— Куда ты торопишься, почтенный Юній. Ты въ состояніи перенять моихъ лошадей въ циркѣ.

— Не смѣйся, храбрый наѣздникъ, отвѣчалъ ветеранъ: мы далеко отстали отъ побѣдителей въ циркѣ. Кто-то отличится завтра? Желаю, чтобъ Касторъ и Поллуксъ отдали тебѣ награду.

— Благодарю, Юній. Вѣрно сегодня ты получилъ богатый подарокъ, что такъ бережно прячешь его.

— Да, молодой человекъ. За то чего мнѣ это и стоило! Мы собрались передъ восходомъ солнца, когда еще дулъ съ Тибра холодный вѣтеръ. Патронъ заставилъ насъ ждать три часа и признаюсь, это время показалось мнѣ длиннѣе чѣмъ часы, проведенные моимъ легиономъ въ болотахъ Германіи. Всѣ кліенты дрожали отъ холода, и когда вышелъ патронъ съ дарами, мнѣ не много пришлось бы получить, не будь

я крѣпокъ, какъ дубъ. Къ счастью я успѣлъ разогнать и растолкать со-сѣдей и добрался до лучшаго дара.

— Юній, сказалъ молодой человѣкъ, хочешь отдохнуть и успокоиться? У тебя будетъ свой домъ, и ты не будешь переносить холодъ и жаръ передъ чужими дверьми. Твои родные и друзья будутъ цѣловать твою руку, а ты не обязанъ будешь обвинять колѣно твоего патрона. Скажи, хочешь-ли ты этого?

— А если бъ и хотѣлъ, то кто сдѣлаетъ для меня это чудо?

— Я!

— Ты! Какъ же это?

— Я дамъ желѣзное кольцо твоей дочери, и ты будешь богатъ. Ты знаешь, я такъ часто получаю награды, что моими богатствами можно наполнить нѣсколько домовъ.

Старикъ гордо поднялъ голову, отдалъ корзинку дочери, приказавъ ей ждать его въ храмѣ, а самъ молча показавъ молодому человѣку на Авентинъ.

— Я понимаю, сказалъ Аврелій, что ты привязанъ къ своимъ пена-тамъ, но мы ихъ перенесемъ въ каменный дворецъ въ Альбѣ.

— Ты не смѣешь этого сдѣлать! вскричалъ старикъ.

— Кто мнѣ можетъ запретить?

— Преторъ. Ты родился отъ невольника и самъ еще невольникъ. Цесарь можетъ покрыть тебя консульскимъ пурпуромъ, но Авентинка не будетъ твоею женою.

— А если онъ получитъ свободу, отецъ?

Эти слова сказала Юнія, показавшись въ дверяхъ храма. Ветеранъ подумалъ не много и отвѣчалъ:

— Сервій былъ невольникъ и сынъ невольника. Получи свободу и входи на Авентинъ.

Старикъ взялъ за руку дочь и быстро пошелъ къ Авентину, а Авре-лій съ отчаяніемъ бросился къ конюшнямъ большаго цирка.

Эти конюшни были устроены между Тарпейскою скалою и Тибромъ, съ портикомъ, украшеннымъ лошадиными головами, изсѣченными изъ краснаго мрамора. Колоссальный сводъ, поддерживаемый колоннами, выходилъ на дворъ, гдѣ находилось нѣсколько строеній одинаковой архитектуры. Въ каждомъ строеніи были лошади, принадлежащія одной партіи. Въ это время были въ Римѣ четыре партіи, которыя состязались на скачкахъ и отличались одна отъ другой цвѣтомъ костюма. Одна изъ нихъ называлась *бѣлою* партіею (*alba*) и изображала зиму; другая была зеленая (*prasina*) символъ весны, третья розовая (*rubea*) лѣто, четвер-тая голубая (*veneta*) напоминающая голубое небо осени.

Каждое отдѣленіе составляло богатую и сильную корпорацію, съ сво-ими начальниками, распорядителями, служителями, наѣздниками, док-торами, для леченія пострадавшихъ на скачкахъ, кучерами, помощ-никами, зрителями за колесницами, работниками, украшающими сбрую и попоны лошадей, атлетами останавливающими квадриги на бѣгу, не говоря уже о судьяхъ скачекъ.

Скачки производили всегда большую суматоху. Пестрая толпа на-

подняла дворъ конюшенъ, и въ ней сенаторъ въ пурпурѣ сталкивался съ невольникомъ, богатый римлянинъ съ работникомъ. Когда Аврелій показался, со всѣхъ сторонъ закричали:

— Цесарь спрашивалъ тебя три раза!

Аврелій прошелъ весь дворъ и остановился у зданія зеленой партіи. Тамъ, на его нѣмой вопросъ, невольникъ указалъ ему на конюшню.

Цесарь дождался своего лучшаго наѣздника посреди любимыхъ бѣгуновъ. Калигула такъ страстно любилъ лошадей, что конюшня ихъ равнялась великолѣпіемъ съ императорскими зданіями. Своды, покрытые гипсомъ, поддерживались колоннами изъ мрамора и порфира. Барельефы лучшихъ скульпторовъ украшали стѣны, удивительныя мозаики, въ которыхъ смѣшивались цвѣта бѣлый, зеленый и желтый, блестяли на полу вокругъ колесницъ. Стояла лошадей были изъ лимоннаго дерева, ясли серебряныя.

Сынъ великаго Германика, въ гальскихъ ботинкахъ (*caligae*), не могъ удержаться отъ гнѣва при входѣ Аврелія.

— Оставить лошадей, накануне скачки въ большомъ циркѣ,—тоже самое, что убѣжать съ поля сраженія, сказалъ Цесарь мрачно. Зачѣмъ ты уходилъ?

— Я ушелъ, потому-что присутствіе мое болѣе не нужно, отвѣчалъ молодой человѣкъ почтительно, но твердо. Завтра я не буду править лошадьми.

Удивленіе поразило всѣхъ присутствующихъ; даже Калигула не вѣрилъ своимъ ушамъ и пристально смотря на молодаго человѣка, блѣднаго и неподвижнаго, какъ статуя Кастора, къ которой онъ прислонился, спросилъ задыхающимся голосомъ, предвѣщавшимъ грозу:

— Я вѣрно не понялъ тебя, или не дослышалъ?..

— Да, цесарь! закричали вдругъ всѣ друзья Аврелія.

Тотъ поблагодарилъ ихъ улыбкою, и ставъ на одно колѣно повторилъ:

— Завтра я не буду ѣздить въ циркѣ.

— Ты не поѣдешь съ моими лошадьми? спросилъ Калигула.

— Нѣтъ, Цесарь.

— Ты хочешь, вѣрно, проѣхаться на конѣ смерти?

— Прикажи, я готовъ къ смерти.

— Но ты не знаешь, несчастный, какія мученія тебя ожидаютъ?

— Тотъ, кто столько разъ скакалъ вокругъ цирка и не смущался, не трогаясь криками двухъ сотъ тысячъ зрителей, можетъ твердо встрѣтить всѣ страданія и не боится огня и желѣза.

— Это правда, проговорилъ Цесарь, успокоиваясь. У тебя стальные нервы. Но ты единственная надежда зеленой партіи, ты знаешь это и хочешь награды. Говори, и изъ рукъ императора посыпятся милости вмѣсто наказанія.

— Ты меня обогатилъ, Цесарь, я не желаю больше золота, дай мнѣ свободу, и я одержу тебѣ побѣду на скачкахъ.

— А потомъ ты меня оставишь?..

— Наѣздники не могутъ больше тридцати разъ видѣть возобнове-

нѣ травы на Марсовомъ полѣ; мнѣ осталось праздновать только пять Ювеналій. Я хочу испытать семейную жизнь, счастье быть любимымъ нѣжною супругою, прежде чѣмъ засну подъ камнемъ на Аппіевской дорогѣ.

— Безумный, развѣ слава не выше всего въ мірѣ. Но я прощаю твою слабость и позволяю соединиться съ той, которую ты выбралъ.

— Цесарь, она пойдетъ къ алтарю только съ свободнымъ римляниномъ.

Калигула вынулъ дощечки для писанья, и не смотря на просьбы всей зеленой партіи, началъ записывать имя Аврелія съ знакомъ смерти. Но въ эту минуту одна изъ лошадей *Нитидъ* громко заржала. Императоръ увидѣлъ въ этомъ дурное предзнаменованіе и отбросивъ дощечки сказалъ:

— Нитидъ спасъ тебя отъ смерти. Будь завтра побѣдителемъ.

— И я буду свободенъ, если положу къ ногамъ твоимъ золотую пальму?

— Цесарь общаетъ тебѣ свободу.

Весь остатокъ дня служители цирка прилѣпляли къ стѣнамъ афиши, извѣщавшія о большихъ скачкахъ, наблюдали чтобъ дома по дорогѣ изъ Капитолія въ циркъ были украшены драцировкой, и чтобъ даровыя мѣста для народа не были продаваемы. Разумѣется, что было много охотниковъ на эти мѣста, которыхъ было только двѣсти-пятьдесятъ тысячъ на четырехъ-миліонное народонаселеніе. Обыкновенно они доставались самымъ терпѣливымъ, имѣвшимъ привычку занимать ихъ накануне. Благодаря подобной предусмотрительности, Юній и дочь его были въ день скачекъ въ первомъ ряду.

Большой циркъ, построенный въ долинѣ миртъ между Палатиномъ и Авентинскою горою, составлялъ полукругъ въ 2,187 футовъ шесть дюймовъ длины и четыреста футовъ ширины. Вокругъ его шла кривая линія двѣнадцати конюшенъ. Портки этихъ зданій поддерживались мраморными колоннами и украшались статуями. Между портками и пространствомъ, назначеннымъ для скачекъ, вырытъ былъ широкій каналъ куда пускали каимановъ во время морскихъ представленій. Этотъ каналъ, окруженный съ двухъ сторонъ мраморными лѣстницами, назывался позвоночною костью цирка (*spina*). На каждой оконечности этой кости блестяли по три золоченыхъ столба, вокругъ которыхъ скакали колесницы по двѣ или по четыре въ рядѣ. Два обелиска, одинъ посвященный солнцу, другой лунѣ, небольшіе храмы съ ихъ божествами, статуи силы, Цереры, Бахуса изъ серебра, Сетіи и Сегесты, богинь посѣва и жатвы, Цибелы и Венеры, дельфины Нептуна и семь мраморныхъ яицъ, посвященныхъ Кастору и Поллуксу украшали эту позвоночную кость.

Съ восходомъ солнца всѣ уступы были наполнены народомъ. Двѣсти-шестьдесятъ тысячъ зрителей дрожали отъ нетерпѣнія ожидая сигнала къ началу праздника. Изъ глухаго говора толпы выходили иногда громкія восклицанія невольниковъ, продававшихъ свѣжую воду, горохъ, траву для уменьшенія жесткости сидѣнья. Потомъ вдругъ на-

стала тишина. Герольды цирка въ яркихъ пурпуровыхъ туникахъ махали своими кадуцеями въ направленіи къ павильону, находящемуся у фасада, и особенно въ лѣвую сторону, гдѣ находился *подіумъ*, мѣсто Императора. Всѣ глаза обратились въ ту сторону, чтобъ не потерять ни одной подробности торжества.

Блистательная процессія вышла изъ капитолія и храма Юпитера и вошла въ циркъ.

Впереди шли малолѣтнія дѣти сенаторскихъ фамилій со щитами, копьями и серебряными касками, на которыхъ развѣвались яркія перья. Сыновья воиновъ слѣдовали за ними на красивыхъ лошадяхъ; потомъ шли молодые плебеи. Такъ какъ присутствіемъ ихъ въ процессіи хотѣли показать чужеземцамъ будущихъ защитниковъ отечества и силу римской крови, то выбирали самыхъ красивыхъ и крѣпкихъ юношей. За ними ѣхали шагомъ четыре колесницы разныхъ партій, управляемая каждая лучшимъ возницею партіи. Всѣ они были въ полущлемахъ (*galeus*) и въ короткихъ туникахъ.

Громкіе аплодисменты встрѣчали каждую колесницу, запряженную четырьмя превосходными конями, когда же явился Аврелій, рукоплесканія раздалась громче и одушевленнѣе. Народъ поддерживалъ голубую партію, но забылъ въ эту минуту ненависть къ партіи противниковъ, чтобъ любоваться красивымъ возничимъ. Въ легкой зеленой туникѣ, украшенной драгоценными камнями, онъ стоялъ на своей колесницѣ, выложенной перламутромъ и слоновьею костью и ловко держалъ возжи четырехъ пылкихъ бѣгуновъ. Еще одно обстоятельство, незамѣтное для партій, но видимое народомъ, расположило къ нему всѣ сердца. Проѣзжая мимо Юнія и ея отца, Аврелій легко притянулъ возжи, и всѣ четыре лошади, послушныя его желанію, въ одно время наклонили свои гордыя головы. Этотъ поклонъ ясно доказалъ народу, что Аврелій любитъ Плебеянку, и это привело его въ восторгъ.

Юнія была въ сильномъ волненіи, потому что знала какую цѣну назначилъ Цесарь за свободу ея жениха. Но она еще болѣе задрожала, когда отецъ ея вскричалъ:

— Клянусь Юпитеромъ, я не ошибаюсь. Аврелій не надѣлъ кожаного панцыря, чтобъ ослабить ударъ въ случаѣ паденія.

— У него даже нѣтъ кинжала, чтобъ перерѣзать возжи, въ случаѣ несчастія, прибавилъ его сосѣдь.

— Чтò это значить, отецъ? спросила тихо молодая дѣвушка.

— Ясно, что Аврелій хочетъ или побѣдить, или умереть въ циркѣ. Благородное намѣреніе! Я пойду прощусь съ нимъ въ послѣдній разъ, если намъ не суждено больше видѣться.

И поручивъ дочь сосѣду, старикъ бросился въ толпу и началъ такъ работать локтями и боками, что наконецъ добрался до конюшенъ. Эти двѣнадцать комватъ со сводами, устроенныя въ основаніи цирка, были закрыты деревянными крашеными рѣшетками. Сюда запирались колесницы, назначенныя для скачекъ въ то время, какъ въ циркѣ дѣлали приготовленія. Возничіи четырехъ партій, старались въ это время возбудить пылкость своихъ лошадей. Голубой игралъ на флейтѣ, бѣ-

льй махаль передъ глазами коней яркими красками матерій. Діоклесь Фракіецъ, розовый возничій, прыгаль какой-то дикій танецъ передъ нумидійскими скакунами. Аврелій ярко освѣтилъ свою ложу и лаская рукою и голосомъ сильныхъ восточныхъ коней, говорилъ имъ нѣжныя названія на ихъ языкѣ, и они отвѣчали радостнымъ ржаніемъ.

Юній хотѣлъ дать ему нѣсколько наставленій, но въ это время процессія уже окончилась. За танцорами и комиками, шедшими за колесницами, послѣдовали хоры сатировъ, покрытыхъ козлиными кожами, четыре труппы музыкантовъ, семь труппъ жрецовъ, колесницы боговъ, полубоговъ, героевъ и наконецъ судьи.

Пора была начинать скачки. Ропотъ нетерпѣнія пробѣгалъ по всѣмъ ярусамъ до ложъ лошадей. Народъ не спускалъ глазъ съ императорскаго подіума и начиналъ шумѣть, кричать; 260,000 голосовъ гремѣли у ногъ Калигулы; онъ слушалъ спокойно гнѣвъ старой львицы Рима, зная что можетъ укротить ее однимъ словомъ. Далѣе лошади за своими рѣшетками рвались отъ нетерпѣнія, стуча копытами и громко ржали дергая поводя.

Въ это время въ разныхъ мѣстахъ держали уже впередъ пари. Бѣдные били по рукамъ, богатые мѣнялись кольцами. Вдругъ страшный шумъ этотъ прервался какъ бы волшебствомъ. Во время могильной тишины упала посреди цирка бѣлая матерія (тарра).

При этомъ сигналѣ рѣшетки конюшенъ разомъ отворились, трубы зазвучали, цѣпь мраморнаго Гермеса упала, и четыре колесницы явились на аренѣ.

Молнія, стрѣла Скиѳа, слѣдъ падающей звѣзды не могутъ сравниться съ быстротою колесъ колесницъ, летящихъ впередъ. Нагнувшись впередъ, возничій съ крикомъ бьютъ лошадей и отвѣчаютъ на возгласы толпы.

Мы сказали, что ложи лошадей были устроены не по прямой линіи а въ полукругѣ, откуда они должны были доѣхать до платформы ристалища, пространство пятьсотъ футовъ. Скачка начиналась и кончалась у перваго золоченаго столба позвоночной кости цирка, и весь нуть колесницъ означенъ былъ бѣлою веревкою.

Постройка цирка была такъ удобна, что послѣдній изъ зрителей видѣлъ скачки также хорошо, какъ Цесарь, сидѣвшій въ своей высокой ложѣ. Когда колесницы были у втораго столба, зрители могли разглядѣть, что Ацилію, возничій бѣлой партіи, былъ впереди. Трое другихъ немного отстали, но криками и ударами погоняли лошадей, чтобъ догнать соперника. Рукоплесканія народа еще болѣе подстрекали коней и вожатыхъ.

Одинъ Юній, добравшійся до своего мѣста, ворчалъ съ неудовольствіемъ:

— Ацилію просто сумасшедшій, онъ измучитъ лошадей прежде времени. Голубой тоже напрасно погоняетъ ихъ и горячитъ. Одинъ Аврелій бережетъ ихъ силы, и Діоклесь тоже остороженъ. Какая у него чудная четверня, прибавилъ онъ тихо дочери. Я боюсь, что онъ не уступитъ побѣды нашему другу.

Не смотря на предостереженія своихъ партій, бѣлый и голубой возникшіи продолжали свою безумную борьбу. Надобно было сдѣлать семь круговъ, чтобъ выиграть призъ. Первые четыре круга были въ томъ же порядкѣ. Остались только три мраморные дельфина, потому что при каждомъ кругѣ снимали по одному. При началѣ пятаго круга, Ацилію, котораго уже многіе считали побѣдителемъ, почувствовалъ, что лошади его измучены и не могутъ долѣе опередить Фускуса, голубаго возникшаго, скакавшаго уже почти на одной линіи съ нимъ. Онъ попробовалъ на минуту остановить лошадей, чтобъ дать имъ вздохнуть, но Аврелій воспользовался этою минутой, и замѣтя узкое мѣсто между колесницей Ацилію и столбомъ, быстро поѣхалъ впередъ и опередивъ всѣхъ, началъ шестой кругъ при громкихъ крикахъ толпы.

Диоклесь, видя новаго, неожиданнаго соперника вскрикнулъ отъ досады, и съ бѣшенствомъ тирани лошадей кнутомъ съ мѣднымъ шарикомъ на оконечности, какъ вихрь бросился впередъ и опередилъ Аврелія. Народъ былъ въ восторгѣ, но Цесарь блѣдный отъ волненія, высунулся весь изъ ложи и кричалъ пронзительнымъ гогососомъ:

— Verbera! Verbera! (бей ихъ, бей!)

Напрасно однако эти слова достигаютъ слуха молодаго человѣка. Онъ неподвиженъ на своей колесницѣ и не дѣлаетъ никакого усилія догнать, не только что перегнать Диоклеса. Онъ только старался не допускать остальныхъ двухъ на состязаніе, поминутно переѣзжая имъ дорогу. Впрочемъ бѣлый и голубой были уже не опасны, и все вниманіе зрителей устремилось на первыхъ двухъ. Зеленая партія была уже въ уныніи, розовая поздравляла заранѣе Диоклеса съ побѣдою. Начался послѣдній кругъ, и розовый возникшіи былъ все еще впереди.

Вдругъ новый случай оживляетъ еще болѣе толпу. Аврелій вышелъ изъ неподвижности. Онъ уперся одною ногою въ колесницу, притянулъ возжи, и наклонясь къ лошадямъ, началъ говорить съ Нитидомъ и его товарищами. Знакомый голосъ одушевилъ коней, и они понеслись какъ вихрь. Весь циркъ задрожалъ отъ криковъ радости и ужаса. Аврелій летитъ какъ стрѣла и догоняетъ Диоклеса у втораго столба. Тотъ, видя опасность, хочетъ разогнать еще болѣе свою четверню, но измученные кони не повинуются ни кнуту, ни крикамъ. Тогда Диоклесь, видя невозможность побѣдить противника, хотѣлъ погубить его и себя и направилъ всю четверню поперегъ колесницы Аврелія. Кони сдѣлали послѣднее усиліе и бросились по направленію вожатаго, но отъ сильнаго удара колесницей двое изъ нихъ упали на переднія ноги, а двое другихъ потащили упавшую колесницу и бѣднаго Диоклеса, запутавшагося въ возжахъ. Когда бѣлый и голубой возникшіи подѣзжали къ мѣсту несчастія, Аврелій былъ уже у послѣдняго столба, и получилъ пальму изъ рукъ Претора.

Служители зеленой партіи взяли подъ устцы лошадей Аврелія и шагомъ провели ихъ вокругъ цирка съ побѣдителемъ. Народъ кри-

чалъ ему поздравленія; но молодой человекъ остановился подъ ложей Цесаря и ждалъ рѣшенія своей судьбы. Калигула улыбулся ласково, и бросивъ золотую вѣтвь, сказалъ громко:

— Liber! (свободенъ).

Двѣсти тысячъ голосовъ съ восторгомъ повторили это слово. Юнія отъ волненія лишилась чувствъ. Аврелій взялъ ее въ объятія и поѣхалъ прямо на Авентинскую гору.

Старикъ отецъ весело шелъ за ними и гордо поглядывалъ на толпу, думая:

— И у меня будетъ каменный домъ въ Альбѣ.

Народъ съ шумомъ выходилъ изъ цирка, крича съ восторгомъ:

— Да здравствуетъ Цесарь! (Le Voleur).

Последній судебный поединокъ во Франціи. — Въ царствованіе Генриха II случилось замѣчательное происшествіе, подробности котораго мы постарались собрать изъ разныхъ записокъ и лѣтописей; это былъ поединокъ между Жарнакомъ и Шатеньере, одинъ изъ самыхъ драматическихъ эпизодовъ XVI-го вѣка, одинъ изъ любопытныхъ примѣровъ вліянія, какое имѣли на нравы эти рыцарскіе обычаи, слѣды которыхъ такъ долго были замѣтны во Франціи. Замѣчательное событіе при дворѣ Генриха II составлялъ этотъ смертный поединокъ между двумя лицами, извѣстными своими достоинствами, привыкшими считать себя съ самаго дѣтства друзьями. Шатеньери и Жарнакъ были даже въ родствѣ; дѣвица Жарнакъ была замужемъ за дѣдомъ Шатеньере. Этотъ поединокъ представляетъ исключительный примѣръ битвы, произведенной ненавистью двухъ женщинъ и совершенной по всѣмъ правиламъ судопроизводства и церемоніяла древняго рыцарства. Поэтому дѣйствіе, произведенное этимъ поединкомъ, поразило не только дворъ, но и всю Францію.

Герцогиня д'Этампъ и Діана Пуатье, извѣстная подъ именемъ герцогини Валентинуа, соперницы по красотѣ и вліянію, обѣ завистливыя и самолюбивыя женщины, ненавидѣли другъ друга: Діана всегда готова была покровительствовать противникамъ д'Этампъ, а эта, въ свою очередь, старалась сближаться съ врагами Діаны.

Дворъ раздѣленъ былъ на двѣ партіи могуществомъ этихъ двухъ женщинъ, и всѣ старались заслужить вниманіе той или другой; молодые аристократы дорожили ихъ расположеніемъ и принимали горячее участіе въ ихъ ссорѣ.

Замѣчательны были въ то время двое молодыхъ людей, отличавшихся пріятною наружностью, храбростью и дружбою другъ къ другу. Это были Шатеньере и Жарнакъ. Изъ нихъ первый хотя и любимецъ Франциска I, былъ особенно преданъ дофиню Генриху и герцогинѣ Валентинуа, второй былъ приверженецъ герцогини д'Этампъ.

Послѣ мира при Кресси, заключеннаго въ 1544 году, вся воинственная молодежь утомясь бездѣйствіемъ, проводила свободное время въ дуэляхъ, охотѣ, верховой ѣздѣ. Исключительно любимымъ занятіемъ

тогдашней молодежи было фехтованіе. Въ это время славились италіянскіе фехтмейстеры. Италіяны считались вообще не только самыми искусными учителями владѣть оружіемъ, но и самыми опытными казуистами въ дуэляхъ. Шатенъере прославился, какъ самый опытный стрѣлокъ. Въ нападеніяхъ, въ дуэляхъ, которыя онъ такъ часто имѣлъ, онъ всегда искалъ случая схватиться съ противникомъ; ему много помогали его ростъ и сила. Смертныя поединки требовали такого рода борьбы, въ которой не одно оружіе играло главную роль. Въ этихъ поединкахъ съ панциремъ, покрывавшимъ грудь, было легко итти на противника, зная, что можно побѣдить его борьбою. Старались повалить противника, на землю, и наносили ему удары кинжаломъ.

Такъ поступилъ Баяръ въ дуэли противъ Алонзо де-Сото-Майоръ. Часто во время боя противники теряли кинжалы, которые кляли въ сапогъ на правой ногѣ, не прикрѣпляя. Тогда борьба двухъ гладиаторовъ представляла иногда отвратительное зрѣлище; въ Седанѣ, баронъ Оже, сдавивъ подъ собою Федиля и потерявъ кинжалъ, сорвалъ съ него шлемъ, нанося имъ сильныя удары по лицу и во многихъ мѣстахъ ранилъ его; потомъ онъ старался выколоть ему глаза, и задушить его, насыпая ему въ ротъ песокъ, что наконецъ заставило Федиля просить о помилованіи.

Шатенъере дрался на дуэли съ Сенгуаромъ, которому великодушно далъ пощаду.

По мнѣнію современниковъ, Шатенъере считался человѣкомъ прекраснымъ, великодушнымъ, услужливымъ, заставлявшимъ себя любить, но также и бояться. Его въ самомъ дѣлѣ можно было упрекнуть въ томъ, что онъ любилъ спорить. Чтобы онъ достигнулъ полнаго совершенства, его отецъ, нѣжно любившій сына во время его дѣтства, давалъ ему въ кушанья порошокъ золотой, стальной и желѣзный. Этотъ рецептъ былъ данъ однимъ неаполитанскимъ алхимикомъ, прибывшимъ изъ Италіи съ королемъ Карломъ VIII.

Гюн Шабо, сынъ короля, владѣтеля Жарнака, Мюнелье и Сентъ-Олея, считался однимъ изъ замѣчательныхъ и значительныхъ вельможъ Франціи, Италіи, Фландріи и Германіи. Онъ не уступалъ въ отвагѣ Шатенъере, но не былъ извѣстенъ такъ какъ его другъ, ни въ ловкости, ни въ искусныхъ гимнастическихъ упражненіяхъ, ни въ любви къ дуэлямъ. Жарнакъ былъ зять герцогини д'Этампъ.

Однажды бесѣдуя дружески съ Жарнакомъ, Шатенъере сказалъ ему при дофинѣ «Я не повимаю, какъ можешь ты такъ щеголять съ твоими доходами?» Жарнакъ отвѣчалъ, что его мачиха была къ нему очень добра, а такъ какъ отецъ его ни въ чемъ не отказывалъ своей женѣ, то пасынокъ старался быть ласковѣе съ своей мачихой, и отъ нея получалъ деньги. Отвѣтъ этотъ былъ очень простодушенъ; но перетолковали его иначе, пользуясь случаемъ сказать что-нибудь другое про зятя герцогини д'Этампъ; Діана, въ обидныхъ выраженіяхъ, высказала свое мнѣніе о госпожѣ Жарнакъ, женщиной достойной уваженія. Нѣкоторые злые языки повторили это мнѣніе, не замедлившее распространиться, и Жарнакъ узналъ наконецъ, что онъ обвиненъ въ томъ, что

хвалился особенною привязанностью своею мачихи. Трудно описать его отчаяніе; ожесточенный такимъ низкимъ обвиненіемъ и не зная кому приписать его, онъ объявилъ, что тотъ, кто перетолковалъ его слова, былъ злой и низкій лгуны; потомъ онъ отправился немедленно въ замокъ своего отца и бросаясь къ ногамъ его, оправдывался всѣми силами души, раздраженный такимъ толкованіемъ его словъ. Наконецъ, долго умоляя и оправдываясь, бѣдный Жарнакъ убѣдилъ отца въ своей невинности и потомъ возвратился въ Парижъ, гдѣ находился тогда весь дворъ, съ намѣреніемъ отмстить за нанесенную ему обиду.

Шатенбере, не одобряя положенія, въ которое поставилъ себя Генрихъ, желая угодить Дианѣ, думая, можетъ быть, что Жарнакъ не осмѣлится подвергаться вѣрной смерти, вызывая его на дуэль, забылъ свою старинную дружбу и поступилъ очень неблагородно, громко говоря вездѣ, что онъ готовъ отвѣчать Жарнаку, потому что тотъ, говоря съ нимъ самимъ, безстыдно хвасталъ виновнымъ поступкомъ, отъ котораго въ послѣдствіи вздумалъ отказываться.

Послѣ этого онъ равнодушно принялъ вызовъ Жарнака.

Шатенбере и Жарнакъ приняли надлежація мѣры, сообразно съ предписанными правилами въ дуэляхъ, бывшихъ тогда въ модѣ, и просили короля дать имъ позволеніе. Францискъ I-й, любившій ихъ обоихъ, принялъ просьбу и передалъ ее въ совѣтъ; дѣло было разобрано, и король рѣшительно отказалъ имъ въ позволеніи.

Прошло довольно времени до смерти Франциска I, именно до 1547 года.

Когда Генрихъ II взшелъ на престолъ, Шатенбере повторилъ свою просьбу, въ которой отказалъ ему покойный король. Генрихъ, чтобъ окончить это неспріятное дѣло, далъ позволеніе.

Положеніе Жарнака при дворѣ было незавидное; почти всѣ были противъ него. Со смертію Франциска, его покровительница была удалена; ему необходимо было оправдаться, или погибнуть. Какъ не продолжительны были приготовленія этой дуэли, они все-таки окончились скорѣе, нежели обыкновенно въ поединкѣ, о которомъ исторія сохранила воспоминаніе. Всѣ формы были соблюдены по законамъ, предписаннымъ для смертныхъ поединковъ. Францискъ I и Карлъ V, готовясь вступить въ единоборство, раздумывали цѣлый годъ, и перемѣняли много разъ условія, не соглашаясь ни въ мѣстѣ, ни въ оружіи, ни въ другихъ условіяхъ поединка. Споръ между Меродомъ и Бенавидесомъ возбуждалъ нескончаемыя пренія, разсужденія и самыя ученые мемуары для разрѣшенія вопроса: должны ли противники имѣть на латахъ особенное жезѣзное остріе, какъ требовалъ Бенавидесъ; кончилось тѣмъ, что боя не было. Приведемъ еще слѣдующій случай, какъ примѣръ судопроизводства въ дуэляхъ ла-Перрина и Тентевила, и Венье противъ Санзея, происходившихъ въ глазахъ Франциска I, въ 1537 году.

Въ первомъ случѣ, ла-Перринъ одинъ выступилъ на мѣсто ристалища, противникъ его не явился; Санзей и Венье напротивъ, дрались хорошо, и наконецъ король рознялъ ихъ, бросивъ золотой жезлъ на мѣсто битвы. Тѣмъ же кончился поединокъ, происходившій въ 1522 г.

въ Вальядолидѣ, при Карлѣ V, между двумя арагонскими дворянами, Педро Торилла и Геронимомъ Анка. Замѣчательнъ также вызовъ на поединокъ, сдѣланный Людовикомъ, герцогомъ Орлеанскимъ Генриху IV, английскому королю, въ 1402 году, и всѣ бумаги, писанныя по этому случаю.

Подобныя происшествія служили всегда поводомъ множества разговоровъ. Иногда употребляли разныя прилирки и затрудненія. Брантомъ говорить объ одномъ дворянинѣ, хвалившемся тѣмъ, что заставилъ своего противника ждать два года, безпрестанно возобновляя различныя условія битвы. Неограниченное право защищающагося выбирать оружія, какія и въ какомъ количествѣ ему угодно, производило то, что вызывающій долженъ былъ дѣлать огромныя издержки, покупая лошадей, сбрую, разныя оружія, какія бы только его противнику не вздумалось потребовать. Кромѣ того издержки, награды за труды, послышки, вознагражденія герольдамъ и другимъ лицамъ, были очень значительны, и по этому бѣдный герой, о которомъ говоритъ Брантомъ, издержалъ въ два года сто тысячъ ливровъ и разорился; кромѣ того онъ получилъ мѣткій ударъ шпагою. Это право выбирать оружіе простиралось до неслѣпости; не только позволено было дѣлать самыя странныя требованія, но въ послѣднюю минуту, отвѣчающій на вызовъ могъ избирать новыя оружія, которыхъ не было въ программѣ, и это почти всегда случалось для того, чтобъ сбить съ толку противника, который не зная, какимъ оружіемъ ему придется драться, не будетъ имѣть времени научиться имъ владѣть, какъ слѣдуетъ.

За мѣсяць предъ поединкомъ, ла-Шатеньере никогда не выходилъ изъ дому безъ сопровожденія ста или ста двадцати дворянъ, украшенныхъ его цвѣтомъ и девизомъ. По словамъ Вилевилля онъ глубоко оскорблялъ всѣхъ своимъ блескомъ и гордостью; его расходы были такъ значительны, что въ этомъ отношеніи не могъ съ нимъ равняться никто при дворѣ; расходы эти превышали тысячу двѣсти экю въ день. Къ счастью, будучи любимцемъ короля, онъ имѣлъ средства дѣлать такія издержки. Что же касается до Жарнака, то онъ не ослаблялъ свою пышностью, но слѣдовалъ совѣтамъ капитана Кази, и какъ показали послѣдствія, слѣдовалъ весьма благоразумно. По предложенію этого капитана, бывшаго учителемъ фехтованія, онъ поставилъ въ необходимость Шатеньере въ послѣднюю минуту надѣть на лѣвую руку, державшую щитъ—варучникъ, который не позволялъ этой рукѣ сгибаться. Шатеньере былъ незадолго передъ тѣмъ раненъ въ правую руку, которая была еще слаба, и лишился этимъ средствомъ кинуться на своего противника и опрокинуть его на землю. Графъ Мортиненго, сражаясь съ однимъ изъ италіянскихъ офицеровъ, употребилъ ту же самую уловку. Дуэль была назначена 10-го іюня. Противники назначили секундантовъ.

Самоувѣренность Шатеньере не имѣла границъ. Онъ вполнѣ выказалъ свое высокомеріе и хвастовство; въ день поединка онъ зашелъ въ церковь выслушать обѣдню передъ битвой, но не заботился просить Бога о помощи. Что касается до Жарнака, онъ тщательно посѣщалъ церкви и монастыри, молился за себя и предавалъ себя въ руки Божіи.

За нѣсколько дней передъ битвою, король и весь дворъ отправились въ Сенъ-Жермень. Генрихъ II желалъ, чтобъ дуэль происходила въ этомъ городѣ, и объявилъ, что будетъ присутствовать при ней. Коннетабль Монморанси принялъ все должныя мѣры. Монморанси былъ коннетаблемъ и въ 1559 году, и поэтому присутствовалъ на турнирѣ, гдѣ Генрихъ II былъ смертельно раненъ Монгомери. Необходимо было предпринять особенныя мѣры, чтобъ не допускать толпу очень близко къ оградѣ, которая могла бы сломаться, потому-что несмѣтное количество народа, привлеченнаго любопытствомъ и прекрасною погодою, прибыло съ самаго утра изъ Парижа въ Сен-Жермень. Тутъ произошелъ безпорядокъ въ ту минуту, какъ оба противника появились на аренѣ. Отдѣльная толпа бродягъ и праздношатающихся прибыла въ надеждѣ употребить въ дѣло ихъ ремесло и бросилась на палатки, гдѣ Шатеньере велѣлъ приготовить великолѣпный ужинъ, чтобъ отпраздновать съ друзьями побѣду,—такъ твердо былъ онъ убѣжденъ въ успѣхѣ. Въ одну минуту все это было уничтожено, и надо было прибѣгнуть къ силѣ, чтобъ разогнать негодяевъ. Исторія не говоритъ, присутствовала-ли Катерина Медичи при поединкѣ; но прекрасная Діана, сестра короля, тетка его Маргарита Вагуа, принцессы и придворныя дамы не захотѣли пропустить случая присутствовать при кровопролитномъ зрѣлищѣ.

Жарнакъ въ послѣднюю минуту рѣшилъ, что драться будутъ нѣщими. Это было съ давнихъ поръ обыкновеніемъ при подобныхъ встречахъ.

Въ этой толпѣ придворныхъ, гдѣ Жарнакъ считалъ мало друзей, не было никого кто бы сомнѣвался въ побѣдѣ Шатеньере. Зрѣлище это, по случаю присутствія короля и королевской фамиліи, представляло особенную торжественность; по этому коннетабль обратилъ особенное вниманіе на то, чтобъ все было исполнено съ точнымъ церемоніаломъ и великолѣпіемъ по старинному учрежденію.

При восходѣ солнца, 10-го іюля 1547 года, герольдъ Гиень объявилъ слѣдующее:

«Сегодня, десятаго числа этого іюля мѣсяца, король, нашъ самодержавный государь, далъ позволеніе очистить мѣсто для смертнаго поединка между Францискомъ Шатеньере и Жарнакомъ, сдѣлавшимъ вызовъ и принявшимъ его, чтобъ кончить оружіемъ споръ, касающійся ихъ чести. По этому я объявляю всѣмъ, отъ имени короля, что ни кто не долженъ препятствовать настоящей битвѣ, ни помогать, ни вредить ни тому ни другому изъ сражающихся, подъ опасностію своей собственной жизни.»

Ограда была двойная; пространство между двумя барьерами занято свитою коннетабля и стрѣлками изъ королевской гвардіи. На каждомъ концѣ арены находилась дверь для входа противниковъ. На право отъ трибуны коннетабля, стояли четыре сержанта и исполнитель приговора верховнаго суда, съ веревками, напоминавшими о печальномъ обычаѣ, предписанномъ закономъ: влачить по аренѣ трупъ побѣжденнаго. Подъ трибуной судьи находился столъ, покрытый сукномъ золотого цвѣта

гдѣ лежали евангеліе и распятіе, возлѣ въ молчаніи стоялъ священникъ.

Вслѣдъ за провозглашеніемъ герольда, Шатенъере вышелъ изъ своего отеля, сопровождаемый секундантами и друзьями, въ числѣ болѣе пяти сотъ человекъ, носящихъ его цвѣта бѣлый и алый. Передъ нимъ несли его щитъ и шпагу, а впереди образъ св. Франциска на хоругви; всей этой свитѣ предшествовали тамбурины и трубы; она обошла кругомъ приготовленную арену, это называлось отдавать ей должную честь, потомъ щитъ Шатенъере, украшенный его гербомъ, былъ привязанъ къ столбу, на право отъ королевской ложи. Принятый съ правой стороны барьера коннетаблемъ, со всѣми обычными обрядами, онъ былъ введенъ на арену.

Съ такою же церемоніей привели Жарнака. Онъ былъ сопровождаемъ своими секундантами и сто двадцатью дворянами, одѣтыми въ его цвѣта — черный и бѣлый. Ему предшествовала хоругвь. Жарнакъ, какъ и Шатенъере, былъ украшенъ разнаго рода рыцарскими принадлежностями, исключая верхняго платья, которое несли его берейторы передъ нимъ, такъ же какъ его шпагу и круглый щитъ. Когда обошли кругомъ лагерь, также съ музыкою, щитъ Жарнака повѣсили на лѣвый столбъ, возлѣ королевской ложи. Потомъ Жарнакъ вошелъ въ свою палатку, чтобъ остаться тамъ до-тѣхъ-поръ, пока его не вызовутъ на бой. Приготовленія этого поединка продолжались цѣлый день, отъ восхода до заката солнца. Переговоры на счетъ мѣста и оборонительныхъ оружіи они вели черезъ секундантовъ и повѣренныхъ.

Когда розданы были оборонительныя оружія, герольдъ провозгласилъ слѣдующее:

«Господа рыцари и вся публика! Отъ имени короля, я приказываю, когда начнется сраженіе, каждый изъ присутствующихъ долженъ хранить молчаніе и не говорить, ни кашлять, ни плевать, ни дѣлать никакого шума ногами, руками, никакихъ знаковъ глазами, однимъ словомъ ничего, что могло бы помочь или мѣшать тому или другому противнику. А еще болѣе воспрещается королемъ всякому, кто бы онъ ни былъ, входить, во время боя, въ кругъ, помогать тому или другому, въ какомъ бы ни было случаѣ, безъ позволенія господъ коннетабля и маршала Франціи, подвергаясь за нарушеніе этихъ правилъ смертной казни.»

Шатенъере, украшенный своимъ гербомъ, былъ введенъ Омалемъ на арену, и обошелъ ее въ сопровожденіи товарищей, съ музыкою, герольдами и оруженосцами, держащими въ рукахъ жезлъ голубаго цвѣта съ крестомъ золотымъ и серебрянымъ наверху. Послѣ него былъ введенъ Жарнакъ, главнымъ берейторомъ, въ сопровожденіи свидѣтелей и друзей, съ трубами и барабанами, предшествуемый также герольдами и оруженосцами. Передъ нимъ несли наступательныя оружія: четыре шпаги, которыя держали Урфе, ла-Гардъ, Сен-Жюльенъ и Сезей, четыре кинжала, два большіе и два маленькіе, порученные Сен-Ванрею и Бомону.

Оба шествія остановились послѣдовательно у королевской ложи; каждый изъ противниковъ преклонилъ колѣно на бархатную подушку съ золотомъ; выслушавъ священника, они провознесли коннетаблю, вмѣстѣ съ святымъ Евангеліемъ, слѣдующую клятву:

«Клянусь святымъ Евангеліемъ, крестомъ нашего Господа, вѣрою въ крещеніе, что пришелъ сюда съ вѣрною и справедливою причиною сразиться съ противникомъ, желающимъ несправедливо защищать себя. При мнѣ нѣтъ ни тайныхъ оружій, ни чаръ, ни колдовства, которыми бы я надѣялся уничтожить моего врага и помочь себѣ, со мною надежда на Бога, увѣренность въ правдивости моего дѣла, въ моей силѣ и моемъ оружіи.»

Когда противники были поставлены на должныя мѣста, одинъ противъ другаго, былъ сдѣланъ выборъ наступательныхъ оружій въ присутствіи короля, коннетабля и маршаловъ Франціи. Шпаги были даны имъ въ руки, кинжалы лежали наготовѣ. Тогда друзья ихъ удалились также какъ и секунданты, простясь съ ними и желая удачи каждому. Почти въ тоже время, нормандскій герольдъ, находившійся въ срединѣ, громко провозгласилъ три раза:

«Дайте мѣсто сражающимся!» и потомъ удалился. Мертвое молчаніе воцарилось въ одну минуту посреди огромной толпы народа.

Оба героя рѣшительно приблизились другъ къ другу. Жа-Шатеньере скорыми шагами и высоко поднимая шпагу, Жарнакъ спокойно, закрывая щитомъ грудь, а шпагой готовясь отразить ударъ, направленный въ голову. Это былъ первый ударъ Шатеньере; но Жарнакъ далъ другой оборотъ битвѣ: отразивъ ударъ круглымъ щитомъ, и отскочивъ отъ другаго удара, нанесъ ударъ своему противнику въ ногу. Между присутствующими послышался общій крикъ; вниманіе удвоилось; Жа-Шатеньере, раненый побѣдилъ чувство боли и приблизился къ Жарнаку, съ явнымъ намѣреніемъ схватить его, но получилъ въ лѣвую ногу, уже раненую, страшный ударъ, сдѣлавшій ему глубокую рану подъ колѣномъ. Это не былъ измѣнническій ударъ, какъ говорили и думали послѣ; въ нѣсколькихъ встрѣчахъ случилось тоже самое, и потому этотъ ударъ не могъ быть придуманъ Жарнакомъ. Въ дуэли между Жанлисъ и Дебордесъ, также происходившей въ Сен-Жерменѣ, Дебордесу разсѣкли колѣно такъ, что онъ на всю жизнь остался хромымъ. При другой встрѣчѣ возлѣ Рима, въ Монте-Ротондо, одинъ итальянскій капитанъ нанесъ Бульону, гасконскому дворянину, сильный ударъ тесакомъ въ подколенную, отъ котораго тотъ умеръ.

Отъ такого же удара Шатеньере зашатался, шпага выпала изъ рукъ его, онъ упалъ, обливая землю своею кровью. Невыразимое смущеніе обнаружилось между зрителями, посреди собравшагося народа. Друзья Шатеньере произносили проклятіе, приверженцы Жарнака торжествовали и съ трудомъ удерживали общее волненіе; наконецъ снова все замолкло.

Жарнакъ молча и неподвижно смотрѣлъ на своего врага. Шатеньере былъ совершенно въ его власти. «Возврати мнѣ честь мою, сказали

Жарнакъ, и покайся предъ Богомъ и королемъ въ обидѣ, нанесенной мнѣ!»

Шатенъере хотѣлъ приподняться, но напрасно: ему невозможно было двинуться съ мѣста. Жарнакъ, оставивъ его, приблизился къ королевской ложѣ, поднялъ забрало шлема и вставъ на одно колѣно, сказалъ королю: «Умоляю васъ доставить мнѣ случай быть великодушнымъ: я вручаю вамъ Шатенъере: возьмите его, и пусть честь моя будетъ мнѣ возвращена! Наша молодость причиною всему этому; его проступокъ не отвѣтается ни на немъ, ни на его приверженцахъ, потому что я отдаю его вамъ.»

Король молчалъ. Жарнакъ подошелъ къ Шатенъере и сталъ уговаривать его сдаться; но Шатенъере съ необыкновеннымъ усилениемъ приподнялся на одно колѣно и хотѣлъ ударить Жарнака кинжаломъ. «Не шевелись, сказалъ Жарнакъ, а то я убью тебя!»— Убей же меня, возразилъ Шатенъере, и въ изнеможеніи снова упалъ на землю; кровь полилась изъ раны. Жарнакъ снова сталъ просить короля, сложивъ руки на груди, помиловать Шатенъере, но Генрихъ, и на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ. Тогда подойдя къ своему противнику, который весь облитъ былъ кровію, отбросивъ концемъ своей шпаги лежащую возлѣ шпагу и одинъ изъ кинжаловъ Шатенъере, Жарнакъ опять сказалъ ему: «Шатенъере! мой старій товарищъ, признай вину твою, и останемся друзьями. Государь! вскричалъ онъ потомъ трогательнымъ и умоляющимъ голосомъ, посмотрите, онъ умираетъ! Именемъ Бога прошу васъ, возьмите его!»

Сцена эта произвела на присутствующихъ самое тяжелое впечатлѣніе; всѣ были тронуты великодушнымъ поступкомъ Жарнака, и страшнымъ положеніемъ его противника. Коннетабль и маршалы, въ свою очередь, стали просить короля за Шатенъере: «Если король не вступится, говорили они, Жарнакъ долженъ убить раненаго, потомъ стащить тѣло его съ мѣста бол, и отдать въ руки палачу... Какая плачевная сцена для принцессъ, для придворныхъ дамъ, для друзей Шатенъере! Королю осталось не много времени, чтобъ рѣшить это, потому что раненый потеряетъ всю кровь свою; если ему не помогутъ, онъ скоро долженъ испустить послѣдній вздохъ.» Между тѣмъ Жарнакъ обратился и къ герцогинѣ Беррійской, сестрѣ короля, видимо тронутой этимъ зрѣлищемъ; онъ умолялъ принцессу, известную своими качествами, уговорить короля. При звукахъ этого милого голоса, король какъ будто проснулся отъ оцѣпенѣнія, въ которое привелъ его результатъ битвы; онъ выслушалъ просьбу Маргериты и спросилъ: «Жарнакъ, отдаете-ли вы мнѣ его?»—«Да, ваше величество, отвѣчалъ побѣдитель; я отдаю вамъ его изъ любви къ Богу и къ вамъ; признаете ли вы меня благороднымъ человѣкомъ?»—«Вы исполнили вашъ долгъ, Жарнакъ, и ваша честь возвращена вамъ. Пусть возьмутъ Шатенъере.»

Шатенъере вынесли безъ памяти и въ жалкомъ состояніи; но на другой день, пришедъ въ себя, онъ сорвалъ перевязки, сдѣланныя докторомъ, и черезъ нѣсколько времени умеръ въ конвульсіяхъ, которыя ничто не могло остановить.

Вопросъ о томъ, долженъ ли Жарнакъ праздновать свою побѣду, былъ рассмотрѣнъ въ присутствіи короля. Генрихъ находилъ, что слѣдуетъ; но секунданты хотя и соглашались съ нимъ, просили все-таки короля избавить побѣдителя, въ уваженіе его прежней дружбы съ Шатеньере, отъ такого жестокаго триумфа. Генрихъ осыпалъ его любезностями и похвалами: «Вы сражались какъ рыцарь, сказалъ онъ ему, и говорили какъ Аристотель.»

Послѣ дуэли, Жарнакъ отправился молиться въ церковь Парижской Богоматери; онъ благодарилъ Пресвятую Дѣву, свою защитницу, за покровительство, оказанное ему; оружія свои онъ повѣсилъ въ церкви; онъ долго оставались тамъ. Ронсаръ воспѣлъ поступокъ Жарнака въ одной изъ своихъ одъ. Графъ Омаль воздвигнулъ великолѣпный памятникъ Шатеньере, умершему двадцати восьми лѣтъ, и оставившему единственную дочь трехъ лѣтъ. Генрихъ, разстроенный смертью своего любимца, покаялся, что не допустить никогда болѣе смертныхъ поединковъ.

Таково было послѣднее примѣненіе ломбардскихъ законовъ.

Подобнаго рода поединки происходили также между лицами низшихъ сословій, но только съ тѣмъ условіемъ, чтобъ сражающіеся не употребляли оружія дворянъ. Большая часть судебныхъ поединковъ происходили изъ-за дамъ; для примѣра можно привести дуэль Лансело за королеву Ломбардіи, дуэль, о которой рассказываетъ Григорій Турскій; поединокъ между Гонтраномъ и молодымъ Ингельгеромъ, графомъ де-Анжу, который защищалъ свою крестную мать, прекрасную графиню Дегастиноа; дѣло графа Барцелони Бернарда, осужденнаго за любовь къ Юдион, супругѣ Людовика Добраго, и многіе другіе случаи.

Закономъ, изданнымъ въ 1260 году, Людовикъ IX оковчательно воспретилъ дуэли, а послѣ смерти этого короля объ нихъ даже и не упоминается. Въ правленіе Филиппа Смѣлаго, сына св. Людовика, эта форма дуэли снова появилась. Филиппъ сдѣлалъ попытку затруднить поединки, и съ этою цѣлью съ Бомануаромъ начерталъ условія и обстоятельства, при которыхъ дуэль дозволялась, ограничивъ ихъ только четырьмя случаями и запретивъ во всѣхъ остальныхъ.

Изъ безчисленнаго ряда испрашиваемыхъ дозволеній у парижскаго парламента для смертныхъ поединковъ, въ теченіе двухъ сотъ сорока одного года и въ правленіе двадцати королей, половина была разрѣшена. Независимо отъ дѣйствительнаго намѣренія прекратить эти странныя поединки, разнаго рода затрудненія, странная участь, назначаемая побѣжденному, значительныя издержки, которыхъ не можетъ избѣгнуть вызывающій, различныя препятствія, придуманныя нарочно Филиппомъ Красивымъ, чтобъ утомлять и затруднять представителей поединковъ, наконецъ неограниченная власть судьи останавливать бой въ послѣднюю минуту, остановили многія дуэли, которыя безъ этого кончились бы смертью одного или даже обоихъ дуэлистовъ. (Revue des deux mondes).

Корсика въ 1848 году. (Изъ записокъ туриста). Въ концѣ ноября 1848 года, пріятель мой и я прибыли въ Аяціо, съ цѣлью посмотреть

на новую страну и поохотиться. Первые попытки наши въ Корсикѣ были безуспѣшны; но можно ли жаловаться на неудачу, сидя на песчаномъ берегу, въ виду прелестнѣйшаго въ свѣтѣ залива, у большаго яркаго огня, надъ которымъ жарится мясо, воткнутое на миртовый вертелъ, и у подошвы розоваго гранита? Притомъ же Аяціо городъ очень любопытный. Климатъ его неуступаетъ климату Неаполя; посреди города тянутся аллеи апельсиновыхъ деревьевъ, покрытыхъ плодами, въ продолженіе всего декабря и долѣе. Дорога къ Греческой часовнѣ, между моремъ и садами, защищенными отъ холоднаго вѣтра скатомъ горы, можетъ выдержать сравненіе съ лучшими видами Италіи, не говоря уже о гастрономическихъ наслажденіяхъ страны. Черные дрозды, облитые жиромъ, вина корсиканскаго мыса, нѣжные апельсины, родина которыхъ въ Мальтѣ, но которые привольно растутъ въ Аяціо. Народное кушанье *бруччио*, пирожное изъ сливокъ, сгущенныхъ посредствомъ долгой варки; оно не имѣетъ качества сыра, но приправленное ромомъ и взбитое ложкой, можетъ назваться необыкновеннымъ и лакомымъ блюдомъ.

Намъ въ голову не приходило, что мы проведемъ зиму въ Аяціо; надо было подумать обзавестись всѣмъ нужнымъ. Въ Корсикѣ, какъ на Востокѣ, путешествія совершаются верхомъ. На этомъ страшномъ островѣ вы часто сталкиваетесь съ первобытною дикостью нравовъ звѣрей, и надо признаться, съ такими же обычаями людей. Маленькія корсиканскія лошади, никогда не вычищенные, дурно кормленные, утратившія свои качества отъ недостатка присмотра, сохранили однако отпечатокъ, свойственный всякому породистому животному. Пасясь на лугахъ, въ болотахъ или въ лѣсахъ, онѣ пользуются почти совершенною свободой до той минуты, пока не накинута арканъ на нихъ какъ на лошадей американскихъ пампасовъ. Лишенные свободы, онѣ не теряютъ упрямыя до конца жизни.

Корсиканскія свиньи также отличаются нравами и видомъ отъ нашихъ. Лѣсной кабанъ не пренебрегаетъ своими собратіями, утратившими свободу, и плоды ихъ сношеній проявляются въ вырожденіяхъ, хотя жалкаго и искаженнаго вида, какъ и корсиканскія лошади, но покрытыхъ длинною шелковистою шерстью и прыткихъ, какъ ихъ родители. При взглядѣ на нихъ вамъ становится понятна ошибка одного англійскаго лорда, бросившаго якорь своей яхты въ одной изъ бухтъ Бонифачіо. Англичанинъ съѣхалъ на берегъ поохотиться за куропатками. Вдругъ видитъ онъ стадо кабановъ, расположившихся на отдыхъ въ джунгли. Онъ поспѣшно зарядилъ двуствольное ружье пулями, подкрался изъ-за кустовъ, и два выстрѣла раздались одинъ вслѣдъ за другимъ. Два кабана были ранены и барахтались въ джунгли, прочіе скрылись въ камышахъ; между тѣмъ какъ нашъ охотникъ началъ заряжать свое ружье новыми пулями, не смѣя подойти къ раненымъ звѣрямъ, на него бросились жители деревни и отняли ружье. Говорятъ, что гордый джентльменъ долженъ былъ еще дотащить убитыхъ имъ свиней до жилища пастуховъ. Это были простыя, домашнія свиньи.

Мы выбрали четыре мохнатыхъ, какъ медвѣдь, лошади, но довольно притвѣя; двухъ для насъ, одну для багажа и одну для проводника. Сапожникъ въ Аяціо, Маттео, согласился быть нашимъ спутникомъ въ прогулкѣ по острову, забравъ предварительно о насъ справки. Въ одно утро нашъ маленькій поѣздъ чинно выѣхалъ изъ города, сопровождаемый двумя англійскими собаками, радостно прыгавшими и забѣгавшими далеко впередъ.

Путешествуя такимъ образомъ, мы поднялись на самую высоту горъ. Солнце садилось за прекрасной Орванской долиной, обливая ее послѣдними лучами. Скоро потомъ взошелъ мѣсяцъ; свѣтъ его смягчалъ дикость мѣстоположенія и освѣтилъ намъ путь въ селеніе Гроветто, гдѣ мы расположились на ночлегъ. Мы остановились въ гостиницѣ, и пока ужинали, жители селенія, одинъ за другимъ наполняли комнату, въ которой мы сидѣли за столомъ. Прибытіе иностранцевъ составляетъ въ этой долинѣ важное происшествіе. Жители окружили насъ и забросали вопросами, съ любопытствомъ, отличающимъ эту страну. Къ концу ужина мы были друзьями. Одинъ изъ присутствующихъ вынулъ изъ кармана акордонъ и началъ наигрывать что-то въ родѣ вальса. Поселяне схватились по-парно, начали кружиться, какъ дервиши. Сквозь дымъ трубокъ мы слѣдили глазами за вальсомъ мужчинъ между собою, какъ вдругъ одинъ изъ танцовавшихъ остановился и предложилъ исполнить, въ честь иностранцевъ, національную пляску. Вдругъ дверь отворилась и въ нее вошелъ блѣдный и худой молодой человѣкъ, въ бархатной курткѣ, какую обыкновенно носятъ жители Коренки, веди за собою молодую женщину. Голова ея живописно была обернута бѣлою тканью, какъ у дамаасскихъ евреекъ. Женщина подошла къ огню; пляска, на минуту прерванная, началась еще съ большимъ жаромъ. Мы почти съ ужасомъ слѣдили за ея развитіемъ, весьма напоминающимъ нѣкоторые парижскіе балы за заставами. Въ самую отчаянную минуту танца, молодой человѣкъ всталъ съ своего мѣста и подошелъ къ плясуну: «Какъ ты осмѣлился плясать такимъ безстыднымъ образомъ въ присутствіи женщины, вошедшей сюда со мною, можетъ быть, моею сестрою, или женою, негодай!» При этомъ словѣ десять человѣкъ кинулись на говорившаго, каждый схватился за кинжалъ, спрятанный подъ курткою. Мы бросились разнимать ссорящихся, но одинъ изъ присутствующихъ, рослый дѣтина, остановилъ ихъ однимъ движеніемъ руки, и положила руку на плечо новопришедшаго, сказала: «Молодой человѣкъ, ты многое себѣ позволилъ; мы прежде тебя вошли сюда; если то, что дѣлали здѣсь, было тебѣ не по вкусу, ты могъ спросить отдѣльную комнату для твоей дамы, которая тебѣ не жена, не сестра, а дочь Ольмето. Не будь здѣсь иностранцевъ, ты бы такъ дешево не отдѣлался; чтобъ оказать имъ наше уваженіе, мы тебя прощаемъ, только оставь насъ въ покоѣ.»

— Я не боюсь васъ, вскричалъ молодой человѣкъ, отодвигаясь къ стѣнѣ и прислоняясь къ ней спиною, съ видимымъ намѣреніемъ поработать кинжаломъ. Мы съ трудомъ могли прекратить ссору; всего замѣчательнѣе въ ней было безстрастіе молодой дѣвушки. Она продол-

жала сидѣть лицомъ къ огню, не повернула даже головы во время самаго жаркаго спора, не сдѣлала ни одного движенія, какъ будто не принимала никакого участія въ томъ, что вокругъ нея происходило. Любопытно было бы узнать повѣсть этой дѣвушки съ такимъ закаленнымъ сердцемъ. Сколько романовъ свершается вокругъ путешественника, а онъ только изрѣдка видитъ какой нибудь отрывокъ изъ нихъ. Дѣйствительность не такъ болтлива, какъ книга, и рѣдко намъ приходится досмотрѣть драму, часто начинающуюся при насъ.

Мы оставили селеніе; къ намъ присоединился одинъ изъ здѣшнихъ охотниковъ, чтобъ вмѣстѣ отправиться къ берегамъ Таравы. Мы объѣхали красивый заливъ Проприано до живописной долины, по которой протекаетъ Валинко. По мѣрѣ приближенія нашего къ Сартенѣ, скаты горъ теряли свою дикость; на нихъ стали показываться виноградники, хлѣбные посѣвы, и наконецъ на одномъ изъ выступовъ горы показался городъ. Сартену можно было бы скорѣе назвать селеніемъ, чѣмъ городомъ, но она пользуется заслуженною славою. Изъ всѣхъ округовъ Корсики этотъ извѣстенъ своими *вендетами*. Кому не извѣстна черта великодушія Червони, пришедшаго въ главѣ своихъ родственниковъ и друзей на помощь и спасеніе Паоли, смертельнаго врага своего, котораго осаждали въ Боціо и забывшаго на время личную свою месть для блага отечества. Когда освобожденный Паоли захотѣлъ пожать руку своему избавителю, тотъ уже былъ далеко, унося съ собою месть, нисколько не уменьшившуюся послѣ исполненнаго долга.

Вендета въ Корсикѣ такой же общественный предразсудокъ, какъ у насъ дуэль. Это «судъ Божій» среднихъ вѣковъ. Она не только отмщаетъ за обиды, но и за убытки. Вопросы о владѣніи имуществомъ, о границахъ его были поводомъ къ уничтоженію цѣлыхъ семействъ. Это арена, на которой каждый защищаетъ свое мнѣніе съ потерей жизни, только обширность этой арены занимаетъ пространство отъ Корсиканскаго мыса до Бонифачіо. Историкъ Филиппини говоритъ, что въ горахъ вы не встрѣтите не вооруженнаго жителя: бѣднѣйшій изъ нихъ носитъ ружье, стоящее не болѣе пяти-шести червонцевъ.

Если не на что купить ружья, то для пріобрѣтенія его продается послѣдняя виноградная лоза, послѣднее каштановое дерево. Нельзя не удивляться, встрѣчая людей, вся одежда которыхъ едва стоитъ поль-червонца, бѣдняковъ, лишенныхъ дневнаго пропитанія, но почитающихъ крайнимъ безчестіемъ лишиться своего ружья. За то земля вообще не обработана, и каждый день ознаменовывается новымъ убійствомъ. Это было писано въ XVI столѣтіи, но справедливо и нынче. Человѣкъ остался тотъ же. Въ послѣдніе двадцать лѣтъ, съ терпѣніемъ, мало-по-малу достигли до того, что обезоружили часть корсиканскихъ жителей, но одинъ день разрушилъ двадцатилѣтній трудъ. Въ 1848 году продано въ Корсикѣ болѣе двадцати тысячъ охотничьихъ ружей, и мы не видали ни одного безоружнаго корсиканца даже поселянина. Ружье здѣсь такъ обыкновенно, какъ нѣкогда шпага, какъ обыкновенна нынче трость или хлыстикъ. Рѣдко корсиканецъ довольствуется однимъ ружьемъ, вы увидите еще на немъ кинжалъ и пистолеть.

Бархатная куртка корсиканца ходячій арсеналь. Странно, что эти ссоры, эти междоусобныя войны скрѣпили семейныя связи. Рѣдко гдѣ кровныя узы уважаются такъ, какъ здѣсь. Корсиканецъ внесъ въ семейный кругъ привязанность къ отечеству. Каждая семья сдѣлалась отдѣльнымъ кланомъ, члены котораго поддерживали другъ друга, такъ что ссора между двумя сосѣдями часто раздѣляла селеніе на двѣ враждебныя партіи.

Глубокое чувство семейныхъ обязанностей, иногда даже переходившее предѣлы, было причиною многихъ семейныхъ доблестей, отличающихъ корсиканцевъ. Такъ законы гостепрѣимства нигдѣ столь строго не соблюдается, какъ между ними.

Мы прибыли уже поздно въ селеніе Калодарелли, близъ Монначіи. Ночь была темная; не зная у кого просить ночлега, мы, по совѣту Маттео, отправились къ священнику. Намъ развели большой огонь и подали яицъ и каштановъ. Священникъ былъ огорченъ, что не могъ угостить насъ чѣмъ нибудь лучшимъ. На другой день было воскресенье. Мы отстояли обѣдню въ бѣдной сельской церкви съ колокольней, устроенной на двухъ деревянныхъ столбахъ съ такою же перекладиною. Священникъ удержалъ насъ на нѣсколько дней у себя. Мы долго не забудемъ его радушнаго гостепрѣимства, вечеровъ, проведенныхъ въ бесѣдѣ у его огонька.

Къ похвалѣ корсиканцевъ должно сказать, что между ихъ поселянами грамотность болѣе распространена, чѣмъ между поселянами Франціи. Почти всѣ дѣти сельскихъ жителей умѣютъ читать и писать. Простота ихъ образа жизни не требуетъ многого. Иныя семейства питаются единственно молокомъ отъ стадъ своихъ и каштанами двухъ-трехъ деревьевъ, имъ принадлежащихъ. Каштаны замѣняютъ имъ хлѣбъ въ видѣ поленты, и если корсиканецъ имѣетъ еще сверхъ этого ружье, толстый плащъ и маленькую лошадку, онъ считаетъ себя богатымъ. Народъ этотъ состоитъ весь изъ аристократовъ въ курткахъ и штиблетахъ.

Вѣздъ въ городъ Бонифачіо представляетъ дикій и вмѣстѣ величественный видъ. Съ зеленыхъ, засѣянныхъ хлѣбомъ полей, вы вдругъ вѣзжаете въ узкое бѣлое ущелье. По иловымъ скатамъ горъ коегдѣ видна зелень; море и горизонтъ скрылись отъ вашихъ взоровъ; вы вдаетесь въ глубину небольшой долины безъ выхода, окруженной со всѣхъ сторонъ утесами и заканчивающуюся небольшимъ озеромъ, на тихой поверхности котораго качаются нѣсколько рыбачьихъ лодокъ. Поднявъ голову, вы видите на крутой, каменистой горѣ, перерѣзанной бѣлыми каменными полосами, составляющими лѣстницу, городъ, прилепленный къ утесу и окруженный стѣнами, раскаленными южнымъ солнцемъ. Маленькое озеро составляетъ портъ города, соединяясь съ моремъ узкимъ проливомъ.

Внутри, Бонифачіо, къ сожалѣнію, очень грязенъ, мраченъ и печаленъ. Не смотря, что городъ, такъ сказать, виситъ надъ водою, потому что подошва горы, на которой онъ выстроенъ, подмыта бурунами, моря изъ города почти не видно, такъ дурно расположены его скучныя улицы.

Изъ Бонифачіо мы отправились въ Порто-Веккіо, почти неизвѣстный городокъ въ малоизвѣстной Корсикѣ. Онъ лежитъ на скатѣ горы надъ обширнымъ рейдомъ, отсюда закрытымъ самою природою, какъ въ Тулонѣ и Смирнѣ. На этомъ рейдѣ не видно ни одного судна, развѣ изрѣдка нѣсколько рыбацкихъ лодокъ, за то по немъ разбросаны обломки гранита, составляющіе маленькіе острова, на которыхъ растутъ нѣсколько зонтико-образныхъ сосенъ. Городъ окружаетъ долина, покрытая лѣсомъ, перерѣзаннымъ прудами, на водахъ ихъ торчатъ вѣтви свалившихся и потонувшихъ деревь.

Непроходимые лѣса вышиною болѣе двадцати футовъ, переплетены лѣсами на протяженіе нѣсколько миль. Прогалины между лѣсовъ покрыты земляничными и ладоновыми кустарниками; все это окружено горами, на дикихъ скалахъ которыхъ не видно ни одного селенія. Мы легко могли принять Порто-Веккіо за отдаленное селеніе Новой Голландіи или какого нибудь уголка сѣверной Америки. И чтобъ дополнить сходство, намъ попалось при вѣздѣ въ Порто-Веккіо существо, необыкновенно гармонирующее съ окружающею его природою, что-то въ родѣ ловца бобровъ, какой-то полубразованный дикарь, существо, стоящее на рубежѣ цивилизаціи и невѣжественности, и на которомъ лежитъ два отпечатка двухъ міровъ. Это было нѣчто въ родѣ Куперова кожаного чулка, охотникъ на кабановъ, италіанскій кухмистеръ, лукскій земледѣлецъ, продавецъ шявокъ, мелкій торгашъ. Мы охотились съ нимъ вмѣстѣ; онъ хитеръ и понялъ, что только совершеннымъ уединеніемъ отъ людей можно купить себѣ право жить въ этой мудреной сторонѣ. Онъ создалъ себѣ свой образъ жизни, не знакомясь ни съ кѣмъ. Лучшее средство не нажить враговъ, состоитъ въ томъ, чтобъ избѣгать друзей. Благодаря этой системѣ, нашъ знакомецъ остался непричастенъ всѣмъ ссорамъ этого края, и умѣлъ, въ продолженіе двадцати-лѣтняго здѣсь пребыванія, удержать за собою названіе иностранца, что весьма выгодно въ этой сторонѣ.

Счастливая звѣзда свела насъ въ Порто-Веккіо съ однимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, бывшимъ морякомъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ поселившимся здѣсь и сдѣлавшимся муниципальнымъ судьей и почетнымъ гражданиномъ округа.

Этотъ челоуѣкъ, оставя службу, имѣлъ небольшое состояніе и получалъ пенсію лейтенанта. Ему ли, старому *морскому волку*, бросить было якорь житейской ладби въ маленькомъ провинціальномъ городкѣ, удовольствоваться кухнею мѣстной гостиницы и проводить въ ней дни и вечера, играя въ пикетъ и экарте? Нѣтъ, не того ждалъ онъ отъ заката своей жизни! Онъ мечталъ видѣть себя владѣльцемъ маленькаго домика, на скатѣ дикой горы, у окраины лѣса, обладателемъ хорошо-оснащеннаго судна на берегу моря, съ которымъ онъ, какъ съ старымъ другомъ, не хотѣлъ прерывать сношеній. Съ этими желаніями онъ прибылъ въ Порто-Веккіо, напрасно обойдя всѣ берега Франціи. Это было въ концѣ ноября. Солнце светило ярко и оживляло лучами одинъ изъ красивѣйшихъ пейзажей въ цѣломъ мірѣ. Онъ сѣлъ у берега въ двухъ-стахъ шагахъ отъ города, подъ тѣнью зеленыхъ дубовъ, въ концѣ оливковой

рощи, незамѣтнымъ скатомъ сбѣгающей къ заливу, защищенному утесами. Рядъ деревъ окружалъ берегъ, свѣсивъ въ воду длинныя вѣтви. Моряку показалось, что этотъ видъ ему знакомъ. «Вотъ чего я искалъ!» сказалъ онъ и поднявшись на ноги, пошелъ скорыми шагами по направленію къ городу съ видомъ человѣка, открывшаго свою Америку.

На другой же день онъ купилъ оливковую рощу и нѣсколько окружавшей ее земли, заплативъ за нее въ три-дорога и думая, что сдѣлалъ выгодную покупку, поѣхалъ во Францію; собравъ все свое имущество, возвратился сюда и немедленно приступилъ къ устройству жилища. Постройки и плата поденщикамъ чрезвычайно дороги въ Корсикѣ. Домъ поглотилъ весь капиталъ переселенца, но домъ былъ приведенъ къ концу, и гордо возвышался въ двадцати шагахъ отъ берега, смотря тремя окнами фасада на море и на одномачтовое судно, красиво раскачивающееся между зелеными вѣтвями прибрежныхъ дубовъ. И вотъ бывшій морякъ осуществилъ мечту всей своей жизни. Онъ провелъ первую корсиканскую зиму, отдыхая на лаврахъ, въ сладостномъ сознаніи оконченнаго труда.

Настала весна. Жители Порто-Веккіо стали собираться къ выѣзду. «Что случилось? спрашивалъ морякъ, куда это городъ переселяется?»

— Мы отправляемся въ горы, отвѣчали ему.

— Зачѣмъ?

— Мы бѣжимъ отъ лихорадки, и вы вѣрно послѣдуете за нами?

— Мнѣ оставить мое помѣстье? Вы меня смѣшите съ вашими лихорадками! Я, славу Богу, видалъ лихорадки всѣхъ возможныхъ формъ, и никогда не отступалъ передъ ними.

— Какъ вамъ угодно!

И жители съ своими пожитками продолжали переселеніе въ горы. Философъ остался въ помѣстьѣ, вмѣстѣ съ оставшимися въ городѣ нѣсколькими таможенными. Прошло лѣто. Лихорадка пощадила отважнаго помѣщика, который порядочно подтрунивалъ надъ городскими жителями, возвратившимися къ осени на приморскій берегъ. Настала вторая зима. Съ морякомъ случилось довольно странное приключеніе. Въ его оливковой рощѣ онъ сталъ часто встрѣчать довольно красивую дѣвушку, прекрасно сложенную, въ цвѣтномъ платкѣ, граціозно обвертывавшемъ ее голову. Она по временамъ ломала вѣтви деревьевъ. Морякъ вѣжливо замѣтилъ ей это, прося пощады деревьямъ его помѣстья.

— Что жъ тутъ дурнаго? сказала она ему однажды, и продолжала посѣщать рощу. Наконецъ она зашла къ нему въ домъ. Моряку это не совсѣмъ понравилось, онъ ее прогналъ бозъ церемоній.

Спустя нѣсколько дней послѣ этого, онъ не мало удивился, найдя на порогѣ своей двери письмо съ своимъ адресомъ. Вотъ его содержаніе:

Милостивый государь!

Я знаю, вы честный человѣкъ. Бѣдная Ж. призналась мнѣ, что вы ее обманули. Щадя вашу жизнь, она не хотѣла довѣриться братьямъ своимъ и предпочла обратиться ко мнѣ съ просьбою устроить дѣло. Пи-

шу вамъ съ дѣлю напомять, что съ вашей стороны нельзя иначе окончить дѣло, какъ бракомъ.»

Письмо было подписано незнакомымъ именемъ, а подъ нимъ находилось изображеніе двухъ кинжаловъ, положенныхъ крестообразно.— «Кому пришла охота меня мистифировать?» сказалъ самъ себѣ морякъ. Приключеніе это не выходило у него изъ головы, и онъ рѣшился разузнать о подписавшемъ письмо.— «Это извѣстный бандитъ, отвѣчали ему, но шутить съ нимъ опасно, если дорожишь своею жизнію.»— «Не имѣете ли вы съ нимъ какого дѣла?» спрашивали его между прочимъ.— Нѣтъ, ни какого. При мнѣ упомянули его имя и я полюбопытствовала узнать, что это за человѣкъ.

Хозяинъ помѣстья принялся за свои работы по имѣнію, но уже съ нѣсколько озабоченнымъ видомъ. Онъ занимался въ это время одинъ, безъ посторонней помощи, постройкою набережной по своему берегу. Всякій день онъ приносилъ по плитѣ, укладывая ее на мѣсто, сравнивъ предварительно землю.

Въ одинъ вечеръ, когда морякъ курилъ, отдыхая послѣ дневныхъ трудовъ у огонька своей кухни, къ нему подошелъ рослый мужчина, поклонился ему вѣжливо и просилъ позволенія переговорить съ нимъ наединѣ. Незнакомецъ не понравился хозяину, но онъ просилъ его войти въ комнату.

— Милостивый государь, я къ вамъ писалъ, сказалъ гость.

— Въ такомъ случаѣ позвольте вамъ сказать, что вы не въ своемъ умѣ.

— Вы ошибаетесь. Малютка обратилась ко мнѣ; она знаетъ, что я хорошій человѣкъ (galan'помо) и не терплю несправедливости. Она сказала мнѣ, что вы будете скоро отцемъ; я повѣрилъ ей словамъ, а извѣстно, что если я возьмусь за дѣло, то мнѣ почти всегда удается кончить его благополучно.

— Только въ настоящемъ случаѣ, едва ли это вамъ удастся, сказалъ морякъ сквозь зубы, едва сдерживая свое негодованіе.

— Видя однако, что вы не торопитесь исполнить мое желаніе, я собралъ нѣкоторыя свѣдѣнія, для чего рискнулъ даже показаться въ городѣ. Мнѣ хотѣлось облегчить свою совѣсть и удалось узнать, что эта дѣвчонка обманула меня. Я ей шепнулъ на ухо два-три словечка, которыя она не скоро забудетъ, и не хотѣлъ оставить этой стороны, не извинившись передъ вами.

— О, вы очень любезны, сказалъ морякъ, вздохнувъ свободнѣе. Вы вѣрно еще не ужинали?

— Нѣтъ еще. Вечеръ только что начался.

И два новые знаконца весело сѣли за ужинъ.

— А какъ бы вы поступили, спросилъ хозяинъ, провожая гостя уже за полночь, еслибъ дѣвушка сказала вамъ правду?

— Вы вѣрно женились бы на ней; я слишкомъ уважаю васъ, чтобъ думать иначе.

— Ну, а еслибъ я не сдѣлалъ этого?

— Такъ васъ осудилъ бы вотъ этотъ судья, сказалъ бандитъ, ступнувъ ружьемъ объ полъ.

Знакомцы разстались

Молодая дѣвушка не возвращалась болѣе въ оливковую рощу помѣстья, но за то лихорадка посѣтила моряка на слѣдующее лѣто. Онъ вынесъ ее благополучно, благодаря могучему тѣлосложенію, окрѣпшему въ двадцатилѣтнихъ странствованіяхъ по морямъ. Однако надобно было покориться и переселиться въ горы на лѣтнее время, по примѣру прочихъ жителей. Мало-по-малу морякъ сдѣлался чистымъ корсиканцемъ.

Охотясь разъ около полудня, я увлекся преслѣдованіемъ стада куропатокъ. У подошвы Талиороссо я наткнулся на человѣка, сидѣвшаго за камнемъ. Разспросивъ меня, по обыкновенію корсиканцевъ, откуда я и зачѣмъ въ этой странѣ, онъ предложилъ свести меня въ такое мѣсто, по близости, гдѣ я увижу множество перепелокъ. Я имѣлъ глупость послѣдовать за нимъ. Онъ сталъ подниматься на Талиороссо, и когда мы взобрались на самую вершину ея, спусти добрый часъ ходьбы, я въ самомъ дѣлѣ увидѣлъ многочисленныя стада куропатокъ. Онѣ взлѣтали на воздухъ, какъ букеты фейерверка, но неровность почвы, камни, колеблющіеся подъ вашими ногами, густые, непроходимые кустарники мѣшали до того охотѣ, что я двадцатью выстрѣлами едва могъ застрѣлить четырехъ куропатокъ. Начинало смеркаться. Я просилъ моего новаго проводника довести меня до города. Онъ было началъ спускаться со мною съ горы, но пройдя не много, остановился и почесывая за ухомъ, сказалъ мнѣ:

— Я бандитъ; я бы и далѣе провелъ васъ, да не могу безъ опасности для своей свободы.

Возражать было бы напрасно, не смотря на мою досаду.

— Пожалуйте мнѣ нѣсколько пороху; намъ, бѣднымъ бандитамъ, достать его очень трудно.

Я далъ ему пороху, хотя и не охотно, и продолжалъ путь, оставя его позади себя. Онъ вскорѣ опять догналъ меня и потребовалъ сѣрныхъ спичекъ, потомъ дроби, потомъ капсулей. Я далъ ему всего, чего онъ требовалъ, и думая, что окончательно отъ него отвязался, хотѣлъ пуститься въ путь, но онъ сталъ снова чесать у себя за ухомъ.

— У васъ очень хорошенькая пороховница, сказалъ онъ вкрадчиво.

— Да, не дурна, но дать тебѣ ее не могу, она у меня только одна и есть.

— Однако вы бы этимъ мнѣ доставили большое удовольствіе.

— Убирайся къ чорту! сказалъ я наконецъ, выведенный изъ терпѣнія, и принялся шагать съ опасностью сломить себѣ шею.

На поворотѣ дороги я взглянулъ на бандита. Онъ стоялъ на томъ же мѣстѣ, и казалось, размышлялъ. «Если онъ еще вздумаетъ почесать и себя за ухомъ, не быть добру», подумалъ я, и еще прибавилъ шагу. Уже совершенно стемнѣло. То, что я предчувствовалъ—случилось: я заблудился. То я спускался въ оврагъ, то выходилъ къ какому-то пруду. Я мысленно проклиналъ мою пороховницу, имѣющую несчастье прельстить бандита. Плутая между кустарниками и незная куда направить путь, я вдругъ услышалъ два выстрѣла во ста шагахъ отъ меня. Соба-

ка моя бросилась, какъ стрѣла, и я нашелъ товарищей охоты, которыхъ бросилъ, гоняясь за куропатками.

Бандиты опустошаютъ выиѣ Сартенскій округъ. Исторія каждаго изъ нихъ почти одинакова. Свершивъ «вендетту,» они пробираются въ Сардинію, если имъ позволяютъ средства, иначе же скитаются въ лѣсахъ, питаются и скрываются съ помощью пастуховъ. Болѣзни и лишения вынуждаютъ ихъ возвращаться, чтобъ занять денегъ у знакомыхъ. Они потомъ облагаютъ данью жителей, и въ случаѣ сопротивленія, убиваютъ ихъ лошадей, коровъ, стада и наконецъ становятся грабителями на большихъ дорогахъ.

Нынче бандитовъ преслѣдуютъ, какъ хищныхъ звѣрей. Ихъ уничтожено очень много въ послѣдніе шесть мѣсяцевъ. Говорятъ, что предають и убиваютъ ихъ прежніе пріатели—пастухи. Намъ рассказали пріключенія Серафино и Массони, двухъ извѣстныхъ бандитовъ въ окрестностяхъ Кальви, которыхъ пастухъ напоилъ водкой съ опиумомъ и предалъ ихъ въ сонномъ видѣ жандармамъ.

Какъ у всѣхъ народовъ, привыкшихъ къ лѣни и бездѣйствію, вы встрѣтите здѣсь женщинъ, одаренныхъ энергіею и дѣятельностью, которыхъ недостаетъ у мужчинъ. Корсиканки исполняютъ всѣ трудныя работы. Въ Кальви красивая молодая женщина тащила на своихъ плечахъ нашъ тяжелый чемоданъ, между тѣмъ, какъ мужъ ея, куря трубку, съ видомъ барина, разговаривалъ съ нами. Впрочемъ, нравы эти ведутся здѣсь изстари. Мы уже приводили слова Филиппини, говоря о мужчинахъ, теперь представляемъ черты этихъ мужественныхъ созданий женскаго рода, почерпнутыя нами изъ словъ Петра Корсиканскаго: «Вы часто увидите женщинъ, говоритъ онъ, идущихъ къ источнику съ кувшиномъ на головѣ, ведя за собою лошадь, окрутивъ поводья около локтя, и неся веретено въ рукахъ. Подойдя къ источнику, онѣ поятъ лошадь, наполняютъ кувшины водою и возвращаются домой тѣмъ же путемъ, суча веретено. Онѣ добродѣтельны и спятъ очень мало.»

Не напоминаетъ ли эта картина страницу изъ Одиссеи?

На разстояніи одной мили кругомъ Пуццикелло, разбросаны пастушескія хижины. Собаки съ торчащими ушами и мохнатою шерстью замѣняютъ пастухамъ гончихъ и борзыхъ. Хижины ихъ выстроены изъ кольевъ, воткнутыхъ въ землю и преплетенныхъ вѣтвями. вмѣсто крыши дѣлается настилка и насыщается толстымъ слоемъ земли, не позволяющимъ воздуху проникать внутрь, а между тѣмъ въ этихъ жилищахъ помѣщаются семейства, состояція часто изъ семи, восьми душъ. Огонь разводится у входа, служащаго дверью и трубою. Ночью, когда подходишь къ этимъ хижинамъ, при свѣтѣ огня можно увидѣть всю семью, лежащую на землѣ въ повалку. У хижины насется обыкновенно спутанная по ногамъ худая лошаденка, а за хижиною находится выкопанная яма въ видѣ погреба, для храненія молока и сыровъ. Пастухи перекликаются между собою посредствомъ маленькихъ бычачихъ рожковъ или раковинъ съ отверзтіями по обимъ концамъ. Звукъ ихъ нѣженъ и однообразенъ, но разносится и слышенъ на большихъ разстояніяхъ.

Маленькая дрянная деревушка Алерія стоитъ на мѣстѣ прежняго города, основаннаго Силлою. Хотя съ трудомъ, но кое-гдѣ можно еще отыскать его развалины. Маленькая крѣпостца и нѣсколько мазанокъ лѣпятся по горѣ, возвышающейся одиноко и чернѣющей на синевѣ моря. Эта гора, пожелтѣвшая отъ солнечнаго жара, возвышаясь надъ прочими дикими скатами съ рѣдко растущими на нихъ оливковыми деревьями, очень напоминаетъ одинъ изъ видовъ Сиріи или Палестины. Дианинъ прудъ, служившій городу портомъ, выкопанъ у подошвы горы.

Мы встрѣтили въ гостиницѣ одного молодого доктора, воспитаннаго и прекрасной наружности. Получивъ образованіе во Франціи, возвратился онъ сюда, и на первыхъ порахъ попалъ въ непріятную исторію, которая совершенно его разорила. По милости лихорадки онъ не засталъ своего отца въ живыхъ, а имѣніе нашель въ страшномъ разстройствѣ. Медицина не можетъ поддержать человѣка въ странѣ, гдѣ годовая плата меду не превышаетъ пятнадцати франковъ. Докторъ хотѣлъ сохранить по-крайней-мѣрѣ остатки своего имущества. Ему принадлежали доли въ одной деревушкѣ, въ которой обитало бѣдное семейство уже болѣе двадцати лѣтъ, не платя за то ни гроша. Отецъ молодого доктора не тревожилъ бѣдняковъ, зная, что въ этой семьѣ были миленькія дѣти. Но дѣти выросли и могли уже снискивать себѣ пропитаніе сами. Докторъ рѣшилъ, что настало время свести счеты между хозяиномъ и постояльцами. Онъ объявилъ имъ, что прошлое до него не касается, и за него онъ платы не требуетъ, но что впередъ за наемъ дома онъ будетъ требовать уплаты.

Къ концу года докторъ потребовалъ расчета; старикъ, отецъ семейства раскричался при этомъ требованіи: «Я такъ давно живу въ домѣ, говорилъ онъ, что онъ принадлежитъ мнѣ, по праву давности.» Дѣло завязалось. Вдругъ между двумя тяжущимися явилось третье лицо—бандитъ Дечіо, обложившій цѣлыя селенія податью. Онъ написалъ доктору письмо, въ которомъ становился самоуправно его судьей, приказывая оставить постояльцевъ въ покоѣ, какъ истинныхъ владельцевъ дома, а предписалъ доктору заплатить за судебныя издержки. Молодой докторъ, только что кончившій изученіе правъ въ университетѣ, былъ пораженъ содержаніемъ письма, и конечно, оставилъ его безъ отвѣта. Дечіо написалъ ему второе письмо, повторивъ въ немъ все сказанное въ первомъ, только съ прибавленіями 800 франковъ пени въ свою пользу, а въ случаѣ непослушанія грозилъ доктору смертью изъ-за-перваго куста. Молодой человѣкъ отослалъ второе письмо бандита къ генералъ-прокурору, а самъ рѣшился не выходить пока изъ дома. Но это заключеніе отняло у него послѣднюю практику, и въ скоромъ времени ему было нечѣмъ жить. Онъ наконецъ принялъ намѣреніе или отважно умереть, или выйти изъ такого непріятнаго положенія. Онъ написалъ бандиту, что покоряется его требованіямъ, и потому намѣренъ прежде переговорить съ нимъ. Дечіо согласился прійти на свиданіе, но съ условіемъ, что докторъ явится одинъ и безоружный. Докторъ тщательно спряталъ пистолеты въ карманъ и явился въ назначенномъ мѣстѣ.

Но тамъ онъ увидѣлъ вмѣсто Дечіо, мальчика пастуха, который велѣлъ ему продолжать путь по его указанію. Маневръ этотъ повторился нѣсколько разъ. Докторъ переходилъ отъ пастуха къ пастуху, и наконецъ прибылъ въ уединенное мѣсто, окруженное утесами. На одномъ изъ нихъ онъ увидѣлъ Дечіо и еще двухъ бандитовъ, вооруженныхъ съ ногъ до головы. Начались переговоры.

Съ высоты утеса Дечіо предлагалъ свои условія:

Возвратить немедленно свободу отцу семейства постояльца доктору, посаженнаго въ тюрьму по распоряженію генераль-прокурора; передать ему домъ въ вѣчное потомственное владѣніе, совершенное по всѣмъ существующимъ формамъ, а за труды и посредничество бандита, написать вексель на 2000 франковъ на имя третьяго лица. Дечіо имѣлъ при себѣ чернилицу, перо, гербовую бумагу.

— Если ты только пошевелинешся, сказалъ онъ доктору, начавъ спускаться съ утеса, эти два молодца подстрѣлятъ тебя, какъ куропатку.

— Развѣ вы не видите, что я безоруженъ! сказалъ докторъ.

Дечіо сошелъ внизъ и сталъ вынимать чернилицу изъ кармана; докторъ выхватилъ пистолетъ и всадивъ пулю въ лобъ бандита, убилъ его на повалъ, потомъ схватилъ его ружье и проворно скрылся за выступомъ утеса въ то самое мгновенье, какъ двѣ пули прожужжали мимо его ушей. Онъ сбѣжалъ по скату горы, скользя между кустовъ, какъ ящерица, и успѣлъ скрыться отъ преслѣдованій бандитовъ, которые рассказали въ послѣдствіи, что докторъ поступилъ отважно, и что, не бывъ родственниками Дечіо, они не обязаны были мстить за его смерть. Эта черта храбрости приобрѣла доктору друзей; но Дечіо оставилъ послѣ себя десятилѣтняго сына, который усердно занимался стрѣльбою въ цѣль, и доктору представляется будущность не совсѣмъ розоваго цвѣта. Онъ намъ рассказывалъ съ плачевнымъ видомъ эту непріятную исторію, сидя у каміна бѣдной гостиницы. Здѣсь со всѣхъ сторонъ вы слышите подобныя исторіи; рассказы о нихъ преслѣдовали насъ во время нашего путешествія по Корсикѣ. Судебныя мѣста не могутъ уничтожить этого бича дикихъ временъ.

Не смотря на всѣ эти ужасы, нельзя не любить Корсики, этой благодатной страны, гдѣ нѣтъ никакихъ зловредныхъ животныхъ, ни волковъ, ни скорпионовъ, ни змѣй; страны, гдѣ тропическія растенія растутъ рядомъ съ бургондскою виноградною лозою, гдѣ такое множество гигантскихъ букowychъ и пробковыхъ деревьевъ и сосенъ; гдѣ безъ удобренія произрастаютъ всѣ огородныя овощи и хлѣба. Корсика островъ съ берегами, прорѣзанными заливами, какъ берега Неаполя, портами и рейдами, какъ въ Смирнѣ, богатыми долинами, въ которыхъ текутъ минеральные источники, горами еще не разработанными, хранящими въ нѣдрахъ своихъ множество дорогихъ минераловъ: круглые куски гранита и шаровидный порфиръ, свинецъ и сурьму, серпентинъ и мраморъ. Эти долины, горы, равнины покрыты прекрасными дорогами. Со временемъ иссушатся и болота, исправятся рейды и набережныя, воздвигнутся храмы, но измѣнится ли нравъ корсиканца?

Сколько нужно столѣтій, чтобъ забылось въ Корсикѣ столько безпорядковъ, уничтожилось столько гибельныхъ предразсудковъ, столько пороковъ, почитаемыхъ за доблестныя качества!

Въ наше кратковременное пребываніе здѣсь, насъ особенно поразила привѣтливость туземцевъ къ путешественникамъ иностранцамъ, и разнообразіе видовъ и пейзажей. Не ищите здѣсь ни памятниковъ, ни историческихъ воспоминаній. Исторія Корсики отдѣлилась отъ общаго европейскаго движенія. Островъ, состоящій изъ длинной цѣпи горъ, довольно похожихъ видомъ на оставъ опрокинутаго корабля. Ихъ окружаетъ полоса равнинъ, болѣе или менѣе узкихъ, смотря по тому идутъ ли горы къ берегу, или углубляются внутрь острова. По этому общему виду можно подумать, что берега Корсики разнообразны, а между тѣмъ ни одинъ кантонъ его, ни одна область не похожа на другую. Аячіо, новый городъ, полу-французскій, полу-корсиканскій, не похожъ ни видомъ, ни нравами жителей на чисто-итальянскій городъ Бастію. Сосѣдство Тосканы отражается на мраморныхъ и золоченыхъ храмахъ его. Окруженный горами Корте, у подошвы Монтерондо, съ его цитаделью, красивыми мостами, двумя рѣками, сжатými горизонтами, нисколько не похожъ на Иль-руссъ, маленькій приморскій городокъ, заканчивающій собою Баланъ, этотъ Корсиканскій Провансъ.

Бонифачіо городъ генуэзскій; Каргезъ — греческій. Корсиканскій Мысъ похожъ на побережья Роны; озеро Нино напоминаетъ Альпійскія озера, и нисколько не похоже на Урбинское и Діанино озера.

Прелестная пещера Брандо, съ своими прозрачными переходами и фантастическими сталактитами не имѣетъ ничего общаго съ углестыми сводами Sdragunau, Драконова грота близъ Бонифачіо. Тутъ буковыя и пробковыя деревья, тамъ оливковыя роши и виноградники, далѣе каштановыя.

Что касается до обработанныхъ оазисовъ, они не занимаютъ и десятой части острова.

Только въ одной Корсикѣ можно найти селеніе, подобное Боконьяно, окруженное каштановыми деревьями, плоды которыхъ служатъ жителямъ вмѣсто хлѣба. Здѣсь вся Корсика, съ ея темными домами, съ преданіями и домашними вепрями, роющими улицы. Въ другихъ мѣстахъ Корсики вы вспомните Италію, Провансъ, Дофине, Швейцарію, Востокъ. Только здѣсь истинная Корсика безъ чужеземной примѣси съ ея плащами изъ козихъ шкуръ, остроконечными шапками и темными шерстяными колпаками. Здѣсь—Корсика среднихъ вѣковъ, съ непримиримою враждою ея обитателей другъ къ другу, съ главами семействъ, старшинство которыхъ передается отъ отца къ сыну, съ незапамятныхъ временъ. Здѣсь, на чистомъ горномъ воздухѣ сохранилась древняя Корсика, какъ сохранился древній римскій міръ въ Помпеѣ, подъ пепломъ Везувія. Только тамъ міръ мертвецовъ и скелетовъ, а здѣсь міръ живой и шумный, съ крѣпостью тѣлосложенія и избыткомъ кипучей жизни.

Въ теченіе послѣднихъ двадцати-лѣтъ, открыто здѣсь много новыхъ дорогъ. Не считая сообщенія между Корсиканскимъ Мысомъ и Сентъ-Флораномъ, прекрасная дорога идетъ отъ Аячіо въ Бастію, перерѣзываетъ діагонально дорогу въ Корте и выходитъ на Кальви и Иль-руссъ. Наконецъ береговая дорога кругомъ всего острова нынче приведена къ окончанію.

IV.

ПЕТЕРБУРГСКІЙ ВѢСТНИКЪ.

I.

ЛИТЕРАТУРА.

I. ЖУРНАЛИСТИКА.

Апрѣльская книга Современника. — Г. Станицкій и его литературная дѣятельность. — Какъ иногда легко сдѣлаться писателемъ. — Легкая литература. — Легкость современныхъ стиховъ и прозы. — Беллетристы съ претензіями. — Содержаніе и цѣль *Мелочей жизни*. — Лица и характеры этого романа. — Чѣмъ оправдывается его названіе. — Пропускъ одной части. — Слогъ, остроуміе и поэзія г. Станицкаго. — Стихотворенія. — Переводъ г. Гербеля *Раздѣла земли*. — Старый переводъ этого стихотворенія. — *Весенній бредъ* г. Майкова. — Ложная идея этихъ стиховъ. — Графъ Толстой и его стихотворенія. — *Умьренность*. — Седьмая и двадцать четвертая книга Москвитянина. — Переводъ послѣднихъ пѣсень Дантова-Ада. — Стихъ г. Мина. — Современные стихи г. Гурланде, написанные четырнадцать лѣтъ тому назадъ г. В. зотовымъ.

Въ прошломъ номерѣ мы остановились на разборѣ послѣдней книжки «Современника» и должны теперь возвратиться къ нему же. Намъ осталось еще поговорить о стихахъ, которыми такъ богата апрѣльская книга этого журнала; но въ ней же оканчивается и романъ г. Станицкаго: «Мелочи жизни». По этому мы обратимся сначала къ роману, тянувшемуся четыре мѣсяца, принявъ за правило начинать всегда съ худшаго, чтобъ оканчивать лучшимъ. Въдъ и въ жизни, если намъ необходимо испытать въ данное время пріятное и непріятное, не лучше ли начинать съ послѣдняго? Переходъ отъ дурнаго къ хорошему гораздо

легче, нежели отъ хорошаго къ дурному. Въ болѣзни сначала принимаютъ лекарство, а потомъ заѣдаютъ его чѣмъ нибудь сладкимъ.

Скажемъ сперва нѣсколько словъ о значеніи г. Станицкаго въ литературѣ и прежней его дѣятельности.

Въ исторіи всѣхъ литературъ бываютъ періоды, въ которые очень легко сдѣлаться писателемъ всякому, кто волей или неволей вертится въ кругу литературномъ, имѣетъ частыя сношенія съ присяжными писателями, читаетъ много, и по обязанности или отъ скуки слѣдитъ за всѣми современными произведеніями... Въ такіе періоды появляется обыкновенно множество недозрѣлыхъ, хотя, можетъ быть, въ тоже время и перезрѣлыхъ авторовъ, все достоинство которыхъ заключается въ легкомъ слогѣ, въ умѣнни вѣрно скопировать какое нибудь лицо и живьемъ перенести его въ свое сочиненіе. Объ изученіи предмета, объ идеѣ, о цѣли произведенія, даже о простой образованности тутъ нѣтъ и рѣчи. Безъ всего этого легко обходится подобный сочинитель, котораго легко читаютъ и также легко забываютъ. Для произведеній этихъ лицъ составленъ былъ даже разрядъ *легкой литературы*, надъ которою такъ остроумно смѣялся покойный Неваховичъ въ своемъ превосходномъ «Ерлашѣ», (NB не *литературномъ*). Нѣкоторые изъ этихъ писателей бываютъ очень милы въ обществѣ, гдѣ разсуждаютъ такъ же легко обо всемъ какъ пишутъ, и съ ними бываетъ иногда пріятно встрѣтиться, поговорить слегка, какъ бываетъ подъ часъ не скучно прочесть ихъ легонькій разказецъ, или романчикъ, которымъ они сами не приписываютъ часто никакой цѣны. Есть, впрочемъ, между ними господа—и къ несчастію составляющіе большинство,—которые, напечатавъ нѣсколько десятковъ и сотенъ страницъ, воображаютъ, что они сдѣлались отъ этого настоящими писателями, что назначеніе и призваніе ихъ—разрѣшать глубокіе вопросы, занимающіе современное человѣчество и въ свою очередь задавать ему другіе, еще глубочайшіе. По этому, начавъ съ удобочитаемаго и перевариваемаго разказа, господа эти оканчиваютъ иногда произведеніями, въ которыхъ всѣми силами стараются доказать что-то, и доказываютъ, увы! только одно: что они не способны ровно ничего доказать. Претензіи сгубили не одного порядочнаго человѣка какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ.

Нашъ языкъ, не вполне еще разработанный въ филологическомъ и даже грамматическомъ отношеніи, во вторую четверть нынѣшняго столѣтія сдѣлалъ огромные успѣхи въ отношеніи къ слогу, умѣнью выражать свои мысли ясно и правильно. Критики наши давно уже замѣтили, что всѣ современные и сколько нибудь замѣчательные поэты иначе не пишутъ какъ совершенно гладкимъ стихомъ. Тяжелый стихъ

въ наше время такая рѣдкость, что встрѣча съ нимъ поражаетъ читателя, какъ встрѣча съ какимъ нибудь ихтиозаурусомъ или птеродактилемъ, животными допотопнаго міра. Отличительное свойство нашихъ повѣстей, фельетоновъ, очерковъ,—также легкость слога, и если многіе изъ нашихъ даже замѣчательныхъ литераторовъ пишутъ тяжело и вычурно, то единственно для того, чтобъ отличиться отъ другихъ, составить свой собственный слогъ, чтобъ писать по-крайней-мѣрѣ не такъ какъ другіе, если они пишутъ тоже, что другіе. Мы даже думаемъ, что наши критики и составители ученыхъ статей могли бы писать такъ же легко и гладко, какъ беллетристы, еслибъ не думали, что серьезная статья должна быть написана особеннымъ, *ученымъ* языкомъ.

Первое и едвали не единственное достоинство рассказовъ г. Станицкаго состоитъ въ гладкомъ языкѣ. Имя этого писателя явилось прежде всего вмѣстѣ съ именемъ г. Некрасова. Долгое время они работали вмѣстѣ, и произвели, между прочимъ, географическій романъ «Три страны свѣта» и наркотическій «Мертвое озеро». По этимъ произведеніямъ нельзя было судить о дарованіи г. Станицкаго, потому что нельзя было знать, что въ этомъ романѣ принадлежало Н. Некрасову и что Н. Станицкому. Видно было только по всему, что первый былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этихъ произведеніяхъ, а второй только помогалъ ему, выражалъ, такъ сказать, въ оживленной формѣ, родникъ вдохновенія г. Некрасова. Усердный сотрудникъ новаго поэта, раздѣлявшій въ тоже время литературныя занятія съ г. Некрасовымъ, г. Станицкій, вскорѣ почувствовалъ, что богатство его воображенія можетъ удовлетворить самымъ многочисленнымъ и разнообразнымъ требованіямъ, и не сознаваясь уже ни въ какомъ сотрудничествѣ, издалъ одинъ, подъ своимъ именемъ, нѣсколько легкихъ рассказовъ, изъ которыхъ замѣчательнѣе другихъ былъ рассказъ «Капризная женщина»; въ немъ писатель выразилъ, какъ въ зеркалѣ, портретъ, хотя и не капризной, но скорѣе пустой и взбалмошной женщины съ большимъ искусствомъ, совершенно субъективно. Расскажемъ теперь содержаніе новаго романа г. Станицкаго.

На пароходѣ, возвращающемся изъ Петергофа въ Петербургъ, встрѣчаются два пріятеля: Анатолий, художникъ чахоточный и геніальный, какіе нѣкогда были въ большой модѣ въ русской литературѣ, и Борисъ, пустой, свѣтскій человекъ, тянущійся за аристократами, также давно знакомый намъ по повѣстямъ г. Панаева. На этомъ же пароходѣ ѣдетъ дѣвушка, дурно одѣтая, дочь бѣдныхъ, но благородныхъ родителей, которою оба пріятеля начинаютъ интересоваться, а художникъ говоритъ даже грубости дамѣ, у которой эта дѣвушка служитъ компаньонкой.

Слѣдуетъ между художникомъ и *онагрѣмъ*, какъ г. Панаевъ называлъ нѣкогда лицъ, подобныхъ Борису, длинный разговоръ, въ которомъ одинъ доказываетъ пустоту свѣтской жизни, а другой необходимость слѣдовать ея уставамъ. Эти новыя варіаціи на старую тему оканчиваются разсужденіями автора о губительномъ вліяніи свѣтскости и страсти жить выше своихъ средствъ, на лица, неизмѣющія состоянія. Все это, конечно, справедливо, но обо всемъ этомъ было писано тысячу разъ, даже въ фельетонахъ Новаго Поэта.

За этой сценой, неизвѣстно почему названной прологомъ, слѣдуетъ описаніе одного пансіона въ Москвѣ, его содержательницы, Ирины Андреевны, ея подругъ и гувернантокъ. Портреты этихъ лицъ изображены дагеротипно вѣрно, но такъ же безжизненны, какъ дагеротипныя изображенія. Въ этомъ пансіонѣ опять сходятся Борисъ и Анатолю, и тамъ же живетъ дѣвушка, которую они видѣли на пароходѣ. Анатолю любитъ ее страстно и молчитъ, какъ художникъ. Борисъ, какъ онагръ, влюбляетъ ее въ себя и потомъ женится на ней, чтобъ показать, что онъ благородный человекъ. Молодые уѣзжаютъ въ деревню Бориса. Вся эта исторія растянута на семидесяти страницахъ слишкомъ.

Во второй части сто страницъ романа читаются еще съ большимъ трудомъ. Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ. Героиню свою, Леночку первой части, авторъ зоветъ вездѣ Элень, очень благозвучное имя, которымъ скорѣе слѣдовало бы назвать ея мужа. Элень развертывается въ этой части самымъ неожиданнымъ образомъ, и въ первой же сценѣ говоритъ колкости и почти дерзости своему мужу; всѣ послѣдующія сцены между супругами только варіаціи на ту же тему; Элень и Борисъ ссорятся чуть не на каждой страницѣ. Для разнообразія авторъ выводитъ множество эпизодическихъ лицъ, Андрея Нилыча съ Настасьей Семеновной, и дочерью ихъ Машенькой, Анну Ивановну съ мужемъ своимъ Сержемъ и племянницей Варенькой, Алексѣя Петровича Брускова съ сыномъ своимъ Павломъ Алексѣевичемъ. Послѣдній впрочемъ необходимъ для романа, потому что вмѣсто Анатоля, умершаго таки наконецъ отъ чахотки, онъ влюбляется въ Элень, разумѣется, молча и платонически. Вмѣстѣ съ нимъ влюбляется въ нее еще другой онагръ Нестужевъ, которому мадамъ Элень поминутно говоритъ грубости. Борису въ это время очень нравится Варенька. Слѣдуетъ нѣсколько утомительныхъ сценъ между всѣми этими лицами, описанія визитовъ, баловъ, сплетней, ссоръ, до того неинтересныхъ, что съ трудомъ дочитываешь эту часть до конца, когда Элень и Борисъ уѣзжаютъ, неизвѣстно зачѣмъ, въ Петербургъ.

Съ тяжелымъ чувствомъ взяли мы третью часть романа, ожидая

найти въ ней такое же скучное описаніе жизни этихъ неинтересныхъ супруговъ въ Петербургѣ, но по счастію пребываніе ихъ въ столицѣ описано на одной страничкѣ, и они снова возвращаются въ свою деревню, неизвѣстно зачѣмъ, какъ неизвѣстно зачѣмъ уѣзжали изъ нея. Тамъ Элень находитъ перемѣну; молчаливый поклонникъ ея, Павелъ Брусковъ, влюбленъ въ кокетку Вареньку, и вскорѣ женится на ней. Потомъ супруги опять продолжаютъ ссориться; Борисъ опять, неизвѣстно зачѣмъ, уѣзжаетъ въ Петербургъ, и слѣдующая VIII глава происходитъ въ столицѣ. На сцену является совершенно новое лицо, какая-то Наталья Григорьевна съ мужемъ своимъ, строгимъ чиновникомъ. Они живутъ подлѣ Брускова, также переселившася съ молодою женою въ Петербургъ. Авторъ говоритъ объ этой Натальѣ Григорьевнѣ, какъ о лицѣ знакомомъ уже читателю, и какъ ни привыкли мы къ появленію въ этомъ романѣ новыхъ и совершенно не нужныхъ лицъ, къ перенесенію дѣйствія изъ одного мѣста въ другое, также ничѣмъ не оправдаваемому, но нашли, что этотъ переходъ къ вовсе неизвѣстнымъ лицамъ и событіямъ очень рѣзокъ. Думая однакоже встрѣтить далѣе объясненіе, мы продолжали читать романъ, вооружившись, сколько могли, терпѣніемъ, и узнали, что у жены Брускова, Варвары Васильевны, уже трое дѣтей, что она оказалась пустою женщиной (свойство, общее всѣмъ героинямъ г. Станицкаго) и вовсе ими не занимается, а нянчить ихъ таже великодушная Наталья Григорьевна, философствуя и сентиментальничая въ тоже время съ самимъ Брусковымъ. Онъ трудится, чтобъ содержать свое семейство и для развлеченія отъ трудовъ, вздыхаетъ, бесѣдуя съ Натальею Григорьевной, какъ нѣкогда вздыхалъ бесѣдуя съ Элень. Супругъ Натальи Григорьевны куда-то уѣзжаетъ; она переселяется на дачу къ Брусковымъ. Варвара Васильевна то ревнуетъ, то успокоивается, то опять ревнуетъ. Въ Петербургъ пріѣзжаетъ опять и Элень, неизвѣстно зачѣмъ; она поселяется на дачѣ подлѣ Брусковыхъ, сначала вздыхаетъ немного по немъ, но потомъ беретъ на себя роль женщины, полной самоотверженія, спасаетъ нѣсколько разъ Брускова отъ подозрѣній, впрочемъ довольно основательныхъ, Варвары Васильевны и мужа Натальи Григорьевны; потомъ Брусковы переѣзжаютъ въ городъ, а она съ мужемъ ѣдетъ въ провинцію. Элень возвращается въ свою деревню, еще разъ встрѣтается съ Натальею Григорьевной, и романъ оканчивается.

Когда, жалѣя о потерянномъ времени, мы закрывали книгу «Современника», въ которой окончилась эта утомительная исторія, то съ удивленіемъ и вмѣстѣ съ нѣкоторою радостью увидѣли, что вмѣсто четырехъ частей прочли только три, пропустивъ вовсе мартовскую книгу «Современника» и третью часть романа... Но неужели послѣ того, что

мы уже рассказали, читатели потребуютъ, чтобъ мы возвратились къ этой исторіи, и передали имъ содержаніе третьей, пропущенной нами книги? Что можетъ прибавить эта часть къ роману, кромѣ сотни страницъ? Не лучше ли остановиться на томъ, что мы уже знаемъ?.. Поэтому, надѣясь вполнѣ на снисхожденіе читателей, мы рѣшились избавить себя отъ труда читать третью часть, а ихъ отъ скуки—знать, что въ ней заключается.

И потомъ, развѣ не великодушно поступаемъ мы, не рѣшаясь раскрыть эту заколдованную часть? Не вправѣ ли сказать намъ авторъ, что въ ней—то именно находится лучшая сторона романа, его эссенція, самая *суть*. И мы не вправѣ будемъ возражать противъ этого, потому что не читали этой части, не прочтемъ даже и тогда, если насъ будутъ увѣрять, что это верхъ совершенства. Пусть дѣлаютъ съ нами что хотятъ; но признаемся, что нами овладѣваетъ классическій ужасъ при одной мысли вернуться ко всѣмъ этимъ Брусковымъ, Натальямъ Семеновнамъ, Настасьямъ Васильевнымъ, Эленямъ съ высокими чувствами и таковымъ же слогомъ, ко всѣмъ этимъ героямъ и героинямъ этихъ дрязгъ жизни.

Не спрашиваемъ уже, что хотѣлъ сказать авторъ своимъ романомъ, въ чемъ его основная идея. Описать *мелочи жизни*? Но въ романѣ ихъ нѣтъ и слѣда. Все это, пожалуй, мелочныя лица, мелочные характеры, но они сами виноваты во всемъ, что съ ними случается; мелкія обстоятельства не тяготѣютъ надъ ними, не опутываютъ ихъ своею неразрывною цѣпью, не заставляютъ поступать вопреки своихъ желаній и убѣжденій; они не испытываютъ ни матеріальнаго, ни моральнаго принужденія. Никакой борьбы не можетъ быть между этими лицами, потому что надобно быть уже черезъ-чуръ пустымъ человѣкомъ, чтобъ не умѣть справиться съ такою женою, какъ Варвара Васильевна, или быть уже черезъ-чуръ непосредственною натурою, какъ Элень, чтобъ ссориться всю жизнь съ такимъ пустымъ мужемъ, какъ Борисъ. Автору видимо хотѣлось изобразить антагонизмъ мелочныхъ и возвышенныхъ натуръ, принужденныхъ обстоятельствами идти по одному пути въ жизни, но онъ не успѣлъ сдѣлать этого, потому что его возвышенныя природы оказались въ сущности такими же мелочными, только поставленными на ходули. Вся возвышенность ихъ заключается только во вздохахъ и жалобахъ, что ихъ не понимаютъ. Изъ этихъ безцвѣтныхъ характеровъ ярче всѣхъ выдается одна Наталья Григорьевна, и именно потому, что авторъ изобразилъ ее просто, не придавая ей никакихъ претензій. Но ни жизни, ни даже настоящихъ мелочей нѣтъ въ этихъ «Мелочахъ жизни.» Мы видимъ въ нихъ только мелочь характеровъ и таланта.

Были у нас романы безъ героевъ, безъ интриги, безъ развязки; ко всему этому г. Станицкій прибавилъ еще романъ безо-всякаго интереса.

Мы говорили, что въ этомъ писателѣ было прежде хоть достоинство легкости слога. Къ сожалѣнію, не можемъ сказать даже этого о новомъ его романѣ. Онъ написалъ такъ небрежно и дурно по-русски, какъ будто авторъ его собирался прямо въ геніи. На каждой страницѣ попадаются самыя изысканныя и неправильныя выраженія. Выбрать не стоитъ. Возьмемъ нѣсколько фразъ на удачу: «Пренебреженіе Элень къ нѣкоторымъ свѣтскимъ мелочамъ, возмущало его до такой степени, что онъ сдѣлался жестокъ къ робости Элени, къ естественной простотѣ, рѣзко выдававшейся среди полусвѣтскихъ дамъ.»—«Борисъ Оедорычъ, *устыженный* своимъ равнодушіемъ.» «Первые шаги такой женщины въ обществѣ *есть* непрерывный рядъ удивленія.» «Безконечные счеты, грозные довершители домашнего ада.» «Гантированная рука легко устранить васъ съ позиціи.» Эти французскія слова тѣмъ страннѣе встрѣтить, что авторъ повидимому плохо знакомъ съ французскимъ языкомъ. Такъ онъ пишетъ по-французски *bel-soeur*, а по-русски скорлатина, транспоранъ, я всегда дефонсировалъ дружбу женщинъ, кремъ-де-коль и другія рѣдкости. Иногда онъ желаетъ выразиться остроумнѣе, и тогда у него являются слѣдующія фразы: «Лошадь эта исполняла должность верховой, дамской лошади, въ которую возвысили ее вѣроятно душевныя качества,» «фуражка его была съ такимъ огромнымъ козырькомъ, какъ будто къ ней было пришито цѣлое крыло отъ дрожекъ.» — «Два острые конца манишки, туго-накрахмаленные, какъ клыки носорога торчали на плечахъ старушки.» «Крутой лобъ Авдотьи Ивановны, прикрытый волосами, такъ лоснился, какъ будто двое сутокъ чистили его ваксой.» Къ остротамъ же мы должны отнести двѣ слѣдующія фразы, встрѣчающіяся на одной страницѣ: «Она не одинъ разъ, въ продолженіе прогулки, принималась *пилить* своего мужа», «далѣе: эта тощая фигурка *тигла* Андрея Ильича». Приведемъ еще нѣсколько странныхъ выраженій: «Простота во всемъ своемъ величіи низошла на граціозную фигуру этой женщины; глаза прежде всего обращали въ ней на себя вниманіе; цвѣтникъ, отлично содержимый; мы теперь съ вами хорошо бы разыграли жертвъ, мучимыхъ голодомъ; необыкновенная память, усиленно напрягаемая; не одна рюмка была опустошена; я не видалъ мужчины, который бы до такой степени боялся и дорожилъ китайскими церемоніями; голова причесана гладко, какъ обыкновенно она босила. Элень наставительно сказала; онъ дѣлалъ видъ что дремлетъ; вы такъ узко смотрите на жизнь; онъ сиросилъ обиженно; вы находитесь въ волненіи;

покровительные взгляды; молодежь, жадная до всякаго случая уязвить новоприсельцевъ въ ихъ кругъ; самый напыщенный человѣкъ; гость сказалъ кающимся голосомъ; она имѣла полное желтое лицо, я ужъ такая привязчивая (по-русски это переводится: я ужъ такъ скоро привязываюсь). Борисъ, пообѣщавъ захватить къ нему; Леночка сконфузилась своего увлеченія; онъ ничѣмъ не виноватъ; ее никто и ни что не занимало; Элень была такъ поглощена его женитьбой; непрочность порядочнаго порыва души; такой женщины можетъ быть нѣтъ другой; она накидывала на себя роль все презирающей женщины; туманъ заволочъ ей глаза; Наталья Григорьевна не поспѣвала пожалѣть о Варварѣ Васильевнѣ, какъ она переходила къ нарядамъ;» но довольно и этихъ примѣровъ, къ которымъ мы присоединимъ только двѣ фразы, доказывающія, что и г. Станицкій дѣлаетъ поэтическія сравненія и увлекается иногда картинными описаніями природы. Этихъ фразъ конечно всего только двѣ въ романѣ, но и онѣ чего нибудь да стоять.

Вотъ первая:

Жизнь отца и сына текла мирно, словно ручей, отражающій ясное небо.

Не правда ли какъ это ново и удачно сказано? А вотъ и вторая фраза. Какая—то непривычная счастливая мысль вертѣлась у ней въ головѣ, подобно маленькой, прозрачной тучкѣ, которая быстро неслась по небу, освѣщенному луной, сталкивалась съ другими темными тучами, терялась въ нихъ, но снова вышывала на чистое пространство и гордо неслась по немъ. Пѣніе соловья иногда напоминало ей ея настоящее (почему же не прошедшее), и она съ улыбкой оглядывалась кругомъ и свободно вздыхала, какъ бы преисполненная счастья...

Какая удивительная фраза, преисполненная поэзіи!

Оставимъ однакоже эту натянутую поэзію и обратимся къ настоящей. Въ апрѣльской книгѣ «Современника» помѣщено десять стихотвореній; одно неизвѣстнаго поэта, три извѣстныхъ поэтовъ, и шесть совершенно новаго, не того однако же, который пишетъ такіе веселенькіе фельетоны по поводу всего, чего угодно.

Неизвѣстный поэтъ, скрывающійся подъ тремя звѣздочками, написалъ тысяча первую вариацию на тему: «Прощаніе,» стихи гладки, но пусты и не согрѣты ни однимъ счастливымъ или сильнымъ выраженіемъ. Г. Фетъ перевелъ оду Горация: къ ключу Бандузію. Переводъ вѣренъ и гладокъ, мы нашли въ немъ только два устарѣлыя слова: *отколь* и *вотще*, безъ которыхъ легко можно было обойтись. Г. Гербель перевелъ *Раздѣлъ Земли* (Die Theilung der Erde) изъ Шиллера. Переводъ довольно вѣренъ, хотя не сохраненъ размѣръ подлинника. Вѣрность

не мѣшаетъ однакоже изяществу стиха, а стихи Гербеля не весьма гармоничны. Вотъ для примѣра строфы подлинника и перевода:

« Weh'mir! So sol denn ich allein von Allen
Vergessen seyn! Ich, dein getreuster Sohn!
So liess er laut die Klage-Ruf erschallen,
Und warf sich hin vor Iovis Thron. »

« О горе, горе мнѣ, такъ я забыть одинъ,
Одинъ изъ всѣхъ людей, я твой любимый сынъ!
Такъ жалобно зывалъ любимецъ Апполона,
Припавши къ ступенямъ Юпитерова трона. »

последніе два стиха, которые Зевесъ говоритъ поэту:

« Willst du in meinem Himmel mit mir leben,
So oft du kommst er soll dir offen seyn. »

переданы не только не хорошо, но и невѣрно:

« Но если ты плѣненъ небесной синевою,
То небо навсегда отверзто предъ тобою! »

Намъ извѣстенъ другой, не печатный переводъ этого прекраснаго стихотворенія. Приводимъ его, какъ болѣе удачный и ближе передающій духъ знаменитаго германскаго поэта.

Однажды къ людямъ такъ сказалъ съ небесъ,
Склоняя взоръ, отецъ боговъ Зевесъ:
— Вселенную вы, смертные, возьмите,
Между собой по-братски раздѣлите.

Услышавши слова его благія,
Всѣ бросились, кто руки лишь имѣлъ.
Охотникъ взялъ лѣса себѣ густые,
Орадай взялъ поля себѣ въ удѣлъ.

Когда ужъ на землѣ все раздѣлили,
Откуда-то является поэтъ,
Но смертные объ немъ совсѣмъ забыли,
И на землѣ ему удѣла нѣтъ.

« О, горе мнѣ! ужель толпа земная
Меня забыла съ множествомъ глупцовъ! »
Такъ онъ ропталъ и жалобно зывая,
Онъ бросился къ ногамъ отца боговъ.

— Когда въ странѣ мечтаній ты скитался,
То не ропщи, сказалъ Зевесъ благой.

И гдѣ жъ ты былъ, когда свѣтъ раздѣлялся?
Поэтъ въ отвѣтъ: Зевесъ, я былъ съ тобой!

«Мой взоръ твое величье ослѣпляло,
Къ гармоніи небесъ мой слухъ прикованъ былъ,
Душа моя въ твоёмъ сіяньи утопала
И о земныхъ я благахъ позабылъ.

— Я роздалъ людямъ все, ты это знаешь!
Весь свѣтъ теперь не мнѣ принадлежитъ,
Но если жить со мной на небѣ ты желаешь,
То путь къ нему всегда тебѣ открытъ.

Стихотвореніе г. Майкова «Весенній бредъ» превосходно по стику и картинности выражений, но не совсѣмъ вѣрно по мысли. Поэтъ въ деревнѣ, лицомъ къ лицу съ природой, радуется обновленію этой природы весною и говоритъ своему другу, который можетъ быть, въ это время сочинилъ систему о мірѣ въ душевной комнатѣ:

.... Чтѣ за польза намъ, что поняли вы книги?
Нѣтъ, дайте истины живое слово намъ...
Она—дитя любви и жизни, не труда!
Ученость вѣдь еще не мудрость, господа.

Что хотѣлъ сказать поэтъ этими словами? Последняя мысль, что умъ выше образованности, хотя и можетъ быть оспариваема, но можетъ быть и допущена. Но неужели до истины можно дойти безъ труда, только одною любовью и жизнью? Никогда наука не говорила:

Все бредъ, что пальцами ощупать невозможно.

Самыя положительныя науки, какъ математика и физика, признаютъ множество отвлеченныхъ понятій, невѣсомыхъ матерій, невидимыхъ силъ. Если близкіе къ младенчеству народы пѣли стихи Иліады, не думая о грамматикѣ, то грамматическія правила существовали уже въ языкѣ, и не были только собраны въ одинъ общій сводъ. Гдѣ не развитъ языкъ и не утверждены его правила, тамъ не можетъ явиться Иліада.

Далѣе поэтъ смѣется надъ множествомъ ненужныхъ книгъ и изслѣдованій нашего вѣка, сожалѣть, что потомки,

Ища съ трудомъ у насъ Сократовъ и Сенеку

найдутъ только:

.... Сочиненіе, подъ коимъ гнется полка:
«О цѣнности вещей въ правленіе Святополка»

.... Цифры мертвыя безжизненныхъ статистикъ...
 Историковъ идей, историковъ событій,
 Историковъ монетъ, историковъ открытій

и что намъ нужна еще особая исторія—этихъ самыхъ книгъ. При мысли объ этомъ, поэтъ захотѣлъ такъ, что залаяла собака, спавшая въ сѣняхъ. Мы право не видимъ причины такого смѣха, испугавшаго собаку. Эта особая исторія у насъ уже существуетъ. Каждая наука имѣетъ давно свою библиографію; изъ частныхъ изслѣдованій историковъ открытій, монетъ и идей, составляется общая исторія человѣчества, его историческихъ судебъ и стремленій, пользы, которой вѣроятно не станеть опровергать г. Майковъ, и для которой также любопытно знать цѣнность вещей въ правленіе Святополка, какъ въ царствованіе Алексея Михайловича. Никто, конечно, не станеть также оспаривать, что мертвыя цифры статистики объясняютъ жизнь народа, и что только одно поэтическое увлеченіе можетъ называть эту науку безжизненною.

Послѣ этого мы не станемъ опровергать мысли автора, что ученые трудятся только надъ скелетомъ, а поэтъ возвращаетъ потомству душу своего вѣка, что

Ученымъ скорлупа, тебѣ, пѣвецъ—зерно.

Если уже сравнивать науку и поэзію съ орѣхомъ, то во всякомъ случаѣ зерномъ будетъ — наука, а поэзія — скорлупою, пожалуй, даже мягкою, позолоченною и подлащенной, но все-таки не болѣе какъ скорлупою.

Высказавъ наше мнѣніе о ложной основѣ и ошибочныхъ мысляхъ поэта, мы въ тоже время отдаемъ полную справедливость картинности его стиха, неподражаемаго въ описаніяхъ природы. Что можетъ быть, напримѣръ, вѣрнѣе слѣдующей картины:

.... Несся паръ сѣдой
 Надъ сталью озера; земля ночнымъ морозомъ
 Была окрѣплена съ подмерзнувшей травой
 И тонкій ледъ звенѣлъ, дробясь подъ ногой.
 Пора ужъ двигаться *почевщикамъ* обозамъ,
 Взъерошенный мужикъ ужъ вылезъ на крыльцо
Расправитъ холодкомъ горячее лицо
 И мрачно чешется.... Тамъ мальчуганъ пузатый
 Въ просонкахъ поднялся и выскочилъ изъ хаты
 И сталъ какъ Купидонъ извѣстный у ключа.
 Весь домъ задвигался звѣвая и ворча.

Въ этой прекрасной картинѣ мы замѣтили только два неправильныя вы-

раженія: слово *почевщикъ* можетъ относиться только къ людямъ, а не къ неодушевленнымъ предметамъ. Холодомъ не *расправляютъ*, а освѣ-
жаютъ лицо.

Въ этой же книгѣ «Современника» является едва ли не въ первый разъ передъ публикою съ своими стихотвореніями графъ А. К. Толстой. Для перваго знакомства мы можемъ сказать, что у него есть дарованіе. Изъ шести стихотвореній его, одно очень плохо, два слабы, два хороши и одно даже очень хорошо. Очень плохо начинающееся стихами:

Ой стоги, стоги
На лугу широкомъ

Стихотвореніе это аллегорическое, но аллегорія въ немъ уже очень темна и плохо выражена. Такъ у него стоги говорятъ:

Отъ лихихъ гостей
Нѣтъ намъ обороны
На *лавахъ* у насъ
Черныя вороны

Слабо также по мысли стихотвореніе, начинающееся недурною строфой:

Колокольчики мои,
Цвѣтики степные,
Что глядите на меня
Темно-голубые
И о чемъ звените вы
Въ день веселый мая,
Средь некошеной травы
Головой качая.

Авторъ обращается къ колокольчикамъ для того только, чтобъ сказать, что онъ не можетъ не топтать ихъ, потому что его несетъ конь, знакомый съ буранами и у котораго чепракъ не блещетъ какъ огонь.

Другое слабое стихотвореніе: «По греблѣ неровной и тряской».

Очень не дурно маленькое стихотвореніе.

Коль любить, такъ безъ разсудку,
Коль грозить, такъ не на шутку,
Коль ругнуть, такъ съ горяча,
Коль рубнуть, такъ ужъ съ плеча.
Коли спорить, такъ ужъ смѣло,
Коль стоять, такъ ужъ за дѣло,
Коль простить, такъ всей душой,
Коли пиръ, такъ пиръ-горой.

Устарѣлая форма союза *коль* много портитъ это стихотвореніе. Другое

подражаніе знаменитой пѣснѣ Миньоны: Kennst du das Land, хорошо рисуетъ нашу Малороссію, и согрѣто истиннымъ чувствомъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого стихотворенія:

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,
Гдѣ рѣки льются чище серебра,
Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,
Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора,
Среди садовъ деревья гнутся долу
И до земли виситъ ихъ плодъ тяжелый.

Туда, туда всѣмъ сердцемъ я стремлюся,
Въ тотъ милый край, гдѣ сердцу такъ легко,
Гдѣ изъ цвѣтовъ вѣнокъ плететь Маруся,
О старинѣ поетъ слѣпой Грицкѣ
И парубки, кружась на пожнѣ гладкой
Взрываютъ прахъ неистой присядкой.

Но еще лучше, оригинальнѣе, стихотвореніе подъ названіемъ: «Умѣренность». Оно проникнуто такимъ юморомъ, что невольно остается въ памяти, какъ меткій стихъ сатиры, или куплетъ умной пѣсни. Въ немъ только совершенно лишній второй куплетъ, который мы выбрасываемъ, приводя съ особеннымъ удовольствіемъ всѣ остальные:

Поразмысливъ акуратно,
Я избралъ себѣ дорожку,
И иду по ней безъ шума
По немножку, по немножку!

Если кто меня обидитъ,
Не спущу я! Какъ же можно
Изъ себя какъ разъ я выду,
Осторожно, осторожно!

Безъ ума могу любить я,
Но любить конечно, съ толкомъ,
И готовъ я правду рѣзать
Тихомолкомъ, тихомолкомъ!

Еслибъ братъ мой захлебнулся,
Я-бъ несталъ махать руками,
Тотчасъ бросился бы въ воду
Съ пузырями, съ пузырями!

Хоть сейчасъ пойду на турку,
Пусть услышу лишь картечь я,
Грудью лягу въ чистомъ полѣ,—
Безъ увѣчья, безъ увѣчья!

Послужу я и въ синклитѣ
 Такъ, чтобъ вѣдали потомки,
 Но ужъ если пастъ придется,
 Такъ соломки, такъ соломки!

Обратимся теперь къ «Москвитяину». Въ последнее время вышли двѣ книжки этого журнала: седьмая и двадцать-четвертая, за прошлый годъ. Въ седьмой помѣщены два новыхъ стихотворенія г. Шевырева, прекрасныя по цѣли, очень слабыя по исполненію. Замѣтимъ ему, что нельзя сказать по-русски: «Грекъ, морей и горъ скиталець,» что эпитетъ *лазурный* вовсе нейдетъ къ полямъ, что выраженія: *препирайте намъ путь* и *вкусить побѣдъ*—тоже очень неизящны.

О повѣсти г. Сумарокова «Выборъ сердца», скажемъ когда она кончится. Переводная повѣсть «Франсисъ», Генриха Мюрже, очень занимательна, также какъ и письма Шлейдена о ботаникѣ. «Мысли о восточномъ вопросѣ съ точки зрѣнія религіозно-исторической,» неизвѣстнаго автора, развиваютъ два слѣдующія положенія, совершенно новыя: 1) «Въ политическомъ, умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, крестовые походы заключаютъ въ себѣ всю исторію Западной Европы» и 2) «Западная Европа гордится крестовыми походами, тогда какъ ей слѣдуетъ скорѣе стыдиться ихъ.»

Въ отдѣлѣ историческихъ матеріаловъ продолжаютъ перепечатывать Смѣсъ изъ Московскихъ вѣдомостей 1795 года.

Отдѣлъ библиографіи этого нумера очень сухъ; въ «Журналистикѣ» критикъ говоритъ, что теперь «рѣшительно стало много веселѣе читать наши журналы», и разбираетъ мартовскую книгу «Отечественныхъ Записокъ» весьма свисходительно. Въ «Смѣси» весьма любопытны мало-россійскія пѣсни, приведенныя въ статьѣ: «Свадебные обряды Мало-россовъ суджакскаго уѣзда» «Петербургскій Вѣстникъ» очень сухъ и не полонъ.

Въ двадцать-четвертомъ номерѣ почти полкниги занимаетъ окончаніе перевода «Ада;» остальная половина занята не дурною повѣстью Сувестра: «Крестница изъ нѣмецкихъ кантоновъ,» довольно сухимъ изслѣдованіемъ о значеніи слова «кметъ», любопытными свѣдѣніями о Кулибинѣ. Статьи въ «Смѣси» потеряли, конечно, всю свѣжесть, потому что вмѣсто того, чтобъ выйти въ декабрѣ, явились въ концѣ апрѣля.

Намъ остается слѣдовательно поговорить только объ Адѣ Данта въ переводѣ г. Мина. При обзорѣ «Москвитянина» за прошлый годъ, мы имѣли случай сказать нѣсколько словъ объ этомъ переводѣ, въ отношеніи къ языку и стиху г. Мина; и тотъ и другой назвали мы тяжелымъ, за что критикъ «Москвитянина» г. А. Г. сильно прогнѣвался

на насъ. Къ сожалѣнію, мы прочитавъ и окончаніе перевода, остаемся все таки при своемъ мнѣніи. Другое дѣло вѣрность перевода, о которой, вѣроятно г. Минъ доставитъ намъ еще случай поговорить, издавъ отдѣльно свою поэму. Но теперь, при всемъ уваженіи къ его громадному труду, мы все таки никакъ не можемъ сказать, чтобъ стихъ въ немъ былъ звученъ и гладокъ. Правда, и у Данта стихъ мѣстами тяжелъ и неясенъ, но Дантъ писалъ свою поэму въ XIV столѣтіи, и изъ этого еще не слѣдуетъ чтобъ ее надобно было передавать языкомъ XIV столѣтія. Русскихъ читателей надобно познакомить съ красотами Дантовой поэмы, а не съ ея недостатками. Предметъ поэмы требуетъ слога торжественнаго, но не напыщеннаго и неправильнаго. Можно допустить въ ней мѣстами слова и выраженія, принадлежащія къ покойному «высокому слогу», но не слѣдуетъ употреблять все усилія, чтобъ выражаться вездѣ только этимъ слогомъ. Раскрываемъ наудачу книгу и читаемъ въ XXVI пѣснѣ обращеніе Виргилія къ Улиссу и Діомеду, заключеннымъ въ одну огненную купу.

«О вы вдвоемъ нылающіе вмѣстѣ! (если вдвоемъ, то конечно, вмѣстѣ).

*Коль въ жизни той я заслужилъ не разъ
Хоть слабую отъ васъ награду чести (?)
Когда писалъ высокій свой рассказъ,
Не двигайтесь, и если напротивъ,
Скажите, гдѣ погибъ одинъ изъ васъ?»
И древній онь, пророкотавъ унывно,
Восколебалъ свой большой рогъ тогда
Какъ свѣточъ, если дуетъ вѣтръ порывно.
И какъ языкъ лепечеть отъ стыда,
Такъ остріемъ трепещущимъ взволнованъ (?)
Извергъ онь голосъ и сказалъ...*

Подобными изысканными, тяжелыми стихами испещрена чуть не каждая страница. Станныхъ, неправильныхъ выраженій бездна; попадаетея и *знобъ* вмѣсто озноба, и *змѣй, съ хвостомъ черниль перца*, потому только, что слѣдующая за нимъ рима *сердца*, и рати *сурово* погибшія, и отравленный свѣтъ очей, *сосчестъ* вмѣсто сосчитать, и *львята* и *мастръ* Адамъ (смѣлое сокращеніе!) и *спорая* погоня и гемисоера и проч. и проч.; для выписки всехъ этихъ рѣдкостей потребовались бы цѣлыя страницы, и намъ тѣмъ болѣе непріятно встрѣчать подобныя небрежности и ухищренія, что подлѣ нихъ попадаютъ терцины, переведенныя просто и вѣрно. Переводъ г. Миномъ «Ада» напомнилъ намъ переводъ г. Ордынскимъ «Иліады». Въ обоихъ случаяхъ переводчики

впали въ крайности, какъ говорится по-русски: перехитрили. Г. Ордынскій, желая выразаться простонародно — впалъ въ тривіальность; г. Минъ, желая сохранить вездѣ возвышенный языкъ, впалъ въ напыщенность.

Оканчивая въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ нашу бесѣду съ читателями, мы считаемъ обязанностью исправить небольшую ошибку нашего сотрудника, по отдѣлу общественной жизни «Петербургскаго Вѣстника». Приводя нѣкоторыя патріотическія стихотворенія по поводу современныхъ событій, фельетонистъ цитировалъ стихи:

Намъ незваныхъ приходилося
Угощать не разъ гостей, и проч.

и приписалъ ихъ какому-то г. Гурландѣ. Мы никогда не слышали даже имени такого поэта, и не знаемъ откуда взято такое извѣстіе. Стихи эти написаны В. Зотовымъ и извлечены изъ большаго стихотворенія его «Двѣ Колонны», изданнаго отдѣльною брошюрою въ 1841 году и перепечатаннаго въ 1849 году въ «Литературной Газетѣ». Приведенные стихи составляютъ окончаніе стихотвореній. Не цитированы только два послѣднія куплета:

Берегитесь! Русь родимая
Въ битвѣ дастъ легко отпоръ,
Для враговъ неумолимая
Словно Божій приговоръ.
Такъ цвѣти жъ страна державная!
Я твой сынъ, и тѣмъ горжусь,
Ты родная, православная,
Дорогая сердцу Русь.

2. БИБЛИОГРАФІЯ.

Польскія книги, изданныя въ С. ПЕТЕРБУРГѢ.

Wojna z Kobietą. Komedia w trzech aktach przez Józefo Korzeniowskiego (Война съ женщиной, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ, сочиненіе Юсифа Корженевскаго). С. Петербургъ, 1854, въ 16-ю долю л. стр. 131.

Есть у насъ одна отрасль провинціальной литературы, отрасль довольно обширная, о которой мы почти не имѣемъ никакихъ свѣдѣній.

Говоримъ о литературѣ польской, представляющей иногда довольно любопытныя и замѣчательныя произведенія. Съ нѣкоторыхъ поръ книги на польскомъ языкѣ начали печататься въ Петербургѣ, благодаря дѣятельности книгопродавца-издателя Вольфа, и съ тѣхъ же поръ у послѣдняго появились польскія книги, печатаемыя и въ другихъ мѣстахъ имперіи, и войдя въ каталогъ этого книгопродавца, сдѣлались извѣстны петербургскому читающему міру. Прежде польскія книги были только въ магазинѣ Эйнерлинга.

Разсказывать исторію польской литературы мы не намѣрены, потому что она болѣе или менѣе извѣстна каждому образованному чело-вѣку; но считаемъ не лишнимъ указать вкратцѣ на современныхъ дѣятелей польской беллетристики. Польская журналистика очень ограни-ченного объема, а потому романы и повѣсти почти всегда выходятъ отдѣльно, и мало-мальски сносная книжонка, расходясь въ большомъ количествѣ экземпляровъ, рѣдко не выдерживаетъ двухъ, трехъ изданій.

Мы укажемъ на любимыхъ публикой и пользующихся извѣстностью современныхъ польскихъ беллетристовъ. Вотъ они: Крашевскій, Корженевскій, графъ Ржевускій, Качковскій, Ходзько, Гробовскій, Вильконская, Шмигельская, Косинскій. Нѣкоторыя изъ этихъ именъ извѣстны и въ русской литературѣ, но болѣе ими менѣе неудачнымъ переводамъ. Въ послѣднее время появилось еще нѣсколько писателей, о которыхъ ничего еще сказать нельзя, потому что трудно судить автора по одному или двумъ сочиненіямъ. Есть много плохихъ, хотя и дѣятельныхъ писаекъ, но мы объ этихъ умалчиваемъ, не желая выходить изъ предѣла библиографической статьи.

Общее направленіе польской литературы сообразно съ духомъ времени, но у болѣе части писателей замѣтна какая-то оригинальная польская черта, что заставляетъ многихъ смотрѣть на словесность эту какъ на отсталую. Въ литературѣ отражается жизнь и духъ общества, слѣдовательно причину нѣкоторыхъ недостатковъ, встрѣчаемыхъ въ романахъ и повѣстяхъ польскихъ авторовъ, должно искать въ ихъ общественной жизни, а не относить этого къ неискуству или къ слабости талантовъ. И польскіе литераторы, подобно всеѣмъ собратамъ, часто употребляютъ во зло свои дарованія; но это — общій всеѣмъ недостатокъ. По крайней мѣрѣ въ польскомъ романѣ вы встрѣчаетесь съ полякомъ, который является передъ вами совершенно какъ дома, не стѣняясь. Корженевскій, Ходзько и Ржевускій — большіе мастера въ этомъ отношеніи: Крашевскій иногда блестящъ, но менѣе народень. А между тѣмъ у послѣдняго, если создаетъ онъ иные образы подъ вліяніемъ истиннаго вдохновенія, встрѣчаются чисто-художественные харак-

теры съ настоящимъ польскимъ колоритомъ. Это самый плодovitый не только изъ современныхъ, но изъ всѣхъ когда либо существовавшихъ польскихъ писателей. Оттого его произведенія и бывають иной разъ довольно слабы. Если хотите, во всѣхъ его сочиненіяхъ видна какая-то поспѣшность, неоконченность, но за то попадаются чудныя поэтическія страницы, выкупающія многое.

Прежде чѣмъ приступимъ къ разбору книги, считаемъ не лишнимъ сдѣлать замѣчаніе касательно провинціального быта поляковъ, изъ котораго часто польскіе беллетристы почерпають предметы для своихъ произведеній. Не смотря на то, что поляки давно знакомы съ Европой, что постоянно слѣдовали и слѣдуютъ различнымъ нововведеніямъ, въ жизни ихъ помѣщиковъ сохранилось еще много нравовъ и отношеній довольно древнихъ и оригинальныхъ. Кто не согласится, что Польша была какимъ-то страннымъ явленіемъ въ политическомъ мірѣ. Магнаты играли въ ней главную роль, и хотя всѣ вообще толковали о равенствѣ съ прочею шляхтой, однакожъ на королевскій престолъ мѣтили только знатные и богатые. Когда это дряхлое государство распалось на части и вошло въ составъ другихъ благоустроенныхъ государствъ, разумѣется, политическое его существованіе кончилось, но отношенія между народонаселеніемъ, или лучше сказать между дворянствомъ, остались тѣ же, что и въ прежнее время. Шляхта или мѣлкое дворянство и теперь точно также рабобѣдствуетъ передъ магнатами, и не только не считаетъ неприличнымъ наполнять ряды служителей богатаго пана, а считаетъ особенною честью служить у ясновельможнаго, гордясь званіемъ маршалка дома, управляющаго, эконома и т. д. Вотъ отчего, непосвященному въ эти таинства, иной разъ кажется страннымъ, что дворянинъ цѣлуетъ руку или колѣно у такого же дворянина, или съ подобострастіемъ переноситъ какія нибудь весьма неделикатныя шуточки магната. Въ имѣніяхъ богатыхъ пановъ зачастую встрѣтите цѣлыя сотни официалистовъ, то есть дворянъ, занимающихся письмомъ или порученіями при конторѣ, имѣющихъ иногда порядочное состояніе и нерѣдко образованныхъ. И если магнатъ, побывавшій за границей, вносить въ общественную жизнь какія нибудь нововведенія, то это нисколько не относится къ обращенію его съ низшимъ дворянствомъ, которое, въ свою очередь, сохранило полное уваженіе не только къ гербамъ извѣстныхъ фамилій, но и къ спеси *dobrokowicza*. Слова *добробковичъ* невозможно передать по-русски иначе, какъ сдѣлавъ ему опредѣленіе. Подъ этимъ названіемъ должно разумѣть дворянина, нажившаго состояніе собственнымъ трудомъ на службѣ магната, состоя собственнно при особѣ послѣдняго, или, чаще всего, держа на арендѣ

его имѣніе. Магнаты, въ знакъ особаго расположенія, отдавали иногда шляхтѣ деревни въ пожизненное владѣніе (dożywocie).

Суетность шляхты прежняго времени распространялась до того, что если дѣдъ занималъ какую нибудь общественную должность, то не только сынъ, но и внукъ тщеславились этимъ, продолжали сохранять титулъ предка, и считали себя оскорбленными, если кто позабывалъ придавать имъ титулъ, измѣнявшійся обычнымъ образомъ въ нисходящей линіи. Обыкновеніе это отчасти осталось и въ настоящее время: сынъ предводителя или судьи, нигдѣ не служащій, все еще именуется маршалковичемъ или судыичемъ, и, не краснѣя требуетъ отъ низшихъ этого титула; а чиновникъ, самъ занимавшій какую бы то нибыло должность и вышедшій въ отставку, именуется до гроба по мѣсту прежняго служенія. Въ обычаѣ у поляковъ также именовать всегда высшимъ чиномъ, что, вѣроятно, извѣстно каждому: корнета зовутъ поручикомъ, поручика ротмистромъ, и такъ далѣе.

Въ чисто-польскомъ романѣ, на каждомъ шагѣ встрѣчаются разныя обыкновенія, странныя намъ русскимъ, и оттого многіе смотрятъ на сочиненія эти какъ на неестественныя или отсталыя, а между тѣмъ эти-то особенности и составляютъ оригинальность. Что у насъ въ обществѣ дворянъ показалось бы страннымъ или даже неумѣстнымъ, то у шляхты происходитъ сплошь и рядомъ; слѣдовательно польскому писателю, если онъ оригиналенъ, нельзя ставить въ вину неестественность, потому только, что для насъ эти нравы непривычны и дики. Циническія выходки, кажущіяся остроумными, въ большой модѣ у шляхты, и разныя выраженія, отъ которыхъ мы краснѣемъ, выраженія, вошедшія въ пословицы, шляхтичъ произноситъ равнодушно. Строгость въ семействѣ и съ домочадцами, строгость иной разъ неразумная — у нихъ въ нравахъ, и вотъ еще предметъ, на который слѣдуетъ обращать вниманіе. Только при внимательномъ изученіи края и быта данной страны можно рѣшиться судить о литературѣ: иначе мнѣніе будетъ односторонне и чрезвычайно поверхностно. Положенія общечеловѣческія, движенія души, естественность событій—въ произведеніи писателя понятны и безъ особаго изученія края; но все, что носитъ на себѣ колоритъ извѣстной страны или народа, что выхвачено изъ ихъ быта, требуетъ еще и специальныхъ свѣдѣній мѣстности. И, по нашему мнѣнію, слишкомъ узокъ будетъ критическій взглядъ на то или другое произведеніе народной литературы, если рецензентъ, пользуясь тѣмъ, что не подписываетъ подъ статью своего имени, будетъ говорить о книгѣ, смотря на предметъ съ одной только художественной точки зрѣнія, или писать рецензію съ уклончивостью, приобретаемою навыкомъ. Авторъ не можетъ не раздѣ-

лять убѣжденій общества, въ которомъ родился и выросъ; наконецъ, если онъ и отрѣшился отъ этихъ убѣжденій, то не долженъ выводить на сцену не существующіе типы, не долженъ придавать лицамъ того, чего въ нихъ нѣтъ, но что должно быть, по его понятіямъ. Если авторъ вѣренъ природѣ, хотя и не пишетъ съ натуры, но создаетъ только лица и характеры, могущіе существовать въ природѣ вообще и въ извѣстномъ краѣ въ особенности, то и довольно, лишь бы это написано было живо, увлекательно, лишь бы въ повѣсти или романѣ не было общихъ мѣстъ, не только не вышедшихъ изъ употребленія, но появляющихся въ бѣльшемъ количествѣ, хотя и въ очищенномъ видѣ.

Передъ нами лежатъ три польскія книги, вышедшія въ концѣ 1853 и началѣ 1854 годовъ, и мы начинаемъ отчетомъ о «Войнѣ съ женщиной», комедіи г. Корженевскаго, какъ писателя наиболѣе извѣстнаго въ нашей литературѣ. Г. Корженевскій драматургъ по преимуществу или, лучше сказать, по количеству произведеній, и хотя не такъ давно вышелъ на поприще беллетриста, гораздо больше ему удавшееся, однако не перестаетъ являться и съ драматическими сочиненіями. Чтобъ познакомить читателя съ литературною дѣятельностью г. Корженевскаго, мы укажемъ что имъ написано.

Сочиненія драматическія: «Андрей Баторій», драма въ 5 актахъ; «Дмитрій и Марія», драма въ 3 актахъ въ стихахъ; «Карпатскіе горы», драма въ 3 актахъ; «Окно во второмъ этажѣ», драма въ 2 актахъ; «Мертвые и живые», драма въ 5 актахъ; «Дѣвичья доля или Два предложенія», драма въ 4 актахъ; «Изабелла», драма въ 4 актахъ; «Обрученіе актрисы», комедія въ 2 актахъ; «Мужъ и артистъ», комедія въ 4 актѣ; «Замужняя дѣвица», комедія въ 3 актахъ; «Старый мужъ», комедія въ 4 актахъ; «Молодая вдова», комедія въ 3 актахъ; «Жиды», комедія въ 4 актахъ; сверхъ того «Вторая жена», разсказъ и 6 томовъ мѣлкихъ драматическихъ пьесъ. Беллетристика: «Спекулянтъ»; «Коллокація»; «Странствованія оригинала»; «Эмеритъ»; «Новыя странствованія оригинала»; «Фаддей Безъименный».

Намъ пріятнѣе было бы говорить о новомъ романѣ или повѣсти этого писателя, но дѣлать нечего, примемся за комедію.

Не знаемъ почему г. Корженевскому захотѣлось назвать комедію «Войну съ женщиной»; скорѣе мы назвали бы ее водевилемъ, и то однимъ изъ весьма неудачныхъ. Но разскажемъ вкратцѣ содержаніе.

Въ своей деревнѣ живетъ *Воеводичъ*... Здѣсь придется напомнить о сказанномъ мною недавно обыкновеніи поляковъ давать титулы не только тѣмъ, на которые не имѣютъ права, но даже вышедшіе изъ упот-

ребленія. Господинъ, носящій въ пьесѣ это названіе, потомокъ какого-то воеводы, и, если припомнить, что воеводы давно уже не существуютъ, то и выйдетъ, что герой комедіи пользовался титуломъ какого нибудь прапрадѣда. Этотъ Воеводичъ байронствуетъ. Лучше всего это видно изъ его словъ въ отвѣтъ на замѣчаніе сосѣда, что надо жениться.

ВОЕВОДИЧЪ. «А! совѣтуешь лекарство хуже болѣзни. Ты вѣдь знаешь мое мнѣніе о благополучіи, приготовляемомъ намъ супружествомъ. Нѣтъ, нѣтъ, дорогой мой, Буковскій! Я объявилъ войну всѣмъ женщинамъ вообще и одной въ особенности, и далъ обѣтъ никогда не жениться. (Зѣваетъ.) (Стр. 8.)

У Воеводича есть хорошенькая кузина вдова, пани Тенчинская, въ которую онъ былъ влюбленъ и съ которою поссорился. Байронствующій господинъ разсердился не на шутку, и въ отомщеніе посылаетъ вдовушкѣ жениховъ одинъ другаго старѣе, хуже и необразованнѣе. У Эмилии Тенчинской, кромѣ личныхъ прелестей, есть и двѣ деревеньки, хотя и очень разстроенныя, однако могущія привлечь расчетливую любовь не одного опытнаго шляхтича. Какой-то панъ Буковскій, какъ замѣтно, *добробковичъ*, возымѣлъ желаніе жениться на вдовушкѣ, но, получивъ оказъ, явился къ воеводичу искать покровительства, которое и было ему торжественно обѣщано. Разговоръ ихъ по этому случаю не представляетъ ничего комическаго и ничего занимательнаго, потому что тотъ и другой рассказываютъ самыя почтенныя истины, въ родѣ слѣдующихъ:

«Всѣ наши вдовы имѣютъ отвращеніе отъ супружества до новой связи, и присматриваются къ портретамъ покойныхъ мужей только до тѣхъ поръ, пока не встрѣтится новый обожатель.» И так. д. (10).

Изъ этого разговора мы узнаемъ однако, что Эмилія Тенчинская имѣетъ претензію на аристократію, и что за это аристократки смѣются надъ нею, что воеводичъ и рассказываетъ тономъ, приличнымъ польскому магнату. Буковскій изъявляетъ опасенія на счетъ двухъ соперниковъ, но воеводичъ, успокоивъ его, поручаетъ осмотрѣть новую молотильню, донести о ней и возвратиться къ завтраку. Когда шляхтичъ ушелъ, къ воеводичу является нѣкто Бартошъ съ рекомендательнымъ письмомъ отъ какого-то князя. Это отставной камердинеръ, продувная штука, ловкій негодяй, котораго впрочемъ принимаетъ воеводичъ въ услуженіе, потому что молодому магнату пришла какая-то мысль въ голову. Чтобы дать болѣе ясное понятіе объ этомъ лицѣ, приводимъ знакомство Бартоша съ воеводичемъ. Последний, не зная еще съ кѣмъ имѣетъ дѣло, приглашаетъ Бартоша садиться.

БАРТОШЪ. Покорнѣйше благодарю, я постою, ясновельможный пане!

ужь я такъ привыкъ. Что же касается до моей особы, то вы узнаете изъ этого письма.

ВОЕВОДИЧЪ. Какъ угодно. (*Распечатываетъ конвертъ и, заглянувъ въ письмо, начинаетъ читать громко*) Любезный Воеводичъ! Зная что ты живешь одиноко, и что хандра начинаетъ нападать на тебя, посылаю тебѣ наглеца первой руки. (*Бартошу*) Это о васъ идетъ рѣчь?

БАРТОШЪ. Да. Князь былъ такъ добръ, что, кажется, меня рекомендуетъ.

ВОЕВОДИЧЪ. Хороша рекомендація!

БАРТОШЪ. Если ясновельможный панъ потрудится прочесть дальше, то, можетъ быть, это какъ нибудь исправится.

ВОЕВОДИЧЪ. Увидимъ! (*читаетъ*) Наглеца первой руки и лгуна, какого свѣтъ не производилъ. (*Бартошу*) Да, дѣло славно поправляется!

БАРТОШЪ. Э, видно князь былъ въ расположеніи...

ВОЕВОДИЧЪ. Говорить правду? Конечно, это рѣдко случается при рекомендаціяхъ, потому что обыкновенно кто рекомендуетъ, тотъ говоритъ неправду. Но я заинтересованъ началомъ. (*Читаетъ*) Наглеца... лгуна... однако же неглунаго и остроумнаго...

БАРТОШЪ. Видите ли, что дѣло принимаетъ другой оборотъ.

ВОЕВОДИЧЪ. Вижу, вижу. (*Читаетъ*) Этотъ плуть (*Смотритъ на Бартоша съ улыбкою*). А этотъ оборотъ?

БАРТОШЪ. Эхъ, не обращайтесь вниманія на княжескія нѣжности!

ВОЕВОДИЧЪ. Положимъ, что это и нѣжности. (*Читаетъ*) Плуть этотъ нѣсколько лѣтъ былъ у меня камердинеромъ, и не могу на него пожаловаться. (*Бартошу*) А, такъ это ты былъ камердинеръ?

БАРТОШЪ. (*съ гордостью*) Да, я имѣлъ это счастье.

ВОЕВОДИЧЪ. (*Читаетъ*) Во время моего пребыванія за границей, я былъ имъ доволенъ.

БАРТОШЪ. Изволите видѣть?

ВОЕВОДИЧЪ. (*Читаетъ*) Только онъ носилъ тайкомъ мое платье, выдавая себя за моего пріятели, и сорилъ моими червонцами, угощая гризетокъ, предъ которыми игралъ роль графа. (*Бартошу*) Вотъ это вижу, любезный!

Однимъ словомъ плуть правится воеводичу, который и дѣлаетъ его орудіемъ своихъ замысловъ.

Второе дѣйствіе происходитъ возлѣ Балты, въ имѣніи пани Тенчинской, у которой живетъ ея родственница, панна Михалина и гоститъ колодой челобѣкъ Пломинскій, одинъ изъ обожателей вдовушки. Эмиля

высказывает Михалинъ свою досаду на кузена аристократа, на котораго сердится за рекомендацію жениховъ и объявляетъ, что въ отомщеніе за все это, она рѣшается выйти за молодого Иломинскаго, безъ любви, а просто на зло вѣзмъ. Михалина дѣвица вполнѣ добродѣтельная, скромная и втайнѣ любящая юношу, заступаетъ за него, а Иломинскій, скрытый въ кустахъ, слышитъ это и располагаетъ влюбиться въ Михалину. Тоже самое совѣтовалъ ему въ началѣ дѣйствія Якубъ, преданный слуга вдовушки, лицо, часто встрѣчавшееся въ прежней жизни и въ прежнихъ романахъ. Вдовушка вдругъ получаетъ письмо отъ своего кузена-воеводича, съ которымъ она годъ не видалась и состоять въ постоянной войнѣ. Кузень въ письмѣ раскаивается, и общается пріѣхать къ ней чрезъ два часа съ пріятелемъ, какимъ-то барономъ, намѣкая, что послѣдній заинтересованъ уже вдовушкой. Здѣсь слѣдуетъ страшно неестественный разговоръ Тенчинской и Якуба о томъ, что въ домѣ нѣтъ ни *сахару*, ни *стеариновыхъ свѣчей*, на что благоразумная Михалина отвѣчаетъ, что у нее есть небольшой запасъ того и другаго. Подобное обстоятельство сплошь и рядомъ случается, только не съ помѣщицей двухъ деревень. Какъ бы онѣ разстроены ни были, особенно въ краю, гдѣ евреи даютъ въ кредитъ очертя голову: по крайней мѣрѣ, по нашему мнѣнію, это неестественно, и недостатокъ сахару и свѣчей хотя и выражаетъ крайній безпорядокъ, однако не имѣетъ того комизма, на который, кажется, рассчитывалъ авторъ. Во время этого дѣйствія, молодые люди, т. е. Иломинскій и Михалина успѣваютъ объясниться. Является воеводичъ въ сопровожденіи Бартоша, переодѣтаго барономъ... Теперь ясно какая мысль пришла въ голову воеводичу, и что мщеніе его кузинѣ очень неблагоприятно. Бартошъ свободно болтаетъ по-французски и корчитъ барона...

Третье дѣйствіе снова происходитъ въ деревнѣ воеводича, ожидающаго къ обѣду кузину, которую онъ тѣмъ успѣлъ убѣдить пріѣхать, что къ нему соберутся нѣкоторые аристократы. Воеводичъ готовитъ ей полное мщеніе, переодѣвъ вчерашняго барона снова въ лакейскую ливрею. Какъ водится, мщеніе ему не удается. Къ нему пріѣзжаетъ съ письмомъ кузины, совершенно не нужнымъ, извѣстный Якубъ, нужно присутствіе котораго, и узнаетъ маскарадъ Бартоша. Вѣрный слуга рассказываетъ объ этомъ барынѣ въ минуту ея пріѣзда, и послѣ нѣсколькихъ сценъ все улаживается: Тенчинская выходитъ за кузена, Иломинскій женится на Михалинѣ, а Буковскій приглашенъ управлять имѣніемъ воеводича.

Таково содержаніе новой комедіи г. Корженевскаго, которую, по-

вторяемъ, правильнѣе назвать бы водевилемъ. Впрочемъ въ этой комедіи есть особенность: она написана безъ раздѣленія на сцены.

Sukcessye i Praca, powiesé pisez Józefę Smigielską. (Наслѣдств о трудъ, повѣсть Юзефы Смигельской) въ двухъ частяхъ. С.—Петербургъ 1854, въ малую осьмушку 1. 11 листовъ 175 стр. 2. 11 листовъ 173 стр.

«Наслѣдство и трудъ», повѣсть г-жи Смигельской, принадлежитъ къ числу произведеній, прочтя которыя, невольно задаешь себѣ вопросъ: какъ это случается, что авторъ, задумавъ прекрасно планъ повѣсти и начавъ ее удачно, энергически, — дѣлается въ срединѣ сухимъ резонеромъ и едва доходитъ до вожделѣннаго окончанія? Заглавіе уже показываетъ направленіе этой повѣсти. Въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же варшавскомъ домѣ появляются на свѣтъ два ребенка: одинъ въ бельэтажѣ, другой на чердакѣ; богатаго воспитываютъ однимъ образомъ, а бѣднаго другимъ, и потомъ идетъ параллель жизни этихъ двухъ существъ, обитающихъ въ разныхъ слояхъ общества. Кажется, что по этой канвѣ многое можно бы сдѣлать. Но г-жа Смигельская, набросавъ розовыми своими пальчиками нѣсколько удачныхъ цвѣтовъ, посѣщила зашить фонъ общими мѣстами, и повѣсть ея вышла въ двухъ частяхъ малаго формата, напечатанныхъ разгонисто большимъ шрифтомъ. Въ этой повѣсти есть идеи, но нѣтъ людей; идеи говорятъ хорошимъ языкомъ, но остаются сухи, потому что лишены жизни. Безхарактерныя лица иной разъ становятся въ занимательныхъ положеніяхъ, даже ожидаешь, что вотъ они шевельнутъ душу, а выходитъ, что лица эти, сдѣлавъ свое дѣло, прячутся за кулисы, словно куклы на механическомъ театрѣ. Въ доказательство, что у г-жи Смигельской есть талантъ, приводимъ нѣсколько мѣстъ, какъ образчики ея слога и способа выраженія мысли. Описывая одно семейство, введенное въ повѣсть для того, чтобъ показать первое появленіе въ свѣтской жизни двухъ героевъ, авторъ удачно очеркнулъ лица этого семейства, лица, какихъ много.

«Дѣти очень часто бываютъ для женщины (разумѣется, свѣтской,) только живыми куклами, замѣняющими тѣ, которыми играла она сама, бывъ дѣвочкой. Настоящія куклы она ломала, портила; дѣтей же нерѣдко портитъ она морально, уродуя неразумною слабостью ихъ лучшія качества; любить ихъ страстно, потому что они частица ея самой; угожда имъ, угождасть себѣ; не выносить ни малѣйшей для нихъ непріятности, не думая, что можетъ быть, прійдется ей сносить ихъ несчастье и позоръ, не помня, что за позднѣйшіе ихъ поступки прійдется ей отвѣчать предъ людьми и предъ Богомъ.» (86).

«Какъ у матери, туалетъ составлялъ главное занятіе цѣлаго дня,

такъ и у дочерей онъ занималъ не мало времени. Съ самаго ихъ младенчества, всю гордость и счастье мать полагала въ томъ, чтобъ туалетъ ихъ останавливалъ по улицѣ прохожихъ, которые спрашивали бы: чьи это дѣти? Прощала имъ капризы и лѣтность, но никогда не извиняла неисправности наряда; они могли лгать, но не смѣли прикоснуться безъ перчатки къ замку двери. Если дѣло шло о душѣ, о будущемъ характерѣ, мать была слишкомъ снисходительна; но что касалось красоты, она находила въ себѣ неслыханную энергію, и строго наказывала малѣйшую ослушность въ отношеніи сохраненія мягкости и бѣлизны кожи.» (91).

— Та женщина прекрасно воспитана, которая найдетъ себѣ хорошаго мужа, говорила госпожа Патецкая. (92).

Хорошій, по ея понятію, всегда означалъ богатаго. О дальнѣйшей жизни женщины послѣ свадьбы, когда она становится женою, матерью, хозяйкою дома, Патецкая не думала, и въ этомъ отношеніи не дала дочерямъ никакого моральнаго пособія, считая это второстепеннымъ, и предоставляя ихъ собственному разсудку.

Хорошо авторъ говоритъ о маніи Варшавянокъ къ музыкѣ, звуки которой вездѣ раздаются по улицамъ:

«Однако мнѣ всегда жаль времени, продолжаетъ авторъ, проводимаго многими женщинами нашими у фортепьяна, по нѣсколькимъ часамъ въ день, безъ всякой пищи для ума и сердца, перебирая только пальцами по неблагодарнымъ клавишамъ неблагодарнѣйшаго инструмента, я говорю это въ особенности о тѣхъ, которыя не имѣютъ таланта и у которыхъ музыка выходитъ не изъ души, но изъ-подъ пальцевъ». (стр. 134).

Намъ понравилась также мысль, брошенная авторомъ, въ концѣ приводимаго мѣста, которую мы нарочно подчеркнули. Свѣтскій молодой человѣкъ посѣщаетъ школьнаго товарища бѣдняка, а этотъ ставилъ въ это время пьявки больной матери.

«Не смотря на слабость отъ болѣзни, мать съ такимъ выраженіемъ счастья смотрѣла на любимаго сына, а сынъ съ такимъ чувствомъ исполнялъ свою обязанность, что можно было читать на лицѣ его готовность отдать полжизни за спасеніе матери. Однимъ словомъ, въ простой услугѣ больному столько было нравственно-прекраснаго, что это имѣло вліяніе на испорченное сердце молодого панича, сердца непонимававшей иной любви кромѣ эгоистической. *Даже и злымъ людямъ встрѣчаются иногда минуты, въ которыя словно съ неба достигаетъ къ нимъ ароматъ добродѣтели, подъ вліяніемъ котораго удивленные, если они и не въ состояніи имъ наслаждаться, по крайней мѣрѣ не смѣютъ произносить насмѣшекъ.*» (Стр. 150).

Вторая часть по нашему мнѣнію слабѣе, какъ болѣе изобилующая общими мѣстами, такъ еще и тѣмъ, что здѣсь появляются не естественные характеры, какъ напримѣръ, Пелагѣя. Въ этой части мы видимъ, что поляки забываютъ свой языкъ для французскаго. Описывая дѣвицу Пелагѣю, авторъ прибавляетъ, что она хорошо говорила по-польски.

«Удивился бы и расхохотался иностранецъ, читая, что у насъ хвалятъ, какъ что нибудь чрезвычайное, тѣхъ, кто хорошо говоритъ на родномъ языкѣ. И хотя теперь будто бы и больше заботятся о языкѣ, и даже позволяютъ себѣ насмѣхаться надъ прежнимъ поколѣніемъ, однако большая часть нашихъ шляхтянокъ, не говоря уже о большихъ паняхъ, свои материнскія, супружескія, дочернія чувства умѣютъ выражать только по-французски. Которая же не глубоко знаетъ этотъ языкъ, то хоть съ ошибками, пишетъ чувствительныя посланія пріятельницамъ, употребляя лстивыя и нѣжныя фразы, почерпнутыя изъ французскихъ романовъ.» (Стр. 88).

Мы упомянули, что одинъ характеръ образованной дѣвушки не естественъ, мы проводимъ и маленькій очеркъ ея, и манеру выражаться съ молодымъ человѣкомъ.

— Павелъ пришелъ въ восторгъ отъ ея разговора, болѣе основательнаго и оригинальнаго, нежели украшеннаго блестящими выраженіями. Она любила музыку, хотя и не играла ни на какомъ инструментѣ, и возставала на нее за то, что разстроиваетъ нервы и способствуетъ къ ослабленію характера. Она обвиняла искусство вообще въ томъ, что имѣя вліяніе болѣе на чувство, оно отнимаетъ твердость у души; что, доставляя большое удовольствіе, оно не служитъ побужденіемъ къ облагороженію морали.

Павелъ стоялъ за поэзію и доказывалъ, что народы, въ эпоху сильнѣйшей своей дѣятельности, создавали лучшія поэтическія произведенія, и что неразлучные образы геройскихъ временъ,—бардъ и рыцарь.

— Да, говорила панна Пелагѣя: бардъ осуществлялъ въ себѣ пылъ, управляющій рукою рыцаря. Всегда поэтъ вызываетъ *изъ груди своего народа, минуты исполненнаго пыла*, но этотъ пылъ фосфорическій блескъ, который не доведетъ далеко. *Самое испорченное общество способно еще на пламенную поэзію*, да и самъ поэтъ, чаще, кажется, бываетъ безсознательнымъ вѣстникомъ великихъ идей, которыя воспріимаетъ другимъ въ минуты вдохновенія, когда ничто изъ этихъ вѣщихъ истинъ обнародуемыхъ его гениемъ, не отражается въ его жизни, не войдетъ въ его натуру. Довольно было пѣвцовъ на свѣтѣ, а такъ мало истинныхъ гражданъ, потому что даръ Божій—научать примѣромъ ораздо выше и рѣже, чѣмъ научать прекрасной поэзіи. Удивляюсь по-

эту, но готова стать на колѣни передъ человѣкомъ, который усовершенствуя въ себѣ моральное существо, увлекаетъ за собою не краснорѣчивыми словами, но живымъ примѣромъ. (стр. 139—140.)

Такимъ образомъ дѣвушка эта выражается во все продолженіе своего существованія въ повѣсти, читаемой легко и написанной гладкимъ слогомъ.

Rodzina w Salonie, powieść Józefa Dzierzkowskiego (Семейство въ гостиной, повѣсть Юсіфа Дзѣржковскаго) 1853. С.—Петербургъ, въ небольшую 8-ку, 22½ листа, стр. 360.

Имя г. Дзѣржковскаго не такъ еще извѣстно въ литературѣ, но повѣсти имъ написанныя доказываютъ присутствіе таланта въ этомъ писателѣ. Подобно многимъ польскимъ беллетристамъ, онъ любитъ иногда длинноты, разсужденія, съ тою разницею, что длинноты эти и разсужденія не скучны, и часто изобилуютъ хорошими мыслями. У него всегда есть содержаніе, хотя и нельзя сказать, чтобъ характеры выводимыхъ имъ лицъ были постоянно естественны.

Повѣсть «Семейство въ гостиной» не лишена ни основной мысли, ни содержанія, а рассказана живымъ и занимательнымъ языкомъ. Основная мысль впрочемъ общая нѣкоторымъ польскимъ писателямъ: это преимущество воспитанія дѣтей деревенскаго, патриархальнаго передъ воспитаніемъ городскимъ, въ духѣ большаго свѣта. Подобная картина превосходно нарисована въ романѣ графа Ржевусскаго «Listopad». У г. Дзѣржковскаго идея эта теряется во множествѣ второстепенныхъ лицъ, хотя въ концѣ снова бросается въ глаза читателю.

На границѣ Россіи и Галиціи лежитъ маленькая деревенька «Сосновая Волька». Хотя вообще описанія природы сдѣлались уже скучны и приторны, однако если авторъ броситъ иногда удачную мысль, они читаются съ удовольствіемъ.

«Народъ тамошній, подобно каждому простому народу, одаренный инстинктивнымъ чувствомъ, не понимаетъ красоты мѣстъ своихъ,—не по недостатку чувства прекраснаго, но за неимѣніемъ точекъ сравненія; за то же чувствуетъ онъ эти красоты сердцемъ, и такъ привязанъ къ своимъ роднымъ лѣсамъ и закоптѣлымъ хатамъ, что вездѣ въ другихъ мѣстахъ ему грустно, тяжело и нездорово. Пріѣзжіе, по большей части торговцы, прибывающіе за досками, смолой, гонтомъ и поташемъ, какъ всѣ, кажутся, торговцы, имѣютъ на глазахъ бѣльмо барыша, черезъ которое однообразно и безцвѣтно отражается для нихъ каждая окрестность, имѣющая для нихъ только прелесть практической выгоды и цвѣтъ металла, которымъ оно заплатитъ имъ въ состояніи. Напрасно высокія сосны шумятъ для нихъ тѣмъ роскошнымъ лѣснымъ шумомъ, раждающимъ,

подобно говору волнъ, рой мечтаній, и привлекаетъ взоры зелень вѣтвей... (стр. 2—3).

Это было весною, когда:

«Когда подобно водамъ, лугамъ, деревьямъ, птицамъ, и въ чело-вѣкѣ всѣ источники жизни бьютъ новыми волнами чувствъ, и каждое сердце, даже охлажденное лѣтами и опытомъ, выпускаетъ почки надежды, цвѣты мечтаній, и все въ груди его поетъ веселыми тонами весны.» (стр. 7).

Въ Сосновой Волькѣ живетъ вдова госпожа Ланецкая, добрая любящая мать, семейство которой состоитъ изъ сына Цезаря и дочери Амеліи. Весенимъ вечеромъ, на скамейкѣ въ саду сидитъ Амелія съ Александромъ Буржевскимъ, почти женихомъ своимъ, который ожидаетъ только благословенія матери, живущей въ герцогствѣ Познанскомъ. Молодые люди, какъ водится, говорятъ о любви и ссорятся немного за то, что Александръ не хочетъ вѣрить истинности любви брата Амеліи къ богатой сосѣдкѣ. Сора эта не заходитъ далеко. Амелія молоденькая дѣвушка, была прекрасна и добра; Александръ тоже былъ хорошии молодой чело-вѣкѣ; но послушаемъ, что говорить авторъ:

«У Александра кажется было все, что пророчить счастье въ жизни, *но*... увы, безъ этого несчастнаго *но*, ничто человѣческое обойтись не можетъ; это *но* кажется необходимымъ признакомъ скоротечности чело-вѣка, и сопровождаетъ его постоянно и во все продолженіе земнаго пути отъ колыбели до могилы.» (15)

Первое *но* Александра было то, что у молодаго чело-вѣка были пять не замужнихъ сестеръ, объ участи которыхъ надо было подумать, слѣдовательно жениться на богатой; второе *но* Александра состояло въ томъ:

«Что онъ былъ изъ Познанскаго герцогства, и воспитанный тамъ, имѣлъ всѣ достоинства и недостатки образованія и понятія о вещахъ, свойственныхъ этому герцогству. Александръ Буржевскій, какъ истый Познанецъ, воспитывался подъ вліяніемъ предосудительныхъ и очень не естественныхъ у насъ западныхъ идей, и еще болѣе непримолжимой нѣмецкой философіи.» (16)

Высказавъ мнѣніе объ этомъ предметѣ, авторъ продолжаетъ:

«Однако второе *но* Буржевскаго находилось еще въ слабомъ зародышѣ, потому что Александръ былъ еще слишкомъ молодъ; а между тѣмъ не разъ, когда онъ увлекался занимательнымъ разговоромъ, въ немъ отзывались Познанскія привычки, въ бурномъ и безусловномъ приговорѣ вещамъ и людямъ, въ томъ грустномъ и разоблачающемъ до нага невѣрїи, которое появляется изъ бездоннаго колодезя умствованій, выры-ою заступомъ сомнѣвающейся во всемъ туманной нѣмецкой философіи.

Счастье, что, узнавъ хорошенькую Амелию, влюбился онъ въ нее не по-французски, но истинно по-польски, то есть по уши.» (18)

Разговоръ влюбленной четы былъ прерванъ приходомъ Ланецкой, которая отославъ дочь, подъ видомъ хозяйственныхъ порученій, объясняетъ дружески Александру, что ему не слѣдуетъ долге оставаться въ Сосновой Волькѣ, пока не прійдетъ отвѣтъ отъ его матери; что сосѣди поговариваютъ уже о его отношеніяхъ къ Амелии. На другой день были именины Ланецкой, послѣ которыхъ молодой человекъ долженъ былъ уѣхать.

На именины къ Ланецкой собирается сосѣдство.

Ланецкая съ нетерпѣніемъ ожидаетъ сына, который уѣхалъ въ Львовъ. Собираются сосѣди. Авторъ удачно говоритъ о сосѣдствѣ вообще въ провинціи:

«Въ каждомъ сосѣдствѣ деревенскомъ или городскомъ, пишетъ онъ: и въ деревенскомъ даже чаще можно встрѣтить всѣ тѣ смѣшныя общественныя странности, которыя никому не вредятъ, а напротивъ, разнообразятъ обыденную жизнь; случается что онѣ наскучаютъ, — но чаще дѣлаются неисчерпаемою темой веселой болтовни, анекдотовъ, наполняющихъ мрачный осенній или свѣжнѣй зимній вечеръ. Убѣждался я не разъ, что въ сосѣдствѣ—именно эти простаки, называемые обыкновенно деревенщиной, бываютъ самыя честныя, не вредныя и менѣе надеющія шляхетскія фигуры, съ понятіями часто болѣе зрѣлыми, чѣмъ наши, и кажутся смѣшными только потому, что мы смотримъ на нихъ сквозь очки своихъ понятій.

«Мимоходомъ замѣчу, что почти вездѣ приходилось мнѣ выслушивать: «говорилъ мнѣ дѣдушка, бабушка, мать, тетка и т. д. какое здѣсь прежде было прекрасное сосѣдство?» Было и, кажется, будетъ въ обычаѣ каждаго старѣющагося поколѣнія — хвалить прошедшее потому, что въ немъ силы были молоды. Не спорю что ветерину сосѣди могли жить пріятнѣе нашего, уже собственно потому, что за дѣдушекъ и бабушекъ нашихъ были понятія болѣе простыя. Чѣмъ меньше было оттѣнковъ, тѣмъ больше свѣта. Теперь понятія наши раздробились на миллионы оттѣнковъ, за понятіями возникли желанія наши и потребности умственные; значить горизонтъ стѣснился необыкновенно. Это, по моему, одно изъ главныхъ причинъ повсемѣтныхъ жалобъ на сосѣдство. (стр. 58—59).

Фигуры сосѣдей и сосѣдокъ очерчены болѣе или менѣе удачно и вѣрно съ натурой. Къ обѣду пріѣзжаетъ графиня Сѣницкая съ полоумнымъ сыномъ; въ дочь ея, Франциску, влюбленъ Цезарь, сынъ именинницы, но дочь эта не пріѣхала съ матерью. Наконецъ Франциска

явилась уже когда сидѣли за обѣдомъ и явилась въ сопровожденіи Цезаря и еще одного господина, неизвѣстнаго въ окрестности. Сосѣди ожидали, что на именинахъ объявлены будутъ разомъ два сговора, но вышло иначе: объявленъ былъ—сговоръ Франциски, — и не съ Цезаремъ, но со вновь появившимся господиномъ, графомъ Торчевскимъ. Тутъ завязывается очень запутанная интрига, и, по нашему мнѣнію, черезъ—чуръ уже хитрая, хотя и естественная. Въ числѣ гостей есть одно непонятное лицо Владиславъ Ливскій — злодѣй не злодѣй, эгоистъ не эгоистъ, однимъ словомъ господинъ, которому трудно прибрать названіе, который интригуетъ, кажется, просто для собственного удовольствія. Онъ говоритъ, что ни Франциска не выйдетъ за Цезаря, ни Буржевскій не женится на Амаліи. Ливскій этотъ въ родѣ ментора Александра. Цезарь равнодушно выслушиваетъ объявленіе о помолвкѣ дѣвушки, которую любилъ, и остается въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ нею и женихомъ, а еще въ гораздо лучшихъ съ старухою графиней. Между тѣмъ Александръ и Амелія, которымъ на другой день должно разстаться, назначаютъ другъ другу свиданіе, разумѣется, съ самымъ чистымъ намѣреніемъ. Они сходятся близъ того мѣста, гдѣ и вчера видѣлись. Говорили они о любви, вдругъ слышатъ что идетъ кто-то, и притаились. Мимо, рука объ руку проходили Цезарь и Франциска— за взаимную любовь которыхъ вчера чуть не поссорились Александръ съ Амеліей. О чемъ же говорятъ отставной женихъ и графиня? Они преспокойно доказываютъ другъ другу, что были бы несчастливы вмѣстѣ, хотя и замѣтно, что Цезарь говоритъ не отъ души. Прощаніе ихъ было возмутительно—свѣтское. Амелія чуть не упала въ обморокъ, слетѣвъ съ высоты своихъ мечтаній о любви брата и Франциски. Въ эту самую минуту явился женихъ, и, какъ водится истинному джентельмену, не подавъ даже вида неудовольствія. Благовоспитанный левъ не долженъ имѣть общечеловѣческихъ чувствъ и побужденій, а только свойственныя его породѣ. Александръ и Амелія еще жарче покліялись другъ другу и тоже попрощались.

«Еще нѣсколько пламенныхъ словъ, горячихъ слезъ и пламенныхъ вздоховъ, съ которыми улетѣли въ небо ихъ клятвы; еще одинъ послѣдній поцѣлуй, такой чистый и невинный, который, казалось очистилъ воздухъ, отравленный прощаньемъ и поцѣлуемъ свѣтскихъ актеровъ, и они попрощались, разошлись... Сойдутся ли они когда нибудь и сойдутся ли такими, какими разстались за нѣсколько мѣсяцевъ. На грустный вопросъ этотъ, столько разъ бросаемый людьми въ будущее... только каждое дерево отвѣчаетъ листьями своими... отъ перваго листка, возникающаго изъ зеленого весенняго пуха, до послѣдняго желтаго

и свернувагося листка, уносиаго вѣтромъ въ мглѣ осенней!» (134—135).

Любовники разстаются.

Цезарь объясняется съ матерью и намѣкаетъ ей, что не безъ причины мать Александра не присылаетъ ему благословенія. Ланецкая тревожится; но Цезарь успокоиваетъ ее. Онъ изъяснилъ ей отреченіе свое отъ богатой невѣсты подѣ такимъ благороднымъ предлогомъ, что старушка только удивляется ему.

Графъ Торчевскій съ молодою женою выѣзжаютъ во Львовъ, главный городъ Галиціи, который львовскими жителями и окрестными помещиками именуется столицею потому, что во Львовѣ провинціальная жизнь потоплена пародіями на жизнь столичную. Семейство Ланецкихъ приглашено на балъ, даваемый молодыми Торчевскими, и Амелія въ первый разъ видитъ здѣсь *большой свѣтъ*. Во время танцевъ, Франциска зоветъ Цезаря къ себѣ въ будуаръ, гдѣ и происходитъ интересный разговоръ между прежними любовниками и графомъ Торчевскимъ. Здѣсь мы узнаемъ, что великодушное отреченіе Цезаря отъ невѣсты въ пользу графа, было не совсѣмъ великодушно: Цезарь взялъ просто отступное, которое и было вручено ему графиней. Но Торчевскій, по скупости, воспользовался однимъ обстоятельствомъ: именно, купивъ дешево нѣсколько векселей Цезаря, присоединилъ ихъ въ счетъ суммы. Цезарь ничего этого не знаетъ и спѣшить домой вскрыть пакетъ. Здѣсь слѣдуетъ описаніе его характера. Молодой человекъ этотъ жилъ той проблематическою жизнью, образчики которой нерѣдко встрѣчаются въ столицахъ

«Такіе люди, еслибъ хотѣли и могли быть искренними, владѣя перомъ, должны бы писать свои записки. Мемуары ихъ бросали бы ясный и любопытный свѣтъ на самыя таинственныя пропасти общества. Обыкновенно подобные люди дѣлаются чужадыми растеніями гостинныхъ, въ слѣдствіе природной наклонности и свѣтскаго образованія. Модное воспитаніе даже должно создавать подобныхъ людей, потому что, кажется, оно все стремится къ тому, чтобъ прибыль ставить главною цѣлью жизни. Воспитаніе это даетъ наружную полировку на счетъ внутреннихъ чувствъ и правилъ нравственности; прежде всего оно учитъ, что совѣсть и чувствительность глупы, что счастье заключается въ наслажденіи, и что изобрѣтеніе всехъ средствъ для того, чтобъ умѣть наслаждаться—высшій разумъ. Оно учитъ, что главный рычагъ для наслажденія—золото, и если нѣтъ своего золота, то надо выманить его у другихъ; что должно дѣлаться необходимымъ для тѣхъ, у кого хотять что нибудь выманить; а чтобъ сдѣлаться необходимымъ, надо знать самое нужное для этого,

то—есть: всё тайные пороки, недостатки и преступленія общества. Однимъ словомъ воспитаніе это учить, что мнѣніе, чувство и совѣтъ должно имѣть на столько же эластичныя, на сколько эластичны понятія гостившихъ о добродѣтели и истинѣ; и въ концѣ своего ученія считаетъ высочайшую науку: всю нравственную грязь — покрывать самой ловкой и представительной наружностью.»

«И это не предубѣжденіе, но по несчастью истинная правда. Большая часть галиційской шляхты получаетъ подобное воспитаніе *. Тамошніе обыватели, занимаясь науками, образуютъ наружностью дѣла, отчего выходитъ что нигдѣ менѣе какъ въ Галиціи нѣтъ специальныхъ познаній; но гораздо хуже то, что едва выходя изъ дѣтства и научившись не много болтать по-французски, конелюбствовать по-англійски, курить сигары по-испански, и бездѣлничать, Богъ знаетъ по-каковски, предаются праздности. Отъ этого необходимо происходитъ расточительность и испорченность характеровъ.»

«Изъ паничей, воспитанныхъ подобнымъ образомъ, часть менѣе геніяльная дѣлается простыми игроками, а иногда и шулерами, потому что французская пословица говоритъ: *on comence par être trompé, on finit par être fripon*. Часть же геніяльная, къ которой принадлежалъ и Цезарь, пользуется воспитаніемъ своимъ въ болѣе обширномъ размѣрѣ, и выигрышъ въ карты считаетъ небольшимъ случайнымъ средствомъ.» (181 — 183).

Распечатавъ пакетъ и найдя свои векселя въ числѣ суммы, слѣдующей ему за отреченіе отъ невѣсты, Цезарь негодуетъ, но все еще принадлежитъ къ союзу Торчевскихъ. Эти нравственные чудовища рѣшаются объявить сумасшедшею старуху графиню, чтобъ воспользоваться ея имѣніемъ, надѣясь, что полоумный сынъ ея не будетъ помѣхой. Старуха ѣдетъ за границу, убѣдивъ Ланецкую отпустить съ нею Амелію. Дѣвушка соглашается тѣмъ болѣе, что ей намѣкаютъ о возможности встрѣчи съ Александромъ. Буржевскій, какъ видѣли мы, уѣхалъ въ общество Ливскаго, который старается отвратить молодаго человѣка отъ женитьбы на Амеліи, изъ какихъ-то непостижимыхъ видовъ. Въ Дрезденѣ Цезарь хотѣлъ привести въ исполненіе гнусное свое намѣреніе, и довѣрился одному ксендзу, надѣясь на его помощь. Достойный служитель алтаря не согласился, и грозилъ разеказать все графинѣ. Тогда Цезарь, видя себя въ опасности, и не забывъ оскорбленія Торчевскаго, рѣшается самъ открыть глаза старухѣ. Слѣдуютъ ужасныя сцены, и

* Въ русской Польшѣ ничего подобнаго не встрѣчается, благодаря тому, что воспитаніе въ рукахъ благодѣтельнаго правительства.

графиня предлагаетъ свою руку Цезарю. Послѣдній, не желая навязать себѣ шестидесятилѣтнюю старуху, — улаживаетъ дѣло инымъ образомъ, и, выманивъ у графини одну деревню, предлагаетъ ей женить сына и тѣмъ отнять у дочери надежду на наслѣдство.

Амелія вышла за полоумнаго графа, и, разумѣется, была несчастлива. Александръ гдѣ-то умеръ за границей.

Таково краткое содержаніе повѣсти, которая не лишена занимательности и изобилуетъ многими дѣльными отступленіями.

—

физиологическая исторія женщины. Соч. В. Дерикера, 1854 года, С. Петербургъ.

Вотъ что говоритъ Шиллеръ о женщинѣ:
 Ehret die Frauen! Sie flechten und weben
 Himmlische Rosen in's irdische Leben,
 Flechten der Liebe beglückendes Band,
 Und in der Grazie züchtigem Schleier,
 Naehren sie wachsam das ewige Feuer
 Schoener Gefühle mit heiliger Hand.

«Чтите женщинъ! онѣ ткуть и заплетаютъ горнія розы въ юдольную жизнь; ткуть любви счастливыя узы, и свято сохраняютъ, подъ цѣломудреннымъ покровомъ граціи, вѣчный огонь прекраснаго чувства.»

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть важнѣе, почтеннѣе, благороднѣе значенія женщины, какъ матери семейства, какъ подруги жизни! Не станемъ вдаваться въ глубокія разсужденія о женщинѣ, постараемся изложить вкратцѣ наше мнѣніе касательно этого предмета. На женщину можно смотрѣть съ двухъ точекъ зрѣнія: какъ на мать семейства, хозяйку, существо необходимое челоѣку, и какъ на украшеніе общества, принимая послѣднее въ тѣснѣйшемъ смыслѣ этого слова. Въ слѣдствіе этихъ двухъ взглядовъ, и воспитаніе женщины не одинаково—говоримъ о классѣ болѣе или менѣе образованномъ. У простолюдина воспитаніе дѣтей идетъ своимъ чередомъ: ребенокъ подвергается извѣстнымъ условіямъ, и, слѣдуя, кажется, допотопнымъ правиламъ и преданіямъ, растетъ и переноситъ болѣзни съ силою своего неиспорченнаго организма. Крестьянскіе мальчикъ и дѣвочка съ малолѣтства приучаются къ стужѣ, простой пищѣ, работѣ, — и будущая мать семейства, наглядно съ пяти или шести лѣтъ умѣетъ уже ухаживать за грудными дѣтьми, пеленать ихъ, качать въ колыбели, импровизируя какую-нибудь монотонную пѣ-

сенку. Не то съ дѣвочками болѣе или менѣе образованнаго класса. Здѣсь женщина имѣетъ гораздо обширнѣе значеніе, и сообразно съ этимъ значеніемъ—воспитаніе ея подвергается множеству разнородныхъ условій, которыя, бывъ иногда ложно поняты родителями, не рѣдко искажаютъ лучшее Божіе созданіе. Самое физическое развитіе дѣвочки образованнаго класса совершается иногда подъ вліяніемъ почти противуестественныхъ условій, мѣшающихъ тому или другому процессу, а въ слѣдствіе этого поражаются нѣкоторыя органическіе недостатки, отзываются и на потомствѣ. О моральномъ воспитаніи мы умалчиваемъ—это не входитъ въ кругъ нашего разсужденія. Полагаемъ однакоже, что ничего нѣтъ проще истины: что будущая мать семейства должна имѣть все необходимыя качества, требуемыя природою отъ матери, а слѣдовательно и первоначальное воспитаніе дѣвочки должно быть направлено къ этой важной цѣли. Прежде всего должно образовать *женщину*,—и потомъ уже, пожалуй, можно придавать ей всю полировку, все искусственныя направленія тѣла, для созданія изъ нея *женщины свѣтской, щеголихи, законодательницы моды*, и т. д. Признаемся, что мы съ большимъ удовольствіемъ смотримъ на тѣхъ дѣвочекъ, которыя убаюкиваютъ куклу, инстинктивно приложивъ ее къ груди, какъ ребенка, чѣмъ на тѣхъ расфранченныхъ дѣвочекъ, которыя разыгрываютъ роль *большихъ* дѣвицъ на дѣтскихъ балахъ. Впрочемъ мы какъ—то, по обычаю, отвлекаемся отъ предмета. Разумное воспитаніе дѣтей, теперь, слава Богу, у насъ не рѣдкость; но много еще родителей, слѣдующихъ въ этомъ случаѣ стариннымъ преданіямъ, и потому для послѣднихъ книга г. Дерикера была бы весьма и весьма полезна. Хотя сочиненіе это и названо физиологическою исторіею женщины, и хотя въ немъ, конечно, изложена эта исторія, однако, по нашему мнѣнію, не это главное достоинство книги въ приложеніи ея къ дѣлу. «Гигіена» и «Воспитаніе»—вотъ тѣ отдѣлы, которые рекомендуемъ въ особенности.

Конечно въ «Физиологической исторіи женщины» медикъ не найдетъ ничего новаго, да она и написана не для медиковъ; но матери семейства можетъ служить настольною книгою. Кромѣ того исторія эта написана прекраснымъ языкомъ, и отличается точностью и добросовѣстнымъ изложеніемъ дѣла.

«Изъ всехъ мыслителей и наблюдателей «говоритъ авторъ» только нѣкоторые врачи успѣли подмѣтить важность мѣлочей, которыя отличаютъ женщину отъ мужчины и составляютъ всю ея характеристическую особенность. Разница оказалась огромная. Ни историки, ни политико—экономы, ни законодатели, ни моралисты и строители общихъ философскихъ системъ, ни даже прежніе натуралисты, еще незнавшіе фи-

зіологій, не могли примѣтить этой разницы такъ отчетливо какъ врачи, которые, будучи призваны исцѣлять тѣлесные и нерѣдко душевные недуги, по неволѣ должны не только изучать органическія особенности женщинъ, но проникать и въ самыя сокровенныя тайны ихъ нравственнаго бытія, большею частью обусловленнаго тѣми же органическими особенностями. Одни врачи, стало-быть, имѣли возможность вѣрно судить о женщинѣ; они же первые и отдали ей справедливость, тогда какъ политико-экономы и законодатели вѣчно унижали ее, считали существомъ слабымъ и ничтожнымъ; моралисты и натуралисты не удостоивали особеннаго вниманія, полагая, что опредѣлить мужчину, значитъ опредѣлить уже всего человѣка вообще; историки повѣствовали о сильныхъ духомъ женщинахъ какъ о рѣдкихъ исключеніяхъ, а поэты и романисты искони повторяютъ только, что женщина—загадка, существо непонятное, таинственный іероглифъ, сфинксъ. Оно, можетъ-быть, такъ и нужно, чтобы женщины оставались загадкой для профановъ, то есть для мужчинъ вообще не выключая и философовъ: въ этомъ есть свой интересъ и своя поэзія. Но сами женщины непремѣнно должны быть посвящены въ свои тайны, должны понимать себя, хотя бы только для того, чтобы отчетливо знать свои средства и управлять ими для умноженія личнаго своего наслажденія и счастья, и быть какъ можно болѣе очаровательными загадками.» (9—10).

Авторъ очень подробно описываетъ устройство женскаго тѣла, что конечно интересно въ своемъ мѣстѣ; но по нашему мнѣнію, книга его интереснѣе въ отдѣлахъ *Гигіена* и *Воспитаніе*. Это-то и есть главная существенная цѣль книги г. Дерикера, направленная съ добрымъ благотворительнымъ намѣреніемъ предотвратить многія болѣзни и недостатки, легко вкореняющіеся при неправильномъ образѣ воспитанія дѣвочекъ.

Въ самомъ дѣлѣ,—не говоримъ о простонародій,—воспитаніе женщины не всегда у насъ основано на правилахъ, предписываемыхъ медициною. Такъ много встрѣчается разнообразныхъ условій въ общественномъ быту, такъ много появляется принятыхъ обыкновеній при воспитаніи дѣтей, и тѣ и другія такъ иногда вредны въ гигиеническомъ отношеніи, что вмѣшательство медицины не только не будетъ лишнимъ, а напротивъ принесетъ несомнѣнную пользу. Какъ-то легко привыкли смотрѣть на маленькую дѣвочку, намъ кажется даже что при первоначальномъ воспитаніи ея, родителямъ не приходитъ и мысль въ голову, что этотъ милый розовый ребенокъ будетъ со временемъ женою, наконецъ матерью, и что это невинное существо, о нарядахъ и образованіи котораго начинаютъ хлопотать отъ колыбели — должно составить счастье человѣка и дать жизнь многочисленному семейству. О воспита-

ни дѣвочекъ, которое весьма многіе понимаютъ превратно, можно бы написать цѣлые томы, но все эти описанія не привели бы къ желанной цѣли; подобное описаніе легко пошло бы за самое скучное разсужденіе. Родители, и матери въ особенности имѣютъ на этотъ счетъ свои особенныя понятія, особенно у насъ, гдѣ (конечно не вездѣ и не всегда) страсть къ чужеземному не можетъ еще искорениться. Выписавъ нянекъ и гувернантокъ изъ различныхъ странъ и климатовъ, у насъ ввѣряютъ имъ дѣвочекъ, и эти няньки и гувернантки принимаются за дѣтей по-своему, и приучаютъ ихъ физическое существо къ тѣмъ условіямъ, которыя необходимы не подъ нашимъ небомъ, не на нашей почвѣ. Но довольно! мы увлеклись.

Вообще отдѣлы «Гигіена» и «Воспитаніе» заслуживаютъ не только вниманія благомыслящихъ матерей, но, кажется намъ, должны принести пользу, если будутъ разумно приложены къ дѣлу. Чтобы показать, какъ справедливо наше мнѣніе, мы позволимъ себѣ выписать нѣсколько мѣстъ изъ означенныхъ отдѣловъ въ книгѣ г. Дерикера.

«Мы такъ уже присмотрѣлись къ слабымъ, болѣзненнымъ женщинамъ» говоритъ авторъ «что по недостатку истинно хорошихъ образцовъ даже въ своемъ воображеніи давно уже измѣнили самый идеалъ красоты. Какую красоту обыкновенно восхваляютъ и прославляютъ намъ поэты и романисты? Красоту полную жизни, свѣжести и силы? Напротивъ, нашъ обыкновенный идеалъ—образъ какой-то сальфиды; тонкій, воздушный станъ; «интересная» блѣдность съ самымъ легкимъ временнымъ налетомъ румянца; томный взглядъ; формы и движенія эфирнаго призрака; мечтательность отъ бездѣйствія, нѣжность отъ безсилія, тонкая чувствительность отъ раздражительности нервовъ, — словомъ, все признаки слабости и болѣзни. Во всехъ этихъ прелестяхъ, можетъ быть, есть поэтическій интересъ, но они не предвѣщаютъ ничего хорошаго ни въ будущей матери, ни въ женѣ, которая призвана помогать мужу нести бремя жизни и подчасъ бороться съ превратностями судьбы.

Соображаясь, такъ сказать, съ требованіями и вкусомъ своего времени, не только дѣвушки, но даже матери больше дорожатъ такою условною мнимопоэтическою красотой, чѣмъ здоровьемъ.

Одни боятся съѣсть столько, сколько требуетъ желудокъ, чтобы не растолстѣть; другія боятся ходить, чтобы ноги не сдѣлались большими; одни пьютъ уксусъ, чтобы быть блѣдными; другія подвергаютъ себя страшнымъ пыткамъ, мнутъ и стягиваютъ ребра до невозможности дышать, чтобы блеснуть неестественною тонкостью талии. Жалость смотрѣть!

Само собою разумѣется, что мы здѣсь говоримъ вообще только о

тѣхъ классахъ и состояніяхъ, въ которыхъ дѣти «воспитываются», а не о тѣхъ, гдѣ они растутъ дико, какъ попало.» (245—246).

Видите, что авторъ смотритъ на воспитаніе дѣвочки съ разумной точки зрѣнія. А вотъ что говоритъ онъ дальше:

«Однако жъ, и въ самомъ супружествѣ возможны ошибки и заблужденія. Гигіена старается предупредить ихъ, указывая на причины и послѣдствія.

«Одна изъ самыхъ опасныхъ ошибокъ—слишкомъ раннее вступленіе въ бракъ. Всякое органическое существо становится способнымъ къ воспроизведенію только тогда, когда у него оказывается избытокъ силъ и жизни. Когда же организмъ еще не успѣлъ совершенно развиться и укрѣпиться, когда ему самому еще нужно пополненіе, то онъ, естественно, не можетъ принести зрѣлаго плода. Преждевременная беременность останавливаетъ и разстроиваетъ развитіе, отнимаетъ силы и уничтожаетъ плодородіе. Женщина, слишкомъ рано вышедшая замужъ, подвергается множеству опасностей въ новомъ своемъ положеніи. Сдѣлавшись беременною, она съ великимъ трудомъ и всегда во вредъ своему здоровью переноситъ неизбѣжныя неудобства этого состоянія; легко подвергается выкидамъ и кровотечениямъ; черезъ это становится бесплодною, а часто вовсе не выноситъ родовъ, и, давъ ребенку жизнь, сама погибаетъ. Если же сдѣлается матерью и останется въ живыхъ, то обыкновенно не можетъ сама кормить, потому что не имѣетъ достаточно питательнаго молока, или же истощается въ трудахъ и заботахъ, которые превосходятъ ея силы; ослабѣваетъ и старѣетъ въ такіе лѣта, когда только что должна бы наступить пора настоящей молодости и красоты. Самыя дѣти ея обыкновенно бываютъ плоды незрѣлые, существа слабыя, болѣзненные, худо сложенные, знающія о своемъ существованіи только по страданіямъ, и, слѣдовательно, для общества совершенно бесполезны.» (280—281).

Все это истины давно извѣстныя, но онѣ высказаны такъ хорошо и убѣдительно, что вѣроятно многими и многими будутъ приняты къ свѣдѣнію.

Теперь, попросивъ извиненія у нашихъ хорошенкыхъ читательницъ, мы развернемъ имъ стр. 352, и попросимъ прочесть со вниманіемъ, что пишетъ г. Дерикеръ въ главѣ: *Одежда*. Мы не выписываемъ этой главы, но только указываемъ на нее. Авторъ находитъ не естественнымъ—современный, очень красивый нарядъ женщины, и говоритъ, что перетянутая талія не такъ красива, какъ кажется, и приводитъ очень убѣдительныя доказательства. Что касается насъ лично, каемся въ грѣхъ и сознаемся откровенно, что мы очень любимъ стройныя, граціозныя

тали, хотя конечно не сочувствуемъ тѣмъ таліямъ, которыя, бывъ перетянуты, какъ говорится, въ рюмку напоминаютъ собою осу. Конечно, вы догадываетесь, что дѣло идетъ о корсетѣ.

«Нынѣшней модѣ» говоритъ авторъ «стоитъ сдѣлать еще только одинъ шагъ впередъ, выкроить женское платье безъ отрѣзаннаго лифа, такъ какъ она уже начала кроить разныя очень изящныя кофточки, такъ чтобы ткань непрерывною чистою линіей ложилась по всему стану сверху до низу, и побѣда будетъ одержана. Одна эта линія сразу убьетъ всѣ неестественныя перетяжки, инквизиціонныя тиски, шнипы, пружины, китовые усы и всѣ орудія пытки. Дайте намъ эту линію!»

«Всю Калифорнію, всѣ сокровища міра за эту линію! Она возвратитъ намъ нравственную красоту женщины» (стр. 354).

Впрочемъ авторъ нападаетъ преимущественно на отрѣзанный лифъ, а корсетъ даже допускаетъ.

«Мы не думаемъ изгонять корсета (ъ) совершенно» говоритъ онъ: «онъ, можетъ быть, хорошъ; можетъ быть, даже необходимъ для женщинъ уже давно совершенно сформировавшихся и въ особенности для тѣхъ, которымъ уже вообще нужно поддерживать себя. Мы готовы даже допустить корсетъ у дѣвушки, но не прежде какъ тогда, когда она совершенно сформируется, и притомъ такой, который бы обнималъ только собственно талію, нисколько не прикасаясь къ грудямъ» (стр. 355).

Между прочими совѣтами, конечно весьма полезными, авторъ говоритъ и о косметическихъ средствахъ. Бывъ вполне увѣрены, что наши милыя читательницы не употребляютъ этихъ средствъ совсѣмъ, или если употребляютъ, то весьма мало, мы выписываемъ кое-что изъ этого мѣста.

«Изъ средствъ собственно такъ называемыхъ косметическихъ, имѣющихъ цѣлю придать кожѣ нѣжность и бѣлизну, позволительны весьма не многія—воды: огуречная, померанцовая, розовая, земляничная, меловая, ячменный сокъ, дынный сокъ; помады: огуречная, какао, спермацетовая, cold-cream, crème de neige, миндальное тѣсто, рисовая пудра и тому подобныя; всѣ же притиранья неизвѣстнаго состава и всѣ спиртныя жидкости, не исключая прославленнаго о-де-колоня положительно вредны. Особенно же разрушительно дѣйствуютъ на кожу бѣлила и румяна, какого бы состава они ни были. Если они металлическія, приготовленныя изъ свинца, ртути, сурьмы, то они прямо разѣдаютъ кожу, убиваютъ послѣднія жизненныя силы ея, отравляютъ весь организмъ и разрушаютъ зубы. Если же они растительныя, самыя нѣжныя, самыя «безвредныя», какъ увѣряютъ продавцы, то все-таки засоряютъ поры, останавливаютъ испареніе, ускоряютъ появленіе морщинъ, поража-

даютъ разныя сыпи, лишай и воспаленія. Во всякомъ же случаѣ все эти средства не только бесполезны, но всегда ускоряютъ увяданіе, одряхленіе и огрубѣніе кожи, вредятъ общему здоровью организма и приближаютъ старость.

Неправда ли все это очень просто, убѣдительно и заслуживаетъ вниманіе матерей, заботящихся о здоровьѣ и судьбѣ дѣтей своихъ. Конечно, если смотрѣть на дочь какъ на товаръ, который надо поскорѣе сбыть съ рукъ, тогда не для чего соблюдать разумныя правила, предписываемыя гигиеною. Но мы увѣрены, что если и есть матери смотрящія на дочерей съ этой точки зрѣнія, то ихъ чрезвычайно мало; онѣ только исключеніе изъ общаго правила; а поэтому каждая благомыслящая мать постарается воспользоваться добросовѣстными наставленіями г. Дерикера. Наконецъ, «Физиологическая исторія женщины» представляетъ занимательное чтеніе и для посторонняго человѣка, бывъ написана прекраснымъ языкомъ, что много значитъ—почти въ медицинскомъ сочиненіи. Книга издана красиво, и на хорошей бумагѣ.

—

II.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ.

Открытіе загородныхъ увеселеній.—Первое мая въ Екатеринбургѣ.— Рейсы парашодовъ петергофской пристани на кронштадтскій рейдъ.—Оригинальное опасеніе русскихъ моряковъ.— Неустрашимая русская барышня.—Стихотворное приглашеніе сэру Непиру.—Два анекдота о нашихъ морякахъ.— Войнолюбивый мальчикъ.—Приказъ адмирала Рикорда.—Биржевой скверъ и Лѣтній садъ.—Новый Биржевой мостъ.—Поѣздки на Елагинъ островъ.—Открытіе часовни на Благовѣщенскомъ мосту.—Храмовый праздникъ въ Колпинѣ.—Англійскіе и турецкіе флаги въ Петербургѣ.—Замѣчательная выставка вещей лотереи Дѣтскихъ приютовъ.—Дачныя эмиграціи и новый характеръ престопадныхъ загородныхъ представленій.—Музыкальные вечера на Минеральныхъ водахъ.—Воздушное путешествіе Регенти.—Пароходы по Волгѣ.—Натуральныя минеральныя воды въ Калужской губерніи.—Уральскія изумрудныя копи и ихъ окрестности.—Театральныя новости.—Некрологъ г. Смирнова.—Военная пѣсня князя Горчакова.—Новыя картины.—Русскій Художественный Листокъ.—Новыя карты и брошюры о Турціи.—Золотая стерлядь.—Петербургскіе наряды.

Рядъ загородныхъ петербургскихъ увеселеній, не прекращающихся до поздней осени, открылся обычнымъ гуляньемъ въ Екатеринбургѣ, въ субботу, перваго мая. Въ этотъ увеселительный день мы убѣдились, что привычка, а главное обычай, бываютъ сильными двигателями, и что существуютъ люди, которые не захотятъ преступить ихъ ни за какія блага міра, не смотря ни на какія препятствія. Грени громъ, бушуй буря

и лейся ливнемъ дождь, все-таки они не останутся дома, а поѣдутъ въ то мѣсто, гдѣ привыкли уже бывать столько лѣтъ сряду. Въ этомъ можно было убѣдиться разительнѣ всего перваго мая. Не смотря на прекрасное утро, около пяти часовъ по полудни на голубой фонѣ майскаго петербургскаго неба начали набѣгать съ запада сизыя тучи, и наконецъ въ шесть часовъ полилъ такой сильный дождь, сопровождаемый молніей и громомъ, что даже мощеныя петербургскія улицы превратились чуть ли не въ сплошныя лужи. Увы! думали мы, что же будетъ съ глинистыми Екатерининскими аллеями: онѣ превратились теперь въ настоящій кисель, стали недоступны для пѣшеходовъ, не красивы на видъ для ѣдущихъ въ экипажахъ, и вѣроятно останутся пустынными или занятыми только тѣми, которые желая уже нагуляться вдоволь, собрались въ Екатерингофъ чуть ли не съ зарею. Бѣдный Екатерингофъ, бѣдные гуляльщики, лишенные его приманокъ, думали мы часовъ въ семь, когда небо прояснилось, тучи перестали угрожать новымъ дождемъ, и мы по обязанности нашей удовлетворять читателей о петербургскихъ новостяхъ, сѣли въ экипажъ, чтобъ потомъ имѣть счастье увѣдомить: «По случаю проливнаго дождя въ Екатерингофѣ никого не было.» Очень бы мы ошиблись, еслибъ оставшись дома, рѣшились написать это наше искреннее и твердое убѣжденіе, не побывавъ на мѣстѣ. Еще два, три подобные промаха, и читатели потеряли бы къ намъ всякое довѣріе. Мы въ послѣдствіи обрадовались, что не поддались такой пагубной мысли, потому что вмѣсто безлюдья очутились въ сплошномъ ряду экипажей, и увидѣли въ аллеяхъ и около воксала, италіанской и русской кофейнѣ довольно густую толпу пѣшеходовъ, мужчинъ и женщинъ, въ разнообразныхъ костюмахъ, которые, не стѣсняясь грязною почвой, предавались вполне каждый своему развлеченію—кто пощелкивалъ орѣхи, кто курилъ на сыромъ воздухѣ сигару, кто услаждалъ свой вкусъ тѣмъ прохладительнымъ, которое дѣлается изъ подслащеннаго снѣгу и продается въ кадкахъ при крикахъ: «сахарно морожено»—безъ чего бы, разумѣется, нельзя было узнать, что именно это такое. При громѣ нѣсколькихъ хоровъ музыки и пѣсенниковъ, въ то время, когда экипажная публика разѣзжалась въ правильныхъ кругахъ, пѣшеходная разсыпалась по воксалу и кофейнямъ, или смотрѣла представленіе въ открытомъ циркѣ, устроенномъ г. Шпоззи, и любовалась видами панорамы Іерусалима. Прочая, не столь любопытная и прихотливая публика, именно привлеченная только силою привычки и обычая, любовалась красотою оживляющейся майской природы: едва распускающимися деревьями, чуть позеленѣвшею травою и густымъ туманомъ, который клубился къ вечеру надъ вершинами липъ и березъ.

Въ воскресенье, втораго мая, загремѣла также въ первый разъ музыка въ Павловскѣ и начались открытые концерты Юсифа Гунгля, общаго любимца всѣхъ павловскихъ дачниковъ. Прекрасная погода привлекла въ садъ павловскаго воксала множество посѣтителей, и музыкальный дебютъ нынѣшняго года оркестра г. Гунгля не можетъ пожаловаться, чтобъ нашелъ нашу публику равнодушною. Въ послѣднемъ поѣздѣ вагоновъ обратно въ Петербургъ, едва можно было найти мѣсто. Съ той самой минуты, когда пронеслись послѣднія льдины Ладожскаго озера, отъ пристаней Васильевскаго острова начали отправляться пароходы въ Петергофъ и на восточный кронштадтскій рейдъ. Кому не придетъ охота полюбоваться съ полною надеждою—на неприступныя бойницы Кронштадта и на стройную вытянутую линію бѣлопарусныхъ кораблей русскихъ, спокойно ожидающихъ пришествія незваныхъ гостей и готовящихся угостить ихъ, по выраженію нашихъ матросовъ, до-сыта «*черносливомъ и орѣшками*» (ядрами и пулями). Поэтому каждый день, на петербургскихъ пристаняхъ пароходовъ Сильфида и Кокриль собирается густая толпа пассажировъ. Пароходы плывутъ или прямо къ Кронштадту, подходятъ къ сѣверной оконечности восточнаго рейда, и повернувъ потомъ направо, мимо укрѣпленій, по направленію къ Ораниенбаумскому берегу и потомъ идутъ въ Петергофъ—или изъ Петергофа уже въ Кронштадтъ. Томимые общимъ влеченіемъ и общою потребностью, мы также сѣли на пароходъ Кокриль, и при благопріятной погодѣ поплыли по красавицѣ Невѣ къ нашему сѣверному Гибралтару, недоступному силамъ всѣхъ соединенныхъ флотовъ въ мірѣ. Было уже одиннадцать часовъ утра, а между тѣмъ на палубѣ парохода, съ совершенно ясными глазками, висколько не сохраняющими слѣдовъ сна, сидѣли и толпились модныя петербургскія дамы и барышни, привыкшія обыкновенно привѣтствовать утреннюю зарю послѣ полудня. Ихъ также влекло, не смотря на равній для нихъ часъ, то истинно русское чувство, которое всѣхъ преобразовываетъ будто въ одну дружную семью, готовую жертвовать отечеству имуществомъ, своими посельными способностями, и самую жизнь свою и своихъ кровныхъ. Въ продолженіе цѣлаго пути разговоры, испещренные анекдотами и островами надъ самонадѣянностью *благородныхъ* англійскихъ адмираловъ и моряковъ, не умолкали. Даже на самой носовой части парохода, на которой помѣщаются обыкновенно люди простаго класса, между бородками и сибирками, намъ удалось подслушать одинъ вопросъ, или лучше сказать одну предложенную разгадку въ русскомъ духѣ, которая явно свидѣтельствуесть о твердой надеждѣ русскаго на свои силы и мужество.

Между пассажирами. Одинъ говорилъ, что кто-то спросилъ нѣсколькихъ матросовъ:

— Хотите ли вы, ребята, драться съ англичанами?

Матросы стояли хладнокровно, и какъ будто не хотѣли отвѣчать.

— Ну, что жъ, ребята, повторилъ вопрошающій: хотите или нѣтъ?

— Боимся, отвѣчалъ одинъ изъ толпы.

— Какъ, боитесь?

— Боимся—что не прійдутъ!

Другой разсказывалъ, какъ одинъ изъ нашихъ молодыхъ художниковъ съ радостію пошелъ въ морское балтійское ополченіе, третій говорилъ о вооруженіи яхтъ, которыя снаряжены на случай выпѣшной войны нашимъ Яхтъ-клубомъ; прочіе не отставали, и потому мы и не замѣтили, какъ прибыли въ Петергофъ.

Болѣе всего заинтересовалъ всѣхъ отвѣтъ и хладнокровіе дѣвицы Видманъ, дочери бывшего казначея Одесской думы, при бомбардированіи города 10-го апрѣля соединеннымъ англо-французскимъ флотомъ. Когда генералъ-адъютантъ баронъ Остенъ-Сакенъ, объѣзжавъ прибрежныя батареи на бульварѣ, слезъ съ лошади и наблюдалъ за ходомъ боя, среди летающихъ ядръ и лопающихся бомбъ, то замѣтилъ молодую дѣвушку, проходившую съ отцемъ своимъ. Генералъ подошелъ къ ней:

— Неужели вы не боитесь? спросилъ онъ ее.

— Развѣ я не русская? отвѣчала ему съ чувствомъ народного достоинства дѣвица Видманъ.

Этотъ отвѣтъ неустрашимой дѣвушки радостно откликнулся въ сердцахъ всѣхъ русскихъ, находившихся тогда на бульварѣ.

Пообѣдавъ на-скоро въ Петергофскомъ воксалѣ у Бренфо, перемѣстившаго на лѣтнее время часть своихъ поваровъ на пассажирскую гавань, всѣ пассажиры посѣщили перемѣнить билеты, и при звукахъ музыки лейбъ-гвардіи уланскаго полка двинулись къ Кронштадту. Величественно растаялись наши корабли, и въ стройномъ порядкѣ стояли на якоряхъ, какъ будто готовые для торжественнаго смотра. На одномъ изъ передовыхъ кораблей развѣвался адмиральскій флагъ. Хоръ музыкантовъ, бывшихъ на кокрилѣ, заигралъ русскій народный гимнъ «Боже, Царя Храни», на который съ палубъ кораблей, наполненныхъ матросами и офицерами, грянуло громкое ура. Всѣ пассажиры сняли шляпы и восторженно повторяли этотъ воинственный кликъ; дамы махали платками; у многихъ сверкали на глазахъ слезы. Съ неумолкающимъ восторженнымъ ура обошелъ пароходъ нашъ всю цѣпь кораблей, и съ каждаго отвѣчали намъ тѣмъ же отвѣтственнымъ кликомъ. Глядя на безчисленное множество орудій, готовыхъ извергнуть изъ жерлъ своихъ

громъ и смерть, многіе вспомнили хвастливыя выходки Немира, послѣ попойки въ лондонскомъ клубѣ. «Мы не хвалимся, на рать идучи», сказалъ одинъ изъ пассажировъ: «а могли-бы этому краснобаю показать, что у насъ есть свой *Немиръ*, пославиѣ и поблагороднѣе британскаго.»—Кто же это?—спросили многіе. Пассажиръ вынулъ изъ кармана бумажку, на которой было написано:

Н—ачальникъ

Э—скадръ,

П—етръ

И—вановичъ

Р—вкордъ!

общія рукоплесканія раздались на палубѣ. Пассажиръ обратился потомъ къ голубѣющей дали залива, и снявъ насмѣшливо шляпу, очень удачно прочелъ прекрасное приглашеніе г. Тимофѣева, благородному сэру Немиру. Впрочемъ, замѣтимъ, что это произведеніе, какъ носятъ слухи, не принадлежитъ къ произведеніямъ того г. Тимофѣева, отъ таланта котораго былъ одно время въ восторгѣ редакторъ Библиотеки для Чтенія, это только его однофамилецъ:

Вашу ручку, сэръ Немиръ!
 Има отчества не знаемъ,
 Хоть давно ужъ поджидаемъ
 Вашу честь на русскій пиръ.
 Средь прѣвѣтственнаго клича,
 Мы тебѣ на мѣсто спича
 Скажемъ крѣпкое слово,
 И тебѣ оно въ подмогу
 Зарумянить пуще грогу,
 Благородное лицо.
 Что жъ! пройдися фертомъ, хватомъ!
 Нешто дѣло за Кронштатомъ?
 Али ручки коротки?
 Жаль, не знаешь ты по-русски,
 (Не дались вамъ языки!)
 Такъ прочти хоть по-французски,
 Какъ нашъ дѣдушка Крыловъ
 Осмѣялъ хвастунью-птицу,
 Перелетную синицу.
 Въ баснѣ этой смыслъ таковъ:
 Слуду вздумалось синицѣ

Океанъ огнемъ зажечь:
 Разнесли по свѣту птицы
 Хвостовскую эту рѣчь.
 Въ прибауткахъ разгласили,
 Чтобы къ морю все спѣшили
 Даровой хлѣбать ухи;
 Что поживы будетъ много,
 Что гладка къ ухѣ дорога;
 А что жирной потрохи,
 И стерляжьей, и сигаовой,
 И вязиги осетровой, —
 Хоть лукошками нагрестъ,
 Ребятишкамъ на домъ снести.
 Встрепенулся боръ сосновый,
 Застонала земь кругомъ:
 Мчатся звѣри, люди, птицы,
 Даровой хлѣбать ушицы...
 Пни и кочки выпочемъ!
 «Тише, вы! не суетитесь!
 На колоду не наткнитесь!
 Не ожгитесь кипяткомъ!»
 И, куда! бѣгутъ, не слышать —
 А межъ тѣмъ на берегахъ
 Ужъ костры подъ небо пышуть:
 Искры, дымъ — взглянуть такъ страхъ!
 И юлить моя синица:
 «Не кипить-де, вишь, водица!»
 Гости ждуть себѣ пождуть...
 У инаго съ голодухи
 Ужъ давно тревога въ брюхѣ;
 Тотъ, старинный лизоблюдь,
 Глазъ не сводить, слюнку точить —
 Такъ все выхлѣбать и хочеть
 Просто горетью, безъ ковша.
 А иной тутъ забулдыга,
 «Что мнѣ, думаетъ, вязига!
 Подцѣпить-бы хотъ ерша!»
 Вотъ, соскучась дожидаться,
 Гости думаютъ приняться
 Да хозяйку потрепать.

Глядь-туда-сюда, синица,
 (Небольшаго чину птица),
 «Какъ-бы мнѣ, дескать, удрать?»
 Улучила мигъ удобный,
 Благо вѣтеръ былъ способный,
 Промелькнула черезъ пылъ—
 Въ рошу порхъ! и слѣдъ простылъ!
 Гости что жъ? поворотили—
 Не до ночи-жъ голодать!
 Дома кашу заварили...
 Какъ-то будетъ расхлебать?

—
 Басня вся; а назиданье
 Мы прочтемъ при разставаць:
 Съ нами, братъ, не балагурь,
 Есть у насъ артиллеристы,
 Просто чудо-моралисты:
 Изъ кого такъ выбьютъ дурь!
 Вотъ вы справьтесь въ Черномъ Морѣ,
 Пусть расскажетъ вамъ Дундасъ,
 Что за щоголи у насъ,—
 Только вспомнить—смѣхъ и горе!
 Триста пушекъ противъ двухъ
 Не смутили русскій духъ!
 Это прапорщикъ, буяны!
 Что жъ, какъ грянуть капитаны!

На возвратномъ пути въ Петербургъ, анекдоты о храбрыхъ подвигахъ нашихъ моряковъ и о ихъ самоотверженіи не умолкали ни на одну минуту. Какой-то почтенный пожилой человекъ рассказывалъ, что во время войны при Императорѣ Павлѣ I, одинъ изъ нашихъ моряковъ съ малочисленнымъ отрядомъ взялъ крѣпость. Императоръ получивъ о томъ донесеніе сказалъ:

— Морякъ хотѣлъ удивить меня, такъ посмотримъ, кто кого удивить болѣе, и наградишь отважнаго истинно по-царски.

Рассказывали также объ одномъ морскомъ геройскомъ самоотверженіи, о благородномъ спорѣ отца съ сыномъ, въ вызовѣ на вѣрную смерть, въ турецкую войну, въ царствованіе Императрицы Екатерины Великой. За достовѣрность его можно поручиться, потому что онъ въ духѣ отличающаго народъ русскій, и въ томъ духѣ, съ которыми Цари

русскіе щедрою дланію награждаютъ тѣхъ, кто не посрамилъ земли русской, и легъ костями не зная сраму. Однажды отъ князя Потемкина-Таврическаго нужно было отвезти приказъ къ князю Суворову-Римникскому, пройдя чрезъ линію крейсующихъ турецкихъ кораблей. Дешу нужно было доставить непременно или взлетѣть съ нею вмѣстѣ на воздухъ. Охотниковъ было такъ много, что пришлось бросать жребій, и этотъ почетный жребій достался на долю одного капитанъ-лейтенанта, имѣвшаго сына мичмана. Канонерская лодка была готова, охотники на лицо. Батюшка, сказалъ мичманъ, позвольте и мнѣ сопутствовать вамъ.

— Любезный другъ, отвѣчалъ капитанъ-лейтенантъ, указывая рукою на небо: развѣ ты не можешь понять, что можетъ быть я буду тамъ. Ты лишній, ты не можешь быть еще полезенъ въ другихъ случаяхъ, вспомни, что у тебя есть кромѣ меня беззащитная мать и сестра.

Послѣ этихъ словъ, родственныя отношенія перемѣнились; отецъ сдѣлался начальникомъ, который могъ отказать въ чести участвовать въ отважномъ подвигѣ.

— Господинъ капитанъ-лейтенантъ, возразилъ мичманъ, а развѣ мичманамъ нѣтъ мѣста на небѣ? Позвольте мнѣ сопровождать васъ.

— Ёдемъ, господинъ мичманъ, отвѣчалъ начальникъ отважнаго предпріятія, благодарю васъ.

И они поѣхали.

Въ темную туманную ночь, благополучно пробрались они между турецкими кораблями и доставили необходимую дешу; но не таковъ былъ обратный путь. Окруженные неприятельскими кораблями, и сыну и отцу приходилось или сдаться, какъ сдана паруходъ-фрегатъ «Тигръ» хвастливо-побѣдоноснаго англійскаго флота, или умереть. Выборъ былъ не дологъ. Они рѣшились взорваться. Отецъ скомандовалъ, сынъ запалилъ.

Сверкнуло пламя, раздался гулъ, и только одни остатки малаго судна плавали по волнамъ Чернаго моря.

Извѣстясь объ этомъ честномъ подвигѣ, Императрица повелѣла узнать, не осталось ли послѣ храбрыхъ моряковъ какого нибудь семейства, и узнавъ, что существуютъ только мать и дочь, приказала: *«Выдать обѣимъ имъ жалованье отца и сына по смерти, а чтобъ они не затруднились ходить за нимъ въ главное казначейство, то выдать обѣимъ всю сумму за двадцать пять лѣтъ впередъ.»*

Не знаемъ много ли подобныхъ подвиговъ могутъ насчитать у себя французскій и англійскій флоты, много ли у нихъ найдется нашихъ Козарскихъ и ему подобныхъ, но только знаемъ, что даже при чемъ нибудь подобномъ, они преувеличили бы свои подвиги во всѣхъ газетахъ, и нарисовали бы тысячи картинъ, а мы молчимъ, къ подобнымъ под-

вигамъ намъ не привыкать; со времени великаго князя Святослава и Благовѣрнаго Александра Невскаго не привыкать намъ къ этому до времени Петра Великаго и Александра Благословеннаго. Каждый отъ малаго до великаго, отъ молодаго до стараго проникнуть однимъ чувствомъ, и даже недавно мы были свидѣтелями разительнаго примѣра. При выступленіи въ походъ одного изъ полковъ, слѣдовавшихъ куда-то по назначенію изъ Петербурга, десятилѣтній мальчикъ, * приближаясь къ рядамъ, всунулъ въ руку перваго проходившаго рядоваго рубль серебромъ, данный ему въ награду за прилежаніе, и съ словомъ: «Прощай, служивый, возьми мой трудовой рубль, и дай Богъ тебѣ счастливо возвратиться,» радостно пошелъ опять на тротуаръ. Какъ послѣ этого не повторить прекрасныхъ стиховъ князя Вяземскаго, которые не худо замотать французамъ себѣ на усь:

У васъ господь, изъ шайки Бонапарта,
 Набѣгами тревожившей весь свѣтъ,
 У васъ своя исторія и карта,
 Гдѣ темныхъ дней, гдѣ темныхъ точекъ нѣтъ.
 Свой рядъ именъ пустили вы въ огласку,
 Ведете счетъ однимъ удачнымъ днямъ;
 А тамъ, гдѣ мы путемъ вамъ дали таску,
 Не помните?—Такъ мы напомнимъ вамъ.

Аустерлицъ раскрасить вы умѣли,
 А напиримѣръ, Тарутино въ потьмахъ;
 Подъ Краснымъ то жъ, кажись, вы на мель сѣли,
 Но съ Краснаго рябить у васъ въ глазахъ.
 Ощипанъ былъ тамъ вашъ орелъ кургузый,
 И перья онъ разсыпалъ по полямъ.
 А помните ль Кутузова, французы?
 Не помните?—Такъ мы напомнимъ вамъ.

Онъ какъ ни старъ, а ловкій былъ дѣтина,
 И хоть и былъ однимъ онъ глазомъ плохъ,
 Не проглядѣлъ гостей онъ до едина,
 И всѣхъ привелъ въ большой переполохъ.
 И многихъ здѣсь изъ той лихой артели
 Пересчитать не трудно было бъ намъ;

* Сынъ одного изъ нашихъ литераторовъ.

Отъ ихъ пировъ и вы не разъ хмѣлѣли...
Не помните?—Такъ мы напомнимъ вамъ.

Быль Витгенштейнъ, Багратионъ, Раевскій,
Да и теперъ есть кое-кто у насъ...
Пришла жъ вамъ мысль—испить водицы невесткой;
Такъ что жъ? гостямъ мы рады, въ добрый часъ!
Но знай впередъ, кто бъ ни былъ ты, дружище,
Вода Невы опасна новичкамъ:
Она... она... какъ бы сказать почише?
Но... послѣ мы о томъ напомнимъ вамъ!!...

Чтобъ доказать какъ мы умѣемъ быть воздержны на языкъ, и скромны, и какъ всѣ слова, произносимыя нашими военачальниками чужды хвастовства и не похожи на рѣчи г. Непира, Пальмерстона и ему подобныхъ, стоитъ только указать на приказъ извѣстнаго нашего адмирала П. И. Рикорда, отданнаго 28 апрѣля, при поднятіи адмиральскаго флага на кораблѣ Императоръ Петръ I.

Вотъ какъ говорить въ немъ маститый морякъ :

— По минованіи шестидесяти лѣтъ моей службы, удостоился я самою лестной, неоцѣненной награды Высочайшимъ назначеніемъ меня въ начальники двухъ дивизій балтійскаго флота, готовыхъ встрѣтить идущаго на насъ врага; удостоился чести поднять свой адмиральскій флагъ на кораблѣ, соименномъ безсмертному основателю русскаго флота, и дѣйствовать въ глазахъ Великаго Нашего Монарха. Слѣдуетъ ли мнѣ, доблестные мои сподвижники, напоминать вамъ о священныхъ вашихъ обязанностяхъ? Вамъ ли, храбрые русскіе моряки, слушать увѣщаніе о томъ, чего ожидаютъ отъ васъ Государь и Отечество. Вашъ долгъ начертанъ въ сердцахъ вашихъ. Если кому изъ насъ суждено принести въ жертву жизнь свою, вспомнимъ, что смерть есть удѣлъ каждаго, а умереть за Вѣру, Царя и Отечество награда избранникамъ Божиимъ. Не знаемъ, кому въ подлежащихъ бояхъ обреченъ тотъ или другой жребій, но твердо знаемъ то, что славный русскій флагъ не достанется врагамъ, и что всѣхъ насъ ожидаетъ торжество правды и честь нашего дѣла, безсмертная слава Государя и Россіи. И такъ съ Богомъ! Идемъ, куда зовутъ насъ долгъ нашъ и слово Царское.»

Будемъ же слѣдовательно покойны, и покойны тѣмъ болѣе, что адмиралъ началъ свое поприще молитвою, и краснорѣчивый духовный витія Филаретъ, митрополитъ московскій, сопровождая свое посланіе

благословеніемъ своимъ нашему балтійскому флоту — драгоцѣннымъ крестомъ, знаменіемъ, противъ котораго теперь возстали наши противники.

Послѣ этой главной и любимой въ настоящее время Кронштадтской прогулки цѣлаго Петербурга, публика наша до своего переселенія за городъ на дачи не позабыла другихъ своихъ весеннихъ гуляній — биржеваго сквера, бульваровъ и лѣтняго сада.

Со времени открытія навигаціи биржевой садъ обыкновенно представлялъ самое разнообразное зрѣлище: аллеи его оглашались пѣніемъ заморскихъ птицъ и крикомъ разнородныхъ попугаевъ и обезьянъ, которыя съ удивленіемъ и самыми смѣшными гримасами посматриваютъ на столпившихся вокругъ ихъ кѣтокъ зрителей. Любители собакъ могли пріобрѣсти тамъ прекрасныхъ собакъ изъ породы «кингъ-чарльзъ» и водолазовъ, хотя, правда, они, какъ говорится, сильно *кусаются*, то есть, стоятъ до полутораэта рублей серебромъ. Въ нынѣшнемъ году этого не было. Только любителямъ морскихъ раковинъ также предстояло много для выбора самыхъ блестящихъ и разнообразныхъ со всѣхъ морей земнаго шара. Гулянье это очень непродолжительное, потому что и птицы, и собаки, и раковины скоро раскупаются, будетъ впредь особенно оживлено отъ новаго ближайшаго пути къ биржѣ съ Невскаго Проспекта. Около двѣнадцатаго мая открытъ для ѣзды Исакіевскій Мостъ, который переведенъ, какъ извѣстно, на новое мѣсто, и соединяетъ теперь Биржу съ оконечностью Адмиралтейскаго Бульвара, параллельною Зимнему Дворцу. Биржевые купцы скажутъ за это спасибо не одинъ разъ: теперь можно доѣхать до Биржи отъ угла Литейной почти не сѣзжая съ торцевой мостовой, и не надо дѣлать огромнаго объѣзда по Исакіевской площади и васильостровской набережной. Для тѣхъ изъ обитателей адмиралтейской стороны, которые живутъ далеко отъ линіи Невскаго проспекта, есть мосты Благовѣщенскій и Троицкій, для живущихъ же въ окрестностяхъ проспекта и на самомъ проспектѣ, теперешнее положеніе моста истинное благодѣяніе. Исакіевскій Мостъ помолодѣлъ и обновился, сталъ такой чистойскій, хорошенькій; очень красивы новые спиртовые фонари; сторожевые домики посрединѣ его перемѣнили архитектуру и стали также красивѣе, однимъ словомъ, мостъ не узнать. Теперь онъ называется *Биржевымъ* мостомъ.

Въ Лѣтнемъ Саду до сихъ поръ еще бѣгаютъ и рѣзвятся дѣти, галопируютъ амазонки и всадники, и разгуливаетъ избранная петербургская публика, отъ двухъ часовъ да пятаго. Вечеромъ ее замѣняетъ публика средняго класса и также ходитъ безъ всякой цѣли, съ однимъ желаніемъ насмотрѣться на развивающуюся зелень. Прежде всего загремѣла музыка въ вокалѣ Александровскаго парка, котораго аллеи каждый день

наполняются многочисленными экипажами, уносящими петербургскихъ жителей на острова, особенно на красивый Елагинъ островъ, любоваться видомъ заходящаго солнца на взморьѣ, и въ особенности гордою батареею. Собраніе публики на Елагинскомъ острову каждый день бываетъ до того велико, что прїѣзжему можетъ показаться, что это одинъ нескончаемый праздникъ. И какъ прїятно видѣть спокойныя, веселыя лица гуляющихъ, съ какимъ гордымъ любопытствомъ самыя робкія петербургскія жительницы смотрятъ на грозныя орудія, которыя величественно отражаются въ волнахъ приморья. На Крестовскомъ островѣ гремитъ музыка, поютъ военные песенники и бодро расхаживаютъ солдаты на сторожевыхъ вышкахъ; вышки эти придали скромному Петровскому Острову видъ совершенно новый, картинный и воинственный, достойный такого горста, каковъ нашъ Петербургъ.

Въ воскресенье, 9 мая, происходило освященіе часовни, выстроенной на Благовѣщенскомъ мосту, на краю, прилежающему къ Васильевскому острову, между двумя вращающимися полотнами. Закладка, была начата также 9 мая прошлаго 1853 года, по проекту, представленному Государю Императору графомъ П. А. Клейнмихелемъ. Работы этой часовни, которой высота вмѣстѣ съ крестомъ простирается на $6\frac{3}{4}$ сажень, продолжались непрерывно цѣлый годъ и даже зимою, не смотря на сильныя морозы, для чего и былъ построенъ надъ нею теплый деревянный сарай. Прекрасная погода, стоявшая въ день освященія, еще болѣе способствовала величію зрѣлища, и густыя толпы народа сплошными массами покрывали все пространство обѣихъ набережныхъ, прилежающихъ къ Благовѣщенскому мосту. По совершеніи священнослуженія Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Никаноромъ, соборне съ знатнымъ духовенствомъ, въ присутствіи Главноуправляющаго Путями Сообщенія, генераловъ и офицеровъ Корпуса Инженеровъ Путей Сообщенія и другихъ вѣдомствъ, торжественная процессія освященія открылась крестнымъ ходомъ изъ церкви Благовѣщенія Лейбъ-Гвардіи коннаго полка. Съ приложеніемъ крестовъ къ часовнѣ, завѣса, закрывавшая ее, упала къ подножію, и предъ взорами безчисленныхъ зрителей, между которыми вѣсть объ открытіи часовни разнеслась съ быстротою неимовѣрною, заблесталъ новый крестъ, водруженный благочестивымъ Царемъ въ пышной столицѣ православнаго Государства. Часовня эта, построенная въ русско-византійскомъ вкусѣ, возвышается на основаніи изъ прекраснаго краснаго полированнаго финляндскаго гранита и прикрывается чешуйчатымъ вызолоченымъ четверугольнымъ куполомъ, опирающимся на антаблементъ и на три арки, по угламъ которыхъ поставлены колонки изъ полированнаго сердобольскаго сѣраго гранита, того самаго, изъ котораго сдѣланы превосходныя термы, украшаю-

щія подъѣздъ новой Императорской Эрмитажной галереи. Надъ куполомъ возвышается золотой крестъ, вдѣланный въ золотую главу. Всѣ подробности часовни отличаются необыкновеннымъ вкусомъ и великолѣпиемъ. Весь антаблементъ и всѣ колонки покрыты искусно вырѣзанными въ камнѣ украшеніями; капители и базы колонокъ изъ вызолоченной бронзы. Надъ входомъ въ эту новую обитель молитвы и вѣры, на фризѣ блеститъ надпись, напоминающая православнымъ о высококомъ ея назначеніи: *Благословенъ грядый во Имя Господне*. Внутри у задней стѣны часовни вдѣланъ въ стѣну мозаичный образъ Святителя Николая Чудотворца, изготовленный въ мозаическомъ студіумѣ въ Римѣ, Русскими художниками, по Высочайшему повелѣнію Государя Императора. Образъ этотъ, подъ которымъ находится надпись: *Русская мозаическая студія въ Римѣ, въ 1851 году*, вышиною въ три аршина два вершка, и шириною въ два аршина четыре вершка, представляетъ верхъ художественнаго совершенства, до того, что даже сами учителя наши въ мозаическомъ искусствѣ сознаются, что теперь русскіе мозаисты принадлежать къ числу такихъ художниковъ, какихъ нѣтъ въ цѣлой Италіи. И въ самомъ дѣлѣ, чтобъ убѣдиться въ этомъ, стоитъ только побывать въ мозаической мастерской Императорской Академіи Художествъ и полюбоваться произведеніями изъ тѣхъ превосходныхъ мозаическихъ матеріаловъ, какими обилуетъ наша богатая Сибирь, щедро расточающая нашимъ художникамъ свои сокровища. Въ стѣнѣ часовни, обращенной къ Васильевскому острову, вдѣланъ образъ Святаго Благовѣрнаго Великаго Князя Александра Невскаго, незабвеннаго героя странъ прибалтійскихъ, написанный по золотому фону профессоромъ Петербургской Академіи Художествъ Завьяловымъ. Входъ въ часовню притворяется рѣзною позолоченою рѣшеткою, а въ окнахъ по обѣимъ ея сторонамъ, между колонками вставлены цѣльные, во все окно, зеркальные стекла, украшенные небольшими балкончиками съ красивыми золотыми же рѣшетками. Съ утра до поздняго вечера толпа богомольцевъ въ благоговѣйномъ созерцаніи окружала часовню и помолилась ликамъ заступниковъ Россіи предъ Господомъ.

Нельзя при этомъ не познакомить читателей Пантеона съ новымъ прекраснымъ произведеніемъ нашего поэта-ветерана двѣнадцатаго года, О. Н. Глинки. Слова поэта отзываются такъ задушевно и такъ народно:

Слышны звуки, слышенъ молоть,
Скрипъ пилы за долотомъ,
Ходитъ по мосту весь городъ
Мимо стройки подъ холстомъ...

За холстомъ трудится кто-то:

Строять, лепять, ладять что-то...

Вотъ пролетный вѣтерокъ,

Подъ таинственной работой,

Съ чудной, яркой позолотой

Вскрыль какой-то уголокъ...

Но работа, все украдкой,

Строить, лѣпить подъ палаткой...

Вдругъ, какъ угліе жаровни,

Вспыхнулъ блескъ!.. Бѣжить молва:

«Славно, дивно!.. У часовни

«Показалася глава!

Но ревнивая покрывка

Все еще на ней видна;

Лишь верхушка, словно вспышка,

День и ночь горить одна.

Но сверкая и пылая,

Въ день Святаго Николая,

Тайна вскрылася вполне,

И гранитный и метальный,

Видъ блеститъ монументальный,

Какъ видѣніе во снѣ!..

Сколько красокъ, позолоты,

Сколько прелестей для глазъ!

Вкусъ проникъ во все работы—

Это зодчества алмазь!..

Вотъ часовня и открыта!

Волею доступъ всею и входъ,

И рука Митрополита

Осѣнила ужъ народъ...

Вотъ для града обороной

Налѣпной * своей иконой

Николай Ликийскій сталъ!

Онъ по вѣрѣ русскимъ сродникъ

И давно—Хростовъ угодникъ

Такъ за Русь свою стоялъ!

* Мозаичный (налепной.)

И за то ему молиться
Надъ синѣющей Невой
Все идетъ, спѣшить, толпится...

Посмотрите, вотъ другой
Дышетъ въ рамахъ какъ живой!
Вышелъ князь съ людьми проститься,
Снарядясь на грозный бой,
Александръ, герой полночи,
Сторождъ Невскихъ береговъ...
Какъ онъ къ небу поднялъ очи,
Какъ готовъ ужъ на враговъ!
Къ сердцу мечъ прижалъ булатный,
И съ мольбой благопріятной,
За народъ свой боевой,
Вотъ онъ Невскій надъ Невой!..

Слышны звуки, слышенъ молотъ
Подъ таинственнымъ холстомъ:
«Что-то будетъ?» Старъ и молодъ
Разсуждаетъ всякъ о томъ.

Слышно что-то надъ Дунаемъ;
На Одессу грянулъ громъ:
Мы внимаемъ, ожидаемъ
Въ ожиданьи роковомъ.
Но въ болтливый вѣкъ нашъ шаткой
Подъ загадочной палаткой,
Все завѣшено холстомъ
Провидѣнія перстомъ.

Вотъ гдѣ вѣрѣ много мѣста,
Гдѣ умамъ пытливымъ постъ...
Но рѣшать... и какъ невѣста,
Распрямивъ свой чудный ростъ,
И свѣтла, и величава
Встанетъ бодро наша слава
Подъ молвой далекихъ мѣстъ.
И не будетъ тайна тайной,
И взойдетъ ужъ не случайно,

Надъ босфорскою украиной
Яркимъ солнцемъ—русскій крестъ!

Въ тотъ же день былъ храмовой праздникъ въ Коллинѣ, первой станціи Петербурго-Московской желѣзной дороги, и съ самаго утра многочисленные богомольцы начали стекаться въ дебаркадеръ, цѣлыми семействами, кто съ запасомъ кулечковъ, содержащихъ разную путевую провизію, кто безъ нихъ, въ полной надеждѣ получить все желаемое въ полномъ совершенствѣ, на станціи, принадлежащей къ управленію желѣзной дороги. Вечеромъ нѣсколько поѣздовъ привезли богомольцевъ въ Петербургъ, и они самыми разнообразными группами, пестряющими какъ цвѣтникъ, покрыли обѣ стороны тротуаровъ Невскаго Проспекта. Петербургъ въ этотъ день былъ оживленъ и дѣятеленъ болѣе обыкновеннаго, потому что ему предстояло еще вечеромъ новое удовольствіе—открытіе музыкальнаго лѣтняго сезона въ Павловскѣ, въ которомъ съ воскресенья, девятаго мая, начали снова звучать смычки и флейты и трубы прекраснаго оркестра Гунгля. Прекрасный садъ и воксалъ Павловска были всегда любимымъ сборищемъ петербургской публики, и потому не удивительно, что стеченіе посѣтителей было очень многочисленно. Всѣ посѣтители Павловскаго воксала были особенно веселы и оживлены, и большая часть даже пріѣхала къ общему столу, который также начался съ того дня въ воксалѣ подъ завѣдываніемъ извѣстнаго Бореля, ресторатора, услаждавшаго гортани и желудка всего фешенебельнаго парижскаго міра.

Во вторникъ, двѣнадцатаго мая, не смотря на хвастливыя выходки англійскихъ и французскихъ газетъ, повѣствующихъ о побѣдахъ и успѣхахъ своего турколюбиваго воинства, петербургскіе жители, среди громкихъ единодушныхъ возгласовъ имѣли случай любоваться зрѣлищемъ, не новымъ въ стѣнахъ Петербурга съ самаго дня его основанія Петромъ Великимъ, и повторявшимся съ тѣхъ поръ постоянно во всѣ царствованія нашихъ государей. Мы полагаемъ, что наши читатели уже догадываются о какомъ торжественномъ зрѣлищѣ мы хотимъ дать имъ отчетъ.

Петербургъ видѣлъ на своихъ улицахъ тотъ гордый британскій флагъ, который такъ хвастливо и побѣдоносно развѣвался до сихъ поръ на всѣхъ моряхъ. Всѣмъ уже извѣстно, какъ вооруженный шестнадцатю бомбическими орудіями англійскій пароходъ-фрегатъ «Тигръ» спустил флагъ свой передъ русскимъ поручикомъ съ двумя пушками, хотя на немъ было только пять человекъ раненыхъ и хотя къ нему на помощь

шли два другіе парохода. Мы здѣсь расскажем только о встрѣчѣ нашей съ британскими флагами на петербургскихъ улицахъ.

Они были не одни, а въ сопровожденіи своихъ товарищей—турецкихъ флаговъ. Впереди ѣхали трубачи Лейбъ-Гусарскаго полка, за ними четыре гусара везли самые флаги: англійскіе флаги были отдѣлены одинъ отъ другаго турецкими, турецкіе англійскими. За флагами слѣдовалъ отрядъ лейбъ-гусаръ. Англійскіе флаги были синіе, съ крестомъ въ одномъ изъ угловъ, а флаги турецкіе красные, съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и такими же звѣздами. На одномъ изъ турецкихъ флаговъ есть бѣлая надпись, жаль что мы не такъ привержены къ туркамъ, какъ англичане, чтобъ знать, что она означаетъ. Вѣроятно что-нибудь нешобѣдимое.

Полюбовавшись этимъ величественнымъ зрѣлищемъ нашей воинской славы и проходя по Караванной улицѣ, мы зашли въ домъ Голубцова, чтобъ полюбоваться выставкою вещей лотереи Дѣтскихъ пріютовъ, которую, какъ слышно, предполагаютъ разыграть очень скоро.

При входѣ въ первую комнату, прежде всего поражаетъ большая модель трехдечнаго военнаго корабля, заслуживающая вниманіе по необыкновенной вѣрности и точности, съ которыми сдѣланы на ней каждый винтикъ, каждая веревочка. Но осмотрѣвъ модель, вы удивлены новизною: женскими куклами, размѣщенными по стѣнѣ, вокругъ всей комнаты. Этихъ куколъ болѣе пятидесяти, каждая изъ нихъ одѣта въ костюмъ одной изъ нашихъ губерній или областей, такъ, что вы имѣете возможность познакомиться съ народными костюмами болѣе части нашего отечества.

Надъ каждою куклой виситъ гербъ губерніи, къ которой она принадлежитъ, а подъ куклой лежитъ подушка, вышитая одною изъ почительныхъ дамъ. Все это ново, изящно, и въ высшей степени любопытно. Рекомендуемъ каждому взять билетъ этой благотворительной лотереи, и желаемъ каждому выиграть. Любопытна также лотерея аллегри, помѣщающаяся въ пассажѣ графа Штенбока-Фермора, на Невскомъ проспектѣ, снабженная прекрасными выигрышами въ пользу вдовъ и сиротъ воиновъ, павшихъ въ нынѣшнюю войну съ турками. Охотниковъ пожертвовать 50 копѣекъ въ пользу защитниковъ отечества очень много, и никто не сердится, когда вмѣсто какого нибудь выигрыша ему достанется билетикъ съ вѣжливымъ словомъ *благодаримъ*. Искренняя и непритворная благодарность вѣдь тоже не малый подарокъ, особенно если она заслужена за пожертвованіе на общественное дѣло.

Съ появленіемъ весны, какъ извѣстно, ночь удаляется изъ Петербурга. На башнѣ Адмиралтейства бьетъ одиннадцать часовъ, а между

тѣмъ надъ городомъ еще не совсѣмъ сгустились ночныя тѣни. На улицахъ царствуетъ «ни день, ни ночь, ни мракъ, ни свѣтъ», и майскій мѣсяцъ, лучи котораго теперь особенно въ такомъ почетѣ въ Южной Россіи, словно удалился куда нибудь на лѣто изъ Петербурга. Владычество его прекратилось на нѣсколько времени,

И не спуская мглу ночную

На золотыя небеса,

Одна заря смѣнить другую

Смѣнить, давъ ночи полчаса...

Какъ не пользоваться такимъ золотистымъ полусвѣтомъ, среди котораго всѣ предметы кажутся нѣжиѣ, воздухъ ароматиѣ? Дачныя переселенія начались только недавно, но за то быстро, и теперь въ полномъ разгарѣ. На каждомъ шагу по улицамъ встрѣчаются обозы съ домашнею рухлядью, а по каналамъ и по Невѣ плывутъ цѣлыя флотиліи съ мебелью. Такими видами можно также полюбоваться и на Царскосельской желѣзной дорогѣ, которой дѣятельность значительно увеличилась. При каждомъ поѣздѣ прицѣляются къ пассажирскимъ вагонамъ еще особенные, наполненные тѣмъ же дачнымъ добромъ. Не смотря на предположеніе многихъ, что дачи въ нынѣшнемъ году будутъ гораздо дешевле, а петербургскія окрестности малолюднѣе—ничего этого не бывало. Правда, съ начала весны дачи разбирались какъ-то плохо, правда, что и теперь половина дачъ стоятъ еще съ закрытыми ставнями, но не надѣйтесь найти и одного не занятого уголка, если вы не позаботились заблаговременно о вашемъ лѣтнемъ обиталищѣ. Въ послѣднее время дачи разбирались, что называется на расхватъ, и потому цѣна на нихъ сильно возвысилась. Петербургъ рѣшительно начинаетъ пустѣть, хотя въ ночное время еще ощутительна свѣжесть воздуха; но развѣ къ такому явленію привыкать петербургскимъ дачникамъ? Все, что только нужно для загородной жизни, уже есть: деревья распустились и позеленѣли, вечерній воздухъ пахнетъ ароматомъ липъ, березъ и тополей, и потому лѣтній садъ, въ которомъ еще недавно цвѣтло лучшее петербургское общество и гуляло съ наслажденіемъ въ его полуобнаженныхъ аллеяхъ, начинаетъ видимо пустѣть. Въ Духовъ день, въ старинное гулянье, лѣтній садъ, правда, снова оживится и наполнится густою толпою гуляющихъ, но они и вполнину не будутъ уже принадлежать той публикѣ, которая съ появленіемъ первыхъ листьевъ такъ постоянно посѣщала его аллеи. Эта публика будетъ красоваться уже на дачахъ. Городъ видимо пустѣть, съ каждымъ днемъ появляется все болѣе и

болѣ забѣленныхъ оконъ, и даже самый Нѣмецкій Клубъ переселился на свою городскую дачу изъ одной улицы въ другую, по-прежнему, въ домъ Тарасова, къ Измайловскому мосту. Это самое лучшее и самое дешевое общественное лѣтнее гульбище для всѣхъ, не желающихъ много тратить или неимѣющихъ средствъ посѣщать часто острова и другія петербургскія окрестности. Въ немъ все можете найти за дешевую цѣну: и обѣдъ, и ужинъ, и бильярдъ, и кегли, и чтеніе, и оркестръ музыки въ извѣстные дни недѣли. Въ лѣтнемъ саду Нѣмецкаго Клуба играетъ оркестръ подъ управленіемъ г. Ладе, того самаго, который игралъ на дачѣ Королева, теперь къ сожалѣнію пустой. Такова впрочемъ участь многого; теперь точно также сиротѣть стоящая на взморьѣ дача, въ которой помѣщалась Альябра, также приумolkъ Красный кабачокъ на Петергофской дорогѣ, и дача Александрія, тамъ же. Петербургъ занятъ другими, болѣе высокими помысленіями; онъ жаждетъ войны и славы, и ему нѣкогда теперь заниматься легкими впечатлѣніями минуты. Даже самыя его простонародныя увеселенія имѣютъ въ нынѣшнемъ году какой-то особый характеръ, такъ, напримѣръ, въ скромномъ Любекѣ, на Петровскомъ острову, уже не изверженія Везувія привлекаютъ зрителей, а пляска на ходуляхъ какого-то молодца, одѣтаго въ красное платье, который при общемъ хохотѣ и рукоплесканіяхъ представляетъ англичанина, впрочемъ, совершенно безобидно для нашихъ враговъ.

Но между тѣмъ, какъ открывались одноза другимъ загородныя увеселенія, торжествовались новыя побѣды, наша Марьяна Роца и Дарданъ за Нарвской заставой, оживились, заестрѣли толпы на Крестовскомъ, Петровскомъ и Каменномъ островахъ; въ Новой деревнѣ. На Минеральныхъ водахъ г. Излера, все еще оставалось глухо и пусто. Сотни сердець трепетали отъ ожиданія, отъ неизвѣстности, и робко спрашивали у людей, которымъ извѣстно все, что только касается до петербургскихъ увеселеній:

— Ну, что, не слышали ли вы чего нибудь про Ивана Ивановича? Что предпринимаетъ Иванъ Ивановичъ?

Но спрашиваемые нерѣшительно пожимали плечами, и вмѣсто отвѣта испускали сожалительный вздохъ неизвѣстности. Всѣ вспоминали о прошлогоднихъ веселыхъ ночахъ Ивана Ивановича, италіанскихъ, босфорскихъ, индійскихъ и прочихъ, о разнообразныхъ представленіяхъ и блестящихъ иллюминаціяхъ въ саду Минеральныхъ водъ. Припоминали и восклицали, всплеснувъ со вздохомъ руками:

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ! что съ вами? гдѣ вы, что вы? Неужли боитесь сэра Непира?

И Иванъ Ивановичъ наконецъ въ воскресенье, 16 мая, открылъ свои

увеселительные вечера акробатическими и эквилибрическими танцами и упражненіями на натянутаго канатѣ, индѣйскими и атлетическими играми, простыми и на хрустальной пирамидѣ, комическими интермедіями, упражненіями Геркулеса пудовымъ ядромъ, китайскимъ завтракомъ и наконецъ быстрыми *пластическо-академическими* упражненіями Гг. Вальнера, Хомута и Гирзича. Съ пяти часовъ до девяти вечера игралъ оркестръ музыки подъ управленіемъ новаго капельмейстера, г. Лунда, который для своего дебюта исполнилъ въ первый разъ нѣсколько пьесъ своего сочиненія: *Nachimoff—Marsch*, *Gruss—Waltzer*, *Rachel—Polca*, и *Fridolin—galop*.

Жаль, что въ этотъ день неблагоприятная погода помѣшала многимъ быть на этомъ вступительномъ вечерѣ Минеральныхъ водъ, и притомъ раннее окончаніе также много помѣшало полному успѣху этого музыкальнаго и увеселительнаго вечера. Но Иванъ Ивановичъ нисколько не унылъ, и съ тѣхъ поръ постоянно каждый день приглашаетъ къ себѣ желающихъ. Въ четвергъ, 20 мая, зрѣлище сада Минеральныхъ водъ увеличилось новымъ явленіемъ, путешествіемъ въ заоблачныя пространства г. Регенти, въ огромномъ шарѣ. Это воздушное путешествіе впрочемъ не состоялось, хотя увеселеніями этого рода только и можно пользоваться у одного г. Излера. И въ самомъ дѣлѣ, кто не леталъ изъ его сада, даже одна молодая дѣвица г-жа Чесноковичъ. Если это таже самая, которая открыла магазинъ въ Морской, то вѣроятно отважная воздушная путешественница, не найдя большихъ выгодъ подъ облаками, рѣшилась сложить свои крылья и навсегда приковать себя къ землѣ, посвятивъ свои храбрыя способности коммерціи. Въ садъ Минеральныхъ водъ постоянно ходятъ, отъ гостинаго двора, diligansы, въ которыхъ за пятнадцать копѣекъ серебромъ преспокойно доѣдешь до самаго мѣста назначенія. Рѣчныхъ невскихъ пароходовъ, доставлявшихъ петербургскую публику на острова въ прошедшемъ году, что-то невидать нынѣшнее лѣто. Вѣроятно они получили болѣе высокое, благородное предназначеніе, и слава Богу. Многого въ послѣдствіи можно надѣяться отъ изобрѣтательности Ивана Ивановича, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе украшаетъ свой садъ и возводитъ новыя строенія. Вѣроятно онъ не пожалѣетъ ничего и покажетъ нашей публикѣ зрѣлища, которыми она всего болѣе заинтересована въ настоящее время — Синопское дѣло, взрывъ англійскаго парохода-фрегата Тигра. У него все для этого есть въ саду Минеральныхъ водъ: и вода, и суша, и даже въ отдаленіи сада маленькое болотце, на которое рѣдко отваживаются вступать, проходя по окольнымъ дорожкамъ къ пустынному покуда звѣринцу Зама

и къ пруду, на островѣ котораго, года два тому назадъ, былъ такъ живописно нѣсколько разъ раскидываемъ таборъ цыганъ, теперь, кажется, уже вышедшихъ изъ моды у петербургской публики. Такъ по крайней мѣрѣ можно предполагать потому, что ихъ нигдѣ не слышно, даже въ пассажѣ, опустѣвшемъ въ настоящее время, какъ Сахарская степь. Впрочемъ и не мудрено: всѣ стремятся теперь за городъ, въ заливъ, въ деревни, всѣ сдѣлались какъ будто тоже моряками и просятъ волнъ, просятъ бури, которая сдѣлалась намъ до того ни почемъ, что на пароходахъ, отправляющихся въ Коневецъ, Сердоболь и Валаамъ рѣшительно тѣсно.

Заговоривъ объ этихъ пароходахъ, нельзя не упомянуть о новомъ пароходномъ товариществѣ, подъ фирмою «Самолеть», котораго дѣйствія распространяются все болѣе и болѣе, и котораго правильные рейсы начались уже со втораго мая отъ Твери до Рыбинска, нашего главнаго торговаго хлѣбомъ города, готоваго снабдить кормомъ всю Европу въ то время, когда союзнымъ державамъ, Англии и Франціи почти что нечего ѣсть. Пароходы эти заходятъ по пути въ Шошу, Корчеву, Кимру, Калязинъ, Угличъ, Мышкинъ и Мологу, и принимаютъ отсюду пассажировъ и разные грузы; подробности и цѣны за проездъ и перевозъ товаровъ и груза, желающіе могутъ узнать на Васильевскомъ острову, въ 9 линіи, въ домѣ Лермантова, и въ Стремянной улицѣ, въ домѣ Степанова. Охотники прокатиться по Волгѣ, нашей *хлѣбноносной* рѣкѣ и въ особенности наши хлѣбные торговцы, которымъ сокращается учрежденіемъ этого товарищества и время, и издержки, должны быть благодарны рейсамъ этихъ пароходовъ, отправляющихся изъ Твери въ восемь часовъ утра, начиная со втораго мая, во всѣ четныя числа мѣсяца, а изъ Рыбинска во всѣ нечетныя числа, какъ-то 3, 5, 7, 9 и т. д. въ восемь часовъ вечера. Распространеніе судоходнаго пароходства въ Россіи обѣщаетъ самые благоприятные результаты. Благодаря ему, можно будетъ въ самое короткое время проѣхать отъ одного конца Россіи до другаго, поплавать по водамъ Байкала, Камы и Лены, полюбоваться величественною цѣпью Уральскихъ горъ, побывать въ Астрахани, и потомъ снова вернуться въ Петербургъ, какъ ни въ чемъ не бывало. А сколько любопытныхъ мѣстъ есть въ Россіи, гдѣ бы не худо было побывать многимъ, и гдѣ эти многіе вѣроятно отъ того только и не бываютъ, что они слишкомъ отдалены, во-первыхъ, отъ столицъ, а во-вторыхъ, потому что путь сообщенія труденъ и неудобенъ. Сколько, напримѣръ, въ самомъ захолустѣ Сибири есть цѣлебныхъ минеральныхъ водъ, нисколько не уступающихъ, (если даже не превосходящихъ) своими лечебными свойствами, заграничнымъ во-

дамъ, на которыхъ щедрые наши соотечественники оставляютъ столько денегъ! Сколько минеральныхъ водъ въ Оренбургской губерніи, на Югѣ Россіи. Вѣдь бы ихъ можно объѣхать, благодаря пароходамъ и паровозамъ. Кстати о минеральныхъ водахъ. Вѣроятно петербургскимъ читателямъ «Пантеона» извѣстно, что кромѣ искусственныхъ минеральныхъ водъ Новой Деревни, существуютъ въ Петербургѣ и натуральныя желѣзистыя воды въ Полюстровѣ, на дачѣ графа Кушелева-Безбородко. Въ прежнее время садъ графа Кушелева-Безбородко также оглашался звуками музыки и освѣщался блескомъ фейерверковъ, къ нему постоянно ходили дилижансы, наполненные пассажирами, но въ послѣдніе годы садъ этотъ утратилъ свой публичный увеселительный характеръ, и въ него сходились гулять только тамошніе дачники и пріѣзжавшіе къ нимъ знакомые. Съ прекращеніемъ публичныхъ гуляній въ саду, опустѣли и окрестности полюстровскихъ минеральныхъ водъ, и только подъ конецъ лѣта оживлялись семейными танцевальными вечерами въ тамошнемъ воксалѣ, подъ звуки домашняго оркестра графа Кушелева, который всегда радушно старается доставлять дачникамъ своимъ всевозможнаго рода удобства и удовольствія. Въ нынѣшнемъ году, ни въ полюстровскомъ саду, ни въ заведеніи желѣзистыхъ минеральныхъ водъ до сихъ поръ еще ничего нѣтъ, хотя дома уже по большей части заняты, и на крутомъ берегу Невы, съ котораго на противоположной сторонѣ открывается красивая панорама Петербурга, по вечерамъ можно замѣтить множество гуляющихъ, разумѣется, нанявшихъ тамъ дачи. Многіе, подчиняясь модѣ, предпочитаютъ роскошной природою Полюстрову, великолѣпно убранный искусствомъ Каменный островъ, а полезительнымъ полюстровскимъ водамъ чужестранные источники, иногда единственно для того лишь, чтобъ имѣть право сказать: моя дача на Каменномъ острову; я былъ въ Баденъ-Баденѣ, въ Эмсѣ, и проч. Но вѣроятно есть люди съ свѣтлымъ и не честолюбивымъ взглядомъ на вещи, которые даже въ случаѣ недуга предпочитаютъ быть лучше у себя дома, на родинѣ, чѣмъ въ гостяхъ на чужбинѣ, не любятъ дальнихъ поѣздокъ, новыхъ привычекъ, чуждыхъ лицъ, и потому можемъ сообщить такимъ лицамъ извѣстіе отрадное, избавляющее ихъ отъ тысячъ верстъ лишняго пути.

Покуда посѣтители искусственныхъ минеральныхъ водъ Новой деревни пользуются ими поутру и наслаждаются музыкою по вечерамъ въ саду г. Излера, уведомимъ нашихъ читателей о натуральныхъ сѣрныхъ водахъ въ сельцѣ Краинскомъ, находящемся въ четырехъ верстахъ отъ уѣзднаго города Лихвина, Калужской губерніи. Онѣ открыты уѣзднымъ докторомъ Стефановскимъ въ 1844 году, мая 21, въ день Константина и Елены, и потому названы Константино-Николаевскими. Онѣ отстоятъ на

сѣверъ отъ губернскаго города Калуги въ 45; къ югу отъ города Бѣлева (Тульской губерніи) въ 36; къ западу отъ города Лихвина въ 4, и къ востоку отъ города Алексина, Тульской губерніи, въ 95-ти верстахъ. Сѣрныя воды въ средней полосѣ Россіи рѣдкость замѣчательная!

Воды эти берутъ свое начало изъ довольно плоской горы, находящейся подь 53° и $47'$ сѣверной широты, считая же отъ острова Ферро подь $53^{\circ} 16'$ восточной долготы.

Источники бьютъ въ лощинѣ, за самую деревней, и имѣютъ стокъ въ рѣчку Черепеть. Въ нижней части этой лощины изъ множества другихъ ключей образуется прудъ, дно котораго по мѣстамъ покрыто иломъ. Нѣсколько выше лежатъ три источника называемые: Стефановскій, Константиновскій и Александровскій, обдѣланные хорошими деревянными струбами на собственный счетъ докторомъ Стефановскимъ. При первомъ и второмъ источникахъ устроена купальня и котель для нагрѣванія воды. Въ ванны можетъ быть, по произволу, проведена вода изъ того или другаго источника.

Гора, изъ подошвы которой вытекаютъ эти воды, составляетъ часть плоской возвышенности, называемой *Алаунскими горами*, и возвышается на 1085 парижскихъ футовъ надъ поверхностью Балтійскаго моря, такъ, что поверхность всей Московской губерніи на 300—400 футовъ ниже тѣхъ мѣстъ, на которыхъ находится гора, источающая эти сѣрныя воды. Почва земли при этихъ мѣстахъ не вездѣ одинакова: песчано-глинистая съ иломъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ оказывается трящина, торфъ, а иногда чистый песокъ. Въ окрестностяхъ ключей къ востоку, на разстояніи четверти мили, почва болотистая, по которой протекаетъ рѣчка Черепеть, за которою повсюду разбросаны крутизны горъ и холмовъ, состоящихъ изъ разнородныхъ земляныхъ, особливо известковыхъ породъ, лежащихъ слоями, между которыми попадаются нерѣдко колчаданы, бурый уголь, мергель и желѣзныя руды. Далѣе, къ югу отъ ключей, на полмили, видны также холмы горъ, которые соединясь между собою, составили какъ бы одну гору. Къ юго-востоку возвышенность этой плоскости еще болѣе примѣтна, и на полуторѣ мили отъ ключей производилась разработка каменнаго угля помѣщика Яковлева. Тамъ же, гдѣ протекаетъ рѣка Ока, на берегахъ находятъ окаменѣлыя слѣды допотопныхъ животныхъ: мамонта, носорога, и разнаго рода раковинъ и улитокъ. И наконецъ къ сѣверу, при истокѣ минеральныхъ водъ въ рѣчку Черепеть, находится *огромная низменная долина*, при устьяхъ Черепети и Бабровки, примѣтно смытая потопными водами. Эти двѣ рѣчки, впадая подь прямымъ угломъ и, встрѣчая при стеченіи своемъ сопротивленіе, вывертѣли какъ бы большое озеро, оставя въ срединѣ *возвышенный пра-*

лидальный кругъ въ виду минеральныхъ водъ противъ сельца Краинскаго, заставляющій по всему вѣроятію предполагать, что на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся воды, было въ древности *волканическое изверженіе*. Это мнѣніе подтверждается и найденными г. Стефановскимъ въблизи тѣхъ мѣстъ камнями волканическаго происхожденія.—Первоначальное химическое испытаніе этихъ минеральныхъ водъ было произведено въ іюнѣ 1845 года, на самомъ мѣстѣ, по распоряженію губернскаго начальства, членами Калужской управы. Въ 1846 же году въ августѣ мѣсяцѣ обслѣдовалъ эти воды, тоже на мѣстѣ, самъ генераль-штабъ-докторъ медицинскаго департамента А. А. Рихтеръ. И наконецъ въ 1847 году было сдѣлано окончательное химическое испытаніе также на мѣстѣ, два раза, по порученію генераль-штабъ-доктора профессоромъ Харьковскаго Университета П. П. Эйбродтомъ.

По испытаніи составныхъ частей воды ключа Стефановскаго № 1, въ 100,000 частяхъ оказалось:

Сѣрнистаго водорода	4,28.
Кислой углекислой извести	8,85.
Сѣрнистой извести	143,60.
Сѣрнистаго натра	26,10.

Опредѣляя количество *сѣрнистаго водорода* въ этомъ источникѣ, г. Эйбродтъ нашелъ въ обоихъ источникахъ, кромѣ вышеозначенныхъ частей, фосфорную кислоту, кремнекислоту и закись желѣза, но послѣдняя въ количествѣ столь маломъ, что при анализѣ небольшихъ массъ воды, не могла быть достаточно опредѣлена: Кали, магнезій, амміака и хлора не оказалось при разложеніи. Вода втораго источника можетъ быть названа насыщеннымъ растворомъ *гипса* ($\text{CaO}, \text{SO}^3 + 2\text{HO}$); при малой растворимости этой соли ($\frac{1}{460}$), ея содержаніе не могло значительно повысить удѣльнаго вѣса минеральныхъ водъ. Для источника Стефановскаго онъ найденъ = 1,0012 для Константино-Николаевскаго немного большимъ.

Источникъ Александровскій есть самый обильный; Константиновскій даетъ въ сутки 720 ведръ, Стефановскій 514 ведръ.

Вода послѣдняго источника, стоя на воздухѣ, мутнѣетъ, а при кипяченіи даетъ осадокъ углекислой извести; это происходитъ отъ разложенія бикарбоната извести.

Вода источника Константиновскаго, при кипяченіи, остается свѣтлою, потому что въ ней присутствіе бикарбоната едва замѣтно.

Температура ключа Константиновскаго, равно и Александровскаго $+ 6^{\circ} 5$ по Реомюру, эти-то два послѣдніе и называются *соляными источниками*.

При ключахъ, въ недалекомъ разстояніи, находится прудъ, названный прудомъ *фонъ Валдгейма-Фишера*, имѣющей въ окружности 900 кв. аршинъ: въ длину 50 арш., въ ширину 18 аршинъ; глубина его не равна отъ 1 до 6 футовъ. Дно на срединѣ частию печаное, по краямъ же покрыто сѣрнымъ иломъ, глубиною на футъ и болѣе. Въ этомъ прудѣ находится множество весьма обильныхъ ключей, въ которыхъ вода по температурѣ и по составнымъ частямъ сходна съ водою ключей Константиновскаго и Алаксандровскаго. Наконецъ послѣдній ключъ, подъ названіемъ *Елисаветинскаго*, находится на разстояніи версты къ востоку, среди поля; этотъ ключъ также весьма обильный, по своему свойству подходитъ къ Константиновскому, но онъ до-сихъ-поръ не отдѣланъ.

Воды эти дѣйствуютъ на организмъ болѣе химически, производя въ немъ разнаго рода измѣненія, чѣмъ и удаляютъ изъ организма болѣзненное начало различными путями. Словомъ, свойство этихъ минеральныхъ водъ есть *измѣняющее* и вмѣстѣ *исправляющее*. Воды эти оказываютъ пользу въ золотухѣ и золотушномъ и ревматическомъ состояніи, какъ тѣла, такъ и глазъ, въ худосочіяхъ разнаго рода, при солитерѣ, въ женскихъ болѣзняхъ, въ завалахъ брюшныхъ органовъ, въ хроническихъ кожныхъ сыпяхъ, въ болѣзняхъ мочевыхъ органовъ въ сведѣніи составовъ, и пр. и пр. При этихъ сѣрныхъ водахъ устроены нынѣ удобныя помѣщенія, и больные пользуются, подъ надзоромъ опытнаго доктора, г. Стефановскаго.

Съ 1844 года, то есть со времени открытія этихъ водъ докторомъ Стефановскимъ, до 1849 года пользовалось на Константино-Николаевскихъ водахъ до 400 человекъ. 175 человекъ выздоровѣли совершенно, а остальные по случаю неудобнаго въ то время помѣщенія на водахъ и несовершеннаго устройства самыхъ ваннъ, уѣзжали, не окончивъ полныхъ курсовъ леченія, пока наконецъ польза этихъ водъ не обратила на себя въ 1847 году вниманія мѣтнаго губернскаго начальства, которое доставило заведенію всѣ средства къ улучшенію.

Какихъ неисчерпаемыхъ сокровищъ не заключаетъ въ себѣ земля русская. Сколько въ ней минераловъ, золота и самоцвѣтныхъ камней! Чтобъ наши читатели могли имѣть понятіе о томъ, что нашу Сибирь не даромъ называли съ давнихъ поръ *золотымъ дномъ*, а горный сибирскій хребетъ самыми монголами наименованъ *Алтаемъ* (золотымъ хребтомъ) рекомендуемъ прочитать изданную хранителемъ минералогическаго кабинета при Императорской Академіи Наукъ, г. Гревингомъ очень занимательную, хотя и небольшую брошюру, «Уральскія изумрудныя копи и ихъ окрестности» съ геогностическою картою ураль-

екихъ изумрудныхъ приисковъ, чрезвычайно любопытную для минералоговъ и геогностовъ. Изумрудныя копи лежатъ на восточномъ склонѣ Урала, въ Екатеринбургскомъ Уѣздѣ, Пермской губерніи, въ 60-ти верстахъ къ с. в. отъ Екатеринбурга, и находятся въ управленіи Министерства Удѣловъ. Первые изумруды здѣсь были открыты въ 1830 году, крестьяниномъ, который нашелъ ихъ между корнями вырваннаго изъ земли дерева, а въ 1831 году уже приступили къ правильной разработкѣ мѣсторожденія, въ обширномъ размѣрѣ. Въ первое время добывали отличныя изумруды: одинъ изъ нихъ, въ видѣ груши, вѣсомъ въ 101¹/₄ каратъ, хранится между драгоценностями Государыни Императрицы, и оцѣненъ въ 6,075 рублей ассигнаціями. Въ послѣдствіи добыча изумрудовъ до того уменьшилась, что Министръ Удѣловъ и управляющій кабинетомъ Его Императорскаго Величества, графъ Перовскій, почелъ за нужное произвести ученое изслѣдованіе какъ въ самомъ мѣсторожденіи изумрудовъ, такъ и въ его окрестностяхъ. Изумруды находятся въ *тальковомъ сланцѣ со слюдою*. Мѣста, въ которыхъ находятся изумруды, ученый изслѣдователь раздѣляетъ на двѣ системы. Первая система *тальковаго сланца*, съ проходящими въ немъ изумрудо-содержащими жилами. Въ этой системѣ, имѣющей въ длину 16 верстъ, а въ ширину отъ одной до трехъ верстъ, находятся прииски Маринскій, Старскій, Таковскій и Стрѣтенскій. Вторая система изумрудо-содержащихъ сланцовъ находится къ югу отъ первой, и имѣетъ два прииска Заревтинскій и Островской. Изумруды, которые находили въ этой системѣ, не имѣли того достоинства, какъ въ первой. Главное, что большая часть сланца осталась еще неразработанною. Въ этой брошюрѣ объясняется, гдѣ должно искать изумрудовъ, въ какой почвѣ, въ какомъ слоѣ почвы и при какомъ направленіи жилъ, содержащихъ въ себѣ изумруды. Словомъ, сдѣлано все, что можно и что должно было сдѣлать. Огромныя, необъятныя пространства на востокъ и сѣверо-востокъ Россіи мало еще заселены, и все драгоценное, что только до сихъ поръ открыто, открыто случайно. Крестьянинъ нашелъ случайно на казенной землѣ изумруды, и такъ же случайно, въ землѣ, принадлежащей графинѣ Бутера (бывшей графини Полье), найдены были алмазы. Найдутъ еще многое въ землѣ Русской, когда станутъ искать ученымъ образомъ.

Театральныхъ новостей не очень много. Лѣтнія представленія на Каменномъ острову еще не начинались, и потому мы должны ограничиться только двумя главными, именно извѣстить нашихъ читателей, что 18 апрѣля, на сценѣ Александринскаго театра, дебютировалъ московскій актеръ Леонидовъ, въ драмѣ «Бенвенуто Челлини.» Молодой артистъ этотъ, подающій большія надежды, былъ принятъ пу-

бликою съ большимъ одобреніемъ, и нѣтъ сомнѣнія, что партеръ Александринскаго театра будетъ всегда наполненъ партіею его новыхъ петербургскихъ почитателей, которая у насъ составляетъ какъ-то очень скоро. Вслѣдъ за дебютомъ г. Леонидова, именно въ понедѣльникъ, 19 мая, на томъ же театрѣ, въ бенефисъ нашего заслуженнаго пѣвца г. Петрова, давали новую оперу А. Ѳ. Львова, композитора давно уже извѣстнаго нашей публикѣ. Опера эта, подъ названіемъ «Русскій мужичекъ и французскіе мародеры», была принята зрителями съ живѣйшимъ участіемъ, тѣмъ болѣе что кромѣ музыкальнаго достоинства, пьеса эта замѣчательна также и какъ опера чисто патріотическая и народная. Въ ней много сценъ и куплетовъ, которые сильно затрогиваютъ русское сердце и воодушевляютъ русское чувство, и потому рукоплесканія не прекращались. Особенно же была принята съ восторгомъ арія, пропѣтая бенефициантомъ, оканчивающаяся стихами:

Послѣ грознаго ненастья
Красно солнышко взойдетъ!

Кромѣ этихъ пьесъ привлекали публику: драма г. Потѣхина «Людской судъ не Божій», послѣ которой авторъ, пріѣхавшій на время изъ Костромской губерніи, былъ вызванъ, и потомъ оперы «Баядерка» и «Нюрнбергская кукла». За эту отрадную новость въ области нашего драматическаго и музыкальнаго искусства, мы къ сожалѣнію должны сообщить также и одну грустную. 21 числа прошлаго апрѣля умеръ одинъ изъ молодыхъ нашихъ актеровъ, г. Смирновъ 2. Онъ не блисталъ въ первомъ ряду, но былъ артистъ старательный, добросовѣтный, любившій свое дѣло и потому полезный. У насъ такъ мало актеровъ на роли молодыхъ людей, что утрата его чувствительна для русской труппы. Всѣ товарищи жалѣютъ о немъ, какъ о добромъ и благородномъ человѣкѣ. Смирновъ воспитывался въ Императорскомъ Театральномъ Училищѣ и готовился служить въ балетной труппѣ, но потомъ перешелъ въ драматическую, игралъ вторыя роли молодыхъ людей въ комедіи, водевилѣ и драмѣ. Изъ училища онъ выпущенъ въ 1842 году.

Упомянувъ объ оперѣ А. Ѳ. Львова, нельзя умолчать о другомъ его патріотическомъ народномъ произведеніи—о музыкѣ, которую онъ положилъ на пѣсню, сложенную главнокомандующимъ корпусомъ на турецкой границѣ, княземъ Горчаковымъ. Отрадно видѣть, какъ съ самыхъ низшихъ слоевъ общества русскаго до самыхъ высшихъ, всѣ одушевлены однимъ чувствомъ, и какъ знаютъ наши военачальники духъ и направленіе людей, которыми они командуютъ. Пѣсня, сложенная хра-

брымъ генераломъ, поется во всѣхъ войскахъ, дѣйствующихъ на Дунаѣ, а прекрасная музыка, которую сочинилъ А. О. Львовъ, вѣроятно, сдѣлаетъ, что мы скоро услышимъ эту пѣню во всѣхъ гостиницахъ изъ розовыхъ устъ нашихъ русскихъ пѣвицъ—любительницъ. Женскіе голоса обаятельны, и кто не убѣдится, кто не пожертвуетъ всѣмъ, когда онѣ пропоютъ предъ мужчинами полными силъ:

*Жизни тотъ одинъ достоинъ,
Кто на смерть всегда готовъ,
Православный русскій воинъ,
Не считая бѣтъ враговъ.*

*Что Французы, Англичане!
Что Турецкій глупый строй!
Выходите, бусурмане,
Вызываемъ васъ на бой!*

*Кровопійцы православныхъ!
Богъ накажетъ васъ чрезъ насъ.
Покровители поганыхъ!
Вѣчный стыдъ и срамъ на васъ!*

*За Царя и за Россію
Мы готовы умирать,
За Царя и за Россію
Будемъ васъ на штыкъ сажать.*

*Чувства мужества намъ сродны;
Не страшна намъ смерть въ бояхъ.
Богу храбрые угодны:
Имъ награда въ небесахъ!*

Справедливо замѣчаютъ, что русскій, пока его не тронуть, смиренъ какъ барашекъ, скромнъ, какъ дѣвушка и всепрощающъ, какъ христіанинъ, но чуть врагъ затронулъ его, чуть коснулся его сердечнаго убѣжденія—Вѣры и любви къ родинѣ, русскій дѣлается львомъ, и прочъ тогда и моря, и горы, и рѣки съ дороги его. Нѣтъ тогда для него ни пространства, ни времени, ни понятія о тяжкихъ подвигахъ: все ему и легко, и возможно. Пѣсня, сочиненная нашимъ полководцемъ, продается во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ, и ужъ разумѣется цѣна ея предъ

назначена въ пользу нашихъ храбрыхъ сподвижниковъ и семействъ павшихъ на полѣ сраженія.

Говоря о новостяхъ художественныхъ, въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ можно указать на новые прекрасные военные рисунки г. Зиччи, изображающіе подвиги воиновъ въ настоящую войну на Дунаѣ и на два отлично литографированные портрета Государя Императора въ каскѣ и въ кирасирскомъ гвардейскомъ мундирѣ. Портреты, одинъ величиною въ аршинъ, продается во всѣхъ эстампныхъ магазинахъ по 2 р. 50 коп. сер., а портретъ меньшаго размѣра, по одному рублю. За превосходную работу этихъ портретовъ и за удивительное сходство должно благодарить извѣстнаго нашего художника Шмидта.

Носятся слухи, что извѣстный нашъ баталистъ, профессоръ Императорской Академіи Художествъ, Вилевальде уѣхалъ на прошедшей недѣлѣ на Дунай, вмѣстѣ съ однимъ изъ лучшихъ учениковъ своихъ г. Филиповымъ, который обратилъ давно на себя вниманіе петербургской публики прекрасными баталическими произведеніями.

Кромѣ шести рисунковъ г. Зиччи, о которыхъ мы уже упомянули и которые изображаютъ подвиги Иркутскаго пѣхотнаго полка маіора Сологуба, Селенгинскаго пѣхотнаго полка подпоручика Путяты, Селенгинскаго пѣхотнаго полка, третьей гренадерской роты фельдфебеля Осипа Щенановскаго, Якутскаго пѣхотнаго полка прапорщика Понандополо 2-го, Легкой № 5 батареи старшаго канонира Тимофея Чиликина и Селенгинскаго пѣхотнаго полка знаменщика, унтеръ-офицера Андрея Снозика; вышли еще рисунки, нарисованные г. Шарлеманемъ и представляющіе три эпизода изъ сраженія при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ: взятіе турецкаго лагеря, взятіе двухъ турецкихъ орудій и атаку большой турецкой батареи. Наибольшее число рисунковъ и портретовъ, имѣющихъ современный интересъ, можно видѣть въ «Русскомъ Художественномъ Листкѣ», издаваемомъ г. Тиммомъ, при помощи талантливыхъ его сотрудниковъ гг. Боголюбова, Шарлеманя, Козлова и другихъ; тамъ вы найдете портреты: генераль-лейтенанта князя В. О. Бебутова, подъ начальствомъ котораго одержана, 19 ноября 1853 года, побѣда при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ; генераль-лейтенанта князя И. М. Андронникова, одержавшаго побѣду подъ Ахалцыхомъ, 14 ноября 1853 года; генераль-адъютанта вице-адмирала В. А. Корнилова; генераль-лейтенанта А. О. Багговута, начальствовавшаго кавалеріей въ сраженіи при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ; генераль-маіора князя И. Д. Орбеліана, умершаго отъ ранъ, полученныхъ въ сраженіи при Башъ-Кадыкъ-Ларѣ; капитана 2 ранга Варпаховскаго, убитаго подъ Исакчи, 11 октября 1853 года; лейтенанта Желѣзнава, убитаго при взятіи съ боя турецкаго парохода «Первась-

мили насъ съ современнымъ состояніемъ Турціи, ласкаетъ себя надеждою хотя нѣсколько ознакомить читателей съ настоящимъ бытомъ имперіи мусульманъ и съ законами, правами и обычаями Востока, и между тѣмъ говоритъ только о такихъ вещахъ, которыя давно уже всякому извѣстны изъ географическихъ и историческихъ учебниковъ. Стоило ли, спрашивается, издавать книгу, въ которой нѣтъ ничего, кромѣ перечня именъ и ряда цифръ, и какой интересъ можетъ имѣть для читателя, напримѣръ, почерпнутое изъ книги свѣдѣніе, что Никополи, на правомъ берегу Дуная, большой городъ съ надежною цитаделью, а Шистабъ или Шистовъ, близъ Дуная производитъ значительный торгъ кожей и масломъ, и т. п. Убичини судить во многихъ случаяхъ пристрастно, но все-таки изучилъ бытъ и исторію страны, и въ сочиненіяхъ его есть мѣста, которыя дѣйствительно могутъ служить поясненіемъ къ извѣстіямъ о Турціи. Топографія страны изложена на пяти, шести страничкахъ; тутъ нѣтъ перечня большихъ и малыхъ, укрѣпленныхъ и не укрѣпленныхъ городовъ, но вкратцѣ изложено раздѣленіе Турціи на области, съ показаніемъ историческаго происхожденія этого дѣленія и этнографическаго отличія одной области отъ другой. Большихъ достоинствъ эта книга также не имѣетъ.

Поговоривъ обо всемъ, что только могли мы подмѣтить въ нынѣшнемъ мѣсяцѣ любопытнаго и замѣчательнаго, рекомендуемъ дачникамъ, которымъ случится проѣзжать изъ ихъ загородныхъ домовъ въ городъ и имѣть надобность подкрѣпить себя чѣмъ нибудь, таверну подъ вывѣскою Золотой Стерляди, у Казанскаго Моста, на Невскомъ, въ домѣ г. Кавалевскаго. Это новое заведеніе не то, чтобы какой нибудь ресторанъ или трактиръ, въ которомъ можно найти что угодно—заведеніе это скорѣе партикулярная кухмистерская, снабженная порціями разнаго рода заливнаго и преимущественно русскими пирогами и кулебяками, которыя рѣдко испекутъ вамъ хорошо, не говоря о французскихъ ресторанахъ, но даже и въ русской Петербургской гостиницѣ. Таверна подъ вывѣскою Золотой стерляди въ полномъ смыслѣ слова, соображая крайнюю дешевизну цѣнъ въ ней существующихъ, можетъ гордиться своими кулебяками, и за то требованій ихъ, каждый день *нѣсть числа*. За 25 к. сер. за исключеніемъ только всякаго питомаго, посѣтителю могутъ получать всякаго рода заливное, въ томъ числѣ и стерлядь—и дешево и мило. Жаль, что только помѣщеніе таверны подъ вывѣскою Золотой Стерляди и мало, и темно, и увы! немного грязно. Это бы давно должно было предвидѣть г. Даннеману, учредителю ея, и постараться добыть себѣ приличное помѣщеніе. Впрочемъ вѣроятно, при увеличивающемся съ каждымъ днемъ числѣ посѣтителей, г. Даннеманъ скоро и самъ догадает-

ся распространить свое съѣтное приѣжище и поставить его въ такое состояніе, что въ немъ можно будетъ получать и легкое питье, необходимое при такихъ знатныхъ закускахъ, какія подаются у него.

Дополнимъ нашъ отчетъ петербургскими модами.

Весна полная, роскошная, наступила. Съ нею вмѣстѣ вошли въ свои права лѣтніе наряды дамъ. Въ этомъ отношеніи главную роль играютъ не платья, которыя все еще до сильныхъ жаровъ, пока носятъ шелковыя и шерстяныя, а шляпки, мантильи, кофты, бурну, и проч.

Шляпки носятъ преимущественно маленькія, но уже не опрокинутыя назадъ, а съ полями, довольно плотно прилегающими къ головѣ, и приподнятыми только съ боковъ, для открытія прически и украшенія ихъ цвѣтами и лентами. Шляпки дѣлаются изъ смѣси узорчатой соломки, лентъ, рюша, блондъ, крепа, какъ кому вздумается. 2, 5. Онѣ вообще чрезвычайно легки. Многія дамы носятъ шляпки, у которыхъ маленькая тулья составлена изъ нѣсколькихъ рядовъ сборчатыхъ лентъ, а поля газовыя, съ нашивками изъ лентъ отороченныхъ блондами. На тульѣ ленты напримѣръ лиловаго цвѣта, а на поляхъ розовыя. 10. Назади дѣлается бантикъ съ длиннымъ концомъ, также изъ розовыхъ лентъ, украшенія подъ полями и широкія подвязушки изъ такихъ-же лентъ.— Очень красивы также шляпки тюлевыя, 12. составленныя изъ нѣсколькихъ косыночекъ, накинутахъ одна на другую и отороченныхъ блондою. Косыночки эти прикрѣпляются другъ къ другѣ широкими бантами изъ шотландскихъ разноцвѣтныхъ лентъ, а сверху перехвачены зелеными узкими лентами, по большей части, изъ неразрѣзнаго бархата. Шляпка эта такъ мила, такъ граціозно украшаетъ молодую головку, что съ перваго раза не узнаешь, что это: шляпка, или коафюра, или чепецъ, или просто небрежно накинута на голову тюлевый уборъ, пришпиленный къ прическѣ, посредствомъ бантовъ и придерживаемый ленточками.

Коафюры или чепцы — для дамъ, отличаются отъ зимнихъ тѣмъ, что они полнѣе, опредѣленнѣе и устроены такъ, что могутъ замѣнять шляпки, во время лѣтнихъ прогулокъ на дачахъ. Дѣвицы прикалываютъ только къ косѣ такъ называемые *папильоны*, то есть, большіе банты изъ цвѣтныхъ лентъ, отороченныхъ блондою, или обшитыхъ бахрамою. Банты эти украшаются цвѣтами и зеленью. 13, 14.

Кофточки самыя модныя двухъ сортовъ: 1-я кофта съ открытою грудью, 1. кроится шалю, и полочки ея закругляются на бокахъ, а назадъ одна такая же закругленная фалда. Рукава широкіе, съ перехватомъ около локтя, такъ, что окончаніе ихъ составляетъ родъ широкаго раструба. По краямъ вся кофта гарнирована аграмантомъ; а раструбы рукавовъ обшиты имъ въ два ряда. Для лѣта это прелестный и очень удобный нарядъ. По большей части эти кофты дѣлаютъ изъ шелковой матеріи, или изъ того же матерьяла изъ котораго сшито самое платье. 2-я кофта называется *греческою*. 7. Она дѣлается изъ бархату или пу-де-суа. На груди плотно застегнута до самой шеи. Рукава широкіе—греческіе. По краямъ и вдоль внутренняго шва рукавовъ, она обшита аграмантомъ, съ небольшими кисточками. Подъ рукавами подшита плойка.

Подрукавники носятъ разныхъ фасоновъ, но самыя модныя дѣлаются изъ тюлю, съ двумя широкими оборками кружевными, съ большими зубцами. 3. Средина рукава перехвачена сборчатою лентою, которая спускается многими бантами до конца послѣдней оборки. Вторые попросте: они также тюлевые. Оборка состоитъ изъ буфъ, съ мелкими прошивками, и оторочена узкимъ кружевомъ. 6. Третьи батистовые съ обшлагами изъ англійскаго шитья, подложенными голубыми лентами, и на разрѣзѣ оканчивающимися бантами. 9.

Мантилья, наиболѣе употребляемая, шелковая, богато вышитая шелками и отороченная филейною бахромою. На верху мѣшокъ, также вышитый шелками, схваченъ большимъ бантомъ. 4.

Самыя роскошныя визитки шьются съ греческими рукавами, съ таліей; передъ и рукава вышиваются и сверхъ шитья убираются въ складку лентами. У перехвата таліи и внизу визитки прикалываютъ банты изъ лентъ, съ довольно длинными концами. Самый же низъ обшивается широкимъ кружевомъ. 11.

Манишки дѣлаются чрезвычайно роскошно. Открытыя спереди, онѣ обшиваются въ два ряда богатымъ кружевомъ, а модести, сверхъ котораго онѣ надѣты, убраны такимъ же кружевомъ и украшены сборками и бантами изъ лентъ. 8.

Патріотки наши—предпочитаютъ теперь дѣлать свои заказы мантилій, бурну, визитокъ, манто, и проч., у русскихъ мастерицъ и въ русскомъ магазинѣ, а не у француженокъ, какъ это до сихъ поръ бывало. Это одна изъ самыхъ отрадныхъ модъ. И дѣйствительно, развѣ эти *мадамы* и *мадмоазели* и до сихъ поръ пожинали лавры и

денги не русскими руками? Все ихъ искусство состояло только въ ловкой французской болтовнѣ, очень убѣдительною для легкомыслія. Въ Русскомъ Магазинѣ, въ домѣ Энгельгардъ, есть отдѣленіе дамскихъ готовыхъ вещей, гдѣ принимаются заказы на всѣ возможные дамскіе наряды, и всѣ эти наряды ничѣмъ не уступаютъ въ работѣ и добротѣ такимъ же произведеніямъ, за которыя гг. Делили и разныя французскія модистки запрашиваютъ въ три-дорога, и которыя они производятъ руками тѣхъ же самыхъ мастерицъ, которыя работаютъ и на Русскій Магазинъ. Отдѣленіе это принадлежитъ Л. Шарову, и мы смѣло рекомендуемъ его всѣмъ, кто пожелаетъ имѣть что либо изъ вещей, описанныхъ въ нашемъ модномъ вѣстникѣ. За дешевизну и добросовѣтность можно поручиться.

НОВЫЯ МУЗЫКАЛЬНЫЯ СОЧИНЕНІЯ

ВЪ МАГАЗИНѢ

И. ПЕЦА, нынѣ Ф. СТЕЛЛОВСКАГО.

въ Большой-Морской, въ домъ Лауфферта.

ПЬЕСЫ ДЛЯ ВИОЛОНЧЕЛИ СЪ АКОМПАНИМЕНТОМЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- BATTA A.** Fantaisie sur des motifs de l'opéra: Puritani. (1 p. 70 к.) Fantaisie et adagio sur la Cavatine favorite de Sonnambula (1 p. 70 к.) Fantaisie sur l'opéra: La Juive (1 p. 70 к.) Serenade de Hartog (85 к.) Lieder de Schubert transcrits, liv 1. 2. 3. 4. (Chaque 85 к.)
- BOCKMUEHL.** Collection de fantaisies non difficiles. № 1. Fantaisie sur Ernani (85 к.) № 2. Rondoletto capriccioso (85 к.) № 3. Mazurka-Valse (60 к.) № 4. Souvenir d'Appenzell (85 к.) № 5. Hymne à S. S. Pio IX (75 к.) № 6. Fantaisie sur Lombardi (85 к.)
- CHOPIN.** Mazurka favorite. (60 к.)
- DEMUNCK.** Fantaisie et variations sur des Thèmes russes. (2 p. 30 к.)
- ERNST.** Elegie op. 10 transcrite par A. Batta. (85 к.) Morceau de Salon. Romance. (85 к.)
- FRANCHOMME.** Souvenirs de Richard coeur de Lion. (1 p. 30 к.) Adagio. (75 к.) Deuxième Air russe varié. (1 p. 15 к.) Grande-Valse. (1 p. 40 к.)
- KUMMER.** Potpourri sur l'opéra: Preciosa. (85 к.) Airs russes variés. (1 p. 15 к.) Adagio et variations sur l'opéra: Montecchi et Capuletti. (1 p. 70 к.) Grande fantaisie sur des airs russes. (1 p. 15 к.) La Cantilena. Elegie. (60 к.) Reminiscences de l'opéra: Armide-de Gluck. (1 p. 40 к.) Caprice sur des mélodies eccssaises. (1 p. 70 к.) Les Arpèges ou le Trémolo de Beethoven. (1 p.) Ave Maria et La Sérénade de Schubert (1 p. 15 к.) Romance et Marche de l'opéra: Les Mousquetaires de la Reine. (1 p. 15 к.)
- LACHNER.** 4 Pièces caractéristiques № 1. 2. 3. 4. (Chaque 1 p. 40 к.)
- LEE S.** Valse brillante. (1 p.) Fantaisie sur deux mélodies de David. (1 p. 40 к.) Le Premier bal. Scène caractéristique. (1 p. 40 к.) Fantaisie sur des motifs d'Oberon, Euryanthe, et Preciosa, (1 p. 30 к.) Grande fantaisie sur l'opéra: Le Prophète. (1 p. 30 к.)
- MENDES.** Fantaisie sur l'opéra: Lucia de Donizetti. (1 p. 40 к.)
- MENTER.** Thema mit variationen. (1 p. 15 к.) Fantaisie. (1 p. 70 к.)
- MERK I.** Divertissement sur des thèmes hongrois. (1 p. 70 к.) Fantaisie sur l'opéra: Torquato Tasso. (1 p. 40 к.) Humoreske. (1 p. 40 к.) Fantaisie sur l'opéra: Ernani. (1 p. 40 к.)
- PIATTI.** Une prière. Thème original varié. (2 p. 30 к.) Amour et Caprice sur deux airs nationaux. (1 p. 40 к.) Divertissement sur un air napolitain. (1 p. 30 к.)

- ROMBERG B.** Elegie sur la mort d'un objet chéri. (1 p. 70 к.) Introduction et Polacca. (1 p. 40 к.) La Cantilena. Fantaisie. (1 p. 40 к.) Introduction et Rondo alla Mazurka. (1 p. 70 к.) La belle Bergère. (1 p. 40 к.) Rondo capriccio. (1 p. 15 к.)
- SCHUBERTH.** Adieu et Revoir. Adagio et Mazurka. (1 p. 15 к.) Mystification. Morceau de Salon. (1 p. 15 к.) Amourette, Berceuse, Impatience. Trois romances sans paroles. (1 p. 40 к.) Le Désir. Romance. (85 к.) Fantaisie sur des thèmes russes. (1 p. 15 к.)
- SERVAIS.** Souvenir de Spa. Fantaisie. (2 p. 30 к.) Caprice sur l'opéra: Comte Ory. (2 p. 30 к.) Fantaisie et variations sur la Valse de Beethoven. (2 p. 30 к.) Concerto en Si mineur. (3 p. 40 к.) Fantaisie sur l'opéra: Barbier de Seville. (2 p. 50 к.) Andante cantabile et rondo à la Mazurka. (2 p. 30 к.) Fantaisie caractéristique sur deux célèbres romances de Lafont. (2 p. 30 к.) Fantaisie burlesque. (2 p. 30 к.) Souvenir de la Suisse, Caprice. (2 p. 30 к.) Grande fantaisie sur l'opéra: Les-tocq. (2 p. 85 к.) Souvenir élégiaques. (2 p.) Le lac de Côme. Barcarolle. (85 к.) Les Regrets. Pensée musicale. (75 к.)
- STAINLEIN.** Fantaisie caractéristique sur des motifs Hongrois. (2 p. 30 к.) Fantaisie sur des mélodies du nord. (2 p.)
- STEVENIERS.** Le Souvenir. Melodie. (1 p.)
- STRANSKY.** Fleurs des opéras. Mélodies faciles et concertantes. № 1. Die Zigeunerinn. № 2. Belisario. № 3. Der Förster. № 4. Anna Bolena. № 5. La Straniera. № 6. Les Mousquetaires de la Reine. (Chaque 1 p. 15 к.)
- WILLMERS.** Ode à l'amour. Scène chantante. (1 p. 40 к.)

РУССКІЕ РОМАНСЫ ДЛѢ ПѢНІЯ СЪ ФОРТЕПЬЯНО.

- АРХАНГЕЛЬСКІЙ.** Гдѣ вы дни мои. (40 к.)
- ДЕЛЮСТО С.** Онъ удалый былъ дѣтина. (60 к.) Говорятъ мой голосъ звонокъ. (60 к.)
- ГЕЙТЕНЪ.** Я любилъ васъ сердцемъ (40 к.)

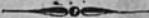
Въ этомъ же магазинѣ получены новости изъ-за границы, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, въ огромномъ выборѣ.

Въ томъ же магазинѣ можно получать всѣ музыкальныя сочиненія, гдѣ и кѣмъ бы они ни были изданы, или объявлены на слѣдующихъ условіяхъ: выписывающіе ноть не менѣе, какъ на три рубли серебромъ получаютъ 25 процентовъ уступки. Выписывающіе не менѣе, какъ на десять руб. сер., получаютъ тѣже 25 процентовъ уступки и не платятъ ничего за пересылку. Выписывающіе же болѣе, чѣмъ на двадцать руб. сер. пользуются гораздо значительнѣйшею уступкою. Магазинъ И. Пеца точнымъ и скорымъ выполнениемъ требованій приобрѣлъ довѣріе всей музыкальной публики, которымъ постоянно пользуется болѣе семидесяти лѣтъ. Также и на будущее время всѣ требованія гг. иногородныхъ будутъ удовлетворяемы со всевозможною точностью, акуратностью и всегда съ первою отходящею почтою. Каталоги, какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ, а равно и преисъ-курантъ итальянскимъ струнамъ, рассылаются при посылкахъ безденежно.

Тутъ же продаются отличнаго достоинства итальянскія скрипичныя струны, употребляемыя знаменитыми скрипачами: гг. Леонаромъ, Эрнстомъ и Вѣтаномъ. Преисъ-курантъ струнамъ раздается безденежно.

РЕПЕРТУАРЪ
РУССКОЙ СЦЕНЫ.

№ 5.

ВСЕ ДЛЯ ЖЕНЩИНЪ,

или

ИЗЪ ОГНЯ, ДА ВЪ ПОЛЫМЯ!

ВОДЕВИЛЬ ВЪ ОДНОМЪ ДѢЙСТВІИ ПЕРЕВЕДЕННЫЙ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО,

К. ТАРНОВСКИМЪ.

ПРЕДСТАВЛЕНЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ
НА ИМПЕРАТОРСКОМЪ С. ПЕТЕРБУРГСКОМЪ ТЕАТРѢ

Апрѣля 27-го 1854.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ

МАРКИЗЪ ДЕ МОНШЕВРЕЛЬ, банкиръ

АНРИЭТТА, жена его.

БУА-РОЗЕ.

ЖОЗЕФИНА,

ФРЕДЕРИКЪ, грумъ.

АКТЕРЫ:

Г. Каратыгинъ 2.

Г-жа Самойлова.

Г. М. Максимовъ.

Г-жа Алекина.

Дѣйствіе происходитъ въ Парижѣ, у Моншевреей.

Роскошно убранная комната. Въ глубинѣ мраморный каминъ съ мѣдными дверцами. По обѣ стороны камина двери, ведущія—лѣвая въ сѣни, а правая въ спальню. Направо, у стѣны столъ, на немъ небольшая шкатулка изъ розоваго дерева съ бронзой. Налѣво еще столъ, на немъ шляпка и шаль. На авансценѣ, направо, щегольская козетка, на ней лакейская ливрея. На каминѣ метелка и щетка для платья; налѣво огромное трюмо; каминъ топится.

Картины, часы и т. п. Утро.

I.

АНРІЭТТА и МАРКИЗЪ.

АНРІЭТТА (*выходитъ изъ спальни и подходитъ къ трюмо. Она въ платье ну-де-суа, палеваго цвѣта.*) Кажется, сидитъ хорошо... талія не широка, юбка довольно полная... Хорошо, очень хорошо!..

МАРКИЗЪ. (*выходя слева.*) Жена! Что она здѣсь дѣлаетъ? (*вслухъ.*) Анріэтта!...

АНРІЭТТА. А!.. это ты, маркизъ!.. Посмотри, не морщить-ли сзади? Кажется есть складки...

МАРКИЗЪ (*глядя.*) Нѣтъ, не видать; это у тебя новое платье?...

АНРІЭТТА. Да, сейчасъ принесли.

МАРКИЗЪ. Стоило дѣлать! Вѣдь мы ѣдемъ сегодня въ деревню.

АНРІЭТТА (*надѣвая перчатки.*) Ну, это еще неизвѣстно, поѣдемъ или нѣтъ.

МАРКИЗЪ. Напротивъ, мой другъ, очень извѣстно, и ты сама поблагодаришь меня, когда увидишь какую прекрасную дачу я купилъ въ Монморанси.

АНРИЭТТА. Но отчего ты такъ торопишься ѣхать?

МАРКИЗЪ. Очень просто : хочется подышать чистымъ воздухомъ.

АНРИЭТТА. Такъ поѣдемъ завтра, а сегодня я обѣщалась быть въ концертѣ.

МАРКИЗЪ. Опять! Неужели тебѣ ненадоѣли эти концерты?..

АНРИЭТТА. Какъ тебѣ не стыдно, Маркизъ... можетъ-ли надоѣсть музыка...

МАРКИЗЪ.

Мнѣ такъ концерты надоѣли,
Что я готовъ отъ нихъ бѣжать,
Особенно, какъ на недѣль
Даютъ концертовъ двадцать пять
Признаться надо, въ самомъ дѣлѣ,
Кларнеты, скрипки и пѣвцы
Насъ заиграли и запѣли,
И всѣ очистили ларцы!
Летятъ наемныя кареты
По улицамъ и тутъ и тамъ,
И концертисты въ нихъ билеты
Развозятъ силой по домамъ.
Почти годъ круглый ежедневно,
То вечеромъ, то утромъ въ часъ
Пилятъ, терзаютъ насъ душевно
То басъ, то даже... контрабасъ!
А ужъ пьянисты эти хваты...
Да съ ними просто суціи адъ—
И даже дѣти постреляты,
Теперь всѣ въ Листы наровятъ.
Иной чуть вышелъ изъ пелёнокъ,
А ужъ туда-жъ концертъ даѣтъ,
И смотришь, этакой чертенокъ,
Какъ взрослый, денежки беретъ!
Нѣтъ, мнѣ концерты надоѣли,.. и прс

АНРИЭТТА. Ну, полно, поди одѣнься!..

МАРКИЗЪ. Нѣкогда, мой другъ, право нѣкогда: я обѣщался быть въ два часа у нотариуса и кончить всѣ расчеты по дачѣ.

АНРИЭТТА. Чтожъ, это всё можно устроить; концертъ въ часъ, а къ нотаріусу можно ѣхать въ два.

МАРКИЗЪ (*смотря на часы.*) Нѣтъ, не успѣю...

АНРИЭТТА. Но взгляни на мой туалетъ, я ровно два часа одѣвалась. (*Подходитъ къ трюмо и смотрится.*)

МАРКИЗЪ. А раздѣнешься въ десять минутъ (*помолчавъ.*) Знаешь, эта настойчивость заставляетъ меня думать, что ты ѣдешь въ концертъ... не для одной музыки.

АНРИЭТТА (*съ досадою.*) Для чего-же?... Ужъ не ревнуете-ли вы?..

МАРКИЗЪ. Почемужъ-бы и не такъ? Ты такъ хороша... вокругъ тебя всегда толпа молодежи...

АНРИЭТТА (*оборачиваясь.*) Говорите рѣшительно, ѣдете вы со мною въ концертъ, или нѣтъ?

МАРКИЗЪ (*беретъ шляпу.*) Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!.. У меня дѣла и кромѣ того еще нужно сдѣлать прощальные визиты...

АНРИЭТТА. Можно послать съ человѣкомъ карточки...

МАРКИЗЪ. Да вѣдь ты знаешь, что я отпустилъ своего лакея еще вчера, а тотъ, котораго мнѣ обѣщали прислать, еще не явился... Ну, перестань... (*цѣлуетъ её въ лобъ.*) Не дуйся! До свиданія.

АНРИЭТТА (*сухо.*) Прощайте! (*Маркизь уходитъ.*)

II.

АНРИЭТТА, потомъ ЖОЗЕФИНА.

АНРИЭТТА (*одна.*) Какъ любезень!.. И только два года какъ женатъ!.. (*Переходя сцену и садясь направо.*) Это просто тиранство, неслыханное тиранство!.. Заставлять меня просидѣть цѣлое утро дома... (*снимаетъ перчатки и бросаетъ ихъ на козетку*) передъ тѣмъ, какъ мы уѣзжаемъ на всё лѣто... въ глушь, въ деревню... (*Молчаніе. Анриэтта съ досады бьетъ ногою объ ногу.*) А баронесса ждетъ меня... она обѣщалась задержать мнѣ мѣсто!.. Концертъ безподобный. Платье мое просто прелесть!.. (*Рѣшительно.*) Такъ нѣтъ-же!.. (*встаетъ.*) Нѣтъ! не останусь!.. Поѣду!! (*звонитъ.*) Поѣду!!

ЖОЗЕФИНА, (*входя.*) Что прикажете?..

АНРИЭТТА. Шляпку и шаль.

ЖОЗЕФИНА. Вы изволите ѣхать со двора?

АНРИЭТТА. Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ.

ЖОЗЕФИНА. Да вѣдь проливной дождь.

АНРИЭТТА. Ничего!.. *(переходя сцену, чтобъ взять перчатки).*
Я возьму карету. Если маркизь вернется до меня, скажи ему...

ЖОЗЕФИНА. Что прикажете?..

АНРИЭТТА *(одумавшись.)* Ничего. *(всторону).* Я ворочусь прежде *(уходитъ).*

III.

ЖОЗЕФИНА, потомъ **АНРИЭТТА,** вслѣдъ за нею **БУА-РОЗЕ.**

ЖОЗЕФИНА *(одна съ удивленіемъ).* Куда это она отправилась?.. пѣшкомъ... потихоньку отъ маркиза!.. *(улыбаясь).* Это что-то не ладно!..

Если станетъ жена,
Потихоньку, одна,
Со двора уходитъ самовольно,
Тутъ не будетъ пути,
И далеко зайти
Могутъ эти прогулки неволью.
Стоить только начать...
А назадъ ужъ опять
Иногда не легко воротиться;
А гуляя, одной,
Очень можно, порой,
Какъ нибудь и совсѣмъ заблудиться!

(Беретъ метелку и смахиваетъ пыль). Ну, да наша маркиза не изъ такихъ... про нее грѣхъ сказать... *(увидѣвъ ливрея на козеткѣ).* Это что?.. новая ливрея!.. Какъ она сюда попала?.. надо прибрать...

АНРИЭТТА *(входя).* О!.. это ужасно!..

ЖОЗЕФИНА *(удивленная).* Вы воротились, сударыня?..

АНРИЭТТА *(показывая ей свое платье, забрызганное грязью).*
Посмотри!.. Посмотри!..

ЖОЗЕФИНА *(вскрикиваетъ).* Ахъ, какое несчастье!.. все въ грязи! Какъ это вы?..

БУА-РОЗЕ (*входитъ быстро; на немъ верховый костюмъ: синій фракъ съ свѣтлыми пуговицами, бѣлый жилетъ, свѣрые панталоны, длинны сапоги, для верховой ѣзды*). Наконецъ-то я васъ нашель!..

АНРИЭТТА. Это онъ!..

БУА-РОЗЕ (*съ чувствомъ глубокаго раскаянiя*). Я въ отчаянiи, я въ совершенномъ отчаянiи. Позвольте мнѣ у вашихъ ногъ... (*хочетъ стать на колѣна*).

АНРИЭТТА. Вы смѣли войти сюда?..

БУА-РОЗЕ. Я принесъ вамъ повинную голову. (*Смотря на платье*). Ахъ, какъ жаль, какъ жаль!..

АНРИЭТТА (*Жозефинъ*). Пойдемъ. (*Жозефина идетъ въ спальню. Анриэтта идетъ за нею; Буа-Розе останавливаетъ ее*).

IV.

АНРИЭТТА и БУА-РОЗЕ.

БУА-РОЗЕ (*умоляющимъ голосомъ*). Ахъ! ради Бога!..

АНРИЭТТА (*быстро*). Что вамъ угодно?..

БУА-РОЗЕ (*умоляя*). Мнѣ угодно, чтобъ вы улыбнулись и простили меня.

АНРИЭТТА. Да, очень кстати мнѣ теперь улыбаться!..

БУА-РОЗЕ. Понимаю!.. Еще не высохло! Я подожду пока высохнетъ.

АНРИЭТТА. Вы будете ждать?.. но гдѣ-же?..

БУА-РОЗЕ. Здѣсь... у вашихъ ногъ... (*хочетъ стать на колѣна*).

АНРИЭТТА. Это слишкомъ!.. Извольте выйти!..

БУА-РОЗЕ. Замѣьте, что я виноватъ не одинъ, на вашей улицѣ столько грязи!..

АНРИЭТТА. Кто же просилъ васъ по ней ѣздить?

БУА-РОЗЕ. Я въ этомъ не раскаиваюсь, потому что имѣлъ счастье васъ!..

АНРИЭТТА (*иронически*). Забрызгать?..

БУА-РОЗЕ (*живо*). Нѣтъ,—встрѣтить!.. О!.. вы простите меня... вы такъ добры!..

АНРИЭТТА. Напротивъ,—я очень зла!..

БУА-РОЗЕ (*любезно*). Не можетъ быть!..

АНРИЭТТА (*съ сердцемъ*). А я вамъ говорю, что можетъ... можетъ... можетъ!..

БУА-РОЗЕ (*успокоивая ее*). Ну, нѣтъ-же... нѣтъ, нѣтъ!.. (*всторону*). Еще не высохло...

АНРИЭТТА (*оглядывая платье*). Это ужасно!

БУА-РОЗЕ. Ничего... пройдетъ... Отъ грязи не бываетъ пятень... (*вынимаетъ батистовый платокъ и третъ одно пятно*). Позвольте, я...

АНРИЭТТА (*быстро*). Да вы еще больше растерли!.. Этого не доставало!..

БУА-РОЗЕ. Позвольте... позвол...

АНРИЭТТА. Чего вамъ отъ меня хочется?.. Что вамъ нужно?..

БУА-РОЗЕ (*складывая руки*). Я уже сказалъ вамъ... вашей улыбки... и...

АНРИЭТТА (*съ сердцемъ*). Вы выводите меня изъ терпѣнія...

БУА-РОЗЕ. Повѣрьте, выведуть...

АНРИЭТТА. Подите вонъ ..

БУА-РОЗЕ. Сударыня!

АНРИЭТТА. Это ни на что не похоже! (*берется за колокольчикъ*). Уйдете ли вы?..

БУА-РОЗЕ (*съ покорностью*). Иду, иду!..

АНРИЭТТА. Насилу!..

БУА-РОЗЕ (*вдругъ возвращаясь*). Такъ нѣтъ-же, не уйду!.. это свѣше моихъ силъ!..

АНРИЭТТА. Опять!..

БУА-РОЗЕ. Я виновать!.. я испортилъ вашу тафту.

АНРИЭТТА. Тафту! Да это пу-де-суа, сударь! чудесное пу-де-суа!..

БУА-РОЗЕ. Виновать!.. Я испортилъ ваше пу-де-суа...

АНРИЭТТА. Она мнѣ стоитъ 200 франковъ!..

БУА-РОЗЕ. 200 франковъ!.. (*вынимаетъ портфель*). Со мною есть деньги... позвольте...

АНРИЭТТА (*вспыхнувъ*). Что?!

БУА-РОЗЕ. Вамъ возвратить...

АНРИЭТТА. Вы смѣете мнѣ предлагать деньги!..

БУА-РОЗЕ. Виновать!.. простите!.. Я самъ не понимаю, что дѣлаю... но когда вы меня узнаете покороче, то...

АНРИЭТТА. Вы думаете, что я еще буду васъ узнавать?.. Да что мнѣ въ васъ? Что вы—лошадиный барышникъ?..

БУА-РОЗЕ. Я?.. нѣтъ, сударыня!.. Я виконтъ де Буа-Розе!.. Вѣроятно вы слышали?..

АНРИЭТТА. Никогда.

БУА-РОЗЕ. Меня еще прозвали современнымъ рыцаремъ, — я Паладинъ прекраснаго пола...

АНРИЭТТА. Какъ Донъ-Кихотъ!

БУА-РОЗЕ. Совершенно .. то есть, нѣтъ, не совершенно!.. «Все для женщинъ!» Вотъ мой девизъ!.. Женщина страдаетъ — и я тутъ, какъ тутъ; являюсь, возвращаю ей спокойствіе, защищаю ее, отираю ея слезы...

АНРИЭТТА. И пачкаете платья...

БУА-РОЗЕ (*живо*). Нѣтъ... это такъ, — неосторожность... (*съ жаромъ*). Я желаю только одного, чтобъ съ вами случилось какое-нибудь ужасное несчастье!..

АНРИЭТТА. Вотъ это мило!..

БУА-РОЗЕ. Тогда призовите меня... я явлюсь... прилечу... при-скачу...

АНРИЭТТА (*улыбаясь*). Я этого вовсе не хочу...

БУА-РОЗЕ (*съ радостью*). Вы улыбаетесь!.. Вѣрно высохло!

АНРИЭТТА. Да нѣтъ же!.. нисколько!..

БУА-РОЗЕ. Одно слово, и я уйду!..

АНРИЭТТА. Чего же вы ждете?..

БУА-РОЗЕ. Вы знаете: улыбки и прощ....

АНРИЭТТА. Нѣтъ, это изъ рукъ вонъ!.. (*идетъ къ двери*). Не заставьте меня приказать васъ вывести!.. (*сухо кланяется и уходитъ въ спальню*).

V.

БУА-РОЗЕ одинъ.

Еще не высохло!.. (*надъвѣваетъ шляпу и ходитъ по сценѣ*). Какое ужасное приключеніе!.. Я.. я, Буа-Розе!.. современный рыцарь, — забрызгалъ грязью прелестную даму, какъ какой-нибудь извозчикъ... пьяница!.. Что теперь дѣлать! Нему же я такъ уѣхать?.. А съ другой стороны мнѣ надо спѣшить: моя лошадь, моя виновная Миссъ-Эмми ждетъ меня у крыльца. (*смотритъ на часы*). Я долженъ бы ужъ быть въ Монморанси. Тамъ страдаетъ женщина, на большой улицѣ, я ее въ глаза не знаю, въ 22 №; но это ничего не значитъ! (*подходя къ спальню*). Не

попытаться ли еще... или прїѣхать въ другой разъ? (*снимает шляпу*). Попытаться! (*стучитъ въ дверь*). Сударыня!.. ради Бога, позвольте мнѣ...

VI.

БУА-РОЗЕ, ЖОЗЕФИНА, потомъ МАРКИЗЪ.

ЖОЗЕФИНА (*входя*). Вы еще здѣсь?.. Славно же вы отдѣляли платье.

БУА-РОЗЕ. Еще не высохло?..

ЖОЗЕФИНА. Конечно нѣтъ. Хорошо, если маркизь не замѣтитъ пятенъ...

БУА-РОЗЕ. Маркизь? Кто такой?..

ЖОЗЕФИНА. Мужъ, баринъ!.. Вѣдь онъ запретилъ ей выходить.

БУА-РОЗЕ. Запретилъ?!!

ЖОЗЕФИНА. Ну, да!..

БУА-РОЗЕ (*вспыхнувъ*). Такъ онъ деспотъ! тиранъ!.. Она, стало-быть, несчастна! Сдѣлай милость, скажи мнѣ, что она несчастна?

ЖОЗЕФИНА. Да, маркизь таки крутенекъ!.. А ужъ какой ревнивый, бѣда!

БУА-РОЗЕ. Bravo!.. Еще несчастная женщина!.. (*ставитъ шляпу нальво на столикъ*). Я остаюсь!.. (*потирая руки*). Наконецъ-то будетъ мнѣ и здѣсь работа... (*слышенъ голосъ Маркиза*).

ЖОЗЕФИНА (*идя къ спальнѣ*). Пойдите... слышите, это маркизь...

БУА-РОЗЕ. Что же? Я разкажу ему мое несчастное приключеніе...

ЖОЗЕФИНА. Да вы развѣ забыли, что онъ запретилъ барынѣ выходить...

БУА-РОЗЕ. Правда!..

ЖОЗЕФИНА. Спрячьтесь!.. спрячьтесь поскорѣе!

БУА-РОЗЕ. Изволь... Хорошо... (*идетъ и ворочается*). Нѣтъ! Онъ ревнивъ, онъ пожалуй приметъ меня за любовника... Это можетъ ей повредить... Какъ бы... (*увидя ливрею на козеткѣ*). А!.. чего жъ лучше?! (*снимаетъ фракъ и надѣваетъ ливрею*).

ЖОЗЕФИНА. Что вы дѣлаете?..

БУА-РОЗЕ. Не твое дѣло!.. (*всторону*). Я её спасу!.. (*надѣвши ливрею*). Такъ!..

ЖОЗЕФИНА (*видя входящаго маркиза*). Вотъ онъ!..

VII.

ТѢЖЕ, МАРКИЗЪ, ПОТОМЪ АНРИЭТТА.

МАРКИЗЪ. *(не видя Буа-Розе и сбрасывая съ себя тальму.)* Какая скверная погода!! Фу! весь измокъ... Жозефина, разведи огонь въ каминѣ...

ЖОЗЕФИНА. Сей-часъ *(тихо Буа-Розе.)* Идите-же.

БУА-РОЗЕ, *(тихо ей.)* Вынеси мнѣ мой фракъ *(идетъ къ двери и сталкивается съ маркизомъ, который шелъ было къ камину.)*

МАРКИЗЪ *(увидя его.)* Это кто?..

БУА-РОЗЕ *(въ сторону.)* Вотъ и попался!..

МАРКИЗЪ. Что тебѣ надо?..

БУА-РОЗЕ. Мнѣ?.. ничего-съ.

МАРКИЗЪ *(Жозефинѣ.)* А!.. это вѣрно лакей, котораго мнѣ хотѣли прислать. *(Буа-Розе удивляется.)*

ЖОЗЕФИНА *(быстро).* Да-съ, это... точно такъ-съ, это онъ...

БУА-РОЗЕ. Да, это онъ... т. е. это я! *(въ сторону.)* Я ее спасу!.. *(Жозефина подкладываетъ дрова и дѣлаетъ знаки Буа-Розе.)*

МАРКИЗЪ. Подойди. Какъ тебя зовутъ?

БУА-РОЗЕ. Меня? *(всторону.)* Я ее спасу!.. *(вслухъ).* Меня зовутъ... Ле-брефъ.

МАРКИЗЪ. Странное имя!

БУА-РОЗЕ. Не нравится?.. Въ такомъ случаѣ... честь имѣю... *(хочетъ идти.)*

МАРКИЗЪ *(останавливая его.)* Постой!.. Куда жъ ты?.. *(подавая ему шляпу.)* На, возьми шляпу!..

БУА-РОЗЕ, *(не беретъ шляпы.)* Что?..

МАРКИЗЪ *(смѣясь.)* Что ты глаза-то выпучилъ?

БУА-РОЗЕ. Что?.. *(всторону.)* Будто я ихъ выпучилъ?..

МАРКИЗЪ. Возьми и оботри.

БУА-РОЗЕ *(беретъ шляпу, всторону.)* Оботри!.. Скверное положеніе.

ЖОЗЕФИНА *(подавая ему салфетку.)* Ну-те!.. обтирайте же!..

БУА-РОЗЕ. *(ей.)* Обтираю.

ЖОЗЕФИНА. *(всторону, уходя въ спальню.)* Чѣмъ всё это кончится?..

БУА-РОЗЕ. *(всторону, вытирая шляпу.)* Однако прескверное положеніе!..

АНРИЭТТА, *(выходя изъ своей комнаты въ голубомъ баржевомъ платьѣ, мужу.)* Какъ, ты ужъ воротился... *(увидя Буа-Розе.)* Ахъ!

БУА-РОЗЕ, (*всторону.*) Вотъ тебѣ разъ!..

МАРКИЗЪ. Что съ тобой?..

АНРИЭТТА. Ни... ничего!.. (*всторону.*) Опять этотъ господинъ!..

И переодѣтый!..

БУА-РОЗЕ. (*всторону.*) Оцѣнить-ли она мое самоотверженіе? (*вслухъ, Маркизу.*) Вотъ шляпа и салфетка.

МАРКИЗЪ. Поставь на столъ.

БУА-РОЗЕ (*тихо, проходя мимо Анриэтты.*) Всѣ для женщинъ! вотъ мой девизъ!..

АНРИЭТТА (*тихо.*) Зачѣмъ вы здѣсь?.. Извольте выйти!..

МАРКИЗЪ (*оборачиваясь.*) Что?..

БУА-РОЗЕ. Я ставлю шляпу на столъ.

МАРКИЗЪ (*Анриэтты.*) Ты наняла его?..

АНРИЭТТА. Я... то есть...

БУА-РОЗЕ. Да, да... г-жа Маркиза была такъ добра, что... (*тихо.*) Не противорѣчьте мнѣ... (*всторону.*) Я засталъ г-жу Маркизу за работой... она вышивала у камина... для васъ... туфли... зеленые цвѣты... по желтому полю.

МАРКИЗЪ (*женъ.*) А!.. это очень мило...

АНРИЭТТА. Да... (*всторону.*) Нельзя сказать правды... это ужасно!..

БУА-РОЗЕ. Чрезвычайно мило... зеленые цвѣты по желтому полю... зеленые цв...

МАРКИЗЪ. Однако, ты, кажется, позволяешь себѣ разсуждать?.. Я этого не люблю.

БУА-РОЗЕ. А! не любите?.. Ну!.. Я вижу, что я не гожусь для васъ. Честь имѣю (*всторону*) гдѣ моя шляпа?.. (*идетъ къ двери.*)

МАРКИЗЪ (*останавливая его.*) Постой!.. Въ первый разъ вижу такого дурака!.. (*женъ.*) Ты съ нимъ договорилась?

АНРИЭТТА Ты знаешь, Максъ, что я въ эти дѣла не мѣшаюсь. (*садится къ рабочему столу и хочетъ работать.*)

БУА-РОЗЕ (*тихо ей.*) Будьте покойны, онъ меня непременно выгонитъ.

МАРКИЗЪ (*садится на козетку.*) Лѣбрефъ!.. Подойди сюда!..

БУА-РОЗЕ (*разспянно*) Съ удовольствіемъ. (*садится на козетку рядомъ съ Маркизомъ.*)

МАРКИЗЪ. Это что?..

БУА-РОЗЕ, (*встаетъ.*) Ахъ... виноватъ-съ! (*всторону.*) Однако, чортъ возьми, прескверное положеніе!

МАРКИЗЪ (*всторону.*) Ужасный болванъ; но другаго нѣтъ... поневоля надо будетъ взять... (*вслухъ*). Что-жъ ты умѣешь дѣлать?..

БУА-РОЗЕ, (*тихо Анріэттъ.*) Слушайте... (*вслухъ*) многого я не умѣю.

МАРКИЗЪ. Умѣешь ты завивать?..

БУА-РОЗЕ. Нѣтъ-съ, не могу.

МАРКИЗЪ. Ну, это ничего... Я никогда не завиваюсь.

БУА-РОЗЕ. (*всторону*) Не въ попадь!

МАРКИЗЪ. А брить можешь?..

БУА-РОЗЕ. И брить не могу... (*всторону.*) Гдѣ жъ моя шляпа?..

МАРКИЗЪ (*вставая.*) Ну, и это ничего. Я брѣюсь самъ, такъ и быть.. я оставляю тебя... Вотъ, на тебѣ на водку.

БУА-РОЗЕ. (*въ смущеніи.*) Пять франковъ?.. ннѣ!..

АНРІЭТТА (*вставая и подходя къ мужу.*) Но, мой другъ...

БУА-РОЗЕ, (*всторону.*) Я ее спасу!.. (*кладетъ монету въ карманъ.*) Покорнѣйше благодарю.

МАРКИЗЪ (*тихо жепъ.*) Что-жъ дѣлать? Теперь -у меня ни кого нѣтъ въ виду, а черезъ недѣлю можно его прогнать...

АНРІЭТТА (*всторону.*) Черезъ недѣлю!..

VIII.

ТѢЖЕ " ФРЕДЕРИКЪ.

ФРЕДЕРИКЪ (*въ ливрель, съ хлыстомъ въ рукъ, входитъ съ шумомъ.*) Да я вамъ говорю, что онъ вошелъ сюда...

БУА-РОЗЕ, (*всторону со страхомъ.*) Ай! мой грумъ. (*беретъ метелку и отворачивается.*)

МАРКИЗЪ (*Фредериксу.*) Это кто?.. Кого тебѣ нужно?..

ФРЕДЕРИКЪ. Извините-съ, я ищу моего барина.

АНРІЭТТА (*всторону.*) Боже...

МАРКИЗЪ. А гдѣ твой баринъ?..

ФРЕДЕРИКЪ. Они забрызгали грязью даму и пошли... (*осматривается и узнаетъ Анріэтту.*) Да это...

БУА-РОЗЕ, (*сжимаетъ крѣпко ему руку.*) Молчи!.. Пошелъ вонъ!..

ФРЕДЕРИКЪ (*въ изумленіи.*) Вотъ-тебѣ разъ!...

МАРКИЗЪ (*оборачивается.*) Что тамъ такое?..

ФРЕДЕРИКЪ (*оправившись.*) Такъ-съ!.. Ничего-съ! Виновать, ошибся!.. Это не здѣсь. (*убываетъ.*)

МАРКИЗЪ. Этого дурака откуда еще взялся?

БУА-РОЗЕ, (*въ смущеніи.*) Чей-то грумъ, онъ, кажется, не много вышилъ.

АНРИЭТТА (*тоже.*) Да... это... это... чей-то грумъ... онъ (*всторону.*) Я принуждена лгать.

МАРКИЗЪ. Дуракъ привратникъ всѣхъ пускаетъ... (*дрожь*) бр!.. Какъ холодно! Лебрефъ!.. (*Буа-Розе забылъ, что зовутъ его и молчитъ. Очень громко.*) Лѣбрефъ!..

БУА-РОЗЕ (*просебя.*) Ахъ, да вѣдь это я Лѣбрефъ! Забылъ.

МАРКИЗЪ. Что ты глухъ?..

БУА-РОЗЕ. Нѣтъ! то есть, да!.. Есть немножко!.. (*всторону.*) Когда бъ онъ меня хоть за это выгналъ!..

МАРКИЗЪ (*очень громко*) Мнѣ надо переодѣться...

БУА-РОЗЕ, (*тоже.*) Чтожъ!.. Я вамъ не мѣшаю, будьте какъ дома.

МАРКИЗЪ (*тоже.*) Принеси мнѣ туда фракъ... слышишь?

БУА-РОЗЕ, (*удивясь.*) А?!

МАРКИЗЪ (*на ухо и очень громко:*) Фракъ!.. слышишь?..

БУА-РОЗЕ. Слышу!.. слышу!..

МАРКИЗЪ (*всторону уходя къ себѣ и разстегивая стюртукъ.*) Однако это очень скучно, съ нимъ всё надо кричать. (*выходитъ нальво.*)

IX.

АНРИЭТТА и БУА-РОЗЕ.

АНРИЭТТА (*быстро.*) Объясните мнѣ, для чего вы надѣли эту ливрею?..

БУА-РОЗЕ, (*тономъ рыцарства, не выпуская изъ рукъ метелки.*) Не благодарите меня...

АНРИЭТТА. Благодарить васъ! Да вы меня губите!.. Что вы здѣсь дѣлаете?..

БУА-РОЗЕ. Рыцарство!.. Чистое рыцарство!..

АНРИЭТТА. Оставьте и рыцарство и меня въ покоѣ.

БУА-РОЗЕ. Нѣтъ, я знаю всё!.. Вы несчастны!..

АНРИЭТТА. Я?..

БУА-РОЗЕ. Вы!.. *(она хочет говорить, онъ ее останавливаетъ.)*
Вашъ мужъ, запретилъ вамъ выходить.

АНРИЭТТА. Говорите съ большимъ уваженіемъ...

БУА РОЗЕ *(перебивая.)* Не могу, воля ваша, никакъ не могу!..
этотъ Падишахъ держитъ васъ въ заперти! по-турецки! Изъ
ревности!..

АНРИЭТТА. Вамъ-то что за дѣло?.. Кто васъ проситъ?..

БУА-РОЗЕ, *(внѣ себя.)* Женщина страдаетъ, и вы спрашиваете,
что мнѣ задѣло!..

АНРИЭТТА. Оставьте меня...

БУА-РОЗЕ. Что мнѣ за дѣло!.. Движимый чистѣйшею предан-
ностію...

АНРИЭТТА *(отходя.)* Я уже сказала, что мнѣ нѣкогда васъ
слушать...

БУА-РОЗЕ, *(идя за ней.)* Движимый чистѣйшею преданностію...

АНРИЭТТА *(топнувъ ножкой.)* Да вы нестерпимы! Подите вонъ!..
Слышите!.. понимаете-ли вы меня?.. Подите вонъ!.. *(показываетъ
ему дверь.)*

БУА-РОЗЕ *(съ грустью.)* Вы меня гоните!.. меня?.. *(еще груст-
нѣе.)* Это въ первый разъ...

АНРИЭТТА *(всторону.)* Онъ еще, пожалуй, расплчется!.. *(вслухъ,
безъ сердца.)* Послушайте!

БУА-РОЗЕ. Прощайте, я ухожу обиженный, оскорбленный...
(застегивая машинально лифрею.) Я пойду къ другой женщинѣ...
она мнѣ будетъ признательна. *(беретъ на столикъ свою шляпу.)*
Она страдаетъ въ Монморанси...

АНРИЭТТА. Въ Монморанси.

БУА-РОЗЕ, *(хочетъ идти.)* Да-съ, въ Монморанси... на боль-
шой улицѣ, *(ворочается и ставитъ опять шляпу на столъ.)*
Эта женщина... я хочу, что-бы вы узнали меня покороче...

АНРИЭТТА. Это вовсе лишнее!..

БУА-РОЗЕ, *(воодушевляясь.)* Нѣтъ, сударыня, это вовсе не ли-
шнее. Эта женщина...

АНРИЭТТА *(всторону.)* Онъ невыносимъ съ своими исторіями.

БУА-РОЗЕ. Эта женщина имѣла неосторожность... въ дѣвуш-
кахъ... написать три письма... на розовой бумажкѣ къ одному
моему пріятелю... *(быстро.)* Я ее не осуждаю!..

АНРИЭТТА *(всторону съ безпокойствомъ.)* Три письма!.. Это
странно!.. *(громко.)* Потомъ?..

БУА-РОЗЕ. Потомъ она вышла замужь за другаго... за кокого-то маркиза де Моншеврель.

АНРИЭТТА. Боже!..

БУА-РОЗЕ. Понимаете теперь?.. Она замужемъ и у нея на совести эти три упрека, на розовой бумажкѣ... (*гробовымъ голосомъ.*) съ печатью городской почты.

АНРИЭТТА. Ну, что-же дальше?..

БУА-РОЗЕ. Бѣдная женщина! подумаль я, — съ какимъ чувствомъ будетъ она цѣловать своего мужа, своихъ дѣтей!.. Когда у ней будутъ дѣти и, незная ее... я, Буа-Розе, котораго выгоняють изъ дома... я рѣшилъ возвратить ей покой, сонъ, жизнь, если хотите... я присталь къ моему другу...

АНРИЭТТА. Его имя?..

БУА-РОЗЕ. Позвольте мнѣ оставить его имя втайнѣ... я ему сказалъ: шевалье де-Вильфоръ.

АНРИЭТТА (*всторону.*) Боже!.. это онъ!..

БУА-РОЗЕ. Ты благородный мальй... ты долженъ возвратить эти письма...

АНРИЭТТА. Ну, а онъ?..

БУА-РОЗЕ. Сначала онъ отказался... но я вызваль его... и тамъ, на мѣстѣ поединка...

АНРИЭТТА. О! Боже!..

БУА-РОЗЕ, (*покойно.*) Онъ мнѣ ихъ отдалъ... съ тѣмъ, чтобъ я далъ ему въ займы десять тысячъ франковъ (*съ жаромъ.*) Онъ очень благородный мальй!..

АНРИЭТТА. И эти письма... у васъ?..

БУА-РОЗЕ, (*береть свою шляпу.*) У меня-съ и я сей-часъ же ѣду.

АНРИЭТТА (*останавливая его.*) Пойдите!..

БУА-РОЗЕ (*удивленный.*) Какъ?!.

АНРИЭТТА (*опуская глаза.*) Я боюсь, что вы проѣздите даромъ. Дама, о которой вы говорили... еще въ Парижѣ.

БУА-РОЗЕ, (*ставитъ опять шляпу на столъ.*) Можетъ-ли быть?..

АНРИЭТТА. Она...

БУА-РОЗЕ. Ну?..

АНРИЭТТА (*съ смущеніемъ.*) Она передъ вами...

БУА-РОЗЕ. Какъ!.. Вы?..

АНРИЭТТА. Я маркиза де Моншеврель.

БУА-РОЗЕ (*въ восторгъ*). Вы?... А!.. сударыня!.. А!.. сударыня!.. Это лучший день въ моей жизни!.. наконецъ-то я могу заглядить...

АНРИЭТТА (*перебивая его*). Я была очень не осторожна... но не торопитесь осуждать меня...

БУА-РОЗЕ (*благородно*). Я никогда не осуждаю женщинъ.

АНРИЭТТА. Какъ вы добры!..

БУА-РОЗЕ (*всторону*). Платье совершенно высохло... (*вслухъ*). Это лучший день...

АНРИЭТТА (*перебивая его*). Гдѣ-же письма?..

БУА-РОЗЕ. Сейчас!.. Это самый лучший... (*ищетъ машинально въ карманахъ ливреи*). Наконецъ-то вы можете смѣло цѣловать дѣтей вашихъ.

АНРИЭТТА. У меня нѣтъ дѣтей.

БУА-РОЗЕ. Это жаль! (*быстро*). Но я не виню васъ... съ такимъ мужемъ...

АНРИЭТТА. Дайте же скорѣе письма!..

БУА-РОЗЕ. Сейчасъ. (*Видитъ свою ошибку и идетъ къ своему платью*). Они тутъ, у меня въ бумажникъ. Вильфоръ самъ ихъ запечаталъ... (*ищетъ въ карманахъ фрака, держа его въ рукахъ*). Повѣрьте, что я не читалъ ихъ!..

АНРИЭТТА. Да онъ премилый!..

X.

ТЪ ЖЕ « ШАРКИЗЪ ».

ШАРКИЗЪ (*выходитъ въ одной жилеткѣ*). Ну, что же ты?.. Гдѣ мой фракъ... (*беретъ фракъ изъ рукъ Буа-Розе*). Насилу-то, болванъ!..

АНРИЭТТА. А!.. Боже мой!..

БУА-РОЗЕ. (*всторону*). Ба!.. а портфель въ карманъ!..

ШАРКИЗЪ. (*женъ*). Соберись, мой другъ, мы ѣдемъ черезъ полчаса... я только сведу наши карточки къ леди Эджертоу.

АНРИЭТТА. (*быстро*). Во фракъ?.. Это слишкомъ церемонно...

БУА-РОЗЕ. Это правда!.. Кто жъ дѣлаетъ визиты во фракъ?.. это слишкомъ церем....

ШАРКИЗЪ. Ты-то что понимаешь!

БУА-РОЗЕ (*быстро*). Я сейчасъ вамъ принесу пиджакъ.

МАРКИЗЪ. Нѣтъ!.. не нужно... (*ощупывая карманы*). Здѣсь-ли бумажникъ? Я положилъ въ него карточки,—здѣсь!.. (*женъ, уходитъ*). Одьвайся, мой другъ, я сейчасъ буду.

XI.

АНРІЭТТА и БУА-РОЗЕ.

БУА-РОЗЕ. Уходитъ!.. Ушелъ!..

АНРІЭТТА. Онъ откроетъ бумажникъ... прочтетъ письма...

БУА-РОЗЕ (*ходя по сценѣ*). Вѣроятно.

АНРІЭТТА. Что онъ обо мнѣ подумаетъ!..

БУА-РОЗЕ. Право, не знаю!..

АНРІЭТТА. Да, поймите же, что я погибла.

БУА-РОЗЕ (*останавливаясь*). Погибли!.. когда я съ вами... нѣтъ, я скорѣе убью его...

АНРІЭТТА (*испугавшись*). Послушайте!!

БУА-РОЗЕ (*бѣгая по сценѣ*). Пистолеть!.. Кинжалъ!.. что-нибудь! А!.. щетка!.. (*схватываетъ щетку и выбѣгаетъ за Маркизомъ*).

XII.

АНРІЭТТА, потомъ БУА-РОЗЕ и МАРКИЗЪ.

АНРІЭТТА. Остановитесь!.. (*испуганная*). Что онъ дѣлаетъ! Я дрожу... Если Максъ найдетъ письма, онъ будетъ постоянно подозревать, ревновать меня!.. Этотъ Буа-Розе рѣшительно какой-то злой духъ!..

БУА-РОЗЕ (*за кулисами*). Нѣтъ!.. Вы не пойдете дальше!..

МАРКИЗЪ (*тамъ же*). Да пустишь-ли ты меня?..

БУА-РОЗЕ (*вводитъ почти насильно Маркиза*). Нѣтъ! Не пуцую! Вамъ нельзя идти... Вы все въ мѣлу...

МАРКИЗЪ. Ты же прижалъ меня къ стѣнѣ!.. Чисти поскорѣе!..

БУА-РОЗЕ (*чиститъ платье*). Обернитесь... (*продолжая чистить, онъ ощупываетъ сквозь платье бумажникъ, всторону*). Здѣсь! Какъ достать?.. Я-бы желалъ быть какимъ нибудь фокусникомъ. (*вслухъ, стараясь разстегнуть фракъ*). Ну, теперь карманы!..

МАРКИЗЪ. Кто же чиститъ карманы?..

БУА-РОЗЕ. Въ хорошихъ домахъ всегда чистятъ карманы.

МАРКИЗЪ. (*вынимаетъ изъ кармана сигарницу*). Это что?.. Порт-сигартъ?

АНРИЭТТА (*всторону*). О!

БУА-РОЗЕ (*тоже*). Какъ тутъ!.. мой!.. (*вслухъ*). Это вѣроятно сюрпризъ... отъ вашей супруги...

АНРИЭТТА. (*въ смущеніи*). Да... другъ мой... это сюрпризъ...

МАРКИЗЪ. Но вѣдь я не курю.

БУА-РОЗЕ. Что жъ изъ этого?.. Ничего... знаете... въ деревнѣ...

АНРИЭТТА. Когонибудь попотчивать...

МАРКИЗЪ. Но, право...

БУА-РОЗЕ. (*чтобъ прервать разговоръ*). Обернитесь!..

МАРКИЗЪ. (*вынимаетъ изъ другаго кармана платокъ*). Батистовый платокъ! А я ношу всегда фуляры.

БУА-РОЗЕ. Это тоже сюрпризъ... знаете... въ деревнѣ...

АНРИЭТТА. (*теряясь*). Да... комунибудь...

МАРКИЗЪ. (*кладя порт-сигаръ и платокъ на столъ*). Какъ?..

БУА-РОЗЕ. (*быстро*). Обернитесь!..

МАРКИЗЪ. Надоѣлъ!.. Довольно... пусти!..

АНРИЭТТА. (*всторону*). Онъ опять идетъ...

БУА-РОЗЕ. (*всторону*). Нѣтъ, погоди!.. (*вслухъ*). Обернитесь!.. (*отрываетъ у фрака пуговицу*). Вотъ! (*громко*). Пуговица отскочила!..

МАРКИЗЪ. Болванъ!..

БУА-РОЗЕ. Скорѣе, другой фракъ!..

АНРИЭТТА. А!.. Сейчасъ!.. (*идетъ за кулисы*).

МАРКИЗЪ. (*снимая и ставя шляпу*). Ты, однако, ужаснѣйшій болванъ...

БУА-РОЗЕ (*снимаетъ съ него фракъ*). Все для женщинъ!..

МАРКИЗЪ. Что?..

АНРИЭТТА (*приноситъ черный фракъ*). Вотъ, мой другъ!..

БУА-РОЗЕ (*вынимаетъ изъ снятаго съ Маркиза фрака бумажникъ, всторону съ торжествомъ*). А!.. наконецъ-то!..

МАРКИЗЪ (*беретъ у него изъ рукъ бумажникъ*). А!.. мой бумажникъ!..

БУА-РОЗЕ (*уничтоженный*). Вотъ тебѣ разъ!..

АНРИЭТТА (*всторону*). О!..

МАРКИЗЪ (*удивленный*). Что съ вами?

АНРИЭТТА. Ничего,

БУА-РОЗЕ. (*забывшись*). Сюрпризъ... знаете... для деревни...

АНРИЭТТА. (*растерянная*). Да... комунибудь...

МАРКИЗЪ. (*съ удивленіемъ, смотря на Буа-Розе, который что-то бормочетъ*). Этотъ малый глупъ, какъ индюкъ. Однако жъ мнѣ пора.

БУА-РОЗЕ. (*желая взять у него бумажникъ*). Позвольте мнѣ...

МАРКИЗЪ. Я положу его въ эту шкатулку... онъ пойдетъ съ нами въ деревню. (*Кладетъ въ шкатулку и запираетъ ее ключемъ, который виситъ у него на часахъ*.)

БУА-РОЗЕ. (*всторону*). Ну, попался!..

АНРИЭТТА (*тоже*). Заперъ!..

МАРКИЗЪ. (*Буа-Розе*). Чтобъ все было уложено, я запру пока чемоданъ... совсѣмъ было забылъ! (*уходитъ нальво*.)

АНРИЭТТА. Я пойду съ тобою... (*всторону*). Во что-бы то ни стало, надо добыть этотъ ключъ!.. (*уходитъ*.)

ХІІІ.

БУА-РОЗЕ, одинъ, съ негодованіемъ.

Вотъ вамъ мужья!.. И они еще хотятъ, чтобъ ихъ любили. (*Схватываетъ шкатулку и сильно трясетъ ее*.) Заперта!.. не откроешь!.. Какъ достать письма?.. Нѣтъ, каково мое положеніе?..

Со мной случались въ жизни приключенья,

Но никогда того, что вышло здѣсь...

Я потерялъ, клянуса, всё терпѣнье,

И словомъ, даже растерялся весь!..

О, мой Творецъ! что здѣсь со мной творится,

И кто меня несчастнѣе бывалъ?

Я здѣсь теперь, какъ это говорится—

Вдругъ изъ огня да въ полямя попалъ!..

ФРИДЕРИКСЪ. (*просовывая голову*). Чтожъ, сударь, побѣдемъ мы?..

БУА-РОЗЕ. Пошелъ вонъ!.. нѣкогда... (*ворочаетъ его*.) Нѣтъ!.. стой!.. Позови сюда слесаря!.. (*тотъ смотритъ на него съ удивленіемъ*.) Слесаря.

ФРИДЕРИКСЪ. Слушаю-съ, тутъ какъ-разъ есть напротивъ.

БУА-РОЗЕ. Тащи его сюда... или нѣтъ... Стой!.. тащи къ нему эту шкатулку (*суетъ ему въ руки шкатулку.*)

ФРИДЕРИКСЪ. Зачѣмъ?..

БУА-РОЗЕ. Чтобъ онъ ее отперъ... чѣмъ хочеть... ломомъ... топоромъ... только, чтобъ ничего не сломалъ. Бѣги проворнѣе!..

ФРИДЕРИКСЪ. Слушаю-съ... (*всторону*) Это еще что за за-тѣи?

БУА-РОЗЕ. (*горячо, топнувъ ногой.*) Ну... чтожъ ты?..

ФРИДЕРИКСЪ. Бѣгу!.. (*убѣгаетъ опрометью.*)

XIV.

БУА-РОЗЕ, потомъ АНРИЭТТА.

БУА-РОЗЕ. (*одинъ, сидитъ нальво.*) Уфъ!.. въ жаръ бросило!.. Теперь стало полегче... нѣсколько упокоился... черезъ двѣ минуты... (*обмахиваясь платкомъ.*) Уфъ!.. Милое созданіе! ты поцѣлуешь дѣтей своихъ... Да-бишь, у нея ихъ нѣтъ... Ну!.. ты поцѣлуешь своего мужа... (*съ негодованіемъ.*) Нѣтъ!.. не смѣй цѣловать его!..

АНРИЭТТА (*быстро входитъ, въ рукахъ ея мужнины часы.*) Скорѣе, скорѣе!.. часы у меня...

БУА-РОЗЕ. (*встаетъ.*) Какіе часы?..

АНРИЭТТА. Я взяла ихъ, чтобъ повѣрить стѣнные... ключъ здѣсь (*ищетъ глазами.*) Гдѣ-же шкатулка?..

БУА-РОЗЕ. Какъ!.. этого не доставало.

АНРИЭТТА. Это еще что?..

БУА-РОЗЕ. Я послалъ ее къ слесарю.

АНРИЭТТА. Вы?.. Но вы дѣлаете только глупости, вы рѣшились погубить меня!..

БУА-РОЗЕ. Я, сударыня?.. Я готовъ отдать послѣднюю каплю крови...

АНРИЭТТА. На что мнѣ ваша кровь!.. Отдайте мнѣ шкатулку!..

БУА-РОЗЕ. Успокойтесь, я васъ спасу!..

АНРИЭТТА. Да идите же!..

БУА-РОЗЕ. Иду, иду... (*убѣгаетъ.*)

XV.

АНРИЭТТА, ПОТОМЪ МАРКИЗЪ.

АНРИЭТТА (одна.) Что за злодѣй! Онъ уморить меня!..

МАРКИЗЪ (выходитъ изъ своей комнаты съ бумажникомъ въ рукахъ.) Что за чудо?..

АНРИЭТТА (всторону.) Мужъ!..

МАРКИЗЪ. Я заперъ бумажникъ въ шкатулку, и вдругъ нахожу его въ карманѣ. (беретъ часы изъ рукъ Анриэтты.) Дай ключъ, надо посмотрѣть...

АНРИЭТТА. (всторону, шатаясь.) Боже!..

МАРКИЗЪ (осматривая комнату.) Да гдѣжь шкатулка?..

АНРИЭТТА. (дрожа.) Ты... ты забылъ, другъ мой... тебѣ показалось, что ты положилъ туда бумажникъ...

МАРКИЗЪ. Вотъ еще. Я очень помню!.. Но гдѣ же шкатулка?..

АНРИЭТТА (всторону.) Что дѣлать? (вслухъ.) Всѣ-ли ты уложилъ, Максъ?..

МАРКИЗЪ. Всѣ! всѣ!.. Однакожь, куда дѣвалась шкатулка?.. Она стояла здѣсь, на столѣ...

АНРИЭТТА. Я... я... не знаю...

МАРКИЗЪ. (съ безпокойствомъ.) Какъ?.. Не знаешь?.. Позови кого-нибудь!.. Гдѣ Лѣбревъ? Кто-нибудь ее взялъ...

АНРИЭТТА. Можетъ она у тебя въ кабинетѣ...

МАРКИЗЪ. Въ кабинетѣ!.. взгляну!.. Однако это странно!.. (быстро уходитъ.)

XVI.

АНРИЭТТА, БУА-РОЗЕ.

БУА-РОЗЕ. (вбѣгаетъ опрометью съ шкатулкой.) Вотъ она!..

АНРИЭТТА (съ радостью.) А!..

БУА-РОЗЕ. Я вырвалъ ее изъ рукъ слесаря... онъ ужъ было собирался расколоть ее...

АНРИЭТТА. Давайте письма...

БУА-РОЗЕ. Сей-часъ!.. Дайте ключъ!..

АНРИЭТТА. (съ испугомъ.) Такъ она еще не отперта?

БУА-РОЗЕ. Ключъ былъ у васъ.

АНРІЭТТА. Теперь ужъ онъ у мужа...

БУА-РОЗЕ. Какъ!.. опять попался!..

МАРКИЗЪ (за кулисами.) Анріэтта!..

АНРІЭТТА. Слышите?.. Онъ зоветъ меня!

БУА-РОЗЕ. Да!.. слышу!..

МАРКИЗЪ. (за кулисами.) Анріэтта!.. Поди сюда!..

АНРІЭТТА. (откликаясь мужу.) Сей-часъ, мой другъ!.. (Буа-Розе.) Спасите меня... сломайте... уничтожьте эту шкатулку...

БУА-РОЗЕ. Не могу-же я ее проглотить!..

АНРІЭТТА. Я постараюсь задержать его на нѣсколько секундъ. (уходитъ быстро къ мужу, говоря.) Сей-часъ, мой другъ, сей-часъ!..

XVII.

БУА-РОЗЕ, одинъ, съ шкатулкою въ рукахъ.

Нѣсколько секундъ!.. Не могу-же я ее проглотить. Надо однако чѣмъ-нибудь кончить! Не носиться же мнѣ съ нею цѣлую жизнь!.. Хоть-бы молотокъ найти!.. (ищетъ.) Куда они прячутъ молотки?.. (вдругъ останавливается передъ каминомъ, который топится.) О!.. вдохновеніе свыше.. Шкатулку въ огонь... и концы въ воду!.. (подбѣгаетъ къ камину и останавливается) Но... въ портфель у меня шесть тысячъ франковъ... а портфель въ шкатулкѣ (съ укоромъ самому себѣ.) Ну, что-жъ изъ этого?.. Буа-Розе, ты торгуешься, когда дѣло идетъ о спасеніи женщины!.. Не хорошо, Буа-Розе!.. ты ребячешься!.. Стыдись!..

Стыдись, Буа-Розе, стыдись!..

Ты, рыцарь!.. дѣйствуешь, какъ дѣти!..

Зачѣмъ забылъ ты свой девизъ:

«Для милыхъ женщинъ всё на свѣтѣ!..»

Гдѣ честь красавицы твоей—

Разсчетъ не долженъ быть въ поминѣ!..

Шесть тысячъ франковъ жги скорѣй!..

Гори они огнемъ... въ каминѣ!..

(За кулисами слышенъ голосъ Маркиза.)

БУА-РОЗЕ. (бросая въ каминъ шкатулку.) Идутъ! Скорѣй!.. (затворяя двери.)

XVIII.

БУА-РОЗЕ, МАРКИЗЪ и АНРИЭТТА.

МАРКИЗЪ. (*въ ужасномъ безпокойствѣ.*) Это невѣроятно!.. Нигдѣ не могу ее найти!

БУА-РОЗЕ. (*тихо Анриэттъ.*) Вы спасены!..

АНРИЭТТА (*тихо.*) Письма у васъ?..

БУА-РОЗЕ. Нѣтъ... въ каминѣ!..

АНРИЭТТА. (*съ радостью.*) Слава Богу!.. Наконецъ-то.

МАРКИЗЪ. Нѣтъ, нигдѣ нѣтъ!!.

АНРИЭТТА (*мужу.*) Найдется, мой другъ... Куда-же пропасть...

МАРКИЗЪ (*нетерпливо.*) Надѣюсь, что найдется...

БУА-РОЗЕ, (*всторону.*) Подтруниваетъ!..

АНРИЭТТА (*мужу.*) Ты такъ безпокоишься объ этой шкатулкѣ, что иной подумаетъ, что въ ней Богъ знаетъ, что спрятано!

МАРКИЗЪ. Чтожъ тутъ удивительнаго?.. Я положилъ туда всѣ свои деньги... 500 тысячъ франковъ.

БУА-РОЗЕ и АНРИЭТТА (*съ испугомъ.*) А!!!

Вмѣстѣ: { АНРИЭТТА. Боже!
БУА-РОЗЕ. Какъ! (*оба падаютъ въ изумленіи, Анриэтта на кресло, Буа-Розе на козетку.*)

МАРКИЗЪ. Ну!.. съми! Да ищите-же! ищите!..

БУА-РОЗЕ и АНРИЭТТА. (*Сидя и заикаясь отъ волненія.*) Да... да... давайте искать!..

МАРКИЗЪ (*поднявши Буа-Розе, подходитъ съ сердцемъ къ женѣ.*) Чтожъ вы сидите!.. (*стучитъ ногой.*) Чортъ возьми!..

АНРИЭТТА (*всторону.*) Максъ!..

БУА-РОЗЕ. (*подбѣгая къ Маркизу, съ достоинствомъ.*) Маркизъ!.. Не забывайте!..

МАРКИЗЪ. Убирайся ты!..

АНРИЭТТА (*всторону.*) 500 тысячъ!!..

МАРКИЗЪ (*бьетъ кулакомъ по столу.*) Я поставилъ ее здѣсь... здѣсь!.. (*останавливается передъ Буа-Розе.*) Ты отвѣтишь мнѣ за эту пропажу...

БУА-РОЗЕ, (*растерявшись.*) Я? я?..

МАРКИЗЪ. Да! ты!.. Я тебя не знаю! Гдѣ твой видъ?..

БУА-РОЗЕ (*всторону.*) Я ужъ совсѣмъ не въ своемъ видѣ...

МАРКИЗЪ. А, такъ у тебя нѣтъ вида!.. Ты отсюда не выйдешь.

БУА-РОЗЕ. Какъ!.. не выйду?.. но позвольте!..

МАРКИЗЪ (*возвышая голосъ.*) Не выйдешь! Я велю запереть двери.

БУА-РОЗЕ, (*тоже.*) Пожалуйста расчешь!..

МАРКИЗЪ (*вынимаетъ часы.*) Если чрезъ три минуты шкатулка не будетъ отыскана, я отправлю тебя въ полицію, Слышишь?.. Три минуты срока, вотъ и часы. (*Кладетъ часы на столъ и уходитъ въ спальню.*)

XIX.

БУА-РОЗЕ, АНРИЭТТА, потомъ ЖОЗЕФИНА.

БУА-РОЗЕ. Уголовный судъ!.. Воровство!.. Поджогъ! Вотъ вамъ и женщины!!!

АНРИЭТТА (*едва держится на ногахъ.*) 500 тысячъ!.. вы слышали?...

БУА-РОЗЕ, (*покойно.*) Да еще шесть въ моемъ портфелъ! Да десять, что я далъ взаймы!.. Но будьте покойны, мужъ вашъ ничего не потеряетъ. Я продамъ свой замокъ, лошадей, экипажи; буду ходить пѣшкомъ... по крайней-мѣрѣ этакъ я ужъ никого не забрызгаю...

АНРИЭТТА (*съ удивленіемъ.*) Вы это сдѣлаете?..

БУА-РОЗЕ, Чтожъ дѣлать-то?..

ЖОЗЕФИНА, (*входитъ съ двумя полънами, отворяетъ дверцы у камина.*) А каминъ-то погасъ...

АНРИЭТТА И БУА-РОЗЕ, (*подбѣгал.*) Погасъ?!

ЖОЗЕФИНА (*вынимаетъ изъ камина шкатулку.*) Это что еще? Какъ она сюда попала?

БУА-РОЗЕ, (*выхватываетъ у нея шкатулку и выонлетъ ее*) А!! Пошла вонъ!.. И ни слова!! Цѣла!.. (*обнюживая шкатулку.*) Какъ палѣнымъ пахнетъ.

АНРИЭТТА. (*Схватываетъ мужнины часы.*) Слава Богу! Вотъ ключъ!..

БУА-РОЗЕ. А вотъ и шкатулка. Насилу-то они сошлись вмѣстѣ!.. (*отпираетъ шкатулку.*)

АНРИЭТТА. Скорѣ!.. Письма!..

БУА-РОЗЕ, (*беретъ портфель и подаетъ ей письма.*) Хлопотъ было не мало!.. (*относитъ отпертую шкатулку на каминъ.*)

АНРИЭТТА (*распечатываетъ конвертъ и читаетъ.*) «Простите

меня, что я не возвращаю вамъ вашихъ писемъ... они сожжены три года назадъ!..»

БУА-РОЗЕ (*удивленный.*) Нѣтъ!

АНРІЭТТА (*продолжая читать.*) «Но мнѣ нужно было занять денегъ у моего пріятеля, рыцаря Буа-Розе, и я...» (*хохочетъ.*) ха! ха! ха!..

БУА-РОЗЕ (*тоже, смѣется.*) Ха! ха! ха!.. (*серьозно.*) Однако онъ порядочная дрянь.

АНРІЭТТА. Изъ чего мы такъ хлопотали! Ха! ха! ха! (*протягиваетъ руку Буа-Розе.*)

БУА-РОЗЕ, (*цѣлуетъ съ жаромъ руку, потомъ взглядываетъ на Анріэтту, та не въ силахъ удержаться отъ смѣха; Буа-Розе тоже начинаетъ хохотать.*) Ха! ха! ха!.. Въ самомъ дѣлѣ. Ха! ха! ха!.. Изъ чего!.. Ха! ха! ха!..

АНРІЭТТА. Ахъ! мы и забыли запереть шкатулку. (*Идетъ къ камину и запираетъ шкатулку, стоя задомъ къ Буа-Розе.*)

БУА-РОЗЕ. Ну, теперь, кажется можно пойти и сѣсть на лошадь. А ливрею-то... (*снимаетъ ливрею и надѣваетъ свой фракъ.*)

А то, пожалуй, въ самомъ дѣлѣ примутъ за лакея!.. (*прячетъ порт-сигаръ и платокъ, потомъ беретъ шляпу.*)

XX.

ТѢЖЕ И МАРКИЗЪ.

МАРКИЗЪ. (*выходя и становясь между ними.*) Три минуты прошли. Гдѣ шкатулка?..

БУА-РОЗЕ. Успокойтесь, государь мой!..

МАРКИЗЪ (*увидя его во фракъ.*) Это что?.. Лѣбрефъ во фракъ?..

БУА-РОЗЕ (*всторону.*) Тфу!.. опять таки попался!.. Часъ отъ часу не легче!..

АНРІЭТТА (*всторону.*) Боже мой!.. Онъ скинулъ ливрею!..

МАРКИЗЪ (*оглядывая его.*) Странно! чѣмъ больше я смотрю на васъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что вы не лакей!..

БУА-РОЗЕ (*сконфуженный.*) Честь имѣю... (*хочетъ идти.*)

МАРКИЗЪ (*останавливая его.*) Позвольте. Кто вы?..

БУА-РОЗЕ, (*всторону.*) Вотъ присталъ!.. (*ему.*) Будьте здоровы.

МАРКИЗЪ. Отвѣчайте, кто вы?.. Отвѣчайте-же, чортъ возьми!..

АНРИЭТТА (*тоже, сконфуженная.*) Другъ мой... Максъ!..

МАРКИЗЪ (*смотря на обоихъ.*) Эта таинственность!.. ваше смущеніе, сударыня!..

АНРИЭТТА (*обидѣвшись.*) О!.. такое подозрѣніе!..

МАРКИЗЪ (*съ сердцемъ.*) Ни слава больше!.. Переряжаться подобнымъ образомъ можетъ только любовникъ или...

БУА-РОЗЕ. Воръ?.. Договаривайте!..

МАРКИЗЪ. Чтожъ? Да!.. Пропажа шкатулки...

БУА-РОЗЕ, (*беретъ шкатулку, спокойно.*) Маркизъ, знаете ли вы воровъ, которые имѣютъ обыкновеніе возвращать 500 т. франковъ?..

МАРКИЗЪ (*отворивъ быстро шкатулку и считая билеты.*) Какъ!..

БУА-РОЗЕ. Если знаете, то дайте мнѣ ихъ адресъ, я съ удовольствіемъ пожму имъ руку.

МАРКИЗЪ. Въ такомъ случаѣ...

БУА-РОЗЕ (*гордо.*) Вы видите, что переодѣваются не одни воры.

МАРКИЗЪ (*глядя на него, сквозь зубы*) А! А!! Понимаю!.. Я и забылъ о тѣхъ, которые... ихъ отыскиваютъ.

БУА-РОЗЕ, (*всторону.*) Что онъ сказалъ? Что онъ такое сказалъ?..

МАРКИЗЪ. Эта должность выгодная... полезная!..

БУА-РОЗЕ, (*съ принужденіемъ.*) Что, что... касается... до... погоды...

МАРКИЗЪ. Вы показали ловкость... способность... (*закрываетъ шкатулку.*)

БУА-РОЗЕ, (*смотря на Анриэтту, бросающую на него умоляющіе взоры*) Я ее спасу!..

МАРКИЗЪ (*подавая ему 5 червонцевъ.*) Мнѣ остается только поблагодарить васъ со всею искренностью. Довольно?..

БУА-РОЗЕ. Помилуйте, я... я очень радъ, что... могъ (*всторону*). Вотъ положеніе! 100 франковъ, да давеча пять! Однако, если онъ меня встрѣтитъ въ обществѣ! (*съ рѣшимостью.*) Такъ и быть!.. Всё для женщинъ! Вотъ мой девизъ: всё для женщинъ!

Къ партеру пѣть вошло въ обыкновенье,

Но измѣнить обычай я рѣшусь...

(*къ публикѣ.*)

И попросивъ на это дозволенье,

Я съ просьбою къ прекраснымъ обращаюсь.

Хоть на меня бѣды лились рѣкою,
И въ положеньяхъ странныхъ я бывалъ,
Напасти всё творились надо мною,
Но противъ ихъ я твердо устоялъ!
Жизнь посвятилъ я дамамъ на служенье...
Хоть тяжело бываетъ мнѣ подь часъ,
Но такъ и быть! Мнѣ просто наслажденье
Всегда служить и хлопотать для васъ!
Здѣсь надо мной смѣяться всякій воленъ...
Но я для дамъ на свѣтъ всё отдамъ,
И признаюсь, вполнѣ бѣ я былъ доволенъ
Аплодисменты получивъ отъ дамъ...
Я былъ-бы весь проникнуть умиленьемъ
И эту честь я помнилъ бы всегда...
Онѣ молчать...
(къ кресламъ.) Хоть вы!.. Я въ восхищеньи!..
Еще! Еще!.. побольше, господа...

ПАНТЕОНЪ

выходитъ ежемѣсячно, 20-го числа. Онъ состоитъ изъ 12 книжекъ, отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ каждая, съ 12 номерами «РЕЦЕРТУАРА РУССКОЙ СЦЕНЫ». Отъ Редакціи прилагаются къ нему литографіи, гравюры, ноты, *фотолитографическіе портреты* русскихъ знаменитыхъ лицъ: писателей, композиторовъ, художниковъ, артистовъ; *новѣйшая музыка* русскихъ и иностранныхъ композиторовъ: танцевъ, романсовъ, народныхъ пѣсень, арій изъ оперъ, куплетовъ изъ водевилей, переложеній изъ балетовъ, и проч.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

15 р., съ пересылкою или доставкою на домъ: 16 р. 50 к. с.

ПОДПИСКА НА 1854 ГОДЪ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

исключительно

Въ С. Петербургъ: въ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА ПАНТЕОНЪ, на Невскомъ Проспектѣ, въ домѣ Казанскаго Собора.

Въ Москву: Въ КОНТОРѢ ПАНТЕОНА, при книжной лавкѣ П. В. Базунова.

Только за подписку, принятую въ *этихъ мѣстахъ*, Редакція отвѣчаетъ, и въ случаѣ какой-нибудь неакуратности или ошибки въ доставкѣ, немедленно удовлетворяетъ подписчика, по первому *справедливому* его требованію. *За подписку же, принятую въ другихъ мѣстахъ, она отвѣтственности на себя не принимаетъ.*

Все лица, когда бы они ни подписались на Пантеонъ въ теченіе года, непременно получаютъ **ВСѢ КНИЖКИ**, начиная съ первой, **СО ВСѢМИ СЛѢДУЮЩИМИ КЪ НИМЪ ПРИЛОЖЕНИЯМИ.**

Имѣющіе нужду до Редакціи или желающіе помѣщать свои статьи въ «Пантеонъ», благоволятъ относиться къ издателю **ВЕДОРУ АЛЕКСѢЕВИЧУ КОНИ**, адресуя письма на его имя: «въ С. Петербургъ, у Чернышева моста, въ домъ Лыткина.»